

АКАДЕМИЯ
НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

ЯЗЫКИ АЗИИ И АФРИКИ

ИЗДАНИЕ ОСНОВАНО ЧЛЕНОМ-КОРРЕСПОНДЕНТОМ
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР
ПРОФЕССОРОМ Г. П. СЕРДЮЧЕНКО

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЕ ЯЗЫКИ
АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК
ИНДОАРИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

I

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М о с к в а
1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ИЗДАНИЯ
«ЯЗЫКИ АЗИИ И АФРИКИ»

Академик

<i>Н. И. Конрад</i>

 (главный редактор)

Академик

<i>Г. В. Церетели</i>

Академик *А. Н. Кононов*

Член-корреспондент АН СССР *Д. А. Ольдерогге*

Доктор филологических наук *В. М. Солнцев*
(заместитель главного редактора)

Доктор филологических наук *Г. Д. Санжеев*

Доктор исторических наук *И. М. Дьяконов*

Кандидат филологических наук *Н. А. Лисовская*
(ученый секретарь)

РЕДКОЛЛЕГИЯ КНИГИ

Доктор филологических наук *М. С. Андронов*
(ответственный редактор)

Доктор филологических наук *Н. А. Дворянков*

Доктор исторических наук

<i>А. М. Дьяков</i>

Данная книга содержит анализ основных типологических черт по всем фонологическим и грамматическим аспектам генетически родственных групп индоевропейской семьи языков в диахроническом плане. Издание уникально по характеру и объему, содержит много нового в трактовке рассматриваемого материала.

Я $\frac{70104-078}{013(02)-76}$ 224-76

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1924 г. во Франции под редакцией Антуана Мейе и Марселя Козна вышло в свет новое для истории науки о языке издание — большой том, озаглавленный «*Les langues du monde*». В его подготовке приняла участие большая группа выдающихся лингвистов тех лет; имена редакторов говорят сами за себя.

Появление первой по времени «Всеобщей лингвистической энциклопедии», как можно назвать это издание, было событием первостепенного научного значения. Оно свидетельствовало о возросшем количестве в той или иной степени изученных языков, открыло возможность нарисовать языковую картину человечества; оно показало, что родственные связи между отдельными группами языков — явление настолько ясно выраженное и распространенное, что вполне возможно группировать языки — если и не все, то во всяком случае большинство их — по генеалогическим семьям; оно убедило, что результаты, достигнутые при изучении различных сторон языков, настолько постоянны, что можно провести описание любого языка в общем по одной и той же схеме.

Все это было практически осуществлено в упомянутой Энциклопедии. Языки, описанные в ней, сгруппированы по семьям на основе генеалогической классификации в том ее виде, как она представлена у Мейе; языки, происхождение которых оставалось тогда еще неясным, распределились по географическому принципу; описание каждого языка производилось по схеме: 1) сфера распространения данного языка, 2) его генеалогия, 3) фонетическая система, 4) грамматический строй, 5) письмо, 6) сведения по истории данного языка; в качестве приложения давался показательный текст и библиография.

Научное значение этого издания не исчерпывалось тем, что лингвисты получили превосходный справочник — обстоятельный и надежный; этот труд открыл широкую дорогу тому направлению лингвистического исследования, которое мы называем сопоставительной лингвистикой. Простое сличение данных, характерных для одного языка, с данными других языков позволяет увидеть общее во всех них и индивидуальное в каждом и тем самым установить в языке своего рода величины постоянные и переменные, а это все имеет прямое отношение к раскрытию структуры языка, как таковой, и определению различных типов такой структуры.

В 1952 г. появилось новое — увеличенное и дополненное — издание этой Энциклопедии. Оно сохранило и ее прежние название и имена редакторов, хотя один из них, Мейе, скончался в 1936 г. «Настоящая книга, — написал в своем предисловии М. Козн, второй редактор первого издания, — стремится следовать методам и учению нашего покойного учителя».

Переработка старой Энциклопедии была необходима: за 28 лет, протекших со времени ее окончания, наука о языке ушла вперед как по диапазону изученных языков, так и по уточнению и улучшению методов описания языка, особенно в связи с открытием в языке новых сторон и возросшим пониманием некоторых из уже известных.

Через два года — в 1954 г. — в Японии вышел в свет перевод первого французского издания «Языков мира» («Сэкай-но гэнго»), но с дополнениями, особенно в описаниях языков народов Азии: многие из этих языков, в первую очередь, конечно, японский, а также и такие, как рюкюский, корейский, японцами в то время были изучены в большей степени, чем европейскими языковедами.

Выпуск японского варианта французской Энциклопедии был вызван желанием издателей дать высшей школе и широким кругам языковедов своей страны легкодоступное и первоклассное справочное издание, руководящие же лингвисты Японии думали о другом — о создании своей собственной Энциклопедии такого же рода, и уже с 1942 г. повели работу по ее составлению. В 1952 г., т. е. через десять лет, труд был закончен, и в 1955 г. появилась японская «Всеобщая лингвистическая энциклопедия». Она была выпущена в свет под заголовками: английским «An Introduction to the Languages of the World» и японским «Сэкай гэнго гайсэцу».

Это было уже двухтомное издание; не только ввиду значительного — по сравнению с французской Энциклопедией — увеличения материала, но и для удобства его распределения. В первом томе представлены языки: санскрит, пали, хиндустани, персидский, греческий, русский, латинский, французский, итальянский, испанский, португальский, румынский, английский, немецкий, голландский, шведский, норвежский, датский; во втором томе: японский, рюкюский, корейский, тунгусские, маньчжурский (письменный), монгольские, тюркские, венгерский, финский, айнский, гиляцкий, китайский, аннамский, сиамский, бирманский, тибетский, малайско-полинезийские, иврит, арабский. Таким образом, в одном томе даны описания языков индоевропейской семьи, в другом — всех прочих семей: тунгусо-маньчжурской, тюрко-монгольской, финно-угорской, палеоазиатской, китайско-тибетской, малайской, семитской; языки, генеалогия которых и к этому времени оставалась неизвестной, располагались, как и во французской Энциклопедии, по географическому признаку. О том, что и тут сохраняется общий принцип генеалогической классификации — стремление выводить существующие семьи языков из предполагаемого праязыка, свидетельствует хотя бы позиция автора очерка «Монгольские языки»: он возводит эти языки к алтайскому праязыку, который он иногда именует также монголо-тюркским. В этом отношении японская Энциклопедия осталась на тех же позициях, что и французская.

Но в других отношениях японская Энциклопедия отошла от французского оригинала. Прежде всего — в отказе от единого принципа при описании языков. Вот, например, как построено описание русского языка: 1) общая характеристика русского языка, 2) история русского языка, 3) современный русский язык, 4) связи русского языка с другими языками, 5) диалекты русского языка. По совершенно другой схеме дано описание испанского языка: 1) от латинского к романским, 2) влияние германских и арабского языков, 3) возникновение и развитие испанского языка, 4) испанская литература и испанский язык, 5) связи испанского языка с другими языками, 6) письмо и произношение, 7) дифтонги и трифтонги, 8) согласные, 9) от гласных латинских к гласным испанским, 10) словообразование, 11) формы, 12) основы грамматического строя, 13) испанский язык в Центральной и Южной Америке, 14) испанский язык на Филиппинах.

Очерк «Греческий язык» состоит из разделов: 1) предистория греческого языка, 2) древнегреческий язык, 3) диалекты и литература, 4) койне, 5) от греческого языка византийского периода к современному греческому, 6) место и роль древнегреческого языка в современной культуре. Очерк «Тунгусские языки» строится так: 1) тунгусские языки, 2) история и генеалогия, 3) письмо (чжурчженское и маньчжурское), 4) фонетика, 5) грамматика, 6) словарь.

Особенно подробно разработаны и притом вполне своеобразны описания монгольских, китайского и, разумеется, японского языков, причем последнему отведено наибольшее место. Из всего видно, что составители очерков, сохраняя как бы по инерции в какой-то мере общую схему описания языков, в то же время не могли не принять во внимание особенностей каждого языка, созданных его историей и

структурой: на различия планов описания языков влияли, разумеется, и степень и уровень их изученности. Все это выводило японскую Энциклопедию из рамок справочника обычного типа и приближало ее к уровню специальной лингвистической работы широкого научного значения.

Основная особенность этого издания — установка на специалистов широкого профиля. Как указывает С. Итикава в «Предисловии» к первому тому, при привлечении какого-нибудь сотрудника к работе над этой Энциклопедией учитывалось знание им истории изучаемого языка, связей этого языка с другими языками, знание всех языков данной семьи. Поэтому во многих очерках, описывающих отдельные языки, даются общие сведения о всей группе, в которую входит описываемый язык, приводятся данные и о тех языках данной группы, которые не рассмотрены в особых очерках.

О том, что в задачу входило изображение общей языковой картины человечества, свидетельствует стремление подметить в языках мира наличие исторического движения. К признакам такого движения отнесены факты проявления и исчезновения языков, образование в их истории отдельных больших эпох. Таких эпох насчитывают три: древнейшую, древнюю и новую. Полный путь, как указывает во «Введении» к первому тому Х. Кодзу, прошли языки индо-иранские, греческий, латинский; две эпохи — древняя и новая — характерны для языков южнославянских (эпоха церковнославянская и эпоха болгаро-сербо-хорватско-словенская), западнославянских (полабская и польская), армянского (древнеармянская и новоармянская); лишь в рамках одной исторической эпохи и совершалось развитие языков: хеттского (одна древнейшая), готского и кельтского (одна древняя), албанского и восточнославянских (одна новая).

О том, какие общие вопросы может осветить такая Энциклопедия, говорит в «Общем введении» ко второму тому С. Хаттори. По его мнению, только при обзоре и сопоставлении языков, если не всех, то во всяком случае большего числа их, можно внести ясность в вопрос об языковой границе, т. е. о том, что именно в языке индивидуализирует его настолько, что отделяет его от других языков; только на обширном материале можно осветить существо и границы общего языка в данном языковом коллективе, вопрос о национальном языке, о функционировании языка в государстве, вопрос о диалектах и жаргонах — социальных и профессиональных, о языке науки, о языке международном, о языках смешанных, об исчезновении и возрождении языков.

Как видно из приводимой лингвистической литературы на разных языках (в том числе и на русском), все эти вопросы в той или иной форме — те же, какими была занята тогда мировая лингвистическая мысль. Так, например, в известной работе A. Danz at, *L'Europe linguistique*, вышедшей в 1940 г., т. е. еще до начала сопоставления японской Энциклопедии, и японским лингвистам хорошо знакомой, при обзоре языков современной Европы затрагиваются такие вопросы, как границы языков, возникновение «языковых колоний»; «Введение» же посвящено роли языка в процессе складывания и развития нации. Вопрос об исчезновении и возрождении языков несомненно подсказан работой G. Bonfante, *The Neolinguistic Position*. В описаниях маньчжурско-тунгусских и палеозанатских языков видно знакомство с работами советских специалистов. Таким образом, японская лингвистическая Энциклопедия 1955 г. стоит на уровне мировой науки 40—50-х годов нашего столетия и представляет после французской новый и важный этап в описании языков мира как особой отрасли лингвистических исследований.

Из зарубежных справочных изданий самых последних лет, которые хотя бы отчасти идут по пути указанных универсальных лингвистических энциклопедий, следует отметить опыт изложения основных выводов современной лингвистики на материале различных языков в томе *«La Langue»* («Язык»), изданном в 1958 г. (Paris, *Encyclopédie de la Pléiade*). Составители этого тома не ставят, правда, перед собой задачи исчерпывающего описания или обзора всех языков мира, а ограничиваются систематическим изложением сведений о «некоторых типах языков».

По другому пути идут авторы статей многотомного издания «Current trends in Linguistics» (Indiana University, Bloomington, Indiana, vol. 1—8, 1963—1969). В последних томах этого издания, дающего общий обзор состояния лингвистики, детально освещаются проблемы изучения языков Латинской Америки (т. 4, 1968), Африки (т. 6 и 7, 1969), Азии (т. 2, 5, 6, 1967—1969), Океании (т. 8, 1969). Но целью работы является не изложение степени изученности и результатов изучения отдельных языков, а отражение состояния науки о языке в целом. Каждая из отдельных статей написана оригинально в зависимости от сферы интересов ее автора, а издание в целом скорее дает материал для будущей лингвистической энциклопедии. Положительной его стороной является внимание к достижениям лингвистов всех стран (первый том издания целиком посвящен лингвистике в СССР и странах Восточной Европы).

На этом, строго говоря, пока и заканчивается история всеобщих лингвистических энциклопедий. Но наряду с ними создавались и региональные энциклопедии, охватывающие определенные языковые зоны. К ним принадлежат такие издания, как многотомная серия, посвященная языкам Индии, — «Linguistic Survey of India» (1903—1928), описание языков индейского населения Америки — Boas, Handbook of American Indian Languages (1922); описания языков Европы — A. Meillet, Les langues dans l'Europe nouvelle (1928), A. Dauzat, L'Europe linguistique (1940). Особое место занимают энциклопедии, посвященные описаниям языков определенных зон, но не географических, как в приведенных выше случаях, а государственных. Весьма знаменательно, что внимание исследователей в этом направлении привлек прежде всего Советский Союз — страна, где в рамках единого государственного целого объединились очень многие народы, сохраняющие свои родные языки. Первый обзор этих языков дан в работе W. K. Matthews, Languages of the USSR (1941). В ней содержатся краткие описания языков, распределенных по шести группам: языки палеоазиатские, уральские, алтайские, северокавказские, южнокавказские, индоевропейские. Однако действительно полная, фундаментальная энциклопедия языков нашей страны создана в последние годы у нас — в Институте языкознания АН СССР. Она вышла в свет под названием «Языки народов СССР».

В настоящее время в Институте востоковедения АН СССР подготовлена другая столь же фундаментальная лингвистическая энциклопедия — «Языки Азии и Африки». Она была задумана Георгием Петровичем Сердюченко, бывшим в последние годы своей жизни руководителем Отдела языков в Институте востоковедения (тогда Институт народов Азии). Г. П. Сердюченко разработал принципы этого издания и определил его тематический состав (см. сообщение Г. П. Сердюченко «Об издании «Языки Азии и Африки»», публикуемое ниже).

На основе очерков серии «Языки зарубежного Востока и Африки» (затем — «Языки народов Азии и Африки»), которых к настоящему времени издано более ста, были предприняты описания языковых семей и групп, причем новые задачи описания определили как фундаментальность, так и особую лингвистическую ценность этих исследований.

Типовая схема и план издания были подготовлены Н. А. Лисовской, которая в качестве ученого секретаря осуществила составление и комплектование всех томов настоящего труда и провела всю научно-организационную работу, связанную с его подготовкой.

Н. И. Конрад

ОБ ИЗДАНИИ «ЯЗЫКИ АЗИИ И АФРИКИ»¹

1. Изучение в СССР языков Азии и Африки в последние годы значительно продвинулось вперед. К исследованию этих языков привлекается все больший круг ученых. Расширяется работа старых и новых центров востоковедения и африканистики в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Ереване, Баку, Ташкенте. С большим количеством языков, ранее не изучавшихся в СССР, знакомит читателя монографическая серия «Языки народов Азии и Африки», издаваемая Институтом востоковедения АН СССР.

2. Все это в настоящее время позволяет приступить к созданию обобщающего, фундаментального труда по языкам Азии и Африки, в котором были бы систематизированы имеющиеся в нашем распоряжении данные.²

Таким трудом призвано стать ныне издание «Языки Азии и Африки», в составлении которого приняли участие лучшие силы советских востоковедов и африканистов.

Оно организуется Институтом востоковедения АН СССР, но по существу является детищем ряда учреждений — Института востоковедения АН СССР, Института этнографии АН СССР, Института языкознания АН СССР, Ленинградского университета, Института востоковедения АН Грузии и др.

3. В издании дается обобщающая характеристика языковых семей, входящих в их состав групп, а иногда и отдельных языков, их структуры — фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики и словообразования — в целях выявления общих типологических черт, различий и тенденций дальнейшего развития этих языков.³

Как по номенклатуре описываемых языков и языковых семей, так и по характеру их описания издание «Языки Азии и Африки» намного превосходит имеющиеся работы подобного типа — «Les langues du Monde» (Paris, 1952, ed. 2), «An Introduction to the Languages of the World» (Tokyo, 1955) и др.

4. Классификация языков следует в основном традиционному генеалогическому принципу, но учитывается также структурно-типологическая близость описываемых языков. В связи с этим намечается и группировка материала в книгах².

Книга I: а) индоевропейские языки (с подразбивкой на хетто-лувийские, армянский, индоарийские, цыганский, иранские и дардские); б) дравидийские.

Книга II: а) языки древней Передней Азии (несемитские); б) кавказские языки; в) алтайские языки (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские); г) корейский, японский, айну (генетически изолированные); д) палеоазиатские языки (чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские; кетский, нивхский, юкагирский).

¹ Данный текст представляет собой конспективное изложение сообщения Г. П. Сердюченко, прочитанного на совещании по организации издания.

² Группировка материала в книгах (томах), предложенная Г. П. Сердюченко, впоследствии была несколько изменена (Ред.).

Книга III: а) китайско-тибетские языки [китайско-тайская группа, тибето-бирманская группа с включением в нее тибетской, бирманской, гималайской, качинской (чжингхо), нцзу и каренской подгрупп]; б) языки вьет-мынг; в) мон-кхмерские; г) мунда; д) малайско-полинезийские (включая меланезийскую и микронезийскую группы).

Примечание. Языки групп вьет-мынг, мон-кхмерские и мунда объединяются иногда в австроазиатскую семью языков. Необходимо обсудить вопрос о целесообразности сохранения этого термина, как и самой классификационной единицы.

Книга IV: а) семито-хамитские языки (семитские, в том числе эфиопские, кушитские, древние — египетский и коптский, берберские); б) хауса-котоко; в) зинджские; г) палеоафриканские языки.

5. Все главы писались в основном по одной схеме, что облегчает ознакомление со всеми материалами, сопоставление языков, установление особенностей их структурного типа, учет общего и специфичного для отдельных языков и их групп.

Эта общая схема при необходимости подвергалась конкретизации и некоторой переработке в соответствии со спецификой различных глав. В результате она оказалась достаточно всеобъемлющей и гибкой, чтобы охватить и объединить в единой системе разделы, исследующие древние и современные языки, языки старописьменные, младописьменные, с богатой и незначительной литературной традицией, детально изученные и еще малоисследованные.

6. Как в дореволюционных, так и в советских востоковедческих изданиях мы сталкиваемся с транскрипционным разнообразием. Прежде всего необходимо было договориться о применяемой в издании системе транскрипции. Из трех систем транскрипции: международного фонетического алфавита (МФА), традиционной русской академической транскрипции (с внесенными в нее изменениями в советские годы) и традиционной — на русской или латинской основе — транскрипции, которой пользуются обычно при изучении отдельных языков или языковых групп, здесь была избрана — по соображениям удобства и практической целесообразности — последняя система. При этом мы стремились по мере возможности добиваться транскрипционного единообразия, в частности применения единой транскрипции в разделах, посвященных определенным семьям языков.

7. Терминология, как и транскрипция, по возможности была унифицирована. Чтобы составить общий свод лингвистической терминологии, употребляемой в издании, предварительно были установлены списки терминов, которыми пользовались авторы при описании отдельных языков, их групп и семей.

В основном мы ориентировались на традиционную, устоявшуюся лингвистическую терминологию, допуская естественное ее пополнение при характеристике языков специфичными языковыми чертами. В последнем случае предпочтение оказывалось терминам, обычно применяющимся при изучении определенных языковых групп и их отдельных представителей.

Г. П. Сердюченко

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Хетто-лувийские языки представляют собой вымершую группу индоевропейских языков. Памятники на этих языках относятся ко II—I тысячелетиям до н. э.¹ В эту эпоху носители хетто-лувийских языков обитали на территории современной Турции и Северной Сирии. Иногда группа хетто-лувийских языков именуется анатолийской, или малоазийской; следует, однако, иметь в виду, что в Анатолии (Малой Азии) обитали носители и других языков.

Возможно, прародиной хетто-лувийских (а не исключено, что и индоевропейских вообще) языков была именно Малая Азия, хотя существует мнение, что хетто-лувийцы пришли «к себе» извне (с северо-запада [ср. *Sagruha* VI] или с востока, через Кавказ). Есть данные, позволяющие предполагать, что в III — начале II тысячелетия до н. э. хетто-лувийцы обитали не только в Малой Азии (преимущественно в ее северо-западной части), но и на более западных территориях (а именно на юге Балканского полуострова, островах Эгейского моря и др.).

Хетто-лувийские языки включают две подгруппы — хетто-лидийскую (хеттский, лидийский, карийский) и лувийско-ликийскую (клинописный лувийский, иероглифический лувийский, ликийский А и Б, а также палайский); с особой четкостью идентифицируется вторая подгруппа. В хронологическом отношении хетто-лувийские языки можно подразделить на языки более ранние (клинописные: хеттский, лувийский и палайский) и языки более поздние (буквописные: лидийский, карийский, ликийский А и Б, сидетский, писидийский). Первые относятся ко II тысячелетию (XVII—XII вв.), вторые — к I тысячелетию до н. э. (VIII—III вв.). Как бы связующим звеном между ними является иероглифический лувийский язык, памятники на котором относятся к XIV/XIII—VIII вв. до н. э.

Изучение хетто-лувийских языков началось задолго до того, как в 1915 г. чешским ученым Б. Грозным был дешифрован хеттский язык². Уже в конце прошлого столетия был довольно хорошо известен ликийский язык, однако языковая принадлежность его была определена относительно недавно (см. ниже, стр. 48). В 20-х годах нашего

¹ Имеется, впрочем, 16 кратких (представляющих собой в основном имена лиц) надписей на писидийском языке, которые относятся ко II в. н. э. Эти надписи записаны обычным греческим письмом, без модификаций.

² Об изучении клинописных хетто-лувийских и иероглифического лувийского языков см. последние работы А. Камменхубер и др. [Kammenhuber IV, 127—160; Neumann III, 360—368; Neubeck II, 401—402].

столетия был изучен (в той мере, в какой это допускал скудный эпиграфический материал) лидийский язык. В 30-х годах была выполнена основополагающая работа по изучению иероглифического лувийского (он иногда не совсем точно называется иероглифическим хеттским). В 60-х годах был в основном дешифрован карийский язык.

Из всех известных хетто-лувийских языков лишь хеттский представлен достаточно обширным эпиграфическим материалом. Некоторые хетто-лувийские языки не представлены вообще никакими эпиграфическими памятниками (хотя таковые, очевидно, имелись) — об этих языках мы можем судить преимущественно по собственным именам, дошедшим до нас в греческой передаче. Следует, однако, учесть, что каждый год приносит все новые находки — обнаруживается довольно большое количество надписей на хетто-лувийских языках (клинописных, иероглифических, буквописных).

КЛИНОПИСНЫЕ ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЕ ЯЗЫКИ (ХЕТТСКИЙ, ЛУВИЙСКИЙ, ПАЛАЙСКИЙ)

Благодаря прочтению хеттских клинописных текстов стала известна история расцвета и падения Хеттского царства [Иванов II, 183 и сл.]. Хотя подавляющее большинство хеттских клинописных текстов относится к эпохе Нового царства (XIV—XIII вв. до н. э.), сохранилось множество точных копий более древних надписей (имеются и оригинальные тексты XVII—XVI вв. до н. э.).

Основными памятниками Древнего царства (XIX—XVI вв. до н. э.) являются текст Аниттаса, билингва-завещание и описание деяний Хаттусилиса I, анекдоты о придворных, обращение Телепинуса к панкусу (собранию), законы.

Аниттас, царь Куссара, повествует о победе над хаттами (около 1800 г. до н. э.) и уничтожении их столицы (хатт. *Хаттус*, хет. *Хаттусас*). Своей столицей он провозгласил Несас (этот город, очевидно, тождествен Канесу, хет. [gnesas], в клинописи *Kaneš*), отсюда и самоназвание хеттов — не с и т ы (название «хетты, хеттский» является преобразованием названия *Hatti* 'хатты', 'хаттский': так называлось древнее туземное население севера и центра Малой Азии, на которое «наслоились» хетты, переняв его культуру). Позднее Хаттусилис I перенес столицу Хеттского царства в Хаттусас. В завещании Хаттусилиса I. относящемся примерно к 1650 г. до н. э., ярко отразилась политическая жизнь того времени³.

К Новому царству (XIV—XIII вв. до н. э.) относятся памятники различных жанров: анналы царей, ритуальные тексты, законы, купчие, эпические поэмы, молитвы, мифы, трактаты по коневодству.

Анналы Сушилулиумаса — первого крупного царя новохеттской эпохи (примерно 1380—1346 гг.) — сообщают о победоносной войне с государством Митанни и с Угаритом; сын Суппилиумаса — Мурсилис II (примерно 1345—1315 гг.) способствовал дальнейшему усилению могущества хеттов. Из его анналов следует, что хеттское государство утратило черты коллективного правления, свойственные более древней эпохе (когда власть царя была в значительной мере ограничена панкусом — собранием). Интересна автобиография Хаттусилиса III, правившего примерно в 1289—1265 гг. до н. э. При нем был заклю-

³ Перевод этого завещания на русский язык выполнен В. В. Иванским [Замаровский, 267—272].

чен договор о дружбе с Египтом (1276 г. до н. э.), признавшим права хеттов на Северную Сирию (в 1296 г. до н. э. произошла знаменитая битва при Кадеше, вынудившая египтян отказаться от попыток завоевания Хеттского царства). Очевидно, ко второй половине XIII в. до н. э. относятся битвы хеттов с «ахейцами», а также с троянцами — народом, видимо родственным хеттам по языку. Вскоре, в результате нашествия «народов моря», Хеттское царство прекратило свое существование.

В хеттских законах наряду со «страной хеттов» упоминаются области Пала (север Малой Азии?) и Лувия. В этих областях говорили на близких хеттскому палайском и лувийском языках. Все лувийские и палайские клинописные тексты найдены в богазкёйском архиве в развалинах хеттской столицы, города Хаттусаса, вблизи современной турецкой деревушки Богазкёй. Здесь же было обнаружено большинство собственно хеттских текстов.

Лувийские клинописные тексты относятся к XIV—XIII вв. до н. э. и характеризуются крайне однообразным содержанием. Это — несколько заклинаний в хеттских ритуалах, мифологические тексты в отрывках и фрагмент письма (вообще в большинстве своем лувийские тексты очень фрагментарны). В эпоху составления лувийских клинописных текстов Лувия состояла из областей Киццуватны (Киликия, Каппадокия) и Арцавы (Памфилия, Писидия). По-лувийски говорили также в городах Истануве, Хубесне и Лаллупии (видимо, на юге Каппадокии).

От палайского языка сохранилось очень мало памятников; все они относятся к XIV—XIII вв. до н. э. Имеются вставные тексты в хеттских ритуалах (эти вставки посвящены палайским богам); известен один полный, так называемый ритуал хлеба, сохранились магические заклинания и небольшой отрывок мифологического характера.

* * *

Неоценимые заслуги в изучении хеттского клинописного языка принадлежат Б. Грозному, доказавшему в ходе своей дешифровки, что хеттский язык входит в состав индоевропейской семьи языков [Hrozný I; Hrozný II; Грозный; ср. Замаровский, 311—319]. Вскоре после дешифровки Грозного проникательный немецкий лингвист Э. Форрер установил, что среди хеттских текстов богазкёйского архива встречаются тексты и на других языках — в частности, на лувийском и палайском [Forrer]. Результаты исследований по фонетике, грамматике и лексике хеттского языка, полученные учеными разных стран, обобщены в работах И. Фридриха, Х. Кронассера и А. Камменхубера [Friedrich III; Kronasser; Kammenhuber IV⁴]. Основные заслуги в исследовании клинописного палайского принадлежат А. Камменхуберу [Kammenhuber I, II, Carruba V]; лувийский язык был достаточно подробно исследован Х. Оттенем и Э. Ларошем [Otten; Larosche II].

В нашей стране хеттским языком много занимались В. В. Иванов и Т. В. Гамкрелидзе. Основные хеттологические работы В. В. Иванова — очерк «Хеттский язык» [Иванов III] и большая монография «Общеславянская, праславянская и анатолийская языковые системы» [Иванов IV]. В этих работах (особенно в последней) хеттский

⁴ См. также аннотированную библиографию основных работ по хеттскому языку в очерке В. В. Иванова [Иванов III, 219—221]; более подробная библиография хеттологических работ, составленная В. В. Ивановым, содержится в книге Замаровского [Замаровский, 311—324].

язык рассматривается в связи с другими индоевропейскими языками и при этом предлагается ряд оригинальных решений многих сложных лингвистических проблем. Из работ Т. В. Гамкрелидзе обращает на себя внимание его статья «Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке» [Гамкрелидзе II], в которой обосновывается гипотеза о передвижении согласных в хеттском.

Изучение клинописных текстов затруднено вследствие особенностей клинописи (неточная фиксация фонетического облика слов, использование во многих случаях идеографических написаний вместо фонетических).

ПИСЬМО И ФОНЕТИКА

Хетты, лувийцы и палайцы пользовались клинописным письмом, восходящим, видимо, к одной из форм древневавилонской курсивной клинописи (связанной с северосемитской письменной традицией); из того же северосемитского источника, очевидно, заимствовали свое письмо и хурриты; хеттская и хурритская системы письма имеют много общего. В хеттской клинописи имеются наряду с фонетическими (слоговыми) знаками еще и словесные знаки (идеограммы) и детерминативы (последние звуковых значений не имели, а лишь указывали, к какому семантическому классу относится то или иное слово). В древнехеттскую эпоху использование идеограмм было незначительным; позднее, когда хеттский язык вышел на мировую арену, в тексты стало включаться огромное количество идеограмм.

Есть два вида транскрипции хеттских слов, записанных слоговыми знаками: полная транскрипция, при которой фиксируются все знаки письма (например: *iš-ḥa-a-aš* 'господин'), и сокращенная, приближающая чтение слова к его фонетическому облику (например: *išḥaš*, или *ishās* 'господин' произносилось, видимо, [iʃhas]).

Идеограммы, общие для всех клинописных языков, записываются в транскрипции хеттских текстов в том виде, какой соответствующие слова имеют в шумерском (признак шумерских написаний в хеттской транскрипции — прямые прописные буквы). Так, клинописный знак

✚ записывается KUR (ибо этот знак соответствует слову «сгрانا», шум. *kur*); в хеттском это же слово произносилось [udnē], как это следует из слогового написания (в аккадском соответственно имелось свое слово: *mātu*). Следует учесть, что хеттские соответствия ряда идеограмм до сих пор неизвестны. Наряду с шумерограммами в хеттских текстах имелись и аккадограммы — слова и даже целые словосочетания, написанные по-аккадски (читались они, очевидно, по-хеттски, как и шумерограммы). Аккадские формы в транскрипции хеттских текстов записываются прописными курсивными буквами.

Идеограммы могли сопровождаться фонетическими знаками-комплементами, например: EN-*as* (= *ishās*) 'господин'; вин. пад. EN-*an* (= *ishan*); дат. пад. EN-*i* (= *ishi*). Кроме хеттских фонетических комплементов имелись и аккадские.

Детерминативы-шумерограммы пишутся в транскрипции над строкой; они обычно располагаются после того слова, к которому относятся. После соответствующего слова располагаются, в частности, сходные с фонетическими комплементами показатели множественности MEŠ и H.A.

Поскольку в клинописи имелись лишь знаки типа Г, СГ, ГС, СГС (где Г — гласный, С — согласный), фиксация начальных и конечных

групп согласных (несомненно, имевшихся в хеттском, лувийском и палайском) на письме оказывалась невозможной. В интервокальном положении могли фиксироваться лишь стыки согласных типа -СС-⁵, но не -ССС- и т. д. Фиксация двух одинаковых С (или С, различавшихся по глухости — звонкости) в интервокальной позиции могла иметь разное значение. Удвоенный смычный обычно передавал звук, соответствующий индоевропейскому глухому (в лувийском иногда — индоевропейскому звонкому придыхательному), простой смычный — звук, соответствующий индоевропейскому звонкому или звонкому придыхательному⁶ (так называемое правило Стертеванта). О передвижении согласных, возможно, свидетельствуют и такие факты, как написание *uga* 'я' в древних текстах, но *ukka* [uka] в поздних. Удвоенный согласный (обычно сонант) мог свидетельствовать о произношении с редуцированным гласным и «продленным» по заменительному растяжению согласным, подобно тому как это было в ликийском: хет.-лув. *hanna-* 'бабка' при лик. *q̄nna-* тж.⁷

В определенных случаях графическое удвоение могло, очевидно, свидетельствовать о палатализации группы -*nni-*, -*lli-*, -*zzija-* (ср. укр. *весілля*, *життя* и т. п.).

⁵ Ср. *sa-an-hu-un* 'я искал' и др. На стыки согласных типа -ССС- указывали написания типа -ГС-ГС-ГС (ср. *sa-an-ah-zi* [sanhtsi] 'он ищет'), (С)ГС-ГС-ГС (например: *par-ah-zi* [parhtsi] 'он гонит', *kar-ap-zi* [karptsi] 'он поднимает') и др.; соответственно написания типа -ГС-ГС указывали на конечный стык -СС (ср. *li-in-ik* [link] 'клянись!', *wa-al-ah* [walh] 'бей!', но и *sa-an-ha* [sanh] 'ищи!', *li-in-ki* [link] 'клянись!' и т. п.).

⁶ Эта закономерность отражала, по мнению Т. В. Гамкрелидзе, результат передвижения согласных в хеттском (и, очевидно, в лув. и пал.) по типу **p* > [ph], **t* > [th], **k* > [kh] (эти новые, «сильные» смычные удваивались на письме), **b* > [p], **d* > [t] и т. п. [Гамкрелидзе II, 211—291]. Выводы Гамкрелидзе как будто подтверждаются данными поздних хетто-лувийских языков (буквописных): лид. *f* восходит к и.-с. **p*, а лид. *b* «бста» передавало не [b], а [p] (результат передвижения **b*, **bh* > *p*); в карийском также находим *p* < *b* (ср. лид. *ebad* при кар. *epad* 'здесь'; *epa-* < и.-с. **ebho*); в карийском для передачи [p] использовался знак ∇, восходящий к семитскому «бету». Таким образом, и в карийском, и в лидийском (т. е. в обоих известных нам поздних хеттских языках) буква для [b] со временем стала передавать звук [p]. Что же касается старого, «этимологического» *p*, то в лидийском на его месте находим *f*: свидетельство перехода **p* > **p^h* > *f*. В древних карийских надписях еще встречается редкое «пи», которое передавало [p] или же [p^h] (если судить по другим глухим смычным: для *t* и *k* в карийском использовались не «тау» и «каппа», а «тета» и «кхи»; здесь налицо процесс перехода **t* > *t^h* и **k* > *k^h*); в поздних же карийских надписях «пи» не встречается, но зато появляется буква φ, передававшая, очевидно, уже [f] (ср. кар. *sfe-* : лид. *sfē-* 'свой').

Все эти факты указывают на то, что карийские глухие признавались с придыханием (ср. аналогичное произношение англ. *p*, *t*, *k*), причем наименее устойчивый, лабиальный согласный уже спирантизировался (как и в лид.); соответственно на освободившиеся места глухих испридыхательных вставали согласные, восходящие к звонким (ср. переход **b* > *p*).

В ряде случаев и в других поздних хетто-лувийских языках на месте этимологических звонких или звонких придыхательных фиксировались (в графике) глухие согласные (ср., например, лик. *tu-* 'два'). Кроме того, имелись написания типа *dd-* (в лик.), передававшие **t* (*ddedi* = *tedi* 'отец') либо **d*, перешедшее в *t* (или ставшее сильным звуком — ср. удвоение в хеттской графике): таково *dd* в лик. *A ddawahāma* **dew-* + **asamafi-* (букв. 'постоянно любимый') при архаичном непредвинутым *d* в *dewl-* 'постоянный' (определение к *zrētēni-* 'враг').

⁷ Ср. аналогичную трактовку группы *Caḥh-* у Фридриха [Friedrich III, 30], ср. интерпретацию Иванова [Иванов III, 71] (у Иванова -*hh-* трактуется как «напряженное»; обычно после *a*, *u*). Очевидно, с различием -*h-* : -*hh-* не связано различие «слабого» и «сильного» *h* (чередующегося с *k*); ср. трактовку Фридриха [Friedrich III, 32—33]. «Слабое» *h* исчезало уже в хеттском: *essar* при исходном, более обычном *eshar* 'кровь', лув. *ashar* (*rīn* — основа); ср. лик. Б, где в этой основе «ларингал» полностью исчез: *asānā-mla* 'кровное «родство» (потомство)

Видимо, в древних текстах различие этимологических глухих и звонких согласных было более четким, чем в более поздних текстах. Словари этой особенности не отражают, однако и в них в целом начальные глухие чаще соответствуют начальным этимологическим глухим, чем звонким, и наоборот.

Клинопись (хеттская, лувийская, палайская) содержит следующие согласные графемы: *p b, l/d, k/g, l, r, m, n, h, s, z*.

О смычных, сонантах и *h*⁸ мы уже говорили; в разделе о буквенных языках речь пойдет о различных ликийских и карийских «ларингалах», очевидно различавшихся и в клинописных языках, хотя графика этого не отражает; спирант, обозначаемый в транскрипции аккадских клинописных текстов через *š*, в хетто-лувийских языках обычно передавал [s] (наша транскрипция: *s*); *z* обычно соответствует аффрикате [ts].

В клинописи не было графемы, передававшей звук [o], видимо имевшийся в клинописных хетто-лувийских языках; кроме того, на письме постоянно смешивались *e* и *i*. Долгие гласные могли получать специальное выражение на письме: *ka-a-as* [kāš] 'этот', 'он'.

Клинопись содержит следующие гласные графемы: *a, e, i, u*⁹.

Основные фонетические различия между хеттским и лувийским языками сводятся к следующему.

В хеттском, в результате палатализации **t, *d* перед *i*, произошла ассимиляция этих согласных, ср.: хет. *-zi* < -ti* (окончание глагола 3-го л. ед. ч. наст. вр.) при лув., пал., *-ti (-di)* (соответственно кар. *- [ts]* при лик. *-t/di*), хет. *siu-* 'бог' при лув. *tiw-* с тем же значением, ср. пал. *tija-*. В данном случае хеттская графема *s*, возможно, передает [z].

В ликийском находим *ziw-* (лик. Б), хотя этот язык входит в лувийскую, а не в хеттскую подгруппу. Важно отметить, наконец, отсутствие палатализации в хеттском в группе *-t(i) < *dhi* (окончание повелит. накл.); очевидно, ко времени палатализации в хеттском, лувийском и палайском языках еще отражалось тройственное противопоставление индоевропейских смычных (и.-е. **t : *d : *dh* и т. п.) [Иванов III, 85]. В этой связи может быть рассмотрено еще одно различие между хеттским и лувийским, ср.: хет. *kessar* 'рука' — лув. *issar-* с тем же значением (лик. *izre*); хет. *tegan* [dgan] 'земля' — лув. *tijam-* с тем же значением. Первая основа восходит к и.-е. **ĝhesr*, вторая — к и.-е. **dheĝhōm* [Иванов III, 85]; как видим, индоевропейские звонкие придыхательные могли получать особую трактовку в хетто-лувийских языках¹⁰.

Хеттскому *e/i* в лувийском часто соответствует *a* (в ликийском это *a* могло давать *e*).

⁸ В хеттологических работах «ларингал» часто обозначается через *h*, как в транскрипции аккадской клинописи.

⁹ Варьирование *no* свидетельствовало о носовых гласных, восходящих к сочетанию «гласный + *n*» (ср. данные поздних языков).

¹⁰ Ср. также: хет. *nepis* 'небо', лув. *tappas-* (лик. А *tabaha-*) с тем же значением. Возможно, таким образом, в лувийском засвидетельствовано начало процесса, получившего некоторое развитие в поздних языках, где звонким придыхательным могли соответствовать глухие смычные: лик. *ta-*, *tuwe-* 'класть' и др. (по и *za-* при лид. *† a-*, *† uve-*) из и.-е. **dhē-*; лик. А *kñtawata*, лик. Б *kñtawaza* 'руководство' и др. (при лув. *hantawata-*, где *-t-* должно соответствовать звонкому смычному) из и.-е. **hant-* 'вперед(и)' и **wedh-* 'вести'; лик. Б *ute-*, *uta-* при хет. *uda-(u-+dai)* 'при-водить' (то же и.-е. **dhē-*), лик. А *tideimi* 'сын' (и.-е. **dheh-* 'сосать грудь', 'кормить грудью' и др.), с озвончением интэрвокального, как в *pibi je- < pija* 'давать'.

МОРФОЛОГИЯ

В хеттском именном формоизменении различались два числа (единственное и множественное) и два рода (общий и средний); имелось шесть падежей (номинатив, аккузатив, генитив, датив-локатив, аблатив, инструменталь; в древнехеттском было семь падежей: здесь датив мог отличаться от локатива и директива. В лувийском отсутствовало различие между аблативом и инструментом: здесь имелся падеж на *-adi* (лик. *-a/edi*, аблатив-инструменталь). В этом языке в функции генитива в единственном числе использовались формы прилагательных-посессивов на *-assi-* (лик. А *-a/ehi*, лик. Б *-a/esi*)¹¹. При образовании множественного числа в лувийском использовался особый суффикс *-nz-* (в хеттском он имелся лишь в местоименном склонении)¹². В хеттском имелась особая звательная форма на *-e*, *-o*. Типы склонения сводятся в следующую парадигму:

Единственное число

	Хеттский	Лувийский	Палайский
Номинатив общего рода	<i>-s</i>	<i>-s</i>	<i>-s, -z (-t + -s)</i>
Аккузатив общего рода	<i>-n</i>	<i>-n</i>	<i>-n</i>
Номинатив-аккузатив среднего рода	<i>-n, ø</i>	—	—
Генитив	<i>-as</i>		
Датив	<i>ai, -a, -i, ø</i>	} <i>-i, -ija</i>	<i>-as (?)</i>
Локатив (директив)	<i>-a, позднее -i, ø</i>		
Аблатив	<i>-az</i>	} <i>-adi</i>	<i>-a, -i, -ai</i>
Инструменталь	<i>-it</i>		

Множественное число

Номинатив общего рода	<i>-es, -as, -us</i>	<i>-nzi</i>	<i>-es</i>
Аккузатив общего рода	<i>-us</i>	<i>-nza [nz]</i>	<i>-nza [nz]</i>
Номинатив-аккузатив среднего рода	<i>-a, -i, -ø</i>	<i>-a</i>	<i>-a</i>
Генитив	<i>-an, -as</i>	<i>-nzan</i>	
Датив-локатив	<i>-as</i>	<i>-nza [nza]</i>	<i>-as</i>
Аблатив	<i>-az(a)</i>	} <i>-nzati</i>	
Инструменталь	<i>-it</i>		

В отношении форм единственного числа следует заметить, что окончание *-a* встречается в языке Древнего царства в функции директива. В новохеттском формы на *-i* представляют один падеж — датив-локатив. Кроме этих форм имелись редкие образования на *-ai*. У *i*-основ формы старого датива на *-(i)a* распространились и на ло-

¹¹ В иероглифическом лувийском имелись формы единственного и множественного числа генитива на *-as* (как и в хеттском) и на *-si-* и посессивы на *-si-*.

¹² Во множественном числе существенное различие между хеттским и лувийским языками состоит в оформлении датива. В лувийском окончание датива *-nza* произносилось [nza], как о том свидетельствует форма лик. Б *clze* [kize] < *kinza (дат. мн. ч. ст *ci* 'этот', 'сн'), ср. сид. *abaza* 'им'; в хеттском находим *-as*. Окончание *-nza* лувийского аккузатива множественного числа, видимо, включало немее *a* (*-nza* как средство передачи признажения [nz]); ср. лик. Б *-az*, хет. *-us* < и.-е. **-n-* (показатель акк.) + **-s-* (показатель мн. ч.).

катив (в отношении этого окончания ср. датив на *-ija* в лувийском и ликийск.). Б). Редкие формы датива-локатива не имели окончаний: *pir* 'в доме', *dagan* 'на земле', *peris* 'на небе' и др.

Окончание номинатива *-s* восходит к и.-е. **-s*, окончание аккузатива *-n*, характерное и для ряда других древних индоевропейских языков, соответствует более архаичному индоевропейскому окончанию **-m*; окончание инструментала *-it*, не характерное для индоевропейских языков, возможно, является архаизмом в хеттском, ибо его соответствия обнаруживаются в других ностратических языках¹³; может быть, является по происхождению наречным образованием.

МЕСТОИМЕННИЯ

В хеттском находим местоимение 1-го лица единственного числа *ih*, *uga*, *ikka* [нов.-хет. *amtu(kka)*], родственное и.-е. **egH(ōm)* 'я'; косвенные формы: *amtu(kka)* (акк. и дат.-лок.; ср. гот. *mik*, вент. *mege* 'меня'), *ammēl* (генитив с характерным хеттским местоименным окончанием), *ammēdaz(a)* (абл.). Ср. иер. лув. *amu* 'я', 'мне', 'меня', лик. *ēti* 'я', лид. *amu* 'я', кар. *eti* 'меня'(?).

Местоимение 2-го лица единственного числа в хеттском имело вид: *zik*, *zig(g)a* (ном.); *tuk*; *tugga* (дат.-лок.); *tuēl* (ген.); *tuēdaz(a)* (абл.). В палайском находим *ti* 'ты' и *tu* 'тебя', 'тебе', иер. лув. *ti*.

Во множественном числе находим в хеттском: *wēs* 'мы'; *anzās* 'мы', 'нас, нам, у нас'; *sumēs*, *sumās* 'вы, вас'. Ср. также формы генитива (*anzel*; *sumenzan*, *sumel*) и аблатива (*anzitaz*, *arzedaz*; *sumedaz*). Все это — образования индоевропейского происхождения.

Из местоимений 3-го лица отметим хет., лув., иер. лув. *apa-* (ср. пал. энкл. *-apa-*) 'он', 'этот' (ср. лик. *ebe-*, сид. *ab*, лид. *bi-*); хет. *si-* 'он' (ср. лик. Б **si-* с тем же значением); хет. *kā-* 'этот' (ср. кар. *k-*, лик. Б *ci* 'этот', возможно и иер. лув. *i-*); ср. и.-е. соответствия: **e-bho-*, **so-*, **ke/o-*. Приведем парадигму склонения местоимения *apa-* 'он', 'этот' в хеттском и лувийском (в ед. ч.):

	Хеттский	Лувийский
Номинатив общего рода	<i>apās</i>	<i>apas</i>
Аккузатив общего рода	<i>apī/ān</i>	<i>apan</i>
Номинатив-аккузатив среднего рода	<i>apāt</i>	
Генитив	<i>apēl</i>	(посессив) <i>apassi-</i>
Датив-локатив	<i>apēdani (apēti)</i>	<i>apati</i> (датив)
Аблатив	<i>apēz (apizza)</i>	
Инструменталь	<i>apit (apēdanda)</i>	

Во множественном числе в хеттском представлены следующие формы этого местоимения: ном. *apē*, *apūs* (аналогично *kē*, *kūs*; формы на *-ē* — старые, индоевропейские образования, формы на *-ūs* — из аккузатива), акк. *apūs*, *apē* (ср. тенденцию к слиянию форм номинатива и аккузатива; окончание аккузатива *-ūs* заимствовано из именной парадигмы); ном.-акк. общ. р. *apē*, ген. *apenzan*, *apēdas*, дат.-лок. *apēdas*.

Ср. также вопросительно-относительное местоимение хет., лув.,

¹³ Ср. еще различие в местоименных основах: *zik* (<**ti-*) 'ты' — *tuk* 'тебя' (акк.), соответствующее различию ностратических основ **ti* и **tu*.

пал. *kuis* (и. е. **k^we-*), совпадающее с лид. *gis* [k^wis], иер. лув. QU- (лик. *ti* < **k^wi*); ср. р. хет., пал. *kuit*; неопределенные местоимения хет. *kuiski-* (общ. р., лув. *kuisha*), *kuitki-* (ср. р.), ср. пал. *kuis-a* 'каждый' и образованные от варианта основы и.-е. *k^wo-* наречия хет. *kuwat* [k^wad] 'почему' (ср. лид. *kot-* 'как', 'почему' при лат. *quod* 'что'), *kuwaita-*, лув. *kuwatti-* 'где' (< **k^wo-dhi-*, как и лид. *kud* 'где', лик. Б *cudi* с тем же значением, ст.-слав. кѣде и др.), *kuwapi* 'где' (очевидно, < **k^wo-bhi-*).

Ряд местоименных форм в хетто-лувийских языках используется в качестве энклитик (см. раздел «Синтаксис»). К ним относятся:

1. Местоимения 1-го — 3-го лица в дативе и аккузативе

Хеттский	Лувийский		Хеттский	Лувийский	
- <i>mi</i>	- <i>mi</i>	'мне', 'меня'	- <i>nas</i>		'нам', 'нас'
- <i>ta</i> , - <i>du</i>		'тебе', 'тебя'	- <i>smas</i>	- <i>mas</i>	'вам', 'вас'
- <i>si</i>	- <i>tu</i>	'ему', 'ей', 'себе'	- <i>smas</i>	- <i>mas</i>	'им'

2. Формы, образованные от местоимения -*a-* 'он(а)', 'оно'

Единственное число

	Хеттский	Палайский	Лувийский
Номинатив общего рода	- <i>as</i>	- <i>as</i>	- <i>as</i>
Аккузатив общего рода	- <i>an</i>	- <i>an</i>	- <i>an</i>
Номинатив-аккузатив среднего рода	- <i>at</i>	- <i>at</i>	- <i>at</i>

Множественное число

	Хеттский	Палайский	Лувийский
Номинатив общего рода	- <i>e</i> , - <i>at</i>	- <i>as</i>	- <i>ata</i>
Аккузатив общего рода	- <i>us</i> , - <i>as</i>	- <i>as</i>	
Номинатив-аккузатив среднего рода	- <i>e</i> , - <i>at</i>	- <i>e</i>	

(из форм множественного числа -*e* и -*us* используются в языке Древнего царства, -*at* и -*as* — в языке Нового царства).

3. Возвратное местоимение хет. -*z(a)*, лув. -*ti*, иер. лув. -*ti/-ta* пал. -*si*.

4. Формы притяжательных местоимений -*mi-* 'мой', -*ti-* 'твой', -*si-* 'его', 'ее', -*smi-* 'ваш', 'их'. В качестве образца ниже приводим парадигму склонения местоимения -*mi-*. В хеттском:

Номинатив общего рода	- <i>mis</i>	Датив-локатив	- <i>mi</i>
Аккузатив общего рода	- <i>min</i> , - <i>man</i>	Директив	- <i>ma</i>
Номинатив-аккузатив среднего рода	- <i>mit</i> , - <i>met</i>	Инструменталь	*- <i>mit</i>
Генитив	- <i>nas</i>	Локатив	- <i>mi</i>

(парадигмы склонения других притяжательных местоимений-энклитик см. в книге Фридриха [Фридрих 1, 75]).

В отношении происхождения частиц первой (и четвертой) группы ср. и.-е. **m-*, **t-*, **s-*; формы множественного числа ср. с скр. -*nas* (при лат. *nōs*, русск. *нас*) и (в отношении 2-го лица) скр. *uizma-* 'вы';

хет. *sumes*, возможно, происходит от **us-sme*, где **us* — нулевой вид основы **wes*. Вторая группа энклитик связана с местоимением 3-го лица *a-* (и.-е. **e-*, причем хет. *-e* восходит к **oi*).

Рассмотрим систему глагольных форм. В хеттском (как в определенной степени и в других хетто-лувийских языках) различаются так называемые *mi-* и *hi-*спряжения (названные так по окончаниям 1-го л. ед. ч. наст. вр.). Имеются два залога — активный и средний, два времени — настоящее-будущее и прошедшее (можно зафиксировать, впрочем, и формы сложного времени — перфекта) и два наклонения — индикатив и императив. В целом можно сказать, что система глагола в хеттском упростилась сравнительно с индоевропейским состоянием [Тронский]. Указание на различные смысловые оттенки обеспечивается приглагольными наречиями, чрезвычайно развитыми в хетто-лувийских языках.

		Хеттский	Лувийский	Палайский
Действительный залог				
Настоящее время				
Ед. ч.	1-е л.	<i>-mi</i>	<i>-hi</i>	<i>-wi</i> (<i>-mi</i>)
	2-е л.	<i>-si</i>	<i>-ti</i>	<i>-si</i>
	3-е л.	<i>-zi</i>	<i>-i</i>	<i>-ti</i> <i>-i</i>
Мн. ч.	1-е л.	<i>-weni</i>		<i>-wani</i>
	2-е л.	<i>-teni</i>	<i>-tani</i>	
	3-е л.	<i>-anzi</i>	<i>-nti</i>	<i>-nti</i>
Прошедшее время				
Ед. ч.	1-е л.	<i>-(n)un</i>	<i>-ha</i>	<i>-ha</i>
	2-е л.	<i>-s(-t(a))</i>	<i>-s(-s)ta</i>	<i>-s</i>
	3-е л.	<i>-t(a)</i>	<i>-s(-s)ta</i>	<i>-ta</i>
Мн. ч.	1-е л.	<i>-wen</i>	<i>-wan</i>	
	2-е л.	<i>-te/in</i>	<i>-tan</i>	
	3-е л.	<i>-e/ir</i>	<i>-nta</i>	<i>-nta</i>
Императив				
Ед. ч.	1-е л.	<i>-(a)llu</i>	<i>-allu</i>	<i>-allu</i>
	2-е л.	<i>-ø (-i, -t)</i>	<i>-ø (-i)</i>	<i>-ø</i>
	3-е л.	<i>-du</i>	<i>-u</i>	<i>-d/tu</i>
Мн. ч.	1-е л.	<i>-wen</i>		
	2-е л.	<i>-te/in</i>	<i>-tan</i>	<i>-tan</i>
	3-е л.	<i>-andu</i>	<i>-nd/tu</i>	<i>-ndu</i>

Формы среднего залога хорошо представлены лишь в хеттском. Судя по отдельным сохранившимся формам лувийского и палайского, в этих языках имелись формы среднего залога, в основном совпадающие с хеттскими; см. в лувийском формы настоящего времени 3-го лица единственного числа *-tari*, *-ri* (при пал. *-tar*, *-r*), 2-го лица множественного числа *-tuwar(i)* [эта форма в хеттском имеет вид *-duma(ri)*], 3-го лица множественного числа *-ntari*. Ср. лувийский императив 3-го лица единственного числа настоящего времени *-taru*,

-ги и 3-го лица множественного числа *-niaru*. Приводим флексии глагола в среднем залоге (медиопассиве) в хеттском (оба спряжения):

Настоящее время

Ед. ч.	1-е л.	<i>-hahari (-hari, -ha)</i>	<i>-hahari (-hari)</i>
	2-е л.	<i>-tati (-ta)</i>	<i>-tati (-ta)</i>
	3-е л.	<i>-tati (-ta)</i>	<i>-ari (-a)</i>
Мн. ч.	1-е л.	<i>-wastati (-wasta)</i>	
	2-е л.	<i>-duma (-dumari)</i>	
	3-е л.	<i>-antari (-anta)</i>	

Прошедшее время

Ед. ч.	1-е л.	<i>-hahati (-hat(i))</i>	<i>-hahati (-hal(i))</i>
	2-е л.	<i>-tat(i) (-ta)</i>	<i>-at(i) (-tat)</i>
	3-е л.	<i>-ial(i) (-ta)</i>	<i>-at(i)</i>
Мн. ч.	1-е л.	<i>-wastat</i>	
	2-е л.	<i>-dumat</i>	
	3-е л.	<i>-antati</i>	

Императив

Ед. ч.	1-е л.	<i>-haharu (-haru)</i>	<i>-haharu (-haru)</i>
	2-е л.	<i>-hut(i)</i>	<i>-hut(i)</i>
	3-е л.	<i>-taru</i>	<i>-aru</i>
Мн. ч.	2-е л.	<i>-dumat(i)</i>	
	3-е л.	<i>-antaru</i>	

В хеттском засвидетельствованы также инфинитивы на *-anzi*, *-anna*, отглагольное имя на *-war*, супин на *-wan* и причастие с суффиксом *-ant-*, имеющее у переходных глаголов пассивное значение, а у непереходных — активное. В лувийском и палайском имелись инфинитивы на *-upa* (тогда как в ликийском инфинитивы имели исход на *-âna/e*, *-êne*; ср. хеттский!), причастия на *-ant-* и (в лувийском) на *-ma-*, *-mi-* (все это — индоевропейские образования).

Как видим, основные различия в системе глагола между хеттским и лувийским языками касались окончаний 1-го лица единственного числа настоящего и прошедшего времени. Аналогичным образом лидийский отличался от ликийского, но в лидийском произошли и новые преобразования. В то же время существовали изоглоссы, связывающие между собой языки разных подгрупп. В целом наблюдается тенденция к слиянию ряда форм (ср. в этом отношении и синкретизированные падежные формы в системе имени), к дальнейшему упрощению их системы.

С точки зрения индоевропейской грамматики окончания *-mi*, *-si*, *-ti* (*-zi*) анализируются как **-m-i*, **-s-i*, **-t-i*; *-hi* (др. хет. *-he*) как **-He-i*; *-ha* (лув.) как **-Ho < *-H₂e*; *-ta* как **-tHo < *-tH₂e*; *-a* как **-o*; ср. также *-ten-i*, *-ta-r-i*, *-hh-un*, *-nt-i* (*-nzi*) и др. Выделяются **-i* — показатель настоящего времени, **-r* (-) — показатель медиопассива (ср. *-ar* в ирландском и умбрском), ларингал (не всюду сохранившийся) как показатель древнего перфекта (хеттское *hi*-спряжение). Первичное противопоставление двух серий глагольных форм, отраженное

в двух хеттских спряжениях¹⁴, в хетто-лувийских языках в значительной степени стерлось (в лувийском оно стало уже чисто формальным; в этом языке, эволюционировавшем быстрее, чем хеттский, фактическая ликвидация изначального различия между двумя типами спряжений может рассматриваться как дальнейшее развитие тенденции к упрощению системы грамматических форм).

Более глубокий анализ позволяет свести элементы *-m(i)*, *-s(i)*, *-t(i)* к древним индоевропейским и ностратическим личным местоимениям (1-е, 2-е и 3-е лицо соответственно) [Иванов V, 231 и сл.].

Упрощение системы глагольных форм связано с развитием аналитизма в хетто-лувийских языках (ср. появление собственно хеттских сложных глагольных форм с *har(k)*- 'иметь'). В то же время необходимо отметить, что приглагольные наречия в более позднюю эпоху сливались с основной глагола (ср. факты лидийского и ликийского языков). В хеттском имелись, в частности, наречия-превербы *anda(n)* 'внутри' (лид. *ên(t)*-, кар. *nd/ta*-, лик. *ñte*-), *appa(n)* 'назад', 'вновь' (лид. *fên*-(?), лик. *epi*-, *epñ*-), *katta(n)* 'вниз' и др. (лид. *kat*-), *sarā*- 'вверх'.

СИНТАКСИС

Синтаксис хеттского языка, как и других хетто-лувийских языков, представляет особый интерес с точки зрения индоевропейского языкознания, ибо в хеттском, как и в некоторых других периферийных языках индоевропейского ареала, сохранились архаичные особенности индоевропейского предложения.

Для хеттского предложения характерны цепочки вводящих частиц, раскрывающие структуру предложения (ср. в этой связи также некоторые языки поздней поры, в особенности лидийский).

В начале хеттского предложения после первого (ударного) слова (в качестве которого часто выступает союз *ни* 'и') энклитические частицы располагаются в следующем порядке:

- 1) союзы: *-(i)a* 'и' или соответственно *-ma* 'но';
- 2) частица *-wa(r)* '-де' (указание на цитируемую речь);
- 3) энклитические местоимения (см. предыдущий раздел) и /или возвратная частица *-za*¹⁵;
- 4) частицы *-kan*, *-san*, *-(a)sta*, *-(a)pa*.

В лувийском языке частицы располагаются в предложении (часто после союзов *a*- 'и', *pa*- 'но') в следующем порядке:

- 1) частица *-wa* '-де';
- 2) возвратная частица *-ti*;
- 3) энклитические местоимения;
- 4) другие частицы (в том числе неясные по значению *-kuwa* и *-r*);
- 5) частица *-tta* (функционально соответствующая хет. *-kan*) и *-tar* (при хет. *-san*).

Примеры: хет. *n-at-mi* 'и-это-мне', *ni-mi-kan* 'и-мне' (или: 'и-меня'), *n-an-za(n)* 'и-его-себе', *ni-wa-mi-kan* 'и-де-мне', *amtu-k-ma-wa-kan* 'я-же-де', *mahhan-ma-mi-kan* 'когда-же-меня' (или: 'когда-

¹⁴ См. подробнее в работе В. В. Иванова [Иванов V, 225 и сл.], где, в частности, отмечается соответствие хеттских глаголов *mi*- и *hi*-спряжения глаголам «длительно» и аористического типа в ряде индоевропейских языков.

¹⁵ При этом формы, образованные от энклитической частицы *-a*- 'он', 'она', 'оно', располагаются обычно перед другими частицами этой рубрики, если таковые имеются.

же-мне') и т. п.; лув. *a-wa-du* 'и-де-ему', *a-wa-ti-an* 'и-де-себе-его', *pa-wa-an-tar* 'но-де-его' и др.

О синтаксисе падежей см. грамматику Фридриха [Фридрих I].

ОСНОВООБРАЗОВАНИЕ

При образовании имен существительных в клинописных хетто-лувийских языках использовались, в частности, следующие суффиксы, преимущественно индоевропейского происхождения:

хет. *-talla-*, лув. *-talli-* как показатель имен деятеля¹⁶ (ср. хет. *uskiskatalla-* 'наблюдатель' от *uskisk-* 'наблюдать'; лув. *kupijatalli-* 'заговорщик', ср. лик. Б *cupittle*, дат. мн. ч.);

хет. *-tara-* (суффикс имен деятеля): *westara-* 'пастух';

хет., лув. *-at(t)-* — суффикс существительных с абстрактным значением: хет. *nahsaratt-* 'страх', лув. *kuwajatt-* 'страх';

хет. *-atar* — аналогично: *sullatar* 'спор' и т. п. (но возможно образование и существительных с конкретным значением, ср. родственный суффикс (в лик. *tucedri* 'статуя', *(h)uwedri* 'община' (?), *wi-jedri* — слово с собирательным значением);

хет. *-essar* (*r/n-* — основа) — аналогично: *palhessar* 'ширина' и др. (в лувийском происходило отпадение *-r*; ср. также лик. Б *wakssa*, но и *wekssere*: архаичное собственное имя — при хет. *wahessar* — обозначает положительное качество); ср. раздел «Хетто-лувийские языки позднего времени»;

лув. *-hi(t)* — аналогично: *huitwalahi(t)-* 'жизнь' и др. (ср. лик. Б *ka-pa-ki?*);

хет. *-an* — аналогично: *nahhan* 'страх' и др. (лик. Б *-ēni* ?).

Ср. также суффикс *-wanpa/i-* в лувийском (лик. Б *-wñni*, лик. А *-ēni*), суффиксы прилагательных *-alli-*, *-assi-* и др.

Наблюдается образование глагольных основ при помощи различных суффиксов (*-ni-*, *-ai-/i-ja-*, *-anpai-*, *-sk-/s-*, *-ahh-* и др.).

В глагольном образовании используются префиксы *u-*, *re-*, которые в ряде случаев слились с основой. Используются приглагольные наречия, часто парные (ср. слияние таких наречий в одно слово с глаголом в лидийском; впрочем, и здесь иногда отмечается раздельное употребление наречий и глагола в предложении. Аналогичное наблюдается в ликийском: ср. *ala-de-aha-*, *de-epñ-ta-*, но и *de-...epñ-za-za-*; все это образования со значением «снова поверх положить», герс. «...написать»). Ср. также ниже, стр. 79.

Имелись различные глагольные суффиксы, сохранившиеся и в поздних языках, где они, однако, в значительной степени утратили свои первоначальные функции (этот процесс стирания значений суффиксов представлен в меньшей степени и в самом хеттском).

В лувийском и палайском наблюдалась сильная по сравнению с хеттским тенденция к унификации основ.

¹⁶ С той же целью использовался суффикс *-ala-* в хеттском (ср. *karimnāla-* 'служитель храма' от *karimni-* и др.); интересно, что этот суффикс не обнаруживается в лувийском, но зато хорошо представлен в ликийском: ср. лик. Б *zajala* 'преступник' от *zai-* (хет. *zāi-*) 'переступать', *muwila* 'победитель', *muwi-* (лув. *muwai-*), А *tijala* (*tija-* — существительное), лик. Б *ziwala* (*ziwa* 'бог'); ср. еще лид. *mrsala-* 'обманщик' (хет. *marsahh-* 'обманывать'; лик. Б *mrskka* — имя деятеля, образованное путем конверсии от основы глагола, как это часто бывает в лик. Ср. суффикс *-tala* в лик. Б: *mutala*, *neltalū* (аппозиция при *tuwl*).

В хетто-лувийских языках наряду с унаследованными от индоевропейского языка-основы устойчивыми лексемами (относящимися к основному словарному фонду) имеются заимствования из различных языков, главным образом из хаттского, хурритского и аккадского.

Индоевропейские по происхождению слова перечислены в предисловии А. В. Лесницкой к русскому изданию хеттской грамматики И. Фридриха [Фридрих I, 23—36]. Несмотря на то что этимологический анализ хеттской лексики ведется крайне медленно, сегодня существует возможность пополнить список хеттских слов индоевропейского происхождения новыми примерами. Вот некоторые из них:

- хет. *kulali-* 'войско' <и.-е. **k^wel-* 'толпа',
- хет. *muri-* 'ягода' <и.-е. **moro-*,
- хет. *wappija-* 'лаять' <и.-е. **wap-* (ср. русск. *волить* и т. п.),
- хет. *hurnāi-* 'брызгать', *Warsa-* 'роса' : и.-е. **Heur-/Hwer-* 'течь',
- хет. *heu-* 'дождь' : авест. *aoda-* 'родник' (не к и.-е. **wed-l*).
- хет. *hurta-* 'проклипать' : нем. *Wort* и др. (ср. и.-е. **H^wer-* 'кричать'),
- хет. *igāi-* 'коченеть' : и.-е. **jeg-* 'лед',
- хет. *kikla-* 'травя' : и.-с. **kel-* с тем же значением,
- хет. *kukkula-* 'сосуд' <и.-е. -**k^wel-* 'круглый',
- хет. *gank-* 'висеть' <и.-е. **kank-* с тем же значением,
- хет. *lā-, lilāi-* 'отпускать', 'освобождать' : и.-е. **lei-* 'вялый', 'слабый',
- хет. *parāi-* 'дуть' : русск. *пар* и др.,
- хет. *sāi-/sija-* 'вдавливать', 'стрелять', 'печатать' : и.-е. **seH-* 'сеять' и др.,
- хет. *salp-* 'нечистоты' : и.-е. **seIp-* 'мазь',
- хет. *suwart-* 'полный' : и.-е. **seuH-* 'течь',
- хет. *taha-kappi* 'сосуд' : и.-е. **deH-* 'лить' и хет. *kappi-* 'Hohlmaß',
- хет. *tawana-* 'точный', 'верный' : русск. *даве, давно*, арм. *tev* 'длина',
- лув. *sasla-* (ср. лик. Б *sla-* 'begünstigen') : и.-е. **selH-* 'günstig'.

Подробнее см. в табл. 2 (стр. 83—87), где даются и позднихетто-лувийские соответствия.

ИЕРОГЛИФИЧЕСКИЙ ЛУВИЙСКИЙ ЯЗЫК

ВВЕДЕНИЕ

Памятники иероглифического лувийского (или, как его часто называют, хеттского иероглифического) языка обнаружены в Малой Азии и Северной Сирии. Большая часть обнаруженных доныне надписей сосредоточена в юго-восточной части Анатолии (Киликия и Каппадокия), в центральной части полуострова в излучине реки Галис (Кызыл-Ырмак) и в Северо-Западной Сирии. Однако единичные иероглифические надписи найдены в Сипилосе и Карабеле (под Измиром — Смирной в Лидии) на побережье Эгейского моря. На севере границей распространения этой письменности является Аладжа-Хююк (к северо-востоку от Богазкёя — Хаттусаса), на востоке — местечко Хинес в Верхней Месопотамии, на юге — Хамат в Сирии. Ничего не говорят о зоне распространения письма различные мелкие предметы с отдельными иероглифами, обнаруженные в

Ассирии, на Кипре и в Иране, так как речь идет о предметах, легко переходящих из рук в руки, в частности при торговле и обмене. Найденные в Вавилоне стела и две чаши с надписями были вывезены туда в качестве трофеев; то же самое можно сказать и о свинцовых полосах-письмах, обнаруженных в Ашшуре. Ассирийцы, видимо, приписывали им магические свойства.

Древнейшие памятники хеттского иероглифического письма восходят к XVI в. до н. э. Этим временем датируется печать Испутасу, царя Киццуватны, современника хеттского царя Телепинуса. Ко времени Нового царства иероглифы из Центральной Анатолии распространились в Ликаонию, Киликию, Северную Сирию. После падения Хеттского царства в конце XIII в. до н. э. иероглифика продолжает употребляться в различных мелких княжествах, еще сохранивших хеттские традиции. От «темных веков» (XIII—XI) сохранилось очень мало памятников. Но с X в. до н. э. начинается расцвет «новохеттской» культуры. Центр ее к этому времени окончательно переместился на юго-восток Анатолии и северо-запад Сирии. От X—VIII вв. до н. э. до нас дошла основная масса сохранившихся памятников. Однако с конца VIII до середины VII в. до н. э. все новохеттские государства были постепенно поглощены Ассирийской державой. Здесь необходимо отметить, в частности, захват и разрушение Кархемыша Саргоном II в 717 г. до н. э. По-видимому, наиболее поздние памятники иероглифической письменности относятся к этому времени.

С середины 50-х годов XX в. стало выясняться, что хеттскими иероглифами записан язык, очень близкий лувийскому, сохранившемуся в клинописных документах архива в Богазкёе. Прогресс в его изучении показал, что оба эти языка все же являются не диалектами, но отдельными языками. Тем не менее название «иероглифический лувийский» уже приобрело право гражданства.

Все еще окончательно не решен вопрос, были ли тексты, сохранившиеся от эпохи Хеттской империи, записаны на этом лувийском языке. Вызвано это следующими причинами: с одной стороны, в клинописных текстах имеются указания на то, что по-хеттски писали и иероглифами на деревянных дощечках, которые до нас, естественно, не дошли; с другой стороны, подавляющее большинство древних иероглифических текстов содержит лишь генеалогию и титулатуру хеттских царей, которая записана идеограммами. Однако, по всей вероятности, надо признать, что и эти надписи скрывают «лувийский» язык, поскольку некоторые надписи, например из Эмиргази и Кёйлютолу-Яйла, явно весьма древние, написаны «по-лувийски».

Иероглифические надписи по своему содержанию довольно разнообразны. От эпохи Хеттского царства сохранилось множество печатей (вернее, оттисков печатей), многие из которых являются билингвами: они содержат клинописную и иероглифическую версии титулатуры и генеалогии хеттских царей или должностных лиц. Большое количество таких печатей было обнаружено в Богазкёе. Тарсусе и Угарите. В частности, новейшие находки в Угарите позволили точно установить фонетическое чтение некоторых распространенных знаков.

Далее, от хеттских царей сохранились наскальные рельефы с их изображениями, сцены жертвоприношений богам и т. п. В знаменитой галерее Язылыкая сохранились надписи под изображениями богов. Текст ритуального характера записан на нескольких каменных алтарях из Эмиргази.

От эпохи позднешеттского «ренессанса» дошли тексты другого характера. В основном это строительные и посвященные надписи, тексты исторического содержания (главным образом из Кархемыша); сохранилось несколько свинцовых полос, на которых были записаны письма делового характера. Как отмечал Э. Ларош, письменность в этот период секуляризуется. В древний период надписи имели ярко выраженный культовый характер, иероглифика была монументальным, религиозным письмом в отличие от канцелярской клинописи.

Как уже отмечалось выше, иероглифический лувийский язык — ближайший родственник клинописного лувийского. Эти два языка древней эпохи вместе с позднейшим ликийским (А и Б) и некоторыми другими [видимо, сюда относятся писидийский, ликаонский и сидетский (?)] составляют лувийскую подгруппу анатолийской (или хетто-лувийской) группы индоевропейских языков. Сейчас мы еще не располагаем достаточными данными для точного определения взаимоотношений этих языков, однако можно утверждать, что ни клинописный, ни иероглифический лувийский не являются предком ликийского языка. По всей вероятности, ликийский развился из какого-то юго-западного лувийского диалекта, тогда как иероглифический — это диалект юго-восточный.

Здесь мы не будем излагать всей истории дешифровки и изучения хеттских иероглифов. На русском языке имеется несколько книг, где все это описывается весьма подробно [ср. Фридрих II; Добльхофер; Керам; Замаровский], поэтому целесообразнее остановиться на исследованиях самого последнего времени.

Изучение финикийско-иероглифической билингвы из Каратега подтвердило основные выводы дешифровщиков (Мериджи, Форрера, Боссерта, Гельба и Грозного), сделанные в 30-х годах, и во многом уточнило их. Теперь нам известна практически вся надпись из Каратега после опубликования фотографий, на которых читается заключительная часть билингвы — формула проклятия. По всей видимости, в ближайшее время будут опубликованы фотографии всей надписи (в работах Боссерта содержались лишь условные прорисы текста). Одновременно шла ревизия старых, известных надписей. В 50-х годах П. Мериджи в серии статей попытался дать новый перевод (с учетом данных билингвы) ряда крупнейших надписей. Почти каждый год обнаруживаются новые надписи, хотя достаточно иностранных и хорошо сохранившихся среди них весьма мало.

Интенсивные исследования 50-х годов привели к необходимости нового обобщения и осмысления материала. В связи с этим появляется ряд синтезирующих работ. В 1960 г. вышел первый том работы Э. Лароша «Les hiéroglyphes hittites» [Laroche IV], содержащий введение, краткую историю дешифровки и очерк системы иероглифического письма; основную часть книги занимает список знаков, иллюстрированный многочисленными примерами из текстов. В работе содержится большое количество собственных интерпретаций и гипотез автора. В конце книги приложен краткий словарь иероглифических апеллятивов и собственных имен. Вторая часть этой работы, которая должна содержать избранные тексты и грамматику, все еще не вышла в свет. В 1962 г. Мериджи выпустил «Hieroglyphisch-Hethitisches Glossar» [Meriggi III], который назван «вторым, полностью переработанным изданием» его же словаря 1934 г.; фактически же это совершенно новая книга. В настоящее время она представляет собой самое полное собрание лексического материала, содержащегося в надписях. Неучтенным остался лишь, естественно, материал новых

текстов и конца билингвы из Каратепе. Переводы Мериджи характеризуются большой осторожностью; видимо, поэтому он неполностью учел многочисленшие, хотя часто и весьма рискованные, интерпретации Боссерта. Вслед за этим Мериджи выпустил в 1966 г. грамматику иероглифического языка, а в 1967 г. — первый выпуск собрания текстов с переводами [Meriggi IV].

Весьма важны две статьи Г. Миттельбергера: «Bemerkungen zu Meriggis hieroglyphisch-hethitischem Glossar» и «Zur Schreibung und Lautung des Hieroglyphenhethitischen» [Mittelberger I, II]. Первая из них является дополнением к словарю Мериджи, где разбираются и уточняются звуковые значения некоторых важных знаков; здесь же содержатся уточнения морфологического характера и собственные интерпретации автора. Вторая статья полностью посвящена вопросам отражения фонетической системы иероглифической письменностью.

Здесь мы не будем останавливаться на работах, исследующих различные частные вопросы иероглифического лувийского письма и языка, принадлежащие перу Э. Лароша, И. Фридриха, П. Мериджи, Х. Боссерта, И. Гельба, Г. Ноймана и других ученых. Существенно отметить, что в настоящее время мы располагаем почти полным словарем, грамматикой и инвентарем знаков; однако издание полного корпуса иероглифических надписей — дело, по всей видимости, недалекого будущего. Сборник текстов Мериджи будет очень полезен, но корпуса надписей он заменить не сможет. Поэтому и в будущем придется обращаться непосредственно к публикациям текстов, разбросанным по разным изданиям. На русском языке см. обобщающую работу И. М. Дунаевской [Дунаевская].

ПИСЬМО

Иероглифическая лувийская письменность имела смешанный характер: в ней различались идеограммы, передававшие обычно основу слова, силлабограммы (слоговые фонетические знаки) и детерминативы. Общее число засвидетельствованных знаков — менее пятисот, из них фонетических знаков насчитывается не более ста; обычно же употребляется всего 60 фонетических знаков.

Как правило, слова пишутся смешанным способом: основа слова выражена идеограммой, за ней следуют фонетические знаки, передающие конечные звуки основы и флексию (так называемые фонетические комплементы). Довольно часто встречаются слова и целые предложения, записанные только силлабограммами; особенно это характерно для поздних текстов. Нередки детерминативы, которые указывают, к какой семантической сфере относится данное слово. Детерминативы могут помещаться и перед словом, и после него. Иногда после идеограммы слово целиком записывается силлабограммами. В этом случае идеограмма становится особым детерминативом; Мериджи называет ее в таком случае ограниченным детерминативом, так как идеограмма относится лишь к одной определенной лексеме, в то время как детерминативы охватывают целую сферу понятий. Имеется пять особых знаков, функцией которых является выделение идеограмм в тексте; впрочем, довольно часто эти знаки опускаются. Существует и специальный знак — словоразделитель, «I(», но употребляется он более или менее регулярно лишь в поздних текстах.

Очень часто знаки иероглифического письма имеют ярко выраженный рисуночный характер; многие знаки, однако, имеют курсивные варианты. Эти последние появляются довольно рано, но преоб-

ладают в самых поздних памятниках. Направление чтения надписей — бустрофедон. Как правило, первая строка читается справа налево, вторая — слева направо, и т. д. Направления чтения можно определить по изображениям голов людей и животных и т. п. Они всегда повернуты в сторону начала строки.

Фонетические знаки делятся на две группы: знаки для гласных (*a*, *i*, *u*) и знаки для согласного плюс гласный. Крайне редки и до сих пор сомнительны знаки для сочетаний «согласный+гласный+согласный». Знаки для сочетаний типа *C+V+r* должны интерпретироваться как *C+V+ra* или *i*, так как ясно, что «шип» (т. е. знаку для *r*) всегда присущ гласный *a* или *i*. То же относится и к немногочисленным знакам типа *V+r*.

В рассматриваемой системе письма имеются знаки лишь для глухих и сонорных согласных. Все попытки обнаружить знаки для звонких согласных окончились неудачей. Кроме того, отсутствуют знаки для гласных *e* и *o*. Если по поводу первого гласного можно высказывать некоторые предположения, то о втором ничего сказать нельзя, поскольку даже в хеттской клинописи нет особых знаков с гласным *o*. Система фонетических знаков иероглифики совпадает в значительной мере с системой хеттского клинописного силлабара. Так, в обеих письменностях отсутствуют ряды знаков для *j+V* и частично для *ш+V*. В отличие от клинописи в иероглифическом силлабаре отсутствуют знаки для ряда с *z* (кроме *zu*) и нет особого знака для *lu* (знак *la* передает и *la* и *lu*).

Две косые черточки под знаком для гласного принято называть «знаком долготы». Однако необходимо отметить, что противопоставление знаков *a^h—ā^h*; *i^h—ā^h* в отличие от противопоставления *a—ā*, *i—ī* не несет никакой морфологической нагрузки [Mittelberger II]. Пока невозможно точно установить разницу между *i* и *ī*. Во всяком случае, вряд ли мы имеем дело с различием по долготе или назализованности, как предполагали некоторые исследователи.

Все еще существуют сомнения относительно точного значения гласного компонента в некоторых силлабограммах, не говоря уже о том, что значения некоторых (большей частью редких) фонетических знаков вообще не установлены.

При транслитерации иероглифической письменности мы здесь следуем системе Мериджи с дополнениями и уточнениями Миттельбергера. Следует сказать несколько слов об общих принципах транслитерации памятников этой письменности. Каждому знаку иероглифики соответствует только одна буква или сочетание букв, т. е. омофоны — знаки, по-видимому, имевшие одно и то же звучание, передаются в транслитерации одними и теми же буквами, различающимися, как и в транслитерации клинописи, знаками для ударения или цифрами. Вместо неустановленного гласного компонента знака ставится точка или маленький кружок. Идеограммы пишутся прописными буквами; если известно их фонетическое чтение, то пишется основа этого лувийского слова. Идеограммы, у которых известно лишь значение, передаются соответствующими шумерскими словами. В тех же случаях, когда нам неизвестны ни чтение, ни значение идеограммы, пишется ее порядковый номер в списке знаков. Детерминативы пишутся маленькими буквами над строкой.

Надо отметить, что системы транслитерации Мериджи и Лароша основаны на одном и том же принципе и отличаются от системы Боссерта. В первых двух системах все омофоны тщательно различаются; последовательно проводится принцип, в соответствии с ко-

торым каждая силлабограмма содержит только один гласный. Боссерт же считал, что каждый фонетический знак полифоничен, т. е. что $C+V=C+a/i/o$. Он совершенно не отражал омофонов в своей транслитерации, передавая их одними и теми же буквами. Таким образом, его система была весьма нестрогой. Принципы транслитерации Мериджи и Лароша позволяют сразу определить, какой именно знак находится в оригинальном тексте.

Лишь «шип», передающий *r*, содержит *a* или *i* и транслитерируется *ga/i*, но довольно часто можно точно определить, какой именно из этих двух гласных имеется в виду. По всей видимости, то же самое относится и к знаку *wa*.

Ввиду того что каждый фонетический знак содержит гласный, при передаче сочетаний согласных (например, в заимствованных именах собственных) появляются «непроизносимые» гласные: *Tápakina* — в клинописи *Tapkinna*, *Takuhili* — в клинописи *Takuhli*. Равным образом и в собственно лувийских словах трудно определить, в каких случаях тот или иной гласный был чисто графическим. Два знака — *s* и *n* передавали только согласный в окончаниях номинатива и аккузатива единственного числа. В большинстве же остальных случаев они являются нормальными силлабограммами.

Рассматривая иероглифическую лувийскую письменность, необходимо остановиться и на ее происхождении. В настоящее время мы можем с уверенностью предполагать, что данная письменность была с самого начала создана для передачи иероглифического лувийского языка и нет оснований говорить о ее заимствованном характере. По всей вероятности, эта письменность возникла в Малой Азии в областях с лувийским населением где-то в первой половине II тысячелетия до н. э. Образование некоторых знаков по акрофоническому принципу доказывает, что языком создателей письма был «лувийский» (в широком смысле слова). Ср., например, «четыре черточки» — фонетическое чтение *ti* (клин. лув. *tawá*, хет. *tewa* 'четыре'); «дающая рука» — *pi* (иер. лув. *pi(a)* — 'давать') и т. д. Несомненно, однако, что и клинопись, и египетская иероглифика оказали влияние на данную иероглифическую письменность. Кроме уже отмеченных выше сходств в системе можно указать и на следующие факты: идеограмма «храм» состоит из идеограмм «бог» и «дом», как и в клинописном É.DINGIR; одна и та же идеограмма имеет значение «земля» и «место», как KI в клинописи. Сходство с египетской иероглификой проявляется в таких знаках, как «я», «дом», «мужчина» и некоторых других; явно заимствован из египетского знак «крылатое солнце» в титулатуре царей. Но в целом это была вполне оригинальная система письма, с самого начала приспособленная для записи иероглифического лувийского языка.

ФОНЕТИКА

ВОКАЛИЗМ

Как уже говорилось выше, письменность позволяет различать лишь три гласных: *a*, *i* и *u*. Все попытки обнаружить знаки для *e* и тем более для *o*, видимо, совершенно бесперспективны. Но некоторые данные позволяют думать, что письменность адекватно передает гласные фонемы иероглифического лувийского. В клинописном лувийском *e* не было самостоятельной фонемой; и фонологически, и графически оно было вариантом *i*. Миттельберггер [Mittelberger II,

55—65] довольно подробно изучил возможность выявления *e* в иероглифическом лувийском на основании данных клинописного лувийского и ликийского языков и в итоге показал, что внешнее сравнение также не дает никаких результатов. Сравнение с другими индоевропейскими языками позволяет нам утверждать, что во всех лувийских языках старые **e* и **o* перешли в *a*; ликийское *e* — результат позднейшего самостоятельного развития.

Пока нет никакой возможности установить разницу между звуками, передававшимися знаками *i* и *ī*. Старые предположения о том, что знаки с добавочными двумя черточками (*ā* и *ī*) передают назализованные или долгие гласные, видимо, должны быть отброшены. В то время как знаки *a* и *ā* часто, но не бессистемно варьируют, знаки *i* и *ī* никогда не смешиваются (единичные исключения легко объяснимы).

Возможно, дифтонгом являлось сочетание *wa* [ɥa], имеющее тенденцию переходить в *u*, например: *tar(a)unati*/*tar(a)wanati*; *wasinasi*/*usinasi*-. Весьма распространено чередование *uwa*/*u* : *uwata*/*tuta*, характерное и для клинописного лувийского. На стыке гласных *u* и *a* обычно (но не всегда) возникал глайд *w*: *watu*+*an*>*watu-w-an*. То же самое, по всей видимости, относится и к сочетанию *i* и *a*, хотя письменность не имела средств передать глайд: *pia*-[pɪja]-, *amia*-[amija]-. На основании аналогии с *uwa*/*u* можно принять наряду с этим и старое чередование *ija*/*i*, несмотря на то что графика не допускает однозначного толкования; ср., например: *aiata*/*aita*.

При стыке гласных *u* и *a* между ними не только может появляться глайд *w*, но иногда имеет место и элизия *n*: *wamas*<*wamu-as*, *wamatāā*<[*wa-mu-ata*].

Другим частым чередованием в иероглифическом лувийском является чередование *awa*/*a*, которое надо интерпретировать как выпадение старого *w* между двумя гласными с последующим слиянием обоих *a*: *HALPApāni* 'алеппскому'<*HALPApawāni*. Подобное явление имело место в этом суффиксе *-wāni* и в лик. А: *Pilēñni*<**Pina-le*+*wāni*.

Одной из особенностей иероглифической графики является нагромождение *a* или *ā* в конце слова после гласного, хотя сравнение с другими хетто-лувийскими языками показывает, что их здесь быть не должно: *āstuiiāā*[astu], *paā*[pa], *pipas.wa*/*ia* [pipasawɪ ?] и т. п. Предложено несколько объяснений этих незакономерных *a* и *ā*. Наиболее вероятна гипотеза Мериджи, поддержанная Миттельбергером, согласно которой эти написания отражают сандхиальные гласные, возникавшие на стыке двух слов, когда второе начиналось с *a*-. Затем по аналогии с этими формами *a*/*ā* стало появляться и в случае отсутствия сандхи. Однако надо отметить, что знаки *a* и *ā* очень часто использовались в орнаментальных целях (для заполнения пустого места в строке и т. п.), поскольку эстетические соображения в большой мере оказывали влияние на работу резчиков надписей. Провести точную границу между этими двумя случаями употребления данных знаков не представляется возможным.

КОНСОНАНТИЗМ

Иероглифическая графика не дает возможности отличать звонкие согласные от глухих. В определении старых звонких может помочь только сравнение с клинописным лувийским и хеттским, в которых действует «правило Стертеванта». Однако в клинописном лувийском

Это правило проводится не очень последовательно; к тому же всегда надо иметь в виду, что в лувийской группе эволюция старой системы согласных могла пойти еще дальше, чем в хеттской. Не вдаваясь в проблему хетто-лувийского «передвижения» согласных и в другие, связанные с ней вопросы, в дальнейшем изложении мы будем опираться только на графику [ср. Иванов III; Гамкрелидзе II].

Систему согласных иероглифического лувийского языка можно представить в следующем виде:

Смычные: *p t k QU*
 Сонанты: *m n [j] w l r*
 Спиранты: *s h*
 Аффрикаты: *z[ts]*

Примечания.

1. *QU* обозначает лабиовелярный; в более поздний период, может быть, произносился уже *hw* (по Ларошу). Маловероятна трактовка Боссерта (*w*) и Гельба (*k*).

2. *j* в графике не отражался (см. выше).

3. *h* передает ларингал, в клинописи *b/bh*.

4. *w*, видимо, билабиальный сонант.

5. Наличие *z* видно из существования знака *zu* и, возможно, (*t*)*s*; ср. также идеограмму *ZIT*. Гипотеза Боссерта, заключающаяся в том, что знаки *i* и *ī* часто передавали *za* и *zi*, все еще не получила одобрения большинства исследователей. В клинописном лувийском аффриката *z* существовала.

В отражениях старых согласных иероглифических иногда не совпадает с клинописным лувийским. Ср., например, трактовку и.-е. **gh* в хет. *kessar*, с одной стороны, и клин. лув. *issari/isri-*, лик. *izre-*, иер. *as³tara/i-* (из **astri- < *asri-?*); но наряду с этим клин. лув. *ti-jammi-* и хет. *tekan*, иер. *takami-* 'земля'; и.-е. **d₁-* отражено в иер. *tiwat-*, клин. лув. *tiwaz*, пал. *tijaz* 'бог солнца', хет. *siwatt-* 'день'. Вероятнее всего, заимствованием из хеттского является наречие *apas³(a)wati*, хет. *appa-siwatti* 'в будущем'. Весьма интересно соответствие иер. *sur(a/i)na-* 'рог', хет. *karawar*. Ранее это считалось доказательством принадлежности иероглифического лувийского к группе *satəm*, однако гораздо правдоподобнее считать вслед за А. Гётце [ср. Иванов I], что в иероглифическом произошла ассимиляция велярного перед *u*, который, как кажется, являлся и в поздних хетто-лувийских языках гласным переднего ряда. Сюда же относятся примеры: *šuwani-* 'собака' и *āšu(wa)-* 'лошадь'; впрочем, последнее слово, возможно, заимствовано из арийского. К сожалению, нам неизвестны клинописные лувийские соответствия этих слов: *Si-na-* 'рог' свидетельствует лишь об одинаковом исходе этих основ в обоих лувийских языках. Для слова «лошадь» *u*-основа имела в хеттском; в ликийском находим *esbe-*; и.-е. **ti* сохраняется в лувийском, в отличие от ассимилированного хеттского *zi*: *as³anuwati* 'сажает', клин. лув. *hishijanti*, хет. *ishiJanzi* 'связывают'. В этом же слове оба лувийских сохраняют начальный ларингал: иер. *his³himin* 'мы связали (?)'. В существительном *nepis* 'небо' хеттский сохраняет старое *n*, тогда как все лувийские имеют *t* (ср. лит. *debesis*): иер. *tipas-*, клин. лув. *tappassa-*, лик. *tabaha-* (?). Различны результаты диссимилиации в хеттском и в иероглифическом в индоевропейском слове со значением «имя»: *lāman* соответственно *ātima(i)n-*.

Таковы в общих чертах наиболее существенные особенности лувийского консонантизма по сравнению с хеттским.

Необходимо отметить следующие особенности, присущие только иероглифическому. В поздних текстах «шип» *ga/i* очень часто чере-

дуются со знаками, передающими *t*-. Поскольку подавляющее большинство примеров показывает *-r-* вместо *-t-* в интервокальной позиции (обратные написания единичны, например 37-*tiā* вместо 37 *āra/iā* 'длинные'), то надо считать, что происходил переход V-t-V в V-r-V, так называемый ротацизм; *-t-* вместо *-r-* распространилось по аналогии. Самый обычный случай «ротацизма» — в окончании аблатива *-ati*, которое, судя по данным клинописного лувийского и ликийского, произносилось [adl]: *āmiāti* 'моим' — *āmiāri*; *tipasati* 'с неба' — *ti-pasari*. Другие случаи: *patāi* 'ногам' — *paraī* (клин. лув. *pata-*, лик. *pede-*); *āruna* 'есть' — *ataⁿtu* 'да едят' — клин. лув. *ada-*, хет. *ed-*. «Ротацизм» не имел места ни в начале слова, ни в инлауте, когда слово еще осознавалось как сложное. Также не происходил «ротацизм» в группе *-nt-*, где *n* на письме не передавалось. В некоторых поздних надписях в результате смещения и действия аналогии знак *ra/i*, по-видимому, приобрел и значение *ta/i*.

Сонорный *n* часто переходил в назализацию предыдущего гласного и графически не отражался. Практически никогда не встречается он перед гомоганным смычным, например: *ātā[aⁿta]* 'в', хет.-лув. *an-da*, лик. *ñte*. Не встречается он также в окончаниях 3-го лица множественного числа презенса и претерита: *haraⁿtuu* 'да держат', *as³anuwaⁿta* 'они посадили'. Очень часто не пишется *n* перед энклитиками *-ha*, *-pa*, *-wa*.

Гораздо реже опускается *s*: несколько раз в абсолютном исходе перед паузой, как, например, в *mīti(s)* 'слуга'; перед энклитиками *-ha* и *-wa*: *i-wa*, *Sukitii-ha*.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ

В иероглифическом лувийском имя имеет те же грамматические категории, что и в остальных хетто-лувийских языках. Различаются два рода — общий (личный) и средний; два числа — единственное и множественное. Существуют следующие падежи: номинатив, аккузатив, генитив, датив-локатив, аблатив-инструменталь. Видимо, дважды встречается и вокатив. Аблатив-инструменталь имеет одну форму для обоих чисел.

Особую проблему представляет генитив [см. Mittelberger III]. Как известно, в хеттском имеется только генитив (еще в древнехеттском он различался по числам). В клинописном лувийском вместо генитива используется склоняемое прилагательное-«посессив» на *-assi-*. Наряду с ним сохранились единичные формы на *-as* (генит. ед. ч.) и *-anzan* (генит. мн. ч. ?). В ликийском существует посессив на *-h(e)* у имен собственных и на *-a/ehi* — у нарицательных; во множественном числе имеется настоящий генитив на *-āi*, *-ē*. По мнению Миттельбергера, в иероглифическом существует истинный генитив на *-(a)s* для обоих чисел, *-si* только в единственном числе и *-sis* только у имен собственных; посессив на *-asi-* для обоих чисел. Функционального различия между ними не наблюдается; существует лишь, по-видимому, некоторая тенденция употреблять различные образования в зависимости от рода и падежа управляющего существительного.

Самыми распространенными основам (как и в клинописном лувийском и ликийском) являются основы на *-i-*. По Мериджи, вследствие сохранения за знаками *si*, *ni*, *ni* вокализма *-a*, количество данных основ значительно меньше.

i-ОСНОВЫ

	Единствен- ное число	Множест- венное число
Номинатив	- <i>is</i>	- <i>ii</i>
Аккузатив	- <i>in</i>	- <i>ii</i>
Номинатив-аккуза- тив среднего рода	- <i>iī</i>	- <i>ī</i>
Датив	- <i>i(a)</i>	- <i>iī</i>
Аблатив	- <i>ati</i>	—
Генитив	- <i>i(a)s</i> , - <i>isi(s)</i>	—
Посессив	- <i>asi-</i>	—
Вокатив	- <i>iī</i>	—

Посессив на *-asi-* склоняется как *i*-основа. Из-за особенностей графики обычно невозможно отличить основы на *ija-* от основ на *-i-*.

a-ОСНОВЫ

	Единствен- ное число	Множест- венное число
Номинатив	- <i>as</i>	- <i>ai</i>
Аккузатив	- <i>an</i>	- <i>ai</i>
Номинатив-аккуза- тив среднего рода	- <i>aī</i>	- <i>a</i>
Датив	- <i>a</i>	- <i>aī</i>
Аблатив	- <i>ati</i>	—
Генитив	- <i>as</i> , - <i>asi(s)</i>	—
Посессив	- <i>asi-</i>	—
Вокатив	- <i>a</i>	—

Остальные типы основ трудно выделить; так, например, нельзя отделить *u*-основы от *uwa*-основ; основы на согласные вообще выделить невозможно, так как в каждом отдельном случае их можно интерпретировать в качестве основ на гласные.

Прилагательные склоняются точно так же, как и существительные. Общей чертой всех хетто-лувийских языков является отсутствие степеней сравнения. В иероглифическом лувийском отсутствуют даже следы суффиксов сравнения, еще засвидетельствованных в хеттском и в лидийском; впрочем, это можно объяснить скудостью дошедшего до нас лексического материала. Миттельберггер отмечает несколько случаев употребления датива единственного числа на *-an* в иероглифическом, сравнивая его с предполагаемыми формами датива на *-an* в клинописном и на *-a* в лидийском. Элемент *-n* Миттельберггер связывает с дублетами типа иер. *QUata, QUatan* 'где' и хеттского датива-локатива *apiddan/apidda* 'тому', 'там' и т. п.

Наряду с прозрачными в генетическом отношении формами имеются и неясные флексии. Речь идет об окончаниях *-ī* (ном.-акк. мн. ч.), *-ī* (дат. мн. ч., ном.-акк. ед. ч. ср. р.), которые, возможно, связаны с соответствующими хетто-лувийскими местоименными формами [Иванов III, 130 и сл.]. Флексии множественного числа в иероглифическом резко отличаются от соответствующих форм в клинописном лувийском, в которых везде наличествует формант *-nz-* (и.-е. **ns*). Уже говорилось о том, что попытка Боссерта читать знак *ī* так же как *za*, а *i* как *zi* (при этом получается полный параллелизм

иероглифических и клинописных лувийских форм: иер. *-i^azi* = клин. *-inzi* — ном. мн. ч.; иер. *-i^aza* = клин. *-inza* — дат. мн. ч.) во многих случаях наталкивается на непреодолимые трудности.

Хотя ясно, что формы генитива и прилагательных-посессивов находятся в какой-то связи, точно определить их взаимоотношения в генетическом плане в настоящее время не представляется возможным. В более ранних работах еще не были известны три вида иероглифического генитива [Иванов III, 133—134].

Ввиду недостаточного объема засвидетельствованной иероглифической лувийской лексики можно только указать на некоторые именные словообразовательные суффиксы. В иероглифическом лувийском отмечено несколько существительных с суффиксом *-sha-* (клин. лув. *-sha-*) с неясным значением. Абстрактные существительные среднего рода образуются посредством суффикса *-his-* (клин. лув. *-hit-*): *kar-pártahis³a* (значение неясно), LUGAL-*his(a)* 'царство'. Существительные, обозначающие лиц женского пола, имеют суффикс *-š¹(a)ra/i-*: *hasuš¹(a)ra/i-* 'царица' и *papaš¹(a)ra/i-* 'сестра', ср. клин. лув. *pa-nasri-*.

Для образования существительных и прилагательных широко используется общеанатолийский суффикс *-nt-*: *tuwara^ata* 'виноградник(?)', *huhar^ati-* 'прадед', хет. *huhhanti-*, SAL-*tiā^atii* 'женские' от SAL-*tis*, ZIT-*tiā^atia^a* 'мужской' от ZIT-*tis* 'мужчина'. Весьма распространенным суффиксом прилагательных (относительных) был *-ali-*: *usali-* 'годовой' от *usi-* 'год', *tátāli-* 'отцовский' от *tāti-* 'отец'.

МЕСТОИМЕНΙΑ

ЛИЧНЫЕ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНΙΑ

В иероглифическом лувийском засвидетельствованы следующие личные местоимения 1-го и 2-го лица:

	1-е лицо		2-е лицо	
	Единственное число			
	Ударные	Энклитические	Ударные	Энклитические
Номинатив	<i>ámi</i>	<i>-mi</i>	<i>-ti</i>	
Аккузатив	<i>ámi</i>	<i>-mi</i>		
Датив	<i>ámi</i>	<i>-mi</i>		<i>-ti(?)</i>
	Множественное число			
Номинатив			<i>uWs</i>	
Аккузатив	} <i>waī, àWī</i>	<i>-ī</i>	<i>uWī</i>	<i>-maī</i>
Датив				

Миттельбергер для 1-го лица единственного числа принимает также энклитику *-mī* с функцией датива (и номинатива?). Для клинописного установлена пока только энклитика *-mi* с функциями прямого и косвенного дополнения. В ликийском *ami*, *ēmi*, *eti* (и *-mi?*), по-видимому, употреблялись в тех же функциях. Лувийская подгруппа не сохранила имеющейся еще в хеттском основы номинатива единственного числа *uk*; лувийским формам соответствуют хеттские датив-аккузатив *attuk*, энклитика *-mi*. Но в новохеттском произошел процесс, аналогичный лувийскому: проникновение основы датива-

аккузатива в номинатив наблюдается во всех личных местоимениях, за исключением 2-го лица единственного числа.

Миттельбергер полагает, что во 2-м лице имелась энклитика *-ti*, выступавшая в функции датива, отличная от возвратного *-ti* для 3-го лица и параллельная *-mi*. В клинописном, возможно, отмечено *tuwis* 'ты' или 'твой' (по Мериджи), в хеттском номинатив *zik*, датив-аккузатив *tuk*, энклитика *-ta/-tu*.

Неясны формы местоимения «мы» (чтение знака W точно не установлено). Если верно предположение О. Каррубы о том, что в клинописном лувийском имеются номинатив *anzas* и аккузатив-датив *anza*, энклитика *-zas* [Сагуба II], то это было бы хорошим аргументом в пользу гипотезы Боссерта (см. выше). В хеттском находим датив-аккузатив *anzas*, старый номинатив *wēs*, энклитику *-nas*.

Согласно предположениям Каррубы, в клинописном лувийском зафиксированы следующие формы 2-го лица множественного числа: номинатив *uzas*, датив-аккузатив *unza* и энклитика *-mmas*. В хеттском находим отличающиеся формы: номинатив *sumēs*, датив-аккузатив *sumas*, энклитику *-smas*.

Если *ti* в иероглифическом действительно старый номинатив, то наряду с хеттским и палайским он сохраняет важный архаизм: основу *ti*- для номинатива по сравнению с *tu*- в косвенных падежах.

В 3-м лице существует лишь энклитическое местоимение (вместо ударных форм используются указательные местоимения) *-a*-:

Номинатив	-as	} -ata
Аккузатив	-an	
Номинатив-аккузатив; среднего рода	-ata	
Датив	-tu	-maṭ

Данная парадигма полностью совпадает с клинописной лувийской, за исключением датива множественного числа *-mmas*. Примечательно, что энклитика датива множественного числа имеет одну форму для 2-го и 3-го лица также и в клинописном лувийском и в хеттском (хет. *-smas*). В других падежах множественного числа новохеттский почти полностью повторяет эволюцию, которую прошли до этого лувийские диалекты: первоначальная форма номинатива-аккузатива единственного числа среднего рода *-ata* (<**ai*) возникла в номинатив и аккузатив множественного числа обоих родов. В новохеттском *-at* заменило старое *-e* в номинативе общего рода и номинативе-аккузативе среднего рода. В ликийском соответствующая форма была, по-видимому, *-ede*; ср. также лид. *-aš* 'он', *-a* 'его', *-ad*, *-at* 'оно'. Происхождение датива единственного числа *-tu* неясно.

В иероглифическом лувийском имеется возвратное энклитическое местоимение *-ti* 'себя', 'себе', идентичное клин. лув. *-ti*, лик. *-ti*. С ним явно связано хет. *-z(a)* с тем же значением.

Среди притяжательных местоимений наиболее известна парадигма 1-го лица единственного числа (*ā*)*mi(a)s* [*amis* или *amijas*?], которое склоняется по типу *i*-(*ija*)-основ. От 2-го лица того же числа известны только формы аккузатива *tuwan* 'твой' и аблатива *tuwari* 'твоим'. Если клинописное лувийское *tuwis* действительно означает «твой», то можно и иероглифическую основу читать *tuwi*-. 1-е лицо множественного числа засвидетельствовано двумя неясными формами *āis* (ном. ед. ч.) и *āiā* (дат. ед. ч.). Также сомнительны формы 2-го

лица *iin* (акк. ед. ч.) и *uaria* (абл.); ср. клин. лув. *usmantin* (акк. ед. ч.) 'ваш' (по Мериджи).

В ликийском пока известна только основа *ēmi-* 'мой', идентичная основе *ēti-* в лидийском. В древнехеттском притяжательные местоимения были энклитичны; в новохеттском вместо них используется генитив соответствующих личных местоимений. Общехетто-лувийская тенденция выражать притяжательность ударными формами была реализована различными способами.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

В иероглифическом лувийском имеются два основных указательных местоимения *i-* 'этот' и *(á)pa-* 'тот'; последнее выступает и в функции ударного анафорического местоимения «он»:

Номинатив	<i>is</i>	}	<i>ii</i>	<i>ápas</i>	}	<i>áp(a)i</i>
Аккузатив	<i>in</i>					
Номинатив-аккузатив						
среднего рода	<i>i</i>		<i>iā</i>	<i>ápi</i>		<i>ápā</i>
Датив	<i>iti</i>		<i>itiāi</i>	<i>ápati</i>		<i>ápatai</i>
Генитив	<i>isi</i>			<i>ápasi</i>		

Некоторые формы свидетельствуют о тенденции к переходу *(á)pa-* в основы на *-i-*, например: ном. ед. ч. *ápis*, акк. ед. ч. *ápin* и т. п. Парадигма данного местоимения почти полностью совпадает с клинописной лувийской. В отличие от лувийского и хеттского в ликийском основа *ebe-* имеет значение «этот». Датив единственного числа имеет флексию с дентальным, ср. лув. *apati*, хет. *apēti*. Видимо, дативы функционировали и в качестве аблативов. Эти же формы имеют значение локативов-наречий «здесь», «там».

Этимология местоимения «этот» остается неясной. В клинописном лувийском это значение передается основой *za-*, в хеттском *kā-*. И. Фридрих и за ним Э. Ларош предполагают, что иероглифической праформой была **ki-*; палатализованный гуттуральный перешел в *j*: **ji > i*. В свою очередь клинописное *za-* родственно хет. **sa-*, сохранившемуся лишь в формах косвенных падежей. Однако в данном случае гипотеза Боссерта о *i = zi*, *i = za* предполагает полное тождество основы и склонения данного местоимения в обоих лувийских языках. Как видно, эта гипотеза вполне убедительно объясняет многие факты иероглифического склонения. Более подробное изложение аргументов за и против этой гипотезы см. у Миттельбергера [Mittellberger I, 85, прим. 40].

В иероглифическом лувийском имеется ряд указательных местоимений с неполной парадигмой (или же несклоняемых). Сюда относятся: *aš¹(a/i)-*, *is* или *si* (чтение очень сомнительно) и, согласно Миттельбергеру, *áti* (все они имеют приблизительное значение «тот»). С иер. *aš¹(a/i)-* можно непосредственно сравнить хет. *asi*, также несклоняемое и с тем же значением. Миттельбергер предполагает, что *aš¹(a/i)-* и *áti* возникли из номинатива энклитических местоимений путем прибавления дейктических частиц *a*, *i*, т. е. **a = s + i/a* и **a = t + i/a*. Однако пока ничего определенного о генезисе этих форм сказать нельзя.

Притяжательное местоимение 3-го лица «его», «свой» является по-сессивом на *-asi-* от основы *ápa-*; склоняется оно по типу *i*-основ.

ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ И НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Точное соответствие иероглифическому вопросительно-относительному местоимению *QUas* находим в клин. лув., хет. *kwis*, лид. *qis*; лик. *ti* — результат собственно ликийских фонетических изменений. Склонение этого местоимения идентично склонению указательных. Неопределенное местоимение *QUasha* соответствует клин. лув. *kwi-sha*, хет. *kwiša*; *ni QUasha* — хет. *natta kwiski*; в ликийском имеется неопределенное местоимение *tice*. Обобщающее относительное местоимение имеет форму *QUas QUas*, в хет. — *kwis kwis*. Часто различные формы этих местоимений функционируют в качестве наречий и союзов; в большинстве случаев их значение все еще остается невыясненным. То же самое можно сказать и о местоимении *i+ā-s*, даже чтение которого точно не установлено. Понятие «никакой, никто» передается также основой *nālai-*, но непосредственная связь его с лат. *nullus* весьма сомнительна.

От основы вопросительно-относительного местоимения образован союз *kuman* 'пока, когда', который, согласно Ларошу, развился из общелув. **kwiman*, соответствующего хет. *kwitmān* с тем же значением.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Поскольку в лувийской иероглифике числительные постоянно пишутся цифрами, мы можем сказать о них лишь немного. Известно, что основа числительного «один» оканчивается на *-t-*; ср. хет. *1-etta*, *1-da* (?). Числительное «два» встречается в форме акк. мн. ч. *tuwai*; ср. лик. *tu-*, хет. *duja-*. Возможно, что *tuwan* означает «второй». В этом случае его можно сравнить с лик. А *cbi*, лик. Б *tbi*-< **twi*-. Наречие «трижды» передается формой *l(a)ra/isu*; ср. хет. *trēs* 'три', лик. Б *trisu* 'трижды' (ср. *tbišu* 'дважды'). Так как фонетические знаки *mi* 'четыре черточки' и *ni* 'девять черточек' образованы по принципу акрофонии, их можно сравнить с хет. *tewa-*, клин. лув. *mawa-*, лик. *mi-* 'четыре'; «девять», видимо, содержится в лик. *nu(ñtāta)*. Возможно, что полное чтение последнего в иероглифическом — *niwāt*.

Числительные в иероглифическом часто согласуются с существительным в единственном числе, например, IV-*n ārutin* (акк. ед. ч.). Точно такое же положение в ликийском: *cm̄masñta wawā se cm̄masñta kawā* 'пятьдесят (?) быков и пятьдесят (?) овец'.

ГЛАГОЛ

ОСНОВЫ

Из производных основ засвидетельствованы следующие:

1) каузативные с суффиксом *-ni(wa)-*. Они весьма многочисленны и продуктивны, как и в клинописном лувийском, и в хеттском, например: *as³aniwa-* 'сажать' от *as-* 'сидеть'. От многих глаголов сохранились лишь каузативы, а не простые основы, что объясняется в большинстве случаев малым словарным запасом надписей;

2) итеративные с основой на *-s-*. Хеттскому суффиксу *-sk-* в лувийском соответствует *-ss-*, в ликийском — *-s-*. Надежно этот суффикс засвидетельствован лишь в нескольких глаголах, например: *pi³as-* 'давать' от *piā-* 'дать', клин. лув. *pipiss-*; *usanus-* 'превозносить' от *usani-*;

3) видимо, также итеративные или дуративные основы с редупликацией, например: *su(wa)-* 'наполнять' — *susu-* (ср. хет. *suwa-*); *š'arlai-* 'приносить в жертву' — *saš'arla-*, клин. лув. *sarlai/a-*;

4) отыменные глаголы с суффиксом *-ni-*, например: *harwani-* 'посылать' от *harwa-* 'дорога';

5) образования с чередующимися суффиксами *-a/-ai-/i(a)-*, многие из которых — отыменные, например: *tupi(a)-* 'бить', клин. лув. *tu-pai/i-*, лик. *tubei/i-*; *tarwanaī-* 'править' от *tarwani-* 'правитель'; *urai-* 'увеличивать(ся)' от *ura/i-* 'великий'; *lapani-* 'пасти', ср. клин. лув. *lapana-* 'пастбище'; *tanata-* 'обносить стеной' от *tanata-* 'стена'. Как и в клинописном лувийском, в иероглифическом нельзя обнаружить никакой закономерности в распределении этих суффиксов.

СПРЯЖЕНИЕ

Хотя большинство глагольных форм, дошедших до нас из клинописного и иероглифического лувийского, соответствует хеттскому *mi*-спряжению, наличие форм 3-го лица единственного числа презенса типа клин. лув. *tiwai* и иер. лув. *ta(a)*, *tiwa(a)* заставляет предполагать существование хотя бы отдельных форм, соответствующих хеттскому *hi*-спряжению. Несмотря на то что Мериджи полагает, что мы имеем дело с особой формой «конъюнктива» или «оптатива» (встречаются лишь формы 3-го лица), более правдоподобным представляется мнение Миттельбергера и других исследователей о параллельном употреблении форм *mi-* и *hi-*спряжений. Тот факт, что многие глаголы имеют в 3-м лице обе формы, вряд ли может служить серьезным аргументом против того, что формы на *-a* представляют собой остатки *hi*-спряжения, поскольку и в хеттском такие колебания чрезвычайно многочисленны; ср. *ezzazzi* 'ест' и *ezzāi*, *lāmi* 'отпускаю', но *lāi* (3-е л. ед. ч.), *pittaizzi* 'убегает' — *piddāi*. Во всяком случае, конъюнктив совершенно выпадает из общей картины хетто-лувийского спряжения.

Иероглифический лувийский глагол имел два залога: актив и медиопассив. Однако засвидетельствовано лишь несколько форм в медиопассиве: *aiāru* 'да сделается' (3-е л. ед. ч.), а также глагол с неясным значением *47-mitarru*. В активе (о медиопассиве у нас нет достаточных сведений, хотя а priori можно предполагать для него аналогичные категории) различаются два наклонения — индикатив и императив — и два времени — презенс и претерит, три лица и два числа:

	Презенс		Претерит		Императив	
1-е л.	<i>-wi</i>	?	<i>-ha</i>	<i>-min(?)</i>	—	—
2-е л.	<i>-si</i>	<i>-tani(?)</i>	<i>-s(a)(?)</i>	?	<i>-a</i>	?
3-е л.	<i>-ti(-ri); -a</i>	<i>-ⁿti; -a</i>	<i>-ta(-ra)</i>	<i>ⁿta</i>	<i>-tu(-ru)</i>	<i>-ⁿtu</i>

Неясна форма *ar.āi*; возможно, она является формой презенса 3-го лица единственного числа. Все еще спорным остается вопрос о функции образований на *-min*: Мериджи, вслед за Барнеттом, видит в них 1-е лицо множественного числа претерита, ср. хет. *-wen/-men*, а Миттельбергер — отглагольные существительные. Однако в контексте финитные формы дают лучший смысл.

В клинописном лувийском в единственном числе находим тождественные флексии. Во множественном, согласно Каррубе, были сле-

дующие окончания: *-wani>-un(n)i*, *-tani*, *-nti* (презенс); *-man*, *-lan*, *-nta* (претерит).

В иероглифическом только в глаголе-связке (1-е л. ед. ч. презен-са) сохранилось окончание *-mi*. В клинописном лувийском отмечается *-mi* наряду с *-wi*, хотя обычно предполагается, что *-mi* появилось в результате диссимилиации: *awimi< *awiwī*. Неубедительна попытка Миттельбергера расчленить обычный начальный комплекс в надписях как *ātu-wa-mi*, где *-mi* плеонастически указывает на 1-е лицо. Лучше сохранить старое толкование Мериджи, согласно которому в *ātu-wa-mi* *-w-* — глайд, а *-ami< *asmi* с утерей *-s-* в энклитической позиции; ср. лид. *-im* тж.

Но при этом нельзя согласиться с тезисом Мериджи о том, что глагол в иероглифическом лувийском, как в ликийском и лидийском, не различал чисел в 3-м лице. То обстоятельство, что «ротацизм» имеет место лишь в формах единственного числа, но не множественного, доказывает, что в последнем случае сохранялся или *n* или на-зализация гласного перед *t*. Поэтому в соответствующих формах транслитерируем *-ⁿti*, *-ⁿta*, *-ⁿtu*.

Парадигмы глаголов: *ās-* 'быть', *aia-* 'делать', *tu(wa)-* 'ставить'

	Презенс		Претерит		Императив	
1-е л.	<i>-ami</i>		<i>āsha</i>			
2-е л.						
3-е л.	<i>āsti</i>	<i>āsaⁿti</i>	<i>āsta</i>	<i>āsaⁿta</i>	<i>āstu</i>	<i>āsaⁿtu</i>
1-е л.	<i>aiāwi</i>		<i>aiaha</i>		<i>aiāmin(?)</i>	
2-е л.			<i>aās(??)</i>		<i>aiā</i>	
3-е л.	<i>ai(a)ti</i>	<i>aiaⁿti</i>	<i>aiata</i>	<i>aiaⁿta</i>	<i>aiatu</i>	<i>aiaⁿtu</i>
1-е л.			<i>tu(wa)ha</i>			
2-е л.					<i>tu(<tuwa)</i>	
3-е л.	<i>tuwati</i> , <i>tuwa</i>	<i>tuwaⁿti</i> , <i>tuwa</i>	<i>tu(wa)ta</i>	<i>tuwaⁿta</i>	<i>tuwatu</i>	<i>tuwaⁿtu</i>

Именными формами являются инфинитивы с суффиксом *-un(a)*, *-n(a)*: *Ṭi-aun*. 'идти', *240-min*. 'строить', *aiaš.tun*. 'почитать'. В клинописном лувийском инфинитивы образуются посредством того же суффикса: иер. *ārun*. 'есть' — клин. *aduna*. В хеттском существуют похожие форманты — инфинитив II на *-anna* и супин на *-wan*, в ликийском суффикс инфинитива *-āne/-ēne*. Миттельбергер выделяет в иероглифическом еще и отглагольные существительные на *-(u)na/i*: *aruniai* 'принятие пищи', *5-unas* (т. е. *akunas?*) 'питье'; ср. хет. *akuwanna*.

Имеются два причастия — пассивное с суффиксом *-mi* и причастие на *-ⁿt-*, видимо имеющее активное значение, если оно образовано от непереходных глаголов. Причастия на *-mi* характерны для всех лувийских языков, а также для лидийского; в хеттском их нет. Напротив, единственное в хеттском *nt*-причастие в иероглифическом и клинописном лувийском встречается очень редко. Оба эти причастия склоняются по типу основ на *-i* или *-ia*, например: *tuwa-mian* 'поставленный', *pihamis* — название какого-то титула; *QWasa³ⁿta* 'испуганные' (ном. мн. ч. ср. р.), *-wasaⁿtis* 'благословенный' (ном. ед. ч. общ. р.).

ПОСЛЕЛОГИ

Послелогии (крайне редко выступающие в качестве предлогов), как и в других хетто-лувийских языках, являются одновременно превербами. Большинство из них совпадает с соответствующими формами в клинописном лувийском и в хеттском. Ниже приводится их список:

āpan 'за', 'вновь', 'после' — клин. лув. *appa(n)*, хет. *appa(n)*, лик. *epñ*;

ā'tā 'в', 'внутри' — клин. лув. *anda*, хет. *anda(n)*, лик. *ñte*;

arha 'из', 'от' — хет. *arha*, лик. *eri*;

katta 'под', 'внизу' — хет. *katta(n)*;

īnan 'среди' — клин. лув. *annan* 'под', лик. *ēnē*;

ha'ta, *ha'ti* (?) — хет. *hanti* 'особенно';

parā 'из', 'от' — клин. лув. *pari*, хет. *parā*, лик. *pere*;

paran 'перед' — клин. лув. *parran*, хет. *piran*;

sara/i, *sarata* 'над', 'вверх' — клин. лув. *sarri*, *sarra*, хет. *sēr*, *sarā*, лик. *hri*;

tarpa/i 'против' — лик. *trbbi* (?);

tu'ra/i (?) 'далеко', 'прочь' — хет. *tuwa-*.

Чтение послелогов/превербов *26-ān* и *50-na* неясно, и их точные значения не установлены.

В ликийском все послелогии перешли в предлоги; на подобную тенденцию в клинописном лувийском указывает предлог (не послелог!) *annan*. Падежное управление иероглифических послелогов в основном совпадает с хеттским. Как и в хеттском, наблюдается «нагромождение» превербов: *āpana ā'tā*, *sara/i katta* [Meriggi IV, 69—75; Laroche III, 174—186].

СОЮЗЫ

Кроме союзов, образованных от основы *QUa-*, имеются еще два очень употребительных союза: сочинительный *-ha* 'и, также' (клин. лув. *-ha*, лик. *-se*, лид. *-k*) и энклитический *-ra*, имеющий легкий противительный нюанс, как хет. *-ta*, греч. *δέ*. В клинописном лувийском встречается и ударное *ra-*, не появляющееся в иероглифическом. В ликийском существуют частицы *-be*, *-(p)pe*, значение которых неясно.

СИНТАКСИС

Как и в остальных хетто-лувийских языках, в иероглифическом лувийском начало каждого предложения характеризуется цепочкой энклитик после первого ударного слова. Энклитики располагаются в следующем порядке после главного слова: 1) союзы *-ha* или *-ra* (исключающие друг друга); 2) частица прямой речи *-wa-*; 3) энклитическое местоимение косвенного объекта в дативе; 4) энклитическое местоимение прямого объекта в аккузативе; 5) глагольная частица *-ta*. Появляющаяся иногда возвратная частица *-ti* занимает место между второй и третьей позициями.

В клинописном лувийском наблюдается тождественный порядок энклитик. Часто частица прямой речи *-wa-* вводит предложение; в этом случае порядок остальных энклитик не изменяется, но сама частица может принимать форму *āwa(-)*. Можно отметить следующие отличия иероглифического от клинописного лувийского: в иерогли-

фическом не появляется частица *a-*, вводящая предложение; ее место занимает (*á*)*wa-*; в клинописном лувийском частица *-wa-* указывает на цитируемую речь, в отличие от иероглифического, где она всегда передает прямую речь; в хеттском та же ситуация, что и в клинописном лувийском (см. выше, стр. 24). В иероглифическом союз *-pa* не может стоять в начале цепочки энклитик; в клинописном же он весьма часто занимает данную позицию. В клинописном лувийском различаются две глагольные частицы *-tta* и *-tar*, функционально соответствующие хеттским *-kan* и *-san*; в иероглифическом имеется лишь *-ta*.

Порядок слов в предложении свободный, но, как и в других хетто-лувийских языках, глагол имеет тенденцию стоять в конце предложения. Наиболее типичен следующий порядок слов: подлежащее в номинативе — прямое или косвенное дополнение в аккузативе, соответственно в дативе — обстоятельства (аблатив, наречия) — преверб — сказуемое (глагол), например: *wa-m(u)-atáa itia 238 humali AS as³-aniwaha* букв. 'и себе (= мне) их на этом пьедестале я посадил'.

В придаточных относительных относительное местоимение может занимать любую позицию; ввиду этого его трудно отличить от омонимичных союзов и наречий.

Что касается глагольной частицы *-ta*, то ее значение все еще не установлено с достоверностью; в большой мере это относится и к соответствующим частицам в хеттском и в клинописном лувийском. Можно только сказать, что она первоначально появлялась при глаголах движения, да и то не во всех случаях. Особенно часто встречается она при сочетаниях глаголов с превербами. В иероглифическом имеется только одно отрицание *ní* (*na* по Мериджи) в отличие от клинописного лувийского, хеттского и ликийского, различающих простое и запретительное отрицания. При запрещении в иероглифическом отрицание может сочетаться и с индикативом, и с императивом.

Сочинительный союз *-ha* связывает отдельные члены предложения (но при однородных членах предложения может иметь место бессоюзие), а вместе с частицей *-wa* — целые предложения. Союз *-pa* служит для связи между предложениями. Союз *pira³wa* (где *-pa* и *-wa* уже не осознаются как отдельные частицы) имеет значение «или» и связывает как отдельные предложения, так и части предложения. Придаточные условные вводятся союзом *mal* 'если', 'будь'; ср. хет. *māl*. Многие падежные формы относительного местоимения выпали из парадигмы и используются в качестве союзов, вводящих придаточные относительные, временные, уступительные и т. д., например: *QUapa³wa* 'в то время, как', *QUatan* 'где', 'в которых', *QUati* 'с тем, чтобы', *QUi* 'хотя' и др. Надо отметить, что в иероглифическом лувийском весьма распространены именные предложения, в которых глагол-связка в презенсе почти всегда опускается (почти все исключения сомнительны).

Синтаксис падежей в иероглифическом лувийском почти не отличается от такового в хеттском. Всяма характерной конструкцией для всех анатолийских языков является двойной винительный, например: *ápá³-pa-wa "Nikarwas ŠUWANnial ápasin HARMAHhin arha áta³tu!* букв. 'Его же бога Никарва собаки его голову пусть прочь отожрут!', т. е. 'Пусть ему его голову...'. Датив употребляется и в функции локатива. Аблатив также имеет две функции: собственно отложительную и инструментальную. Генитив широко используется в функции номинатива существительного, обозначающего обладание чем-

либо, например: *wa-(a)tà aiāru HAWAwasi WAWAwasi...* [*wa-ata aiāru hawasi wawasi...*] 'Да станут они [владельцами] овец, быков...'. Ср. хет. *hwiswannas* '[тот] жизни=долговечный'.

ЛЕКСИКА

Наиболее тесные лексические связи иероглифический лувийский обнаруживает с клинописным лувийским и с другими языками лувийской подгруппы. Кроме того, в иероглифическом и хеттском имеется некоторое количество слов, не находящихся соответствий ни в одном из лувийских языков. Однако необходимо принимать во внимание следующее обстоятельство: от клинописного лувийского сохранились только магические заклинания, от иероглифического — преимущественно строительные надписи, от ликийского — эпитафии и один исторический и ритуальный текст (Ксанфская стела). В то же время от хеттского языка сохранились тексты самого разнообразного содержания, поэтому не удивительно, что часто соответствие тому или иному слову любого хетто-лувийского языка мы можем обнаружить только в хеттском.

Следующие слова типичны для лувийской подгруппы:

иер., клин. лув. *harmahi-*, но хет. *harsan-* 'голова';

иер., клин. лув. *hali-* 'день';

иер. *ara/i-*, клин. лув. *arra/i-* 'длинный';

иер. *harwa-*, клин. лув. *KASKAL-wa-* 'путь';

panas¹(a)ra/i-, клин. лув. *panasri-* 'сестра';

иер. *pašani-*, клин. лув. *DUMU-anni-* 'сын'; лик. *esedē(ñ)-newe* 'потомство';

marus³anati-, ср. клин. лув. *marru(wa)-* 'красный';

ziti-, клин. лув. *ziti-*, лик. Б *ziti* 'мужчина'.

Следующие слова имеют соответствия в хеттском:

aia-, клин. лув. *a ja-*, а-, лик. *a(i)-*, е-, хет. *ija-* 'делать';

arma-, клин. лув., хет. *arma-* 'бог луны'; 'месяц', лик. *erṯme-* (компонент имен собственных);

arha-, хет. *arha-*, *irha-* 'граница';

aš¹i-, хет. *assija-* 'любить', лид. *ašēmi-(?)*, лик. *ahāma-(?)*;

āšu(wa)-, лик. *esbe-* 'лошадь', ср. хет. фонетический комплемент *-un* (акк. ед. ч.);

ātuwata-, клин. лув. *adduwali-*, хет. *idālu-* 'плохой';

hatali-, хет. *hattali ja-* 'разбить';

hartu-, хет. *hartuwa-* 'потомок';

his³hi-, клин. лув. *hishi ja-*, хет. *ishi ja-* 'связывать';

huha-, хет. *huhha-*, лик. *kuga-* 'дед';

tā-, хет. *dā-* 'брат';

pia-, клин. лув., хет. *pi ja-*, лик. *pi je-*, 'давать';

pati-, клин. лув., хет. *pata-*, лик. *pede-* 'нога';

para-, *parnu-*, клин. лув. *parra-*, *parpa-*, хет. *parh-*, *parhnu-*, лик. *pabra-* 'гнать';

pas³QUa-, ср. хет. *pasku wāi-* 'пренебречь';

usi-, клин. лув. *ussa/i-*, лик. *uha-*, хет. *wet-* 'год';

QUi-, хет. *kwen-*, лид. *qēn-* 'выбивать' и др.

Некоторые слова имеют соответствия только в поздних языках. Таковы, например: *hawa-* 'овца', лик. *ka wa-*; *wawa-* 'бык', лик. *wa wa-*; *hasami-* 'род', лик. Б *gezṯmi*; *ar(a)tal-* (существительное с неясным значением), ликийские имена собственные *Ertllēni*, *Erteli jesi-*; *tās²i* 'стела', лид. *taše-*, лик. *tas-*; *uwamias* — название какого-то

титула, лик. *Uw̃mi* — имя собственное; *ap̃i aⁿtá w̃lia-* 'возвышать', лид. *ēn-vała-* (существительное с неясным значением); *haiā-nis(a)* 'святилище (?)', лик. Б *qaja*, ср. хет. *hā-* 'верить'. Некоторые слова, по-видимому, были заимствованы из хеттского еще в период Хеттского царства. Большинство из них относится к официальной лексике. Например: *hasuś¹ara/i-*, хет. *hassussara-* 'царица'; *haturali-*, хет. *hatrāi*, лик. Б *qidri-* (?) 'писать', 'письмо'; *laparna-*, хет. *labarna-* 'царь'; *istana-* 'день' наряду с *hali-*, хет. *istanus* 'бог Солнца' из хатт. *estan*; сюда же титул *i⁸+(t)staris³-mias* из хет. *istanus-mis* (= ^dUTUŠI) 'мое солнце'. Возможно, к этой группе слов надо отнести и глагол *lamanisa³-* 'называть' при *āilmaī-* 'имя' и хет. *lā-tan* 'имя', *lamnija-* 'называть'.

Приведенный выше материал иллюстрирует в достаточной мере тесное родство всех этих языков и гарантирует плодотворность их дальнейшего изучения с этимологической точки зрения.

ХЕТТО-ЛУВИЙСКИЕ ЯЗЫКИ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ (БУКВОПИСНЫЕ)

В то время как на юго-востоке хетто-лувийской территории создавались последние памятники иероглифического письма, на западе хетто-лувийцы начинали пользоваться буквенным письмом. Следует, однако, отметить, что никакой преемственности между ранними и поздними письменностями хетто-лувийцев не существует: ведь между клинописью (в частности, клинописью западных территорий) и буквенным письмом существовал разрыв в несколько столетий (подобный разрыв имел место между греческой слоговой и буквенной письменностями).

Нам неизвестно, как сложилась судьба хеттов, обитавших в районе современного Богазкёя. Возможно, они были ассимилированы пришлыми племенами, возможно, под напором этих племен переместились — по крайней мере частично — на другие территории. Потомки же хетто-лувийцев, обитавших на западе Малой Азии, появляются на исторической арене I тысячелетия до н. э. уже как лидийцы и карийцы¹⁷. Это не значит, что карийцы и лидийцы были потомками именно тех хеттов, от которых до нас дошли клинописные тексты. Карийский и лидийский языки, несомненно, ближе хеттскому, чем лувийскому, однако они значительно отличаются как от хеттского, так и друг от друга. Следует к тому же учесть, что карийцы, а также лидийцы как отдельные народности существовали, по-видимому, уже во второй половине II тысячелетия до н. э.; в ту эпоху, к

¹⁷ Очевидно, одним из хетто-лувийских племен поздней поры были мэоны, или мавны (ср. кар. *maṇa-* — основа этнонима или имени лица), ведущие свое название от имени богини Мав (*Mawī*), широко почитавшейся в Малой Азии I тысячелетия до н. э. По некоторым сведениям, так называли себя лидийцы; возможно, однако, мэоны не были лидийцами, а лишь близки им по языку (не исключено, что на этом языке написана обнаруженная недавно архаичная надпись из Сард, в которой использовано письмо, очень близкое лидийскому). Очевидно, потомками западных хетто-лувийцев были и троянцы XIII—XII вв. до н. э.; кстати, название Трои (греч. *Troia*) содержит ту же основу, что и лик. Б *trujell* 'по-труйски' = 'по-милиийски' (милиийский = лидийский Б); об этом говорит, в частности, анализ имен троянцев. Так, имя троянского царя Приама идентично лик. *prijāma* и хет.-лув. **pari-jama-* (от хет.-лув. *parija(n)* < *pari* 'вперед', 'перед'); это слово значило, очевидно, «выдающийся, первый».

которой относятся последние клинописные тексты. Очевидно, то же можно сказать и о лидийцах. (Правда, такие названия, как *Karkija* и *Lukka*, в ранних иноязычных текстах могли относиться к племенам, которые первоначально говорили не на хетто-лувийских языках и лишь впоследствии подверглись ассимиляции со стороны хеттов и лувийцев, сохранив, однако, свои самоназвания.)

По всей вероятности, в древности существовали различные хеттские диалекты, один из которых лег в основу хеттского языка, другой — в основу лидийского, третий — в основу карийского и т. д.; в дальнейшем и эти языки подверглись диалектному членению. Следует учесть, однако, что между отдельными хетто-лувийскими диалектами и даже языками не существовало четких границ; ряд изоглоссов объединяет языки, входящие в разные языковые подгруппы (например, отдельные языковые явления общи лидийскому и ликийскому языкам, хотя первый входит в подгруппу собственно хеттских, или хетто-лидийских, языков, а второй — в подгруппу лувийских, или лувийско-ликийских, языков; лидийский язык характеризуется некоторыми особенностями, типичными для языков лувийской подгруппы; некоторые черты ликийского находят аналогии в хеттском).

Если из хетто-лувийских языков поздней поры в подгруппу собственно хеттских входят лишь карийский и лидийский (причем карийский образует в генетическом отношении как бы связующее звено между хеттским и лидийским языками); то в лувийскую подгруппу входит целый ряд языков, из которых, однако, лишь ликийский А и Б, писидийский и сидетский представлены письменными памятниками. Большинство позднелувийских языков представлено лишь собственными именами и немногочисленными глоссами, известными из греческих передач. Как показали Ф. Хоуинк тен Кате и Л. Згуста [Houwink; Zgusta I, 559 сл.; Zgusta II, 7 сл.], к таким языкам могут быть отнесены киликийский, ликаонский и некоторые другие. Эти идентификации еще раз подтверждают, что в I тысячелетии до н. э. вся южная полоса малоазийской территории, от Ликии до Киликии, была заселена племенами, говорившими на позднелувийских языках. К концу I тысячелетия до н. э. большинство хетто-лувийских племен Малой Азии было ассимилировано греками и другими народностями, однако отдельные островки хеттоязычного населения существовали вплоть до середины I тысячелетия н. э. [ср. Neumann I, 106].

Трудно сказать что-либо определенное о диалектном членении «мелких» позднелувийских языков. Как и в архаичном мийском — ликийском Б, в ряде языков сохранилось *s*, перешедшее в *h* в ликийском А; некоторыми специфическими особенностями характеризовался сидетский язык; в целом же позднелувийские языки весьма близки между собой. Несомненно, очень близкими были вообще все лувийские языки, как это видно из сравнения лувийского, палайского, иероглифического лувийского и ликийского языков, тексты которых характеризует большой временной и географический разброс.

Тесная генетическая близость лувийских и значительная разобщенность хеттских (хеттский, лидийский, карийский) языков делают возможной мысль о существовании более чем двух языковых подгрупп или, во всяком случае, о существовании двух или более диалектных подгрупп среди собственно хеттских языков.

Существует теория, согласно которой лидийцы, карийцы и ликийцы в доисторическую эпоху обитали на более северных территориях, а затем на рубеже II и I тысячелетий до н. э. переместились к югу, возможно под напором других индоевропейских племен, вторгавших-

ся с Балкан (эти племена занимали в историческую эпоху весь северо-запад Малой Азии). Согласно другой теории, лидийцы обитали на своей территории уже в конце III — начале II тысячелетия до н. э. (однако в этом случае речь может идти не о потомках хеттов, а об автохтонной малоазиатской народности, впоследствии ассимилированной хеттами).

Весьма сложен вопрос о древнем расселении хетто-лувийцев на более западных территориях — юге Балкан и островах. Несомненно, хетто-лувийцы, обитавшие на малоазиатском побережье и прилежащих островах, с древних времен были искусными мореходами. Естественно предположить, что они основывали колонии в самых различных районах Средиземноморья. Такой спорадической колонизацией и объясняется, по-видимому, существование в Греции и в других районах топонимов и имен хетто-лувийского происхождения [ср. Гиндин], наличие карийских поселений в Египте и в других местах и т. п. Согласно традиции ликийцы (*Teruila*; ср. самоназвание ликийцев *trmili*) и карийцы переселились «к себе» с Крита; в действительности речь, очевидно, может идти о возвращении на материк ликийских и карийских колонистов (хотя более широкое первоначальное расселение хеттов не исключено). Интересно, что имя легендарного царя критских ликийцев Сарпедона находит аналогии в лик. *zrppedu*, *zrppudei*, Σερπ(υ)δης; Сарпедон был братом Миноса, царя Крита, во флоте которого, по преданию, служили карийцы, обитавшие на Кикладах. На островах и греческом материке карийцы селились, по-видимому, примерно в тех же местах, в которых селились лелеги; иногда карийцев отождествляют с лелегами, иногда же полагают, что лелеги были автохтонной народностью, которую карийцы подчинили себе.

Вторая теория более вероятна: лелегов можно отождествить с *lulah(h)i*-, упоминаемыми в хеттских и лувийских текстах: слово это, видимо, хаттского происхождения (во всяком случае, неиндоевропейского). При исследовании вопроса о древнем расселении карийцев и ликийцев на западных территориях следует постоянно иметь в виду, что речь идет о хетто-лувийских народностях, судьбы которых неразрывно связаны с судьбами других хетто-лувийцев.

В историческую эпоху Кария была сильным государством, до середины IV в. до н. э. господствовавшим над частью Ликии (над другой частью которой господствовали персы, но которая тем не менее обладала значительной автономией). О самой Ликии известно немного, хотя именно на ликийском языке составлена большая надпись исторического содержания, обнаруженная в Ксанфе и относящаяся, возможно, к самому началу IV в. до н. э.¹⁸ Довольно хорошо известна история Лидии, которая после длительной борьбы с киммерийцами предприняла завоевание греческих, карийских и других городов Малой Азии: в середине VI в. до н. э. лидийский царь Крез распространил свою власть почти на весь полуостров. В 546 г. до н. э., однако, Лидия была покорена персидским царем Киросом. Культура Лидии, Кари и (в меньшей степени) Ликии складывалась под значительным влиянием греческой культуры. К III—II вв. до н. э. лидийцы, карийцы и ликийцы были ассимилированы греками.

¹⁸ Самое позднее — к 396 г. до н. э., а не к 380 г. до н. э., как иногда думают. Дело в том, что в обеих частях надписи — собственно ликийской (лик. А) и милийской (лик. Б) — восхваляется, в частности, персидский сатрап Тиссаферн, который в 396/395 г. до н. э. был разбит под Сардами спартанским полководцем Агесилаем, а затем казнен по приказу Артаксеркса II.

ОБ ИЗУЧЕНИИ ХЕТТО-ЛУВИЙСКИХ ЯЗЫКОВ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ

Ликийский язык был изучен достаточно хорошо еще до того, как были дешифрованы хетто-лувийские языки ранней поры. Большинство ликийских надписей (всего их более 150, не считая монетных легенд) было дешифровано и интерпретировано уже к концу прошлого века; основная заслуга в разработке ликийской проблемы в эту пору принадлежит скандинавской школе, в частности Х. Педерсену, обобщившему результаты исследований в этой области в монографии, появившейся много лет спустя [Pedersen II].

Основная часть лидийских надписей (всего их известно около 90) была обнаружена на территории Сард во время раскопок, проведенных американской экспедицией в 1913 г. Над интерпретацией надписей работали разные ученые; обобщение результатов их работы и значительные дополнения содержатся в пространной статье П. Кале и Ф. Зоммера [Kahle — Sommer].

Индоевропейский (и фактически — хетто-лувийский) характер ликийского и лидийского языков был установлен П. Мериджи в 30-х годах [Meriggi I; Meriggi II].

Место ликийского среди других хетто-лувийских языков определили Ф. Тритч и Э. Ларош [Tritsch; Laroche I, III, VI]. В настоящее время над проблемой ликийского языка очень интенсивно работают Р. Гусмани, О. Карруба и Г. Нойман (готовящий к печати «Ликийский словарь»). Основной проблемой ликийского языкознания является сейчас интерпретация большой надписи из Ксанфа.

Место лидийского языка среди других хетто-лувийских установили А. Камменхубер и О. Карруба. Значительный вклад в разработку лидийской проблемы внесли А. Хойбек, О. Карруба и Р. Гусмани [Heubeck I; Carriuba I; Gusmani I] (последний является автором «Лидийского словаря» — обобщающей работы, содержащей, в частности, очерк фонетики и грамматики этого языка). Многие лидийские надписи еще не интерпретированы, и лингвистам предстоит еще долгая и кропотливая работа, прежде чем будут получены удовлетворительные переводы большинства надписей. Сходные с лидийскими, так называемые паралидийские, надписи пока не интерпретированы.

Огностительно ранняя дешифровка ликийских и лидийских надписей объясняется наличием билингв (ликийско-греческих, лидийско-арамейских). Отсутствие билингв чрезвычайно затрудняло дешифровку карийских надписей и определение языковой принадлежности карийского. Лишь в последнее время, после того как были найдены новые карийские надписи, а старые были подвергнуты ревизии (это касается в основном карийских надписей Египта и Нубии), удалось идентифицировать карийские буквы, прочесть ряд надписей и определить языковую принадлежность карийского¹⁹. В самые последние годы удалось обнаружить несколько десятков новых карийских надписей; их публикация будет осуществлена О. Массоном. Сходные с карийскими, так называемые паракарийские и кароидные, надписи пока не интерпретированы, однако их изучение (как

¹⁹ См., например, четыре недавно вышедшие работы [Shafer; Откупщиков; Дьяконов; Meriggi VI]. (Первые две из этих работ трактуют карийские тексты с явно неверных позиций, что и отмечено рецензентами [Дьяконов], однако в них есть интересные замечания, связанные с сопряженными проблемами.)

показали, в частности, работы П. Мериджи) может способствовать решению проблемы происхождения буквенного письма.

Несколько надписей и монетных легенд дошло до нас от сидетского языка, впервые интерпретированного Х. Боссертом [Bossert I и сл.]. Чрезвычайный интерес представляет недавняя находка двух относительно больших сидетских посвячительных надписей на камне и небольшой надписи на медной табличке [Brüche I, II].

Писидийские надписи (16 кратких эпитафий) были исследованы Л. Згустой и П. Метри в 1957—1963 гг. Оба исследователя пришли к сходным результатам [Neumann I, 43 и сл.].

ГРАФИКА И ФОНЕТИКА

Все обнаруженные до сих пор надписи на хетто-лувийских языках позднего времени (ликийском, лидийском, карийском, сидетском, писидийском) выполнены буквенным письмом «греческого» типа (писидийские тексты записаны не особым греческим письмом, а обычными греческими буквами; это — как бы греческая транслитерация писидийского текста). Поскольку генетическая близость между семитским и греческим письмом, с одной стороны, и малоазийскими письменностями — с другой, несомненна²⁰, многие исследователи предполагают, что эти письменности заимствованы у греков (в разное время). Наряду с этим раздаются голоса в пользу тезиса о малоазийском посредничестве при заимствовании греками их письма у финикийцев: дело в том, что в малоазийских алфавитах встречаются весьма архаичные буквы или их варианты, отсутствующие в греческих алфавитах; как недавно показал Мериджи, в так называемом паракарыйском (близком карийскому) письме встречаются следования в консонантной записи (ср. семитское письмо).

ГРАФИКА

Анализ малоазийских графических систем показывает, что в малоазийских алфавитах имеется больше гласных букв, чем в греческих алфавитах. Как и в греческих алфавитах, эти гласные буквы восходят либо к семитским знакам, передающим ларингалы, либо к знакам, передающим звуки, сходные с гласными (эволюция «сонант → гласный» письменного знака: $w \rightarrow u$, $j \rightarrow i$, $m \rightarrow \eta$ и др.). При этом обнаруживается связь с исходной системой письма древнего типа, еще не расчлененного на северосемитское и южносемитское (либо представляющего собой промежуточный вариант) и содержащего довольно большое число консонантных знаков (около тридцати). Так, буквы лид. $\bar{e}$, кар. $\bar{e}$, лик. $\bar{a}$, $\bar{e}$, а также, очевидно, лик. и сид. e находят аналогии в семитских знаках для ларингалов, буквы лик. $\bar{m}$, $\bar{n}$, кар. $\bar{n}_1$, $\bar{n}$ находят аналогии в семитских знаках для носовых согласных, кар. и сид. i восходит к «йоду» южносемитского типа. Поскольку можно допустить аналогичную эволюцию также и для других гласных букв, нетрудно прийти к выводу, что не греки, а малоазийцы были «изобретателями» специальных знаков для гласных. Интересно в этой связи варьирование e : he - в карийских надписях, аналогичное такому же варьированию в греческих (это последнее рассматривается как свидетельство постепенного перехода греков от консо-

²⁰ Несомненно, родственно греческому письму и своеобразное сидетское: такой вывод стал возможен после обнаружения новых сидетских надписей.

нантного письма, в котором согласный, по сути дела, часто передавал следование «согласный+гласный», к обычному буквенному письму).

Индоевропейские ларингалы превратились в карийском и ликийском в звуки типа русск. [x] или в придыхательные смычные типа k^h , как на то указывают греческие передачи. Для этих звуков на письме употреблялись знаки семитского происхождения, обозначавшие в семитском q (ср. кар. χ) и k (ср. кар. k , лик. k); семитские знаки, передающие звуки типа h , были использованы под гласные, лишь знак X

+ использовался в карийском для обозначения «ларингала» (в ликийском для передачи h использовалось лишь +, ибо X, восходящее, очевидно, к семитскому варианту знака для m , передавало здесь m).

В ликийском имелось несколько «сильных» спирантов (частично эволюционировавших в придыхательные смычные) и, кроме того, звук [k], в ликийском алфавите семитский «каф», был «расщеплен», поэтому вариант, соответствующий греческой «каппе», был использован для c , вариант «трезубец» — для k (один из звуков, восходящих к хет.-лув.=и.-е. ларингалам), вариант «удвоенное K» для q (условное обозначение другого «ларингала»). Греки могли заимствовать у малоазийцев и «каппу» (для κ), и «каф-трезубец» (для χ , ξ и т. п.), X и даже иные знаки этого типа — ср. лик. q и кар. χ .

Использование в карийском для χ не обычного «копа», а его варианта, возможно, связано со стремлением избежать смешения «копа» с «йодом» (о непосредственной связи кар. i с «южносемитским йодом» писал Откупщиков, и этот вывод, очевидно, верен).

Если k («трезубец») в карийском и ликийском обозначал звук типа [k^h] и если в карийском глухой дентальный также был придыхательным (тенденция к передвижению согласных), то понятно использование для него знака ! (греч. «тета»), а не t (семит. +, греч. T — «тау»). Можно думать, что отсутствие + = t в малоазийских алфавитах связано со стремлением избежать смешения + (лик., кар. h , лид. q =[k^h]) с этим знаком. Говорить о том, что имеющееся в малоазийских алфавитах T заимствовано у греков (а не наоборот), с уверенностью нельзя: именно в малоазийских надписях (в так называемом паралидийском, близком лидийскому, письме) имеется этот знак (t) в форме, переходной между + (финикийский «тав») и T (греч. «тау»). В карийских надписях T встречается лишь в позднюю эпоху (IV в. до н. э.); можно предполагать, что это позднее T проникло в карийское письмо из греческого.

В карийском архаичный знак W, M и его вариант, повернутый на 90°, использовался для m (аналогичный знак, передававший m , хорошо известен из южносемитских алфавитов), тогда как s в этом языке обозначалось через W (архаичный вариант), M (ср. сев.-семит. W δ); наличие «вертикальных» знаков для s в малоазийских алфавитах (Σ, ζ и др.) можно в принципе объяснять не греческим, но семитским воздействием (ср. аналогичные по форме южносемитские знаки для δ), тем более что в самом греческом наличие «вертикальных» знаков для s не получило удовлетворительного объяснения: считают, что греки «повернули» финик. W, однако можно предположить, что греки заимствовали знаки для сибиланта в ори-

гинальной, «вертикальной» форме. Так устанавливается возможный ход заимствования этих знаков: Малая Азия — Греция (в алфавитах, в которых «сигма» не имела формы М, естественно, ничто не препятствовало приобретению знака для *т* именно такой формы), как для заимствования буквы М (Кария — Крит): в карийском имела и исходная семитская форма **W** и др. (архаичные редкие варианты в надписях из Сильсиле; здесь же попадаются архаичные формы *т* : **W**

W и более употребительная форма М; именно эта последняя форма встречается в архаичных греческих алфавитах).

В Малой Азии был распространен знак **W** (кар. β , сид. β , греч. памф. ω , ср. сходную по форме букву — лик. β); именно из Малой Азии этот знак проник в греческие алфавиты. Для передачи [p] вначале использовалось «пи», позднее оно исчезло, ибо [p] перешло в [f] (ср. позднекар. $\Phi = f$); для передачи [b] использовался «бет» **Y** и др. (ср. семитские параллели); вследствие перехода $p > f$ «бет» стал передавать звук [p].

(«Пи» в Малой Азии имело весьма архаичные формы, близкие к формам семитского *p*.)

Кар. *z* имело варианты **II** и **H** — оба находим в семитском письме. Не исключено, что «гамма» в форме **C** — малоазийского происхождения (здесь есть наряду с **C** ряд вариантов «гаммы», которые можно рассматривать как результат стремления избежать смешения с

L *l*; кстати, эта форма есть в южносемитском, благодаря чему такое *l* малоазийских алфавитов можно объяснить не заимствованием из греческого — пришлось бы предполагать, что греки «перевернули» изначальное северосемитское *l*, — а непосредственным заимствованием из исходного семитского консонантного письма). В карийском наряду с **ΔΓ** = *l* имелось «второе *l*» — буква **Θ** Φ , передаваемая нами через λ (ср. наличие *l* и λ в лидийском). По происхождению обе карийские буквы восходят к семит. «ламеда» (ср. архаичный вариант *e* этого знака, кстати, отмеченный и в карийском).

Знак **XC**, передававший дентальный спирант в ликийском и карийском (не имеющий аналогии в греческом письме), можно рассматривать как заимствование из исходного консонантного письма (ср. идентичный знак, передававший *t* в южносемитском: вариант **X**).

Знак **gg** лидийского и других алфавитов (также не имеющий аналогий в греческом) можно трактовать как семитское заимствование (ср. южносемитский знак, передающий спирант *t*, идентичный по форме архаичному варианту лидийского *f*).

Много архаичных знаков, непосредственно соотносимых с семитскими, а не с греческими письменными знаками, содержится в паракарийской письменности.

Здесь наряду с архаичными знаками финикийского типа использовались, однако, и более новые знаки, явно греческого происхождения (греческое влияние обнаруживается и в поздних карийских надписях; ср. использование греческой «омеги» в триграфе «омикрон — омега — омикрон» в надписях юго-западной Кари IV в. до н. э.). Можно предположить, что это письмо, как и вообще малоазийская письменность, было заимствовано у семитов в весьма древнюю эпоху (когда семиты имели еще нерасчлененную — на северную и южную

Семитское письмо		Греческое письмо	Алфавиты Малой Азии		
			Карийские алфавиты		
			Надписи из Египта		
I Северосем.	II Южносем.	III Крит, Фера, Мелос и др.	IV Сильсипле	V Вади-Хальфа	VI Фивы
а	א	α (★) Α Α	α Α Α	Α Α Α	Α Α
б	ב	β Ρ Β Β	ρ ρ	ρ ρ	ρ
γ	ג	γ Γ (γ)	β β	β β	?
δ	ד	δ Δ Δ	γ Γ Γ	Γ Γ Γ Γ	Γ Γ
ε	ה	ε Ε Ε	δ Δ Δ	Δ Δ	Δ = Δ
з	ז	ζ Ζ (ζ)	ε Ε Ε	Ε Ε Ε Ε	Ε Ε
и	ח	η Η (η)	η Η Η	Η Η	Υ Υ
к	כ	θ Θ (θ)	ι Ι Ι	Ι Ι	π π
л	ל	ι Ι (ι)	κ Κ Κ	Κ Κ	ш ш
м	מ	λ Λ (λ)	λ Λ Λ	Λ Λ	с с
н	נ	μ Μ (μ)	μ Μ Μ	Μ Μ	—
п	פ	ν Ν (ν)	ν Ν Ν	Ν Ν	—
р	ר	ξ Ξ (ξ)	ξ Ξ Ξ	Ξ Ξ	—
с	ס	ο Ο (ο)	ο Ο Ο	Ο Ο	—
т	ט	π Π (π)	π Π Π	Π Π	—
ф	ף	ρ Ρ (ρ)	ρ Ρ Ρ	Ρ Ρ	—
ц	ץ	σ Σ (σ)	σ Σ Σ	Σ Σ	—
ч	ץ	τ Τ (τ)	τ Τ Τ	Τ Τ	—
ш	ש	υ Υ (υ)	υ Υ Υ	Υ Υ	—
х	ח	φ Φ (φ)	φ Φ Φ	Φ Φ	—
ц	ץ	ψ Ψ (ψ)	ψ Ψ Ψ	Ψ Ψ	—
к	כ	χ Χ (χ)	χ Χ Χ	Χ Χ	—
л	ל	ω Ω (ω)	ω Ω Ω	Ω Ω	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ш	ש	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
х	ח	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
к	כ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
л	ל	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
м	מ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
н	נ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
п	פ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
р	ר	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
с	ס	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
т	ט	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ф	ף	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ц	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—
ч	ץ	ϕ Φ (ϕ)	—	—	—</

Таблица 1

Алфавиты Малой Азии								
Карийские алфавиты								
Надписи из Египта				Надписи из Карии				
VII Абу- Симбел	VIII „Север“	IX Абидос	X прочие	XI Северн. Кария	XII С.-З. Кария	XIII Центр Кария	XIV Зап. Кария	XV Ю.-В. Кария
Α Α	Α Α	Α Α	Α Α Α	Α Α Α	Α	Α	Α	Α
Υ Υ	Υ Υ Υ	Υ Υ	Υ	Υ	Υ	Υ	—	Υ Υ
Υ	Υ	Υ	Υ	Υ	Υ	Υ	Υ	Υ
Ϝ Ϝ	Ϝ Ϝ Ϝ	Ϝ Ϝ Ϝ Ϝ	Ϝ Ϝ	Ϝ (Ϝ)	Ϝ (Ϝ)	Ϝ	Ϝ	Ϝ
Υ Υ	Υ Υ	Υ Υ	Υ	Υ	Υ	Υ	Υ	Υ
Ϟ Ϟ	Ϟ Ϟ	Ϟ Ϟ	Ϟ Ϟ	—	—	—	—	—
Ϛ Ϛ	Ϛ Ϛ	Ϛ Ϛ	Ϛ Ϛ	—	—	—	—	—
Δ Δ	Δ Δ	Δ (λ?)	Δ Δ	Δ Δ	Δ Δ	Δ	Δ Δ	Δ Δ
Χ Χ	Χ Χ	Χ Χ	Χ Χ	—	—	—	—	—
Ϝ Ϝ	Ϝ Ϝ	Ϝ Ϝ	Ϝ Ϝ	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
Θ Θ	Θ Θ	Θ Θ Θ	Θ Θ Θ	Θ Θ	Θ Θ	Θ	Θ Θ	Θ Θ
Ι Ι	Ι Ι Ι	Ι Ι	Ι Ι	Ι	Ι	Ι	Ι Ι	Ι Ι
⊕ ⊕	⊕ ⊕	⊕ ⊕	⊕ ⊕	⊕	⊕	⊕	⊕ ⊕	⊕ ⊕
⊕ (ξ?)	⊕	⊕	⊕ (ι ξ?)	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕
⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕	⊕
Υ Υ	Υ Υ	Υ Υ	Υ Υ	Υ Υ	Υ Υ	Υ Υ	Υ Υ	Υ Υ
Γ Γ	Γ Γ Γ	Γ Γ	Γ Γ	Γ Γ	Γ Γ	Γ Γ	Γ Γ	Γ Γ
Φ Φ Φ	Φ Φ Φ	Φ Φ Φ	Φ Φ	Φ Φ	Φ	Φ	Φ Φ	Φ Φ
Μ Μ	Μ Μ	Μ Μ	Μ Μ	Μ Μ	—	Μ	Μ Μ	Μ Μ
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ν Ν Ν	Ν Ν	Ν Ν	Ν Ν	Ν Ν	Ν Ν	Ν Ν	Ν Ν	Ν Ν
—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ο Ο	Ο Ο	Ο Ο	Ο (ς?)	Ο Ο	Ο	Ο Ο	Ο Ο	Ο Ο
Ο; Ϛ	Ο; Ϛ	Ο Ϛ	Ο	Ο	—	Ο	Ο	Ο
—	—	—	—	—	—	—	—	—
Γ Γ	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
Ξ Ξ	Ξ Ξ	Ξ Ξ Ξ	Ξ Ξ	Ξ Ξ	—	Ξ	Ξ Ξ	Ξ Ξ
Ρ Ρ	Ρ Ρ	Ρ Ρ Ρ	Ρ Ρ	Ρ Ρ	—	Ρ	Ρ Ρ	Ρ Ρ
Μ Μ	Μ Μ	Μ Μ	Μ Μ	Μ Μ	Μ	Μ	Μ Μ	Μ Μ
↑	↑	↑ (ψ?)	↑	↑	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—
Χ Χ	Χ Χ	Χ Χ	—	Χ Χ	Χ Χ	Χ Χ	Χ Χ	Χ Χ
—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	Φ	—	—	Φ	Φ	Φ

Алфавиты Малой Азии

Паракарый- ское письмо	Лидийское письмо	Парапид. письмо	Ликийское письмо	Сидетское письмо
XVI	XVII	XVIII	XIX	XX
α A β B ? ρ ∇ ? (Π) ?	α A; α̃ M (< Δ) β, ρ B	α A β, ρ B	α A β B b	α ζ ζ (< γ Δ) β ρ ρ
β M ? ν F ω Υ; Υ ? π ?	ν 7 ω Υ	ν 7	β ~ ω F	ω X u Υ ν
g 7 ? α Δ	g 7 α λ	g 7 7 ? α λ	g γ α Δ	g И α u 4
κ X (+) ε E ε̃ E	g + ε̃ 7 F 3 ε̃ Υ y D	e 3 ω	κ + ε̃ E ε̃ 7; α̃ 7 7; ε̃ 7	e X 4 7
ε̃ B; D ? z I; H ? θ ? Θ ι 1; 2 ?	s I 7 7 ι 1	ς I ι ? 7	z I j 1	ς 1 θ 3 0 ι 7 ? 7 7 7 7; j 2
κ K ε̃ A; λ λ; λ ?	κ X ε̃ 1	ε̃ 1	κ Υ; c K; q) (K ε̃ A	κ > ? X Ψ ? ε̃ K (< 1 1)
m 7 ? (M) ñ / α̃ H; 7 ?	m 7	m 7	m M ñ 7 m̃ X	m (<
7 ? n N; 4 ? ts 3 ? α̃ O δ 8 α̃ □ (□) ? Ω ?	ν 2 2 8 n 4 4 τ 7 σ O	γ 2 ? n 7	n N u O	n 7 7 σ 7 7 7 (< O O) α̃ Ω ? ρ 7 (< 7)
— x ? 8 ε 9 P s W M; 7 ? 7 ? 7 ?	g Φ (= +) z 9 ζ ζ ζ ζ (M) θ 7; λ Ψ ε̃ T	γ 2 ? λ Ψ ε̃ T	ρ 7 K O τ P s 7 ε̃ Ψ ε̃ T θ X	τ 7 s N θ ? 7 t 7 (< T)
— f φ 9 ω	f 8 8	f 8		

ветви — консонантную письменность, состоявшую примерно из тридцати знаков).

Малоазийцы в раннюю эпоху пользовались консонантным письмом; на это указывают консонантные написания, видимо очень частые в паракийском письме даже в позднюю эпоху его существования; такие написания имеются в карийском и лидийском (ср. особенно кар. *msnr* при «полуполном» *msnar* и «полном» *mesnar* — имя лица, произведенное от названия бога *mesna*, лув. *masna-*, ср. еще кар. *kmvdχspū₁* = Κομβάχχαρβού). Впоследствии, однако, греческое письмо испытало значительное влияние малоазийской письменности, в связи с чем встает вопрос: сколь значительным было это влияние? Из изложенного выше как будто следует, что греки могли заимствовать письмо у малоазийцев (что не исключает дальнейшего обратного воздействия греческого письма на малоазийское). Но этому противоречат следующие обстоятельства: близость исходного греческого алфавита (без дополнительных знаков) финикийскому (порядок букв, их названия, их форма), факт упоминания о заимствовании греками финикийского письма у античных авторов.

Может быть, следует предположить сильное взаимодействие между греческим письмом и малоазийским: греческое письмо, будучи заимствованным у семитов, подвергается сильному влиянию малоазийского письма, испытывающего в свою очередь, влияние греческого (факты взаимовлияния между обоими видами письма несомненны).

При решении вопроса о происхождении малоазийского буквенного письма важно обратить внимание на следующее. Заимствование одним народом письменности у другого народа обычно не представляет собой моментального акта. Имеет место медленная адаптация — подчас бессознательная — чужой системы письма посетителями данного языка (ср. использование греками минойского слогового письма во II тысячелетии до н. э. и т. д.). Поэтому нужно с крайней осторожностью относиться к утверждениям об использовании «пустого» письменного знака в несвойственном ему звуковом значении (так Хойбек и другие исследователи трактуют некоторые буквы малоазийских алфавитов, якобы заимствованные из греческого). Из предыдущего изложения следует, что ликийский знак для *h* отнюдь не представляет собой результата использования греческого «кси» (финик. «самек») для передачи специфического ликийского звука. На самом деле этот знак имел промежуточную форму Π , как явствует из карийских надписей, где этот знак (использовавшийся только в древних текстах) имел то же звуковое значение. Он, судя по аналогиям в италийских и других алфавитах, восходит к семит. $\aleph$ *m*. Естественно, однако, что малоазийская буква для *h* могла подвергнуться «графическому влиянию» греческих алфавитов (возможно, под этим влиянием она была повернута на 90° — такой вариант мы находим уже в карийском).

Не представляет «заимствования греч. „хи-кси“ для передачи особого лидийского звука» и лид. *ē*, восходящее к семитскому знаку для *h*; иное дело, что и в данном случае «окончательная» форма лид. *ē* могла установиться под влиянием греческой буквы «хи» или «кси». Лид. *ā*, имеющая форму, сходную с греч. *Μ*, видимо, представляет собой результат «расщепления» альфы (Λ→Μ: аналогично Мериджи). Карийское *i* не есть заимствование греческой «коппы», а есть продолжение семитского «йода» («южносемитского типа» — см. выше). Не представляет собой «заимствования греческого *Χ*» и лик.

m: этот знак восходит, очевидно, к семитскому знаку для *m* (как кар. $\times \hat{n}_1$), и т. п.

По И. Гельбу и А. Шмитту [Friedrich IV], финикийцы не осознавали знаков своего письма в качестве «согласных» — это были либо согласные, либо сочетания согласных, в зависимости от того, чему они соответствовали в слове. По мнению Шмитта, греки вначале так же трактовали знаки заимствованного финикийского письма, однако вскоре произвели — «полусознательно» — выделение гласных, в частности потому, что для индоевропейского языка семитская система фиксации слов была малоудобной. Так, Н вначале могло передавать следование «*h+e*», В — «*b+e*», К — «*k+a*»; гласные буквы, как таковые, появились на первых порах в начале слов (так появилось, например, Н=*e*- в диалектах, где придыхание исчезло), потом они стали использоваться и в середине слов, в частности для того, чтобы отличить следования *ba* от *be* и т. д., т. е. стали писать ВА, как бы подчеркивая: «*ba*, не *be*!», соответственно писали НО, как бы имея в виду «не *he*, а *ho*!», ибо единичное Н могло передавать и *he*.

Эта подкупающая гипотеза не находит реальных подтверждений (если и отмечено использование одного и того же знака для *h*, *e*, *he*, то консонантные написания, как таковые, не засвидетельствованы). И хотя она лучше объясняет возникновение буквенного письма, чем иные теории, не исключено, что ее придется модифицировать. Возможно, что не греки, но малоазийцы постепенно (примерно так, как это разъясняет Шмитт, имея в виду гресков) превратили семитское консонантное письмо (заимствованное вначале без всяких изменений) в буквенное, а греки заимствовали у финикийцев их письмо, модифицировав его по малоазийскому образцу. Возможно, малоазийцы не полностью превратили семитское письмо в буквенное, и греки довершили этот процесс. Возможно, именно греки создали буквенное письмо (в любом случае факт заимствования греками двадцатидвухбуквенной северосемитской письменности остается несомненным). Важно, однако, что мы должны отказаться от распространенных ранее прямолинейных схем типа «народ А заимствовал письмо у народа Б» и учитывать всю сложность реально существовавших взаимовлияний.

ФОНЕТИКА

Системы гласных в карийском, лидийском и ликийском языках могут быть охарактеризованы как четырехугольные (в терминологии Н. С. Трубецкого):

Карийский	Лидийский	Ликийский
<i>a</i> <i>e</i> (<i>e₁</i>)	<i>a</i> , <i>ā</i> <i>e</i> , <i>ē</i>	<i>a</i> , <i>ā</i> <i>e</i> , <i>ē</i>
<i>o</i> <i>é</i> (<i>-ē₁</i>), <i>ē</i>	<i>o</i> <i>y</i> [<i>ç</i>] или [<i>i</i>]	
<i>ū</i> <i>i</i>		
<i>u</i> <i>i</i>	<i>u</i> <i>i</i>	<i>u</i> [<i>ū</i>] <i>i</i> [<i>ī</i>]

Неясно, передавал ли знак **Е** (в транскрипции *ē*) лишь носовой *ē*: другие носовые гласные в карийском не обнаружены (есть носовые согласные, которые, возможно, выступали и в слоговом значении). На то, что *ē* в карийском было носовым, указывает прежде всего параллель кар. *ekīe*-: лик. *ē/īsiwe*- (основа собственного имени), ср. также кар. *ērpa*- тж. **itrapa*- и др. Обнаружение носового

гласного в карийском вполне соответствует фактам остальных хетто-лувийских языков.

Через $\acute{e}$ и $\acute{e}_1$ обозначены знаки карийского письма E и III . По-видимому, эти знаки не являются разными буквами: в группах надписей, в которых не встречается $\acute{e}$, встречается $\acute{e}_1$, и наоборот. Перед нами «взаимоисключающие» варианты одной и той же буквы; обычно в карийской транскрипции мы не выделяем таких вариантов, а обозначаем их одним и тем же знаком.

Карийское e , видимо, соответствовало фонеме $[\epsilon]$, а не $[e]$; последняя находит соответствие в особой — весьма употребительной — букве, обозначаемой в транскрипции через e : эта буква, очевидно, передавала звук $[\ae]$: кар. и лик. e часто варьировали с $\bar{a}$. Интересны карийские буквы $\bar{u}$ и $\bar{i}$ (последняя ранее обозначалась нами через $\bar{o}$): эти буквы передают сложные звуки (трифтонги, дифтонги или дифтонгоиды), занимающие промежуточное положение между звуко-сочетаниями $[(a/u)wa]$ и $[(a/i)ja]$ (к которым восходят, как правило, рассматриваемые звуки) и простыми звуками $[u(o)]$ и $[i(e)]$. Подобные звуки всегда имелись в хетто-лувийских языках, как это следует из варьирования хет. $uwa : u$ и $ija : i$ в одном и том же слове (ср. также варьирование типа лид. $uva/e:o:u$). Однако в ряде случаев редуцированные формы следует рассматривать как более позднюю ступень хетто-лувийских сочетаний wa и ja (ср. кар. $\Upsilon\sigma\sigma\omega\lambda\delta\sigma\varsigma < *u\bar{s}a\lambda < \text{хет.-лув. } *wassalli-$ 'добрый'; кар. $\bar{u}\bar{i}\bar{u}\bar{i} < \text{анат. } Walluwa$; кар. $\Upsilon\lambda\lambda\alpha\rho\iota\mu\alpha < \text{анат. } Wallarimma$).

В лидийской транслитерации y (иногда перевернутое на 180°) соответствует букве, передававшей, очевидно, звук $[\epsilon]$: эта буква варьирует с e и i . Буквы $\bar{a}$ и e , как правило, соседствуют с носовыми согласными в лидийских текстах.

В ликийской графике имеют специальные обозначения носовые гласные $[\bar{a}]$ и $[\bar{e}]$, но не $[\bar{u}]$ и $[\bar{i}]$. Лик. u и i графически обозначаются через O и E (возможно, что в некоторых случаях они обозначали и $[\phi]$, $[\epsilon]$).

Ликийская буква e , как и соответствующая карийская буква, использовалась для обозначения звука $[\ae]$ (ср. варьирование $e : a$ в ликийских надписях; ср. использование «альфы» в греческих передачах названного ликийского звука). Типологическое сопоставление поздних хетто-лувийских звуковых систем предполагает трактовку a как буквы, передававшей звук типа $[o]$. Действительно, в греческих надписях соответствующие карийский и ликийский звуки передаются не только через «альфу», но и — весьма часто — через «омегу».

Системы карийских и лидийских сонантов весьма близки между собой, значительно отличаясь от системы сонантов в ликийском:

Карийский		Лидийский		Ликийский	
m		m		m	$\bar{m}$
n	$\bar{n}$	n	ν	n	$\bar{n}$
l	λ	l	λ	l	
r	v	r	v	r	w

Правда, в некоторых случаях эти различия могут быть обусловлены графикой, однако параллелизм между кар. $n : \bar{n} / \nu : l : \lambda$ и лид. $n : \nu : l : \lambda$ несомненен: $(\bar{n})\nu$ и λ обозначают здесь палатальные по происхождению звуки (часто не совпадающие в обоих языках в генетическом отношении). Все сонанты в рассматриваемых язы-

могли выступать и в слоговой функции, однако лишь ликийские носовые получали при этом специальные обозначения: *kñta* < хет.-лув. *hanta*-, *īm̄gri*- и др. (ср. также редукцию гласных в случаях: *trqqñli* < **tarhunti*, *prli*, ср. *Kssb* < **hasb*-, *kttba* < **hatba* и т. п. Интересно возникновение слогового элемента на стыке между согласным и гласным: *kñna* < *hanna*-, *cñmi*, *cñle*-, ср. *kttā* < **hata*-, *psse* < **pissa*- и др.). Отмечены случаи варьирования ликийских слоговых сонантов и носовых гласных: *ñkr* : *ākr* [ср. соответствие -αγ- в греческих передачах: *Idαγγης* ≤ **id(a)-ākre* герср. **ida-ñkre*]. Лик. *ω* и лид., кар. *υ* — условные обозначения «дигаммы». Возможно, эта буква передавала во всех трех языках звук [w]; следует, однако, отметить особый случай передачи [w] в кар.: *ū* в консонантной записи *kmvdysū*, где *v* = [v] (?). В лид. *υ* в ряде случаев ведет себя как «глайд» ([w])²¹.

В качестве глайда [w] в сидетском выступает буква *ϣ* < .

Карийские, лидийские и ликийские сонанты восходят к соответствующим общехетто-лувийским звукам, причем лик. *ñ* и *ñ* восходят, как правило, к сочетанию гласного (обычно **a*) с последующим сонантом; лид. *λ* и *υ* обычно восходят к группам **il* и **in*; кар. *λ* чаще всего восходит к **(l)li*- (кар. *mesna-λ* : лув. *masna-lli*-; кар. *Κοστωλλι*- (< **gasta-λ*), хет. *H/hasta-li*- и др.); лид. *λ* восходит к *-li*- в слове *αλα-d* (< **aljo-d*) 'другой'. Кар. *λ* в ряде случаев стоит перед *ι*, что может свидетельствовать о переднем произношении *ι* ([y]); ср. *ιuxze* ≥ *Λούτζης*, *ιuvlo* : м.-аз. *Λουολος*, *luke* : м.-аз. *Λουκα*/-.

Системы дентальных в поздних хетто-лувийских языках удобно представить в следующем виде:

Карийский				Лидийский		Ликийский		
<i>t</i>	<i>z</i>	<i>τ</i>		<i>t</i>	<i>τ</i>	<i>t</i>	<i>z</i>	<i>τ</i>
<i>ṭ</i>	<i>d</i>	(<i>z</i>)	<i>θ</i>	<i>d</i>	(<i>↑</i>)	<i>d</i>	(<i>z</i>)	<i>θ</i>

Возможно, кар. *ṭ* передавало непридыхательный смычный [t]; *ṭ* встречается после *s* в *stesas* 'гробница'; в префиксе *nṭa* < **хет.-лув. anda*- 'в', 'на' (причем в группе надписей, в которых *ṭ* отсутствовало, на его месте употреблялось обычное *d*). а также в суффиксе *-nṭa* < **nda*. Возможно, звук, условно передаваемый посредством *ṭ*, был звонким (ср. параллель: кар. *ṭuklo* : м.-аз. *Δογλα*-). Кар. *t* («тета») соответствовало фонеме [t], но фонетически это было [t^h]. Буква *T* в ранних карийских надписях не встречается, а в ряде поздних, возможно, соответствует фонеме [t] (при этом важно отметить, что в этих надписях встречается и «тета», однако употребляется здесь очень мало. В этих же надписях встречается *ṭ* и *d*; все это свидетельствует о сложности системы карийских дентальных).

Буква *ϣ* (в транслитерации *θ*) имела в карийском и ликийском. В ликийском (и возможно, карийском) она передавала звук [ḏ] (звонкий дентальный спираント), как это следует из ряда соответст-

²¹ Интересна форма карийских букв, передаваемых нами через *ū* и *ι*: первая представляет собой квадрат, «переделанный» из «круга» (ο), вторая — «квадрат с вертикальным штрихом внизу», переделанный из «круга с вертикальным штрихом внизу» (ι). При желании эти факты можно рассматривать как довод в пользу произношения ο как [u] (ср. лик.) и соответственно ι как [y]. На юго-западе Карики вместо квадрата использовался триграф 020: кар. *un020la* : хет. *unuwāl*- 'украшать' (ср. имя лик. *unuwē-mi* букв. 'украшенный'), кар. *t020*- при лик. *tuwē*-, кар. *muk020r* при хет. *mukawar* (отглагольное имя: ср. глагол *mugāi*- 'молить'; ср. ту же основу в лик. *mukssa*- : хет. *mukessar* 'молитва').

вий. Так, лик. θ варьировало с лик. $z=[z]$ в передаче персидского имени *Miθra*; следование $\theta\theta i$ в ряде слов восходит к *-dehi* [например, в *teθθi* < **tedehi* 'отцовский']; лик. *A cerθθi* < **cridehi* идентично лик. *B cridesi*, как это следует из контекстов; лик. *θurtta* в греческой передаче имело вид $\Delta\theta\rho\tau\iota$; (ср. еще *Ερμα(ν)θортаς* и *Κρυαθортаς*²²).

Лик. z передает звук $[dz]$, очевидно, в формах типа лик. *B trqiz* < **tarhins*, *kāzbi* (топоним; ср. лик. *A kācbi*-, где $c=[dz]<[ts]$, и греч. передачу $\kappa\alpha\nu\delta\upsilon\beta\alpha$); в параллелях типа лик. *zaj* -: хет. *zai*-лик. z соответствует хет. $z([ts])$, обычно же z — сибилант. Возможно, и кар. z передает в ряде случаев звук $[z]$ (например, в основе имени *-zrme*, апат. *Sarma*, в греч. передаче $\tau/\zeta\alpha\rho\mu$ -, но, может быть, здесь кар. $z=[dz]$). В окончании *-oz* аблатива кар. z , очевидно, передает звук $[ts]$ (ср. хет. *-az*). Следует, однако, учесть, что хет. *-zi* (окончание глагола, из и.-е. **ti*; ср. лув. *-ti*, лик. *-t(di)*) находит четкое соответствие в кар. τ . В данном случае мы имеем дело не с аффрикатой $[ts]$, а со смягчением $[t']$, еще не перешедшим в аффрикату.

Возможно, то же явление наблюдается и в ликийском, где наряду с $z=[ts]$ мы находим τ (в позиции перед e лик. τ в некоторых формах восходит к и.-е. **k^w*; в этих формах τ варьирует с t ; в относительном местоимении *ti* мы находим $t < *k^w$). В лид. τ , очевидно, передавало $[ts]$ (ср. **kat* + *sadmē* > *kaτadmē*-); в суффиксе *-ta-* (< и.-е. **tjo*-) оно восходит к **t'*; ср. хет. *-zzija*-, лик. *-zija*-²³. Возможно, лид. $\uparrow$ иногда передавало $[dz]$ (см. ниже).

Удобно сразу после дентальных рассмотреть сибиланты. Графически сибиланты выражены во всех трех языках сходным образом: это «сигма» (в карийском — $\mathcal{M}$) и «дзета». «Сигма», видимо, передавала глухой звук $[s]$ (в лидийской транслитерации для «сигмы» использовано неудачное изображение $\acute{s}$, для «дзеты» — столь же неудачное s), «дзета» же была многозначна. В лидийском «дзета» обычно передает мягкий по происхождению сибилант, восходящий к сочетанию **is* (ср. $\lambda < *il$, $\nu < *in$). Звонкое соответствие «сигме» находим в лидийской «стрелке»: лид. $\uparrow(i)$ - 'день': лик. *zi* -: хет. *si*- (где $s=[z]$), лид. $\uparrow i\nu(i)$ - 'бог': лик. *ziwi* : хет. *siu*-.

Возможно, лид. $\uparrow$, восходящее к **dh*, передает тот же звук (а не $[d]$, например), поскольку в ликийском в соответствующих позициях мы находим z : лид. *da* - $\uparrow a$ -: лик. *dde-ze* 'до-бавить' (но и *ta*-, кар. *da*-), лик. *B kñtawaza* 'предводитель' < **Hant + wedh* = (A *kñta-wata* : ~ z/t); ср. также лид. *vi* $\uparrow$ - 'строить': лув. *us* < и.-е. **wedh*-; другое **wedh*- находим в лик. *wazala* 'воин' (кар. $\Gamma\sigma\sigma\alpha\lambda\lambda\omicron\varsigma$), *wazis* 'войско'; ср. кар. $\upsilon\sigma\sigma\omicron\varsigma$ 'копье'. На то, что «стрелка» имела, возможно, и значение $[dz]$ (которое, видимо, было изначальным), указывают лидийские формы *ko* $\uparrow$ - *vid* (при *koτ*-, *kot*) и *ardē* $\uparrow$ ($\uparrow$ из $[ts]$ после носового $[\tilde{V}dz]$?). В ликийском «дзета» (z) передавала, во-первых, мягкое соответствие сибиланта s (посредством z передавалось, например, этимологическое соответствие s перед i), во-вторых — звонкое соответствие этого сибиланта (ср. исход прилагательных в акк. *-zñ* < **-s + -n*, $z < *s$ перед и после звонких n , $\tilde{n}$, m ; ср. z после носового в

²² В этом имени выделяется компонент *Ερμα(ν)*, а не *Ερμανδ*; ср. еще *Ερμαν-δυβερис* (: *Περπευ-δυβερис*, *Αρ-δυβερис*) ≈ *Αρμα-τοβορις* (лик. *tuburiz* — этноним; ср. топонимы *Tyberissos*).

²³ В форме с *-tlja* (вместо *-zija*) допущена описка: $T t$ вместо Γzt (не дописана черта); ср. аналогичные описки: *kinasi* вместо *kñnasi*; *alala*, *ala* вместо *kala*, *kla* (буквы i и $\tilde{n}$, $\tilde{a}$ и k сходны).

cize < **kinza*; ср. также выше относительно [dz]). Возможно, аналогичное положение имело и в карийском: ср. *-egzo* < **-ahsa*.

Уже изложенные факты указывают на существование разветвленной системы палатальных среди сонантов, дентальных и сибилантов в поздних хетто-лувийских языках: в карийском и лидийском ряд согласных *t*, *d*, *n*, *l*, *s/z* имел полное соответствие среди палатальных (следует, правда, учесть, что в нескольких случаях речь идет лишь о палатальных по происхождению).

В карийском, лидийском и ликийском имелись следующие согласные, входившие в группу «*k—h*»:

Карийский	Лидийский	Ликийский
<i>k</i> <i>h</i> <i>χ</i>	<i>k</i> <i>q</i> (- <i>k^w</i>)	<i>c</i> <i>k</i> <i>q</i> <i>x</i> <i>h</i>
<i>g</i>	<i>g</i>	<i>g</i>

В карийском языке *k*, видимо, совпало с хет.-лув. *k* и частично с *h*; этот последний отразился и в остальных карийских гуттуральных (ср. кар. *-he* < **-ha*, *-egzo* < **-ahsa*; *-χsβū* < *hasβuwa* и др. Возможно, основным рефлексом старого **h* в карийском было *χ*, передававшееся в греческих версиях посредством *κ*, *χ*: *χ* передавало в *λυζε* звонкий спирант [ɣ]).

В лидийском языке *k* преимущественно восходило к **k* (ср. *kave*- 'жрец' = скр. *kavi*-), но могло восходить и к **h*; *g* в лидийском встречалось редко (иногда оно варьировало с *k*). Лид. *q* восходило к **k^w* (ср. хет. и кар. *ku*) и, возможно, к **g^w(h)* (ср. *qēn*-, может быть, соответствующее и.-е. **g^when*- 'бить', 'убивать', ср. хет. *kuen*-).

В ликийском языке *k* (более удачна транскрипция Педерсена *χ*, употребляемая, впрочем, редко) обычно восходит к **h* наряду с *q* и *g*, а также *c*; этот последний согласный, однако, вероятнее восходит к **k*, обычно смягченному; ср. *ci* < **ki* 'этот' и др. В архаичном диалекте Б согласный *q* был более употребителен, чем в позднем ликийском, где *q* часто заменялось *k*, причём это *k*, видимо, уже произносилось не как спирант (типа [x]), а как (придыхательный) смычный: об этом свидетельствуют греческие передачи ликийских имен и ликийские передачи греческих (и иных) имен. Таким образом, лик. *k* начинало входить в систему смычных.

В ликийском согласные буквы *k* и *q* передавали, несомненно, различные звуки, однако клинописная графика не позволяет ответить на вопрос, различались ли эти звуки и в ранних хетто-лувийских языках. Видимо, посредством *q* передавался какой-то чрезвычайно архаичный согласный: лик. *q* засвидетельствован в словах общиндоевропейского происхождения, его нет в таких типично хетто-лувийских (не общиндоевропейских) лексемах, как *kāna* < *hanna*- 'бабка', *kuk/ga*- < *huhha*- 'дед' и др. Интересно в этой связи отметить, что древнее различие *q* и *k* в ликийском, как кажется, обнаруживает свои корни на ностратическом уровне: спирант лик. *q* соответствует ностратическому гуттуральному, давшему в индоевропейском ларингал **H* [ср. ностр. *QANT- 'перед' > и.-е. **Hant*- > хет.-лув. *hant*- > лик. *qāt*- > *kāt*-; ностр. *QALa- > и.-е. **Hel*- 'низкий' > хет.-лув. *halija*- 'падать ниц' и др. > лик. Б *qlija* 'место поклонения', *qiglēniri* 'коленопреклонение' (?); ностр. *QəTə- 'рубить' > и.-е. **Het*- 'бить' > хет.-лув. *hattāi*- 'бить' > лик. Б *qtti*- 'бить' (?), *qetbe*- 'вред' = лик. А *kttba*- 'вред', *ktt(b)a*- 'вредить' и т. п.]. Ликийский звук *k* (лик. Б) восходит к индоевропейским ларингалам, продолжающим ностратические ларингалы.

Лик. *k, q, g, c* часто варьировали: *kñt- : qñt- : cñt- < *hant-, zrqq- / zriq- : zrig- < *sarh-* и др. (ср. также варьирование *sbicaza : sbixaza* > Σπιχάζα; какой именно звук передавал «ромб» *x*, неясно; иногда он выступал в качестве суффикса посессива или входил в состав этого суффикса — *-h* при обычном *-h*; лик. *h* восходило к *s*).

Кар. *k* произносилось, возможно, как [*kʰ*]; лид. *k* — как [*k*], лик. *c* мягкое — как [*ts*] или [*ʈs*] или нечто подобное (ср. передачи следования *ē/isci* как Εῦδο, *-ce-* как *-ε-* и *cru-* как θρυ- в греческом; наряду с этим греч. *-χ-* передавалось в ликийском как *ci-*).

В позднехетто-лувийских языках имелись следующие лабиальные:

Карийский	Лидийский	Ликийский
<i>p f π</i>	<i>b(=[p])f < *p</i>	<i>p</i>
<i>β</i>	<i>(b=[β]?)</i>	<i>b β</i>

В карийском *π* встречалось редко (его нет в позднекарийских текстах, где, однако, имелось *f*, отсутствовавшее в ранних надписях). Поскольку можно говорить о произношении лид. *b* как [*p*] (в пользу этой гипотезы свидетельствуют параллели типа лид. *sabla-* > Σαπλα), можно предположить, что в карийском и лидийском осуществился переход [*p*] > [*ph*] resp. [*f*], [*b*] > [*p*]. Этимологическое **p* в лидийском в том случае не переходило в [*f*], когда оно находилось в позиции перед *i* (ср. лид. *bira-* : хет.-лув. *pir/parn-* : лик. *prñna-wa* 'дом', 'постройка'; лид. *bi-* : лик. *pije-* 'давать'). О произношении *b* как звонкого согласного свидетельствует варьирование *b : v : f*.

Интересно отметить, что в карийском, видимо, представлены основы [*paŋg*] и [*paŋ*], восходящие к **bherg* и **bhog-* соответственно (ср. греч. передачу Παγγίτας и Παγδας: это можно связать с переходом [*b*] > [*p*] в карийском). Греческие передачи дают примеры с «бетой» как для карийского, так и для лидийского (ср. лид. *Brva-* < *brva-*), но они же дают примеры и с «пи». Можно думать поэтому, что сфера «реализации» лид. *b* была весьма широкой (произношение «от [*p*] до [*b*]»). В связи с переходом [*b*] в [*p*] в карийском и лидийском можно поставить частичный переход звонких в глухие в лидийском (и возможно, уже в лувийском).

Лик. *β*, видимо, восходит к **w*; ср. лик. *mrββas uwēli* 'слова пишут' при лид. *mgivā-* 'стела с надписью' (собственно 'надпись', 'слова'); лик. *laβra* 'каменная плита' (ср. лид. *λαβρος* 'двойная секира', кар. *Λαβραυνδος*, крит. *Λαβρινδος*) при лув. *lawar-* 'ломать' и греч. *λαβρα* 'переулок', 'проход в ущелье' [исходное значение основы, очевидно, было: «ломать (соответствующим орудием) камень»]. Очевидно, *β* передавало [*β*] и в карийском (ср. кар. *βskowe ~ Washuwa-*).

Исходная система лабиальных *p:b:β*, по-видимому, хорошо сохранилась в ликийском; в лидийском она преобразована в *f:p* (с утратой *β*?) в связи с передвижением согласных (*p > f*; *b > p*). В карийском наряду с системой *π=[p]*: *∇=[p]:β* архаичных надписей находим *f:p* (:β) — систему, представленную в позднекарийских надписях. В этой последней место исчезнувшего «пи» заступает Ф-*f* (буква, встречающаяся лишь в поздних надписях, — на территории Карики), тогда как «бет» (*β*) уже передает звук [*p*], а не [*b*], точно так же как лид. (*g*) «бста» передает [*p*], хотя по форме это «бета». Что же касается кар. *β*, то в поздних надписях эта буква встречается редко.

Итак, наиболее архаичная система лабиальных представлена ликийским, а именно архаичным ликийским Б (в лик. А буква β не встречается; на месте β здесь находим b). В карийском отражен процесс перехода $p > f$, $b > p$ и утраты β . В лидийском отражен наиболее продвинутый этап эволюции: p здесь уже перешло в f , b перешло в p , а β отсутствует. Но и в лидийском в ряде случаев отмечается варьирование, отражающее иное произношение (b [b], [w] и др.).

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ

Система хетто-лувийского склонения подверглась в поздних языках определенному упрощению. В то же время различия, существующие между языками, углубились. Схематически склонение имени в единственном числе можно представить следующим образом (различия между типами склонения не учитываются):

	Карийский	Лидийский	Ликийский
Номинатив	- $\emptyset$, -s	- $\acute{s}$ /s (ср. р. -d/t)	(лик. Б - $\emptyset$, -(i)z)
Аккузатив	-n	-v (ср. р. -d/t)	- $\tilde{V}$, - $\tilde{n}$, - $\emptyset$
Датив-локатив	- λ	- λ	-a, -ija, -i, -ei и др.
Аблатив-инструменталь	-z(?)	-d(?)/- $\uparrow$ (?)	-di

Как видим, в карийском (частично?) и в ликийском утрачено окончание номинатива общего рода -s. Окончание -d среднего рода в ликийском также отсутствует [не исключено, однако, что оно сохранилось в карийском: ср. формы на -(o)d]. Творительно-отложительный падеж в ликийском имеет типично лувийское окончание. В карийском же и, возможно, в лидийском оба падежа различались, как и в хеттском. Номинатив лик. Б *trqqiz* восходит к **tarhinta* (ср. дат. *trqq $\tilde{n}$ ti*).

Характерная особенность ряда поздних языков — отсутствие форм генитива в единственном числе (ср. аналогичное явление в лувийском). В функции этого падежа выступают склоняемые прилагательные — посессивы — с суффиксами:

Карийский	Лидийский	Ликийский
- λ	-li-, -l	-hi-, -h, лик. Б -si (-z перед - $\tilde{n}$ в формах аккузатива)

Ликийские формы с -h(-) восходят к более архаичным формам, представленным в диалекте Б (ср. лувийский суффикс -*assi*-). Однако в ликийском А имелись и генитивы (на -he-, -h), сопоставимые с генитивами на -*si*-, -s в иероглифическом лувийском. (Ср. также сидетские генитивы на -z < *-si?)

В отличие от лувийских языков карийский и лидийский суффикс посессива содержит элемент l (кар. - λ , лид. -li < хет.-лув. -lli). В то же время в ликийском имелись и прилагательные на -li, в лидийском (и, видимо, карийском) — немногочисленные прилагательные на -*si*- (ср. формы на -lli- и -ssi- в хеттском). В карийском имелся датив-локатив на - λ , что еще более сближает оба языка.

Формы на носовой (аккузатив) представлены во всех поздних языках. В лидийском имелся генитив (?) и датив-локатив множественного числа на *-aν* (контаминация форм генитива на **-an* и датива-локativa на **ai?* : *-aν* фонетически может быть возведена к **-ain*). В ликийском засвидетельствованы формы генитива множественного числа на *-ē* и *-āi* [āi] (ср. хет. *-an*, лид. *-aν*). Лик. *Б size* [kize] представляет собой форму датива множественного числа от местоимения *ci* 'этот' и восходит к пралув. **kinza* (ср. окончание датива множественного числа лув. *-nza*). В ликийском номинатив и аккузатив имели во множественном числе окончание *-s* (в лик. *Б* еще и *-z*). Инструменталь на *-di* являлся синкретической формой для единственного и множественного числа. Падежные формы единственного и множественного числа ликийского языка особенно близки соответствующим формам лувийского.

Заключения о тех или иных формах карийского языка делаются на основании очень небольшого числа текстов [исключение составляют лишь многочисленные посессивы на *-λ*, заменяющие генитив преимущественно в собственных именах, переводимых примерно: «А, (сын) Б», ср. русск. *Иван Петр-ов*; совершенно аналогичные конструкции в лидийском содержат посессивы на *-li-*].

Рассмотрим две известные эпитафии из юго-восточной Кари: *sfes stesas msu.ozλ nadλ nkoλ* 'собственная стела Мсулца, (сына) почитаемого Нада' (теоретически *nadλ* и *nkoλ* должны здесь иметь по дополнительному суффиксу *-λ*, однако этого нет. Отсутствуют дополнительные суффиксы и в лидийском в аналогичных текстах): *i^wan-u stesan kl iotulwλ slnkoλ-p kovkove dans* 'Священную (?) стелу... Иотулву, очень почитаемому, соорудил здесь Ковкове' (одна из возможных интерпретаций).

В первом случае, таким образом, формы на *-λ* — посессивы, во втором — дативы (*k-λ* либо местоимение типа артикля — «этому», от *k-*, ср. лик. *ci* 'этот', либо наречие места «здесь»; в зависимости от этого *-p* — либо фразовая частица, родственная лик. *-pe*, либо энклитика-наречие «здесь»; впрочем, первая трактовка возможна и в том случае, если *k-λ* — наречие). Если бы во второй надписи формы на *-λ* стояли в аккузативе (т. е. были согласованы со словом *stesan*), они имели бы, очевидно, дополнительные окончания аккузатива. Трактовка форм *stesas*, *stesan* как именных стала возможна после того, как Мериджи [Meriggi VI] высказал предположение, что во второй эпитафии второе слово читается не *stesas*, а *stesan*. При этом приходится допустить, что в юго-восточном диалекте сохранилось окончание номинатива единственного числа *-s* в апеллятивах, ибо собственные имена всюду лишены окончаний; ср. *kovkove* на юго-востоке же (ср. многочисленные именные конструкции типа А В-λ, стоящие в номинативе и не имеющие падежного окончания). Если все же *-s* — окончание номинатива (возможно, не единственного числа), то слово *sfes* можно интерпретировать как «собственный» (ср. то же значение у лид. *šfē-*, видимо родственного карийскому слову: ср. русск. *свой*, скр. *sva-* и др.). Эпитет *nko-* (ср. еще *nako-* и др.), видимо, родствен хет. *nahhuwāi-* 'любить' и др. (ср. *nah-* 'бояться'; 'почитать'); компонент *sl-* соотносится с хет. *salli-* 'великий', 'большой' (согласно Мериджи).

Кар. *sfes* 'свой' — одно из доказательств исключительной близости карийского лидийскому (дело не просто в совпадении основ, но и в том, что в обоих языках произошло оглушение **v > f* после [s]; ср. также сохранение окончания номинатива в лидийском и частич-

но в карийском. Мериджи трактует эту форму как *sies*, сравнивая со скр. *suas* и др. и читая Ф как *i*, тогда как кар. *i* он таковым не считает. В этом Мериджи противоречит всем специалистам, никак не обосновывая своих заключений. Неправоммерно и сопоставление карийских форм с формами других языков, которое он производит, минуя хетто-лувийские.

Во второй эпитафии возможно согласование *t^uwan sjesan* (-u после первого слова — энклитика), если только мы не имеем перед собой глагола 1-го лица единственного числа *t^uwanu(n)*, хет.-лув. *tuwa-* 'ставить', 'класть' и др., а *da(n)-* (в глаголе *dans*, см. о нем ниже) с родственной формой хет.-лув. *dāi-* 'ставить', 'класть'. В обоих случаях возможно и значение «освящать» (отсутствующее, однако, в лидийском; кар. *dan-*, кстати, особенно близко лид. $\uparrow \acute{e}n-$). Итак, если *t^uwan* — аккузатив (определение к *sjesan*, как *sfes* — к *sjesas*), то возможны интерпретации: «Ковкове освятил построенную стелу» и «Ковкове построил священную стелу» (второе предпочтительнее по соотношению с лидийским $\uparrow \acute{e}n-$, см. выше) и с параллелизмом кар. *t^uwa-* : лик. Б *tuwa*. Это существительное находим в ликийской фразе *muri trbbdi tasñ tuwadi memrezñ* '«Муни» санкционирует распоряжение (*tas*) посредством *tuwa*', где *tuwa* 'освящение' или 'закладка' (?). Как бы то ни было, основа *tuwa/e-* имела в ликийском и значение «освящать». Слово *sjesa* интерпретируется комбинаторно как «стела» или «гробница». Не исключена его этимологическая связь с лик. *stta-* 'ставить'.

Возможный аблатив на -(o)z обнаруживается в карийском в следовании *kuoz savvvoz sava héi*; это следование можно интерпретировать как придаточное предложение, вводимое посредством относительного местоимения *kuoz* 'от чьего', с которым согласовано существительное *savvvoz* (<*sav-+buv-; ср. *sava*, *buvse*, *bvse*).

МЕСТОИМЕННИЯ И НАРЕЧИЯ

Лидийский и ликийский языки сходны в том отношении, что местоимение 1-го лица единственного числа (лид. *ami*, лик. $\acute{e}mi$) выступает в них в значении как номинатива, так и аккузатива и датива-локатива. В карийском находим аккузатив *emi* или энклитическое -*mi*.

Возможно, в карийском имелось местоимение *uk* 'я' (в таком случае находим полное совпадение с хеттским). Соответствующая фраза (одно из египетских граффити) читается так: (i)lùleki *stdun-ep-uk stda*. Если *uk* 'я', то *stdun*, возможно, глагол 1-го лица единственного числа прошедшего времени (ср. окончание 1-го лица единственного числа прошедшего времени -*un* в хеттском), а -*ep-* — местоименная или наречная частица. Сочетание *stdun...stda*, возможно, соответствует сочетаниям типа лик. *sttati sttala* 'ставит стелу' (но анализируемая надпись сделана на скале, а не на стеле). Возможно, *std-* и *sí(es)-* (см. выше) соотносится не с и.-е. **stā-* 'ставить', а с и.-е. **sed-* (ср. лид. *sadme-*): *std-* может представлять неполный результат редукции **sedV-* < [s^hdV] > [sṽV], связанный с заменительным растяжением согласного (следствие ослабления гласного).

Это явление было широко распространено в ликийском (*trqqi-* из **tarhui-*, *kîna-* из *hanna-*); в карийском также находим формы с графическим удвоением согласного (типа *nkka-*), особенно же интересно написание *h^avyi-* в одном из египетских граффити, где, видимо,

засвидетельствована фонетическая форма $h^a\bar{v}V-$, стоящая между $havV-$ и $h\bar{v}V-$.

Основа местоимения 3-го лица единственного числа хет.-лув. *apa-* (и.е. $*e-bho-$) представлена во всех хетто-лувийских языках. В ликийском находим *ebe* (и наречие места *ebei*), в лидийском *bi-[p]* (по передвижению), в карийском *p-* (ср. лид. *b̄i* ~ кар. *p̄i* и др.; ср. также энклитику кар. *-p̄b* ?); таким образом, в лидийском и карийском наблюдается передвижение согласного и отпадение начального *e-*. В сидетском находим *ab* 'он' (?) и *abaza* 'им' — дат. мн. ч. (?).

Другая местоименная основа $*\bar{r}e/o$ (хет. *kas* 'он, этот') представлена в карийском (ср. *k̄i*: датив и наречие места?) и ликийском Б (в ликийском А находим лишь посессив *cehi*). В ликийском Б *ci* 'этот' обычно использовалось в значении аккузатива единственного числа (произношение [k̄i]). Засвидетельствованы формы инструмента (единственного и множественного числа) *cedi* и датива множественного числа *cize*²⁴. В ликийском Б представлены и другие архаичные местоимения: *uni* 'тот' (=хет. *uni* 'тот'), *si-* 'он' (основа представлена посессивом *sesi*) при хет. *sel* 'его' (генитив от *sā-/si-* 'он'; ср. еще посессивы хет. *-set*, лув. *-sa*). Все это — формы индоевропейского происхождения.

В ликийском Б находим, кроме того, акк. *cille* из *cī+ile* (*ile* < $*ila$), где *-ile* соответствует усилительной частице хет., иер. лув. *-ila*, употребляемой после местоимений. Ликийский Б обнаруживает архаичные формы, частично утраченные лувийским языком, но сохранившиеся в медленно эволюционировавшем хеттском. Ликийский А архаичен в значительно меньшей степени. Окончание же $*-nza$ в *cize* [k̄ize] — лувийского типа (в хеттском элемент *-nz-* находим лишь в формах генитива множественного числа: *kenzan* 'их').

Индоевропейскую местоименно-наречную основу $*te/o-$ находим в ликийском (*te*, *teli* 'здесь', 'там'), лидийском ($*ti$ — в дат.-лок. *t̄i*), карийском (*-t* — энклитика, указывающая на прямой объект; ср. еще наречное — *τ*).

Карийские формы *p̄i*, *k̄i*, явно соотносимые с лидийскими *b̄i*, *t̄i*, соотносятся, возможно (выступая и как наречия места), и с ликийскими наречиями *ebei*, *teli*; не исключено, что все эти формы генетически связаны (ср. еще хеттские генитивы от *apa-* и *kā-*):

Карийский	Лидийский	Ликийский	Хеттский
<i>p̄i</i> <i>k̄i</i>	<i>b̄i</i> [p̄i]	<i>ebei</i>	<i>ap̄el</i> <i>k̄el</i>
	<i>t̄i</i>	<i>teli</i>	

Возможно, генетически совпадают формы лид. *ed-* 'это': лик. *ed-*; кар. *éd-* 'это'. Совпадают формы наречий: кар. *epad* = лид. *ebad* [epad] 'здесь'²⁵.

В лидийском и ликийском имелось притяжательное местоимение *ēti-* 'мой', 'наш', в лид. — *bili-* 'его', в лик. *ehbi* = *ebehi* 'его'. Соответствующие местоимения имелись, очевидно, и в карийском.

Относительное местоимение и.е. $*ku-$ представлено в кар. *kuo-* (см. выше): здесь лабиовелярный сохранился, как и в ранних хетто.

²⁴ Ср. сочетания: *ci tewē*, *ci wisiu*, *ci alb̄n*, *ci mlu*, *ci ziwalā* (акк.), *ci zp̄li* (лок. ?), если не *cl...tewē* (акк.); *cedi ilēnedi*, *aripssedi cedi* (инстр.); *cize qle* (дат. мн. ч.). Возможно, усилительная частица *cibz* родственна *ci*.

²⁵ Ср. прил. 5 к табл. 2. Кар.-лид. [epad] соответствует хет. *appatta* 'здесь', причем в основе лежит все то же *apa-*.

лувийских языках, а также в лидийском, где находим *qi-* [k^wi]. В ликийском находим *tī* с преобразованным согласным. Ср. соответствующие формы наречий: лид. *kud*, *kot*, лик. Б *cudi* 'где' (с сохранением архаичного сочетания *ku*).

Склонение существительных, прилагательных и наречий в основном совпадает во всех языках, причем в ряде форм именные окончания восходят к местоименным.

ГЛАГОЛ

Спряжение глагола в единственном числе в поздних хетто-лувийских языках может быть представлено так:

Настоящее время

	Карийский	Лидийский	Ликийский
1-е л.		- <i>v</i> / <i>u</i>	- <i>wi</i> (Б), - <i>m̃</i> < * <i>mi</i> (Б)
2-е л.	*- <i>s</i> (?)	- <i>s</i> (?)	*- <i>si</i>
3-е л.	- <i>τ</i> , - <i>i</i> , - <i>r</i>	- <i>d</i> / <i>t</i>	- <i>di</i> / <i>ti</i> , - <i>i</i>

Прошедшее время

1-е л.	- <i>un</i> (?)	- <i>v</i>	- <i>ka</i> / <i>-ga</i> / <i>-qa</i>
3-е л.	- <i>ø</i> , - <i>s</i>	- <i>l</i>	- <i>de</i> / <i>-te</i> , - <i>ta</i>

Императив

1-е л.			- <i>lu</i>
2-е л.			- <i>ø</i>
3-е л.	- <i>do</i> (?)	- <i>d</i> (?)	- <i>du</i> / <i>-tu</i> , - <i>u</i> ²⁶ , - <i>au</i>

В сидетском находим -*z*(?) [*< *-(n)ti?*] и -*d* в формах глагола 3-го лица.

Как видим, в 1-м лице настоящего времени окончание соответствует в основном лувийскому окончанию -*wi* (в этой архаичной форме оно представлено в лик. Б *eluwī*); лик. Б -*wi*, -*m̃* (= -*mi*) соответствуют окончаниям -*wi* и -*mi* в лувийском. В лидийском распределение вариантов окончания было позиционным: -*v* после гласных, -*u* после согласных.

Окончание -*s*(*i*) во 2-м лице было, очевидно, общим для всех языков.

Характерная структура окончаний в лидийском (преимущественный исход на согласные как следствие отпадения конечных глас-

²⁶ Вопреки мнению некоторых исследователей, формы глагола на -*u* в ликийском всегда характеризуют 3-е лицо (императив), а не 1-е. Лишь нежеланием ознакомиться с соответствующими контекстами объясняется трактовка образований на -*u* как форм 1-го лица единственного числа индикатива. В лидийском форма *sof* есть предикатив (ср. хет. *suppi* 'чистый', отнюдь не представляет собой «глагольную форму на -*u*» — императив, как думают некоторые хеттологи [Gusmani I]). Неверно трактовать формы на -*eni*, -*ani* в ликийском как глаголы 2-го лица множественного числа [Sagguha II]; в том случае, когда перед нами действительно глагольные формы, они характеризуют не 2-е, а 3-е лицо (окончание -*i*) обычно единственного числа (пример мн. ч. *stāni* 'постановляют', 'решают' находим в лик. Б). Формы на *vtēni* являются не глагольными, а именными (см. ниже, раздел «Лексика»; там же рассмотрены случаи ошибочной трактовки инструменталей на -*adi* как глагольных форм и глаголов на -*eti* как инструменталей) [ср. ВЯ. 1968, № 6, стр. 80].

ных) заставляет предполагать, что флексия *-i* *hi*-спряжения была утрачена в этом языке. В карийском же *hi*-спряжение наряду с *ti*-спряжением сохранилось в формах как настоящего, так и прошедшего времени:

<i>ti</i> -спряжение		<i>hi</i> -спряжение	
3-е л. ед. ч. наст. вр.			
Хеттский	Карийский	Хеттский	Карийский
<i>-zi < *-ti</i>	<i>-t < *-ti</i>	<i>-i</i>	<i>-i</i>
3-е л. ед. ч. прош. вр.			
<i>-t</i>	<i>-ø (*-t отпало)</i>	<i>-s</i>	<i>-s</i>

Разнобой в окончаниях 3-го лица прошедшего времени в языках более позднего времени объясняется тем обстоятельством, что в раннюю эпоху имела тенденция к отпадению конечных согласных, вследствие чего еще в лувийском окончание *-t* было снабжено «опорным» гласным, сохранившимся в ликийском. В хеттской группе языков такой гласный отсутствовал, почему и отпало конечное **-t* в карийском и лидийском (в лидийском, возможно, отпало и окончание **-s* *hi*-спряжения, если оно вообще имело в этом языке). Форма оказалась малоудобной, и в лидийском возникает новое окончание *-l* (как и в славянских языках, это *-l* может иметь причастное происхождение). В карийском на месте утраченного **-t* новое окончание не возникало, поскольку имелось окончание *-s* (которое начало распространяться и на глаголы *ti*-спряжения).

В текстах засвидетельствованы наглядные примеры с этим окончанием: в одной из эпитафий имеется фраза: *kovkove dan-s* 'Ковкове освятил [эту гробницу (стелу)]', где основа *da-n-* хорошо соответствует лидийской основе $\uparrow \tilde{e}-n-$ (причем $\uparrow e-$, $\uparrow a-<$ и.е. **dhē-*; ср. хет. *dāi-*, лик. *ta-*, *za-*, *ze-*); в надписи на египетской статуэтке после обычной формулы следует фраза *slra-i lo-s*, очевидно значащая 'Слара (ср. вариант имени кар. *slara*) это изготовил' (букв. 'выпустил', ср. хет.-лув. *lā-* 'освобождать', 'выпускать' и др.; родственный глагол *lile-s* [ср. хет. *lilai-* 'освобождать (от грехов)'] представлен в кавнской надписи, в следовании *mukawar lile-s lahrns* (в отношении первого слова ср. хет. *mukawar* 'моление'); в одном граффито в Египте находим глагол *iksnos* 'написал'. Основа *iksn-* представлена, кроме того, в формуле *iksnō nīakū* 'написал надпись', где либо первое, либо второе слово значило 'написал' и восходило, очевидно, к форме на **-t* (*nīa-kū* интерпретируется как **anda + *h(u)wa-* 'ein-gravieren'; ср. иер. лув. *QUaī-* 'вырезать').

Важно отметить, что в карийском, как и в хеттском, имелись формы глаголов на *-s*; аналогия отмечается и в наличии в карийском весьма употребительных глагольных форм на *-t* и *-r* (очевидно, 3-го лица единственного числа) и в варьировании медиальных форм на *-ti* и *-ri* в хеттском (ср. в этой связи также пал. *kītar* 'лежит'), где по употреблению формы не были медиальными²⁷. Сходство между

²⁷ Ср. работу Уоткинса [Watkins, 78]. Не исключено, что карийские формы без окончаний соотносятся с хеттскими медиальными формами 3-го лица единственного числа без *-ri*. Отметим, что Мериджи признает наличие в карийском глагольных форм на *-s* и на *-ri*, но по неясным причинам не склонен соотносить формы на *-ri* с хеттскими формами единственного числа на *-ri* [не исключено, впрочем, что некоторые (но не все) формы на *-r* в карийском были формами множественного числа].

хеттским и карийским проявляется в палатализации окончания **-ti* (ср. также сидетские формы *eyaz*, *ejz*; в сидетском, как и в карийском, во многих случаях редуцировались конечные гласные).

Остатки распределения глаголов по двум спряжениям наблюдаются и в ликийском, где имеются параллельные формы на *-ti* и *-i*; *-tu* и *-u*, *-au*; **-hha* и **-n(*-m)*. При этом формы на *-i* содержали суффикс *-ā/ē-*, что создавало параллелизм индоевропейского типа: лик. *A sttati* : Б *sttāri* ~ др.-прусс. *po-stāti* : *po-stānai* ~ ст.-слав. *стати* : *станеть*. Об этих формах (кроме ликийских) писал Уоткинс [Watkins, 74—76], сравнивая образования с *-i-* и хетто-лувийские формы на *-(a)na-*. В этот ряд мы можем поставить теперь и ликийские параллели. В отношении лик. *-wi* (1-е лицо) ср. аналогичное окончание в лувийском (при хет. *-mi*).

Форма императива на *-lu* представлена в лик. Б *pijelu*; окончание *-do* находим в кар. *nutoḏo* и *slmḏo* (в лик. Б было бы **slāmadu*: ср. этот глагол в императиве в сочетании *slāma zrbblā* 'освятить изображение'; в отношении *zrbbl-* ср. лид. *er-sarb-* 'в-царапывать'); формы без окончаний *pibi* 'дай', *slāma* 'освятить', *kupḏi* (ср. императив 3-го лица *kupḏidu*) и *askka* (ср. индикатив 3-го лица *askka-ti*) представлены в ликийском Б.

Интересно, что в ликийском, как и в лидийском, сохранились инфинитивы хеттского типа: лик. *-āra'e*, лид. *-(a)u* при хет. *-anna* и лув. *-i* и т.д. В лидийском имелись и инфинитивы на *-(a)l*.

В ликийском усиливается присущая уже лувийскому тенденция к смешению форм единственного и множественного числа. В ликийском — это формы на носовой гласный с последующими *-ti* (3-е л. наст. вр.), *-te* (3-е л. пр. вр.), *-tu* (имп. 3-го л.); видимо, эти формы смешивались с формами единственного числа. По мнению О. Каррубы [Caruba, 80], в лидийском имелись формы 1-го лица единственного и множественного числа на *-u*, 2-го лица множественного числа на *-d* (ср. хет. *-weni* и *-teii*), а также формы 3-го лица множественного числа настоящего времени на *-(n)t/d* (ср. хет. *-nzi*, лув. *-nti* и др.).

В лидийском имелись причастия на *-(i)ś*, *-rs* и *-l*, в ликийском — на *-mi* и на *-Vt-* (Б); ср. лик. А *-ri* [например, в *ñtuweri-* при лик. Б *ñtuw'tēni* < **(a)rd(a) + uwind(a) + anni*].

В сидетском, возможно, имелась глагольная форма *ośad*. Вероятнее всего, она представляет собой форму 3-го лица единственного (или множественного) числа прошедшего времени. В таком случае ее окончание *-d* более всего соответствует лик. *-de!-te* (лув. *-ta*).

Если это предположение верно, то в первой греческо-сидетской билингве можно восстановить последнее слово сидетской версии в виде *duw[ad]*, что находит полную аналогию в сходных по содержанию памятников иероглифического лувийского и ликийского языков, где используются глаголы *tuwata* и соответственно *tuwete* 'воздвиг'.

Сомнителен глагольный характер следования *taś* (в *anaḏemataś*; вероятнее здесь *-taś* — исход слова). Если это глагол, то он сопоставим с хет. *dais* 'положил', 'поставил'. Глаголами, вероятно, являются формы *ewaś* и *ejś* в надписи № 3.

СИНТАКСИС

Все хетто-лувийские языки характеризуются использованием довольно большого числа энклитик. Так, в лидийском предложение часто начиналось с вводной частицы [например, союзов *(f)ak*, *bi* и т.д.]

'и', 'или'], после которой следовали те или иные энклитики, как бы программирующие дальнейшую часть предложения; приведем один пример: *ak-it qed fašfēnu | ak-at q̄l fakantrov ak-m-īs qis ↑ itollad bitad | fak-m-λ-it-in qidān-k artimu-k katsarlokid* 'И-вот что [я] имею | и-это кому вверх | и-вот-ему кто зло причинит | и-вот-ему и Кльдап и Артемида отомстят'.

В лидийском имелись местоименные частицы *-ś.s.*, *(a)dīt* (указание на субъект предложения), *-av*, *-t* (указание на прямой объект), *-λ* (указание на объект в дативе-локативе), ряд усилительных и других частиц.

В ликийском в качестве вводной частицы выступало слово *те* 'вот' [ср. хет. *-ma*, лид. и кар. *(-)m-* и др.], после которой шла частица *не* (указание на прямой объект); имелись и другие частицы, в частности *-we*, *-pe*, *-be*; значение их неясно.

В карийском имелись частицы *m*, *φ*, *n* и др. (кар. *m-* *φ-*, возможно, сопоставимо с лик. *те-pe*, кар. *-φ-n-* с лик. *-pe-ne*).

В лидийском использовались именные конструкции типа А В-*li*-С-*li*- 'А, сын В, внук С', тождественные карийским конструкциям типа А В-λ С-λ [ср. лик. А В-*h(i)* С-*h(i)*, сид. А В-*z* С-*z*].

В поздних языках наблюдаются различные закономерности в строении предложений, причем порядок слов в них отличался значительной свободой.

Остановимся подробнее на поэтическом тексте стелы из Ксанфа (части, написанной на ликийском Б). Здесь встречаются согласованные формы слов (существительные и прилагательные, существительные и существительные, существительные и местоимения), которые подчас бывают разделены другими словами, в результате чего возникают сложные «переплетения» (орнаментальная характеристика поэтической речи). Приведем некоторые примеры таких «переплетений» (согласованные формы однозначно выделены):

с34-35 *trq̄qiz-cce-pe mede z̄ppli kikkati qetbelelmis (qetbelelmis trq̄qiz* 'мощных богов', акк. мн. ч., объект при *kikkati* 'читит' ?);

с40-41 *m̄qrē muri tuplelelmi [...|az sebe sbirtē pzziti lelebedi k̄ntabasl* (аккузативы *m̄qrē*, [...] *az* и *sbirtē*, с относящимся к этому последнему слову определением *k̄ntabasi* — все это объекты при *pzziti* 'низвергает', субъект — *muri tuplelelmi* 'воинственный ратник' (или нечто подобное); речь идет об изображении на стеле, запечатляющем низвержение «памятника» Аморга. Ср. следующий пример:

с49-51 *ēce (e)bei kustite umrggaz̄n c̄leimedi sbirtē k̄badiz, tuwī-pe-ne padrele keriga waksa m̄urel sebe z̄rigali neitalā* 'Когда вассалы с боем/с воинами низвергли там аморгов памятник, Керига воздвиг (?) назидательный памятник...' (ср. ниже, раздел «Лексика»);

с44-45 *me uwe cemijedi waksadi z̄rq̄qiti z̄irelmedi k̄badasadi* 'И вот он [очевидно, Керей] нападает вместе с воинами (*cemijedi*), наделенными (*z̄irelmedi*) «вассаловыми» (*k̄badasadi*) доблестями (*waksadi*)' (очень сходная конструкция встречается в санскрите);

с46-48 *īte-ne puceti kb̄iaew̄n̄nu lakadi z̄rēlēni sebē nari c̄up-riti turakssali natri ti m̄lu mawate waksadi wiz̄ttasppaz̄n* 'Затем бьет он боем/походом кавнского отступника (Аморга), и аполлонов муж/жрец (*nari...turakssali-turakssali nari*) возвеличивает вождя, который с доблестью одолел потомка гистаспова (*m̄lu wiz̄ttasppaz̄n*, т. е. Аморга)'.

Так построен весь текст. При анализе выделяются различные виды «переплетений», в том числе рамочные конструкции, которые часто представляют собой согласованные формы имен, вводимые сою-

зом *sebe...sebe...* 'и...и...' (ср. I строфу: в этом сложном предложении выделяется такой фрагмент: *sebe pasbâ natri slati kusttedi sebe kñtabu* 'и войско/народ вождь славит вместе с воинами (инстр.) и руководителей'. Интересны варианты конструкции без первого *sebe*:

c45-46 *wifedri ñtuwitêni pñuradi sebe pasbâ* '[и] город отдает захватчик и войско/население';

c55-56 *ali muwila-de epñ-tadi (de-epñ-tadi?) sebe pasbâ* (ср. c30) 'и женщин (?) возвращает победитель и мужчин' (*pasba* 'войско', 'народ', 'население').

Отметим особо предложения с *nice...êce*. Здесь наречие *êce* 'как' относится к слову, с которым сравнивается одно из слов предложения (обычно субъект). Предложение — запретительное, но вместо обычного в запретительных предложениях императива используется индикатив, например:

d6-7 *nice qezñmi wëricle-b(e) êce kñtabâ uweti sucrê* 'Пусть никакой рожденный (человек, не-бог) не пишет великого предписания/предначертания, как [если бы он был] Геракл';

d29-31 *nic(e) mqrñmiz ñtuwitêni uplesiz wakssadi tuburiz êce de-epñ predi zazati zrigali* (ср. c55) 'Пусть никакой захватчик не высекает вновь на камнях [повествования] о прежних походах... как [если бы это были] почитаемые уважаемые тубуры' (обратите внимание на «переплетения»). Далее идет еще одно предложение с *nice*, имеем, таким образом, *nice...nice* 'ни...ни'.

ОСНОВООБРАЗОВАНИЕ

При образовании основ поздних хетто-лувийских языков использовались аффиксы индоевропейского происхождения, большей частью хорошо известные из хеттского и лувийского:

**anda-* 'в', 'на' > *ñte-*, кар. *ñt/da-*, лид. *ët-* (ср. наречие лик. *ñte*);

**do-* 'до' > лик. *(d)de-*, лид. *da-* (ср. русск. *до-*);

**p(e)r-* > лик. *pri* (ср. наречие *pere*), кар. *πρα* (ср. русск. *про-, пре-*);

**po-* > лик. *p(e)-*, лид. *f(a)-* (ср. русск. *по-*);

**ser/sar(a)* 'вверх' и др. > лик. *A hri-*, кар. *Σαρ-* ср. еще лик. *epñ-* ~ хет.-лув. *appañ* 'затем', лик. *eri-* ~ хет.-лув. *arha-* 'сзади', 'вслед' и др.

Именные и глагольные суффиксы также имеют индоевропейское происхождение:

**-assi-* > лик. *B -si*, *A -hi*, лид. *-si-* (прилагательные);

**-alli-* > лик. *-li*, кар. *-li*, лид. *-li-* (прилагательные);

**-wana-* > лик. *B -wñni*, *A -ñni*, кар. *-vñā-* (суффикс этнонимов);

**-anta-* (причастный суффикс) > лик. *B -Vti-*, лид. *-ns* и др.;

**-rs* (причастный суффикс) > лид. *-rs*, сид. *-rs* (?); ср. лик. *-re/i* (?);

**-alla-* (суффикс имен деятеля) > лик. *-ala*²⁸, лид. *-la*²⁹, кар. *-la*³⁰;

²⁸ Например, в *zajala* 'преступник', *muwila* 'победитель' (?), *tijala(z)*, *wizala* 'воин' (?) и др.

²⁹ Например, в *mrsla* (негативное значение) при лик. *B mrskka* от *mrskka-*, хет. *marsahh-* 'verfälschen' (ср. раздел «Лексика»); в греч. передаче λαλας при хет. *lahhijalla-* 'предводитель'.

³⁰ Как и в прилагательных на **-li-*; ср. греч. передачи: οὐζαλλος ~ лик. *wizala* 'копьеусец', 'воин' [и.е. **wzdh-*; ср. кар. *ῶζος* 'копье', лик. *wzizis* 'войско' (?)]; Κτοῦζαλλος < **hatbala* (ср. лик. *A kñtbz-* 'вред', *B qetbe-leimi* букв. 'свободный от вреда', 'невредимый', 'несуязвимый'), κειζαλλος 'разбойник' и др.

-talla->лик. -tala/-tle³¹. Ср. еще лик. -ba (<и-е. -bho-), -dla (-dlo-), -ta (хет. -att-).

В ликийском продолжался распад системы гетероклитических форм на -r/n-, отмеченный уже в лувийском. Так, имелись формы на -a (лик. Б *wakssa* 'доблесть' при хет. *wahessar*, *mukssa* при хет. *mukessar* 'молитва'), -re (*wekssere*), -ne [*esāna-* при хет. *es(h)ar/n-* 'кровь', *ecāne* 'смерть' при хет. *akkatar/-nnas*; таким образом, лик. -n-<*tn-].

Собирательные формы на -s (лик. А *wazis*, *trmmilis*, *ijānis* и др.), возможно, идентичны по происхождению формам множественного числа на *-nz (Б-z).

В глагольном и именном основообразовании значительную роль играли так называемые соединительные гласные (ср. лид. и кар. а, е, о, і и др.).

В глагольном основообразовании отмечается «склеивание» префиксов³² и суффиксов, ср. кар., лид., лик. -n+s- (например, в кар. *iksnso-s*, *podrnso-τ*, в отношении последней основы ср. хет. *nuntar-nu-* 'быстро делать, спешить'; таким образом, в данном случае кар. -n-<хет.-лув. -nu-; позднее -s- может соответствовать лув. -ss-, хет. -sk-).

В именном основообразовании отмечается распад системы r/n-основ: ср. лик. Б *mukssa* при хет. *mukessar* 'молитва' (отпадение -r в этих формах наблюдается уже в лувийском); ср. отсутствие различий между основами на *-r и на *-n-; лик. Б *wakssa* 'доблесть', *wekssere* (~хет. *wahessar*), но: *ecāne* 'смерть' (~хет. *akkatar/-nnas* тж).

ЛЕКСИКА

Лексику поздних хетто-лувийских языков можно изучать двумя путями: непосредственно и через посредство греческих (и иных) передач (это преимущественно собственные имена, но и они дают ценный лексический материал, ибо отражают живые процессы основообразования и основосложения; лексемы, использованные в этих именах, были главным образом хетто-лувийскими). В целом лексика изучена слабо, что обусловлено прежде всего фрагментарностью и недостаточным количеством текстов. Хорошо изучены лишь стандартные (ликийские, лидийские) тексты (эпитафии); нестандартные же тексты (особенно поэтические) исследованы весьма поверхностно. Отсюда частые недочеты и малоудачные интерпретации слов из нестандартных текстов, появляющиеся в работах многих известных хеттологов.

При чтении работ, в которых затрагиваются вопросы интерпретации слов поздних хетто-лувийских языков, необходимо иметь в виду наличие этих ошибок; укажем те из них (наиболее существенные), которые встретились в хеттологических работах последних лет.

Так, выясняется, что, вопреки распространенному мнению, лик. Б *cibe* не может соответствовать лик. А *tibe* 'или' (в лик. Б имелось бы также *tibe*); комбинаторный анализ позволяет установить, что лик. Б *cibe* было усилительной частицей, которая обычно ставилась

³¹ Например: лик. *mutla*, *mutala* при лув. *muwatalli-* 'мощный', *neitala* 'поучительный' (от *nel-* 'вести'), *cupitla* при хет. *kupijatalla-* 'заговорщик'.

³² В поздних языках наречия при глаголах часто переходили в префиксы (причем иногда возникали сложные префиксы); в то же время в ликийском наречия *de*, *ese/asa* могли стоять не в контакте с глаголом (ср. лид. *fa-* в *fak*).

между существительным и относящимся к нему определением. Возможно, *cibe* связано с *ci* 'он', 'этот'; анализ лексико-грамматической системы ликийского Б позволяет квалифицировать местоимение *ci* как архаичное (ср. архаичные *uni* 'тот', *sesi*, *si*), замененное в ликийском А посредством *ebe* (редкое еще в лик. Б); в ликийском Б основа *ebe*-представлена в наречиях (ср. *ebe-i* 'здесь' и др.), а также в рассмотренной форме *ci-be*.

Ряд исследователей переводит слово *tesî* в ликийском А как «здесь», что неверно уже фонетически: было бы **tehi*³³. Из сравнения пар *tesî miñti* и *tasa miñtaha* следует, что *tesî(tasa)* было существительным, обозначавшим лицо (или орган), облеченное определенными полномочиями (*miñti*, *miñtaha* здесь определения; существительное *miñti* означает 'орган, ответственный за сохранность памятников'). Наряду с *tasa miñtaha* существует термин *marazija miñtaha*; *marazija* означает исполнительный орган «миндис» или нечто подобное, будучи собирательным именем существительным от *maraza* 'руководитель' (как *tasa* от *tesî*). Слово *maraza* происходит от глагольной основы *mar-* 'приказывать'. Соответственно слово *tesî/tasa* может рассматриваться как заимствование из ликийского Б (ср. собственно лик. *tahñ*, акк.), в котором имеются формы *tasñ* (акк. ед. ч.), *tsse* (дат. мн. ч.) со значением 'предписание', 'стела с предписанием', сопоставимые с лид. *tasē-* с тем же значением, *tašo-* 'предписывать'. Глагольный характер основы *tas-* в ликийском подчеркивается здесь наличием имен деятеля *tesēti*, *teseti* (ср. в лик. А прилагательное *tesātñnija* от имени деятеля **tesātñni*, *tesātēni* в лик. Б типа *zrētēni*, *ñtuwiteni*³⁴), *tesēni* (лик. Б). Все это — обозначения лиц, ответственных за сохранность погребений.

Вслед за Ларошем некоторые исследователи трактуют лик. А *epirijeti* как слово со значением «продает» (ср. хет. *happar-*), что крайне сомнительно по двум причинам: фонетически *happar-* должно дать — и дает — лик. *kppar-*³⁵ (в ликийском начальный ларингал не исчезал, в отличие от лидийского); *epirijeti* значит не «продает/продает», а «присвоит» (как результат «вторичного использования» па-

³³ Ср. у Фридриха [Friedrich III, 188], трактующего лик. А *ijānisñ* (акк. от сущ. *ijānis* типа *trñmis*) как аккумулятив посессива **ijānlsi*, но в ликийском А посессивы имели суффикс *-hi* (*ijānahi* как *mahanahi*).

³⁴ Лик. Б *zrētēni* 'отступник', 'враг', ср. хет. *sarrant-* от *sarra-* 'отделяться', 'отрываться', *ñtuwileni* [*anda-* 'в', 'на' + *uwa* 'приходить' resp. 'вести' типологически соответствует хет. *ant(a)-ifant-* 'внутри-вошедший' = 'зять'] 'захватчик' ([*i*] носовое также в *uwita/uwñta*), *kzzāta* 'сын' (по тексту — сын Кериги Эрбина, что подтверждается и другими надписями); ср. хет. *hassant* с тем же значением, лик. Б *pidritēni* 'основатель' (при *padre-te* 'основа-л'), лик. А *padrila/padrāta* (здесь перед нами варьирование [*i*]/*ā* типа *ifa*); лик. А *tewēte* (определение к *mucale* — название мыса в локативе множественного числа, ср. русск. в *Афинах*) при лик. Б *tewete* [глагол в форме 3-го л. ед. ч. пр. вр.; ср. основу *tew-* в существительном *tewē* (акк.); лик. А *tawā* 'пред' и т. п., очевидно, восходит к и.-е. **teu-*, находящемуся в лид.-кар. *tav-* 'мощный', скр. *taviti* 'силен' и др.]; лик. Б *šmēte* [определение к *elleime* (дат.-лок. мн. ч.)] при лик. А *samati* и др. (глагол). В формах на *-Vtēni* представлен двойной суффикс **-anta-*ana/ñ-* **-anali-*, например, в *tesēni* при **and-anī*, в *tesññni* и **and-* в *tesēti*, *kzzāta*, *šmēt* и т. п.), **-ant-* — индоевропейский суффикс причастий настоящего времени действительного залога.

³⁵ Невсверна трактовка Лароша *kpparama* < **twarama*: как было сказано выше, лик. *k-[x]* восходит обычно к ларингалу (поэтому *kpparama* должно восходить к **happarama-*, и действительно, такая форма должна была иметься в хет.-лув.; это причастие от *happar-*). Неудачно и возведение Ларошем имени писид. *Kḗadḗs* (ср. кар. *Kḗadḗs*; с обычной передачей «глубокого» кар. *a* посредством «омеги») к **tawata*; *Kḗadḗs* (*ḡ-i*) соответствует лик. Б *kbadi* 'вассал', к хет. *hapati-* 'слуга'. Фонетически *hapati-*—[*ḡbadi*].

мятника — *epi-* восходит к хет.-лув. *appa* 'вслед', 'за'), ср. генетически родственное хет. *arā ija-* 'присваивать'; таким образом, *epi-(e)r-i-je- < *appa/i-ara-ija-*.

В нашей работе [Королев, 36—44] и в работе Лароша [Laroche VI, 46 и сл.; ср. М. Kishimoto] содержится идентификация лик. А *wawa* : иер. лув. *wawa-* 'бык', лик. А *ka-wa* < *hawali* 'овца' (и.-е. **gʷou-* и **How-* соответственно); в работе Лароша имеется и важная дополнительная идентификация *wawa = uwa* (ср. обычное в хетто-лувийских языках варьирование [wa] и [u]), здесь же с *wawa* сопоставлена изолированная форма *wawadra*, в качестве редуцированного варианта которой трактуется лик. Б *uwadra*. Однако из контекста (*me muni trbbdi tuwi uwadra* 'Вот муні «обращает» памятник к общинам') с полной очевидностью следует, что *uwadra* представляет собой форму датива множественного числа к лик. Б *uwedri*, лик. А *huwedri* 'община' (или нечто подобное). См. подробнее ниже, в прим. 4 к таблице 2.

Примечание. Здесь же идентифицированы формы мил. *cize* (дат. мн. ч.), *ci* 'этот'; *trbbēni*, *aburēni* (тип *stl[ā]ni*) — глаголы 3-го лица настоящего времени. Карруба [Carriba II], верно трактуя эти формы на *-ēni* как глагольные, ошибочно считает их формами 1-го лица множественного числа; здесь же он дает неверное отождествление ликийских именных форм на *-tēni* с лувийскими глагольными формами 2-го лица множественного числа на *-tani*: «идентификация» Каррубы сомнительна уже фонетически, ибо нет лик. *-tēni*, а есть суффикс *-Vtēni*, где *t* передает звонкий (!) смычный после носового гласного; в тексте эти формы выступают в качестве имен действия, что подтверждается и их этимологическим анализом (см. прим. 34 на стр. 72): *eīmi* и *eluwī* — глаголы 1-го лица единственного числа настоящего времени (окончание хет.-лув. *-mi*, *-wi*), *pijelu* — форма императива единственного числа (типа хеттских форм на *-llu*); лик. Б *cuptle* (дат.-лок. мн. ч.): хет. *kupijatalli-* 'заговорщик'; лик. Б *dezi* : хет. *dass-* 'сильный'; лик. Б *kbadī* 'пассал' : хет. *hapati-* и др. (см. выше); лик. Б *kzzdta* : хет. *hassant* 'сын'; к той же основе *has-* 'рождать' восходит и *qzze* (дат. мн. ч.; ср. хет. *hassa* 'внукам'), *qezīmī* : иер. лув. *has(a)mi-* 'ген(у)s' (здесь же лик. Б *ere-qzzi* 'потомок' сопоставлено с хет. *hassa*, ср. выше). См. независимую идентификацию Гусмани [Gusmani III]: лик. А *kzzuna* : хет. *hassuwāi-* 'царствовать'; лик. Б *laṣra* 'камень' : лув. *lawar-* 'ломать' (ср. лид. *laṣros* 'секира', первоначально каменная — и т. п.); *lēli* 'слова' : иер. лув. *lali-* с тем же значением; лик. Б *lide*, *lika* (глаголы 3-го и 1-го л. ед. ч.): хет.-лув. *lilāl-* 'очищать от грехов' : кар. *liles* (глагол 3-го л. ед. ч. наст. вр. : хет. *lilas*); лик. Б *lug-* : и.-е. **leug-* 'ломать'; лик. Б *mrskka-* : хет. *marsahh-* 'обманывать' (ср. имена действия лик. Б *mrskka* и лид. *mrsla-* — в уничижительном контексте, переводимом «...а не какой-нибудь безпоследний м», т. е. «обманщик»; в лик. *mrskka-* значит 'нарушать', 'искажать'; лик. Б *mēmi* : хет. *memija-* 'речь', 'дело' и др.; лик. Б *mukssa* : хет. *mukessar* 'просьба'; *neri* < и.-е. **Hner-* 'сильный', 'муж'; *neitala* (прилагательное типа *mutala*, ср. *muwattalali-* 'мощный'); *nēnifeti* (глагол), *neiz* (прил. мн. ч.): хет. *nai-* 'вести' (ср. лик. Б *nalri* 'нождь' : скр. *netar-* с тем же значением из и.-е. **ne(i)-tor*; выявление этой важной хетто-лувийской основы в ликийском привело Мериджи к трактовке глагола *nēnife-* 'verbrüden', что бессмысленно, а Гусмани — к интерпретации этой формы в качестве инструментала, что невозможно ни фонетически, ни синтаксически, ни семантически. Форму *neiz* Гусмани соотносит с вводящей местоименной частицей *ne*, что маловероятно хотя бы потому, что *ne* — не обычное местоимение, а особая застывшая форма, вводящая имя в аккузатив; лик. Б *pzziti* [ср. еще *pssati*, *psse(si)*] : хет. *pessija-* 'бросать'; лик. Б *pibi* ср. лик. А *pibijeti* 'дает'; лик. Б *pre-*, лик. А *papra-*; лув. *(pa)pra-* 'гнать'; лик. Б *puce-*; хет. *puggāi-* (ср. и.-е. **peuk-* 'бить'); лик. Б *pina-* : хет. *pifannāi-* 'одарить'; лик. Б *qeleti-* : лув. *halali-* 'чистый' (рит.); лик. Б *qelēnēti*, *qiqlēniri* : хет. *hallanija-* 'knien'; лик. Б *qelideli*; хет. *halijutalla-* 'страж'; лик. Б *qāza* (дат. мн. ч.) : хет. *hanzassa* 'правнукам'; лик. Б *qidri-* : хет. *hatrai-* 'писать'; лик. Б *qūtili* : лув. *hantill-* 'нервный'; *qrblli* : хет. *harp(ā)li-* 'altarь'; лик. Б *qtti-*, лик. А *kttā-* : хет. *hattāl-* 'бить'; лик. Б *tas-* : лид. *tašē-* 'стела с надписью'; лик. Б *tāne*; лик. А *tāne* 'ставить'; лик. Б *uni* : хет. *unl* 'tot'; лик. Б *uwe-* : лид. *u(ve)-* 'писать'; лик. Б *warastje-* : хет. *waressa-* 'помогать'; лик. Б *zina-*, *zini-* : хет. *zinnāl-* 'оканчивать', 'упрощать'; лик. Б *ziwa-*, *ziwi*, *zawa* : лид. ↑ *iw-* (ср. хет. *siu-*) 'бог' из и.-е. **dieu*; лик. Б *zrqq-* : хет. *sarh-* 'нападать'; лик. Б *ziti* : лув. *ziti* 'человек'.

В своем «Лидийском словаре» Р. Гусмани сопоставляет лид. *uwe-* 'писать' с иер. лув. *hwāi-* (лучше *QUai-*: очевидно, фонетически [k^wai]), считая это соответствие «точным». На самом деле иер. лув. *QUai-* соотносится с нем. *hauen*, русск. *ковать* и т. п.; имеется соответствие и в кар. (*nd/ta*)*ku* 'над-пись' (либо 'на-писал') из **anda-kuwa-* (или **anda-kuwat*). Лид. *uwe-* соотносится с лик. Б *uwe-* 'писать', 'предписывать' (возможно, восходит к хет.-лув. *uwa-* 'вести'; ср. иер. лув. *uwami-* при лик. А *uwēti* — имя лица, букв., возможно, 'ведомый' (форма причастного происхождения).

Гусмани же трактует форму лик. Б *mirēhne* (дат. мн. ч.; атрибут к *qzze*) как «несомненный» этникон от *mire* (по Гусмани, — название города, передаваемое греками как *Μυρα*). Здесь допущено искажение ликийских фонетических соответствий: посредством *Μυρα* греки могли передавать форму *tura*, а не *mire*, и действительно, мы находим в ликийском А существительное *turaza/i*, букв. 'житель (города) Мury' (ср. *atānazaji* 'афинянин'); этником от этого названия в ликийском Б было бы **turawhna/i* (даже не **turāhna*); что же касается *mire*, то это, несомненно, обозначение лица (!) в тексте Ксанфской стелы, очевидно, царя (Керига).

В форме *tunewhni* Гусмани видит этникон от названия города *tuminesi* (лик. Б; А *tuminehi* 'Тимнес'), что маловероятно по фонетическим причинам: было бы **tuminewhni* (к тому же мы имеем, очевидно, дело не с формой *tunewhni*, а с *ēlitunewhni*)³⁶. Форму *busawhna[a]la* ([a] восстанавливается по гармонии гласных, ср. *tucadrala* — дат.-лок. мн. ч. от **tucedrili*) Гусмани склонен «разложить» на два слова; контекст дает нам, однако, весьма четкую интерпретацию формы как датива множественного числа от прилагательного-посессива *busawhnnali* 'буССкий' (**busawhni* — этникон от **busa*, ср. лик. А *-buha-* в собственных именах).

Прилагательные на *-ēti* (вроде *tūpewēti*, *arppakusēti* — тип *kuzruwhēti*)³⁷ Гусмани трактует как формы инструменталя (эти последние имеют суффикс *-adi*, но не *-eli*, *-ēti*, как полагает Гусмани), следуя, очевидно, Мериджи, который переводил словосочетание лик. А *ubi hātē cibjēti* 'обоих чужих людей', т. е. 'не-ликийцев' (имеются в виду персидские полководцы Отан и Тиссаферн), как 'и принялись бить друг друга'.

Гусмани возводит лик. Б *slāma-* 'запечатлеть' [ср. императивы лик. *slāma* и кар. *slmodo*, существительное лик. А *hlmmi* (какой-то памятный предмет); очевидно, заимствование из семитского: аккадское *šalmu* 'изображение' и др.; ср. лик. Б *slāma zrbblā* 'запечатли изображение!'] и *sla-* 'делать добро' (лув. *sasla-*, и.-е. **selH-* 'благоприятствовать', ср. прагреч. **sislemi* и др.) к хет.-лув. *sarla-*, что фонетически невозможно (так, **sarlaimmi-* дало бы в лик. Б не *slāma*, а **zrlleimi*).

По-видимому, неправы некоторые исследователи, сопоставляя лик. Б *maskkñ* с хет. *maskan-* 'штраф', 'дар' и др. Лик. *maskkñ* значит

³⁶ В § 7 своей работы Гусмани [Gusmani III] интерпретирует отрывок из Ксанфской надписи (лик. Б; часть с63) *wiksabalaba... kbade... tunewhni* как 'Виксабалаба, князь из Тумине [Тимнеса? — А. К.]', тогда как *kba-de* здесь — глагол, управляющий аккузативом (в этом падеже и стоит последнее слово); ср. аналогичную конструкцию с *kikbati* в с31—36, где в аккузативе стоят формы *trqqlz* 'бога' и *uwedrīz erēplīz* 'значительные (?) общины'; аналогичные аккузативы есть и в с63: *erēplī trqqlz*, *ecabura*, *masa* (см. прим. 6 к табл. 2 на стр. 88).

³⁷ Трактовка Гусмани существительных с суффиксами *-ēti* — *tūpewēti* (Б), *aka-ti* (А) как инструменталей ошибочна.

скорее 'процветание', 'благополучие', чем 'дар', и соотносится фонетически точно с иер. лув. *mashana-* 'способствовать'. Лик. А *cimezi-ja-* содержит *c*, обычно восходящее к **k*, а не к ларингалу (как, например, *k* в *maskkîn*), поэтому очень сомнительно возведение Ларошем лик. *cimezi-ja* в лув. *humati-* 'цоколь', тем более что ликийское слово обозначает (как это следует из контекста) не вид памятника, а организацию [ср. *marazi-ja* от *mar-* 'приказывать', *cimezi-ja* от *cimezei-* 'платить', первоначально, очевидно, 'очищаться (от грехов)'; ср. лув. *kumti-* 'чистый', лид. *kumli* — и т. п.]³⁸.

Фонетически маловероятна трактовка Гусмани ликийских форм *arîpa* и *arîpaimi* как **Arma-pi-ja* и **Armapijami-* соответственно. Ликийские слова не соотносятся ни с *arma-* (иное дело, например, лик. Б *ermedeli* при хет. **armantalli-*), ни с *-pi-ja* (было бы *-pi/-pi-ja*); *arîpa* обозначает какой-то предмет, часть памятника и соотносится с хет. *arimpa-* (обозначение ритуального предмета); ср. в ономастике Арруш-. Слово *arîpaimi* представляет собой производное от *arîpa*; ср. *m̥qreimi* при *m̥qri*.

В предложении *kâzbi tuminesi hîta-wâ cridesi sebedi qirzê ziwi* (в ликийском Б: строка с54 стелы из Ксанфа) Гусмани видит в *hîta-wâ* значение 'название местности', Мериджи же неправоммерно расчленяет форму *sebedi* на *sebe* 'и' и частицу *-di* (отсутствующую, однако, в ликийском Б). На самом же деле *hîta-wa* — определение к существительному *qirze* 'доля', а *sebedi* — глагол: 'В городах Кандибе и Тимнесе *cridesi* (эпитет царя; ср. лик. А: *cerðdi* < **cerdehi* = **crdesi* = Б *cridesi*) «направляет» особую долю богу (*ziwi*)'; *hîta-wa*, очевидно, заимствование из ликийского А ('persönlich' при *hâta/hata* 'Person?'); в отношении же глагола *sebe-* ср. образованные от той же основы существительное *sabaca* (дат.-лок. мн. ч. от имени деятеля *sabaci*) и прилагательное (=существительное?) *saba* 'направляющий/поучающий' (ср. инстр. *sabadi m̥r̥ðdi* 'поучающими речами').

Сомнительна трактовка Мериджи глагольных форм *epete*, *epide* (к хет. *appâi-* 'готовить' и др.), *epîtadi* (< *appan+dâi-*), *erite* и др.; он считает их сочетаниями типа «наречие+частица»; Ларош же членит следование *erite teri* так: *eri teteri* (что это значит, по Ларошу, — неясно).

Более вероятно, что глагол *eri(te)* соотносится с хет. *arrâi-* 'останавливать', как это, в частности, следует из надписи 29 (лик. А):

alakssântra erite teri trîmmisîn 'Александр остановил войско ликийца (т. е. ликийское войско)'. Здесь *trîmmisîn* — аппозиция к *teri* [*te:î*]; вариант *t/-erîn*, ср. предложение 44 а49: *kerêi tebete [t]er[în] se wakssēpddimi* 'Керей разбил войско и Ваксепдими (т. с. войско Ваксепдими)'; ср. еще 44 а44—45: *trbbēnimi tebete terî se mîlasântrâ* 'Трббсними разбил войско и Мелесандра (т. е. войско Мелесандра)'.

Гусмани относит первую часть имени *wakssēpddimi* (*waksse-*) в качестве определения к *kerêi*, искажая тем самым важное свидетельство Ксанфской надписи³⁹, дающее нам имя Ваксепдими — руководителя армии мятежного Тлоса. Такое толкование Гусмани происходит не только

³⁸ Вопреки Гусмани, лик. *cîmêtl*, *cîmî*, *cîmmasadi* не имеет никакого отношения к *cime(zei)-* и т. д. (кстати, *cîmmasadi* — форма инстр. пад. сущ. на *-asa* типа *kruwasa*, а не глагол).

³⁹ Ср. старую интерпретацию Мериджи, который перевел фразу *kerêi qastte terî tlahh erbbedi* 'Керей наказал войско Тлоса поражением' так: 'Керей награждал войско Тлоса имуществом'.

из игнорирования «контекстуальных» и исторических данных, но из фонетически неверной интерпретации слова *wakssa* как 'господин', ср. лув. *washa-* (Гусмани предполагает метатезу). На самом деле *wakssa* значит 'доблесть' или нечто подобное (этот факт давно установлен П. Мериджи на основе комбинаторного анализа текстов, но им пренебрегает Гусмани); это ликийское слово фонетически точно соотносится с хет. *wahessar* (обозначение положительного качества). Ср. в этой связи также формы имени собственного *wekssere*, в котором сохранилось суффиксальное *-r-*.

Следование *sebe pasbâ îte-ne puceli kbidewîniu lakadi zrêtêni* Гусмани совершенно неубедительно переводит так: 'И «пасбу» из (города) Кбиде осаждает он в-нем походом...'; но *puceli* значит 'бьет' [объект -- *kbidewîni(u)*]... *zrêtêni* 'кбидов отступник', т. е. 'ренегат Тиссаферна' — Аморг; именно о нем повествует здесь стела; непонятно, для чего оторвана от предыдущей строфы ее концовка *sebe pasbâ* (это последнее слово согласовано с *wijedri* в предложении, оканчивающем предыдущую строфу). Начальное *îte-ne* значит не 'в нем', а 'далее' (*ne* может быть вводящим местоимением, указывающим на наличие аккузативов в данном предложении).

Следование *atli tîne câ[t]â* Гусмани интерпретирует следующим образом: *atli-t(i)-îne qâ[j]â*, но это невозможно ни графически, ни фонетически, ни грамматически. На самом деле имеем инфинитив *tîne* и аккузатив *qâtâ* (ср. лик. *ta-* 'ставить', *qan-* 'судить'); см. подробнее в прим. 8 к таблице 2 на стр. 89. В отношении лик. *tîne qâtâ* ср. хет. *hanti tija-* 'отдать под суд'.

Следование *esâtînniu qîtbê* Гусмани переводит как 'стратега из Антифеллоса', восстанавливая начальное [w] (ср. *wesîte-*)⁴⁰, тогда как более вероятно имеем [t] *esâtînniu qîtbê uwakâ* 'я предписал распоряжение *tesâtînniu*' (букв. 'тесантнийское', т. е. распоряжение, предназначенное для официальных лиц, именуемых *tesâtînni*; см. об этом выше).

Слово *ese* (дат.-лок. мн. ч.; согласовано с *abura* в надписи 55; ср. композит *eseburâ esebure*) Гусмани, в нарушение фонетических норм, отождествляет с союзом *êce* '(в то время) как'. Выше (в разделе «Синтаксис» мы рассматривали предложения с этим союзом. Гусмани, вырывая из контекста (44 d6—7) часть предложения *...wericle-b(e) êce kîtabâ uwetî sucrê*, переводит его как 'и вот когда Геракл прославленного стратега...', но *wericle-be êce* значит 'как Геракл', 'подобно Гераклу', а *kîtaba* значит 'распоряжение', 'предписание', на что, в частности, указывает семантика управляющего этим объектом глагола *uwetî* 'пишет'. Однако если Гусмани верно выделил союз *êce*, то Ларош «разорвал» его на части, отнеся начало к предыдущему слову (по Ларошу, *wericlebê*) и интерпретировав конец (*-ce*) как союз «и». Стремясь обнаружить в ликийском двойной союз *-ce...ce* 'и...и' (который здесь действительно имеется, но только в других местах⁴¹), Ларош отрывает от предыдущего предложения его конец (подлежащее *zrppedu* 'Сарпедон'), присоединяя к нему часть союза *nîce — zrppeduni* (по Ларошу). Оставшаяся часть союза —

⁴⁰ Сама по себе идентификация лик. Б *wesîte* — лик. А *wehîte* 'Антифеллос' верна (ср. перевод сочетания *qâjâ wesîteli* 'антифеллосское святилище', лик; Б *qaja* сопоставляется с хет. *ha-* 'верить'), поскольку надпись, в которой встречается эта форма, происходит из Антифеллоса; лик. А *wehîte(zi)* — лик. Б *wesîte(li)*.

⁴¹ Ср. желание Гусмани обнаружить двойной союз *sebe... sebe* 'и...и' в 44 с46—47, где ему приходится присоединять к рассмотренному выше предложению конец предыдущего (...*sebe pasbâ*) и начало следующего (*sebe...*).

-се — и является для Лароша искомым элементом двойного союза -се...-се.

В сложном предложении 44 с49—50 союз *ēce* значит 'в то время как'; Гусмани же трактует его иначе: он переводит 'когда', относя к этому союзу оба предложения, которые он соединяет сочинительной связью (в действительности *ēce* присоединяет первое предложение А ко второму Б, передавая смысл: «в то время как происходило А, происходило Б»). Далее, он переводит *kustite* как 'воздвиг(а)ли', но смысл здесь совершенно иной: «разрушали», «ниспровергали» — речь идет о ниспровержении «памятника» ренегата Аморга вассалами ликийского царя. Типологически *kustite* можно сравнить с русск. *воевали*, ибо находим *kusttedi* 'сражениями' или 'с воинами' и *kustti* 'воин'.

Вторую часть сложного предложения Гусмани также трактует неверно. Вот это предложение: *tuwi-pe-ne padrete keriga waksa murei sebe zrigali neitalā* 'Памятник этот назидательный основал Керига...' (далее следуют дативы). Здесь мы имеем словосочетание *neitalā tuwi* (о *nei-* 'вести', 'направлять' см. выше), аналогичное сочетанию *neiz tuwiz* (акк. мн. ч.), *kītabata tuwi* (лик. А, со сходным значением), *sabādi mrṣṣdi* 'назидательными словами/речами' (букв. 'направляющими'), *kītabaumi zrbblā* (акк.) 'назидательное изображение' и *kītabasi sbīrte*.

Гусмани рассматривает *neitalā* в качестве существительного, «согласуя» с ним *zrigali* (на самом деле *zrigali* — датив), которое он считает этниконом (тогда как на самом деле *zrigali* — производное от *zrig-/zriq-/zrqq-*, хет. *sarh-* 'нападать'; ср. слово *muri*, имеющее сходное значение, а также третье слово этой группы — *waksa* 'доблесть'; заметим, что *murei* и *zrigali* — тесно связанные между собой дативы, которые могут быть переведены как «победителю и завоевателю», тогда как слово *waksa* стоит во множественном числе и может при желании рассматриваться как локатив — 'в доблестных делах?'). Гусмани согласует *waksa* с *keriga*, что теоретически также возможно.

В ликийском А союз *āca* (*ēce*) имеет то же значение, что и в ликийском Б; Гусмани же интерпретирует сочетание *āca hericle* (лик. Б *hericle-be ēce*) 'подобно Гераклу', рассматривая *āca* как союз в значении 'когда', а *hericle* — как подлежащее предложения 44 а51—52 (см. об этом предложении в разделе «Синтаксис»). Морфологически неверна трактовка Гусмани слов лик. Б *sucri* 'великому' как номинатива (было бы *sucre*; ср. акк. *sucre*), следующего определением к *trṁmile* ('ликиец', по Гусмани); на самом деле *trṁmile* (лок. мн. ч.) 'у ликийцев' (= в Ликийи) слово *sucri* служит определением к *trqqṇti* 'богу' (дат. ед. ч. от *trqqiz* 'бог').

Вызывает серьезные возражения интерпретация, которую дал Мериджи началу XX строфы милийского текста Ксанфской стелы (44 d17 и сл.): *me/pd/urade ericle-be*⁴² *trqqṇti* 'Он взмолился: «о бог Геракл!»'; здесь слово «Геракл» стоит в номинативе, являясь субъектом предложения и управляя глаголом *pdurade* 'дал', 'выделил', 'наделил' (это значение установлено довольно точно); слово же *trqqṇti* стоит в дативе и значит '[богу] Тархунту' (и Геракл, и Тархунт были ликийскими богами); глагол *pdurade* управляет объектом *tiu* (акк.

⁴² Не совсем ясен элемент *-be*: возможно, это не фразовая частица, а согласованное с главным словом местоимение (*e*)*be* (или наречие — ср. кар. *-b* в позиции после собственных имен: *mesnal-ba* и др.).

от *tija*; ср. имя действия в лик. А *tijala*); ср. также группу локатива *ñtada kñni je* (*sucri* < **su*- + **k^wer*- 'gutgemacht'?).

Начало ликийского Б текста, весьма прозрачного, Гусмани трактует неверно, считая *natri* ('вождь', т. е. Керей — «основатель» стелы) прилагательным в аккузативе (определением к *pasbâ*), а *sbirte zireima* — субъектом предложения, но *sbirte zireima* стоит в локативе множественного числа (номинатив единственного числа был бы *sbirte zireimi*!); это — обозначение предмета и, следовательно, не может быть субъектом предложения с предикатами *zazati* 'высекает (надпись)' и *slati* 'воздаст почести'.

Одно из наиболее ясных мест милийского текста, верно интерпретированного еще Мериджи [Meriggi I], Гусмани «модернизирует», соединяя при этом два слова, стоящие на стыке предложений (...*natri ti*... '...вождь, который...'), в одну форму опять-таки инструменталью — *natriti*. Довольно ясное место 44 d35—37 Гусмани интерпретирует неверно, отрывая *kbadasa* [определение к *kezîm(e)* 'родам/потомкам' (дат. мн. ч.), ср. *gezîmmi*, иер. лув. *hasami*- 'род'] от предпоследнего предложения и соединяя его с последним, которое звучит *alasi dadu-pe sebe pasbasi esênêmla* и где *da-du* — императив 'пусть он даст' (субъект и объект подразумеваются), *esênêmla* — датив единственного числа 'кровный род', 'кровное потомство' (*esênê-/asânâ-*; ср. лув. *ashar/n-* 'кровь'), а *alasi* и *pasbasi* — определения к нему. Гусмани согласует с этими словами прилагательное *kbadasa*, что сомнительно морфологически: датив от посессивов имел в ликийском Б исход -*si*.

Идущие друг за другом слова *laßri kñtabaimi* Гусмани переводит как 'bestellte Stele', согласуя их друг с другом. Более вероятно, что *laßri* — датив единственного числа 'на каменной плите', тогда как определение *kñtabaimi* 'назидательный' (букв. 'направляющий/ведущий') согласовано с аккузативом *zrbblâ* 'изображение' (ср. параллели выше); имеем в целом: *laßri kñtabaimi slâma zrbblâ* 'запечатли на камне назидательное изображение' (имеются в виду изображения над текстом стелы, в которых отражены воинские подвиги Керей).

В предложении 44 d50 прилагательное *ziu* (акк. от *zija*) согласовано с существительным *pasbu*, заключающим предложение. Гусмани же вырывает это слово из контекста, согласуя его со словом *urttu* (кстати, тоже существительным), начинающим следующее предложение (это *urttu* имеет при себе определение *qelideli*; ср. другое сочетание в аккузативе *qelideli albâ*). Здесь Гусмани (как и в ряде других случаев) соединяет в одно предложение части предыдущей и последующей строф (четко выделяемых в милийском тексте), но на самом деле со строфой кончается и предложение. Гусмани стремится здесь получить двойной союз *cibe* 'или' (он дает: *cibe pasbu urttu qelideli cibe-i*), но *cibe*, как мы отметили выше, такого значения не имело: это была усилительная частица («ведь», «же», «даже»). В действительности мы находим в обоих (разных!) предложениях группы аккузативов (группа «определяемое + определяющее», усиленная частицей *cibe*): 1) *ziu cibe pasbu* 'мощное же войско', 2) *urttu qelideli cibe* 'охранный же ритуал' или нечто подобное. Ср. другие случаи с *cibe* в разделе «Синтаксис».

По мнению Гусмани, суффикс -*li* присоединяется только к именам собственных имен, что не соответствует действительному положению вещей. Мнение Гусмани, что в лик. Б *kñtawaza* сохранилось старое -*w-*, а в *kñtaba* оно перешло в -*b-*, основано на недоразуме-

нии. На самом деле первое слово представляет собой композит **Hant(a) + *wedh-* (ср. типологически русск. *пред-водитель*), а второе — производное, распространенное посредством употребительного ликийского суффикса *-ba*, так что *w* и *b* генетически никак не связаны.

Согласно точке зрения Гусмани, лик. Б *uwe-* значит 'помогать', тогда как этот глагол значит 'писать', 'предписывать', что ясно из контекста (здесь к тому же комбинаторный анализ подтверждается этимологическим см. *uwe-* и *mɾβa-* в таблице 2 «Лексические соответствия в хетто-лувийских языках поздней поры» на стр. 83—87). Гусмани расчленяет лик. Б *cedi* на элементы, но это — инструменталь от *ci* 'этот' (см. раздел «Синтаксис»). Инструменталь *predi* (определение к *lakadi*) он считает глаголом, связывая его с *prete* (*prete* действительно глагол, не имеющий, однако, генетической связи с *predi*; см. ниже таблицу 2). Вопреки Гусмани, лик. А *hrikm̃ma* (ср. *hri-* в композитах) не связано с лик. Б *zriqali* (ср. выше, хет. *sarh-*).

Сопоставление слова с именем *lātāi* Λῆται 'богиня Латона' (определение к слову *māhāi* 'боги' в лик. А), предложенное Гусмани, очень маловероятно фонетически: *lātāi* звучало [lādāi]. Слово *lātāi* — причастного происхождения (суфф. **-and-ani*) и родственно лик. Б *lâte* — глагол с позитивным значением. Очевидно, этот глагол связан с хет. *la-* 'отпускать', 'освобождать' (ср. лик. Б *la-*, кар. *lu-*; ср. также хет. *lilai-*, кар. *lile-*, лик. Б *li-* 'отпускать грехи' и др.). Мериджи неверно переводил отрывок ликийского Б текста (44 d55) *me ne uwe lâte (a)ripsselēmu* как 'никто не умер, кроме меня', тогда как в действительности словом *(a)ripsse* (субъект; эпитет царя) кончается более длинное предложение (*me kerigazh̃ mqrē* и т. д.), а местоимением *ēmu* 'я' (не 'меня') начинается второе предложение строфы. В ликийском А, возможно, имелся генетически связанный с *la-(lā-)* глагол *la-* 'умирать', но это значение в ликийском Б не засвидетельствовано.

Именные формы *wesedi*, *wisidi* (инстр.), *wisiu* (акк. сущ. *wisija*) Гусмани неправоммерно трактует как глаголы. Словосочетание *uni tē-pe* 'тот (на)род' (начало длинного предложения 44 d63—65, оканчивающегося словом *asānām̃la*) Гусмани членит так: *unitē-pe*. Он «обнаруживает», таким образом, глагол-сказуемое, но таковым, скорее всего, является в первой части сложного предложения *trbbēni*, которым и управляет субъект *uni tēpe* (это *tēpe* родственно существительному *t̃mpewēti*; ср. *tr̃mmilijēti t̃mpewēti* 'ликийский род', синонимичное *arppakusēti t̃mpewēti* 'Гарпагов род'; ср. также ликийскую ономастику).

По-разному трактуют исследователи лик. А *aladehhali* [ср. глагол *ala(de)ha-*, *ha-(aha-)*], переводя его как 'Frevler', 'Öffner' и т. п. Эта интерпретация вполне убедительна, однако более тщательный анализ показывает, что *aladehhali* значит 'тот, кто производит вторичное захоронение' (это значение устанавливается, в частности, на основе анализа глагола; этимологический анализ служит подтверждением комбинаторного: *ala-*; и.-е. **el-* 'через', 'поверх'; *de-* < **do-* 'до' и др.). Тема «вторичного использования» погребений, за которое назначаются различные наказания, хорошо известна из лидийских надписей; в ликийском А находим еще *epiri je-* букв. 'после-присвоить', т. е. 'присвоить себе чужой памятник' (ср. выше), и др. В ликийском Б находим глагол *ep̃nazazati* 'вторично высекать (надпись на камнях)' и существительное *ap̃nta-* 'вторичное высечение (надписи на камнях)'. Буквально основа этих форм (хет.-лув. *arpan dāi-*) значит

‘снова сажать’, откуда значение ‘возвращать’ в хеттском (‘zurück-bringen’). В ликийском тоже есть глагол *epîta-* со значением ‘возвращать’. Рассмотрим все три ликийские формы.

Первые две встречаются в XXIV милийской строфе стелы из Ксанфа (44 d29 и сл.), в которой говорится, что «никакой захватчик (победитель) не должен писать на каменных плитах (стелах) о прежних походах... никакой дерзкий герой не должен портить каменные плиты вторичными надписями (*apîtadi*)». В предыдущей же строфе сказано об освящении стелы и о том, что никто не должен делать «изменений» (*trppali*); см. подробнее в прим. 4 к табл. 2 (имеются и другие запреты порчи памятника). Третья форма (глагол *epîta-*) встречается в X строфе милийского текста (44 с55—56), в предложении *ali muwila-de epîtadi sebe pasbâ* (*de*, возможно, также относится к глаголу, имея значение ‘до-’). Объекты *ali* и *pasbâ*, возможно, «женщины» и «мужчины» (мужское и женское население захваченных врагом городов), которых царь (или высший военачальник Ликии: субъект предложения — *muwila*, имя деятеля к *muwi-* < хет.-лув. *mu-wāi-* ‘осиливать’; очевидно, таким образом, *muwila* ‘победитель’) возвращает в «доно Ликии».

Такой анализ поддерживается рядом фактов. В с45—46 говорится, что захватчик (*ñtuwitēni*) отдает (*pduradi*) *wijedri* и *pasba* (до этого описывались батальные сцены); в следующей строфе повествуется о сокрушении «отступника» (Аморга); о том же говорится в очередной строфе (сначала рассказывается об «отщепенце», названном далее потомком Гистаспа, затем он назван своим именем — *umrgga* = Аморг). Далее следует IX строфа, где снова идет речь о боях с отступником (*zrêtēni*; может быть, здесь шире — «враг») и о том, что термилы и тузоры отдают «возвратителю» двойную и тройную долю чего-то. Здесь чрезвычайно важен датив *utaci* от имени деятеля *utaci* ‘возвратитель’ (‘Herbringer’) от *uta-*, хет.-лув. *u-* + *dāi* = ‘herbringer’. И сразу же следует X строфа, где *cridesi* передает особую долю богу (см. выше), а *muwila* ‘победитель’ осиливает «постоянных врагов» (*dewis zrêtēniz*) и «возвращает» *ali* и *pasbâ*.

В следующей строфе сказано: *ne-pe ci wisiu utetu ñteli* *ja pidritēni* ‘Пусть возвратит [utetu все от того же *uta-* / *ute-* ‘возвращать, herbringer’, т. е. ‘основатель’; *pidritēni*, очевидно, один из титулов царя (ср. *tuwi padrete keriga* ‘памятник основал Керига’)] — это *wisi-* ‘внутреннему’» (*ñteli* — дат. от *ñteli* < хет.-лув. *andali-*). Речь идет, как видим, о том же населении, которое охарактеризовано здесь (с учетом предыдущей строфы) как *ci wisiu* ‘это ш.’, где *wisiu* (ном. *wisija*) — собирательное имя, видимо родственное лид. *višši-* ‘благочестивый’ или нечто подобное (ср. негативное *nivišši(i)-*; слово *wisi-* и далее упоминается в тексте; примерная интерпретация — «народ»). Это население возвращается «внутреннему», т. е. присоединяется к внутренней части государства, к Ликии.

Далее говорится, что *pirli* (очередной эпитет царя или стратега) «укрепляет/оснащает» (*murēnedi* — глагол, производный от *muri* ‘бой’ или ‘воин’, с «каузативным» суффиксом *-*ēne-* < **-anna-*) тузоров и «Гарпагов род», т. е. термилов (= ликийцев: *trñmilijēti tñpewēti* = *arppakusēti tñpewēti*, см. выше).

Далее следует XII строфа, в которой говорится, что теперь «никто не грозит» ликийцам войной и т. д. (см. анализ в прим. 6 к таблице 2 на стр. 89). Такой анализ может быть проделан с учетом всех возможных данных (контекстуальных, данных фонетики и морфологии хетто-лувийских языков, а также данных истории)

и в других случаях (ср. материал примечаний к указанной таблице); в нашем случае, например, слово *ali* трактуется как «совокупность женщин» на основе целого ряда свидетельств (ср. пару *ala—ziti* 'женщина—мужчина' в 44 d47, сочетание *alasi sebe pasbasi esênêmla* и др.; соответственно *pasba* в целом должно трактоваться как «совокупность мужчин» определенного возраста или ранга, иногда под-ходит значение «войско»; возможно, речь идет о свободных мужчи-нах, составляющих касту воинов).

Весьма отчетливы участки, где речь идет о предназначении па-мятника определенным сословиям, ясны запреты и др. В то же время имеется ряд неясностей, проистекающих от незнания нами реалий (особенно это касается «ритуальных» мест стелы).

В новой работе О. Карруба [Carriba IV] наряду с важными иден-тификациями (определение лик. *ese* как преверба и др.) допустил це-лый ряд неточностей в интерпретации хетто-лувийского (главным образом, ликийского) материала. Так, он необоснованно сопоставляет с наречием хет.-лув. *anda* частицы лув. *-tta*, хет. *-ta*, лик. *-te*, *dde-*, *dda-*, лид. *-(i)t*; возводит хет. *-kan* к хет. *kattan* (скорее всего, хет. *-kan* соответствует функционально (и этимологически?) таким ча-стицам, как русск. *-ка*), *-san* к *sarran*; отождествляет лик. *te* 'здесь' и *de* (преверб *do-*, сюда же относится и *dde*, которое Карруба трак-тует как местоимение 'это' или сравнивает с *ñte*).

Верно отмечая (стр. 29), что лик. *A epirijeti* несопоставимо с хет. *happirijazi*, как думал Ларош, и, следовательно, не может зна-чить 'продает', Карруба, однако, ошибается, считая, что стоящая перед глаголом частица *ti* значит не 'себе', а 'который'. На самом деле *se-de-tti epirijeti* значит 'и себе затем присвоит'⁴³.

Имя деятеля *ñtuwiteni* Карруба переводит 'und ihr sollt', возводя *ñtuwi-* к **ñtawi-* и сопоставляя этот сегмент с *ddewite*; на самом деле имеем *ñte* < *anda-*, *uwwinte* (= *uwiñte*) < **uwai* + *anda-* [причастие, как *pidritē(ni)*, *zretē(ni)* *kzzāta*]. В своем неверном сопоставлении *ddewe-ñtewe* Карруба повторяет давно отвергнутую методику Ф. Кё-нига. Существительное (в аккузативе) *iwē* Карруба трактует как (e)wē, сопоставляя полученный элемент с (ñt) ewē.

Две вполне ясные последовательные конструкции в аккузативе *kbahñ se nagurahi pu[nam]uwahe trbbi* 'и (город) Кбах нагурийский, противника Пунамувы', *trusñ se tuburehi stt[rat]ānidahe trbbi* 'и (го-род) Трису тубурскую, противника воителей (т. е. афинян)', где су-ществительные *kbahñ*, *trusñ* и *trbbi* стоят в аккузативе, Карруба произвольно изменяет, разлагая генитивы *punamuwahe* и *stt[ratani]-dahe* на *pu[weti] uwahe* и *stt[rati].ānidahe* (хотя такая реконструк-ция невозможна эпиграфически: восстанавливается слишком много букв).

Карруба сравнивает лик. Б *dezi* (неверно передавая это слово как *ddezi*) с лик. *A ddezedu* и *ttazi*, однако все три слова ничего общего между собой не имеют: *dezi* значит 'мощный' (ср. хет. *dassi-*), *ddezedu* разлагается на *dde-* 'до-' и *ze-* 'класть' (*-du* — окончание 3-го лица императива); причастие лик. Б *gereimedi* (определение к инструменталу *kmmasadi*) Карруба ошибочно делит на *gerei* и *medi*, а причастие *zireime(medi)* (т. е. *zireimedi*) 'украшенным' (инстр.) — на *zireime* и *medi*. Глагол в форме императива *lugātu* 'да разрушат' Карруба необоснованно возводит к **lāgātu*, и далее эту несущест-

⁴³ Цепочку частиц-превербов сосхдным значением *de... epi-(e)ri-* ср. с *ese-eri ... dde(wite)*, *de ... epiñ(tadl)*.

вующую форму сопоставляет с лик. *laka-* = хет. *lahha-* 'поход'. Следование *te iwe me mlese* (или *mleje*?) Карруба преобразует так: *te iwe me mlese*. Аккузатив существительного с предметным значением *tisēni* (к которому в качестве определения выступает *ebēnnē* 'этот', 'эту') Карруба трактует как инфинитив 'zum Liegen'.

Глоссу γλους 'разбойник' Карруба сравнивает с хет. *hullai-* 'побеждать', но это невозможно фонетически (можно сопоставить эту глоссу с хет. *halluwai* > 'раздор', лик. Б *kluwa*). Следование [c]emēce (лик. Б) можно представить либо как [c]em(i)ēce, либо как [c]em(e)ēce 'подобно с'; Карруба же «находит» здесь слово *eme*, которое он сравнивает с *ṁmi*. Другое восходящее к причастию на *-nt существительное *teseti* 'охранитель', 'распорядитель' (или нечто подобное) Карруба переводит 'mit dem Gesetz' (следуя, очевидно, за Гусмани в его неверной трактовке суффикса -ēti как окончания инструменталя)⁴⁴. Это существительное согласовано в формулах проклятия со словом *marazija* посредством союза *se* 'и', что игнорирует Карруба.

Существительное *muneite* (дат.-лок. мн. ч.) Карруба интерпретирует как глагол, сопоставляя его с *munaiti*; глагол *eim* (см. выше) он превращает в *eim(u)*, отождествляя полученную таким образом несуществующую форму с *ēmi* 'я'. Следование *me-i* 'вот здесь' Карруба произвольно отождествляет с хет.-лув. *mān* 'если' и др. Форму *si jēni* (глагол в 3-м лице) Карруба рассматривает как глагол в 1-м лице множественного числа, а собственное имя *uṁtaja* — как набор частиц. Генитив (с отпавшим -h < *-s) *wazzije*, формы которого несколько раз встречаются в текстах, Карруба трактует как номинатив, что ведет к полному искажению смысла текста.

Согласованную пару *tesi mīnti*, где *mīnti* — прилагательное к *tesi* 'распорядитель' (ср. синонимичное *tesēti*, а также сходную пару слов *tasa mīntaha*, где выражен посессив), Карруба разделяет на объект и субъект. Это сочетание используется в формулах проклятия, в которых в дативе стоит имя деятеля *aladehali* (обозначение нежелательного захоронителя); Карруба переводит *aladeha-* 'отверстие/погребение', рассматривая форму датива *aladehali* как прилагательное-определение к *tesi*, которое он переводит как 'тариф'. Слово *mēni* 'слово', 'дело' в лик. Б, родственное хет. *temmi ja-* 'говорить', Карруба разрывает на *mē* и *(e)mi*, хотя далее следует предложение с аккузативом *peniu* (от *peni* 'изгнание', при хет. *pennāi-* 'изгонять'), который, согласно Каррубе, являет собой форму глагола 1-го лица единственного числа.

Наиболее важной проблемой изучения поздних хетто-лувийских языков сейчас является интерпретация стелы из Ксанфа (особенно ее милийской части). Многие ошибки в интерпретации текстов обусловлены отсутствием охвата всей совокупности необходимых фактов.

Предстоит еще задача интерпретации «нестандартных» (поэтических) лидийских текстов. Очевидно и здесь придется иметь дело с «поэтическими» особенностями синтаксиса и самого изложения (как показывает анализ лидийской стелы из Ксанфа, в больших надписях изложение может идти «по спирали»: часты возвращения к одним и тем же фактам). Благодаря ревизии ономастического материала (Згуста и др.) стал возможен лексический анализ хетто-лувийских имен, особенно тех, которые содержатся в греческой передаче.

⁴⁴ В то же время Карруба [Carruba IV, 96] справедливо возражает Гусмани, который трактует как инструментальное существительное *akātl*, являющееся по происхождению причастием (от *aka-* 'вести').

Анализ лексики поздних хетто-лувийских языков особенно важен. Он позволяет судить о таких сложных и интересных с точки зрения индоевропейского и общего языкознания вопросах, как вопрос о передвижении согласных в хетто-лувийских языках. Полученные материалы позволяют предположить, что в поздних хетто-лувийских языках имелись тенденции передвижения согласных типа передвижения в армянском или германских языках, которое отмечается также (в более значительных масштабах) и в хеттском языке (вообще в клинописных хетто-лувийских языках). Это передвижение, начавшись в хеттском довольно рано, дошло до периферийных районов (крайний запад хетто-лувийского ареала) лишь в I тысячелетии до н. э., так и не успев здесь проявиться в полной мере. Интересно, что германские, армянский и хетто-лувийские языки (индоевропейские языки однотипных передвижений) являются суперстратными и характеризуются (вследствие этого?) сильным ударением и редукцией гласных, что обуславливает появление «сильных» согласных (ср. тезис о сильном ударении как постоянном источнике передвижения). Как и в германских периферийных языках, в хетто-лувийских периферийных языках передвижение запаздывало. Возможны также аналогии и с неиндоевропейскими языками.

Важность этой и других проблем⁴⁵ побудила нас представить ниже в виде таблицы лексических соответствий ряд лексем хетто-лувийских языков, не только тех, которые были известны давно, но и тех, что были идентифицированы недавно. Отобраны, разумеется, наиболее надежные соответствия⁴⁶. Соответствия приводятся в алфавитном порядке, принятом для хеттского языка (у нас — по первой графе). В таблицу включены и некоторые собственные имена.

⁴⁵ Ср., например, проблему отражения в ликийском (и карийском?) ностратических ларингалов и смычных (ср. выше, раздел «Фонетика»).

⁴⁶ То есть соответствия, полученные на комбинаторной основе. После проведения комбинаторного анализа восстанавливается возможно более точная хетто-лувийская праформа слова; если она действительно находит параллель в хеттском словаре (при этом особенно важны параллели типа лик. *tīna qāta* : хет. *hantī tija*), она включается в таблицу.

Таблица 2

Лексические соответствия в хетто-лувийских языках поздней поры

Хетто-лувийский	Ликийский	Лидийский	Карийский	Индоевропейские и др.
I	II	III	IV	V
хет. <i>akk-</i> 'умирать'	Б <i>ese</i> 'мертвые', <i>esāne</i> ¹ 'смерть'	<i>akta-</i> 'принадлежащий покойнику'		
	А <i>ala-</i> 'поверх', 'через' ² , ср. <i>eliha</i> , <i>elezeti</i> , <i>aladi</i>	<i>ala-</i> 'другой'		и.-е. * <i>Hel-</i> > * <i>al-</i> 'через', 'другой'
хет. <i>appal</i> 'готов'	А <i>epide</i> , <i>epelte</i>			
хет. <i>appalāi-</i> 'вводить в заблуждение'		<i>afala-</i> — негативное обозначение лица		

I	II	III	IV	V
хет. <i>arā lja</i> 'присваивать'	A <i>epirije-</i> тж. (из <i>ere-eri-ije-</i>) 'после (кого-либо) присвоить'	<i>arlili-</i> 'собственный' к хет. <i>arallai-</i> 'beigesellen'		и.-е. * <i>arjo-</i>
хет. <i>arāi-</i> 'останавливать', <i>sēr arāi-</i> 'преодолевать'	A <i>erlte</i> 'превозмог', инф. <i>erifeine/a</i> 'победить'			
хет. <i>as-</i> 'сидеть', <i>ases-</i> 'сажать'	<i>aha-, asatl, asttl</i>			и.-е. * <i>as-</i>
хет. <i>eshār</i> , лув. <i>ashar</i> 'кровь'	Б <i>asāna-mia</i>			и.-е. * <i>esHör</i>
хет. <i>assija-</i> , иер. лув. <i>asī-</i> 'любить'	A <i>ahāma</i> 'любимый' (ср. имя <i>ddaṣṣahāma</i> 'всегда любимый')	<i>ašēmi-</i> (?)		
хет. <i>hā-</i> 'верить', иер. лув. <i>halani-</i> 'храм'	Б <i>qaja</i> 'храм' (?)			лат. <i>ōmen</i>
хет. <i>halluṣṣi-</i> 'враждовать'	A <i>kluwānimi</i> (имя), Б <i>klusa</i> 'раздор'		γλους 'разбойник'	
хет. <i>hantzassa</i> [<i>hant-sa</i>] 'потомки'	Б <i>qlza</i> , ср. имя исавр. <i>Kavʿas</i>			
хет. <i>happarāi-</i> 'продавать'	A <i>kp̄parāma</i> (имя, букв. 'проданный')	<i>afari-</i> 'купчая'		лат. <i>ops</i>
хет. <i>happinani-</i> 'богатый'			Καφηνος	
хет. <i>harpali-</i> 'ритуальный предчет'	Б <i>qrbb!a/i</i> 'алтарь' (?)			
хет. <i>harsi-</i> 'хлеб (ритуальный)'	Б <i>qirze</i> 'доля (ритуальная)' ³			
хет.-лув. <i>has-</i> 'рождать'	А <i>kḫḫāna, kḫḫa(se)</i> 'родственники' (?)			
хет. <i>hassa-</i> 'внуки'	A <i>qehñ</i> , Б <i>qzze, ere-qzzi</i> 'потомство' (букв. 'после-рождения'), ср. скр. <i>pra-jā-</i>)	<i>eša-</i> 'внук' (?)		
хет. <i>hassant-</i> 'сын'	Б <i>kzzāta</i> тж.			
иер. лув. <i>hasami-</i> '(на)род'	Б <i>qezñmi, kezñ</i> тж. ср. имя <i>Καστιμ</i>		Κασ-	(ср. прим. 1)
хет. <i>hatrāi-</i> 'нищать'	Б <i>qidri-</i> тж., <i>qidrala</i> (имя деятеля, ср. имя лица <i>Κιδρα-</i>)			
хет. <i>ḥullāi-</i> 'побеждать'	A <i>kultti</i> 'побьет' (?)			
лув. <i>ḥutarli-</i> 'слуша'	А <i>kudrehila</i> (имя)			
хет. <i>ispart-</i> 'возвешаться'	Б <i>sbirte</i> 'монумент' (?)	<i>šfard-</i> 'Сарды' (?)		

I	II	III	IV	V
хет. <i>ka-/ki-</i> (указ. местоимение) 'он, этот'	Б <i>ci</i> тж. (дат. мн. ч. <i>cize</i> , инстр. <i>cedi</i> , А посессив, <i>cehi</i>), Б <i>ci-be</i> усилит. частица			и.-е. * <i>ke-</i>
хет. <i>ki-, kikki-</i> 'лежать, класть'	Б <i>setu</i> (императив), <i>ciciciti</i> (презенс)			и.-е. * <i>kei-</i>
лув. <i>kummi-</i> 'чистый'	А <i>sumezine</i> 'платить'			и.-е. * <i>keu</i> 'сиять'
хет. <i>kupijatala</i> 'заговорщик'	Б <i>supitle</i> Б <i>supriti, suprimi</i> , (позитивное значение), <i>suprile</i> 'имя'			и.-е. * <i>kupro-</i> 'желанный'
хет. <i>lahha-</i> 'поход'	Б <i>laka-</i> 'бой' (ср. прим. 3)	λαλας 'владыка'		
хет. <i>lahhijala-</i> 'воитель'				
* <i>lap-</i> (ср. прим. 1 и 5)	Б <i>lebi, lelebi</i> 'захватчик' (?)			и.-е. * <i>lebh-</i> 'хватать'
лув. <i>lawar-</i> 'ломать'	Б <i>lafra</i> 'каменная плита'	λοβρος 'секира'		греч. λαῦρα 'ход в скале'
хет. <i>lipsāi-</i> 'оттолкнуть, отбить'	А <i>likbezi</i> 'телохранитель' (?) (ср. <i>ehbi</i> < <i>ebehi</i>)			
хет. <i>lukk-</i> 'зажигать'	Б <i>luga-</i> 'сжигать' (если не к и.-е. * <i>leug-</i> 'разрушать')			и.-е. * <i>leuk-</i> 'свет'
* <i>ma</i>	Б <i>medi, metu</i> 'предназначать' (?)			и.-е. * <i>me-</i> 'стремиться'
* <i>mala-</i> [<i>mā-</i>]	<i>mā-, mle</i> 'отпрыск, род'			и.-е. * <i>mlo-</i> 'появляться'
* <i>mari-</i>	Б <i>meri-</i> 'муж, воин' (?)			
хет. <i>marsahh-</i> 'ис-кажать'	Б <i>mrskka-</i>	<i>mrsla-</i> (негативное обозначение лица)		
* <i>mariwa-</i> [<i>mriwa</i>]	Б <i>mr̥ra-</i> 'слово, речь'	<i>mri(vaa)-</i> 'стела'		ср. ав. <i>mrau-/mru-</i> 'гсворить'
пер. лув. <i>mas(a)-hāni-</i> 'способствовать'	В <i>maskkē</i> 'благо(состояние)' (?)			
хет. <i>mer-</i> 'умирать'	Б <i>mātre</i> (ср. прим. 1)			и.-е. * <i>mer-</i>
хет. <i>mugawar</i> 'молитва' (обычно с глаголом <i>lilāl-</i>)			<i>mukwar liles</i> 'совершил молитву'	
<i>mukessar</i> 'молитва', 'ритуал' (с <i>lilāl-</i>)	<i>mukssa</i> тж. (с глаголом <i>li-</i> < * <i>lal-</i>)			

I	II	III	IV	V
хет. <i>munñāi-</i> 'прятать, скрывать'	Б <i>muñi</i> (ритуальное лицо)			
хет. <i>nāi-, niĵa-, ne-</i> 'вести'	Б <i>nei, na-, niĵa-</i> тж., <i>neitala, natrl</i> 'вождь'		*nə-< *niĵa-	скр. <i>payati</i> 'ведет' скр. <i>netar</i> 'вождь'
хет. <i>nanniĵa-</i> 'гнать'	Б <i>nēniĵe-</i> 'вести'			
хет. <i>peppa-</i> тж.	Б <i>peni-</i>			
хет. <i>pljanāi-</i> 'одаривать'	Б <i>plna-</i> 'дарить'			(ср. прим. 3)
лув. <i>para-, papra-</i> 'гнать'	Б <i>pre-</i> А <i>pabrati</i>			ср. скр. <i>asyati</i> 'кидает'
хет. <i>pessiĵa-/pis-sāi-</i> 'бросать'	Б <i>pzzi-, pssa-</i>			и.-е. * <i>peugl</i> 'бить, толкать'
хет. <i>puggāi-</i> 'ненавидеть'	Б <i>puce-</i> (ср. прим. 1 и 3) 'бить'		Σαγγωδος	и.-е. * <i>senH-</i>
хет. <i>sanh-</i> 'пытаться, стремиться'	А <i>hākkā-</i> 'требовать' (?)			
хет. <i>sarra-</i> 'отделять, отрывать'	А <i>zrētēni</i> 'отщепенец' (<* <i>sarrant-</i>)			
хет. <i>sarh-</i> 'нападать'	Б <i>zraqi-</i> тж., ср. <i>zriglqali</i>			
лув. <i>sarhiĵa-</i> тж.				
лув. <i>sasla-</i> (?), ср. хет. <i>seli-</i> (?)	Б <i>sla-</i> 'ублагодотворить'		<i>sla, slars, sle-nko</i> (имена)	и.-е. * <i>selH-</i> 'благоприятствовать'
	А <i>hla</i> (имя)			
хет. <i>dā-</i> 'брат'	Б <i>da-</i> 'давать' (?)	<i>dā-</i> 'давать'		и.-е. * <i>dō-</i>
* <i>da-</i> 'к', 'до'	А (<i>d</i>) <i>de-</i> Б <i>de-</i> 'до'	<i>da-</i>		и.-е. * <i>do</i>
хет. <i>talliĵa-</i> 'взывать к богам'	Б <i>tali</i> 'жрец' (?), ср. глагол <i>telika</i>			
лув. <i>taluppi-</i> 'глиняна'	Б <i>ddelupeli-</i> 'глиняный'			
хет. <i>peris,</i>	А <i>tabahaza</i> 'небесный' (?)			и.-е. * <i>nebhos</i>
лув. <i>tappassa</i>				
лув. <i>tarpalli-</i> 'замена'	Б <i>trppall</i> тж. <i>trbbdi</i> 'обращает'			и.-е. * <i>terp-</i> 'поворачивать' и <i>terp-</i> 'наступать'
иер. лув. <i>tarpi, tarpāi-</i> 'противостоять'	А <i>trbbi</i> 'против', <i>tarbi-, trbbei-</i> 'вынудить, одолеть'			
хет. <i>tarpi-</i> 'злой демон'				
анат. <i>Tarus-</i> , хет. <i>taraṣāi-</i> 'обогашать'	А <i>trus</i> (название гор. Триса), <i>truṣe-</i> (этноним) Б <i>trufeli</i> 'по-милийски' (ср. прим. 4)		Τριωλης (-* <i>troval</i>)	и.-е. * <i>treu-</i> 'процветать'

I	II	III	IV	V
нер. лув. <i>tasī-</i> 'стела с надписью'	Б <i>tas-</i> тж., А <i>tah-</i> Б <i>tesēni</i> А <i>tesetl, tesētl</i> 'жрец' (?)	<i>tašē-</i> тж. <i>f-ēn-taše-</i> , <i>tašo-</i> предписы- вать'		
* <i>taw-</i>	Б <i>tewē</i> 'зло' (?)	<i>tavša-</i> 'мощный'	<i>tavse-</i> тж. (?)	и.-е. * <i>teu-</i>
хет. <i>tuzzi-</i> 'войско'	Б <i>tuta</i>			и.-е. * <i>teu-tā</i>
хет. <i>tawana-</i> 'посто- янный' (?)	Б <i>dewl-</i> , А <i>ddaṣa-</i> тж.			и.-е. * <i>dew</i>
хет. <i>tassijawar</i> 'си- ла'	Б <i>dezi</i> 'сильный'			
	А <i>pzzi-dezi</i>			
хет. <i>ter-aweh-</i> 'уни- жать'	Б <i>tetbe</i> 'портить'			
	А <i>teb-</i>			
хет. <i>u-da(i)-</i> 'приво- дить'	Б <i>utetu</i> (имп.), <i>utaci</i>			
хет. <i>uwa-</i> (обозн. ли- ца муж. пола)	<i>uwe</i> 'человек' (?), <i>uwedri</i> 'община'			
хет. <i>wahessar</i> [в вы- ражении <i>wahesnas</i> <i>watar</i> 'святая по- да' (?)]	Б <i>wakssa</i> 'доблесть, мощь', ср. 𐎶𐎠𐎫𐎠𐎺-			
	(имя)			
хет. <i>walla-/u-</i> 'вос- хвалять', нер. лув. <i>anta wa-</i> <i>lia-</i> тж.		<i>ēn-vaṣa-</i>	<i>ūl-</i> ; ὕλλ- <i>-velvu</i>	и.-е. * <i>wel-</i> 'хотеть, выбирать'
<i>Walluwa-</i> (имя)		<i>vaṣe-</i>		
хет. <i>warri-</i> 'помощь'	Б <i>warasija-</i> , <i>wira-</i> <i>saja-</i> 'помощ- ник' (?) А <i>wazzis-</i> 'вой- ско' (?) <i>wazala-</i> 'воин' (?)		υσσος 'ко- пье', ἵσσωλλος (* <i>waza-</i> <i>la</i>) 'ко- пьено- сец'	и.-е. * <i>wedh-</i> 'колоть, бить'
хет. <i>zāl-</i> 'пересту- пать'	Б <i>zajala</i> 'преступ- ник'			
хет. <i>zinna-</i> 'завер- шать, уничтожать'	Б <i>zini</i> 'разруши- тель' (?) (см. прим. 1)			

Примечания к таблице.

1. Приведенные в данной графе слова встречаются, в частности, в следующих контекстах (индексы а, б, с, d перед номером строки указывают на надпись № 44 из Ксаффа; в остальном надписи цитируются в соответствии с общепринятыми правилами): d10—13 (сразу же после строфы, содержащей формулу проклятия) *te-pe stt(a)ni trqqiz sebe...masaiz* 'И-вот постановляют Тархунт и...боги' / [c]em(c/i) *ēse neu zini telebedi plejere se* [tū/ē]pe *ecānē cuprimi pzzlti urasli* 'Пусть не сеет (букв. бросает) смерть (*ecānē*) разрушитель вместе с захватчиками/воинами как если бы он был *ceme/i* в нападении (букв. нападением) у р. и t. в почитаемой общине (?)' (возможно, и *plejere se*, посевная, определение к *tūpe*). Слова *zini* 'раз-

рушитель'. *lelebi* 'захватчик' (?), *pzzi-* 'бросать', 'повергать' рассматриваются в таблице. Локатив множественного числа *tîpe* resp. *têpe* соответствует номинативу единственного числа *d63 têpe* (с предшествующим *uni* 'тот', см. табл. s.v. хет *anni-*) и акк. ед. ч. *tîpewêti*, согласованному в с58 с *tuburiz upleziz* 'доблестных (?) тубуров'. Сочетание *arppakusêti tîpewêti* следует трактовать здесь как «Гарпагов в войско» (?) — имеются в виду ликийцы, что вытекает не только из определенной *arppakusêti*, но и из параллельного употребления в других местах слов *tuburiz* 'тубуры' и *trîmîlliz* 'лийцы'. Суффикс *-êti* <*anti-* здесь, как и в ряде других случаев, причастный (ср. страдательное причастие *tîpamei*, отглагольное имя *tetpeme*, *tîmpuri*). Слово *plejerê* в д37—38 стоит в форме аккузатива [*plejerê pijeti ilene qezîmi* определяет 'предназначил/назначает *ilene* (на)роду?']. Важно отметить, что *êce* 'как' часто употребляется в сравнительных предложениях, подобных тому, которое встретилось в нашем контексте. С *êce* часто сочетается отрицание, так что в целом предложение имеет такой смысл: «Пусть не сделае того-то X, как если бы он был Y». Заметим, что в предложениях с *êce* глагол ставится не в повелительном, а в изъявительном наклонении, например: д6—7 *nice qezîmi wericle-(e?)b(e)-êce kîtabâ uweti sucêr* 'И пусть *qezîmi* не пишет высокого предисания, как если бы он был Геракл (т. е. подобен бôгу)' — здесь *qezîmi* также можно было бы перевести словом 'народ' или 'род', как в предыдущем примере, однако скорее подходит значение 'человек', 'смертный', что как будто соответствует выпукренней форме слова *qezîmi* букв. 'рожденный'. Но в иер. лув *hasami-* (точным соответствием которому является лик. Б *qezîmi*) трактуется как «gens», «genus». В предложении, предшествующем анализируемому, содержится два глагола в императиве — *gretu* и *putu*, которые, возможно, имеют «негативные» значения «пусть разрушит» — ср. хет. *harrâi-*, и «пусть раздает» — ср. *putwâi-*), в качестве субъекта выступает Сарпедон (*zrppedu*), а в качестве объектов — сочетание *albrânâ trqqtâsa* 'тархунтовы «противники» (?)' и *tulijeliê trlluba* (первое слово, стоящее в форме дательного множественного падежа множественного числа от *tulijell* 'относящийся к собранию/совету', возможно, определенное при *trlluba*). Все поставленное в целом — запрещение. Связь предложения, содержащего *nice*, с предыдущим (только что разобранным) предложением подчеркивается наличием *-ce* в союзе: «и не...». См. другой пример предложения с *êce* — в прим. 4. Ср. также в а51 *âca* (â-êce) 'как', 'подобно': *âca hericle se haklaza pabratt kbide hri kîlawatahi ese tabâna terî îjana ijaeusas crzânase hatahe* 'Как Ахилл и Геракл гонят *kbide*... к унижению (т. е. принуждают к сдаче) собственные войско ионийцев в Иасосе и Херсонесе'. *Kbide* Тиссаферн (ср. лик. Б *kbidewîni zrêtêni* 'к-ов отщепенец, т. е. Аморг'. (Как известно, Ликия, со столицей в Ксанфе, выступала на стороне персов против ионийцев, но в союзе со спартанцами, как и против ликийских мятежных городов — Тлоса и др. Тиссаферн был главным представителем персов в Ликии, обладавшей значительной автономией. Он разбил войско «отщепенца» — перса Аморга, а также ряд греческих отрядов. Позднее Тиссаферн был казнен персами же.) Ср. еще прим. 9.

в с45 букв. 'внутри-вошедший', т. е. «победитель, захватчик» от *anda* и *uwāl-* (?) + *-ŷ-tēni* — суффикс имени деятеля; *mutala*, возможно, от *muwatta-lla-* 'сильный'; если же *mutala* — субъект, т. е. имя деятеля на *-(a)la*, то ср. в таком случае хет. *mutāl-* 'entfernen', 'beseitigen'. *Zriqali*, возможно, не согласовано с *ñtuwītēni*, а представляет объект в дативе, как и *zriqali* в с50: именно так говорится о возведении памятника *murei* и *zriqali* 'воину и победителю(?)'. Интересно, что *erē zazati* 'вновь-повествует' (букв. 'кладет', т. е., очевидно, 'высекает надписи на камне' — ср. прим. 11; длительный характер процесса подчеркнут удвоением основы) и *apn-ta* 'вторичное употребление', букв. 'вновь-высечение', образованы от генетически тождественных основ — *za* и *ta-* (и. е. **dhē-*).

5. Относительно кар. еп. см. стр. 65. Кар. *epad* 'здесь' встретилось в граффито из Абу-Симбела *dalpa epad* (где *dalpa* — имя автора надписи). Возможно, здесь еще зафиксировано произношение [dalpa ebad]; см. стр. 61. Аналогично употребляются энклитики *-p*, *-b*: *mesna* *-p* 'Месналь-здесь' или 'Месналь-это' (граффито из Сильсиле); едва ли здесь *-l* — показатель датива (ср. в этой связи рецензию Р. Гусмани [Gusmani II]), в этом случае было бы: 'это — богам' (*mesna* = лув. *mas-(sa)na-* 'бог'). Обычно кратчайшие надписи представляют собой собственные имена, причем существовало и имя *mesna* (ср. лув. *masnalli* 'божественный'). В Вадди-Хальфе обнаружено граффито *msnal-b evusei* 'Месналь-здесь, (сын) Эвасе', ср. в Абидосе *mikrū evausei* 'Микру (сын) Эвасе', обычная структура «А сын Б».

6. В с63—65 обнаруживаются лишь один глагол — *kbade* 'почтил(?)', при котором субъект либо *wiksabalaba*, либо *tali* из предыдущей строфы. Объекты *-tu-newñni*, *trqiz* (с определением *erēpli*) и *esabura* (*sebe*) *masa* — эти два аккузатива стоят в конце фразы и вводятся словами *s(e)-erije* 'и прочим' (дат.-лок. мн. ч.) либо 'а также' (хет. *arhaja*). Конструкция фразы сходна с конструкцией второй строфы миллийского текста (с34—36), где предикат *kikbati* 'почитает(?)' от того же корня, что и *kbade*, субъект — *zpli* resp. *natri* 'вождь' (из предыдущей строфы), а объекты — *trqiz* и *uwedris* (оба слова стоят во множественном числе и имеют определения: *qetbeleimis* и *erēpliz*). Если судить по парам объектов *tunewñni/ trqiz* и *trqiz/erēpliz*, пара *esabura/masa* должна обозначать богов и людей. Боги — *masa* (собрать. сущ. сред. р., ср. *masanali* 'бог'), люди, следовательно, — *esabura*. Действительно, *abura* обозначает и в других случаях людей: ср. а4, 55.2, d58, d66; слово *ese*, возможно, обозначает умерших (их души или нечто подобное), как это следует из производного *ecāne* 'смерть' (ср. прим. 1) и его этимологических соответствий в хеттском и лидийском (значение хет. *ak-* известно давно; лид. *akta-* хорошо интерпретируется как «принадлежащий покойнику» и предполагает существование *ak-* 'покойник', 'усопший'). В архаичной надписи 55 *ese* (существительное во множественном числе, а не союз) отделено от *abura* другим словом; с *ese...* *abura* согласовано *zirāpla* (дат.-лок. мн. ч., как и *ese*); интересно, что прилагательное от той же основы *erēpli* дважды встретилось в качестве определения при объектах названного выше типа (ср. еще с58 *cibe uwe neu psseje qidridi lakadi zirēple* 'И вот никто не грозит походом/войной... «сильным (мужам)»' — здесь *psseje* в явно позитивном смысле, как это следует из предыдущей строфы, поэтому можно было бы перевести «сильным воинам» или как-то в этом роде: от хет.-лув. *peSSI-/pissa-* 'бросать', 'повергать'); если *erēpli* можно было бы сопоставить по значению со словами типа нем. *fähig*, *zirēple*, то *zirēple* можно перевести 'kampf-fähig'; ср. акк. *ziu pasbu* от **zi pasbu* 'боевое (?) войско'.

7. Ср. 64—67 *kumala-de nēniji maskkū ti (i)je qzze mirēne, kinasi-ce sesī m̄gri-ce (a)bura seb(e)-ēnesi-ce tede si-ce kugasi kñtawaza* 'К. направляет этим потомкам Мира (эпитет царя?) и его (sesi) бабки (kñnas!) m̄. и a. (обозначения лиц в дат. пад.), а также kñtawaza (дат. мн. ч.) матери, отца и деда'. *Kumala... ti* 'К. который' — обычная субъектная конструкция.

8. Ср. контекст: d10—12 *atli tnne qā[n]a prl̄jeduli se trñmle cuprl̄lese, me-pe-ne tubidi urtu mrskkā* 'наложить штраф самому высшему совету/суду и ликийцам из рода Купрле, вот это заставит Тархунт... нарушителя заветов'; ср., в связи с последним сочетанием, несколько дальше: ...*tere cere (a)skkaija cuti pssati zafala, me-te-ce mrskkati urtuwaz mar[āz]* 'Если в каждом покое/отсеке (?) стену разрушит кровавый (?) преступник, то вот здесь (этим) он нарушит заветные предписания (?)'.

9. Комбинаторным путем значение 'читать' или некоторое близкое значение устанавливается в лик. Б *kba-*, *kikba-*; в лик. А инфинитив *kbane* имеет значение 'подчиниться', 'сдаться': а44—15 *kbane ese trbbēnimi tebete terñ se milasāntrā* 'Трббē-нимы вынудил затем сдаться — к (сдаче) войско Мелесандра' (букв. 'войско и Мелесандра': паритивная антитеза, частая в ликийском); в следующем предложении конструкция *kbāni je... tlañ...* *tarbide* значит 'заставил сдаться Тлос' (букв. 'повернул к сдаче своей рукой' — *izredl ehbi jedi*); далее сказано: *kerēi qastte terñ tlañ erbbēdi* 'Керей наказал войско Тлоса поражением' /...*ese kerēi tebete terñ se waksseppdīmi* '...затем Керей унизил (принудил к сдаче; поставил на колени) вой-

ско Ваксеплдими (букв. 'войско и В.'). Ср. прим. 1, в конце.) Кроме того, в ликийских эпитафиях *kba-* значит 'причинять (ущерб)'. Все эти значения лик. *kba-* (хет.-лув. *hap-*) соответствуют значениям русск. *под-чиняться*, *при-чинять*, нем. *(sich)fügen*, что же касается *kba-* 'читать', то, очевидно, здесь наличествовало конкретное значение 'пасть ниц', 'поклониться'.

10. Ср. контекст с49—55, где говорится: «Когда вассалы повергли со славой аморгов „памятник“, Керига основал монумент в честь „доблести, борьбы и победы“ (?) [далее, очевидно, описываются изображения на монументе] и трижды, двенадцать раз пнал (*prete*) боем отступника/врага (*zrētēni*) в поле, и вот *utaciſa* (титул царя?) наделяет двойной долей (*qirzē*) ликийцев (двойной вин. пад.), тройной — защитников(?)-тубуров/в (города) Кандибе и Тимнесе *cridesi* отдает особую/личную долю (*qirzē*, акк.) богу (*zlwī*) и осиливает постоянных врагов (*dewis... zrētēniſ*). (Ср. еще с46 *puceti lakadi zrētēni* 'бьет боем врага'). В отношении *ziw-* ср. d7 *zawa... qānātba* 'двенадцати богам' (гармония гласных по -a).

11. В начале милийского текста говорится, что вождь (*natrl*) «проощряет» (*slati*) у «памятников» (*sbirte zireima* — лок. мн. ч.) войско и руководство и высекает/повествует (*zazati*) на каменных плитах (*laſra*) по-милийски (*truſelli*) «следующее» (*nbb*). Далее сказано, что каменные плиты (т. е. надпись) «предназначает» Керига для «эсанамла» (совет?, род?); *trbbdi* букв. 'поворачивает' [на плитах описывают (*uweti*) вассалы ликийские «подвижки»].

12. При *uweti* 'пишет-(ут)' может иметься инстр. *mr̥ṣṣdl* 'словами', но возможен и объект *mr̥ṣṣas(a)* 'речь' (ср. с43).

13. Ср. прим. 1, прим. 8; в с40—41, очевидно, описываются изображения военного характера на Ксанфской стеле: *m̥qrē* (вин. пад.) *muri...sebe sbirtē pzziti lelebedi kntabas* 'Война (если только *muri* не имя деятеля: 'воин') разрушает... и памятник полководческий' (т. е. аморгов; ср. с49 в прим. 10). Относительно существительного *psseſe* (дат. мн. ч.) см. прим. 6; сюда же, возможно, относятся *psseſ* и *plse* (d25—26), а также (*e*) *ripsse* (где *eri-* выражает высшую степень качества: букв. 'грозннейший' или нечто подобное); *ripsse* едва ли может быть местоимением, ибо имеются конструкции: d57 *cedl ripsseſdi* 'этим г.' (твор. пад. ед. ч.); d51 *atlasl ripsse* (вин. пад. ед. ч.), где *ripsse* — субъект при переходном глаголе *late*.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гамкрелидзе I — Т. В. Гамкрелидзе, Хеттский язык и ларингальная теория, — «Труды Института языкознания ГрузССР», серия восточных языков, т. III, Тбилиси, 1960.
- Гамкрелидзе II — Т. В. Гамкрелидзе, Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке, — «Переднеазиатский сборник», I, М., 1961.
- Гиндин — Л. А. Гиндин, Язык древнейшего населения Юга Балканского полуострова, М., 1967.
- Грозный — Б. Грозный, Хеттские народы и языки, — ВДИ, 1938, № 2.
- Добльхофер — Э. Добльхофер, Знаки и чудеса, М., 1963.
- Дунаевская — И. М. Дунаевская, Язык хеттских иероглифов, М., 1969.
- Дьяконов — И. М. Дьяконов, Карийский алфавит и его место среди древнейших алфавитных письменностей, — ВДИ, 1967, № 2.
- Замаровский — В. Замаровский, Тайны хеттов, М., 1968.
- Иванов I — В. В. Иванов, Проблема языков *centum* и *satem*, — ВЯ, 1958, № 4.
- Иванов II — В. В. Иванов, Очерк истории и культуры хеттов, — в кн.: Керам, Узкое ущелье и Черная гора, М., 1962, стр. 183 и сл.
- Иванов III — В. В. Иванов, Хеттский язык, М., 1963.
- Иванов IV — В. В. Иванов, Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, М., 1965.
- Иванов V — В. В. Иванов, Отражение двух серий индоевропейских глагольных форм в праславянском, — «Славянское языкознание», М., 1968.
- Керам — К. Керам, Узкое ущелье и Черная гора, М., 1962.
- Королев — А. А. Королев, Милийские этимологии, — «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии», М., 1966.
- Откупщиков — Ю. В. Откупщиков, Карийские надписи Африки, Л., 1966.
- Тронский — И. М. Тронский, Индоевропейское языковое состояние, Л., 1966.
- Фридрих I — И. Фридрих, Краткая грамматика хеттского языка, предисл. А. В. Десницкой, пер. с нем. И. М. Дунаевской, М., 1952.
- Фридрих II — И. Фридрих, Дешифровка забытых письменностей и языков, М., 1961.

- Benveniste — E. Benveniste, *Hittite et indoeuropéen*, Paris, 1952.
- Bossert — H. Bossert, *Die hethitisch-griechischen Bilinguen*, — «*Belleten*», XIV, 1950.
- Brixhe I — Cl. Brixhe, *L'alphabet épichorique de Side*, — «*Kadmos*», Bd VIII, H. 1, 1969.
- Brixhe II — Cl. Brixhe, *Un nouveau document épichorique de Side*, — «*Kadmos*», Bd VIII, H. 2, 1969.
- Carruba I — O. Carruba, *Lydisch und Lyder*, — MIO, Bd VIII, H. 3, 1963.
- Carruba II — O. Carruba, *Die I und II Pers. Plur. im Luwischen und in Lykischen*, — «*Die Sprache*», Bd XIV, H. 1, 1968.
- Carruba III — O. Carruba, *Zur Grammatik des Lydischen*, — «*Studi in onore di P. Meriggi*», Pavia, 1969.
- Carruba IV — O. Carruba, *Die satzeinleitenden Partikeln in den indogermanischen Sprachen Anatoliens*, Roma, 1969.
- Carruba V — O. Carruba, *Das Palaische*, Wiesbaden, 1969.
- Carruba VI — O. Carruba, *Origini e preistoria degli indoeuropei d'Anatolia*, — «*Rivista di filologia e di istruzione classica*», vol. 97, fasc. 1, 1969.
- Forrer — E. Forrer, *Die acht Sprachen der Boghazköi Inschriften*, — «*Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*», 1919.
- Friedrich I — J. Friedrich, *Hethitisches Elementarbuch*, 1. I, II, Heidelberg, 1940, 1946.
- Friedrich II — J. Friedrich, *Hethitisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1952:
1. Erg. — 1957;
2. Erg. — 1961;
3. Erg. — 1966.
- Friedrich III — J. Friedrich, *Hethitisches Elementarbuch*, 2. Aufl., Heidelberg, 1960, 1967.
- Friedrich IV — J. Friedrich, *Geschichte der Schrift*, Heidelberg, 1966.
- Goetze — Pedersen — A. Goetze, H. Pedersen, *Mursilis Sprachlähmung*, Kopenhagen, 1934.
- Gusmani I — R. Gusmani, *Lydisches Wörterbuch*, Heidelberg, 1964.
- Gusmani II — R. Gusmani, [Note II], — «*Archivio Glottologico Italiano*», 1967.
- Gusmani III — R. Gusmani, *Zur Deutung einiger mylischen Wörter*, — AOr, vol. 35, 1968.
- Gusmani IV — R. Gusmani, *Il lessico ittita*, Napoli, 1968.
- Heubeck I — A. Heubeck, *Lydiaka*, Erlangen, 1959.
- Heubeck II — A. Heubeck, *Lydisch*, — HOr, Bd II, Lfg. 2, 1969.
- Hrozný I — F. Hrozný, *Die Lösung des hethitischen Problems*, — MDOG, Bd 56, 1915.
- Hrozný II — F. Hrozný, *Die Sprache der Hethiter*, Leipzig, 1917.
- Houwink — Ph. Houwinkten Cate, *The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera*, Leiden, 1961.
- Kahle — Sommer — P. Kahle, F. Sommer, *Die lydisch-aramäische Bilingue*, — «*Kleinasiatische Forschungen*», Bd I, H. 1, 1927.
- Kammenhuber I — A. Kammenhuber, *Das Palaische*, — «*Revue hittite et asiatique*», t. 17, 1959.
- Kammenhuber II — A. Kammenhuber, *Esquisse de grammaire palaïte*, — BSLP, t. 54, 1959.
- Kammenhuber III — A. Kammenhuber, *Zur Stellung des Hethitisch-luwischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache*, — KZ, Bd 77, H. 1—2, 1961.
- Kammenhuber IV — A. Kammenhuber, *Hethitisch, Palaisch, Luwisch und Hieroglyphenhethitisch*, — HOr, Bd II, Lfg. 2, 1969.
- Korol'ov — A. Korol'ov, *Lykische Wörter und Namen*, — AOr, vol. 37, 1969.
- Kronasser — A. Kronasser, *Etymologie der hethitischen Sprache I*, Wiesbaden, 1966.
- Kuryłowicz — J. Kuryłowicz, *Le Hittite*, — «*Proceedings of the VIIIth International Congress of Linguists*», Oslo, 1958.
- Laroche I — F. Laroche, *Comparaison du louvite et du lycien I*, — BSLP, t. 53, 1957/58.
- Laroche II — E. Laroche, *Dictionnaire de la langue louvite*, Paris, 1959.
- Laroche III — E. Laroche, *Comparaison du louvite et du lycien II*, — BSLP, t. 55, 1960.
- Laroche IV — E. Laroche, *Les hiéroglyphes hittites*, I, Paris, 1960.
- Laroche V — E. Laroche, *Les noms des hittites*, Paris, 1966.
- Laroche VI — E. Laroche, *Comparaison du louvite et du lycien III*, — BSLP, t. 62, 1967/68.
- Meriggi I — P. Meriggi, *Der Indogermanismus des Lykischen*, — «*Germanen und Indogermanen (Festschrift H. Hirt)*», Bd II, Heidelberg, 1936, crp. 257—282.

- Meriggi II — P. Meriggi, Zum indogermanischen Charakter des Lydischen, — «Germanen und Indogermanen (Festschrift H. Hirt)», Bd II, Heidelberg, 1936, стр. 283—290.
- Meriggi III — P. Meriggi, Hieroglyphisch-Hethitisches Glossar, Wiesbaden, 1962.
- Meriggi IV — P. Meriggi, Manuale di eteo geroglifico, Roma, I—II, 1966, 1967.
- Meriggi V — P. Meriggi, Zu der sogenannten para-karischen Schrift, — «Kadmos», Bd V, 1966.
- Meriggi VI — P. Meriggi, Zum Karischen, — «Europa», Berlin, 1967.
- Mittelberger I — H. Mittelberger, Bemerkungen zu Meriggis hieroglyphisch-hethitischem Glossar, — «Die Sprache», Bd IX, H. 1, 1963, стр. 69—107.
- Mittelberger II — H. Mittelberger, Zur Schreibung und Läutung des Hieroglyphen-hethitischen, — «Die Sprache», Bd X, H. 1, 1964, стр. 50—98.
- Mittelberger III — H. Mittelberger, Genitiv und Adjektiv in den anatolischen Sprachen, — «Kratylos», 1966.
- Neu — E. Neu, Das hethitische Medtopassiv und seine indogermanischen Grundlagen, Wiesbaden, 1968.
- Neumann I — G. Neumann, Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit, Wiesbaden, 1961.
- Neumann II — G. Neumann, Zur Entzifferung der sidetischen Inschriften, — «Kadmos», Bd VII, H. 1, 1968.
- Neumann III — G. Neumann, Lykisch, — HOr, Bd II, Lfg. 2, 1969.
- Otten — H. Otten, Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung des Luvischen, Berlin, 1953.
- Pedersen I — H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, København, 1938.
- Pedersen II — H. Pedersen, Lykisch und Hittitisch, København, 1945.
- Shafer — R. Shafer, The break in the Karian dam, — «L'antiquité classique», t. 31, 1965.
- Sommer — F. Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947.
- Tritsch — E. J. Tritsch, Lycian, Luwian and Hittite, — AOr, vol. 18, 1950.
- Watkins — C. Watkins, Indogermanische Grammatik, Bd III, Heidelberg, 1969.
- Zgusta I — I. Zgusta, Kleinasiatische Personennamen, Prag, 1964.
- Zgusta II — I. Zgusta, Altkleinasiatische Personennamensippen, Prag, 1964.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВДИ — «Вестник древней истории», М.
- ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
- AOр — «Archiv Orientalní», Praha.
- BSLP — «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris».
- HOr — «Handbuch der Orientalistik», Leiden.
- KZ — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf der Gebiete der indogermanischen Sprachen», Göttingen.
- MDOG — «Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft», Berlin.
- MIO — «Mitteilungen der Institut für Orientforschung», Berlin.
- ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Wiesbaden.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

абл. — аблатив	др.-прусс. — древнепрусский язык
ав. — авестийский язык	др.-хет. — древнехеттский язык
акк. — аккузатив	ед. ч. — единственное число
анат. — анатолийские языки	и.-е. — индоевропейский язык
арм. — армянский язык	нер. лув. — иероглифический лувийский язык
венет. — венецкий язык	имп. — императив
вин. пад. — винительный падеж	инстр. — инструментальный падеж
генит. — генитив	инф. — инфинитив
герм. — германский	ирл. — ирландский язык
гот. — готский язык	исавр. — исаврийский язык
греч. — греческий язык	кар. — карийский язык
дат. — датив	клин. лув. — клинописный лувийский язык
дат.-лок. — дательно-локативный падеж	крит. — критский (язык)
др.-европ. — древнеевропейские языки	
др.-инд. — древнеиндийский язык	

л. — лицо
лат. — латинский язык
лид. — лидийский язык
лик. — ликийский язык
лик. А — ликийский А диалект
лик. Б. — ликийский Б диалект
ликаон. — ликаонский язык
лит. — литовский язык
лок. — локатив
лув. — лувийский язык
м.-аз. — малоазиатские языки
мил. — милыйский язык (см. лик. Б)
мн. ч. — множественное число
наст. вр. — настоящее время
нем. — немецкий язык
ном. — номинатив
ностр. — ностратический
общ. р. — общий род
общелув. — общелувийский язык
осн. — основа
пад. — палайский язык
памф. — памфилийский язык
паракар. — паракарийский язык
паралид. — паралидийский язык

писид. — писидийский язык
пр. вр. — прошедшее время
прагреч. — прагреческий язык
пралув. — пралувийский язык
прил. — имя прилагательное
русск. — русский язык
сев.-семит. — северосемитские языки
семит. — семитские языки
сид. — сидетский язык
скр. — санскрит
ст.-слав. — старославянский язык
суфф. — суффикс
сущ. — имя существительное
твор. пад. — творительный падеж
тж. — с тем же значением
укр. — украинский язык
финик. — финикийский язык
хатт. — хаттский язык
хет. — хеттский язык
хет.-лув. — хетто-лувийские языки
шум. — шумерский язык
энкл. — энклитика
этр. — этрусский язык

* * *

После того как данная работа была сдана в печать (1970 г.), результаты новейших исследований в области анатолийского языкознания уже не могли быть в ней учтены, хотя некоторые предлагаемые здесь гипотезы нуждаются ныне в существенной модификации. Надо отметить следующие, наиболее важные моменты: в связи с находками многочисленных древнехеттских текстов стало возможным более детально проследить эволюцию хеттского языка в плане диахронии, выявить многие архаизмы, находящие себе соответствия в других индоевропейских языках. Новые тексты позволили также выявить фонетическое чтение многих слов, ранее скрытое за шумеро- и аккадограммами, например, *resna-* 'мужчина', *hasterz* 'звезда', *suwai-* 'птица', *ekan* 'лед', *epurāi-* 'брат приступом', 'ломать' (ср. лик. Б *ebure-*), *walwa-* 'лен' и др. В палайском интерпретировано несколько новых основ: *hapn-* 'река', *pata-* 'падать', *teka-* 'течь'. Найдено несколько новых иероглифических лувийских надписей, которые позволили уточнить некоторые предшествующие интерпретации; в клинописном лувийском среди прочих надежно установлено значение компонента *-zalma* теофорных имен собственных: «спаситель, охранитель», ср. лик. Б *slīm-*. Многочисленные ликийские надписи (в том числе ликийско-греческие билингвы) обнаружены за последние годы французской археологической экспедицией в Ксанфе (среди них есть и надпись, тематически связанная с Ксанфской стелой). Исключительно большое значение имеет находка в августе 1973 г. целиком сохранившейся ликийско-греческо-арамейской трилингвы. Все эти материалы, имеющие важнейшее значение для исследования ликийских А и Б языков, будут, как предполагается, в ближайшем будущем изданы Э. Ларошем. Более десятка новых надписей обнаружено в Лидии, однако большинство из них весьма кратки и фрагментарны. Надежно установлено значение лидийского слова *išaš* — «господин, владыка», которое полностью соответствует хеттскому *ishas* тж. с закономерным падением ларингала. Некоторые давние предположения в области фонетики и морфологии подверглись уточнению. Что же касается карийских текстов, то подавляющее большинство обнаруженных за последние годы нескольких десятков надписей все еще, к сожалению, остается неопубликованным.

АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК

Армянский язык принадлежит к восточной группе индоевропейских языков, являясь самостоятельной ветвью в системе этих языков. В настоящее время армянский язык представлен двумя литературными языками: восточноармянским и западноармянским. Восточноармянский язык является государственным языком Армянской ССР, а также литературным языком армян, населяющих Иран и Индию. Западноармянский язык — литературный язык армян, проживающих в остальных районах земного шара. Армянский язык представлен также многими диалектами, число которых достигает шестидесяти. Диалекты армянского языка часто отличаются друг от друга настолько, что их представители с трудом понимают (а иногда и не понимают) друг друга.

По морфологическим признакам армянские диалекты делятся на семь групп, называемых в армянской диалектологии диалектными ветвями.

Государственный язык Армянской ССР, или бывший восточный литературный язык армян, по своей грамматической структуре сходен с диалектной группой, называемой ветвью ум, в то время как западноармянский литературный язык сходен с диалектной группой, называемой ветвью кы (кэ)¹.

Расхождение между восточным и западным литературными языками незначительно; говорящие на этих литературных языках свободно понимают друг друга и общаются.

Древнеармянский язык (г р а б а р) стал письменным языком в начале V в. н. э. (406—407 гг.). В качестве литературного языка он просуществовал до начала XIX в. На этом языке созданы ценнейшие литературные памятники, отразившие историю народов Ближнего Востока, Средней Азии, Восточной Европы и Кавказа. Он имеет большое сходство с древними индоевропейскими языками: санскритом, латинским, греческим, древнеславянским, древнегерманским и др.

Древнеармянский язык структурно представляет классический тип флективного индоевропейского языка.

В звуковой системе древнеармянский язык, по закону первого передвижения, создал консонантизм с тремя рядами взрывных согла-

¹ Буквы *ա* и *է* передают один и тот же армянский гласный звук, напоминающий русские редуцированные звуки *о* и *а* (*хэрашо*, *кэпитал*).

сных: чистых звонких, чистых глухих и глухих придыхательных (см. схему 1). Однако большинство диалектов армянского языка произвели это передвижение лишь частично. Диалекты Малой Армении сохранили индоевропейский консонантизм, производя лишь передвижение глухих в ряд глухих придыхательных, образовав таким образом следующую систему (см. схемы 1 и 2):

<i>Схема 1</i>	<i>Схема 2</i>
$b' \quad b - n'$	$- b \quad n \quad n'$
$d' \quad d - t'$	$- d \quad t \quad t'$
$g' \quad g - k'$	$- g \quad k \quad k'$

Диалекты центральных областей произвели передвижение индоевропейских звонких лишь в начале слова, сохранив индоевропейские звонкие придыхательные. Диалекты восточных окраин произвели передвижение индоевропейских звонких придыхательных в чистые звонкие или чистые глухие (см. схемы 3 и 4):

<i>Схема 3</i>	<i>Схема 4</i>
$- b \quad n \quad n'$	$- \quad - \quad n \quad n'$
$- d \quad t \quad t'$	$- \quad - \quad t \quad t'$
$- g \quad k \quad k'$	$- \quad - \quad k \quad k'$

Диалекты остальных районов сохранили индоевропейские звонкие и передвижению подвергли ряд звонких придыхательных в чистые звонкие или в глухие придыхательные. Таким образом, значительная часть армянских диалектов сохранила присущие индоевропейскому языку-основе звонкие придыхательные, оставшиеся лишь в индийских языках, и чистые звонкие, сохранившиеся в латинском, греческом и славянском языках.

В глагольной системе диалекты, как и современные армянские литературные языки, синтетические формы отчасти заменили аналитическими с использованием причастных и деепричастных форм и в сочетании с формами вспомогательного глагола образовали личные формы.

Словарный состав литературного армянского языка очень богат. В древнесармянском имеется 11 тысяч корней, из которых около 900 восходят к индоевропейскому праязыку. Они и составляют основной словарный фонд армянского языка. Имеется значительное количество словарных заимствований из хеттского, ассирийского, фригийского, сирийского, персидского, арабского, кавказских языков и языков средневековой Европы. Особенно много заимствований из персидского языка. В последние столетия, особенно за годы Советской власти в Армении, армянский язык заимствовал значительное количество как русских слов и терминов, так и иностранных терминов через русский язык.

АЛФАВИТ

В армянском языке 39 букв, из которых восемь передают гласные звуки, 30 — согласные звуки, а буквы *с*, *д* передают три звука вместе:

ш — а	ʃ — э	ʃ — х	ʃ — ч (тш)	ʃ — ч	ʃ — в	ʃ — п'
р — б	ʃ — ы(э)	ʃ — ц(тс)	ʃ — м	ʃ — п	ʃ — т	ʃ — к'
г — г	ʃ — т'	ʃ — к	ʃ — й	ʃ — дж	ʃ — р	ʃ — (й)эв
г — д	ʃ — ж	ʃ — н	ʃ — н	ʃ — р	ʃ — ц'	ʃ — о
б — е	ʃ — и	ʃ — дз	ʃ — ш	ʃ — с	ʃ — у	ʃ — ф
ч — з	ʃ — л	ʃ — ġ	ʃ — (в)о			

ФОНЕТИКА

В армянском языке существует шесть гласных фонем и тридцать согласных, которые могут быть представлены в следующих таблицах (табл. 1 и 2):

Таблица 1

Гласные

Ряд	Передний	Центральный	Задний
Подъем			
Верхний	и		у
Средний	э	ы	о
Нижний			а

Таблица 2

Согласные

По месту образования				Лабинальные	Дентальные	Палатальные	Велярные	Гуттуральные
По способу образования								
Шумные	эксплозивные	чистые	глухие	п	т		к	
			звонкие	б	д		г	
		аспираты	глухие	п'	т'		к'	
			звонкие	ф	с	ш	х	һ
	фрикативные	чистые	глухие	ф	с	ш	х	һ
			звонкие	в	з	ж	г	
		аспираты	глухие		ц(тс)	ч(тш)		
			звонкие		дз	дж		
	Сонанты		назальные	м	н			
			фрикативные			й		
латеральные				л				
одноударные				р				
многоударные, раскатистые				р'				

УДАРЕНИЕ

В армянском языке почти все слова получают ударение на последнем слоге. Под влиянием некоторых диалектов, имеющих ударение на предпоследнем слоге, в устной речи встречается ударение и на предпоследнем слоге. Но в литературном языке ударение ставится лишь на последнем слоге.

РЕДУКЦИЯ ГЛАСНЫХ

Гласные *и* и *у* подвергаются редукции в безударном положении. При этом иногда как звук *и*, так и звук *у* переходят в звук *ə*, который между двумя согласными на письме не изображается; иногда же эти звуки выпадают. Например, в словах *տանակ* 'домик', *տանային* 'домашний' (<*տун* 'дом') звук *у* переходит в *ə*, но не пишется. А в словах *անասնական* 'животный' (<*անասն* 'животное') и *խախտել* 'нарушать' (<*խахут* 'нетвердый', 'некрепкий') звук *у* выпадает и в произношении, и на письме.

Точно так же в формах *գրիկ'эр* 'книги' (<*գիրկ* 'книга') звук *и* переходит в *ə*, который не пишется. А в словах *լազիկ* 'цветок', *հաշվել* 'считать' (<*հաշիվ* 'счет') звук *и* выпадает и в произношении, и на письме.

Звукосочетание *уй* переходит в *у*, например: *բուր* 'аромат' — *բուրաւէտ* 'ароматный'; *բույս* 'растение' — *բուսական* 'растительный'.

МОРФОЛОГИЯ

ОПРЕДЕЛЕННЫЕ АРТИКЛИ

В армянском языке существует категория определенности и неопределенности. Если речь идет о некотором определенном предмете, то это отмечается определенным артиклем *-ə* или *-ն*, прибавляемым в конце слова, например: *տուն* 'дом вообще', 'неопределенный дом', но *տունը* 'уже известный (данный) дом'.

Если слово имеет на конце гласный, то определенность выражается через артикль *-ն*, примыкающий к концу слова, например: *առն* 'ручей' или 'канава вообще', а *առնը* 'данный, известный ручей' или 'канава'.

ПРЯЖАТЕЛЬНЫЕ АРТИКЛИ

В армянском языке имеются притяжательные артикли: *-ս*, *-դ*, *-ն*, указывающие на принадлежность предмета. Эти артикли заменяют притяжательные местоимения *իմ* 'мой', *կ'ո* 'твой', *նրա* 'его'. Артикль *-ս* употребляется для 1-го лица, *դ* — для 2-го лица, *-ն* или *-ə* — для 3-го лица. Притяжательные артикли 3-го лица совпадают с определенным артиклем, например; *գիրկ'ս* 'моя книга', *գիրկ'դ* 'твоя книга', *գիրկ'ə* 'его книга', 'та книга'.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Существительное имеет два числа — единственное и множественное. Множественное число имеет окончание *-եր* или *-նք*. Окончание *-եր* получают односложные существительные, *-նք* — многосложные,

например: *пат* 'стена' — *патэр* 'стены'; *к'ар* 'камень' — *к'арэр* 'камни'; *арастаг* 'потолок' — *арастагнэр* 'потолки'.

СКЛОНЕНИЕ

Армянское существительное имеет семь падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, отложительный (исходный), творительный и местный.

Различаются восемь типов склонения существительного. Тип склонения определяется окончанием родительного падежа. Все типы склонения сходны. Различие в типах, особенно в окончаниях, проявляется только лишь в родительном и дательном падежах. Так, например, в отложительном падеже все существительные имеют окончание *-иц'*, за исключением существительных, имеющих в именительном исходный звук *и*; у таких слов в этом падеже имеется окончание *-уц'* (*гари* 'ячмень' — *гаруц'* 'из ячменя').

В творительном падеже все существительные получают окончание *-ов*, за исключением существительных, имеющих в именительном падеже окончание *-йун*. Эти существительные в творительном падеже оканчиваются на *-йамб*: *миут'йун* 'союз' — *миут'йамб* 'союзом'.

В местном падеже существительные получают окончание *-ум*. Это окончание получают существительные, обозначающие неодушевленные предметы, которые обладают емкостью или пространственностью, а также часть местоимений, например: *сэнйакум* 'в комнате', *бажакум* 'в стакане'. В остальных случаях эта падежная форма заменяется формой родительного падежа с послелогом *медж* 'внутри'.

Армянский язык в склонении отражает категории лица (см. ниже *банвор* 'рабочий') и не лица (*сар* 'гора'). Большинство существительных склоняется как слово *сар* и относится к типу склонения существительных с окончанием на *-и* в родительном падеже:

	Категория лица		Категория нелица	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
Им.	<i>банвор(ы)</i>	<i>банворнер(э)</i>	<i>сар(ы)</i>	<i>сарэр(ы)</i>
Род.	<i>банвори</i>	<i>банворнері</i>	<i>сари</i>	<i>сарэри</i>
Дат.	<i>банвори(н)</i>	<i>банворнери(н)</i>	<i>сари(н)</i>	<i>сарэри(н)</i>
Вин.	<i>банвор, бан- ворин</i>	<i>банворнер, банворнерин</i>	<i>сар(ы)</i>	<i>сарэр(ы)</i>
Отл.	<i>банвориц</i>	<i>банворнериц</i>	<i>сариц</i>	<i>сарэриц</i>
Твор.	<i>банворов</i>	<i>банворнерэв</i>	<i>саров</i>	<i>сарэров</i>
Местн.	—	—	<i>сарум</i>	<i>сарэрум</i>

Падежные окончания множественного числа для всех существительных, за небольшим исключением, те же, что окончания единственного числа склонения на *-и*.

Помимо склонения на *-и* имеются также типы склонения на *-ан*, *-йан*, *-у*, а также небольшая группа слов с родительным падежом на *-ва*, *-оош* и *-о*.

К склонению на *-ан* относятся существительные, имеющие в именительном падеже суффикс *-ум*, теряющий свой гласный в родительном и дательном падежах. К этому же типу относятся существительные *тун* 'дом', *шун* 'собака', изменяющие корневой гласный на *а* в косвенных падежах, а также часть существительных, имевших в древнеармянском языке конечный *-н* с предшествующим согласным (например: *мук* 'мышь' при др.-арм. *мукн*).

К склонению на *-йан* относятся существительные на *-йум*. К склонению на *-у* относятся существительные, оканчивающиеся в именительном падеже на *-и*. К склонению на *-ва* относятся существительные: *ор* 'день', *амис* 'месяц', *тари* 'год' и др. К склонению на *-одж* относятся существительные: *к'уйр* 'сестра', *кин* 'женщина', *тэр* 'хозяин', 'господин', *анэр* 'тесть' и др. К склонению на *-о* относятся существительные: *хайр* 'отец', *кэз байр* 'брат', *майр* 'мать', а также все сложные существительные с этими словами в качестве последнего компонента.

Восьмой тип склонения (с окончанием родительного падежа *-ц'*) имеет лишь формы множественного числа и соответствует по значению русским фамилиям во множественном числе (например: *Логинovy, Логиновyx* и т. п.). Эти формы считаются просторечными.

Образцы склонения на *-ан, -йан, -у, -ва, -одж, -о*

Им.	<i>зэкуц'ум(ы)</i> 'доклад'	<i>миут'йун</i> 'союз'	<i>гари(н)</i> 'ячмень'
Род.	<i>зэкуц'ман</i>	<i>миут'йан</i>	<i>гару</i>
Дат.	<i>зэкуц'ман(ы)</i>	<i>миут'йан</i>	<i>гару(н)</i>
Вин.	<i>зэкуц'ум(ы)</i>	<i>миут'йун</i>	<i>гари(н)</i>
Отл.	<i>зэкуц'умиц'</i>	<i>миут'йуниц'</i>	<i>гаруц'</i>
Твор.	<i>зэкуц'умов</i>	<i>миут'йунов, миут'йамб</i>	<i>гаров</i>
Местн.	—	<i>миут'йунум</i>	<i>гарум</i>

Им.	<i>ор</i> 'день'	<i>к'уйр</i> 'сестра'	<i>хайр</i> 'отец'
Род.	<i>орва</i>	<i>к'ыродж</i>	<i>гор</i>
Дат.	<i>орва(н)</i>	<i>к'ыродж</i>	<i>гор</i>
Вин.	<i>ор</i>	<i>к'уйр, к'ыродж</i>	<i>хайр, гор</i>
Отл.	<i>ориц', орваниц'</i>	<i>к'ыроджиц</i>	<i>هوريц'</i>
Твор.	<i>оров</i>	<i>к'ыроджов</i>	<i>горов</i>
Местн.	<i>орум</i>	—	—

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имя прилагательное в армянском языке не изменяется ни по падежам, ни по родам, ни по числам.

Субстантивирываясь, прилагательное изменяется по типу склонения существительных с родительным падежом на *-и*.

Сравнительная степень прилагательных образуется при помощи наречия *авэли* 'более', например: *эспитак* 'белый' — *авэли эспитак* 'более белый'. Сравнительную степень можно передать и без наречия *авэли*, но в таком случае название предмета, с которым производится сравнение, ставится в отложительном падеже, например: *Москван Йэрэваниц' мэц э* 'Москва больше Еревана'. Превосходная степень образуется при помощи суффикса *-агуйн*, например: *манэр* 'мелкий' — *манрагуйн* 'мельчайший'.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

В армянском языке имеются количественные и порядковые числительные.

Количественные числительные бывают простые, сложные и составные. Числительные от 1 до 10, а также названия десятков, сотен и тысяч являются простыми, названия двузначных чисел являются сложными, а все остальные — составными, например:

1 — <i>мэк</i>	11 — <i>таснымэк</i>	90 — <i>иньнсун</i>
2 — <i>йэрку</i>	12 — <i>таснэрку</i>	100 — <i>харйур</i>
3 — <i>йэрэк'</i>	20 — <i>к'ысан</i>	101 — <i>харйур мэк</i>
4 — <i>чорс</i>	21 — <i>к'ысанмэк</i>	114 — <i>харйур таснычорс</i>
5 — <i>хинг</i>	30 — <i>йэрэсун</i>	200 — <i>йэрку харйур</i>
6 — <i>вэц'</i>	40 — <i>к'ар'хсун</i>	300 — <i>йэрэк' харйур</i>
7 — <i>йот'</i>	50 — <i>хисун</i>	1000 — <i>хазар</i>
8 — <i>ут'</i>	60 — <i>ват'сун</i>	1943 — <i>хазар инэ харйур</i>
9 — <i>инэ(н)</i>	70 — <i>йот'анасун</i>	<i>к'ар'хсунэрэк'</i> и т. д.
10 — <i>тасэ</i>	80 — <i>ут'сун</i>	

Порядковые числительные образуются присоединением суффикса *-йэрррд* к количественным числительным: числительные *йэрку*, *йэрэк'*, *чорс* получают суффикс *-рррд*. Числительное «первый» передается словом *ар'аджин*, например:

<i>ар'аджин</i>	<i>хингэрррд</i>	<i>иннэрррд</i>
'первый'	'пятый'	'девятый'
<i>йэркроррд</i>	<i>вэц'эрррд</i>	<i>таснэрррд</i>
'второй'	'шестой'	'десятый'
<i>йэрроррд</i>	<i>йот'эрррд</i>	<i>таснымэкэрррд</i>
'третий'	'седьмой'	'одиннадцатый'
<i>чорроррд</i>	<i>ут'эрррд</i>	<i>таснэркуйэрррд</i>
'четвертый'	'восьмой'	'двенадцатый'

Числительные, как и прилагательные, не изменяются по родам, числам и падежам. При субстантивации они изменяются как существительные на *-и*, например: *ут'ы хингиц' шит э* 'восемь больше пяти'.

МЕСТОИМЕННИЯ

В армянском языке имеются следующие разряды местоимений: личные, возвратные, указательные, взаимные, вопросительно-относительные, определительные, неопределенные, отрицательные.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Склонение личных местоимений во многом отличается от склонения существительных.

Единственное число

Им.	<i>йэс</i>	'я'	<i>ду</i>	'ты'	<i>инк'э</i>	'сам'
Род.	<i>им</i>		<i>к'о</i>		<i>ир</i>	
Дат.	<i>индз</i>		<i>к'эз</i>		<i>ирэн</i>	
Вин.	<i>индз</i>		<i>к'эз</i>		<i>ирэн</i>	
Отл.	<i>индзаниц'</i>		<i>к'эзаниц'</i>		<i>ирэниц'</i>	
Твор.	<i>индзанов</i>		<i>к'эзанов</i>		<i>ирэнов</i>	
Местн.	<i>индзанум</i>		<i>к'эзанум</i>		<i>ирэнум</i>	

Множественное число

Им.	<i>мэнк'</i>	'мы'	<i>дук'</i>	'вы'	<i>ирэнк'</i>	'сами'
Род.	<i>мэр</i>		<i>дзэр</i>		<i>ирэнц'</i>	

Дат.	<i>мэз</i>	<i>ծззз</i>	<i>ирэңц'</i>
Вин.	<i>мэз</i>	<i>ծззз</i>	<i>ирэңц'</i>
Отл.	<i>мэзаниц'</i>	<i>ծзззаниц'</i>	<i>ирэңц'иц'</i>
Твор.	<i>мэзанов</i>	<i>ծзззанов</i>	<i>ирэңц'ов</i>
Местн.	<i>мэзанум</i>	<i>ծзззанум</i>	—

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

СКЛОНЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ

на 'тот', 'та', 'то', 'он', 'она', 'оно' и *да*
'этот', 'эта', 'это'

	Единственное число		Множественное число	
Им.	<i>на</i>	<i>да</i>	<i>нранк'</i>	<i>дранк'</i>
Род.	<i>нра</i>	<i>дра</i>	<i>нранц'</i>	<i>дранц'</i>
Дат.	<i>нран</i>	<i>дран</i>	<i>нранц'</i>	<i>дранц'</i>
Вин.	<i>нран</i>	<i>дран</i>	<i>нранк', нранц'</i>	<i>дранк', дранц'</i>
Отл.	<i>нраниц'</i>	<i>драниц'</i>	<i>нранц'иц'</i>	<i>дранц'иц'</i>
Твор.	<i>нранов</i>	<i>дранов</i>	<i>нранц'ов</i>	<i>дранц'ов</i>
Местн.	<i>нранум</i>	<i>дранум</i>	<i>нранц'ум</i>	<i>дранц'ум</i>

Указательные местоимения *са*, *айс*, *айд* 'этот', 'эта', 'это' и *айн* 'тот', 'та', 'то' склоняются по типу местоимений *на* и *да*.

ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

СКЛОНЕНИЕ ВОПРОСИТЕЛЬНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ *ов* 'кто' и *инч* 'что'

Им.	<i>ов</i>	<i>инч</i>	Отл.	<i>умиц'</i>	<i>инчиц'</i>
Род.	<i>ум</i>	<i>инчи</i>	Твор.	<i>умов</i>	<i>инчов</i>
Дат.	<i>ум</i>	<i>инч</i>	Местн.	—	<i>инчум</i>
Вин.	<i>ум</i>	<i>инч</i>			

Вопросительно-относительное местоимение *вор* 'который', 'которая', 'которое' в единственном числе склоняется по типу существительных с формой родительного падежа на *-и*, а во множественном (им. *воронк'*, род. *воронц'*) — по типу местоимения *ирэңк'* 'сами' (но в винительном совпадает с именительным).

Все прочие местоимения склоняются (в тех случаях, когда они изменяемы) преимущественно по типу существительных с родительным на *-и*.

ГЛАГОЛ

Глаголы в армянском языке имеют как личные, так и неличные формы. К неличным формам относятся деепричастия, причастия, а также неопределенная форма глагола (инфинитив). Некоторые из неличных форм глагола образуют временные формы при помощи вспомогательного глагола.

ИНФИНИТИВ

В современном армянском языке неопределенная форма глагола имеет два окончания: *-эл* и *-ал*. Глаголы с окончанием *-эл* от-

носятся к I спряжению, а глаголы на *-ал* — к II спряжению, например: *грэл* 'писать', *хэсэл* 'говорить', *найэл* 'смотреть' относятся к I спряжению (спряжению на *-э*); глаголы *мнэл* 'оставаться', *гынал* 'идти', 'ходить', *хадал* 'играть' и т. д. относятся к II спряжению (спряжению на *-а*).

Инфинитив глагола склоняется как существительное (но только в единственном числе) и может быть соответствующим членом предложения (подлежащим, дополнением и пр.). Инфинитив глагола *грэл* 'писать', 'писание' склоняется следующим образом:

Им.	<i>грэлә</i>	Отл.	<i>грэлуц'</i>
Род.	<i>грэлу</i>	Твор.	<i>грэлов</i>
Дат.	<i>грэлу(н)</i>	Местн.	—
Вин.	<i>грэлә</i>		

ТИПЫ СПРЯЖЕНИЯ

В армянском языке два типа спряжения: тип спряжения простых глаголов и тип спряжения глаголов, имсющих суффиксы (незначимые и видообразующие).

Типы спряжения определяются по основам и окончаниям. Имеются две основы и два типа окончаний.

У простых глаголов как I, так и II спряжения первая основа образуется от инфинитива путем опущения его окончания, например: *сэрэл* 'точить' — основа *сыр-*; *грэл* 'писать' — основа *гр-*; *мнэл* 'оставаться' — основа *мн-*; *гынал* 'идти', 'ходить' — основа *гын-*.

Вторая основа образуется от той же неопределенной формы глагола (инфинитива) путем замены конечного звука *-л* на *-ц'*, например: *сырэл* — *сырц'*-, *грэл* — *грэц'*-, *мнэл* — *мнэц'*-, *гынал* — *гынац'*-.

У глаголов I спряжения все формы, за исключением форм прошедшего времени и множественного числа повелительного наклонения, образуются от первой основы. У глаголов II спряжения от первой основы образуются все формы, кроме деепричастия прошедшего времени, причастия прошедшего времени, субъектного причастия, форм прошедшего совершенного времени и множественного числа повелительного наклонения. Все эти формы образуются от второй основы.

Ко второму типу относятся глаголы, имеющие незначимые суффиксы: *-н-*, *-ц-*, *-ан-*, *-йэн-*. Первая основа у глаголов этого типа образуется так же, как и у глаголов первого типа (т. е. опущением суффиксов *-(й)эл*, *-ал* в инфинитиве), например: *мытнэл* 'входить' — *мытн-*, *мотэнал* 'приближаться' — *мотэн-*. Вторая основа у глаголов I спряжения образуется от инфинитива опущением суффикса инфинитива и предшествующего ему незначимого суффикса, например: *мытнэл* — *мытн-*, *т'ырцэл* 'летать' — *т'ыр-*. У глаголов II спряжения вторая основа образуется от инфинитива опущением суффикса *-ал* и изменением предшествующего *н* в звук *ц'*, например: *мотэнал* — *мотэц'*-.

У глаголов второго типа спряжения все формы, за исключением деепричастия прошедшего времени, причастия прошедшего времени, субъектного причастия (у глаголов II спряжения) прошедшего времени и повелительного наклонения, образуются от первой основы.

Глаголы с видообразующими суффиксами изменяются по типу спряжения простых глаголов. Исключение составляют каузативные глаголы, у которых во второй основе конечное *н* изменяется в *р*, например: *хмэц'нэл* 'поить' — *хмэц'р-*. В повелительном наклонении единственного числа эти глаголы имеют окончание *-у*: *хмэц'ру* 'напой'.

НЕЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

Деепричастие настоящего времени образуется от первой основы глагола присоединением суффиксов *-ум* или *-(й)элис* (для I спряжения), *-ум*, *-алис* (для II спряжения), например: *грэл* 'писать' — *грум*, *грэлис*; *кардал* 'читать' — *кардум*, *кардалис*. У трех глаголов — *лал* 'плакать', *гал* 'приходить', *тал* 'давать' — форма деепричастия настоящего времени на *-ум* отсутствует, и имеется лишь форма на *-алис*: *лалис*, *галис*, *далис*.

Деепричастие настоящего времени имеет две формы: с окончанием на *-ум* (*грум*, *кардум*) и с окончанием на *-алис* (*грелис*, *кардалис*). Первая форма выражает незаконченное действие или состояние. Вторая форма обозначает вторичное действие, во время которого совершается главное действие подлежащего, например: *сэняк мытнэлис гыхаркс нанум йэм* 'входя в комнату, снимаю шапку'. Форма деепричастия на *-ум* не может быть самостоятельным членом предложения: она употребляется только в сочетании с вспомогательным глаголом для образования форм времени.

Деепричастие будущего времени образуется от инфинитива глагола присоединением окончания *-у*, например: *грэл* 'писать' — *грэлу*, *кардал* 'читать' — *кардалу*. Деепричастие будущего времени выражает действие, которое должно совершиться в будущем, например: *гынац'и градарон гирк' кардалу* 'пошел в библиотеку читать книгу', *кардалу гирк'* 'книга для чтения'.

В сочетании с формами вспомогательного глагола деепричастие будущего времени служит для образования форм будущих времен.

Деепричастие прошедшего времени образуется при помощи окончания *-эл*, присоединяемого к соответствующей основе глагола (т. е. к первой основе у простых глаголов I спряжения и у глаголов с видообразующими суффиксами и ко второй основе у всех прочих глаголов), например: *грэл* 'писать' — *грэл*, *кардал* 'читать' — *кардац'эл*.

Деепричастие прошедшего времени выражает совершенное действие. В сочетании с вспомогательным глаголом оно служит для образования составных форм прошедших времен. В качестве самостоятельного члена предложения это деепричастие не употребляется.

Результативное причастие прошедшего времени образуется при помощи окончания *-ац*, присоединяемого к той же основе, что и окончание деепричастия прошедшего времени, например: *грэл* 'писать' — *грац*, *кардал* 'читать' — *кардац'ац*.

Результативное причастие прошедшего времени выражает действие, совершенное в прошлом и оставившее результат в настоящем. Употребляется это причастие как в качестве самостоятельного члена предложения (определение), так и в сочетании с вспомогательным глаголом для образования форм времени, например: *к'энац йэрэха* 'уснувший ребенок', *йерехан кэнац э* 'ребенок спит'; *урахац'ац мард* 'обрадованный человек', *урахац'ац э* 'он обрадован'.

Субъектное причастие (причастие настоящего времени) образуется при помощи суффикса *-оғ*, присоединяемого к той же основе, что и показатель деепричастия прошедшего времени, например: *грэл* 'писать' — *гроғ*, *кардал* 'читать' — *кардац'оғ*.

Субъектное причастие выражает понятие совершения действия или способности к его совершению и включает в себе понятие субъектности. Субъектное причастие не участвует в образовании личных форм глагола и нередко употребляется в функции прилагательного или существительного.

ЛИЧНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

В армянском языке личные формы глагола имеют пять наклонений — изъявительное, желательное, условное (или сослагательное), побудительное и повелительное.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ

Вспомогательный глагол имеет лишь два времени — настоящее и прошедшее. Изменяется этот глагол следующим образом:

	Настоящее время		Прошедшее время	
	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>эм</i>	<i>(й)энк'</i>	<i>эи</i>	<i>эинк'</i>
2-е л.	<i>эс</i>	<i>(й)эк'</i>	<i>эир</i>	<i>эик'</i>
3-е л.	<i>э</i>	<i>(й)эн</i>	<i>эр</i>	<i>эин</i>

ИЗЪЯВИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Изъявительное наклонение имеет девять временных форм, из которых восемь составных и одна простая. Составные формы изъявительного наклонения образуются из деепричастий (настоящего, будущего и прошедшего времени) и причастия прошедшего времени в сочетании с формами настоящего и прошедшего времени вспомогательного глагола. Составные формы изъявительного наклонения выражают: настоящее время, прошедшее несовершенное время, будущее время, будущее в прошедшем, прошедшее завершённое время, давнопрошедшее время, прошедшее результативное время, прошедшее результативное по отношению к другому прошедшему. Простая форма выражает прошедшее совершённое время (аорист).

СХЕМА ОБРАЗОВАНИЯ СОСТАВНЫХ ФОРМ ВРЕМЕНИ ИЗЪЯВИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ

Неличная форма	Форма вспомогательного глагола	Форма времени
Деепричастие настоящего времени	Настоящее время	Настоящее время
Деепричастие настоящего времени	Прошедшее время	Прошедшее несовершенное время
Деепричастие будущего времени	Настоящее время	Будущее время
Деепричастие будущего времени	Прошедшее время	Будущее в прошедшем
Деепричастие прошедшего времени	Настоящее время	Прошедшее завершённое время
Деепричастие прошедшего времени	Прошедшее время	Давнопрошедшее время
Причастие прошедшего времени	Настоящее время	Прошедшее результативное время
Причастие прошедшего времени	Прошедшее время	Прошедшее результативное по отношению к другому прошедшему

ЗНАЧЕНИЕ ФОРМ ВРЕМЕНИ

Настоящее время показывает, что действие находится в процессе совершения в данный момент.

Прошедшее несовершенное время показывает, что действие началось и находилось в процессе совершения до начала какого-то другого действия в прошлом.

Будущее время выражает действие или состояние, которое совершится в последующем после данного момента.

СПРЯЖЕНИЕ ГЛАГОЛОВ *ГРЭЛ* 'ПИСАТЬ' И *КАРДАЛ* 'ЧИТАТЬ' В ИЗЪЯВИТЕЛЬНОМ НАКЛОНЕНИИ

Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
-----------	-----------	-----------	-----------

Настоящее время

1-е л.	<i>грум эм</i>	<i>грум энк'</i>	<i>кардум эм</i>	<i>кардум энк'</i>
2-е л.	<i>грум эс</i>	<i>грум эк'</i>	<i>кардум эс</i>	<i>кардум эк'</i>
3-е л.	<i>грум э</i>	<i>грум эн</i>	<i>кардум э</i>	<i>кардум эн</i>

Прошедшее несовершенное время

1-е л.	<i>грум эи</i>	<i>грум эинк'</i>	<i>кардум эи</i>	<i>кардум эинк'</i>
2-е л.	<i>грум эир</i>	<i>грум эик'</i>	<i>кардум эир</i>	<i>кардум эик'</i>
3-е л.	<i>грум эр</i>	<i>грум эин</i>	<i>кардум эр</i>	<i>кардум эин</i>

Будущее время

1-с л.	<i>грэлу йэм</i>	<i>грэлу йэнк'</i>	<i>кардалу йэм</i>	<i>кардалу йэнк'</i>
--------	------------------	--------------------	--------------------	----------------------

Будущее в прошедшем

1-е л.	<i>грэлу эи</i>	<i>грэлу эинк'</i>	<i>кардалу эи</i>	<i>кардалу эинк'</i>
--------	-----------------	--------------------	-------------------	----------------------

Прошедшее завершённое время

1-е л.	<i>грэл эм</i>	<i>грэл энк'</i>	<i>кардац'эл эм</i>	<i>кардац'эл энк'</i>
--------	----------------	------------------	---------------------	-----------------------

Давнопрошедшее время

1-е л.	<i>грэл эи</i>	<i>грэл эинк'</i>	<i>кардац'эл эи</i>	<i>кардац'эл эинк'</i>
--------	----------------	-------------------	---------------------	------------------------

Прошедшее результативное время

1-е л.	<i>грац эм</i>	<i>грац энк'</i>	<i>кардац'ац эм</i>	<i>кардац'ац энк'</i>
--------	----------------	------------------	---------------------	-----------------------

Прошедшее результативное по отношению к другому прошедшему

1-е л.	<i>грац эи</i>	<i>грац эинк'</i>	<i>кардац'ац эи</i>	<i>кардац'ац эинк'</i>
--------	----------------	-------------------	---------------------	------------------------

Прошедшее совершённое время (аорист)

1-е л.	<i>грэц'и</i>	<i>грэц'инк'</i>	<i>кардац'и</i>	<i>кардац'инк'</i>
2-е л.	<i>грэц'ир</i>	<i>грэц'ик'</i>	<i>кардац'ир</i>	<i>кардац'ик'</i>
3-е л.	<i>грэц'</i>	<i>грэц'ин</i>	<i>кардац'</i>	<i>кардац'ин</i>

Будущее в прошедшем выражает действие, которое надо было совершить после какого-то момента в прошлом.

Прошедшее завершённое время показывает, что действие совершено и закончено в прошлом до наступления данного момента.

Давнопрошедшее время показывает, что действие совершено в давнем прошлом и закончено до наступления какого-то момента в прошлом.

Прошедшее результативное время показывает, что действие или состояние, имевшее место или начавшееся в прошлом, имеет результаты, остающиеся до настоящего момента.

Прошедшее результативное в отношении другого прошедшего выражает действие или состояние, имевшее место в прошлом, результаты которого сохранялись до определённого момента в прошлом.

Прошедшее совершённое время (аорист) выражает законченное действие или состояние безотносительно к какому-либо моменту.

Глаголы второго типа спряжения (с незначимыми суффиксами) спрягаются в аористе особо, как, например, глаголы *мытнэл* 'входить' и *һэрнал* 'удаляться'.

	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>мыта</i>	<i>мытанк'</i>	<i>һэрац'а</i>	<i>һэрац'анк'</i>
2-е л.	<i>мытар</i>	<i>мытак'</i>	<i>һэрац'ар</i>	<i>һэрац'ак'</i>
3-е л.	<i>мытав</i>	<i>мытан</i>	<i>һэрац'ав</i>	<i>һэрац'ан</i>

ЖЕЛАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

В желательном наклонении имеются две простые временные формы — будущее время и будущее в прошедшем.

Будущее время обозначает, что говорящий имеет желание, чтобы субъект (подлежащее) совершил действие, указанное глаголом. Будущее в прошедшем обозначает, что говорящий желал, чтобы действие было совершено субъектом (подлежащим) в прошлом, но оно не совершено и его невозможно совершить.

Глаголы *грэл* 'писать' и *кардал* 'читать' спрягаются в желательном наклонении следующим образом:

Будущее время

	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>грэм</i>	<i>грэнк'</i>	<i>кардам</i>	<i>карданк'</i>
2-е л.	<i>грэс</i>	<i>грэк'</i>	<i>кардас</i>	<i>кардак'</i>
3-е л.	<i>гри</i>	<i>грэн</i>	<i>карда</i>	<i>кардан</i>

Будущее в прошедшем

	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>грэи</i>	<i>грэинк'</i>	<i>кардаи</i>	<i>кардаинк'</i>
2-е л.	<i>грэир</i>	<i>грэик'</i>	<i>кардаи</i> <i>р</i>	<i>кардаик'</i>
3-е л.	<i>грэр</i>	<i>грэин</i>	<i>кардар</i>	<i>кардаин</i>

УСЛОВНОЕ (СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ) НАКЛОНЕНИЕ

Условное (сослагательное) наклонение обозначает действие, которое будет совершаться предположительно или при определенном условии. Условное наклонение имеет два времени — будущее и будущее

в прошедшем. Для образования этих форм к соответствующим формам желательного наклонения присоединяется префикс (препозитивная частица) *к(ы)-*, например:

Будущее время

	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>кыгрэм</i>	<i>кыгрэнк'</i>	<i>кыкардам</i>	<i>кыкарданк'</i>
2-е л.	<i>кыгрэс</i>	<i>кыгрэк'</i>	<i>кыкардас</i>	<i>кыкардак'</i>
3-е л.	<i>кыгри</i>	<i>кыгрэн</i>	<i>кыкарда</i>	<i>кыкардан</i>

Будущее в прошедшем

	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>кыгрэи</i>	<i>кыгрэинк'</i>	<i>кыкардайи</i>	<i>кыкардайинк'</i>
2-е л.	<i>кыгрэйр</i>	<i>кыгрэйк'</i>	<i>кыкардайир</i>	<i>кыкардайик'</i>
3-е л.	<i>кыгрэр</i>	<i>кыгрэин</i>	<i>кыкардар</i>	<i>кыкардайин</i>

ПОБУДИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Формы побудительного наклонения обозначают действие, совершаемое субъектом под влиянием побуждения. Побудительное наклонение имеет два времени — будущее и будущее в прошедшем. Будущее время побудительного наклонения выражает действие, которое должно будет совершиться в будущем после данного момента. Будущее в прошедшем выражает действие, которое должно было бы совершиться после определенного момента в прошлом.

Обе формы образуются сочетанием модальной частицы *пити* 'должно', 'надлежит' с формами желательного наклонения, например:

Будущее время

	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е е.	<i>пити грэм</i>	<i>пити грэнк'</i>	<i>пити кардам</i>	<i>пити карданк'</i>

Будущее в прошедшем

	Ед. число	Мн. число	Ед. число	Мн. число
1-е л.	<i>пити грэи</i>	<i>пити грэинк'</i>	<i>пити кардайи</i>	<i>пити кардайинк'</i>

ПОВЕЛИТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Повелительное наклонение, обозначающее повеление или приказание совершить действие, имеет лишь формы 2-го лица единственного и множественного числа. Форма единственного числа имеет окончание *-ир* (для I спряжения) или *-э* (для II спряжения) и образуется от первой основы. Форма множественного числа имеет окончание *-эк'* и образуется от второй основы, например: *грир* 'пиши' — *грэц'-эк'* 'пишьте'; *карда* 'читай' — *кардац'эк'* 'читайте'.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ

Отрицательные формы составных форм времени образуются присоединением отрицательного показателя *ч-* к формам вспомогательно-

го глагола, которые в этом случае всегда предшествуют неличным формам, например: *грум эм* 'я пишу' — *чем грум* 'я не пишу'; *грум эир* 'ты писал' — *чэир грум* 'ты не писал'; *грэлу э* 'он напишет' — *чи грэлу* 'он не напишет'.

У простых форм времени отрицательная частица присоединяется непосредственно к спрягаемому глаголу, например: *грэц'и* 'я написал' — *чыгрэц'и* 'я не написал'; *гри* 'пусть он пишет' — *чыгри* 'пусть он не пишет'.

Исключение составляет условное наклонение, где отрицательные формы образуются сочетанием форм вспомогательного глагола (с частицей *ч-*) и особой формы отрицательного деепричастия. Последнее образуется от первой основы глагола при помощи показателя *-и* (для глаголов I спряжения) или *-а* (для глаголов II спряжения), например: *чэм гри* 'я не буду писать', *чэс карда* 'ты не будешь читать'; *чэр гри* 'он не написал бы', *чи карда* 'он не будет читать'.

В формах побудительного наклонения отрицательная частица присоединяется к модальному слову *пити*, например: *пити грэм* 'я должен писать' — *чыпити грэм* 'я не должен писать'.

В повелительном наклонении перед формой глагола вместо отрицательной частицы *ч-* ставится запретительная частица *ми*, например: *ми грир* 'не пиши', *ми карда* 'не читай', *ми грэк'* 'не пишите', *ми кардак'* 'не читайте'.

НАРЕЧИЕ

В армянском языке сравнительно мало наречий. Но каждое прилагательное может употребляться в качестве наречия, например: *гаруны гэгэц'ик йэгданак э* 'весна — красивое время года'; *им барэкамы гэгэц'ик э хосум* 'мой друг красиво говорит'.

Наречия в армянском языке не имеют определенной формы. Лишь некоторые производные наречия имеют суффиксы, характерные для этой части речи, такие, как *-бар*, *-орэн*, *-пэс*, *-аки*, например: *ынкэ-рабар* 'по-товарищески', *драканорэн* 'положительно', *физикапэс* 'физически', *шэштаки* 'метко' и т. п.

В некоторых случаях прилагательные при редупликации становятся наречиями, например: *араг* 'быстрый' — *араг-араг* 'быстро'.

По значению наречия делятся на следующие разряды: места (*амэнурэк'* 'везде'), времени (*айжм* 'сейчас'), меры и степени (*п'ок'р-инч* 'немного'), образа действия (*нориц'* 'снова').

ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ

В армянском языке наряду с предлогами используются послелоги, которые ставятся после управляемого слова.

Предлог *аранц'* 'без' употребляется с существительным в родительном падеже (например: *аранц'*, *гырк'и* 'без книги'), предлог *бац'и* 'кроме', 'за исключением' — с существительными в отложительном падеже (например: *бац'и гырк'иц'* 'кроме книги'), предлоги *дэл* : 'к', 'по направлению к' и *минчэв* 'до', 'пока' — с существительными в винительном падеже (например: *дэпи тун* 'к дому', 'домой', *минчэв дыпроц'* 'до школы').

Послелоги употребляются главным образом с существительными в родительном падеже (но в отдельных случаях они могут употребляться и с формами других падежей).

К числу наиболее употребительных послелогов относятся: *масин* 'о', 'об', 'про' (*гырк'и масин* 'о книге'), *намар* 'для' (*усуц'чи намар* 'для учителя'), *хандэрдз* 'с', 'вместе с' (*ымтаник'ов хандэрдз* 'вместе с семьей'), *зат* 'кроме', 'помимо' (*драниц' зат* 'кроме этого'), *вра* 'на', 'над' (*сэгани вра* 'на столе', 'на стол'), *так* 'под' [*сэгани так* 'под стол(ом)'], *мэдж* 'в' (*сэниаки мэдж* 'в комнате'), *мот* 'у', 'к' (*сэгани мот* 'к столу', 'у стола'), *арадж* 'перед' (*дыгрц'и арадж* 'перед школой'), *димац'* 'напротив' (*тун димац'* 'напротив дома'), *миджэв* 'между' (*гэтэри миджэв* 'между реками'), *тэз* 'вместо' (*к'о тэз* 'вместо тебя') и др.

СОЮЗЫ

В армянском языке различаются два типа союзов — сочинительные и подчинительные. По составу они бывают простыми и сложными.

Сочинительные союзы: *йэв* 'и' (*индз йэв к'эз* 'мне и тебе'), *уи* (*йэс у ду* 'я и ты'), *иск* 'а' (*йэс рус йэм, иск ду хай йэс* 'я русский, а ты армянин'), *кам* 'или' (*кам кыг ам, кам кымнам* 'или придю, или останусь'), *байц'* 'но', 'однако' (*кыгынам, байц' чэм гытни* 'я пойду, но не найду'), *эл, йэвс* 'тоже', 'также' (*йэс эл кыгам* 'я тоже придю').

Подчинительные союзы: *вор, т'э* 'что' (*имац'а, вор ду хиванд йэс* 'я узнал, что ты болен'), *йэт'э* 'если' (*йэт'э хамадзайн йэк', йэс хакарак чэм* 'если вы согласны, я не против'), *ворпэсзи* 'чтобы' (*мыта партэз, ворпэсзи цагик к'агэм* 'я вошел в сад, чтобы сорвать цветы'), *к'ани вор, ворэвхэтэв* 'потому что', 'так как', *т'элэт, т'элэтэв, т'экуз* 'хотя' и др.

МЕЖДОМЕТЯ

Основные междометия армянского языка: *ах* 'ах!', *аваз* 'увы!', *аг'сос* 'жалы!', *аман* 'ой!', *вай* 'ай!', 'горе мне!'.
 11

БИБЛИОГРАФИЯ

- А. С. Г а р и б я н, Система склонения имен древнесарматского языка, — ВЯ, 1972, № 6.
 А. С. Г а р и б я н, Об армянском консонантизме, — ВЯ, 1959, № 5.
 А. С. Г а р и б я н, Морфология глаголов армянских диалектов, — «Проблемы сравнительной филологии. Сборник статей к 70-летию В. М. Жирмунского», М.—Л., 1964.
 А. С. Г а р и б я н и Дж. А. Г а р и б я н, Краткий курс армянского языка, Ереван, 1971.
 И. К. К у с и к ъ я н, Грамматика современного литературного армянского языка, М., 1959.
 И. К. К у с и к ъ я н, Изменения в словарном составе литературного армянского языка, М., 1964.
 Э. Г. Т у м а н я н, Армянский язык, — «Языки народов СССР», т. I, М., 1966.
 H. A j a r i a n, Classification des dialectes arméniens, Paris, 1909.
 H. H u b s c h m a n n, Armenische Grammatik, T. 1—2, Leipzig, 1895—1897.
 A. M e i l l e t, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1936.

ИНДОАРИЙСКИЕ ЯЗЫКИ¹

В современной генеалогической классификации языков под индоарийскими (ИА) понимается группа основных индоевропейских языков Южной Азии (название «индийские» применительно к ним звучит недостаточно определено, ввиду того что оно может обозначать все распространенные на этой территории языки, независимо от их принадлежности к той или иной языковой семье, в частности дравидийские, мунда и пр.). Генетически индоарийские языки стоят ближе всего к иранским и дардским, образуя вместе с ними внутри индоевропейской семьи одну общую ветвь, именуемую индоиранской, или арийской, — по самоназванию древнего народа арьев (*arya*), первого из известных носителей языков этой ветви².

История индоарийских языков доступна непосредственному изучению с конца II — начала I тысячелетия до н. э. К этому периоду обычно относят формирование (в дошедшей до наших дней редакции) древнейших индийских сборников гимнов — Вед. Хотя эпиграфическими памятниками на ИА, датируемыми ранее III в. до н. э., мы не располагаем³, а сохранившиеся рукописи на этих языках восходят к еще более позднему времени (самые старые из них могут быть отнесены ко II—VI вв.), сам факт существования в Древней Индии устойчивой нормативной традиции изустной передачи священных текстов дает основания полагать, что ведические гимны в достаточной мере достоверно свидетельствуют о строе ИА языков на рубеже II и I тысячелетий до н. э. Это заключение подтверждается и сравнительно-историческими данными. Больше сомнений в полной своей аутентичности вызывают некоторые из позднейших текстов (в частности, эпические, — I тысячелетие до н. э.). Несмотря на это, дальнейшее трехтысячелетнее развитие ИА языков нашло в памятниках индийской словесности достаточно полное отражение, чтобы можно было вполне определенно судить об основных направлениях этого процесса и его важнейших этапах.

¹ Авторская работа над разделом «Индоарийские языки» была закончена в 1966 г. Специальные исследования последующих лет издания нашли здесь лишь частичное отражение (в постраничных примечаниях и библиографическом списке).

² О месте индоарийских языков в индоевропейской семье см. работы Бэрроу, Иванова и Топорова [Burrow, 1 сл.; Иванов и Топоров, 8 сл.].

³ Протоиндийские надписи, относящиеся к III тысячелетию до н. э. (культура долины Инда), до сих пор не прочитаны. Предварительные итоги работ по их дешифровке показывают, что язык, который они представляют, является не индоарийским, а дравидийским. [Предварительное сообщение; Proto-Indica: 1968.]

Предшествующее состояние ИА языков восстанавливается методами внутренней реконструкции и сравнительно-исторического анализа: на базе индо-иранской, а далее и индоевропейской в целом общности. Особенно плодотворный материал здесь дают недавно открытые памятники древних индоевропейских языков Передней Азии.

В истории ИА языков принято выделять три этапа — древний, средний и новый. Соответственно различаются древнеиндийские (или древние индоарийские — ДИА), среднеиндийские (средние индоарийские — СИА) и новоиндийские (новые индоарийские — НИА) языки. Если говорить о развитии разговорных форм речи, то переход от древнеиндийского к среднеиндийскому этапу совершился, очевидно, около середины I тысячелетия до н. э., а от среднеиндийского к новоиндийскому — на рубеже I и II тысячелетий н. э. Однако такое чисто хронологическое разграничение оказывается неприменимым к тем письменным (и по преимуществу литературно нормализованным) формам ДИА и СИА языков, которые дошли до наших дней и являются основным объектом исторического исследования.

Различные формы тех и других сосуществовали параллельно в среднеиндийскую эпоху, а некоторые из них продолжали существовать и в новоиндийскую. При этом границы сферы использования того или иного языка определялись не хронологическими, а социальными, идеологическими, функциональными и отчасти территориальными факторами. Выбор литературного языка зависел от классовой (кастовой) принадлежности автора, от исповедуемой им религии, от содержания и целевой направленности произведения и от того, где оно создавалось. Взаимодействие перечисленных факторов обусловило весьма сложную социальную стратификацию ИА языков на каждой ступени их истории⁴. В результате традиционное деление письменных ИА языков на древние, средние и новые (особенно на ранних ступенях) отражает не столько реальные хронологические рамки их употребления, сколько их структурный тип, по которому они соотносятся с формами разговорной речи того или иного периода.

* * *

Истоки специального изучения ИА языков уходят в глубокую древность. Самое раннее из сохранившихся древнеиндийских грамматических сочинений — «Аштадхйайи» (*Aṣṭādhyayi*) Панини (*Pāṇini*) (V в. до н. э.), представляющее собой полное нормативное описание санскрита, выполненное в предельно сжатой форме и некоторыми чертами своей методики предвосхищающее достижения современного структурного языкознания, предполагает существование длительной предшествующей лингвистической традиции. Среди многочисленных последующих грамматистов, представивших различные школы, выделяется Патаиджали (*Patāñjali*) (II в. до н. э.). Основы сравнительно-исторического изучения ИА языков заложил Вараручи Катйайана (*Vararuci Kātyāyana*) (III в. до н. э.), проводивший в своей грамматике пракритов (среднеиндийских языков) «Пракрита-пракаша» (*Prākṛitaprakāśa*) идсю о развитии пракритов из санскрита⁵. Поздние

⁴ Конкретно о роли отдельных языков см. ниже.

⁵ Следует, однако, заметить, что бесспорная и весьма плодотворная по своему существу идея исторической преемственности языковых форм реализовалась индийскими грамматиками не самым удачным образом, отклоняясь от подлинного историзма ввиду ошибочности отправного тезиса о происхождении пракритов непосредственно из санскрита.

среднеиндийские языки — апабхрانشа — получили наряду с санскритом и пракритами некоторое освещение в трудах Хемачандры (*Hemacandra*) (XI в.). Последующее развитие ИА языков не находило отражения в местной грамматической традиции. Только в конце XIX и начале XX в. индийские исследователи обратились к описанию живых языков, используя преимущественно методику европейской лингвистической школы.

Значительных успехов древнеиндийские филологи добились и в области лексикографии, собрав в обширных словарях весьма богатый лексический материал, который располагался в них по семантическому признаку, объединяясь в смысловые группы. Среди подобных словарей, напоминающих современные синонимические, особенной известностью пользовался «Амаракоша» Амары (*Amara-koṣa*) (середина I тысячелетия н. э.).

Изучение ИА языков европейцами началось в XVII—XVIII вв. и первоначально имело чисто практический характер, выливаясь в создание пособий для изучения живых индийских языков. В конце XVIII и начале XIX в. благодаря трудам В. Джонса (*W. Jones*) состоялось первое знакомство европейцев с санскритом, что послужило непосредственным толчком к возникновению в Европе теоретического языкознания на базе сравнительно-исторического метода. Это, в свою очередь, повлекло за собой углубление интереса к ИА языкам, прежде всего к древним (ведическому языку и санскриту), а впоследствии распространившегося на среднеиндийские и новоиндийские.

Для XIX в. характерно в первую очередь изучение грамматического строя санскрита, что нашло отражение в трудах Т. Бенфея (*Th. Benfey*), О. Бётлинга (*O. Böhtlingk*), М. Мюллера (*M. Müller*), Б. Дельбрюка (*B. Delbrück*), Г. Бюлера (*G. Bühler*), В. Уитли (*W. Whitney*), И. Шпейера (*J. Speyer*) и многих других ученых. Результатом обобщения достижений европейских ученых XIX в. в этой области можно считать капитальную грамматику Я. Ваккернагеля (*J. Wackernagel*). Вершиной санскритской лексикографии до сих пор остаются составленные под руководством О. Бётлинга и Р. Рота (*R. Roth*) «петербургские» словари, на которые опираются все последующие европейские труды в этой области.

В дальнейшем все большее внимание привлекает исторический аспект исследования ДИА языков. Всестороннему изучению подвергся ведический язык, которому посвящены труды Г. Грассманна (*H. Grassmann*), К. Гельднера (*K. Geldner*), А. Макдонелла (*A. Macdonell*), Л. Рену (*L. Renou*), П. Тиме (*P. Thieme*) и многих других ученых. Ведутся исследования в области предистории ИА языков, в частности, немалое внимание уделяется вопросу о том, какое влияние на них оказал неарийский субстрат. Создаются широкие системные описания ДИА. В числе наиболее значительных работ последних десятилетий могут быть названы труды Б. Гхоша (*B. Ghosh*), В. Пизани (*V. Pisani*), Я. Гонды (*J. Gonda*), Ф. Кейпера (*F. Kuiper*), Л. Рену, Т. Бэрроу (*T. Burrow*) и других исследователей.

Из среднеиндийских языков первым привлек к себе внимание европейцев пали. Ему посвящены работы Э. Бюрнуфа, Х. Лассена (*Ch. Lassen*), И. П. Минаева и др. Основоположником сравнительно-исторического изучения СИА явился Р. Пишель (*R. Pischel*), чья капитальная грамматика пракритов в значительной мере опирается на данные древнеиндийской лингвистической традиции. Дальнейшее исследование СИА с привлечением новых материалов из эпиграфических и литературных источников велось как европейцами, так и ин-

дийскими специалистами, среди которых нужно назвать М. А. Мехендале (M. A. Mehendale), Г. Тагаре (G. Tagare), С. М. Катре (S. M. Katre) и С. Сена (Sukumār Sen). Объектом изучения стал и «буддийский гибридный санскрит», описание которого дал Ф. Эджертон (F. Edgerton).

Изучение НИА языков началось в XVIII в. с составления узкопрактических пособий учебного характера. Систематическому описанию этих языков посвящены труды исследователей конца прошлого века: Р. Г. Бхандаркара (R. G. Bhandarkar), Дж. Бимза (J. Beames) и Р. Хёрнле (R. Hoernle) — создателей первых сравнительно-исторических грамматик основных НИА языков, Э. Трумппа (E. Trumpp), описавшего синдхи и проследившего развитие ряда явлений в этом языке в сравнении с санскритом и пракритами, и С. Келлога (S. H. Kellogg), давшего весьма обстоятельное описание литературного хинди и многочисленных связанных с ним диалектов. Дальнейшему расширению привлекаемого к исследованию НИА материала в огромной мере способствовала деятельность Дж. А. Грирсона (G. A. Grierson), в частности осуществленное под его руководством в первой четверти нашего века грандиозное мероприятие по описанию языков и диалектов Индии («Linguistic Survey of India»). Большой вклад в изучение живых языков и диалектов крайнего северо-запада внес в эту же пору Т. Г. Бейли (T. Gr. Bailey), которому исследователи НИА обязаны своим знакомством со многими диалектами северного Пенджаба и Гималайских предгорий. Помимо всего прочего Т. Г. Бейли был талантливым фонетистом, оставившим лучшие для своего времени акустико-артикуляторные описания фонетики ряда НИА языков.

С начала 20-х годов XIX в. сравнительно-историческое направление заняло господствующие позиции в изучении НИА языков. Здесь выделяются работы Ж. Блока (J. Bloch), автора исторической грамматики маратхи и остающегося пока непревзойденным общего очерка развития ИА языков от ведической эпохи до наших дней, и Р. Л. Тернера (R. L. Turner), разрешившего ряд сложных вопросов исторической фонетики и морфологии НИА языков (гуджаратского, непальского, цыганского и др.) и недавно закончившего поистине колоссальный труд — создание сравнительного словаря ИА языков. В этой же области трудится целая плеяда индийских лингвистов: С. К. Чаттерджи (S. K. Chatterji) — исследователь бенгальского языка в его прошлом и настоящем, автор большого количества работ, касающихся разных проблем ИА языкознания, Дх. Варма (Dhirendra Varma) и Б. Саксена (Baburam Saxena), изучающие историю хинди и современные его диалекты, и их многочисленные ученики. Диалектологические исследования в Северной Индии весьма плодотворно продолжает С. Варма (Siddheshwar Varma), также воспитавший многих учеников.

В последнее десятилетие внимание молодых индийских лингвистов привлекают к себе методы дескриптивной лингвистики, вследствие чего все чаще появляются синхронные описания современных НИА языков и диалектов или отдельных явлений в них. За пределами Индии и Пакистана изучение НИА языков наиболее активно развивается в СССР и в США. И тут и там в центре внимания исследователей стоят преимущественно проблемы морфологии и синтаксиса важнейших современных литературных языков⁶.

⁶ Развитие индоарийского языкознания за последние десятилетия нашло отражение в статьях 5-го тома обзорного труда «Современные течения в языкознании» [Current Trends].

ДРЕВНИЕ ИНДОАРИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Древнейшие формы ИА языка представлены ведийским языком и санскритом. Структурная близость обоих нередко приводила и приводит к расширительному толкованию термина «санскрит», под который в этом случае подводится и язык Вед (ср. «ведический санскрит»). Отсюда проистекает и широко распространенное (особенно в немецкой индологической литературе) отождествление понятий санскрита и древнеиндийского языка (*Altindisch*). Однако санскрит и ведийский язык обладают достаточно заметными хронологическими, диалектными, а также и функциональными различиями, чтобы избегать их смешения. Кроме того, в понятие «древнеиндийский» помимо названных двух необходимо включать и ряд других, диалектных, разновидностей ДИА языков, которые, не будучи закреплены в письменной форме, не сохранились до наших дней, но реальное существование которых в древнеиндийскую эпоху неоспоримо вытекает из целого ряда фонетических и морфологических особенностей СИА языков, не объяснимых прямым сопоставлением с санскритом и заставляющих искать для СИА диалектные источники, отличные от тех, на которых основывается санскрит¹. В современной индологической литературе понятие «древнеиндийский», или «древний индоарийский», обычно охватывает и ведийский язык, и санскрит, и те близкие к ним по структурному типу диалекты, которые не оставили следов в виде письменных памятников.

Ведийский язык — язык брахманского культового ритуала — представлен тремя группами текстов, демонстрирующих постепенную его эволюцию.

1. Самхиты — сборники гимнов и песнопений, исполнявшихся при жертвоприношениях и обращении к богам в торжественных случаях жизни. Эти сборники датируются примерно XII—IX вв. до н. э. Входящие в них гимны, для которых метрическая форма служила существенным организующим и стабилизирующим фактором, сохраняют наиболее архаичные черты языка. Диалектной основой древнейшего из этих сборников — «Ригведы» — послужил, по-видимому, язык Панджаба, тогда как последующие тексты складывались в областях, расположенных восточнее и южнее Панджаба.

2. Брахманы — прозаические тексты, посвященные мистическому толкованию ритуала, относятся к VIII—VI вв. до н. э. и могут рассматриваться как отражение разговорного языка высших классов индийского общества поздневедийского периода.

3. Сутры — наставления по практическому осуществлению ритуальных церемоний, датируемые VI—IV вв. до н. э., по своему языку, свободному от архаизмов, наиболее приближаются к последующему санскриту, отличаясь от него меньшей строгостью грамматических норм. Здесь допускается варьирование параллельных форм и появление некоторых новообразований. Близость поздневедийского языка и санскрита может объясняться не только естественной эволюцией первого, но и непосредственным влиянием последнего, уже претерпевшего в середине I тысячелетия процесс грамматической нормализации.

¹ Ср. также недавнюю статью М. Б. Эмсно [Етепеау I].

Сам санскрит, известный как чисто литературный язык, не обладает полным единством. Наличие ряда его разновидностей обусловлено отчасти возможностью существования внутри него уже в древнейшую эпоху некоторых диалектных различий, которые отмечаются древнеиндийскими грамматиками, но представлены настолько скудными отрывочными фактами, что судить по ним о лингвистической географии древней Индии трудно. Значительно сильнее содействовало этому почти трехтысячелетнее сосуществование санскрита с последовательно сменявшимися друг друга иными индоарийскими языками, начиная от ДИА диалектов и позднего ведийского и кончая СИА и НИА языками, как в разговорных, так и в литературных их формах. Несмотря на строгую нормализованность санскрита, длительный и тесный контакт с языками, все более удалявшимися от него по своей структуре, не мог не отразиться в самом его строе, и прежде всего в синтаксисе.

Сравнительно архаичную разновидность санскрита представляет эпический санскрит, запечатленный в великих эпических поэмах «Махабхарата» и «Рамаяна». Складывавшиеся на протяжении почти тысячи лет и в течение веков передававшиеся изустно, они допускают в своем языке небольшие отклонения от норм, зафиксированных древнеиндийскими грамматиками. Характерно, что такие отклонения являются преимущественно новообразованиями, объяснимыми влиянием разговорных форм речи. Явлений более ранних, чем те, которые зафиксированы в грамматике Панини, в эпических текстах не обнаруживается.

Строгая нормативность характерна для классического санскрита, неукоснительно следующего грамматическим правилам, сформулированным в середине I тысячелетия до н. э. Это застывшая литературная форма языка, использовавшаяся в более или менее широких масштабах в художественном и научном творчестве на протяжении последних двух с половиной тысячелетий. Расцвет творчества на санскрите приходится на V—XII вв. н. э., но и позднее этот язык продолжал достаточно широко использоваться ортодоксальным брахманством, сохранив определенные позиции в культурной жизни Индии вплоть до наших дней. В рамках зафиксированных норм санскрит был способен отразить некоторые структурные изменения, которые претерпевали живые ИА языки. Так, влиянием аналитических способов выражения синтаксических связей, ставших преобладающими в последних, можно объяснить возникновение в классическом санскрите так называемого именного стиля, широкое распространение многочисленных словосложений, замену личных глагольных форм личными.

Результат эволюции иного типа представляет так называемый буддийский гибридный санскрит, в основе которого лежит один из северо-западных пракритов, подвергшийся в руках редакторов и переписчиков текстов искусственной санскритизации и гиперсанскритизации (естественные пракритские слова и формы в нем заменялись соответствующими санскритскими, а при отсутствии таковых — реконструированными псевдосанскритскими). При всем внешнем сходстве этой формы языка с санскритом ее, видимо, правильнее относить не к древнеиндийскому, а к среднеиндийскому типу.

Основной разновидностью ДИА языков, таким образом, является классический санскрит. Ниже дается характеристика важнейших черт его строя. Наиболее существенные особенности других форм ДИА языков, и прежде всего ведийского, оговариваются особо.

Согласно традиции, опирающейся на графическую систему, в санскрите насчитывается 46 фонем, обозначаемых на письме каждая своим особым знаком; 13 из них являются гласными, 33 — согласными.

Гласные. Гласные санскрита делятся на монофтонги: а, а:, і, і:, у, у:, ɾ, ɾ:, ɿ и дифтонги: $\hat{a}i$ (>e:), $\hat{a}i:$, $\hat{a}u$ (>o:), $\hat{a}u:$. Монофтонги объединяются в пары, каждая из которых включает краткий гласный и соответствующий ему долгий. Дифтонги $\hat{a}i$ и $\hat{a}u$ практически выступают как монофтонги; исторически они соотносились с $\hat{a}i:$ и $\hat{a}u:$, как краткие с долгими, но в санскрите это количественное их соотношение, по-видимому, сменяется качественным (по степени раствора), проявляющимся в морфологических чередованиях типа аблаута (так называемые ступени подъема), в которых выступают гласные:

слабая ступень	і, і:	у, у:	ср. —	ɾ, ɾ:	(l) ³
средняя ступень	e: ($\hat{a}i$)/(ya)	o: ($\hat{a}u$)/(va)		a	ar/(ra) (a)
	(guṇa)				
сильная ступень	$\hat{a}i:$ /(ya:)	$\hat{a}u:$ /(va:)		a:	a:ɾ/(ra:) (a:l)
	(vrddhi)				

Схема «ступеней подъема» предвосхищает позднейшую интерпретацию системы вокализма санскрита в рамках треугольника гласных⁴, свидетельствуя о том, что количественное различие долгих и кратких гласных [в первую очередь а и а: — ср. Whitney, 10] уже в ДИА эпоху сопровождалось и качественным. Таких ступеней раствора здесь выделяется три.

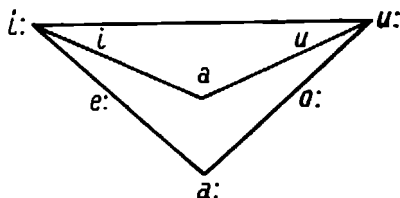
Сложнее обстоит дело с определением числа тембровых классов, ввиду того что не вполне ясно место ɾ и ɿ в системе вокализма. При исключении последних как слогаобразующих комбинаторных вариантов фонем ɾ и l, объединяющих в себе признаки согласности и гласности, система примет вид трехклассной.

Особого внимания заслуживает вопрос о назальности гласных. Помимо обусловленной (комбинаторной) назализации, которая проявляется в соседстве с носовым согласным и не может быть признана фонологичной, в санскрите отмечены случаи назализации гласного

² В разделах, посвященных фонологии, нами используется транскрипция (латинский прямой), весь остальной индариийский материал дается в транслитерации (латинский курсив), воспроизводящей соответствующее оригинальное написание (см. стр. 118 и 186—189). В случаях, когда необходимо различать фонематическую (фонологическую) и фонетическую транскрипцию, первая приводится в крестных скобках / /, а вторая — в квадратных [].

³ Древнеиндийские грамматики для общей симметрии системы иногда добавляют сюда гласный ɿ:, не представленный в текстах.

⁴ Ср., например, у В. Аллена:

плюс «полусогласные» ɾ, ɾ:, ɿ и дифтонги $\hat{a}i:$, $\hat{a}u:$ [Allen III, 11].

перед спирантами. Отсутствие смыслоразличительного противопоставления $\tilde{V} \sim VN$ дает основания интерпретировать такие случаи, независимо от их фонетической сущности, как сочетания чистого гласного с носовым согласным, и считать назализацию гласных нефонематичной для ДИА языков.

Согласные. ДИА согласные по месту образования относятся к пяти локальным рядам: велярному, палатальному, ретрофлексному (или церебральному), апикальному (дентальному) и лабиальному. Каждый ряд включает по пяти смычных согласных, различающихся признаками глухости — звонкости, непридыхательности — придыхательности, неназальности — назальности и образующих в результате пятичленный пучок: глухой непридыхательный, глухой придыхательный, звонкий непридыхательный, звонкий придыхательный, носовой. Неносовые смычные в палатальном ряду реализуются как аффрикаты, в остальных рядах — как взрывные. Это различие в способе размыкания оказывается фонологически несущественным, если в качестве основного брать противопоставление по локальному ряду: внутри локальных рядов оно не проявляется. Смычным противостоят щелевые: сонанты (по одному в палатальном и лабиальном рядах и два — непрерывный и прерванный — в апикальном ряду) и спиранты (три сибиланта — палатальный, ретрофлексный и дентальный — и фарингальный аспират, который типологически можно соотнести с велярными смычными). В целом система согласных сводится к следующей схеме:

Лабиальные	Апикальные	Ретрофлексные	Палатальные	Велярные	Фарингальные
p	t	ʈ	č	k	
pʰ	tʰ	ʈʰ	čʰ	kʰ	
b	d	ɖ	j	g	
bʰ	dʰ	ɖʰ	jʰ	gʰ	
	s	ʂ	ʃ		h
m	n	ɳ	[ɲ]	ŋ	
v	l		y		
	ɾ				

Вне этой схемы остаются: 1) «анусвара» *m*, реализуемая перед смычными как гоморганный носовой, а перед спирантами — как назализация гласного и являющаяся аллофоном согласных /n/ и /m/ в позиции, где противопоставление носовых нейтрализуется, и 2) «висарга» *h*, реализуемая как глухой [h] в позиции нейтрализации противопоставления апикальных несмычных: *s ~ ɾ*.

Своеобразие ДИА фонологической системы по сравнению с позднейшими ИА языками носило не столько парадигматический, сколько синтагматический характер, т. е. заключалось главным образом не в инвентаре фонем, который изменялся сравнительно мало, а в ограничениях их дистрибуции, претерпевавших с течением времени весьма существенные изменения. С этой точки зрения для ДИА особенно характерны такие признаки, как: а) полное отсутствие сочетаний гласных внутри слова и крайне редкие случаи таких сочетаний на стыке слов (смежные гласные обычно преобразуются в соответствии с правилами сандхи в дифтонг, долгий монофтонг или в сочетание

сонанта и гласного) и б) широкое распространение весьма многообразных сочетаний согласных, выступающих в начальной и срединной позициях (но не перед паузой). Показательны также статистические характеристики частотности фонем в тексте [Whitney, 11 сл.].

Особенность ведийского языка представляют ретрофлексные плавные l и l' , чередующиеся с санскритскими ℓ , ℓ' .

ГРАФИКА И ФОНЕТИКА

Известные ныне графические системы санскрита сравнительно позднего происхождения. Древнейшая их разновидность — письмо брахми, вопрос о генезисе которого до сих пор вызывает разногласия. Оно представлено эпиграфическими памятниками начиная с III в. до н. э. Среди последующих его модификаций выделяются центральная азиатская брахми, именуемое также гуптским письмом (VI—X вв.), и нагари (с VII—VIII вв.), позднейшая форма которого — деванагари — заняла центральное место среди алфавитов Северной Индии и постепенно стала основным средством записи и публикации санскритских текстов. К брахми восходят и многочисленные остальные разновидности индийского письма, употребительные как в самой Индии, так и в соседних районах (Цейлон, Тибет, Юго-Восточная Азия). Исключение составляет кхароштхи, современное раннему брахми, но писавшееся в направлении справа налево и обычно возводимое к арамейскому. Оно просуществовало лишь до середины I тысячелетия н. э.

Брахми и развившиеся из него алфавиты (все они пишутся слева направо) воспроизводят с небольшими модификациями одну и ту же модель слогового письма, построенную в соответствии с фонологической системой ДИА языков, и в первую очередь санскрита, как ее понимали древнеиндийские грамматики. Характер ее может быть представлен на примере алфавита деванагари. Каждая самостоятельная графема обозначает здесь слог, состоящий либо из гласного, либо из сочетания согласного со следующим за ним кратким a . Порядок алфавита отражает фонетическую классификацию обозначаемых графемами звуков: знаки гласных и дифтонгов (13 или, если считать включаемый для симметрии знак $\text{लृ } \bar{l}$, — 14); знаки смычных согласных (пять групп по локальным рядам от задних к передним; в каждом ряду выдерживается одна и та же последовательность: глухой непридыхательный, глухой придыхательный, звонкий непридыхательный, звонкий придыхательный, носовой); знаки сонантов (четыре — от заднего к переднему), сибилантов (три) и аспират. В целом алфавит имеет такой вид:

अ a , आ $\bar{a}$, इ i , ई $\bar{i}$, उ u , ऊ $\bar{u}$, ऋ r , ॠ $\bar{r}$, लृ l , [लृ $\bar{l}$], ए e , ऐ ai , ओ o , औ au ;

क ka ,	ख kha ,	ग ga ,	घ gha ,	ङ $\dot{n}a$;
च ca ,	छ cha ,	ज ja ,	झ jha ,	ञ $\dot{n}a$;
ट $\dot{ṭ}a$,	ठ $\dot{ṭ}ha$,	ड $\dot{ḍ}a$,	ढ $\dot{ḍ}ha$,	ण $\dot{n}a$;
त ta ,	थ tha ,	द da ,	ध dha ,	न na ;
प pa ,	फ pha ,	ब ba ,	भ bha ,	म ma ;

य ya , र ra , ल la , व va ;

श $\dot{s}a$, ष $\dot{s}a$, स sa , ह ha .

Дополнительные значки гоморганного носового ($\dot{m}$) «анусвара», назализации гласного ($\sim$) «анунастика» (на письме часто не дифференцируются) и конечного глухого аспирата (h) «висарга» в алфавите следуют после гласных перед согласными.

Сочетания согласных с иными гласными, кроме *a*, обозначаются специальными приписными, подписными или надписными значками (на пример: क *kā*, कि *kī*, की *kī*, कु *ku*, कू *kū*, कृ *kṛ*, कृ *kṛ*, के *ke*, कै *kai*, को *ko*, कौ *kau*); отсутствие гласного, сопровождающего согласный, — подстрочным значком «вирама» ($\checkmark$ *k*). Сочетания двух и более согласных обычно передаются лигатурами, которые состоятся из характерных различительных (дифференциальных) элементов графем, обозначающих входящие в сочетание звуки (например: त *tta*, द *dya*, त्स *tsna*, हल *hla* и т. д.).

Орфография санскрита основывается на фонетическом принципе. В системах письма санскрита последовательно передаются комбинаторные и позиционные изменения звуков, наблюдаемые в речевой цепи. С этой точки зрения традиционная система записи санскрита близка к фонетической транскрипции. Закономерности таких изменений, обозначаемых термином «сандхи», были детально разработаны и четко сформулированы в древнеиндийской грамматической традиции. Различаются «внутреннее сандхи» (т. е. изменения, происходящие внутри слова) и «внешнее сандхи» (на стыке слов), не всегда совпадающие по своим результатам. Наряду с изменениями, которые могут быть определены как частичная или полная ассимиляция, т. е. распространение какого-либо дифференциального признака (признаков) одной фонемы на все сочетание ($t+g>dg$; $t+j>jj$ и т. п.) или его перенос с одной фонемы на другую ($gh+t>gdh$), здесь наблюдается и возникновение новых признаков ($u+sV>usV$; $a+i>e$) или, напротив, утрата тех или иных гласных или согласных фонем ($ah+a>o$). Помимо контактного возможно и дистантное взаимодействие звуков, примером которого служит церебрализация *n* ($>n$) после слога, содержащего *r* [Wackernagel, I; ср. Allen III].

МОРФОЛОГИЯ

ДИА языки — типичные образцы языков флективного строя. Представленные в них грамматические категории⁵, как правило, находят законченное морфологическое (формальное) выражение. По характеру

⁵ Следуя определению, предложенному А. А. Зализняком (ВЯ, 1964, № 4, стр. 25), мы различаем классифицирующие (или лексико-грамматические) и словоизменительные (собственно грамматические) категории. Под классифицирующими понимаются те категории, по которым могут быть противопоставлены только разные слова, под словоизменительными — те, по которым противопоставляются словоформы одного и того же слова. Классифицирующие категории выявляются в процессе группировки слов в классы (подклассы) как по чисто морфологическим (состав и объем парадигмы, присущей данному слову, тип материального выражения словоформ), так и по синтактико-морфологическим признакам (характер оформления самого данного слова в той или иной конструкции; тип его синтаксической связи с другими членами конструкции, выражающийся в оформлении последних; ограничения сочетаемости и т. п.).

Словоизменительные категории определяются набором словоформ, составляющих парадигму слов определенного класса (подкласса). Существование каждой из них в языке должно подтверждаться наличием по меньшей мере двух граммем, противостоящих друг другу в плане данной категории. Грамматические категории (в первую очередь словоизменительные, поскольку классифицирующие в большей степени характеризуют синтаксический уровень языка) своим набором, объемом (числом охватываемых ими граммем) и способом выражения (флективным или агглютинативным, синтетическим или аналитическим) могут достаточно отчетливо характеризовать морфологическую структуру языка.

словоизменения, определяемому набором таких категорий, могут быть выделены следующие грамматические классы полнозначных (песлужебных) слов: существительное, прилагательное и смыкающееся с ним числительное, наречие, местоимение, глагол.

Имя существительное. Существительному в санскрите присущи классифицирующая категория рода (выражается в противопоставлении трех граммем: мужского, женского и среднего рода) и словоизменительные категории числа (три граммемы: единственного, двойственного и множественного числа) и падежа (семь граммем: именительного, винительного, творительного, дательного, отложительного, родительного и местного падежей; в качестве восьмой к ним может быть добавлена звательная форма, которая, однако, функционально отлична от остальных падежей, поскольку слово в этой форме лишается синтаксических связей внутри предложения). Таким образом, полная парадигма словоизменения существительного должна включать 21 словоформу (а со звательными — 24). Практически это число несколько снижается ввиду омонимичности ряда падежных форм (см. табл. 1 и стр. 122).

В санскрите нет однозначного соотношения между граммемами и выражающими их морфемами. Каждая морфема служит для выражения определенного сочетания граммем (числа и падежа), а каждое такое сочетание может передаваться разными морфемами (в зависимости от рода существительного и типа основы). Таким образом, число выделяемых словоизменительных морфем (флексий) существительного (51 — см.: [Иванов и Топоров, 85—87]) не соответствует числу потенциально возможных сочетаний граммем (21, а с учетом противопоставления в роде — 63).

Тип склонения существительного определяется набором флексий, используемых в парадигме, и формой основы. Все разнообразие таких типов (несколько десятков) может быть сведено к двум наиболее общим: склонению имен мужского и среднего рода с исходом основы на гласный *-a* (отличается наибольшей продуктивностью) и общему склонению с исходом основы на согласный. Частные типы в последнем различаются как на фонетическом (характером сандхияльных преобразований на стыке основы и флексии), так и на морфонологическом уровне — тем или иным чередованием сильных, средних и слабых основ склоняемого имени в парадигме (выражается изменением гласного основы по ступеням подъема в зависимости от места ударения в слове), в соответствии с чем принято различать сильные, средние и слабые падежи.

К «согласному» склонению примыкают типы склонения именных основ с исходом на все гласные, кроме *-a*. Они обладают сходным с ним набором флексий, нередко осложненных вставным согласным *-n-*, *-u-* или гласным *-a-*, *-i-*; особой флексией отличаются местный падеж единственного числа в парадигмах имен женского рода с исходом на гласные (*-am*) и имен мужского рода на *-i*, *-u* (*-au*), а также отложительный и родительный падежи имен мужского и женского рода на *-r* (*-ur*). Во всех типах склонения флексия имен среднего рода в именительном (звательном) и винительном падежах всех трех чисел отличается от флексии мужского (и женского) рода. В целом характернейшие флексивные окончания существительных можно свести к приводимым в табл. 1.

Основные типы именных окончаний санскрита

Число	Тип основы Род Падеж	На -a*		На -ā, -ī, ū**	На согласный	
		мужской	средний	женский	мужской и женский	средний
Единственное	именительный винительный	-s -m	-m -m	0/-s -m	0/-s -am	0 0
	творительный дательный отложительный родительный местный	-ena -āya -ād -sya -e (<a + -i)		-[y]ā -[y]ai -[y]ās -[y]ām	-ā -e -as -i	
Двойственное	именительный, винительный	-au -e (<a + -ī)		-e/-au	-au -ī	
	творительный, дательный, отложительный родительный, местный	-ābhyām -yos		-bhyām -[y]os	-bhyām -os	
Множественное	именительный винительный	-ās -ān	-āni -āni	-s/-as -s	-as -as	-i -i
	творительный дательный, отложительный родительный местный	-ais -ebhyas -ānām -eṣu		-bhis -bhyas -nām -su	-bhis -bhyas -ām -su/-ṣu	

* Окончания, начинающиеся с гласного, включают конечный гласный основы.

** Основа на -a принимает перед гласными окончаниями -у- (в творительном падеже единственного числа конечный гласный основы при этом сокращается); ī и ū основы перед гласными окончаниями преобразуются в у и v.

Как показывают парадигмы словоизменения, категория рода существительного находит определенное выражение на морфологическом уровне, проявляясь в различии как самих падежных окончаний, так и способа их сочетания с основой. Универсальный характер имеет противопоставление форм среднего рода формам мужского (и женского) в именительном и винительном падежах всех трех чисел. Однако этим отличие форм среднего рода в большинстве случаев и исчерпывается: в остальных падежах они, как правило, совпадают с формами мужского рода. Исключение представляет склонение имен с исходом основы на -ī, -u, -r, где в единственном числе мужской и средний род различаются формами всех или почти всех падежей (в формах среднего рода обычные окончания II группы предваряются элементом -л-/-ḥ-). Синтаксический критерий не дает дополнительных признаков мужского и среднего рода, поскольку согласуемые прилагательные и причастия склоняются по общеименному типу основ на гласный -a или на согласный. Таким образом, различие мужского и среднего рода в наиболее общем виде достигается сопоставлением форм именительного и винительного падежей.

Формы женского рода морфологически противостоят формам мужского рода лишь в склонении имен с исходом на *-a*, *-ī*, *-ū* (все женского рода), причем различие форм охватывает почти всю парадигму (за исключением родительного падежа множественного числа, родительного и местного падежей двойственного числа, а в ряде случаев и творительного, дательного и отложительного падежей двойственного числа). Склонение основ с исходом на согласный у имен женского и мужского рода, напротив, полностью совпадает. Для различения рода в этом случае доминирующее значение приобретает критерий согласования (подавляющая масса прилагательных и причастий женского рода склоняется по характерным типам имен на *-ā* и *i*).

Нейтрализации противопоставлений в рамках категории числа не наблюдается.

Для категории падежа характерно полное (распространяющееся на все типы именного склонения) совпадение ряда форм в двойственном числе: именительного (и звательного) с винительным; творительного с дательным и отложительным; родительного с местным (вследствие чего парадигма двойственного числа оказывается практически трехпадежной). Во множественном числе столь же общий характер носит совпадение форм дательного и отложительного падежей. Следует отметить, что в единственном числе во всех типах, кроме склонения имен мужского и среднего рода на *-a*, не различаются формы отложительного и родительного падежей. В отдельных типах склонения возможна омонимия и других падежных форм помимо перечисленных выше. Поскольку совпадения общего характера в разных числах касаются различных падежей, система склонения в целом остается семипадежной (с зательным — восьмипадежной).

Имя прилагательное. Признаком санскритских прилагательных как класса слов, отличного от существительных, является их способность изменяться в роде (категория рода оказывается для них не классифицирующей, а словоизменительной). Прилагательные и смыскающиеся с ними причастия склоняются по общим именным типам. В мужском и среднем роде наряду с явно преобладающим типом на *-a* распространены различные типы склонения с исходом на другие гласные и на согласные (многие из последних предусматривают чередование основ). В женском роде первому обычно соответствует тип на *-ā* (реже на *-ī*), остальным — тип на *-ī*.

Категория градуальности, проявляющаяся в способности образовывать формы степеней сравнения, хотя и присуща в первую очередь прилагательным, не может служить их отличительным признаком, поскольку аффиксы сравнительной (*-tara*) и превосходной (*-tama*) степени способны сочетаться и с основами имен существительных. Менее продуктивны, чем названные (вторичные), первичные аффиксы (соответственно *-[i]yaṃs* и *iṣṭha*).

Имя числительное. Количественные числительные ДИА языков морфологически занимают промежуточное положение между прилагательными и существительными⁶. С одной стороны, все они способны согласоваться с исчисляемым в падеже (до 19 также в числе, а от 1 до 4 еще и в роде), но наряду с этим числительные от 20 и выше могут выступать в конструкции управления, когда исчисляемое ставится в родительном падеже; возможны и случаи сохранения ими

⁶ Об условности выделения классов числительных и местоимений см. ниже (стр. 191).

именительного падежа при исчисляемом в самых различных косвенных падежах. Порядковые числительные представляют собой прилагательные. От количественных они отличаются либо конечным гласным основой, либо позицией ударения (у порядковых — на последнем слоге); распространены также формы с плеонастическим суффиксом *-tama*.

По строению числительные могут быть разделены на: простые (названия единиц, десяти, ста, тысячи и некоторые обозначения основных единиц более высоких разрядов), производные (названия десятков), сложные (остальные числа в пределах сотни) и составные, компоненты которых сочетаются как непосредственно, так и посредством частиц *sa* 'и', *adhika* 'больше' и *uttara* 'выше'. Последних два способа (словосложения и сочетания слов) достаточно свободно чередуются, вследствие чего возникают варианты числительных как в пределах первой сотни, так и выше — в наименованиях целых сотен и сочетаний сотен (и тысяч) с единицами. Вариантность иного рода наблюдается в обозначениях двузначных чисел со вторым знаком — 9, которые могут передаваться двояко: числительным, построенным по формуле $9+10n$ (где n — число полных десятков), или числительным, выражаемым формулой $1+10 \times (n+1)$, например, число «девятнадцать» обозначается числительными *navadaśa* ($9+10$) и *ūnavimśati* < *ekonavimśati* ($-1+20$).

Местоимения. Местоимения в ДИА противопоставляются прочим именным классам лексически (обобщенно-указательным характером значения) и отчасти морфологически — особенностями словоизменения. По тем же признакам сами местоимения могут быть разделены на личные и неличные.

Личным местоимениям присуща классифицирующая категория лица (1-го и 2-го; функцию местоимений 3-го лица выполняют указательные местоимения, отличающиеся от собственно личных типом словоизменения). Супплетивность основ позволяет рассматривать категорию числа у них как классифицирующую (характерно, однако, что у местоимений 1-го лица супплетивными основами различаются также именительный и косвенные падежи внутри единственного и множественного числа). Категория рода у личных местоимений отсутствует. Категория падежа выражена у них полнее, чем в каких-либо иных именных классах, — случаи нейтрализации падежных противопоставлений здесь ограничиваются сферой двойственного числа (обращают на себя внимание формы дательного падежа единственного числа и отложительного падежа множественного числа — см. табл. 2). В винительном, дательном и родительном падежах всех чисел они имеют наряду с полными краткие (энклитические) формы.

Неличные местоимения характеризуются отсутствием категории лица. В противоположность личным, им свойственна категория рода. Супплетивность основ здесь проявляется значительно слабее, вследствие чего как категорию рода, так и категорию числа применительно к ним есть больше оснований считать словоизменительными. Характер склонения неличных местоимений ближе к именному. Основные неличные местоимения — указательное дальнего плана и относительное (оно же служит местоимением 3-го лица) *tad* 'то[т]', указательное ближнего плана *etad* 'это[т]', относительное *yad* 'который' и вопросительное *kim* (*kas* м. р., *kā* ж. р. 'кто'; *kim* ср. р. 'что') изменяются по одному типу (табл. 2) и представляют ядро системы неличных местоимений, включающей производные местоимения-прилагательные и местоимения-наречия (см. табл. 3). Неопределен-

Таблица 2

Склонение местоимений санскрита

Число	Падеж	1-е лицо	2-е лицо	Указательные		
				м. р.	ср. р.	ж. р.
Единственное	именительный	<i>aham</i>	<i>tvam</i>	<i>sas, sa</i>	<i>tad</i>	<i>sā</i>
	винительный	<i>mām</i> (mā)	<i>tvām</i> (tvā)	<i>tam</i>	<i>tad</i>	<i>tām</i>
	творительный	<i>mayā</i>	<i>tvayā</i>	<i>tena</i>		<i>tayā</i>
	дательный	<i>mahyam</i> (me)	<i>tubhyam</i> (te)	<i>tasmā</i>		<i>tasyai</i>
	отложительный	<i>mad</i>	<i>tvad</i>	<i>tasmād</i>		} <i>tasyās</i>
	родительный	<i>mama</i> (me)	<i>tava</i> (te)	<i>tasya</i>		
	местный	<i>mayi</i>	<i>tvayi</i>	<i>tasmin</i>		<i>tasyām</i>
Двойственное	именительный, винительный	<i>āvām</i> (nau)	<i>yuvām</i> (vām)	<i>tau</i>	<i>te</i>	<i>te</i>
	творительный, отложительный, дательный	<i>āvābhyām</i> (nau)	<i>yuvābhyām</i> (vām)	<i>tābhyām</i>		
	родительный, местный	<i>āvayos</i> (nau)	<i>yuvayos</i> (vām)	<i>tayos</i>		
Множественное	именительный	<i>vayam</i>	<i>yūyam</i>	<i>te</i>	} <i>tāni</i>	<i>tās</i>
	винительный	<i>asmān</i> (nas)	<i>yuṣmān</i> (vas)	<i>tān</i>		
	творительный	<i>asmābhis</i>	<i>yuṣmābhis</i>	<i>tais</i>	} <i>tebhyas</i>	<i>tābhis</i>
	дательный	<i>asmābhyam</i> (nas)	<i>yuṣmābhyam</i> (vas)	<i>yuṣmad</i>		<i>tābhyas</i>
	отложительный	<i>asmad</i>	<i>yuṣmad</i>	<i>teṣām</i>		<i>tāsām</i>
	родительный	<i>asmākam</i> (nas)	<i>yuṣmākam</i> (vas)	<i>teṣu</i>		<i>tāsu</i>
	местный	<i>asmāsu</i>	<i>yuṣmasu</i>			

Примечание. В скобках даны энклитические формы.

Таблица 3

Основные типы неличных местоимений санскрита

Разряд Тип		Указательные (соотноси- тельные)	Относи- тельные	Вопроситель- ные	Неопределен- ные
Существитель- ные и прила- гательные	мужского рода	sa	yaś	kaś	kaścid
	женского рода	sā	yā	kā	kācid
	среднего рода	tad	yad	kim	kimcid
Прилагатель- ные	порядковые		yatara	katara	
	количественные	tati tāvant	yatama yati yāvant	katama kati	katicid
Наречия	места	tatra	yatra	kutra	kutracid
	времени	tadā	yadā	kadā	kadācid
	причины	tatas	yatas	kufas	kutaścid
	образа дейст- вия	tathā	yathā	kathā katham	kathā ca kathamcid

ному местоимению здесь соответствует сочетание форм вопросительного местоимения с неизменяемыми частицами неопределенности (*cid*, *sa*, *sana*, *api*). К перечисленным примыкают *idam* 'это[t]', *adas* 'то[t]' и обладающее неполной парадигмой *enad* 'то[t]'.¹

Притяжательные местоимения склоняются по общему типу — как прилагательные на *-a*. Другие местоименные прилагательные в своих изменениях следуют либо общеименному, либо местоименному типу (ср. *tad*).

Глагол. Система категориальных противопоставлений, свойственных ДИА глаголу, выражается в различиях глагольных словоформ, в составе которых можно выделить три основных характеризующих элемента: 1) тип основы, 2) используемую флексию, 3) наличие или отсутствие аугмента *a-* (элемента префиксального характера, непосредственно предшествующего корневому элементу основы и следующего за словообразовательным префиксом, если последний имеется). Структурный тип основы (которая понимается как производное от корневой морфемы, принимаемой за исходную и приводимой в качестве таковой в словарях) определяется, прежде всего, такими факторами, как: (а) характер морфологических преобразований в корневой морфеме — они могут проявляться либо в полном или частичном повторе последней (редупликация), либо в изменении качества корневого гласного, что, в свою очередь, связано с позицией ударения, и (б) присоединение тех или иных суффиксальных элементов, предшествующих флексии (в редких случаях — инфиксов).

Аналитические (перифрастические) формы будущего времени (равны именительному падежу имени деятеля; в 1-м и 2-м лице к нему присоединяются формы настоящего времени глагола *as-* 'быть') и перфекта (представлены сочетаниями глагольного имени на *-ām* с формами перфекта от *as-* 'быть', *ḥṣ-* 'делать' или *bhū-* 'становиться'; первоначально такие образования были преимущественно присущи глаголам, не имевшим синтетической формы перфекта) в классическом санскрите трактуются как функциональные эквиваленты соответствующих синтетических форм.

Соответственно типу основы в системе спряжения ДИА глагола обычно выделяются четыре подсистемы: презенса, футурума, перфекта и аориста².

Презентный тип основы в своем образовании представлен целым рядом подтипов, соответственно которым все глаголы санскрита разделяются на десять классов. К тематическим классам, представляющим так называемое первое главное спряжение, относятся глаголы, обладающие основой настоящего времени с исходом на *-a*. Эта основа образуется присоединением суффиксов: *-a-* — к среднему (I класс) или слабому (VI класс) виду корня³; *-ua-* — к слабому (IV класс) и *-aua-* — к среднему (X класс) виду корня. Остальные классы являются атематическими и представляют второе главное спряжение, для которого характерно чередование сильных и слабых основ в парадигмах настоящего времени и имперфекта действительного залога и

¹ Это членение носит формальный характер и весьма слабо отражает реальные категориальные соотношения форм, по крайней мере в том виде, в каком они наблюдаются в санскрите. В частности, подсистема презенса включает ряд форм, противостоящих друг другу как в плане наклонения, так и в плане времени, а квалификация аориста и перфекта основывается не столько на функциональном содержании относимых к ним форм, сколько на их формальном соответствии аналогичным категориям древнегреческого глагола.

² О слабом, среднем и сильном виде корня (основы) см. выше, стр. 116 и 120.

императива действительного и среднего залогов. Основа здесь соответствует: а) непосредственно корню в его сильном (среднем) или слабом виде (II класс); б) редуцированному корню (III класс); в) корню, осложненному суффиксом, выступающим в сильной (средней) и слабой формах: *-no-/-ni-* (V класс); *-o-/-u-* (VIII класс); *-na-/-nī-* (IX класс) и г) корню с инфиксом *-na-/-n-* перед конечным согласным (VII класс).

Основа футурума образуется присоединением суффикса *-sya-* (*-iṣya-*) к среднему виду корня. Основа перфекта образуется удвоением корня, причем в единственном числе действительного залога она выступает в сильном и среднем, а в остальных формах — в слабом виде. Тип основы аориста представлен семью подтипами: 1) корневым, 2) тематическим (с суффиксом *-a-*), 3) удвоительным и 4 — 7) сигматическими (с суффиксами: *-s-*, *-iṣ-*, *-siṣ-* и *-sa-*).

Наиболее четкими формальными признаками обладает основа футурума. Наименее отчетливы они у презентных основ и основ аориста (кроме сигматических). Идентификация той или иной основы, т. е. определение ее принадлежности к какой-то из поименованных подсистем, нередко оказывается возможной лишь при условии знания конкретных особенностей словоизменения данного глагола (например, редуцированные основы презенса, перфекта и аориста могут различаться трактовкой гласного в удвоительном слого, однако не все эти различия сводимы к последовательной схеме).

Личные окончания (табл. 4) объединяются в четыре основные группы: окончания действительного залога противостоят окончаниям среднего залога, в свою очередь среди тех и других различаются первичные и вторичные. Кроме того, могут быть выделены специфические наборы окончаний императива (смешанный — тяготест ко вторичным) и перфекта (тяготеет к первичным).

Таблица 4

Основные типы личных окончаний глагола в санскрите

Тип окончаний	Залог	Действительный			Средний		
	Число	единствен- ное	двойствен- ное	множест- венное	единствен- ное	двойствен- ное	множест- венное
	Лицо						
Первичные	1-е	<i>-mi</i>	<i>-vas</i>	<i>-mas</i>	<i>-e</i>	<i>-vahe</i>	<i>-mahe</i>
	2-е	<i>-si</i>	<i>-thas</i>	<i>-tha</i>	<i>-se</i>	<i>-āthe</i>	<i>-dhve</i>
	3-е	<i>-ti</i>	<i>-tas</i>	<i>-[a]nti</i>	<i>-te</i>	<i>-āte</i>	<i>-nte, -ate</i>
Вторичные	1-е	<i>-am, -m</i>	<i>-va</i>	<i>-ma</i>	<i>-i, -a</i>	<i>-vahi</i>	<i>-mahi</i>
	2-е	<i>-s</i>	<i>-tam</i>	<i>-ta</i>	<i>-thās</i>	<i>-āthām</i>	<i>-dhvam</i>
	3-е	<i>-t</i>	<i>-tām</i>	<i>-an, -ur</i>	<i>-ta</i>	<i>-ātām</i>	<i>-nta, -ata, -ran</i>
Императива	1-е	<i>-āni</i>	<i>-āva</i>	<i>-āma</i>	<i>-ai</i>	<i>-āvahai</i>	<i>-āmahai</i>
	2-е	0, <i>-dhi, -hī</i>	<i>-tam</i>	<i>-ta</i>	<i>-sva</i>	<i>-āthām</i>	<i>-dhvam</i>
	3-е	<i>-tu</i>	<i>-tām</i>	<i>-[a]ntu</i>	<i>-tam</i>	<i>-ātām</i>	<i>-ntām, -atām</i>
Перфекта	1-е	<i>-a</i>	<i>-va</i>	<i>-ma</i>	<i>-e</i>	<i>-vahe</i>	<i>-mahe</i>
	2-е	<i>-tha</i>	<i>-athus</i>	<i>-a</i>	<i>-se</i>	<i>-āthe</i>	<i>-dhve</i>
	3-е	<i>-a</i>	<i>-atus</i>	<i>-us</i>	<i>-e</i>	<i>-āte</i>	<i>-re</i>

Сочетание названных характерных элементов (основы, окончания и аугмента) дает для каждого из двух упомянутых залогов следующий набор реальных форм, различающихся в плане времени и наклонения (табл. 5).

Таблица 5

Структура форм времен и наклонений

Аугмент	Основы	Окончания	Наименование формы
—	презентная (10 подтипов)	первичные	настоящее время (изъявительного наклонения)
<i>a</i>	презентная	вторичные	имперфект
—	презентная + <i>-ī/-ya-</i>	вторичные	оптатив
—	презентная	смешанные	императив
—	футуральная	первичные	будущее время
<i>a</i>	футуральная	вторичные	кондиционалис
<i>a</i>	аористная (7 подтипов)	вторичные	аорист
—	аористная (корень + <i>-ī/-ya-</i> + <i>-s-</i>)	вторичные	прекатив (оптатив аориста)
—	перфектная	перфектные	перфект
<i>a</i>	перфектная	вторичные	плюсквамперфект

Не все перечисленные формы в равной мере активно функционируют в санскрите⁹. Так, плюсквамперфект, единичные случаи употребления которого отмечены в ведийском, в позднейшем языке практически отсутствует. Крайне редки примеры прекатива и кондиционалиса, что заставляет сомневаться в реальности существования соответствующих грамматических противопоставлений уже в эпоху формирования классического санскрита. Не прослеживается функциональных различий в употреблении имперфекта, перфекта и аориста, противопоставляемых друг другу как грамматически равнозначные стилистические варианты форм прошедшего времени, использование которых определялось жанровыми особенностями литературы. Это свидетельствует о стертом характере категории вида.

Таким образом, глагольная система санскрита характеризуется следующими формально выраженными и реально проявляющими себя в функциональном плане грамматическими категориями.

Категория залога проявляется в первую очередь в противопоставлении действительного и среднего залогов, последовательно охватывающем всю систему глагольных форм и выраженном в проходящем через всю парадигму различии личных окончаний (у непредикативных форм — аффиксов). Как свидетельствуют сами термины, использовавшиеся древнеиндийскими грамматиками для обозначения залогов, средний (*ātmane-padam* 'слово для самого себя') функционально противостоял действительному (*parasmai-padam* 'слово для другого'), как средство выражения той или иной заинтересованности субъекта в результатах действия. Кроме того, отмечена связь залоговых форм с противопоставлением глаголов в плане переходности (действительный залог) — непереходности (средний залог). Таким образом, категория залога занимает здесь промежуточное положение между классифицирующими и словоизменительными категориями,

⁹ Для древнейшего состояния ДИА языков может быть восстановлена также парадигма сослагательного наклонения (инъюнктива), следы которой сохранились в санскрите в формах 1-го лица императива.

что подтверждается ограниченной способностью широкого круга глаголов образовывать залоговые формы; многие из них спрягаются только в действительном залоге или, наоборот, только в среднем залоге.

Объем категории залога расширяется за счет форм пассива, первоначально представлявших, по-видимому, словообразовательный тип (по IV глагольному классу; при спряжении они присоединяют личные окончания среднего залога), который постепенно грамматикализировался. Употреблению пассива свойственно следующее ограничение: формальное противопоставление его среднему залогу наблюдается помимо подсистемы презенса только в 3-м лице единственного числа аориста и в непредикативных формах.

Категория наклонения проявляется почти исключительно в подсистеме презенса (в функциональной сфере настоящего времени), где изъявительному наклонению противостоят повелительное (отличается типом окончаний) и желательное (отличается типом окончаний и основой, усложненной суффиксом *-ī/-yā-*). Рудименты последнего отмечены также в аористе. Противопоставление ирреального наклонения (кондиционалиса) изъявительному в подсистеме футурума носит крайне ограниченный характер и исчезает с отмиранием форм первого.

Категория времени проявляется в противопоставлении настоящего, будущего и прошедшего времени, причем последние два охватывают ряд формообразовательных типов, первоначально обладавших видовыми различиями, которые впоследствии были утрачены. Отличительными формальными признаками для синтетической формы будущего времени является тип основы (аффикс *-sya-*), а для наиболее употребительной формы прошедшего времени (имперфект) — аугмент и тип окончания (об отличиях аориста и перфекта см. выше).

Категория числа и категория лица, каждая из которых представлена противопоставлением трех граммем, находят последовательное формальное выражение в различии личных окончаний.

Соотношение граммем наклонения и времени показывает, что в системе личных глагольных форм классического санскрита центральное место занимает подсистема форм презенса, к которой примыкает подсистема футурума. Дальнейшее упрощение системы пошло за счет широкой замены личных форм неличными (см. ниже)¹⁰.

Помимо собственно грамматических в санскрите обычно выделяют ряд полуграмматических (граничащих со словообразовательными) глагольных категорий, сводимых в так называемое производное спряжение. Кроме названных выше форм пассива сюда включают каузативные, интенсивные и деизидеративные формы, словоизменение которых также ограничивается системой презенса. К ним примыкают и деноминативы.

Непредикативные формы в санскрите представлены инфинитивом (аффикс *-tum*), деепричастиями, или абсолютивами (*-tvā*, *-ya*) и развернутой системой причастий, в которой отражаются категории залога и времени (табл. 6).

Приведенные в табл. 6 аффиксы в действительном и среднем залогах присоединяются соответственно к основам презенса, футурума (на *-sya*) и к слабой перфектной (кроме прошедшего II, являющегося производным от пассивного причастия). Пассивное причастие на-

¹⁰ Более подробно о возможной трактовке системы личных форм см. работы Бэроу, Иванова и Топорова [Bugrow, 293 сл.; Иванов и Топоров, 95 сл.].

Аффиксы причастий

Залог Время	Действительный	Средний	Пассив
Настоящее (презент) Будущее (футурум) Прошедшее (перфект)	-ant -ant I -vāṁs; II -ta vant	-māna, -āna -mana -āna	-māna -ya, -tavya, -antya -ta, -na

стоящего времени образуется от основы пассива (на -ya), будущего времени — от корня (как правило, в среднем виде), прошедшего — от слабого вида корня.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ СИНТАКСИСА

В ДИА языках и особенно в санскрите отчетливо проявляются две сосуществующие синтаксические системы: 1) флективная и 2) аналитическая (или имеющая тенденцию к преобразованию в таковую). Соотношение элементов того или иного типа меняется как в хронологических рамках, так и в зависимости от функциональной разновидности языка.

Для флективной системы, преобладающей в ранний период, основными средствами выражения синтаксических связей внутри предложения служат согласование и управление. Примыкание здесь играет сравнительно скромную роль, распространяясь на довольно ограниченный в санскрите класс неизменяемых слов (наречий, к которым примыкают деепричастия). При отчетливой морфологической выраженности синтаксических связей роль порядка слов в предложении отступает на второй план, что особенно заметно в стихотворных текстах, и в частности в эпосе.

С большей или меньшей определенностью можно говорить о месте главных членов предложения: подлежащее, выраженное формой именительного падежа имени существительного или местоимения (последнее часто опускается, и в таком случае мы имеем чисто глагольное предложение), тяготеет к первому месту; сказуемое, выраженное личной формой глагола, — к последнему. Второе место непосредственно за подлежащим обычно принадлежит энклитикам (присутствие их в предложении необязательно). Остальные места заполняются достаточно свободно, хотя непосредственно связанные между собой слова предпочтительно ставятся рядом (например, слова, наиболее связанные с личной формой глагола, примыкают к ней; определение — к определяемому). Обстоятельства места и времени обычно выносятся в самое начало предложения. Это же место (перед подлежащим) обычно занимают и различные абсолютные конструкции — падежные (местный абсолютный, родительный абсолютный), деепричастные, инфинитивные.

Обычная исходная модель предложения, имеющая на первом месте имя существительное (местоимение) в именительном падеже, а на последнем — личную форму глагола, в классическом санскрите преобразуется в другую, где на первом месте стоит имя существительное (местоимение) в творительном падеже, а на последнем — личная форма глагола, представленная причастием прошедшего времени. В сфере прошедшего времени проявляется, таким образом, тенден-

ция к вытеснению исходного типа производным (ср., например: *vānaraḥ... ālocitaḥ* < *vānaraḥ... ālocanta* 'обезьяны... подумали'), причем подобному преобразованию не всегда препятствует и непереходность глагола (например: *mayā... gataḥ* < [*aḥam*]... *agaccham* 'я... пошел').

Другой исходной моделью предложения можно считать такую, где последнее место занимает не личная форма глагола, а имя в именительном падеже, выполняющее роль сказуемого. На основе этой модели возник так называемый именной стиль, получивший широкое распространение в поздних разновидностях классического санскрита.

Вытеснению глагольных конструкций способствовало также необычайно широкое распространение в классическом санскрите сложных слов, выступавших в роли эквивалентов синтагм и целых предложений, что легко достигалось ввиду допустимости здесь практически неограниченного по числу компонентов разрастания сложного слова. Все эти процессы вели к преобразованию первоначальной флективной синтаксической ДИА системы в своего рода аналитическую.

Модель сложного предложения может быть получена как путем совмещения разных моделей простых предложений, так и путем замещения членов исходной модели эквивалентными им предложениями. Сочинительная связь посредством союзов (соединительных — *ca, atha, api, tatas, aparaṃ*; разделительных — *vā, athavā*; противительных — *tu, punar* и др.) предпочитается бессоюзной, также достаточно частой. Подчинение осуществляется при помощи весьма ограниченного набора союзов и союзных слов, передающих относительные, условные, причинные, пространственные, временные и т. п. отношения. Весьма распространен тип соотносительной связи, осуществляемый посредством относительного местоимения (или его производных — см. табл. 3), открывающего придаточное предложение, стоящее перед главным, и соответствующей ему формы указательного местоимения в главном предложении. Правила трансформации прямой речи в косвенную отсутствуют.

ЛЕКСИКА И ПРИНЦИПЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Лексика. Основную массу санскритской лексики представляют слова индоевропейского корня. Вместе с тем здесь могут быть проследжены некоторые лексические элементы, восходящие к языкам более древнего населения Южноазиатского субконтинента — дравидийским [Burrow, 376 сл.] и мунда [Kuiper].

Особенность лексического состава санскрита заключается, с одной стороны, в широчайшем распространении синонимов (для некоторых, важнейших, с индийской гносеологической и эстетической точек зрения, явлений они исчисляются десятками и даже сотнями), а с другой — в далеко расходящейся многозначности многих важнейших слов, обусловленной наложением на лексическую систему различных знаковых систем, свойственных отдельным религиозным и философским концепциям.

Словообразование. Основными средствами словообразования в санскрите служат аффиксация (префиксация и суффиксация) и словосложение. Менее ясна роль редупликации, используемой преимущественно в глагольном словоизменении — при образовании перфектных, а также некоторых презентных и аористных основ. В качестве словообразовательного средства она может рассматриваться в таких по-

луграмматических образованиях, как дезидеративные и интенсивные глаголы.

Использование префиксов также ограничивается преимущественно сферой глагола (и отглагольных имен). Они обычно лишь модифицируют основное значение глагольного корня, редко внося в него существенные изменения. Число основных префиксов, функционировавших как таковые на протяжении всей истории языка, невелико (около двух десятков). Оно несколько возрастает за счет приставок адвербиального характера, а также за счет комбинаций из нескольких префиксов при одном корне.

В сфере именного (в значительной мере — отглагольного) словообразования важную роль играет суффиксация. Суффиксы в санскрите более многочисленны, чем префиксы, и превосходят их широтой употребления. Среди функциональных групп суффиксов центральное место принадлежит суффиксам: 1) имен действия, 2) имен деятеля и 3) прилагательных. В двух последних группах особо выделяются суффиксы имен женского рода. Формально суффиксы могут быть разделены на первичные, сочетающиеся непосредственно с корнем, и вторичные, присоединяемые, как правило, к производным основам, гласные первого слога которых при этом обычно преобразуются во вторую ступень подъема [подробнее о суффиксальном словообразовании в санскрите см. Wackernagel, II, 2].

Другой весьма продуктивный способ именного словообразования — словосложение. Основными исходными типами сложных слов служат следующие двучленные образования:

1) копулятивные сложные слова, организованные сочинительной связью, представляют собой сочетания синтаксически равноправных компонентов (традиционный тип *dvandva*);

2) детерминативные сложные слова, организованные подчинительной или определительной связью, представляют собой сочетания, в которых синтаксически главенствует второй компонент. Здесь различаются три основные разновидности: а) сочетание двух имен, первое из которых (представленное основой, редко — падежной формой) стоит ко второму в отношении одного из косвенных падежей (тип *tatpuruṣa*); б) сочетание прилагательного со следующим за ним и определяемым им существительным (тип *karmadhāraya*) и в) сочетание количественного числительного с исчисляемым существительным (тип *dvigu*);

3) атрибутивные, или определительные, сложные слова, организованные так же, как детерминативные во всех трех их разновидностях, но выступающие в роли определения к слову, стоящему вне композиты, и таким образом являющиеся сложными прилагательными (тип *bahuvrīhi*).

К последнему типу примыкают адвербиальные сложные слова, второй компонент которых (существительное) выступает в форме именительно-винительного падежа среднего рода, а первый представлен наречием или предлогом (тип *avyayībhāva*).

Путем развертывания составляющих их простых компонентов в сложные слова по первому и второму типам двучленные композиты могут разрастаться до практически неограниченных размеров.

СРЕДНИЕ ИНДОАРИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Средние индоарийские языки известны нам благодаря весьма широкому кругу разнородных источников, в которых нашли отражение хронологически, территориально и функционально различающиеся языковые разновидности. Эти источники объединяются в следующие группы:

1. Эпиграфические памятники, укладываемые в хронологические рамки от III в. до н. э. (наскальные эдикты Ашоки) до V в. н. э. и представляющие широкий круг локальных разновидностей СИА языков: северо-западную, юго-западную, центральную и восточную [их классификацию и характеристику см. Mehendale, XV сл.]. Сюда могут быть отнесены и легенды на ряде монет соответствующего периода.

2. Рукописи из Центральной Азии, датируемые III—VII вв. н. э. Среди представленных ими форм языка следует в первую очередь назвать разновидность северо-западного пракрита, известную под названием «праkrit из Ния» (или просто «Ния»), и гиперсанскритизованную форму СИА языков — «буддийский гибридный санскрит».

3. Каноническая и неканоническая литература буддизма и джайнизма — наиболее солидная по объему текстов группа источников. Ею представлены: а) пали — язык южной ветви буддизма, хронологические рамки литературного употребления которого весьма широки (начиная с последних веков до нашей эры); локальная отнесенность его служит предметом дискуссий, хотя, судя по лингвистическим признакам, он, скорее всего, примыкает к западным СИА диалектам [Елизаренкова и Топоров, 7 сл.]; б) джайнский ардхамгадхи — язык религиозного канона джайнской секты шветамбара, который в ныне известном нам виде оформился около середины I тысячелетия н. э.; в) джайнский махараштри — язык неканонической литературы джайнов шветамбара, ранние памятники которой восходят к II—III вв.; позднейшие следы этого языка отмечены в отдельных произведениях вплоть до XIV в.; г) джайнский шаурасени — язык канона секты дигамбара, восходящего к первым векам н. э.

4. Памятники светской литературы на СИА языках служат источником для изучения махараштри, который древнеиндийскими теоретиками литературы квалифицировался как «праkrit по преимуществу» и широко употреблялся в лирической поэзии. Сохранилось также некоторое количество светских и религиозных произведений, написанных на поздних разновидностях СИА языков — апабхранша [Tagare, 10 сл.].

5. Классическая санскритская драма (со II в. н. э.), где для передачи речи ряда персонажей (в первую очередь женщин) использовались махараштри, шаурасени, реже магадхи и некоторые другие пракриты.

6. Труды древних и раннесредневековых индийских грамматистов, в первую очередь Вараручи и Хемачандры, содержащие упоминания и некоторые, большей частью фрагментарные, характеристики как названных выше, так и целого ряда других разновидностей пракритов и апабхранша [Sen, 27—31].

Функциональная роль сохранившихся разновидностей СИА языков достаточно ясно вытекает из самого перечня источников. Опреде-

ленной близости к живым разговорным формам речи рассматриваемой эпохи мы вправе ожидать от языка эпиграфических памятников, но они представлены текстами сравнительно скромного объема. Основная же масса материалов воспроизводит литературные формы СИА языков, в той или иной степени подвергшиеся нормализации и стилистической обработке. Уровень стилизации особенно высок в «драматургических» пракритах. Поскольку литературные СИА языки употреблялись — каждый в своей функциональной сфере — в течение достаточно длительного, измерявшегося многими веками, промежутка времени практически на всей территории распространения древнеиндийской культуры, реальная локализация сохранившихся форм языка и определение их абсолютной хронологии связаны со значительными трудностями.

Конечно, уже сами названия пракритов (кроме пали) и указания, встречающиеся у древнеиндийских грамматистов, а главное — их сопоставление как с ранними формами языка, запечатленными в эпиграфических памятниках, так и особенно с более поздними (уже НИА), локализация которых точно известна, позволяют соотнести их с определенными территориями. И все же лингвистическая карта СИА языков будет весьма приблизительной. Также и хронология литературных форм СИА языков в силу их сравнительно высокой стабильности будет по преимуществу относительной, опирающейся на сопоставление структурных особенностей языков. При этом даже крайние даты, определяющие рамки периода, оказываются в значительной степени приблизительными.

Любопытно, что в СИА языках на протяжении их литературного функционирования обнаруживаются два встречных процесса: наряду с естественной фонетической и грамматической эволюцией, ведущей к распаду флективного строя и унификации грамматических форм, проявлению которой в письменных памятниках весьма препятствовало консервирующее воздействие литературной нормы, в ряде случаев обнаруживается тенденция дальнейшей «нормализации», практически являющейся санскритизацией. Наиболее отчетливо она проявилась в «буддийском гибридном санскрите», где не только восстанавливались соответствующие пракритским санскритские формы, но и искусственно конструировались по аналогии «псевдосанскритизмы», замещавшие те пракритские формы, которые не имели реальных параллелей в санскрите [Edgerton, 11 сл.].

В самых общих чертах соотношение основных литературных СИА языков может быть представлено следующим образом. Наиболее архаичными по своему строю формами, относящимися к раннесреднеиндийской ступени, являются пали, диалекты эпиграфических памятников эпохи Ашоки и, возможно, пракрит из Ния. Следующей, средне-среднеиндийской ступени служат «собственно пракриты» — махараштри, шаурасени, ардхамагадхи и магадхи; к ним можно отнести и пайшачи, памятников на котором не сохранилось, но который известен по данным грамматик и, судя по имеющимся свидетельствам, бытовал в литературном употреблении. Взаимная локализация их на карте Северной Индии (выводимая Дж. А. Гриссоном из их соответствий НИА языкам) выглядит приблизительно так:

[пайшачи]	шаурасени	магадхи
	ардхамагадхи	
	махараштри	

Позднейшая ступень в развитии СИА языков — позднесреднеиндийская — представлена разновидностями апабхрانشа (600—1200 гг.), которые могут быть соотнесены, с одной стороны, с важнейшими пракритами, а с другой — с НИА языками.

В существующих описаниях, начиная с древнеиндийских, СИА языки принято рассматривать и характеризовать как последовательные ступени редукции ДИА фонетической и грамматической структуры.

ФОНОЛОГИЯ

Фонологические описания СИА языков до недавнего времени отсутствовали (первую попытку такого рода описания предприняла В. В. Вертоградова). Традиционно-фонетические характеристики СИА языков, имеющиеся в ряде работ, посвященных как пракритам непосредственно, так и истории ИА языков в целом, носят историко-сравнительный характер. Реконструкция фонологических систем СИА языков затрудняется консервативностью и непоследовательностью орфографии дошедших до нас текстов, вследствие чего целый ряд фонетических фактов допускает различную интерпретацию. Более надежные, в смысле их допустимого истолкования, свидетельства грамматиков во многих случаях оказываются фрагментарными и недостаточными. Ввиду этого здесь приходится ограничиться лишь самыми общими указаниями на характерные черты фонологической структуры тех или иных СИА языков, отличающие их от ДИА модели, которая может быть принята за исходную.

ДИА дифтонги *āi*, *āu*: и гласные *ɾ*, *ɾ:*, *ɻ* в СИА языках утрачены, таким образом состав гласных, находящихся здесь графическое выражение, сводится к следующим восьми: *a*, *a:*, *i*, *i:*, *u*, *u:*, *e*, *o*: (исключение — пракрит из Ния, где отмечен *ɾ*). Противопоставление по долготе — краткости, в отличие от ДИА языков, реализуется только в открытом слоге. В закрытом слоге (перед геминатами и сочетаниями «носовой + взрывной») возможны только краткие. В собственно пракритах в этой позиции отмечены краткие варианты *e* и *o*, имеющие тенденцию к переходу в *i*, *u*. Не вполне ясен вопрос о назализованных гласных. Если в пали они, как и в санскрите, могут фонологически интерпретироваться в качестве сочетаний чистого гласного с носовым смычным, ввиду отсутствия пар с минимальным контрастом типа *Ū ~ VN*, то в пракритах, и особенно в апабхрانشа, судя по свидетельствам грамматиков, есть основания для использования дифференциального признака *назальный* — *неназальный* применительно к гласным.

Инвентарь СИА согласных фонем в основном тот же, что и в ДИА языках. Отличия отдельных СИА языков как друг от друга, так и от ДИА языка, лежат, как правило, в области невзрывных согласных. Так, в пали, магадхи и пракрите из Ния отсутствует фонема *ɽ*, отсутствующая в других пракритах; в пали и пайшачи — церебральный *ɻ* (в пали может рассматриваться как аллофон *ɽ*, с которым он находится в дополнительном распределении). Сибилянты *ʃ*, *ʂ* и *s* различаются только в северо-западных формах пракрита и пракрите из Ния, тогда как в магадхи и других восточных СИА разновидностях представлен один *ʃ*, а в остальных формах СИА языков (центральных и юго-западных) — *s*. В пракрите из Ния в велярном, палатальном и плоском переднеязычном рядах помимо смычных, по-видимому, были еще и звонкие фрикативные. Появившиеся в пракритах и апабхрانشа

сочетания носовых смычных (m, n и др.) и плавного l со спирантом h в ряде случаев по аналогии с взрывными придыхательными могут рассматриваться как единые фонемы — аспираты¹.

Таким образом, большинство пракритов (по крайней мере литературные, в том виде, как мы их себе представляем) мало различается между собой и числом фонем и их составом. При экономном типе описания количество фонем в пали сводится к 33 [Елизаренкова и Топоров, 41]², а в литературных пракритах — к тому же числу или несколько меньшему. В ряде случаев, например в шаурасени и махараштри, фонемный инвентарь оказывается полностью идентичным.

Значительно более своеобразной чертой фонологии СИА языков представляются присущие им отличия в дистрибуции фонем. Если для ДИА языков характерно широкое распространение разнообразных сочетаний согласных, тогда как сочетания гласных в них практически отсутствуют, то в СИА языках, напротив, на сочетания согласных налагаются несравненно более строгие, чем в ДИА языках, ограничения, и основные их типы сводятся к геминатам, сочетаниям непридыхательного взрывного с соответствующим придыхательным, сочетаниям носового с взрывным и сочетаниям сонанта (носового или l) со спирантом h. Сочетания же гласных, включающие два или три элемента, здесь не имеют видимых ограничений и весьма обычны. В конечной позиции (в исходе слова) возможны только гласные (если не считать пазализацию гласного аллофоном носового согласного). В результате гласные, занимающие весьма скромное (в процентном соотношении с согласными) место в фонологической системе, обладают высокой частотностью и в текстах на пракритах составляют около половины фонем.

Одним из наиболее отчетливых фонологических признаков, по которым СИА языки различаются между собой, являются дистрибутивные ограничения, налагаемые на одиночные смычные шумные согласные в интервокальной позиции. Так, в пали и пракритах ранних эпиграфических памятников в этой позиции выступают все смычные, в шаурасени и магадхи — только звонкие, а в махараштри смычные шумные в интервокальной позиции не встречаются (так скр. loka 'мир' соответствуют: пали loka, а-м. loga, мах. loa; скр. at'a 'тогда' — пали at'a, шаур. ad'a, мах. aha и т. д.).

ГРАФИКА

Для СИА языков использовались брахми и восходящие к нему разновидности индийского письма (о принципах их построения см. выше, стр. 118), а также кхароштни, которое представлено немногочисленными (сохранившимися преимущественно за пределами собственно индийской территории) эпиграфическими, нумизматическими и рукописными памятниками.

МОРФОЛОГИЯ

Для развития и именного, и глагольного словоизменения СИА языков характерен процесс постепенного сокращения как объема словоизменительных парадигм, так и самого их числа, что обусловлено.

¹ В пользу такой их трактовки говорят случаи их появления в начальной позиции, где сочетания согласных в СИА языках, как правило, недопустимы.

² От численно равного санскритского фонемного инвентаря, получасмого при аналогичном подходе [Иванов и Топоров, 57], инвентарь фонем пали отличается меньшим числом сибилантизов и большим числом носовых сонантов.

с одной стороны, возрастающей нейтрализацией противопоставлений ряда граммем, ведущей к отмиранию некоторых ДИА грамматических категорий, а с другой — тенденцией сведения разнообразных словоизменительных типов к одному общему. Такие унифицировавшиеся СИА парадигмы отличаются от строго нормализованных санскритских широкой варианностью форм, возникающей в результате параллельного употребления функционально равнозначных флексий, утративших первоначальную соотнесенность с каким-то определенным типом основы, а также за счет отражения в письменной форме языка диалектизмов.

Имя. Морфологические категории имени в СИА языках те же, которые наблюдались в ДИА языках, но объем их и степень выраженности здесь сократились. Так, категория рода по-прежнему включает три граммемы — мужского, среднего и женского рода. Но если противопоставление женского рода двум другим находит достаточно последовательное формальное выражение в типе основы и в немалой мере во флексии (во всех косвенных падежах единственного числа, кроме винительного), то средний род формально отличается от мужского только флексиями именительного — винительного падежей, причем даже здесь возможны взаимно совпадающие вариантные формы и суть различия сводится лишь к предпочтению флексии определенного типа. Объем категории числа сократился вследствие полного исчезновения двойственного числа. Объем категории падежа также сократился — прежде всего в результате слияния дательного падежа с родительным, а также дальнейшего развития тенденций совпадения винительного падежа с именительным, а остальных косвенных падежей друг с другом; первая тенденция в позднесреднеиндийскую эпоху реализовалась во всех типах склонения, а вторая особенно заметна в парадигме форм единственного числа женского рода.

Многообразие ДИА словоизменительных типов в СИА языках сводится к небольшому числу основных, среди которых выделяются типы склонения основ на *-a*; *-i*, *-u*; *-ā*, *-ī*, *-ū* (см. табл. 1). Некоторыми особенностями отличается склонение имен родства и имен деятеля, восходящее к ДИА типу на *-ṛ*. Рудименты других ДИА типов склонения проявляются в виде отдельных «нерегулярных» падежных форм. Помимо флексий, к которым могут быть найдены прямые ДИА аналогии (таких подавляющее большинство), в именных СИА парадигмах существуют и флексии, не имеющие таковых. Сюда входят, с одной стороны, те, не засвидетельствованные в санскрите и ведийском языке, архаизмы, истоки которых могут быть прослежены в общем индо-иранском или индоевропейском языковом состоянии, а с другой — инновации адвербиального происхождения [Sep, 75—76].

В склонении имен мужского и среднего рода преобладает тип на *-a*; типы на *-ī*, *-u*, различающиеся между собой, как и в ДИА языках, лишь на фонетическом уровне (изменениями исходного гласного основы, которые у них вполне аналогичны), проявляют тенденцию не только к использованию общего с типом на *-a* набора флексий, но и к преобразованию конечного гласного в *-a*, т. е. к окончательному слиянию с первым типом.

В склонении имен женского рода преобладающим постепенно становится тип на *-ī* (*-ī* в СИА языках, особенно в поздних, служит характерным аффиксом женского рода для прилагательных; *-ī* и *-[i]lī* — для существительных).

Местоименное склонение сближается с общеименным как в силу исчезновения отдельных специфически местоименных форм (на-

Основные типы склонения некоторых СИА языков

Число	Язык	Пали				Шаурсени****				Апабхраниш							
		-a*		-i, -u**		-ā, -ī, -ū		-a*		-i, -u**		-ā, -ī, -ū					
Единственное	Род	мужской		средний		женский		мужской		средний		женский		мужской		средний	
		средний		средний		средний		мужской		средний		женский		мужской		средний	
		-o		-aṃ		-aṃ		-aṃ		-aṃ		-aṃ		-aṃ		-aṃ	
		-ā		-ā		-ā		-ā		-ā		-ā		-ā		-ā	
		-e		-e		-e		-e		-e		-e		-e		-e	
Множественное	Род	мужской		средний		женский		мужской		средний		женский		мужской		средний	
		средний		средний		средний		мужской		средний		женский		мужской		средний	
		-o		-aṃ		-aṃ		-aṃ		-aṃ		-aṃ		-aṃ		-aṃ	
		-ā		-ā		-ā		-ā		-ā		-ā		-ā		-ā	
		-e		-e		-e		-e		-e		-e		-e		-e	

* В этом типе склонения флексия дана в сочетании с конечным -a основы.

** В формах множественного числа i и u основы приобретают долготу; в пали перед флексией -o они переходят в -au-, -au-.

*** Перед -ṃ гласный основы имен женского рода сокращается.

**** Перед флексиями -yā и -yo гласные i и u основы сокращаются.

***** В круглых скобках приводятся формы махараштри.

пример, дательного падежа), так и вследствие взаимопроникновения именных флексий в местоименную парадигму, и наоборот.

Для склонения личных местоимений характерно разнообразие диалектных и параллельно употребляющихся вариантных форм.

Глагол. СИА система глагольного словоизменения содержит в принципе тот же набор грамматических категорий, что и древнеиндийская, отличаясь от последней (подобно тому, как это имело место с именным словоизменением) в первую очередь объемом и степенью выраженности этих категорий. При этом процесс редукции здесь зашел значительно дальше, чем в сфере имени.

Категория залога представлена противопоставлением активных и пассивных форм, имеющим для СИА языков достаточно общий характер. СИА формы пассива употребительны в безличных предложениях, и вследствие этого их противопоставление активным формам может рассматриваться в качестве противопоставления непереходно-безличного действия переходно-личному [Елизаренкова и Топоров, 101]. Формальное выражение пассив находит в присоединении к корню глагола или основе настоящего времени актива суффикса *-ya-/īya-* (пали), *-ta-* (шаурасени, магадхи) или *-ijja-*. Личные окончания пассивных форм совпадают с окончаниями активных (см. табл. 2).

В ранних канонических текстах пали указанное категориальное противопоставление осложняется наличием системы форм среднего залога, дублирующей систему форм актива, от которой она отличается набором личных окончаний. Однако уже в этих текстах формы среднего залога статистически весьма уступают активным, а функциональное различие между теми и другими оказывается в значительной мере стертым. В позднейших текстах пали, и особенно в пракритах, средний залог представлен единичными формами, не составляющими полной парадигмы и постепенно окончательно утрачивающими первоначальное содержание, которое было присуще им в ДИА языках. Следовательно, противопоставление среднего залога активному несвойственно глагольной системе СИА языков и отмечаемые здесь формы первого должны рассматриваться как рудименты отношений, существовавших в ДИА системе.

Категория наклонения проявляется в противопоставлении форм изъявительного наклонения формам повелительного (императива), являющегося универсальным для всех СИА языков, и желательного (оптатива). Формы последнего обычны для пали, ардхамагадхи и джайнского махараштри, более редки в классическом махараштри, а в других средних и поздних СИА языках выступают как исключение. В плане выражения оптатив противостоит двум другим наклонениям типом основы — присоединяет аффикс *-e-/euuā-* (пали) или *-ejjā* (пракриты), замещающий конечный гласный основы изъявительного наклонения, — и отчасти характером окончаний. Противопоставление императива изъявительному наклонению выражено только окончаниями, и притом менее полно, чем в ДИА языках (см. табл. 8). В ранних текстах пали отмечены редкие формы ирреального наклонения (кондиционалиса), лежащего на периферии системы [Sen, 159]; они образованы, как и в ДИА языках, от основы будущего времени при помощи аугмента и вторичных окончаний (см. табл. 2).

Категория времени проявляется в пределах изъявительного наклонения противопоставлением граммем настоящего, будущего и прошедшего времени. Формально настоящее и будущее время различается типом основы: основу будущего времени характеризует суффикс *-issa-*; этим типам основы присущи общие личные окончания (в 1-м лице

Основные глагольные окончания СИА языков

Число	Лицо	П а л и			Позднейшие СИА языки	
		первичные	вторичные	императива	общие	императива
Единственное	1-е	-mi*	-um, -am, -im /-[i]sam, -sim	-ml*	-ml*	[-mu*]
	2-е	-si	-ū, -ā, -i/-si	0/-hi*	-si	0/-hi, -su
	3-е	-ti	»	-tu	-di, -i	-du, -u
Множественное	1-е	-ma*	-umha, -lmha, -ama	-ma*	-mo*	-mha
	2-е	-tha	-atha, -itttha	-tha	-dha, -ha	-dha, -ha
	3-е	-nti	-ū, -um/-sum, -imsu	-ntu	-nti	-ntu

* Перед данными окончаниями конечный *-a* основы преобразуется в *-ā*.

единственного числа будущего времени возможна восходящая ко вторичным флексия *-m*). Преобладающий в СИА языках тип форм прошедшего времени — причастной этимологии: они совпадают с пассивным причастием прошедшего времени. Наряду с этим в пали отмечены флексивные формы прошедшего времени, восходящие к ДИА имперфектно-аористным. Формальным отличием прошедшего времени в этом случае служит тип основы, аугмент (факультативен) и окончания (вторичные).

Категория числа (две граммемы) и категория лица (три граммемы) находят формальное выражение в противопоставлении личных окончаний. Противопоставление по категории лица нейтрализуется в причастных формах прошедшего времени, но для них оказывается релевантной категория рода, находящая выражение в характерных именных окончаниях.

На смену многочисленным типам ДИА презентных основ в СИА приходят два типа: основа на *a-* (общая) и основа на *e-* (свойственная прежде всего «производным», т. е. каузативным и деноминативным глаголам). Таким образом, в поздних СИА с отмиранием форм опатива и сокращением парадигмы императива наблюдается тенденция сведения собственно личных («непричастных») форм к двум универсальным типам основы — настоящего и будущего времени — и к одному общему набору личных окончаний.

Непредикативные формы представлены инфинитивом (аффиксы *-tum, -dum, -um, -ittae*), абсолютивом (*-ia* в шаур.; *-iūṇa* в мах.; *-ittā* и *-idūṇa* в а.-м. и т. п.) и причастиями, число которых в СИА языках сокращается вследствие утраты в этой сфере залоговых противопоставлений. Характерны для СИА следующие причастия: настоящего времени (восходит к формам на *-māna*, реже на *-anta*), прошедшего времени (на *-ita, -ida, -ia*) и будущего времени, или перспективное (восходит к формам на *-taṇṇa* и *-ya*). Роль первых двух в СИА глагольной системе неуклонно возрастает, поскольку на их базе здесь развивается система перифрастических глагольных форм, выражающих видовые значения [Елизаренкова и Топоров, 95], которая более четко оформилась в НИА языках.

В синтаксическом строе СИА языков находят развитие основные модели, присущие ДИА языкам, особенно поздним их формам³.

ЛЕКСИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В СИА лексике принято выделять три основных слоя: 1) индоарийские слова, имеющие параллели в ДИА языках (санскрите), но отличающиеся от последних фонетически и графически, соответственно фонетической структуре каждого данного СИА языка (традиционно именуются «тадбхава»); 2) прямые заимствования из санскрита («татсама») и 3) неиндоарийская лексика (самый немногочисленный и менее всего изученный слой).

Основным словообразовательным средством, продуктивным в СИА, является суффиксация. Немногочисленные первичные суффиксы (сочетающиеся с глагольными основами) образуют преимущественно имена действия и имена деятеля. Весьма распространены вторичные суффиксы, в большинстве своем либо образующие прилагательные, либо выступающие как плеонастические наращения. Новые суффиксы образуются из вторых компонентов словосложений, построенных по ДИА детерминативному типу.

Сложные слова строятся по основным ДИА моделям (ср. выше, стр. 131), но этот тип словообразования в СИА языках заметно менее продуктивен, чем в ДИА языках (особенно классическом санскрите). Во-первых, СИА языкам в целом несвойственны многочленные композиты: обычное число компонентов в сложном слове — два, редко три (исключение представляют стилизованные литературные формы пали, ардхамагадхи, «драматургических» пракритов и джайнского апабхрانشа); во-вторых, значительная часть подобных образований унаследована в «готовом виде» из ДИА языков. Получает продуктивность новый тип так называемых синтаксических словосложений, возникающий на базе лексикализации отдельных словосочетаний и целых предложений.

³ Большой интерес для более глубокого изучения СИА синтаксиса представляет впервые предпринятый Т. Я. Елизаренковой и В. Н. Топоровым опыт описания синтаксиса пали через элементарные синтаксические конструкции и правила их сочетания [Елизаренкова и Топоров, 111—134; ср. рецензию В. Миллера на эту работу — АОЯ, 34, 471—473].

НОВЫЕ ИНДОАРИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Новые индоарийские, или новоиндийские, языки явились результатом исторического развития среднеиндийских языков. Для НИА языков характерно продолжение и углубление наметившихся в СИА языках фонетических и грамматических процессов, которые привели здесь к полному распаду господствовавшей в ДИА языках флективной системы (в новоиндийских языках сохранились лишь немногие рудименты старых синтетических именных и глагольных форм) и замене ее системой аналитических конструкций. Тенденция дальнейшего развития системы выражается в учащении случаев стяжения элементов аналитических сочетаний, что приводит к появлению агглютинативных и новых флективных форм. Этот процесс в различных НИА языках протекает неравномерно: наиболее интенсивно новые формы возникают в восточных НИА языках, тогда как западные сохраняют максимум (по сравнению с остальными) архаических черт.

В числе самых общих фонетических явлений, характеризующих направление развития НИА языков в целом, можно назвать такие, как продолжающееся ослабление конечных (кратких) гласных, приводящее к их исчезновению; слияние смежных гласных и образование на этой почве новых дифтонгов *ai*, *au* (из *ai*, *au*; в дальнейшем эти дифтонги, в свою очередь, монофтонгируются и дают *æ*, *ɔ*), или разобщение их глайдами *-u-*, *-v-*; сокращение гемилат (возникших из сочетаний согласных) с компенсирующим удлинением предшествующего гласного (кроме языков северо-запада); широкое распространение назаизации гласных и образование систем назализованных гласных фонем, обычно симметричных системам чистых гласных. Преобладающим типом структуры слова является регулярное чередование согласных и гласных (в исходе обычно — согласный или долгий гласный); новые сочетания согласных появляются преимущественно в срединной позиции в результате редукции гласного.

В морфологии преобладает тенденция сведения именного и особенно глагольного словоизменения к немногим или к одному типу. Для склонения характерно противопоставление в первую очередь прямого и [обще]косвенного падежей, дифференциация значений последнего достигается при помощи системы послелогов; появление новых агглютинативных аффиксов числа и падежа; противопоставление имен по «личности — неличности», наиболее широко проявляющееся в оформлении прямого объекта. Для глагольной системы характерно использование причастий несовершенного и совершенного вида в предикативной функции; появление аналитических видо-временных форм; переход к аналитическим способам выражения пассивных значений; широкое использование деепричастий и возникновение системы сложных глагольных сочетаний. НИА синтаксису свойствен достаточно строгий порядок слов с фиксированными позициями подлежащего (начальная) и сказуемого (конечная).

Периодом перехода ИА языков от среднеиндийской к новоиндийской ступени явились конец I и начало II тысячелетия. Самые ранние образцы письменности, язык которых может быть квалифицирован уже как новоиндийский (древнебенгальский, старый маратхский, старый

хинди, старый раджастхани и т. д.), датируются X—XII вв. До начала XIX в. НИА языки были преимущественно разговорными, противостоя как формы просторечия классическим литературным языкам средневековой Северной Индии — санскриту, культивировавшемуся брахманством, и персидскому, получившему уже к XIII—XIV вв. весьма широкое распространение при мусульманских феодальных дворах. Новоиндийские языки вводились в литературную сферу главным образом идеологами религиозной реформации, представлявшей на севере Индии различные течения вишнуизма. Свою проповедь, облекавшуюся в форму религиозной лирики, а позднее — поэм на традиционные сюжеты (чаще всего связанные с легендами о Раме и Кришне), они обращали к самым широким народным массам и поэтому, естественно, творили на живых языках своей эпохи. Язык ранней поэзии на НИА языках отличается большой диалектной пестротой. Лишь к XVI—XVII вв. в основных языковых районах страны наметилась некоторая унификация языковых форм, связанных с теми или иными религиозными течениями. Так, в центральной части Северной Индии поэзия кришнаитского толка в эту пору создается преимущественно на диалекте брадж, а литература, связанная с культом Рамы, — на авадхи. Однако и здесь локальные элементы, обусловленные местом рождения автора или районом, где он развивал свою деятельность, проявляются достаточно ярко.

Подлинная нормализация основных НИА языков, начавшаяся уже в XIX в., к концу столетия привела к оформлению их современных литературных стандартов. В ходе этого процесса НИА языки подверглись весьма интенсивному воздействию (прежде всего на лексическом, в значительно меньшей мере на других уровнях) классических литературных языков — санскрита и персидского. Вплоть до последнего времени сильное влияние на развитие НИА языков оказывал и английский — как официальный язык колониальной Индии, поныне сохраняющий сильные позиции в политической и культурной жизни образованных на ее основе независимых государств — Индии, Пакистана и Бангладеш.

В настоящее время существует 11 развитых литературных новых индоарийских языков¹. Ниже следует перечень этих языков и входящих в сферу их распространения основных диалектов и бесписьменных языков.

1. Хинди — государственный язык Индии. Число носителей — 153 млн. человек². Сюда входит основная масса населения штатов Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш, Хариана и союзной территории Дели, около половины жителей штата Бихар (остальные показаны носителями местных языков и диалектов: бходжпури — 14 млн., магахи — 6,6 млн., майтхили — 6 млн. и др., а также урду) и более половины населения штата Раджастан (ок. 10 млн. жителей штата показаны как носители раджастхани — 2 млн. и его диалектов, среди которых

¹ По классификации Дж. Грисона (см. ниже), общее число НИА языков (не считая сингальского) достигает семнадцати. В качестве отдельных «языков» сюда включены и группы диалектов, объединяемых генетической близостью, но не имеющих общей стандартной письменной формы, — таковой для них служит хинди или какой-либо другой из основных литературных языков. Всего на территории субконтинента Южной Азии насчитывается, согласно «Описанию языков Индии» [LSI, I, i, 27], 345 НИА диалектов. К ним присоединяются многочисленные цыганские диалекты, распространенные за пределами субконтинента (см. ниже, раздел «Диалекты цыганского языка»), и недавно открытый в Средней Азии диалект парья [Оранский].

² Статистические данные основываются на переписях Индии и Непала 1971 г. и Бангладеш 1974 г.; по Пакистану и Шри-Ланка дается оценка.

первенствуют марвари — 4,7 млн., багри — 1 млн., мевари — 0,8 млн., нимади — 0,8 млн. и малви — 0,6 млн.).

Диалекты собственно хинди, распространенные в самом центре Северной Индии (число их носителей ориентировочно может быть определено в 100 млн. человек), распадаются на две группы: западную и восточную. Основные диалекты группы «западный хинди»: 1) кхари боли, или территориальный хиндустани (на его основе развились литературные стандарты хинди и урду), 2) бангару, джату, или хариани, 3) брадж бхакха, или антарбеди, 4) канауджи и 5) бундели, или бунделкханди. Основные диалекты группы «восточный хинди»: 1) авадхи, косали, или байсвари, 2) багхели, багхелкханди, или ривай, и 3) чхаттисгархи, лариа, или кхалтахи.

В сферу распространения литературного хинди, кроме того, входят: группа диалектов бихари (на востоке, штат Бихар; число носителей, включая показанных в переписи говорящими на хинди и урду, — около 50 млн. человек): 1) бходжпури, 2) майтхили, или тирхутия, и 3) магахи, или магадхи; группа диалектов раджастхани (на западе, штат Раджастан; число носителей — около 20 млн. человек), распадающаяся на четыре подгруппы: 1) марвари (марвари, мевари, бикапери, багри, тхали), 2) восточную (джайпури, хараути, аджмери), 3) северо-восточную (мевати и ахирвати, или хирвати) и 4) малви (малви и рангри, или раджвари), и включающая также диалект нимади, стоящий вне названных подгрупп; группа диалектов пахари (на севере, предгорья Гималаев в штате Уттар Прадеш и штат Химачал Прадеш; число носителей — около 4 млн. человек) с двумя подгруппами: 1) центральной (диалекты: кумаони — 1,2 млн. носителей и гархвали — около 1 млн. человек; оба распадаются на большое число говоров) и 2) западной (диалекты джаунсари, сирмаури, багхати, киунтхали, шодочи, мандеали, кулуи, чамеали, бхадравахи — все также с многочисленными говорами)³.

2. Урду — государственный язык Пакистана и один из распространенных языков Индии (число носителей — свыше 35 млн. человек: 28,6 млн. в Индии и свыше 7 млн., половина которых пользуется им как вторым языком, в Пакистане; компактной территории распространения не имеет). Генетически (основывается на том же диалекте), фонологически и грамматически тождествен хинди в его литературной норме⁴. Однако наблюдаемые на лексическом уровне (в сфере лексики, выходящей за пределы исконной — «тадбхава») глубокие различия, обусловленные несовпадением историко-культурных традиций и закрепленные использованием для того и другого различных систем письма (см. ниже, стр. 181), привели к тому, что хинди и урду в современной общественной жизни квалифицируются как разные языки (это положение зафиксировано и в официальных документах, например в Приложении 8 к Конституции Индии).

3. Бенгальский язык распространен на всей территории Бангладеш и в индийском штате Западная Бенгалия. Число носителей — 115 млн. человек (70 млн. и 45 млн. человек — соответственно). Диалектное членение бенгальского языка изучено недостаточно. Выделяются две группы говоров: западная (стандартная форма — диалект

³ О тенденциях языкового развития в области распространения хинди см. работу Дьякова [Дьяков, 45 сл.; ср. Weinreich, 205 сл.].

⁴ Вследствие этого в последующем изложении он рассматривается как частная подсистема в пределах общей языковой системы хинди. О соотношении урду и хинди см. наши работы [Зиграф VI, 18, 49 сл.; Зиграф I; Зиграф II, 152 сл.; ср. Gumperz & Naim, 92].

района Навадвипа) и восточная (стандартная форма — диалект района Дакки). Литературная норма представлена двумя существенно различающимися стилями: классическим (*sādhū bhāṣa*), олирающимся на западный диалект и обладающим архаичной структурой, и «разговорным» (*calit bhāṣā*), совмещающим черты современного западного диалекта и калькуттского говора.

4. Панджабский язык распространен в провинции Пенджаб Пакистана и в индийском штате Пенджаб. Число носителей — более 50 млн. человек (около 40 млн. и 13,9 млн. — соответственно). Выделяются две группы диалектов, существенно различающихся между собой: восточная (собственно панджаби), тяготеющая к хинди, и западная (определяемая Дж. Грирсоном как язык лахнда). Четкий рубеж между ними отсутствует; переходная зона лежит между реками Рави и Сатледж.

Восточные диалекты панджаби распадаются на две подгруппы: 1) стандартную (включает маджхи, лежащий в основе литературной нормы панджаби; доаби, пуади, ратхи, малваи, бхаттиани) и 2) догри (стандартный догри, кандиади, кангри, бхатеали); западные (лахнда, или лэнди [Смирнов III]) — на три: 1) южную (диалекты шахпурский, мултани, бакавалпури, сирайки хинди, тхали, кхеграни, джафири), 2) северо-западную (савайн, дханни, хиндко) и 3) северо-восточную (чибхали, потхвари, пахари, аванкари, тхеби). Обращает на себя внимание слабое развитие литературы на панджаби в Пакистане и крайне низкий уровень грамотности населения, говорящего на этом языке (в 1961 г. около 0,3% носителей), вследствие чего основным письменным языком для носителей западнопанджабских диалектов служит урду.

5. Маратхский язык распространен в Индии, в штате Махараштра. Число носителей (включая диалект конкани) — 43,2 млн. человек. В диалектном отношении сравнительно однороден. Выделяются три группы диалектов: 1) деши, распространенный на большей части территории штата и лежащий в основе литературной нормы маратхи; 2) стандартные конканские — в прибрежной полосе и 3) восточные (вархади, нагпури и халби — переходная форма, близкая к чхаттисгархи). Обособленное положение занимает диалект конкани (1,5 млн. носителей; распространен на территории Гоа), иногда квалифицируемый как самостоятельный язык.

6. Гуджаратский язык распространен в Индии, в штате Гуджарат. Число носителей превышает 25 млн. человек. Диалектные разновидности изучены слабо; по-видимому, они несущественны. В качестве групп диалектов к гуджаратскому могут быть отнесены граничащие с ним с востока бхили (в 1961 г. 2,4 млн. носителей) и кхандеши (свыше 400 тыс. носителей)⁵.

7. Язык ория (урия, одри, или уткали) распространен в Индии, в штате Орисса. Число носителей — 19,7 млн. человек. Стандартной форме языка противостоит диалект бхатри — переходная форма, сближающаяся с маратхским.

8. Ассамский язык (охомиа) распространен в индийском штате Ассам. Число носителей — 8,9 млн. человек. Различаются восточная (признаваемая стандартной) и западная диалектные разновидности. Особняком стоит диалект маянг (в Манипуре), сближающийся с бенгальским.

9. Язык синдхи распространен в Пакистане, в провинции Синд

⁵ В общее число носителей гуджарати эти цифры не включены.

и граничащих с нею районах индийских штатов Раджастан и Гуджарат. Кроме того, значительное число говорящих на нем проживает в других штатах Индии (преимущественно в Махаращтре). Число носителей — около 8 млн. человек (из них 1,2 млн. — в Индии). Основные диалекты: вичоли (лежит в основе литературной нормы), сирайки, ласи, лари. Тхарели и каччи представляют собой переходные формы, сближающиеся соответственно с раджастанскими и гуджаратскими.

10. Непальский язык (найпали, кхас-кура, горкхали, парбатия) распространен в Непале и в Северо-Восточной Индии (преимущественно среди выходцев из Непала). Число носителей превышает 7 млн. человек (свыше 6 млн. в Непале и 1,3 млн. в Индии). Диалектные разновидности изучены слабо. Литературная норма находится в процессе формирования и не обладает устойчивостью.

11. Сингальский язык распространен на Шри-Ланке, где на нем говорит около 8 млн. человек.

Генеалогическая классификация НИА языков, основанная на материалах, собранных в «Linguistic Survey of India», была предложена организатором и руководителем работы по описанию языков Индии Дж. Гирсоном и в первоначальном варианте опубликована в отчете о переписи 1901 г. Уточненный ее вариант, до настоящего времени пользующийся признанием европейских индологов, дан в обобщающем томе LSI (I, 1, 120). В своей классификации Дж. Гирсон исходит из выдвинутого Р. Хёрнле тезиса о двух основных волнах арийской миграции в Индию. По этой теории, опирающейся на сопоставление ряда фонетических и морфологических черт современных НИА языков [Girson I], первая группа арийских племен, занявшая Северную Индию, была оттеснена на ее окраины (на восток, юг и запад) второй волной пришельцев, занявшей центр этой области. Соответственно в современных ИА языках Дж. Гирсон выделяет две основные ветви — внешнюю и внутреннюю — с промежуточной ветвью между ними. В целом его классификация предстает в следующем виде:

А. Внешняя ветвь	Б. Промежуточная ветвь	В. Внутренняя ветвь
I. Северо-западная группа	IV. Промежуточная группа	V. Центральная группа
1. Лахнда (западный панджаби)	8. Восточный хинди	9. Западный хинди
2. Синдхи		10. Панджабский
II. Южная группа		11. Гуджаратский
3. Маратхский		12. Бхили
III. Восточная группа		13. Кхандеши
4. Ория		14. Раджастанские
5. Бихари		VI. Группа пахари
6. Бенгальский		15. Восточный пахари (непальский)
7. Ассамский		16. Центральный пахари
		17. Западный пахари

Вне этой классификации остаются сингальский язык, соотношение которого с какой-либо из названных групп до сих пор не получило удовлетворительного решения [Выхухолев, 9], и цыганские диалекты, восходящие к центральной группе [Turner V, 34; см. также ниже, раздел «Диалекты цыганского языка»].

Иную классификацию предложил С. К. Чаттерджи, выступающий против членения НИА языков на две ветви и объединения западных языков с восточными [Chatterji VI, 150—169] и предлагающий несколько иное членение на группы. Его схема соотношений НИА языков имеет следующий вид:

<i>I. Северная группа</i>	<i>IV. Восточная группа</i>
1. Синдхи	А) 7. Восточный хинди
2. Лахнда	Б) Подгруппа потомков магадхи
3. Восточный панджаби	8. Бихари
<i>II. Западная группа</i>	9. Ория
4. Гуджаратский (включая
бхили и кхандеши)	10. Бенгальский
5. Раджастхани	11. Ассамский
<i>III. Центральная группа</i>	<i>V. Южная группа</i>
6. Западный хинди	12. Маратхский

Языки пахари, которые здесь не выделены, С. К. Чаттерджи, как и Дж. Гирсон, считает дардскими по происхождению, но подвергшимся в среднеиндийский период глубокому влиянию языков западной (центральной) группы. Классификацию Чаттерджи склонно принимать большинство индийских лингвистов.

Следует учитывать, что любая классификация НИА языков и диалектов на современном этапе неизбежно оказывается в какой-то мере относительной. Это обусловлено сложностью лингвистической карты Северной и Центральной Индии. Все живые индоарийские языки, в том числе и наиболее развитые, обладают значительным числом локальных диалектов и говоров. Границы между соседними диалектами практически малоощутимы. Это касается не только диалектов одного языка, но и территориально соприкасающихся диалектов, относимых к разным языкам. Локальная форма речи меняется через каждые несколько десятков километров, но изменения эти не столь значительны, чтобы сделать язык непонятным для ближайших соседей. По мере же увеличения расстояния растут и диалектные различия, пока не происходит переход к другому языку. По всей Северной Индии, от Бенгалии до Панджаба, нет ни одной заметной языковой границы, хотя на этом протяжении сменяются шесть языков, представленных десятками диалектов. То же может наблюдаться и в других направлениях; резкие границы между родственными языками прослеживаются лишь там, где существуют естественные преграды в виде гор или пустынь.

Такое положение весьма затрудняет не только отнесение к тому или иному языку пограничных диалектов, имеющих переходный характер, но и квалификацию форм речи с более значительными специфическими особенностями. Например, определяя бхили и кхандеши как самостоятельные языки, Гирсон вынужден признать, что первый, собственно, может рассматриваться как диалект гуджаратского, а второй — как отвлечение первого, подвергшееся влиянию соседнего маратхского (кстати, кхандеши долгое время считался диалектом последнего).

Положение осложняется тем, что лингвистическая география НИА языков и диалектов до сих пор слабо изучена. Отсутствуют не только лингвистические атласы, но и достаточно четкие описания диалектов, которые дали бы возможность выявить основные фонологические

и морфологические изоглоссы (материалы LSI, собранные более полувеска тому назад, при всей их неоспоримой ценности методически в значительной степени устарели). Лишь в последние годы в этой области началось некоторое оживление, позволяющее ожидать изменений к лучшему⁶.

С типологической точки зрения НИА языки могут быть разделены на три группы:

А) северноиндийскую, включающую все НИА языки Индии, Пакистана, Бангладеш и Непала, перечисленные в приведенных выше классификационных схемах, и недавно открытый в Таджикистане диалект парья; Б) цейлонскую, представленную сингальским языком, и В) группу цыганских диалектов.

Выделение двух последних диктуется тем, что как сингальский язык, оторвавшийся от северных ИА около 2500 лет тому назад, так и диалекты цыган, уход которых из Индии относится к первому тысячелетию н. э., длительное время развивались в иноязычном окружении, что наложило глубокий отпечаток на их современную структуру.

Развитие северноиндийских языков, сохранивших в той или иной мере контакт друг с другом, шло в одном направлении, различаясь главным образом неравномерной интенсивностью в целом общих процессов. В результате по фонологическим, морфологическим и синтаксическим признакам своей современной структуры эти языки сводятся в три основные подгруппы: достаточно тесно смыкающиеся между собой западную (включает языки синдхи, панджабский, гуджаратский, маратхский) и центральную (хинди) и отчетливо противостоящую этим обеим восточную (бенгальский, ассамский, ория)⁷. Промежуточное положение между восточными и остальными НИА языками занимают по многим признакам непальский язык и диалекты бихари.

Наличие общих черт у языков, объединяемых в одну подгруппу, не означает, естественно, отсутствия между ними структурных различий. Наиболее существенные особенности такого типа, в значительной мере объяснимые внешним воздействием, наблюдаются у языков, занимающих периферийные районы общей ИА области, в частности у ассамского, обнаруживающего черты сходства с соседними тибето-бирманскими языками, у панджабского (и особенно его западных диалектов), сближающегося по некоторым признакам с дардскими языками, у маратхского и отчасти у ория и бенгальского, носящих явные следы дравидийских влияний. С этой точки зрения весьма перспективным представляется сопоставление НИА языков с индийскими языками других генетических групп с целью установления здесь языковых ареалов [ср. Емепеау II, Емепеау III].

⁶ Одним из первых трудов такого рода явилось посмертно изданное исследование Ж. Блока [Bloch III]. Существенным вкладом в изучение вопросов лингвистической географии применительно к индо-иранскому ареалу служит работа Д. И. Эдельман [Эдельман]. Попытку картографического воспроизведения основных фонологических характеристик языков Индии в целом предприняли А. К. Рамануджан и Колин Масика [Current Trends, V, 551—561].

⁷ Именно в этом смысле мы будем говорить ниже о восточных, центральных и западных НИА языках.

СЕВЕРНОИНДИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ФОНОЛОГИЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

«Грамматические формы — вот что в основном отличает друг от друга индоарийские языки, распространенные к востоку от Инда. В их фонетической системе, напротив, наблюдается заметное тождество, по крайней мере до тех пор, пока мы ограничиваемся рассмотрением основных черт, точно воспроизводящих черты среднеиндийского», — писал полвека тому назад блестящий исследователь индийских языков Жюль Блок [Bloch I, 43].

Действительно, согласно описаниям конца XIX в. и первого десятилетия XX в., звуковой состав НИА языков выглядел на редкость единообразным. Очевидно, немалую роль здесь сыграло то обстоятельство, что описательная (статическая) фонетика индийских языков в эту пору весьма отставала по своему уровню от исторической и составители описаний НИА языков отирались в первую очередь на их письменные формы. Употребляемые же для НИА языков виды письменности восходят к одному общему источнику — брахми — и в системе своей точно копируют друг друга, в редких случаях различаясь единичными знаками. Тем не менее уже в LSI отмечены некоторые, пока еще немногочисленные, фонетические отличия западных и восточных НИА языков, не находящие отражения в письменности (различия трактовки общепиндийского *a*, сибилантов и др.), но многие значительно более существенные и носящие системный характер особенности отдельных языков (за исключением ассамского) там не были освещены. Только исследования последующих десятилетий, начало которым положили труды Т. Г. Бейли и С. К. Чаттерджи, обусловившие принципиально новый подход к фонетике НИА языков, позволяють составить более полное представление о фонологических структурах важнейших из этих языков и приступить к их предварительному сопоставлению. Вместе с тем необходимо учитывать крайне неравномерный уровень фонетической и фонологической изученности отдельных языков (не говоря уже о диалектах, особенно отстают в этом отношении ория, непальский, синдхи и маратхский), что заставляет сомневаться в абсолютной достоверности и тем более в исчерпывающей полноте доступных нам описаний. Ввиду этого предлагаемые ниже схемы следует рассматривать лишь как предварительные соображения, ни в коем случае не претендующие на законченность.

Отсутствие в нашем распоряжении объективных акустических характеристик НИА фонем, полученных на основе инструментального обследования с помощью современной аппаратуры (в частности, спектрографического анализа), заставляет воздержаться от описания фонемного состава НИА языков по чисто акустическим признакам как преждевременного и предпочесть описание в традиционных фонетических терминах, по возможности соотнося артикуляторные характеристики с соответствующими акустическими. Такой подход позволяет оставаться в рамках максимальной близости к исходному материалу (существующим описаниям), избегая его субъективного истолкования, и в то же время он дает возможность составить общее представление об акустическом характере отмечаемых противопоставлений в той мере, в какой это допускают артикуляторные данные.

Ниже мы рассмотрим основные фонологические признаки, характеризующие согласные и гласные различных НИА языков, и попытаем-

ся на этом основании показать основные типы присущих им систем консонантизма и вокализма. Затем проанализируем функции важнейших просодических признаков. В заключение попробуем дать общее представление о соотношении фонологических систем основных северных НИА языков путем сопоставления их фонемного инвентаря.

СОГЛАСНЫЕ

Для описания согласных НИА языков необходимо охарактеризовать такие их признаки, как место образования шума (положение фокуса артикуляции), способ образования шума (способ артикуляции, обусловленный типом преграды), участие или неучастие голоса, наличие или отсутствие придыхания, способ размыкания, роль носового резонатора.

Локальные признаки согласных

Во всех без исключения НИА языках выделяются три основных локальных ряда согласных: гуттуральный, апикальный и лабиальный¹. Но ограничивается этими тремя рядами консонантная система только одного языка — ассамского, где мы находим лишь три серии смычных согласных. В остальных литературных НИА языках и описанных диалектах к названным трем рядам добавляются еще два. В качестве четвертого, основного, в них фигурирует палатальный ряд, представленный повсюду не взрывными смычными, как остальные ряды, а аффрикатами. Ввиду отсутствия в НИА языках внутри какого-либо из локальных рядов противопоставления взрывных и аффрикат (единственное исключение — апикальный ряд в маратхском, о чем ниже, стр. 156), это различие оказывается фонологически несущественным, и аффрикаты палатального ряда могут рассматриваться здесь в одном плане с взрывными согласными остальных перечисленных выше локальных рядов. Еще один ряд, также имеющийся во всех языках, кроме ассамского, — ретрофлексный — занимает промежуточное положение между апикальным и палатальным рядами.

Вряд ли имеет смысл проводить выделение в НИА особого сибилантного ряда. Сибиланты здесь могут быть отнесены частью к апикальному ряду (однофокусный дорсальный), частью к палатальному (двухфокусные). Правомерность такой интерпретации подтверждает отмеченный в ряде языков (маратхский, гуджаратский, хинди) ретрофлексный вариант двухфокусного сибиланта /ʒ/, который может выступать в качестве самостоятельной фонемы в языковых подсистемах лиц, знакомых с санскритом.

¹ Наименования локальных рядов (по Н. С. Трубецкому) носят здесь чисто условный характер и не должны восприниматься как фонетическая характеристика соответствующих согласных. В частности, согласные, относимые здесь к гуттуральному ряду, обычно реализуются в НИА языках как веларные (заднеязычные); вместе с тем, как будет показано ниже, в отдельных случаях в группу гуттуральных по системным соотношениям бывает целесообразно включить и согласные иного места образования, например фарингальный спирант. Как палатальные определены среднеязычные (аффрикаты, фрикативный и сонант). К апикальному ряду отнесены переднеязычные смычные и шумные щелевые, имеющие в большинстве НИА языков дорсальную артикуляцию (т. е. зубные), и сонанты с собственно апикальной артикуляцией. Членам этого ряда как плоским переднеязычным противопоставляют члены ретрофлексного ряда, реализующиеся в некоторых НИА языках не только как ретрофлексные, но и как какуминальные [Рудин I, 1268]. Фонемы лабиального ряда могут реализоваться как губногубные и губно-зубные.

Стоящий вне локальных рядов фарингальный спирант /h/ в фонологической схеме можно соотносить с сибиллянтами, и тогда он займет соответствующее им место в гуттуральном ряду, если оно не заполнено заднеязычным щелевым /x/, как в ассамском или подсистемах гуджаратского.

Не всегда могут быть мотивированно отнесены к определенному ряду сонанты — дрожащий /r/ и боковой /l/, хотя они оба, как правило, тяготеют к апикальному ряду. Правомерность такого соотношения для /r/ в какой-то мере подтверждается наличием в НИА языках одноударного ретрофлексного /ɽ/ (нередко как позиционный вариант смычного /d/ — см. ниже, стр. 152), фонологически противостоящего /r/ (в отдельных случаях наблюдаются и варианты чередования ɽ—r). То же самое можно сказать относительно /l/ в панджабском, синдхи, раджастанском, гуджаратском, маратхском и ория, где ему противопоставит ретрофлексный боковой плавный /ɭ/. В языках же, где фонологическое противопоставление /l/ ~ /ɭ/ отсутствует, фонема /l/ реализуется не только как апикальный, но и как ретрофлексный (перед ретрофлексными) или палатальный (перед палатальными) плавный [Ferguson & Chawdhry, 30].

В НИА языках Пакистана (синдхи, панджабский) и в хинди (литературная норма урду) могут быть выделены фонологические подсистемы, принадлежащие кругу лиц, воспитывавшихся в духе мусульманских культурных традиций. Этим подсистемам присущ шестой локальный ряд — увулярный, противостоящий общему НИА гуттуральному: /q/ ~ /k/, /ɟ/ ~ /k', /ɣ/ ~ /g/. Увулярный ряд отличается от других рядов своей неполнотой, а также статистической ограниченностью противопоставлений, в которых выступают его члены. В основных фонологических системах названных языков и в подсистемах локальных диалектов увулярный ряд отсутствует; в заимствованных словах согласные этого ряда замещаются соответствующими фонемами гуттурального ряда.

Соотношение согласных пяти основных локальных рядов по акустическим дифференциальным признакам (ДП) может быть представлено следующим образом. Фонемы лабиального и гуттурального рядов противопоставляются фонемам апикального, ретрофлексного и палатального рядов по тоновому признаку низкий — высокий. Фонемы гуттурального ряда противопоставляются фонемам лабиального, а фонемы палатального ряда — фонемам апикального и ретрофлексного рядов по признаку компактный — некомпактный (диффузный). Различение фонем ретрофлексного и апикального (плоского переднеязычного) рядов может быть достигнуто их противопоставлением по вторичному тоновому признаку бемольный — простой.

Различия согласных по типу преграды

По типу преграды смычным согласным противопоставляются щелевые (фрикативные и сонанты).

Противопоставление смычный — фрикативный имеет в НИА языках различную емкость, определяемую числом фрикативных, отмеченных в том или ином языке. В минимальном случае разряд фрикативных представлен двумя членами: сибиллянтом, соотносимым либо с апикальным рядом (как, например, /s/ в непальском), либо с палатальным (как /ʃ/ в бенгальском) и фарингальным /h/, который может быть соотношен со смычными гуттурального ряда. Объем противопоставления расширяется за счет наличия в языке сразу двух названных ти-

но в сибилантов (например, в синдхи, панджабском, хинди, гуджаратском, маратхском), а также ретрофлексного сибиланта /s/, имеющего фонемный характер в подсистемах хинди, гуджаратского и маратхского языков, принадлежащих лицам, знакомым с санскритом, а в основных системах этих языков выступающего в качестве комбинаторного варианта фонемы ///. Место фрикативного в лабиальном ряду может замещаться звонким губным щелевым /v/, представляющим одну из возможных реализаций (в маратхском, гуджаратском и ория — наиболее обычную) фонемы, которую мы условно трактуем как лабиальный пенисовый сонант (см. ниже), а также глухим /f/, представленным главным образом как распространенный индивидуальный вариант смычного придыхательного (в этом случае фонологического противопоставления нет), но, кроме того, выступающего и как фонема, противопоставляемая /p/ в некоторых подсистемах (например, в урду: /fal/ 'примета' ~ /p'al/ 'сошник' и т. п.).

Аналогичным образом в ассамском языке в гуттуральном ряду выступает заднеязычный щелевой /x/; он же отмечен в подсистемах гуджаратского, где им замещаются сибиланты. В этом случае фарингальный /h/ оказывается вне локальных рядов². В целом для НИА языков противопоставление смычный — фрикативный носит ограниченный характер, охватывая, как правило, лишь часть локальных рядов и более широко проявляясь в отдельных языковых подсистемах. В акустических терминах это противопоставление может быть выражено через ДП непрерывный — прерванный.

Противопоставление сонантов шумным (смычным и фрикативным) касается в первую очередь апикального ряда, в котором во всех НИА языках мы находим плавный /l/. В тех языках, где имеется ретрофлексный /l/ (панджабский, гуджаратский, маратхский, ория, диалекты раджастан), это противопоставление распространяется и на ретрофлексный ряд. Интерпретируя звонкие щелевые лабиального и палатального рядов как сонорные (полугласные) /w/ и /y/³, мы можем дополнить группу сонантов еще двумя членами. Однако при анализе по бинарным акустическим признакам полугласные /w/ и /y/ удобнее противопоставить латеральным, характеризующимся признаками согласности и гласности, как несогласные и негласные.

² Такая трактовка /h/ представляется более удобной и для других НИА языков, причем не только потому, что таким образом не нарушается единообразие общей схемы, но, главное, ввиду отсутствия однозначных соотношений между /h/ и гуттуральными смычными, с одной стороны, и между сибилантами и смычными соответствующих рядов — с другой. Трактовку /h/ как полугласного [Cardona, 28 сл.] вряд ли удобно принять. Относительно /h/ см. также ниже (стр. 153).

³ Вопрос о фонемной интерпретации этих звуков представляется одним из наименее ясных в НИА фонологии. При решении его в числе прочих факторов необходимо учитывать следующие: 1) возможность их различной фонетической реализации в пределах одного и того же языка (например, в идиолектах носителей хинди фонема /w/ реализуется как губно-зубной шумный [v], губно-губной шумный [ʒ] и губно-губной сонант [w]; сосуществование шумного и сонорного вариантов, часто обусловленных позиционно, отмечено и в большинстве других НИА); 2) вариантность [v]/[b] и [y]/[j], проявляющаяся не только в диахроническом, что хорошо известно по историческим описаниям НИА языков, но и в синхронном плане; 3) усматриваемое рядом исследователей отношение дополнительного распределения между сонантами w, y, с одной стороны, и гласными u (u), i (i) — с другой, и вытекающую отсюда трактовку w/u и y/i как единых фонем [Елизаренкова III, 5]. В данном описании мы принимаем чисто условное решение: в тех случаях, когда допускается вариантная трактовка лабиального щелевого, в качестве основного берется сонорный вариант; вместе с тем, ввиду отсутствия достаточно глубокого исследования дистрибуции фонем хотя бы для одного из НИА языков, мы предпочитаем воздержаться от фонематического отождествления полугласных с гласными u(u) и i(i).

С латеральными смыкаются дрожащий сонорный /г/ и одноударный сонорный /г/, также обладающие признаками согласности и гласности, но противостоящие первым как прерванные непрерывным и составляющие, таким образом, самостоятельную группу.

Следует иметь в виду, что относительно фонемной трактовки ретрофлексного одноударного /г/ (и соответствующего ему придыхательного — /г'/) существуют различные точки зрения. Представляя собой НИА инновацию на почве СИА непачального ретрофлексного звонкого смычного, /г/ и /г'/ в сфере ИА лексики большинства НИА языков находятся в отношении дополнительного распределения к /д/ и /д'/⁴. Последние возможны главным образом в начальной позиции, а также в срединной при геминации и в сочетаниях с некоторыми другими согласными, прежде всего с /п/ (в отдельных языках допустимы также в других случаях, обусловленных фонетическим окружением), тогда как первые выступают в срединной (в первую очередь интервокальной) и конечной позициях⁴.

Однако широкое заимствование англицизмов, альвеолярные смычные которых воспроизводятся в НИА языках как ретрофлексные, практически снимает в литературных языках дистрибутивные ограничения, налагаемые на /д/ (ср., например: /lɪdər/ 'лидер', /goʃ/ 'улица' и т. д.), и создает условия появления пар с минимальным контрастом /д/ ~ /г/'. Вместе с тем в отдельных НИА диалектах фонологическое противопоставление /д' ~ /г'/ может носить исторически закономерный характер, проявляясь не только в заимствованиях, но и в сфере ИА лексики, что обусловлено своеобразием путей развития в них СИА интервокальных звонких ретрофлексных смычных. Таково, в частности, положение в харати и марвари [Allen IV, 7—8], и не исключена возможность, что аналогичные данные будут получены при детальном обследовании других диалектов [Gumperz, 215; Firth I, 236].

Возможность фонологического противопоставления /д' ~ /г'/, реализуемая при адаптации английских заимствований, а также ощущение различия между /д, д' и г, г' в языковом сознании носителей НИА языков, подтверждаемое появлением в современных алфавитах важнейших из этих языков (кроме ассамского и маратхского) специальных графических знаков для /г/ и /г'/, дают нам основание трактовать их как самостоятельные фонемы в большинстве основных НИА языков, исключая ассамский, в котором вообще отсутствуют согласные ретрофлексного ряда, и, по-видимому, маратхский, где чередования /д' г/ и /д' г'/ выражены наиболее последовательно. Конечно, не следует забывать об условности такого решения, ввиду крайне узкого объема функционирования названного противопоставления и неравнозначности его в отдельных языковых системах и подсистемах.

Вторичные признаки согласных

К числу вторичных мы относим те признаки согласных, которые не обусловлены их принадлежностью к локальному ряду и типом преграды (модальные признаки второй степени, по Трубецкому). Существенные для НИА языков признаки такого рода: звонкость, придыхательность и способ размыкания.

⁴ Подробнее о соотношении /д-г/ в различных НИА языках см.: [Husain, 19—24; Gumperz, 215; Allen IV, 7—8; Pandit I, 217; Firth I, 235—236; Ferguson & Chawdhry, 33, и др.].

Корреляция звонкости

Противопоставление глухих и звонких существует во всех НИА языках и распространяется на все смычные, не затрагивая, как правило, щелевые. Исключение представляют сибиллянты апикального ряда в ассамском, а также в некоторых подсистемах хинди (урду), панджабского и синдхи. НИА фарингальный щелевой обычно имеет характер звонкого [ɦ]. Глухой [h] выступает как его вариант. Фонологическое противопоставление /ɦ/ ~ /h/ отмечено только в отдельных диалектах раджастан (марвари, мевари), где имел место фонетический переход $s > h$, ср. мевари: /ɦati/ 'слон' ~ /hati/ 'товарищ' [Allen IV, 7].

Принято считать, что противопоставление по звонкости — глухости в НИА сохраняет релевантность во всех позициях. В этой связи представляют интерес наблюдаемые в ассамском языке случаи оглушения конечного звонкого в заимствованных словах, например: /kitap/ 'книга' < ар. *kitāb*. Следует отметить также комбинаторное оглушение и озвончение конечных смычных на стыке слов и морфем, которое наблюдается в ряду других ассимилятивных явлений в быстром стиле речи во многих НИА языках и их диалектах, например: бр. [kəp k'ao] < /kəb k'ao/ 'когда съешь?', [ruggəi] < /ruk gəi/ 'остановилась' [Dh. Varma, 58; ср. Saksena, 93 сл.].

Корреляция придыхательности

Для НИА языков характерно противопоставление придыхательных и непридыхательных согласных. Фонетически придыхательность (аспирация) согласного заключается в том, что его основная артикуляция, такая же, как у соответствующего непридыхательного, сопровождается шумным выдохом. При этом звонкие согласные имеют звонкое придыхание, глухие — глухое⁵.

Сильной позицией для аспирированных согласных является начальная (перед гласным или носовым сонантом). Существенное ослабление аспирации в срединной позиции (особенно перед согласным) и почти полное исчезновение ее в конечной засвидетельствовано в бенгальском [Nai, 142 сл.; Ferguson & Chawdhry 45 и др.] и других языках и диалектах восточной группы [Tiwari, 11]. То же, по-видимому, имеет место в центральных и западных языках и их диалектах, например в брадже [Dh. Varma, 56]. Комментируя стандартное произношение урду, Т. Бейли отмечает, что аспирация начального придыхательного слышна во всех случаях, интервокального — в одной трети случаев, конечного — исчезает полностью, например: [səma] = /səməj/

⁵ Вопрос о фонологической интерпретации аспирата в последнее время достаточно живо дебатировался в индологической литературе [Pandit II, 169 сл.; Allen I, 68 сл.; Nai, 142 сл.; S. Prasad, 118 сл.; Ferguson & Chawdhry, 45 сл.; Шрипастав, 13—14, и др.]. Однофонемной трактовке придыхательных противопоставляется их интерпретация в виде сочетаний «непридыхательный + /h/». Обе позиции могут быть подкреплены убедительной аргументацией, поскольку и фонетически, и фонологически (в частности, это касается дистрибуции) придыхательные согласные обнаруживают тесный параллелизм, с одной стороны, с соответствующими непридыхательными, а с другой — с /h/. Несмотря на несомненные удобства интерпретации придыхательных как сочетаний, позволяющей придать большую компактность системе консонантизма, мы предпочитаем от нее отказаться, учитывая прежде всего «спаянность» обоих элементов придыхательного согласного, выражающуюся в невозможности провести между ними слогораздел, что отличает придыхательные от любого известного в НИА языках типа сочетаний согласных.

‘разум’, [hat]=/hat/ ‘рука’ [Bailey V, 935]. О тенденции к дезаспирации конечных придыхательных в гуджаратском говорит Р. Тёрнер [Turner III, 510]. Аналогичную тенденцию можно наблюдать и в маратхском. Менее ясно положение в панджабском, где глухие придыхательные, по-видимому, сохраняются и в конечной позиции [Gill & Gleason, 30], и в синдхи⁶.

Большое разнообразие правил дистрибуции придыхательных демонстрируют диалекты раджастанхи. Например, в южном мевари пена-чальных аспират нет вообще, в северном мевари и хараути нет пена-чальных звонких аспират, а в марвари аспираты (как глухие, так и звонкие) могут занимать любую позицию. Единственное действующее здесь и общее для всех раджастанских диалектов ограничение — невозможность двух аспират в одном слове [Allen IV, 6—7].

Как правило, противопоставление по придыхательности распространяется на всю систему согласных, кроме целевых шумных. В максимальном объеме оно проявляется в сфере шумных смычных. Придыхательным сонантам всех типов присуще существенное ограничение дистрибуции: они обычно не встречаются в сильной для данного класса фоне-м позиции — начальной (чуть ли не единственное исключение представляет маратхский), с чем, по всей вероятности, связана и весьма низкая частота их встречаемости. Очевидная ослабленность данного признака применительно к сонантам, возможно, и явилась причиной того, что придыхательные сонанты не нашли отражения в виде отдельных знаков в алфавитах НИА языков. Нередки случаи, когда в описаниях тех или иных НИА языков и диалектов придыхательные сонанты совсем не упоминаются или же набор приводимых уступает допустимому максимуму: по-видимому, потенциально возможные противопоставления либо не полностью реализуются в конкретных формах языков, либо бывают представлены там в таком ограниченном объеме, что ускользают от внимания исследователей. Так или иначе, определение состава придыхательных сонорных фоне-м во многих НИА языках оказывается затруднительным, и наибольшее число расхождений относительно фоне-много инвентаря тех или иных языков, встречаемых в их описаниях, обычно касается именно этой группы согласных.

Определенно отсутствуют придыхательные сонанты в панджабском, занимающем в отношении названного противопоставления особое место среди НИА языков: оно затрагивает здесь только глухие смычные, и вследствие этого в языке вообще нет звонких придыхательных (присущая им в прошлом смыслоразличительная функция ныне перешла к тонам — см. ниже, стр. 180). В маратхском универсальность противопоставления по придыхательности для смычных нарушается отсутствием глухого придыхательного аффриката в апикальном ряду (обычно здесь отмечаются только /c/, /j/ и /ʃ/)⁷.

По мнению С. К. Чаттерджи, в ряде НИА языков и диалектов аспираты утрачивают элемент придыхания и заменяют его гортанной

⁶ В связи с явлением утраты аспирации представляют интерес весьма сходные с этим случаи выпадения /h/ (интервокального и особенно конечного; редко — начального), отмечаемые в большинстве НИА языков и их диалектов [Bailey V, 935; Dh. Varma, 55; Clark, 49; Chatterji II, III; Allen IV, 6 и др.].

⁷ Ср., однако, замечание Н. Калелкара о существовании в маратхском геминированного глухого придыхательного переднеязычного ss', воспроизводящего интервокальное сочетание ts в заимствованных из санскрита словах, что привело к появлению контрастной пары: mǝṣṣ'ǝr 'комар' ~ mǝss'ǝr (<скр. *matsara*) 'ревность' [Kalelkar, 263].

смычкой. Отмечая это явление прежде всего в восточнобенгальских диалектах и уподобляя его «рекурсии» в синдхи (где, однако, наряду с «рекурсивными» сохраняются придыхательные), Чаттерджи находит нечто подобное в диалектах раджастанхи и гуджаратского, а также в панджабском [Chatterji VII, 15—44; ср. Chatterji IV, 408 сл.]. Если принять эту точку зрения, то придется признать, что в таких случаях корреляция придыхания уступает место корреляции рекурсии. Однако фонетический характер этого явления не вполне ясен в самих восточнобенгальских диалектах, до сих пор не подвергшихся инструментальному обследованию. Что же касается раджастанхи и гуджаратского, то исследователи этих языков определенно усматривают в них наличие аспирированных согласных и не проявляют склонности разделять точку зрения Чаттерджи⁸. По-видимому, на данном этапе изучения этих языков будет правильнее признавать релевантным для них противопоставление по придыхательности.

Акустически придыхательные противостоят непридыхательным как напряженные ненапряженным.

Корреляция способа размыкания

Противопоставление согласных по способу размыкания наблюдается в синдхи и граничащих с ним диалектах раджастанхи, гуджаратского и панджабского. Здесь выделяется особая группа смычных согласных, обычно именуемых «рекурсивными» [Turner VI, 301 сл. и др.] или «имплозивными» [Bailey VIII, 835]. Судя по описанию их артикуляции, они наиболее соответствуют «инъективным» в терминологии английских фонетистов. Образование этих смычных характеризуется следующим образом: «Непосредственно после того как губы или язык и нёбо образуют смычку, голосовая щель закрывается. Гортань опускается и ощущается заметное мускульное напряжение. Голосовые связки остаются сомкнутыми, пока не размыкается смычка, образованная губами или языком, и, как следствие этого, в ротовую полость позади смычки не засасывается воздух. Затем голосовая щель открывается для образования голоса» [Turner VI, 304]. Таким образом, для данной группы согласных характерно невзрывное размыкание.

Интересно, что противопоставление по способу размыкания распространяется только на четыре из пяти основных локальных рядов. Имеются лабиальный /b/, ретрофлексный /d'/ и гуттуральный /g'/ этого типа; четвертый же согласный, по традиции обычно соотносимый с палатальными аффрикатами [Trumpp, XVIII; Егорова, 17], что вполне оправдано диахронически, поскольку в лексике таджави он восходит к ДИА палатальным (j, y), по своей синхронной фонетической характеристике оказывается сильно палатализованным переднеязычным («palatalized blade-front-dento-alveolar» — Bailey VI, 835; «a strongly palatalized d» — Turner VI, 301; ср.: «is still pronounced as a compound sound = dy» — Trumpp, 15—16). Очевидно, здесь проявляется тенденция к восстановлению симметрии в современной системе смычных путем заполнения пустующей позиции в апикальном ряду за счет аффрикат, характеризующихся, как и инъективные, невзрывным размыканием (ср. ниже). Поэтому в современной синхронной системе мы

⁸ Например, в марвари звонкие смычные утрачивают аспирацию, но в результате прямо противоположного процесса: звонкие непридыхательные становятся инъективными («имплозивными», «рекурсивными») и как таковые противостоят неинъективному придыхательному, аспирация которых оказывается фонологически избыточным признаком и стирается [Allen IV, 7].

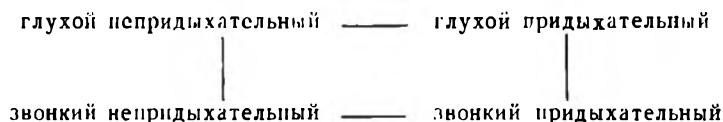
позволим себе трактовать этот согласный как /d'/, т. е. отнести его к апикальному ряду. Показательно в этой связи положение в марвари, где как инъективные произносятся непридыхательные звонкие смычные, кроме аффрикаты /j/ [Allen IV, 7].

Как проявление корреляции размыкания можно рассматривать и противопоставление взрывных и аффрикат, фонологически irrelevantное для большинства НИА языков, поскольку аффрикаты в них представлены лишь в палатальном ряду, где отсутствуют взрывные⁹. Только в маратхском, где наряду с палатальными появились апикальные аффрикаты (первоначально, как комбинаторные варианты среднеязычных), данное противопоставление приобретает фонологическую релевантность в пределах апикального ряда [ср.: Pandit IV, 70, п. 1]. Содержание и объем его остаются не вполне ясными ввиду неисследованности дистрибуции фонем маратхского языка.

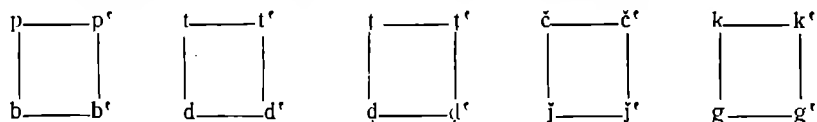
Для различения аффрикат и взрывных может быть использован ДП яркий — тусклый, а для выделения инъективных ДП глоттализированный — неглоттализированный.

Соотношение вторичных признаков согласных

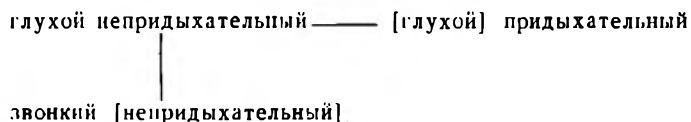
Противостоя друг другу по признакам звонкости и придыхательности, НИА смычные согласные образуют четырехчленные пучки типа:

Число таких пучков соответствует числу отмечаемых в том или ином языке локальных рядов, т. е. обычно равно пяти¹⁰:

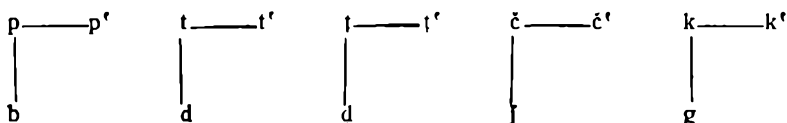
Такого рода четырехчленные пучки свойственны большинству НИА языков. Исключения составляют панджабский и синдхи. В панджабском, где отсутствует противопоставление звонких по придыхательности, смычные согласные объединяются в трехчленные пучки:

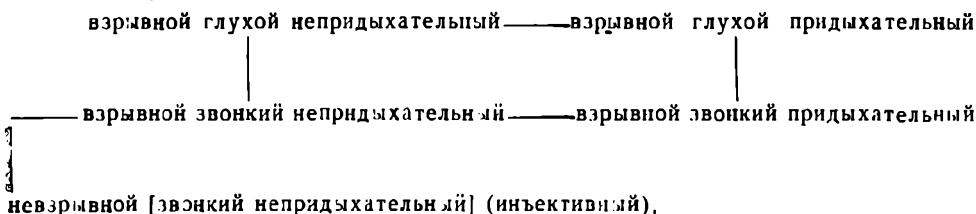
⁹ Использование одного и того же признака (взрывное — невзрывное размыкание) для противопоставления взрывным двух качественно различных групп согласных (инъективных и аффрикат) представляется в принципе допустимым, ввиду того что смешение последних в каком-либо из НИА языков исключается: с одной стороны, там, где имеются инъективные согласные (например, в синдхи), противопоставление взрывной — аффриката фонологически несущественно; с другой стороны, в маратхском, где противопоставление взрывных и аффрикат становится фонологически значимым, инъективных согласных нет.

¹⁰ В маратхском может быть выделен также шестой (неполный ?) пучок переднеязычных аффрикат. В ассамском таких пучков всего три.

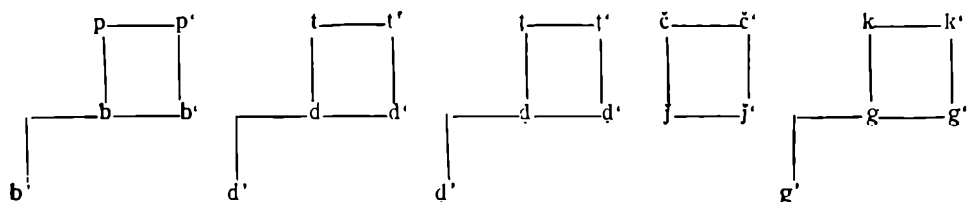
образуя систему:

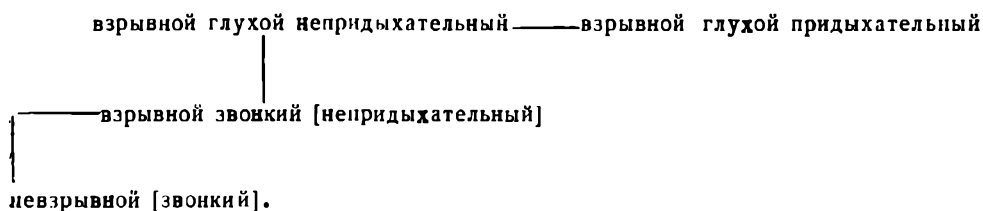
В синдхи, где наблюдается отсутствующее в других НИА языках противопоставление по способу размыкания, смычные образуют пятичленные пучки:

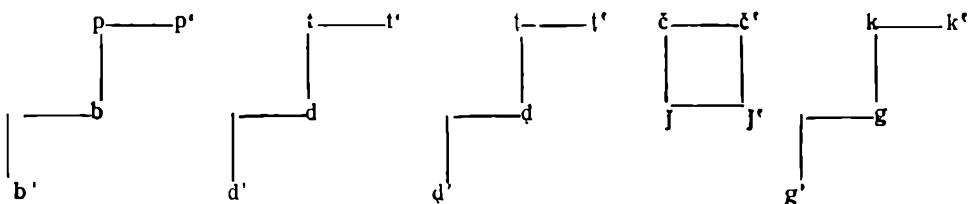
где инъективный лежит в иной плоскости, чем остальные четыре, противостоя всем им вкупе, как невзрывной взрывным. Система смычных синдхи предстает в следующем виде:

Это лишь основные типы пучков смычных в НИА языках. О возможности существования в диалектах промежуточных, или переходных, случаев свидетельствует пример марвари, где звонкие непридыхательные становятся инъективными, а звонкие придыхательные утрачивают аспирацию. В результате взаимные связи членов по-прежнему четырехчленного пучка существенно изменяются, что придает ему новый характер асимметричного трехмерного сочленения:

При этом в одном из пучков (представляющем палатальный ряд) сохраняются прежние отношения членов, что нарушает последовательность системы смычных;

Корреляция назальности

Смыслоразличительное противопоставление носовых и неносовых согласных в НИА языках распространяется только на группу смычных¹¹. Неносовым шумным здесь противостоят носовые сонанты. Хотя в любом НИА языке нетрудно обнаружить полный набор носовых согласных, соотносимых с каждым из имеющихся в данном языке локальных рядов смычных, фонологическая значимость этих носовых неравноценна: наряду с самостоятельными фонемами в такой набор могут входить звуки, выступающие в этом языке только в качестве комбинаторных вариантов фонем. Следовательно, если противопоставление носовых смычных неносовым в целом фонологически релевантно для всех НИА языков, то характер и объем фонологических противопоставлений внутри группы носовых (по локальному ряду) в разных языках различен.

Всем без исключения НИА свойственно выделение в качестве самостоятельных фонем носовых согласных лабиального и апикального рядов (/m/ и /n/), способных выступать в любой позиции: начальной, срединной и конечной, например: х. /mɛʃana/ 'возбуждать' ~ /nɛʃana/ 'заставлять плясать'; х. /ʃima/ 'поцелуй' ~ /ɕipa/ 'известь'; х. /am/ 'манго' ~ /an/ 'почет'.

Ретрофлексный носовой /ɳ/ как фонема, противостоящая в срединной и конечной позициях¹² двум названным выше, имеется в панджабском, синдхи, гуджаратском, маратхском и, по-видимому, в ория (например: г. /kam/ 'работа' ~ /kan/ 'ухо' ~ /kaɳ/ 'похоронная процессия' [Pandit, 167]). В ория фонологическое противопоставление /ɳ/ ~ /n/ отмечено только в срединной позиции [Pattanayak II, 160]. В хинди и непальском [ɳ] является комбинаторным вариантом плоского апикального /n/, выступающим перед ретрофлексными шумными. Наряду с этим в некоторых диалектных подсистемах [Gumperz, 213], а также в подсистемах лиц, знакомых с санскритом [Шривастав, 10], противопоставление /ɳ/ ~ /n/ приобретает фонологическую релевантность.

Заднеязычный носовой /ŋ/ имеет фонемный характер в бенгальском, ассамском, ория, непальском, панджабском и, очевидно, маратхском и синдхи, выступая, как и /ɳ/, только в срединной и конечной позициях, например: б. /gan/ 'песня' ~ /gaɳ/ 'река' [Ferguson & Chawdhry, 44].

Носовой палатального ряда /ɲ/ как самостоятельная фонема отмечен только в панджабском и синдхи, например: п. /əjaɳa/ 'дитя' [Gill & Gleason, 30], с. /reɳeɳo/ 'клетка' [Егорова, 19]; ср. также: п. /gɛmɲ/ 'намеки' ~ /gɛɳɲ/ 'горе'. В остальных НИА языках он проявляется как комбинаторный вариант носового перед палатальными шумными.

До недавнего времени среди исследователей НИА языков господствовало мнение, что фонологическое противопоставление НИА носовых согласных по локальному признаку релевантно кроме конечной только в превокальной позиции, тогда как в преконсонантной оно нейтрализуется, и носовой, ассимилируясь по локальному ряду следующим за ним согласным, может рассматриваться как вариант архифо-

¹¹ Возможен и другой путь описания, когда в качестве основного классификационного признака носовых берется их сонантность, а не смычность. В этом случае сфера действия противопоставления по назальности ограничится частной системой сонантов, тогда как для системы смычных признаков назальности окажется избыточным.

¹² По-видимому, возможности реализации начального носового в НИА языках ограничиваются лабиальным и апикальным рядами.

немы «носовой смычный» или, если учесть возможность реализации носового перед сибилантами в качестве щелевого, как «носовой согласный вообще» [Firth II, 51; B. Prasad, 189 и др.; ср. Allen II, 45]. Последние фонологические описания некоторых НИА языков показывают, что названос выше ограничение по меньшей мере не универсально. Гетерогантные сочетания носового с шумным согласным, противостоящие гомогантным, отмечены, например, в гуджаратском (ср.: /čimki/ 'щипок', /maŋki/ 'быстрая', /jaŋki/ 'Джанки', /waŋki/ 'гнутой' [Pandit II, 168]), маратхском (/cəŋki/ 'серьга', /dəŋka/ 'удар', /dəŋka/ 'литавры' [там же]), бенгальском (/am̥i/ 'манго', /aŋi/ 'кольцо' [Ferguson & Chawdhry, 43]), панджабском (/čəmk/ 'блеск', /kəŋk/ 'пшеница', /ɟk/ 'глава [книги]' [Gill & Gleason, 34]), не чужды они и хинди (ср., например, /mkan/ 'возможность', /ŋkar/ 'отказ', /ɳk/ 'чернила' или /maŋta/ 'слушает' и /məŋta/ 'ласка' и т. п.). Очевидно, аналогичные примеры могут быть обнаружены и в других НИА языках¹³.

Ввиду ограничений дистрибуции носовых согласных ретрофлексного, палатального и гуттурального рядов в некоторых НИА языках они оказываются в отношении дополнительного распределения и могут трактоваться как варианты одной фонемы /N/ — пелабиального и неапикального носового, например, в ория фонема /ŋ/ возможна только в срединной позиции, а /ŋ/ — в конечной и перед гуттуральными взрывными [Pattanayak II, 160]. В качестве аллофонов «носового вообще» (/N/) нередко трактуются гомогантные носовые в сочетаниях с шумными, а в отдельных случаях сюда же относят назализацию гласного [Pandit II, 166; ср. Cardona, 19 сл.]. Мы предпочитаем воздержаться от фонологического отождествления назализации гласных с носовыми согласными, а конкретные реализации последних там, где они не обусловлены комбинаторно (т. е. вне сочетаний NC), рассматриваем как отдельные фонемы, в сочетаниях же — как аллофоны апикального носового.

Общая структура системы согласных

Основу консонантизма НИА языков составляют смычные согласные, распределяющиеся, как правило, по пяти локальным рядам (исключение — три ряда в ассамском) и представленные внутри каждого ряда аналогичными по составу пучками. Наиболее распространенный тип такого пучка — четырехчленный с противопоставлениями по глухости — звонкости и непридыхательности — придыхательности (исключения: трехчленные пучки без звонких придыхательных в панджабском языке; пятичленные с инъективными согласными в синдхи). В маратхском структура системы смычных осложняется фонологическим противопоставлением взрывных и аффрикат. В каждом из основных локальных рядов имеет место одна реализация смычного носового, но поскольку не каждая такая реализация обладает фонемной значимостью, число носовых согласных фонем в НИА языках варьирует от двух до пяти.

НИА языки бедны шумными щелевыми, которые представлены здесь в первую очередь одним или двумя глухими сибилантами (тре-

¹³ В плане диахронии гомогантность носового последующему шумному согласному, т. е. ассимиляция носового шумным по месту образования, закономерна в НИА только для «старых» сочетаний NC, восходящих к СИА и ДИА состоянию языка. Новые сочетания N+C, образованные посредством редукции гласного, ранее разобщавшего носовой и шумный согласные (N+C<NVC), а также встречающиеся во внешних (не ИА) лексических заимствованиях, этой закономерности не следуют.

тий, принадлежащий к ретрофлексному ряду, выступает только в языковых подсистемах; звонкий сибилант имеется в основной системе только одного — ассамского — языка и в ряде других языков представлен в подсистемах) и фарингальным /h/. Помимо этого глухой щелевой гуттурального ряда отмечен в ассамском (и подсистемах гуджаратского). Другие шумные щелевые могут выступать в основных системах НИА языков лишь как аллофоны смычных или сонорных фонем (так, [f] мы рассматриваем как аллофон /p'/, а [v] как аллофон сонанта /w/); самостоятельную же фонемную значимость они приобретают только в фонологических подсистемах.

Сонанты в НИА языках представлены: латеральными (апикальным- /l/ и ретрофлексным /l'/), дрожащим /l/, одноударным /ɾ/ и полугласными (лабиальным /w/ и палатальным /y/). Различия между отдельными НИА языками в отношении этой группы определяются ограниченностью сферы распространения /l/ (отмечен в панджабском, гуджаратском, маратхском, ория) и расхождениями в фонологической роли /ɾ/. Не вполне ясно место в фонологических системах отдельных языков аспират /p'/, /t'/ и /t'/.

Перечисленные типы НИА согласных с их основными фонетическими характеристиками представлены в табл. 1 (выделены фонемы, присутствующие всем девяти важнейшим северным НИА языкам; в квадратных скобках даны звуки, имеющие фонемный характер только в языковых подсистемах, а в основных системах выступающие как варианты фонем; набор согласных фонем каждого отдельного языка может быть установлен путем сопоставления данной таблицы с табл. 2).

Суммарная фонемная модель НИА согласных

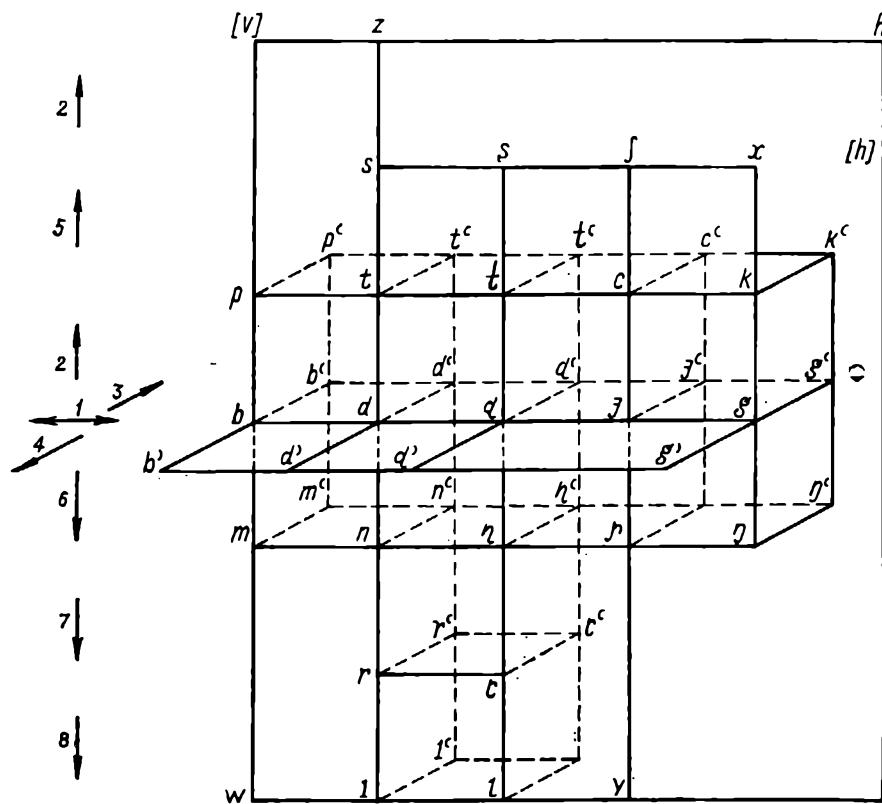

Таблица 1

Типы НИА согласных и их основные фонетические характеристики

													Лабиальные (губно-дентальные)	Апикальные (дорсальные)	Ретрофлексные (какуминальные)	Палатальные	Гуттуральные (велярные)	Увулярные	Фарингальные													
Прерывные													р	t	t̪		k	[q]														
смычные													pʰ	tʰ	t̪ʰ		kʰ															
неносовые													b	d	d̪		g															
шумные													bʰ	dʰ	d̪ʰ		gʰ															
невзрывные													аффрикаты		глухие	непридыхательные		c		ç												
															придыхательные <td></td> <td>(cʰʔ)</td> <td></td> <td>çʰ</td> <td></td> <td></td> <td></td>		(cʰʔ)		çʰ													
															звонкие	непридыхательные		ʝ		ʝ												
																придыхательные		ʝʰ		ʝʰ												
													инъективные			bʰ	dʰ	d̪ʰ		gʰ												
													Непрерывные													m	n	ɲ	ɳ	ŋ		
													щелевые													mʰ	nʰ	ɲʰ		ŋʰ		
													неносовые													[f]	s	[ʃ]	ʃ	x	[χ]	[h]
сопранты													шумные		глухие	[v]	z				[ɣ]	[ɦ]										
															звонкие																	
													плавные и полугласные	непридыхательные	w	ɹ	ɹ	y														
														придыхательные	wʰ	ɹʰ	[ɹʰ]															
дрожящие и одноударные													непридыхательные		ɾ	ɾ																
													придыхательные		ɾʰ	ɾʰ																

За ядро фонологической схемы консонантизма каждого НИА языка может быть принята цепь пучков шумных смычных согласных. Вокруг каждого из этих пучков группируются соотносимые с ним по локальному ряду щелевой шумный и сонанты — носовой и неносовые (непрерывный и прерванный). Для синдхи и маратхского такая схема должна выражать восьмимерные отношения (отражает противопоставления: 1) лабиальный — апикальный и т. д., 2) глухой — звонкий, 3) непридыхательный — придыхательный, 4) взрывной — невзрывной, 5) смычный — фрикативный, 6) непосовой — носовой, 7) смычный — прерванный сонант, 8) смычный — непрерывный сонант). Для остальных НИА языков достаточно семимерной схемы (исключается противопоставление: взрывной — невзрывной). Попытку графически передать перечисленные отношения (обозначены на полях стрелками с нумерацией по приведенному выше перечню) представляет «Суммарная фонемная модель НИА согласных» (см. выше схему), в которую сведены фонемы консонантных систем девяти основных северных НИА языков (кроме трех переднеязычных аффрикат маратхского, включение которых потребует некоторой перестройки модели).

ГЛАСНЫЕ

Для отождествления гласных НИА языков в принципе достаточно охарактеризовать их по двум параметрам, определяющим их локальную соотношенность (тембровый класс) и степень раствора (ступень полнозвучности), и указать на наличие или отсутствие носового резонанса. Помимо этого НИА гласным присущи другие фонетически существенные признаки (огубленность, напряженность), которые в принятой здесь схеме оказываются избыточными, но могут быть использованы при иных путях описания. Заслуживает внимания также вопрос о резонансном признаке «приглушения», или «аспирации».

Такие признаки, как долгота, ударение и тон, обнаруживающие определенную степень взаимозависимости и обладающие в тех или иных НИА фонологической релевантностью, мы относим к категории просодических. Описание систем НИА гласных в чистом виде возможно без их привлечения, но тесная связь их с гласными как слононосителями делает целесообразным дать характеристику этих признаков непосредственно вслед за описанием системы гласных.

Локальные (тембровые) признаки

Гласные любого из НИА языков могут быть отнесены по меньшей мере к двум локальным рядам — переднему и заднему — или, иными словами, к двум тембровым классам — высокому и низкому. Смыслоразличительное противопоставление гласных переднего и заднего ряда прослеживается по всем степеням раствора, кроме максимальной, представленной во всех рассматриваемых языках одной фонемой /a/.¹⁴

¹⁴ Это утверждение на первый взгляд противоречит принятой во многих наших описаниях НИА языков (кроме восточных) фонетической схеме, где на низшей ступени подъема гласному смешанного ряда [a:] («долгому») противопоставляется гласный переднего ряда [a] («краткий») [Рудип II, 264, и др.]. Но нужно иметь в виду, что [a] здесь выступает как аллофон фонемы, имеющей весьма широкую полосу реализации — от [a] (и даже [æ]) через [ə] до [ʌ], причем наиболее обычной как в безударном, так и в ударенном положении является ее реализация в качестве [ə] [Bailey V, 935, 939]. Поэтому на фонологическом уровне ее лучше трактовать как /ə/, противопоставляя ее /a/ (= [a:]) по степени раствора, а не по ряду, что и делается в большинстве последних специальных работ.

Система, включающая два локальных ряда, наблюдается в бенгальском, ассамском и ория. В остальных НИА языках выделяется третий (средний, или смешанный) ряд, представленный гласным нейтрального характера с повышенной по сравнению с соответствующими гласными крайних рядов степенью раствора — /ə/. В этом случае к среднему ряду может быть отнесен и гласный максимальной степени раствора /a/, обладающий, как и /ə/, нейтральной тембровой характеристикой и обнаруживающий определенную фонологическую и морфонологическую соотнесенность с последним. Тем не менее средний ряд и при этом условии остается в отношении числа ступеней раствора неполным по сравнению с крайними рядами (см. ниже). Оба его члена оказываются вне бинарного акустического противопоставления по признаку высокой и низкой тональности, разграничивающего гласные переднего и заднего ряда, и для их идентификации требуется привлечение иных признаков.

Фонологические противопоставления гласных по локальному ряду (тембровому классу) обладают в НИА языках большой устойчивостью и практически не подвержены нейтрализации (если не относить сюда случаи редукции гласных)¹⁵. Примеры таких противопоставлений показаны ниже (см. стр. 167).

Признаки раствора (полнозвучности)

Внутри локальных рядов гласные большинства НИА языков противостоят друг другу по четырем степеням раствора (ступеням полнозвучности). Здесь могут быть выделены гласные высокого (/i/, /u/), верхне-среднего (/e/, /o/), ниже-среднего (/æ/, /ɔ/) и низкого (/a/) подъема. Если существование в любом НИА языке гласных фонем первой, второй и четвертой степеней раствора не вызывает сомнений и вопрос о них не нуждается в комментариях, то гласные ниже-среднего подъема заслуживают специального рассмотрения¹⁶.

Монофтонг ниже-среднего подъема заднего ряда имеет в НИА языках один основной тип реализации — /ɔ/. Соответствующий монофтонг переднего ряда может в разных языках реализоваться различно, занимая полосу от /e/ до /æ/ (основанием помещать /e/ и /æ/ на одно место в системе и рассматривать их как частные проявления одной фонемы служит отсутствие в каком-либо НИА языке фонологического противопоставления /e/ ~ /æ/). В тех языках, где монофтонги ниже-среднего подъема не отмечены (синдхи, непальский) или реализуются только в частных подсистемах (например, в англицизмах в маратхском), соответствующие места в системе могут быть замещены

Требует оговорки также положение в бходжпури, где, согласно приводимым У. Тивари [Tiwari, 3 сл.] таблице и схеме гласных, для максимальной степени раствора также отмечены два гласных: /a/ и /e/ (без количественных различий). Однако судить о реальном характере их противопоставления на основании данной работы трудно, поскольку характеристика /e/ в следующем за таблицей описании фонем опущена, а приводимые далее примеры показывают немотивированное чередование /a/ и /e/. Противопоставление /a/ и /e/ дается и для ассамского [Ghatage 1, 134].

¹⁵ Ср., однако, примеры перехода типа *nageri* < *nagori* 'нагари', *birina* < *birɔna* 'трава' в ассамском [Бабакаев, 21] и возможность 'уподобления' по тембровому классу гласного аффикса направительного падежа гласному основы в ория, например: /sakɔrɔku/ 'слугу', но /natiki/ 'внука' [Карпушкин, 28—30].

¹⁶ Монофтонги ниже-среднего подъема, отсутствовавшие в ДИА и СИА системах вокализма, представляют для НИА языков сравнительно позднее образование и в ряде случаев не имеют однозначного отражения в современных алфавитах. Не удивительно, что они долгое время не привлекали внимания исследователей, рассматривавших НИА языки со сравнительно-исторических позиций, и получают должное освещение лишь в трудах последних десятилетий.

дифтонгами однофонежной значимости ($e_i > \varepsilon$, ε ; $\varepsilon > \varepsilon$). Правомерность подобного замещения демонстрирует хинди, допускающий двойное произношение гласных ниже-среднего подъема — монофтонгиальное, более свойственное западным диалектам и говорам, и дифтонгиальное, распространенное на востоке хиндиязычного ареала [Рудин I, 1259—1260; Bailey VI, 541—542; Bailey V, 935—936; Gill & Gleason, 10]. Фонологический характер противопоставления $/o/ \sim /ɔ/$ ($/ə/$) во всех НИА языках и $/e' \sim /ɛ/$ ($/æ', /əi/$) в западных и центральных языках вполне очевиден, ср., например: х. $/or/$ 'сторона' $\sim /ɔr/$, $[əɔr]$ 'другой', х. $/bel/$ 'лоза' $\sim /bæ/$, $[bəi]$ 'вол'; г. $/ɔɔpɔ/$ 'запачканная' $\sim /ɔɔpɔ/$ 'книжка', г. $/ne'$ 'и' $\sim /nɛ'$ 'трубка [хукки]'; б. $/koge/$ 'сделав' $\sim /kɔge/$ 'делает', б. $/mela/$ 'встреча' $\sim /mæla/$ 'много'; ор. $/kogo/$ 'десять миллионов' $\sim /kɔgo/$ 'делаешь'.

Соотношение $/e'$ и $/æ'$ в восточных НИА языках заслуживает особого рассмотрения. Здесь, в отличие от западных и центральных языков, $/æ'$ исторически восходит не к дифтонгу ai , а к e , а или сочетанию $C+ya$, или же входит в состав английских лексических заимствований, представляя собой во всех случаях явление нового порядка [Chatterji VI, 410; ср. Ferguson & Chawdhry, 37]. В бенгальском $/æ/$ обладает заметно меньшей, чем остальные гласные (в восемь-девять раз ниже, чем $/e'$), частотностью [Ferguson & Chawdhry, 50; ср. Chatterji VI, 271] и редок в конечной позиции, выступая в ней только в «ученых» словах (может также в ряде случаев заменять конечный $/e/$ в подчеркнутого «книжном» стиле произношения). В ассамском $/e/$ в начальной и срединной позициях более обычен, чем $/e'$; последний встречается преимущественно в заимствованиях из санскрита, а также в конечной позиции в качестве именной и глагольной морфемы [Kakati, 64].

В бходжпури, напротив, $/e'$ выступает только в конечной позиции (и, кроме того, в составе дифтонга $â$, соответствующего х. ε), тогда как для $/e/$ характерна начальная или срединная позиция (в конечной — расширенный вариант, «почти $/e'$ » [Tiwarī, 5]), вследствие чего возникает вопрос, не являются ли здесь $/e'$ и $/ɛ/$ позиционными вариантами одной фонемы. В доступных нам описаниях ория [Jones, 75; Карпушкин, 11—12] соответствующий $/ɔ/$ гласный высокого тембрового класса вообще не отмечен. Однако его отсутствие, возможно, объясняется недостаточной изученностью фонемного состава данного языка. Опираясь на положение Трубецкого о том, что в любой системе гласных максимально низкие и максимально высокие тембровые классы содержат во всех случаях одинаковое количество ступеней полнозвучности, мы вправе ожидать при более тщательном обследовании ория (равно как и бходжпури) заполнения указанного пробела¹⁷. Во всяком случае, положение в бенгальском и ассамском языках свидетельствует об очевидной тенденции к восстановлению в системе гласных восточных НИА языков симметрии, нарушенной в результате исторического перехода в них общего ИА $/a/$ в $/ɔ/$, которому в западных и центральных языках соответствует ныне $/ə/$.

Еще одна ступень раствора, занимающая промежуточное положение между описанными выше первой и второй, может быть выделена в системах хинди, панджабского и синдхи для гласных $/i/$ и $/ɪ/$, тра-

¹⁷ Разумеется, это справедливо лишь при условии, что мы трактуем систему вокализма ория, по аналогии с остальными НИА языками, как треугольную. Иначе ее можно рассматривать как трехступенчатую двухклассную четырехугольную, что, однако, нежелательно, поскольку фнетически ε и a противостоят не только по тембровому классу, но и по степени раствора.

диционно квалифицируемых вместе с /ə/ как «краткие»¹⁸. По артикуляторным параметрам /i/ стоит между /i/ и /e/, а /u/ — между /u/ и /o/, противопоставляясь как тому, так и другому [Pinnow, 49; Gumpertz & Naim, 103; Рудин II, 264] (примеры см. ниже, стр. 167).

Противоположение гласных по степени раствора в НИА языках редко подвергается нейтрализации. В большинстве рассматриваемых языков обычны морфологические чередования различающихся по степени раствора гласных одного ряда при словообразовании (например: х. /dik'na/ 'быть видимым' ~ /dek'na/ 'видеть', х. /suk'na/ 'сохнуть' ~ /sok'na/ 'иссушать' и т. п.), правда, более распространены чередования тех гласных, которые могут быть отнесены к разным подклассам — периферийному и центральному (см. о них ниже, стр. 167).

Особое положение занимает бенгальский язык с присущей ему «гармонией гласных» [Chatterji VI, 395; Быкова I, 19—21 и др.]. В сфере собственно бенгальской лексики уподобление гласных по степени раствора, проявляющееся при словообразовании и словоизменении, носит преимущественно регрессивный характер: под влиянием гласного минимальной ступени раствора (/i/, /u/) происходит сужение на одну ступень предшествующего ему гласного второй (/e/, /o/) или третьей (/æ/, /ɔ/) ступеней, например в системе спряжения глагола:

/boʎo/ 'говори' — /boli/ 'говорю',

/ʃono/ 'слушай' — /ʃuni/ 'слушаю',

/dæk'o/ 'гляди' — /dek'i/ 'гляжу',

/lek'o/ 'пиши' — /lik'i/ 'пишу' [Page, 139, ср. также Dimock, 173].

Аналогичное явление наблюдается в именном словообразовании: /g'oʎa/ 'лошадь', 'жеребец' — /g'uʎi/ 'кобыла' [Быкова I, 20]¹⁹.

Влияние предшествующего гласного на последующий проявляется в лексической сфере при адаптации санскритизмов и других иноязычных заимствований. Так, гласный /a/ переходит в /e/ или /o/ соответственно, если ему предшествует /i/ или /u/, например: /içç'e/ 'желание' (<скр. *iccha*), /puʎo/ 'богослужение' (<скр. *pūjā*), /hiʃeb/ 'счет' (<ар. *ḥisab*) и т. д. [Быкова I, 21; ср. Chatterji II, 113].

Артикуляторному противопоставлению гласных по степени раствора соответствует акустический дифференциальный признак: компактный — диффузный²⁰.

¹⁸ От противопоставления их остальным гласным по признаку краткий — долгий (что в принципе было бы вполне закономерно) мы предпочитаем отказаться во избежание смещения фонологической долготы, имея ей место только в названных языках и граничащих с ними диалектах, с фонетической, наблюдаемой во всех НИА языках (см. ниже, стр. 174). Качественные особенности гласных /i/, /ə/, /u/ дают возможность идентифицировать их, не обращаясь к количественному признаку, что ни в какой мере не исключает использования последнего в других типах описания.

¹⁹ В зависимости от конкретного случая можно говорить также и о расширении гласного на одну ступень под влиянием следующих за ним /ə/, /a/, /e/, /o/. В целом это явление весьма напоминает отмечаемое Н. С. Трубецким «приспособление неударяемых гласных к ударяемым по степени открытости» в славянских диалектах и говорах (ВЯ, 1958, I, 70). Характерно, что для бенгальского языка копечная позиция гласного может рассматриваться как сильная (ср. ниже, стр. 176).

²⁰ Поскольку в данном случае имеет место не привативная, а градуальная оппозиция, для идентификации фонем внутри локальных рядов по схеме бинарных противопоставлений недостаточно одного дифференциального признака: диффузный — компактный. Расчленение его на два противопоставления (компактный — некомпактный и диффузный — недиффузный) решает проблему для трехступенчатых систем. Но при описании четырехступенчатых исследователи обычно практически отказываются от принципа дихотомии, вводя в матрицу идентификации третий знак в виде 0, который в этом случае перестает быть символом избыточности признака

Дополнительные фонетические признаки

Лабиализация

Во всех НИА языках гласные заднего ряда — огубленные, гласные переднего ряда — неогубленные. Поскольку случаев обратного соотношения (неогубленные гласные заднего ряда или огубленные переднего или среднего) в НИА языках не отмечено, следует признать, что признак лабиализации /u/, /o/, /ɔ/, хотя он и важен для фонетической характеристики перечисленных гласных, с фонологической точки зрения представляется избыточным. Говоря словами Н. С. Трубецкого, здесь «речь может идти не о лабиализованных гласных заднего ряда и нелабиализованных гласных переднего ряда, а лишь о максимально низких и максимально высоких гласных», и для определения места того или иного гласного в системе достаточно указать его степень полноты и тембровый класс. Вопрос же о том, лабиализован данный гласный или нет, решается автоматически.

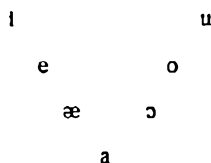
Напряженность

Гласные /i/, /ə/, /u/ отличаются от остальных меньшей степенью напряженности артикуляторных органов при их произнесении. Это дает основание противопоставить /i/, /ə/, /u/ прочим гласным как ненапряженные напряженным [Рудин I, 1257—1260; Gill & Gleason, 12; Allen I, 74]. Несмотря на некоторую фонетическую неопределенность этого признака, проистекающую из его недостаточной изученности, он наряду с основными артикуляторными признаками может быть использован для выделения подклассов внутри системы гласных ряда НИА языков (ср. ниже, стр. 168).

Основные типы систем чистых гласных

Системы чистых гласных НИА языков могут быть представлены в виде плоскостных треугольных схем, различающихся числом отраженных в них тембровых классов (два или три) и ступеней полноты (четыре или пять).

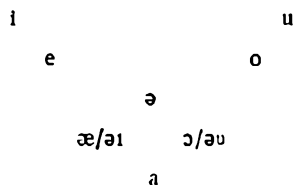
Минимальный случай представляет, по-видимому, двухклассная четырехступенчатая треугольная система типа

и вместо обычного «и да, и нет — всё равно что» должен восприниматься как «ни да, ни нет, а нечто третье» [Елизаренкова III, таблицы], а то и совмещают оба этих приема [Захарьин, 155]. В этом случае представляется более последовательным использовать до конца формальные возможности, которые открывает расчленение признака компактный — диффузный: во-первых, по одному из частных признаков (скажем, компактный — некомпактный), который в этом случае приобретает для данной системы абсолютный характер, расчленить четырехчленную цепочку на ранние части (по две фонемы); во-вторых, по второму частному признаку (диффузный — недиффузный), который в рамках системы в целом должен восприниматься как относительный, идентифицировать члены пар, полученных в результате первой операции. Возможности применения предлагаемой схемы идентификации исчерпываются четырехступенчатыми системами. Для последовательно дихотомического анализа пятиступенчатых систем необходимо их предварительное расчленение по какому-либо добавочному признаку (например, для НИА языков таковым может служить признак напряженности — ненапряженности).

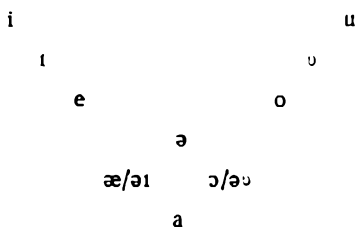
В эту схему укладываются чистые гласные языков восточной группы: бенгальского, ассамского и ория²¹. Фонологический характер выраженных в ней противопоставлений виден на примерах из бенгальского: /k'il/ 'болт' ~ /k'el/ 'игра' ~ /k'æl/ 'играй' ~ /k'al/ 'канал' ~ /k'ɔl/ 'ступка' ~ /k'ol/ 'оболочка' ~ /k'ul/ 'открывать' [Ferguson & Chawdhry, 32].

Более сложна трехклассная четырехступенчатая треугольная система с неполным средним тембровым классом, характеризующимся нейтральным характером и повышенной степенью раствора его членов:

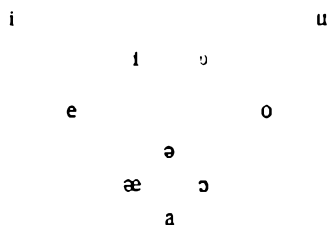
К этой схеме могут быть сведены гласные маратхского, гуджаратского и непальского языков, диалектов Бихара и, возможно, восточных диалектов хинди (например, авадхи).

Случай максимальной сложности представляет пятиступенчатая трехклассная система, также с неполным средним тембровым классом:

Эта схема воспроизводит систему чистых гласных хинди (западные диалекты и литературные стандарты — хинди и урду), панджабского и синдхи. Фонологичность противопоставлений иллюстрируют примеры хинди: /sin/ 'цена' ~ /sɪn/ 'возраст' ~ /sen/ 'сокол' ~ /sæn/ 'знак' ~ /sən/ 'свист' ~ /san/ 'оселок' ~ /sɔn/ 'предзнаменование' ~ /son/ 'Сон' (название реки) ~ /sʊn/ 'слушай' ~ /sun/ 'пустой'.

Данная система может быть представлена и несколько иначе. Отмечаемое в фонетических описаниях входящих сюда языков смещение артикуляционной позиции /ɪ/ назад по сравнению с /i/, а /ʊ/ вперед по сравнению с /u/, равно как увеличение широты раствора у /ɪ/ и /ʊ/ сравнительно с /i/, /u/ и уменьшение у /ə/ сравнительно с /a/ [Firth II, 50 и др.], позволяют выделить /ɪ/, /ʊ/ и /ə/ по их артикуляторной характеристике в подкласс «центральных», противостоящий подклассу «периферийных», включающему остальные гласные.:

²¹ С оговоркой относительно /æ/ для последнего (см. выше, стр. 164). В ассамском же, если принять противопоставление [a] ~ [ɛ] как фонологическое, мы получим четырехступенчатую двухклассную прямоугольную систему.

Целесообразность подобного расчленения обуславливается фонетическими, фонологическими и морфонологическими особенностями обеих групп гласных. Фонетически центральные гласные противопоставляются периферийным как ненапряженные напряженным и как краткие долгим. Фонологическое различие выражается ограничениями в дистрибуции тех и других (см. ниже, стр. 177). Морфонологическое противопоставление каждого центрального гласного периферийным своего тембрового класса (/i/ ~ /i/, /e/, /æ/; /ə/ ~ /a/; /ɔ/ ~ /u/, /o/, /ɔ/) находит отражение в типах чередований гласных при образовании переходных и каузативных глаголов, а также в некоторых случаях именного словообразования путем аффиксации и словосложения.

По признакам напряженности — ненапряженности или долготы — краткости данная система может быть расчленена соответственно названным выше подклассам на две частные системы:

I	i		u	и	I ^a	i	o
II		e		o	II ^a		ə.
III		æ		ɔ			
IV				a			

первая из которых типологически совпадает с общей системой чистых гласных восточных НИА языков. Такое членение позволяет свести максимальное число ступеней полнотонности в схеме к четырем, что облегчает дальнейший анализ системы по бинарным акустическим признакам. Ступени полнотонности гласных центральной системы соотносятся с основными ступенями полнотонности в периферийной системе (I—IV), как I^a (для /i/, /ɔ/) и II^a (для /ə/).

Наряду с перечисленными выше основными типами НИА вокализма наблюдаются переходные. Например, в хараути отмечена асимметричная система, где центральный гласный высокого тембрового класса (/i/) отсутствует, несмотря на наличие соответствующего ему гласного низкого тембрового класса (/ɔ/), а периферийный гласный третьей ступени полнотонности смещен из высокого в средний тембровый класс (/ə/ вместо /e/). Вместе с тем здесь ощущается тенденция к восстановлению симметрии и заполнению пробелов, проявляющаяся в первую очередь на фонетическом (не фонологическом) уровне [Allen IV, 9].

Резонансные признаки

Назализация

Основным признаком, отличающим носовые гласные от чистых, является носовой резонанс. По артикуляционным параметрам, т. е. по положению языка, губ и челюсти, назализованные гласные не всегда точно совпадают со сходными чистыми: например, в бенгальском языке первые несколько менее открыты, чем вторые [Ferguson & Chaudhry, 36, 37]. Тем не менее мы говорим о соответствии назализованных гласных чистым, понимая это в плане замещения теми и другими аналогичных мест в соответствующих системах.

Наряду со смыслоразличительной (фонологической) в НИА языках наблюдается также комбинаторная и спонтанная назализация гласных.

Комбинаторная, или зависимая, назализация

Назализация этого типа определяется звуковым окружением гласного и потому может быть предсказана. Суть ее сводится к тому, что любой гласный любого из НИА языков в непосредственном соседстве с носовым звуком приобретает более или менее отчетливый носовой резонанс²². В результате противопоставление носовых и неносовых (ртовых) гласных в позиции перед носовым согласным нейтрализуется повсеместно [Gill & Gleason, 20; Hoenigswald, 143; Saksena, 45; Ferguson & Chawdhry, 36, 43; Pattanayak II, 163]. То же с частичными отклонениями в отдельных НИА языках проявляется и в отношении гласных после носового согласного, в частности, в конечной позиции [там же]; ср., однако, ор. /na/ 'лодка' ~ /nā/ 'имя' [Pattanayak II, 163]. В панджабском позиционная назализация не распространяется на конечный гласный с низким тоном [Gill & Gleason, 20]. Назализация этого типа говорящими осознается, по-видимому, слабо и в орфографии отражается испоследовательно, обозначаясь преимущественно в тех случаях, когда это диктуется соображениями историко-этимологического характера, например: х. *mēḍha* и *merhā* 'баран' (<скр. *meṇḍhaka*); х. *nībū* и *nibū* 'лимон' (<скр. *nimbū*); ср., напротив, х. *mā* и *mā* 'мать' (<скр. *mātṛ*). Фонологической значимости зависимая назализация не имеет.

Спонтанная²³, или произвольная, назализация

Этот тип назализации подразумевает свободное чередование носовых и неносовых гласных (в одном и том же слове, в одной и той же позиции), не несущее смыслоразличительной функции. Он проявляется преимущественно в локальных говорах и в идиолектах. Примеры такой назализации достаточно обычны в описаниях НИА диалектов, например: бр. [ha:t] и [hā:t] 'рыка', [ba:ki] и [bā:ki] 'остаток' [Dh. Varma, 51]; ав. [g'a:s] и [g'ā:s] 'сено' [Saksena, 80; ср. Hoernle, 33 и др.]. Примеры назализации могут быть найдены также в литературных формах языков, например: х. [b'u:kna:] и [b'ū:kna:] 'лаять', [hət'ɔ:ɾa:] и [hōt'ɔ:ɾa:] 'молот' и т. п. Произвольной (в этом случае — позиционной) назализации часто подвергаются конечные гласные, например: н. [murk'ai] и [murk'ā] 'глупость', н. [ɟɪɾiɾa] и [ɟɪɾiɾā] 'деньги' [ср. Pattanayak II, 163]. Уместно привести здесь высказывание Д. Джонса о том, что «индийцы, по-видимому, склонны назализовать конечные гласные» [S. Varma III, 2]. Особенное распространение спонтанная назализация имеет в маратхском языке (см. ниже, стр. 170).

Смыслоразличительная (фонологическая) назализация

Смыслоразличительная назализация представляет наиболее интересующий нас тип данного явления. В подавляющем большинстве НИА

²² В тех случаях, когда имеется последовательность гласных, не разобщенных согласным, носовой резонанс распространяется на всю эту последовательность (традиционными орфографиями назализация в таких случаях обозначается обычно только при одном из гласных).

²³ Здесь этот термин используется не в традиционном диахроническом [ср. Grlerson IV и др.], а в синхронном истолковании.

языков противопоставление гласных по признаку носовой — неносовой служит для различения как слов (например: ас. /pas/ 'тыл' ~ /pās/ 'пять', б. /ga/ 'тело' ~ /gā/ 'деревня', ор. /ul/ 'термит' ~ /ūl/ 'поднявшийся', н. /b'aḡa/ 'налог' ~ /b'āḡa/ 'горшок', г. /was/ 'жилье' ~ /wās/ 'бамбук', х. /kəḥa/ 'сказал' ~ /kəḥā/ 'где?', п. /čo/ 'ручей' ~ /čō/ 'из'), так и словоформ [например: ас. /dlya/ '[вы] даете' ~ /dlyā/ 'дайте', б. /tar/ 'его' (нейтральная форма) ~ /tār/ 'его', 'их' (почтительная форма), ор. /kəlu/ '[ты] сделал' ~ /kəlū/ '[мы] сделали', п. /gəge/ '[они] сделали' (м. р.) ~ /gəgē/ '[я] сделал', г. /sara/ 'хорошие' (м. р.) ~ /sarā/ 'хорошие' (ср. р.), х. /t'i/ 'была' ~ /t'i/ 'были' (ж. р.), п. /lik'u/ 'напишет' ~ /lik'ū/ 'напишу', с. /paḷa/ 'имена' ~ /paḷā/ 'именем']]. В последней функции она наиболее широко используется в хинди, панджабском, синдхи и гуджаратском.

Особое положение занимает маратхский язык, в котором противопоставление гласных по назальности оказывается весьма неустойчивым. Назальность гласных «характерна для диалекта кокни и примыкающих к нему говоров, в то время как литературная норма деши ее исключает» [Катенина IV, 16; ср. Firth II, 51]. В результате в литературном маратхи назальность перестает быть фонологически значимой, и противопоставление реляционных грамматических морфем, основывавшееся в прошлом на различии носового и неносового гласных, в современной произносительной норме стирается, сохраняясь лишь в традиционной орфографии, ср., например: *aṣi* /əʃi/ 'такая' (ж. р. ед. ч.) и *aṣī* /əʃi/ 'такие' (ср. р. мн. ч.); *āhe* /ahe/ '[он] есть' и *āhē* /ahe/ '[я] есмь' [Bhagwat, 6]. В свою очередь и орфография теряет устойчивость, поскольку современные носители маратхского языка постепенно отказываются от письменного обозначения назальности гласного как в лексических, так и в некоторых грамматических морфемах, что приводит к существованию в языке двух параллельных форм (ср., например: *ākḍā* и *ākḍā* /akḍa/ 'цифра'; *ghari* и *gharī* /g'əri/ 'дома'; *tū* и *tū* /tu/ 'ты'; *jethe* — *tethe* и *jethē* — *tethē* /jet'e tet'e/ 'всюду' [Bhagwat, 6]). Все это дает определенные основания для исключения признака назальности из описания фонологической системы маратхского вокализма, хотя такое решение будет в известной степени условным, ввиду недостаточной исследованности данного явления как в современной литературной норме языка, так и особенно в диалектах²⁴.

Некоторые сомнения относительно характера назализации гласных вызывает непальский язык [LSI, IX, iv, 23], но скудость имеющихся в нашем распоряжении фонетических данных не позволяет составить на этот счет обоснованного мнения.

Описания других НИА языков не дают оснований сомневаться в фонологическом характере противопоставления в них гласных по признаку назальности. Но объем использования этого противопоставления в разных языках неодинаков. В бенгальском, ассамском, ория и диалектах бихари оно проявляется главным образом в лексических морфемах, служа для различения слов, тогда как его использование для различения словоформ ограничивается единичными примерами, к тому же имеющими относительно малую частотность. Так, например, в обычной бенгальской речи носовые гласные представляют менее 1% звуков при общей доле гласных звуков около 50% [Ferguson & Chaw-

²⁴ Взгляды специалистов на вопрос о фонологической роли назализации гласных в маратхском расходятся. Так, например, известный исследователь фонологии гуджаратского языка П. Пандит, приводя в одной из своих работ список фонем маратхи, включает в него наряду с четырьмя носовыми согласными фонему назализации гласного /~/ [Pandit IV, 70, п. 1].

dhry, 50; ср. Chatterji VI, 270 сл.]. В хинди, панджабском, синдхи и гуджаратском оно, напротив, играет существенную роль в различении ряда реляционных грамматических морфем, занимающих важное место в морфологических системах этих языков и обладающих достаточно высокой частотностью (соответственно несколько повышается здесь и частотность носовых гласных; например, в хинди она составляет 1,35% при 44% для гласных в целом [Ghatage II, 213]).

Соотношение систем назализованных и чистых гласных

Явление назализации в северных НИА языках распространяется в принципе на всю систему гласных. Иными словами, теоретически в каждом из них состав назализованных гласных фонем повторяет состав чистых гласных. Соответствующее, полностью симметричное, изображение систем чистых и назализованных гласных дается в подавляющем большинстве описаний НИА языков. Однако реальная возможность обнаружить в любом северном НИА языке полный набор фонетических пар «чистый гласный — соответствующий назализованный» не представляется бесспорной. В частности, интересно замечание Г. Кардоны о том, что в гуджаратском перед фонемой /N/ (которой у него обозначаются комбинаторно обусловленные варианты носового согласного и назализация гласных) возможны только /ɛ/, /ɔ/, но не /e/, /o/, откуда следует, что звуки [ē] и [ō] в этом языке им не отмечены [Cardona, 22; ср. также Pandit III, XXII]. В ория, по свидетельству Д. Паттанаяка, отсутствует назализованный /ō/, хотя /ē/ имеется [Pattanayak I, 16]. До сих пор остается далеко не до конца исследованной степень фонологической значимости каждого из таких противопоставлений в отдельных конкретных языках, хотя этот вопрос явно заслуживает внимания.

Прежде всего бросается в глаза статистическая ограниченность случаев назализации центральных гласных [i], [ɛ], [u]. К тому же противопоставление чистых и назализованных гласных этого подкласса дифференцирует исключительно лексические, но не грамматические значения. Так, в хинди, ввиду ограничений в дистрибуции центральных гласных (см. стр. 177), назализованные [i], [ɛ], [u] практически допустимы только в начальной или срединной позиции. В отличие от конечной, где назальность при отсутствии артикуляции смычки определяется однозначно — как назализация гласного, прекопсонантная (начальная или срединная) позиция допускает двоякую трактовку назальности: либо как назализации гласного перед неносовым согласным (VC), либо как сочетания гласного с носовым согласным, однородным со следующим за ним шумным смычным (VNC) [Gimpertz, 219; ср. Захарьин, 154—6]. В последнем случае назализация гласного должна рассматриваться как комбинаторная, т. е. не имеющая фонологической значимости²⁵.

²⁵ Современная орфографическая традиция хинди интерпретирует тип назальности на основании этимологического принципа. В словах исконно хинди она обычно трактуется как назализация гласного (по типу VC), что находит отражение в использовании знака «анунаска» [̣] (в случае с периферийными, т. е. количественно долгими, гласными такая трактовка опирается на общий для многих НИА языков исторический переход: ДИА $\check{V}NC > \text{НИА } \bar{V}\bar{C}$, как частный случай более общего ДИА $VC^1C^2 > \text{НИА } \check{V}CC > \text{НИА } \bar{V}\bar{C}$), а в заимствованных словах — как сочетание гласного с носовым согласным (по типу VNC), что передается знаком «анувара» [̣̣].

Более определенно говорить о фонологически существенной назализации неконечного гласного можно в тех случаях, когда за ним следует щелевой согласный (например: х. /həs/ 'смеяся'). Ввиду этого наличие в хинди фонологического противопоставления /i/ ~ /ĩ/ и /u/ ~ /ũ/ вообще выглядит проблематичным. Даже в описаниях хинди, выполненных на фонетическом уровне, исследователи часто выражают сомнения в существовании здесь фонем /ĩ/ и /ũ/. Например Дж. Р. Фэрс во Введении к учебнику урду Т. Г. Бейли говорит о назализации восьми гласных из десяти, исключая два названных выше [Bailey IX, XXVIII], а в приводимой самим Бейли фонетической записи отрывка в 500 слов [Bailey V, 938—939] не встречается ни один назализованный центральный гласный.

Сходное явление, судя по описанию Э. Трумпа [Trumpp, 25—27], наблюдается и в синдхи, где необусловленная назализация неконечного гласного допускается только перед щелевыми: /h/, /s/, /w/ — для периферийных гласных, /h/ — для центральных (все остальные случаи интерпретируются как сочетания гласного с носовым согласным). В отличие от хинди центральные гласные синдхи могут занимать конечную позицию, которая допускает назализацию гласного без каких-либо видимых ограничений. Однако практически конечные /ĩ/, /ẽ/, /ũ/ в синдхи редки и проявляют в реляционных грамматических морфемах тенденцию к чередованию с периферийными гласными (ср., например: /wiʃ/ 'молния', но /wiʃũ/ 'молнии'; /həl̩ə/ и /həl̩ẽ/ 'ты' ушла).

В панджабском, как и в хинди, центральные гласные не выступают в конечной позиции. Кроме того, здесь, в отличие от других НИА языков, исторический переход $\tilde{V}C^1C^2 > \tilde{V}CC > \bar{V}C$ не завершился, остановившись на промежуточной ступени ($\tilde{V}CC$). Соответственно не достиг завершения и переход $\tilde{V}NC > \tilde{V}C$, вследствие чего неконечные назализованные гласные встречаются в панджабском гораздо реже, чем, например, в хинди (главным образом на стыке морфем, а также в заимствованиях). Особенно редки [ĩ], [ẽ], [ũ]: в фонетической хрестоматии Т. Г. Бейли [Bailey IV] они не отмечены ни разу, а в хрестоматии Б. Джайна представлен единичными примерами только [ẽ], хотя [ĩ] и [ũ] также приводятся в перечне гласных [Jain, 157—159]. В новейших описаниях панджабского фонологическая релевантность противопоставлений /i/ ~ /ĩ/, /ə/ ~ /ẽ/ и /u/ ~ /ũ/ вообще отрицается²⁶.

Таким образом, вряд ли можно говорить о полном соответствии инвентаря фонем в системах чистых и системах назализованных гласных для каждого из НИА языков. Прежде всего в маратхском вторая система, по-видимому, вообще отсутствует, и назализованные гласные там не являются самостоятельными фонемами, а служат комбинаторными, позиционными или индивидуальными вариантами чистых гласных. В остальных языках, в которых имеются системы назализованных гласных, их соответствие системам чистых последовательно прослеживается преимущественно в подсистеме периферийных фонем, в результате чего для языков, не имеющих центральных гласных,

²⁶ Т. Я. Елизаренкова, исключая /ĩ/, /ẽ/, /ũ/ из инвентаря фонем панджабского языка, не мотивирует свою точку зрения [Елизаренкова III, 10 и табл.]. Аналогичная позиция Х. Гилла и Г. Глисона вытекает из принятой ими методики описания, согласно которой фонологически релевантной признается лишь назализация конечного гласного, тогда как назализация неконечного гласного объявляется предсказуемой и передается сочетанием чистого гласного с носовым согласным, однородным следующему за ним смычному; ср., например: /jāũ/ 'пошел бы', но /jāũgā/ 'пойду' [Gill & Gleason, 20, 23].

обе системы оказываются симметричными (исключение здесь составляют гуджаратский и ория). То же можно сказать и о системах, включающих помимо периферийных фонему /ə/, хотя в отдельных случаях наличие во второй системе соответствующего ей назализованного /ə/ подвергается сомнению [Saksena, 77 сл.]. Неполными оказываются системы назализованных гласных в гуджаратском, ория, панджабском и хинди, а возможно, и в синдхи, для которого мы не имеем достаточных данных.

Основные системы назализованных гласных фонем в северных НИА языках сводятся к следующим типам:

I ī		ū	II ī		ū	III ī		ū
ē		ō	ē		ō	ē		ō
æ		ɔ	æ		ɔ	æ		ɔ
ā			ā			ā		
ā								

Тип I представлен языками восточной группы и панджабским; тип II — хинди, непальским, диалектами бихари и, возможно, синдхи²⁷; тип III — гуджаратским. Отличная от приведенных выше асимметричная система выводится для ория:

ī	ū
ē	
	ō
	ā

Предложенные схемы систем носят далеко не окончательный характер. Исследование дистрибуции чистых и назализованных гласных в каждом из НИА языков может внести в них существенные поправки.

Аспирация, или приглушение гласных

Другой резонансный признак, придающий гласным характер «не-чистых», был впервые отмечен Дж. Фэрсом применительно к западным диалектам панджабского (лахнда) и к гуджаратскому и определен им как «придувная фонация» («breathy phonation») [Firth II, 52]. Впоследствии этот же признак под названием «аспирация» был использован им в описании звукового состава хиндустани, где им были выделены три серии гласных (по десять в каждой): чистые, назализованные и аспирированные [Harley, XV—XVI]²⁸. Фонологическую характеристику этого явления в гуджаратском, названного здесь «приглушенным голосом» («murmur») и определенного как «звонкий шумный низкого тона, сопутствующий звучанию гласного», дал П. Пандит [Pandit II, 169]. По его мнению, элемент приглушения гласного находится в отношении дополнительного распределения с элементом аспирации согласных,

²⁷ Допустимо также, что синдхи обладает полной системой назализованных гласных, включающей /ī/ и /ū/ (ср. соответствующую систему чистых гласных, стр. 167).

²⁸ Эта идея была развита Х. Ю. Пинновом, предложившим четвертую серию «назализованных аспирированных» гласных [Pinnow, 43 сл.].

ба они могут трактоваться как аллофоны фонемы /h/ [ср. также Cardona, 29—30].

Фонетическая сущность аспирации сводится к тому, что при произнесении гласного глотка раскрывается и голосовые связки раздвигаются более широко, чем это требуется для образования голоса; в результате гласный приобретает отчетливую h-образную окраску, и тон голоса несколько понижается²⁹, ср.: г. [kā] 'почему' и [kāh] 'где'; г. [mel] 'грязь' и [mehl] 'дворец'; х. [bæhga] 'глухой' и [bæga] 'посыльный' и т. п. Сходные явления могут наблюдаться и в других НИА языках. Хотя обычно в таких случаях h-образная окраска сопутствует гласному на всем протяжении его звучания, выступая особенно отчетливо к его концу, в хинди допустимо и альтернативное произношение, воспроизводящее чистый гласный со следующим за ним звонким [h] [Bailey IX, XXVIII]. В литературной норме гуджаратского приглушенный гласный может свободно чередоваться с чистым, но не наоборот [Pandit II, 170]; ср. сходные явления в бенгальском [Ferguson & Chawdhry, 46] и в хинди [Bailey V, 935]. Подобные примеры неустойчивости, равно как и недостаточная фонетическая и фонологическая изученность этого явления, побуждают нас воздержаться от однофонеменной его трактовки и рассматривать приглушение гласных как реализацию фонемного ряда «чистый гласный + h»³⁰.

Общая структура системы гласных

Система чистых гласных НИА языков укладывается в плоскостную схему с двумя основными параметрами, определяющими локальную соотношенность (тембровый класс) и степень раствора (ступень полнотонности) гласного. Вне этой плоскости остается резонансный признак назальности, отграничивающий систему назализованных гласных от системы чистых и представляющий третье измерение общей системы гласных. Такой трехмерной схемой может быть передана система вокализма любого НИА языка.

Как вариант для хинди, панджабского, синдхи и диалектов, в которых выделяемы частные системы периферийных и центральных гласных, может быть предложена трехмерная схема системы чистых гласных, где в качестве третьего измерения фигурирует дополнительный классификационный признак качественного (напряженный — ненапряженный) или количественного (долгий — краткий) порядка. Общая схема вокализма с учетом корреляции назальности будет в таком случае отражать четырехмерные отношения.

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ

Долгота

Традиционное противопоставление ИА гласных по долготе — краткости перестало выполнять смыслоразличительную функцию в значительной части современных НИА языков. Количественная характеристика гласного в них оказывается предсказуемой, поскольку она опре-

²⁹ Возможно, что это явление представляет собой переходную ступень к тоновой системе типа наблюдаемой в панджабском, которая тоже исторически связана с аспирацией [Firth I, 235; ср. ниже, стр. 180].

³⁰ Некоторые аргументы против использования оппозиции придыхательный — не придыхательный при описании гласных хинди см. в статье Т. Я. Елизаренковой [Елизаренкова II, 27—28].

деляется позиционными и комбинаторными факторами. Так обстоит дело в бенгальском [Chatterji I, 18], ассамском [Kakati, 64], ория [Карпушкин, 12], непальском [Clark, 2], маратхском [Lambert, 1], гуджаратском [Pandit I, 214] языках, в диалектах бихари [Tiwari, 16] и, по-видимому, восточных диалектах хинди³¹.

Иная картина наблюдается в тех языках, где различаются подклассы центральных и периферийных гласных (литературная норма и западные диалекты хинди, панджабский, синдхи, диалекты раджастана). Если исходить из установленной инструментальным исследованием четырехступенчатой шкалы длительности, согласно которой выделяются очень краткие (до 0,1 сек.)³², краткие (0,1—0,2 сек.), полудолгие (0,2—0,3 сек.) и долгие (свыше 0,3 сек.) гласные [Jain, 173—175; Saksena, 61—62 и кимограммы; ср. Gumpertz, 216], то окажется, что по своей длительности периферийные гласные в зависимости от позиции и других условий могут быть долгими, полудолгими или краткими, тогда как центральные могут быть только краткими и очень краткими. При этом направление изменений длительности в равных условиях у тех и других совпадает. Отсюда видно, что центральным гласным наряду с ненапряженностью свойственна устойчивая количественная характеристика краткости и, следовательно, для перечисленных языков противопоставление по долготе — краткости вполне может быть признано фонологически релевантным.

Существование в НИА языках фонологической долготы наряду с фонетической, имеющей значительно более широкое распространение, чем первая, делает целесообразным рассмотрение некоторых факторов, влияющих на количество гласного и придающих долготе обусловленный характер. Правда, недостаточный уровень фонетической и фонологической изученности слова и фразы в большинстве НИА языков затрудняет выявление общих закономерностей фонетической долготы гласных, вследствие чего степень универсальности для НИА языков рассматриваемых ниже факторов, равно как и характер их взаимодействия, оказываются не вполне ясными.

Позиционные факторы

Существенными для НИА языков позиционными факторами, определяющими длительность гласного, являются место гласного в слове (по числу слогов от конца), односложность или многосложность данного слова и открытость или закрытость слога. Определенная связь прослеживается между длительностью гласного и падающим на слог ударением, а также фразовым ритмом (членением на синтагмы).

Как правило, долгий (как фонологически, так и фонетически) гласный в НИА языках редко отстоит от конца слова более чем на два

³¹ Анализ фонологичности противопоставления гласных по долготе — краткости в доступных нам описаниях диалектов хинди отсутствует. Однако примеры, приводимые Б. Саксеной в его описании авадхи [Saksena, 25 сл.; ср. также Hoernle, 32, 66, и др.], создают впечатление, что долгота гласных и здесь обусловлена позиционно. Состав гласных, предлагаемый автором, не противоречит такому предположению, так как в нем выделяются симметричные серии долгих и кратких, соответствующие долгим и кратким аллофонам в перечисленных выше языках (исключение составляет /э/, не имеющий, как и в ряде других языков, долгого аллофона). Небезынтересно вспомнить в этой связи замечание Т. Г. Бейли о характерной для носителей хинди (в противовес носителям урду) «тенденции смешивать *i* с *ī* и *u* с *ū*» [Bailey VI, 547].

³² Приведенные цифры относятся к полному стилю произношения.

слога³³. Наиболее последовательно вопрос долготы решается применительно к последнему слогу, где обычно выступает долгий аллофон, если только за гласным не следует сочетание согласных. Таково положение в гуджаратском, где эта позиция, по-видимому, является единственно возможной для долгих аллофонов [Pandit I, § 2.2]. Аналогичным образом в маратхском фонетическая долгота свойственна в первую очередь гласному конечного слога, что отчетливо проявляется при образовании производных форм имени (например: [co:r] 'вор' — [co:ra:s] 'вора', [ha:t] 'рука' — [hata:s] 'руке' [Grierson II, 90; ср. Bloch I, 60—61]) и весьма ярко иллюстрируется примерами орфографической непоследовательности в передаче слов татсама (например: *kavi* вместо *kavi* 'поэт', *gūṇ* вместо *guṇ* 'качество', *parantū* вместо *parantu* 'однако' и др.; напротив, *tirth* вместо *tirth* 'место паломничества', *dhurt* вместо *dhūrt* 'плут' [Bhagwat, 7]); судить о допустимости или недопустимости долгих аллофонов гласных в других позициях на основании имеющихся в нашем распоряжении данных затруднительно.

В бенгальском наибольшей длительностью обладают гласные в односложных словах, и в этой позиции они могут трактоваться как долгие. В двусложных и многосложных словах конечный гласный превышает по длительности предшествующие, но уступает гласному односложного слова, являясь, таким образом, полудолгим, тогда как остальные оказываются краткими. Это соотношение в чистом виде наблюдается только в изолированных словах; в связной речи долгота гласных определяется общим ритмом фразы, соотносясь с членением речи на синтагмы (ритмические группы) и сопутствуя повышению тона голоса [Chatterji I, 18—19]. Ту же зависимость длительности гласного от фразового ритма устанавливает для бходжури У. Тивари [Tiwari, 16]. Вопрос о влиянии этого фактора на количество гласного в других НИА языках не исследован.

В отличие от гуджаратского, маратхского и бенгальского языков, где возможность долготы (фонетической) гласного в ином слоге, кроме конечного, представляется вообще проблематичной, языки и диалекты центрального и северо-западного районов определенно допускают аллофоническую долготу гласного не только в конечном, но и во втором от конца слоге, например: п. [go:t] 'хлеб', п. [ɖa:kʈəŋ] 'доктор', ав. [g'o:ɖa:] 'лошадь', ав. [ra:nɪ:] 'вода' и др. Характерно, что в конечной позиции здесь фонологически долгий гласный (фонологически кратким эта позиция обычно несвойственна — ср. ниже, стр. 177) часто выступает в своем кратком аллофоне (как «полудолгий»), количественно уступая долгову гласному предшествующего открытого или конечного закрытого слога. В позициях, более удаленных от конца слова, предпочтительны краткие аллофоны, о чем свидетельствует сокращение гласных основы, а иногда и выпадение их при словоизменении и словообразовании, например: ав. [g'o:ɖa:] и [g'oɖlwa:], [g'oɖwa:] 'лошадь', ав. [de:k'l:] 'он увидит' и [dek'lba:] '[мы] увидим' и т. п. При этом в хинди (литературная норма и западные диалекты) и панджабском гласный может претерпевать качественные изменения: периферийный заменяется соответствующим по тембровому классу центральным, например: х. [be:ti:] 'дочь' и [bɪti:a:] 'дочурка', х. [ra:nɪ:] 'вода' и [ɾɐɳa:ɖa:] 'водонос'. Показательна в этой связи и возможность двоякой графической интерпретации в старом хинди и пант-

³³ Редуцированный гласный рассматривается нами как неслогообразующий, поэтому предлагаемое здесь членение по слогам отличается от традиционного, принятого в диахронических описаниях ИА языков.

жабском заимствованных из персидского многосложных слов с долгим гласным в первом слоге, например: *āsmān* и *asmān* 'небо'.

Соотношение долготы гласного с ударением остается весьма неясным прежде всего ввиду малой исследованности вопроса о самом характере ударения в отдельных НИА языках (см. ниже). Там, где признается существование динамического ударения, обычно устанавливается и некоторая связь его с долготой. Так, при диахроническом описании языков долгота гласного обычно выводится из исторической позиции ударения: ударенный гласный приобретает долготу, предударный — редуцируется [Grierson II, 69 сл., 87 сл. и др.]. Однако в синхронных описаниях тех языков, где усматривается свободное (разноместное) ударение, его место в слове определяется исходя из расположения долгих и кратких слогов [Рудин II, 259 сл.; Jha, 59—61, и др.]. В таких языках ударение тяготеет преимущественно к долгому слогу, но однозначной соотнесенности долготы гласного с ударением установить здесь нельзя, поскольку ударение падает чаще всего на второй слог от конца, а долгота присуща в первую очередь конечному гласному (надо учитывать также, что согласно просодическим правилам долгий слог не обязательно содержит долгий гласный — таким может быть закрытый слог с кратким гласным). Возможно одновременное воздействие и других факторов. При прочих равных условиях, т. е. в одинаковой позиции и в сходном окружении, ударенный гласный обладает несколько большей по сравнению с безударным длительностью, например, безударный конечный гласный обычно бывает полудолгим, а ударенный — долгим.

Комбинаторные факторы

По общему для НИА языков правилу, перед геминатами (CC), а также перед сочетаниями типа «носовой согласный + однородный шумный» (NC) гласный независимо от позиции представлен кратким аллофоном³⁴. На сочетания согласных иных типов (диссимилиативные — C'C²) это правило распространяется в тех случаях, когда такие сочетания выступают в конечной позиции, например: м. [dɪrgʰ] 'долгий' <скр. *dirgha*; ср. б. [dɪrgʰo], где сокращение гласного обусловлено позиционно.

На появление долгого аллофона гласного перед глухим придыхательным согласным в майтхили указывает С. Прасад [S. Prasad, 120]³⁵.

Фонетическая долгота и дистрибуция гласных

Факторами, определяющими фонетическую долготу гласных, можно объяснить ряд ограничений в дистрибуции центральных и периферийных гласных.

Центральные гласные, которым присущ фонетический признак краткости, в хинди, панджабском и диалектах раджастхани неупотре-

³⁴ Соотносительная длительность как периферийных, так и центральных гласных в зависимости от позиционных и комбинаторных факторов видна на примерах из панджабского: ['ka:p:a'] 'тростник' (a — 0,115 сек.) и ['janda:] 'идуший' (a — 0,15 сек.) при ['ka'pa:] 'кривой' (a — 0,222 сек.) и [sa:r] 'экстракт' (a — 0,395 сек.); ср. ['ɔp:ɪ] 'девятнадцать' (ɔ — 0,04 сек.) при [ɔ'na:] 'вели спрысть' (ɔ — 0,08 сек.) и [ɔn] 'спряди' (ɔ — 0,17 сек.) [Jain, 174].

³⁵ Для гласных хинди (урду) перед глухими согласными отмечена несколько меньшая длительность, чем перед звонкими [Husain, 26].

бительны в конечной позиции (исключения немногочисленны; например в панджабском, а также в хинди они представлены несколькими одно-сложными служебными словами, не принимающими на себя ударения: п. [ki] 'что' и др. [Gill & Gleason, 14]), что согласуется с общим НИА правилом долготы (полудолготы) конечного гласного. Особый случай представляет синдхи, где в конечной позиции отмечаются «очень краткие» (по-видимому, центральные) гласные, которые, судя по имеющимся описаниям языка, выполняют смысловозначительную функцию, служа грамматическими показателями. Недостаточная фонетическая и фонологическая обследованность синдхи не позволяет нам вынести определенное суждение об их характере и функциях.

Периферийные гласные, обладающие признаком долготы, обычно не встречаются перед геминатами. Это правило, достаточно последовательно осуществляющееся в литературных хинди и панджабском [Gill & Gleason, 37], не всегда распространяется на диалекты [Gumperz, 215]. Перед конечными сочетаниями согласных также более обычны центральные гласные [Gill & Gleason, 32].

«Очень краткие» гласные

«Очень краткие» гласные отмечаются в описаниях синдхи и диалектов бихари. Решение вопроса об их характере в синдхи затрудняется скудостью имеющихся в нашем распоряжении данных. В диалектах бихари «очень краткие» гласные появились в результате исторической редукции конечных и предударных гласных, которые, по-видимому, произносились полностью еще в ранних и средних формах НИА языков, так как, согласно системам стихосложения, имевшим распространение в XI—XVIII вв., они трактуются как слогаобразующие. В современных диалектах бихари «очень краткие» гласные, видимо, следует рассматривать как неслогаобразующий элемент, т. е. не как гласные, а как «призвуки» согласных, поскольку они не препятствуют ассимиляции согласных на стыке слов и морфем, см. майтхили [dag-g'ər] < *dak^a ghar^a* 'почта', [bəččal] > *bad^a cāl'* 'дурное поведение' и т. п. [Jha, 145—146].

Тем более применима такая трактовка к отмечаемым в авадхи и брадже конечным «шепотным» гласным, которых сами описывающие их авторы не считают слогаобразующими. Как и «очень краткие» гласные в диалектах бихари, «шепотные» свободно допускают ассимиляцию сопровождаемого ими согласного начальным согласным следующего слова [Saksena, 74—77, 93—97; Dh. Varma, 50].

Ударение

Характер и природа словесного ударения в НИА-языках до сих пор крайне мало исследованы, и мнения специалистов по этому поводу весьма разноречивы [ср., например, Grierson II, 69 сл. и Bloch I, 44 сл.]. Наличие динамического ударения в ряде НИА языков подвергается сомнению. В тех же случаях, когда его существование определено признается, каждый раз подчеркивается, что оно выражено значительно слабее, чем, скажем, в английском или русском языках. Порой исследователи отказываются от самого термина «ударение», предпочитая определить соответствующий кульминативный фактор как-нибудь иначе, например, как «выделение» («prominence») [Husain, 31]. Совершенно очевидно, что ударение в НИА языках носит достаточно сложный характер, включая в себя наряду с динамическим эле-

ментом также количественный и музыкальный, причем последние два во многих случаях преобладают.

О тесной связи динамического ударения с количественным говорит традиция определять место ударения, исходя из расположения в слове долгих и кратких слогов. В самых общих чертах это определение сводится к тому, что в многосложных словах ударение тяготеет к предпоследнему слогу, если он долгий; если же он краткий, ударение падает на третий слог от конца, иногда на долгий последний слог. С теми или иными модификациями это правило приложимо к различным НИА языкам. Следует учитывать, что оно в значительной мере ретроспективно, так как исходит не из реального современного, а из традиционного слогаделения, рассматривающего исторически редуплицированные гласные как слогаобразующие. Вместе с тем его использование предполагает, что во всех языках, к которым оно прилагается, имеет место ударение одного и того же типа, являющееся свободным (т. е. в разных словах оно может падать на разные слоги) и постоянным (место его не меняется при словоизменении). Но как раз вопрос об однородности ударения в различных НИА языках вызывает наибольшие сомнения. Отсутствие достоверного экспериментального материала не позволяет с уверенностью решить его во всех случаях, но некоторые общие выводы можно сделать уже сейчас.

Свободное постоянное ударение действительно сохраняется в хинди и его диалектах [Рудин II, 259 сл.], но в других НИА языках наблюдаются явления, свидетельствующие о тенденции перехода к иным типам, и в первую очередь к связанному (фиксированному на определенном слоге) ударению. В этой связи было бы интересно проверить, в какой степени ударение в маратхском и гуджаратском языках тяготеет к начальному слогу, на что указывают Тернер и Саксена [Turner IV; Saksena, 91]. Этому противоречит, однако, замечание Грирсона о конечном ударении в названных языках [Grierson II, 72, 90]. Правила акцентуации в гуджаратском, приводимые Кардоной, показывают, что, по крайней мере в этом языке, начальное ударение свойственно только двусложным словам, тогда как в трехсложных более обычно ударение на втором слоге, причем в обоих случаях нередки отклонения, вызванные либо качеством гласного (слог с /a/ притягивает на себя ударение, слог с /ə/, особенно открытый, легко его отдает), либо морфологической структурой слова [Cardona, 32—34], т. е. и здесь ударение представляется свободным. Связанное ударение на первом слоге отмечается в западноассамском диалекте камрупи в отличие от преобладающей в восточноассамских диалектах и стандартном литературном ассамском языке общиндийской схемы свободного ударения [Kakati, 68 сл.].

Динамическое ударение в панджабском языке не играет самостоятельной роли, выступая как сопутствующий признак при тоне и долготе [Bahl, 140; ср. Jain, 165].

В бенгальском словесного ударения, по-видимому, нет вообще — его заменяет синтагматическое ударение, падающее на первый слог значимого слова ритмической группы [Ferguson & Chawdhry, 25; ср. сходное явление во французском]. Возможно, что аналогичный характер имеет и западноассамское ударение [ср. Grierson, II, 73—74].

Обычно считается, что ударение в НИА языках нефонематично. Правомерность такого утверждения для тех языков, где ударение имеет свободный характер, в частности для хинди, ставят под сомнение примеры противопоставлений типа х. /'čəla/ 'двинулся' ~ /čə'la/ 'двигай', имеющих, правда, довольно узкую сферу действия, которая

ограничивается парами: причастие совершенного вида глагола с непроизводной основой ~ форма единственного числа повелительного наклонения переходного или каузативного глагола, образованного от той же основы при помощи суффикса *-ā-* [Grierson II, 69; Рудин II, 242—243]. Обследовавший ряд диалектов хинди Дж. Гамперц также говорит о существовании в них фонологически значимого ударения, сфера действия которого ограничена тремя типами слов (CVCV, CVCCV и CVCVV), тогда как в остальных окружениях место ударения предсказуемо [Gumperz, 217—218]. Круг таких противопоставлений несколько расширится, если включить в него пары типа «полнозначное слово, несущее на себе ударение, ~ безударное служебное слово», например: х. /'ki/ 'сделал[a] ~ /ki/ — показатель субстантивного определения при определяемом женского рода, ср.: /'bat 'ki/ 'поговорил[a] ~ /'bat ki/ 'слова'. Определенный интерес в связи с этим представляет отмечаемое в непальском противопоставление «равноударенных» (или безударных) двусложных слов словам с ударенным слогом [Королев, 23], хотя сущность этого явления, равно как и сам характер ударения в непальском (по-видимому, преимущественно количественного), остается не вполне ясной.

Тон

Изменение высоты основного тона на протяжении слога (слоговой акцент) наблюдается в различных НИА языках, но только в панджабском языке и некоторых соседствующих с ним диалектах и говорах оно приобрело фонологическую значимость [Bailey IV, XV; Jain 29—33; Bahl 139—146; Gill & Gleason 42—58, 75—80].

В стандартном панджаби различаются три тона: низкий (нисходящий или нисходяще-восходящий), — средний (ровный) и ' высокий (восходящий или восходяще-нисходящий). Абсолютная высота каждого тона может меняться в зависимости от фразовой интонации, но, поскольку в одинаковых конкретных условиях соотношение тонов по высоте и направлению их движения сохраняется, они всегда дифференцируются. Каждое слово несет на себе тон; его отсутствие обычно свидетельствует о переходе морфемы в разряд аффиксов. В двусложных и многосложных словах начало тона ложится, как правило, на второй от конца слог, движение тона завершается на последнем слоге. Возможны случаи, когда тоном отмечен второй слог двусложного слова. Слог, предшествующий началу тона, является нейтральным — его тоновая окраска несущественна. Ударение сопутствует началу тона. Смыслоразличительную роль тонов показывают примеры: п. /kōḡa/ 'конь' ~ /kōḡa/ 'кнут' ~ /kōḡa/ 'прокаженный'. Сфера действия подобных противопоставлений в панджабском языке практически неограниченна, и число пар слов, различающихся только тоном, весьма велико.

Слоги, отмеченные в панджабском низким и высоким тонами, генетически соответствуют слогам со звонкими аспиратами в остальных НИА языках. Начальные звонкие придыхательные в панджабском утратили аспирацию, и их смычный элемент претерпел оглушение, тогда как следующий за ними гласный приобрел низкий тон. Срединные и конечные звонкие придыхательные (включая /h/) сообщили высокий тон предшествующему гласному, при этом смычные, утратив аспирацию, сохранили звонкость, а /h/ исчез. В случае, когда срединный звонкий придыхательный оказывался между центральным (предшествующим ему) и периферийным (следующим за ним) гласными, тоновую

окраску (в данном случае низкий тон) получил последний. [Историческая связь тонов с аспирацией демонстрируется и современной орфографией (как в письме гурмукхи и деванагари в Индии, так и в арабском на территории Пакистана), сохраняющей описанные выше соответствия: /kōṛa/ 'конь' пишется *ghorā*; /kōṛa/ 'прокаженный' — *kohrā* и *korhā*; ср. /kōṛa/ 'кнут' — *korā*.

Тоновые системы подобного типа проявляются в том или ином виде на обширной территории от правобережья верхнего течения Джамны (включая прилежащие к Дели районы) до Инда, захватывая северные диалекты панджаби (западного и восточного), а также распространяясь на ряд соседних диалектов пахари [Bailey II, IX—X и др.], хинди [Grimpe, 218] и раджастхани [Pandit II, 172]. Реализация тонов в диалектах может заметно отличаться от описанной выше, варьируя как по числу фонологически значимых тоновых противопоставлений (их может быть четыре, включая комбинации низкого тона с высоким, или только два — ровный и скользящий), так и по характеру изменений, которые претерпели звонкие придыхательные в различных позициях.

ФОНЕМНЫЙ ИНВЕНТАРЬ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Инвентарь фонем девяти основных НИА языков северной группы можно представить в виде табл. 2. Фонологическое своеобразие каждого языка определяется не столько общим числом имеющихся в нем фонем (хотя и этот момент играет не последнюю роль), сколько характером, составом и взаимным соотношением частных систем, выделяемых в общей фонологической системе языка, что вместе с внутренней структурой этих частных систем определяет фонологическую структуру языка в целом. В табл. 3 характеризуются числовые соотношения основных групп фонем. Состав каждой такой группы в конкретных языках легко установить, обратившись к таблице инвентаря.

ГРАФИКА

Графические системы современных НИА языков восходят к двум основным источникам. Большинство систем — так называемые индийские алфавиты — развилось из древнеиндийского письма брахми, в основе других лежит арабское письмо (в персидской его разновидности).

Индийские алфавиты

Основные разновидности индийских алфавитов, используемые для северных НИА языков, следующие (см. табл. 4):

деванагари (для хинди, непальского и маратхского), графемы которого, слагающиеся из прямолинейных и округлых элементов, обычно имеют вертикальную черту справа и, что является характерным отличительным признаком, все без исключения венчаются горизонтальной чертой (у графем 30 и 35 — прервана);

гуджаратское письмо (для гуджаратского языка) может быть охарактеризовано как курсивная разновидность первого; графемы имеют мягкие очертания и лишены верхней горизонтальной черты.

гурмукхи (для панджабского; используется преимущественно сикхами) — сконструировано в XVI в. на основе деванагари и скоропи-

Инвентарь фонем основных северноиндийских языков

Характеристика фонем по способу и месту образования	Согласные									
	взрывные					не взрывные				
	глухие					аффрикаты				
	звонкие					звонкие				
Языки	глухие		звонкие		глухие		звонкие		звонкие	
	непридыхательные	придыхательные	непридыхательные	придыхательные	непридыхательные	придыхательные	непридыхательные	придыхательные	непридыхательные	придыхательные
	1 2 3 4* 5 6	1 2 3 4* 5	1 2 3 4* 5	1 2 3 4* 5	1 2 3 4* 5	1 2 3 4* 5	1 2 3 4* 5	1 2 3 4* 5	1 2 3 4* 5	1 2 3 4* 5
Синдхи	p t k	p' t' k'	b d g	b' d' g'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'
Панджабский	p t k	p' t' k'	b d g	b' d' g'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'
Хинди	p t k	p' t' k'	b d g	b' d' g'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'
Гуджаратский	p t k	p' t' k'	b d g	b' d' g'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'
Маратхский	p t k	p' t' k'	b d g	b' d' g'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'
Непальский	p t k	p' t' k'	b d g	b' d' g'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'
Ория	p t k	p' t' k'	b d g	b' d' g'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'
Бенгальский	p t k	p' t' k'	b d g	b' d' g'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'
Ассамский	p t k	p' t' k'	b d g	b' d' g'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'	ɸ ɸ'

* Данный ряд может быть замещен аффрикатами, противопоставленными которым взрывным во всех НИА языках, кроме маратхского, отсутствует.

Примечания:

1. В круглых скобках даны названия фонологически иррегулярных (для данной группы фонем) фонетических признаков, а также комбинаторные варианты фонем. В квадратных скобках приведены фонемы, свойственные отдельным подсистемам данного языка.

2. Арабские цифры обозначают локальные ряды согласных: 1 — лабиальный, 2 — апикальный, 3 — ретрофлексный, 4 — палатальный, 5 — гуттуральный, 6 — увулярный (только в языковых подсистемах), 7 — фарингальный.

3. Римские цифры обозначают ступени подъема (полнозвучности) гласных: I, Ia — верхний подъем; II — верхне-средний подъем; IIa, III — ниже-средний подъем; IV — нижний подъем.

[illegible]

Характеристика фонем по способу и месту образования	Гласные									
	неносовые					носовые				
	периферийные (напряженные) (долгие)		центральные (ненапряженные) (краткие)			периферийные (напряженные) (долгие)		центральные (ненапряженные) (краткие)		
	передний ряд	средний ряд	задний ряд	передний ряд	средний ряд	задний ряд	передний ряд	средний ряд	задний ряд	задний ряд
Языки	I II III	IV	III II I	I ²	II ²	I ³	I II III	IV	III II I	III ²
	i e æ i e æ i e æ i e æ/əi i e æ/əi i e i e æ i e æ	a a a a a a a a	ɔ o u ɔ o u ɔ o u ɔ/əi o u ɔ/əi o u ɔ o u ɔ o u ɔ o u	i i i	ə ə ə ə ə ə	ɔ o ɔ	i e æ i e æ i e æ [i] [e] i e i e i e	ā ā ā ā [ā] ā ā ā	ū ō ū ō ū ō [ū] [ō] ū ō ū ō ū ō	i i i [i] [ō] i i i
Синдхи Панджабский Хинди Гуджаратский Маратхский Непальский Ория Бенгальский Ассамский										ū

Структура фонемного состава НИА языков и диалектов

Язык	С о г л а с н ы е										Г л а с н ы е				Просодемы
	ш у м н ы е	с о н а н т ы						общее число	общее число	ч и с т ы е		и с о в ы е			
		н е п р и г л а с н ы е			п р и г л а с н ы е**					число фонем	число рядов	число ступеней	число фонем	число ступеней	
		н о с о в ы е	щ е т ь н ы е	д р о ж а щ и е и о д н о у с л ы с н ы е	н о с о в ы е	щ е т ь н ы е	д р о ж а щ и е и о д н о у с л ы с н ы е								
Синдхи	61	41	3	5	3	2	3	1	—	20	10	3	5	долгота; ударение (?)	
Панджабский	46	29	3	5	4	2	—	—	—	17	10	3	5	3 тона; долгота	
Хинди	52	34	3	2	3	2	2	1	1	18	10	3	5	долгота; ударение	
Гуджаратский	52	38	4	3	3	2	3	1	2	14	8	3	4	долгота; ударение	
Маратхский	48	40	3	4	4	1	2	2	1	8	8	3	4	—	
Непальский	49	33	2	3	3	1	2	1	1	16	8	3	4	ударение (?)	
Ория	43	32	2	4	4	2	—	—	—	11	6	2	4	—	
Бенгальский	50	36	2	3	3	2	3	1	2	14	7	2	4	—	
Ассамский	38	24	4	3	3	1	—	—	—	14	7	2	4	—	

* Первая цифра — число согласных в пучке (локальном ряду), вторая — число полных пучков, третья — число согласных неполного пучка (аффрикаты синдхи; переднеязычные аффрикаты маратхи).

** Нечеткость фонемной интерпретации сочетаний «соант + б» заставляет рассматривать приведенные цифры как предварительные.

Таблица 4

Письменности индийского происхождения (графемы и обозначаемые ими фонемы)

№№ п/п.	Транслитерация	Деванагари				Гуджаратское письмо (гуджаратский язык)	Гурмуки (панджабский язык)	Письмо ория (язык ория)	Бенгальское письмо			
		графемы	фонемы						графемы	фонемы		
			язык хинди	маратх-ский язык	вепаль-ский язык					бен-гал-ский язык	ассам-ский язык	
I	Іа	І ^б	І ^в	II	III	IV	V	V ^a	V ^б			
1	a	अ, आ	ə	ə	ə	ਅ ə	ਅ ə	ଅ	ə	o		
2	ā	आ, आ	a	a	a	ਆ a	ਆ a	ଆ	a	a		
3	i	इ	i	}	}	}	}	}	}	}		
4	ī	ई	i								ई	ਈ
5	u	उ	u	}	}	}	}	}	}	}		
6	ū	ऊ	u								उ	ਊ
7	r	रू	ri	ru	ri	ਰਿ	ਰਿ	ରୁ	ri	ri		
8	e	ए	e	e	e	ਏ e, æ	ਏ e	ଏ	e	e, æ		
9	ai	ऐ	æ	æ, əi	æ, əi	ਐ æ, əi	ਐ æ	ঐ	oi	oi		
10	o	ओ	o	o	o, ɔ	ਓ o, ɔ	ਓ o	ଓ	o	o		
11	au	औ	ɔ	ɔ, əu	ɔ, əu	ਔ ɔ, əu	ਔ ɔ	ଔ	ou	ou		
12	ka	क	k	k	k	ਕ k	ਕ k	କ	k	k		
13	kha	ख	k'	k'	k'	ਖ k'	ਖ k'	ଖ	k'	k'		
14	ga	ग	g	g	g	ਗ g	ਗ g	ଗ	g	g		
15	gha	घ	g'	g'	g'	ਘ k', g', g'	ਘ k', g', g'	ଘ	g'	g'		
16	ṛa	ड	[ɔ]	[ɔ]	ɹ	ਡ [ɔ]	ਡ ɹ	ଡ	ɹ	ɹ		
17	ca	च	č	c, č	č	ਚ č	ਚ č	ଚ	č, [c]	č		
18	cha	छ	č'	c', č'	č'	ਛ č'	ਛ č'	ଛ	č', [c']	č'		
19	ja	ज	j	j, j	j	ਜ j	ਜ j	ଜ	j, [j]	j		
20	jha	झ	j'	j', j'	j'	ਝ č', j', j'	ਝ č', j', j'	ଝ	j', [j']	j'		
21	ṇa	ण	[n]	[n]	[n]	ਨ [n]	ਨ n	ଣ	[n]	n		
22	ṭa	ट	t	t	t	ਟ t	ਟ t	ଟ	t	t		
23	ṭha	ठ	t'	t'	t'	ਠ t'	ਠ t'	ଠ	t'	t'		
24	ḍa	ड	ḍ	ḍ	ḍ	ਡ ḍ	ਡ ḍ	ଡ	ḍ	ḍ		

№ п.п.	Транслитерация	Деванагари				Гуджаратское письмо (гуджаратский язык)	Гурмукхи (панджабский язык)	Письмо ория (язык ория)	Бенгальское письмо			
		графемы	фонемы						графемы	фонемы		
			язык хинди	маратх-ский язык	непаль-ский язык					бенгаль-ский язык	ассам-ский язык	
I	Ia	Ib	Iв	II	III	IV	V	Va	Vб			
25	dha	ढ	d'	d'	d'	ढ d'	ਧ t', d', d.	ਧ d'	ঢ	d'	d'	
26	na	ण, ण	[n]	n	[n]	ण n	ਣ n	ণ n	ন	[n]	n	
27	ta	त	t	t	t	त t	ਤ t	ତ t	ତ	t	t	
28	tha	थ	t'	t'	t'	थ t'	ਥ t'	ਥ t'	থ	t'	t'	
29	da	द	d	d	d	द d	ਦ d	ଦ d	দ	d	d	
30	dha	ध	d'	d'	d'	ध d'	ਧ t', d', d.	ਧ d'	ধ	d'	d'	
31	na	न	n	n	n	न n	ਨ n	ন n	ন	n	n	
32	pa	प	p	p	p	प p	ਪ p	ପ p	প	p	p	
33	pha	फ	p'	p'	p'	फ p', [f]	ਫ p'	ਫ p'	ফ	p'	p'	
34	ba	ब	b	b	b	ब b	ਬ b	ବ b	ব	b	b	
35	bha	भ	b'	b'	b'	भ b'	ਭ p', b', b.	ਭ b'	ভ	b'	b'	
36	ma	म	m	m	m	म m	ਮ m	ମ m	ম	m	m	
37	ya	य	y	y	y	य y	ਯ y	ਯ y	য	y	z	
38	ra	र	r	r	r	र r	ਰ r	ਰ r	র	r	r	
39	la	ल	l	l	l	ल l	ਲ l, l	ਲ l	ল	l	l	
40	va	व	v	v	v	व v	ਵ v	ਵ v	ব	b	b	
41	śa	श	ʃ	ʃ	s[ʃ]	श ʃ			শ	s, [ʃ]		
42	ṣa	ष	[ʃ]	[ʃ]	s[ʃ]	ष ʃ, [ʃ]			ষ	s, [ʃ]		
43	sa	स	s	s	s	स s	ਸ s	ਸ s	স	s		
44	ha	ह	h	h	h	ह h	ਹ h, ',-	ਹ h	হ	h	h	
45	ḷa	ळ		l		ळ l			ল	l		
46	ra						ਰ					
47	n, ñ, ṇ, n, m	.	N, ~ N, [~]	N, ~	.	N, ~	.	N	°	N	N	
48	~	.	~	[~]	~	.	~	°	°	~	~	
49	h	:	h	h	h	:	h	°	:	h	h	
50	,	,										
51												

сей Северо-Западной Индии; рядом с деванагари выглядит лапидарным;

письмо ория (для языка ория) отличается от остальных округлым очертанием графем (результат использования пальмового листа в качестве основного писчего материала); характерные элементы большинства графем сходны с соответствующими элементами деванагари, но верхнюю горизонтальную черту здесь заменяет полуокружность;

бенгальское письмо (для бенгальского и ассамского языков) обладает сильно видоизмененными по сравнению с деванагари начертаниями характерных элементов графем; преобладание в них тонких штрихов придает ему определенное изящество.

Помимо названных существуют различные виды бытовой скорописи: кайтхи (для хинди и его диалектов), ланди (для диалектов панджабского и синдхи), махаджани (для диалектов раджастанских), мо ти (для маратхского) и др.

Перечисленные системы письма обладают в основном идентичным набором графем. Различия между ними сводятся к тому, что в гуджаратском, ория и маратхском варианте деванагари имеется графема ॐ (45). В гурмукхи отсутствуют графемы 41 (передается вариантом графемы 43 — ॐ) и 42; 2 — 11 здесь рассматриваются не как основные, а как производные (от āirā ॐ и особых графем īrī ॐ и ūra ॐ), и, наконец, имеется графема ॐ — ॐ (в остальных алфавитах ретрофлексные /r/ и /r' / передаются вариантами графем 24 и 25, отличающимися точкой под ними). В письме ория и бенгальском графема 37 имеет варианты ॐ и ॐ , передающие палатальный сонант /y/ . Ассамская разновидность бенгальского письма отличается специфическим начертанием графем 38 (ॐ) и 40 (ॐ). Кроме того, деванагари и гурмукхи обладают вариантными графемами для согласных, присущих языковым подсистемам: /q/ — ॐ , ॐ ; /ɟ/ — ॐ , ॐ ; /t/ — ॐ , ॐ ; /z/ — ॐ , ॐ и /f/ — ॐ , ॐ .

Большинство алфавитов сохраняет традиционный порядок графем, принятый в деванагари (ср. выше, стр. 118). В конце алфавита могут находиться дополнительные графемы la и ra (в гурмукхи). Этот порядок несколько нарушен в гурмукхи, где признаются только три основные графемы для гласных (ॐ , ॐ , ॐ), далее идут сибилант (ॐ) и спирант (ॐ), затем смычные в обычном порядке и замыкают алфавит сонанты.

Индийские письменности являются слоговыми: каждая самостоятельная графема передает здесь либо гласный, либо сочетание согласного с a /ə/ , /ɔ/ , /o/ ³⁶. Сочетания согласных с другими гласными передаются посредством дублетных (неполных) значков гласного (основной знак гласного встречается только в начале слова или после другого гласного), присоединяемых к знаку согласного (см. табл. 5: 2³—11³). Отсутствие гласного при согласном передает дополнительный значок «вирама» (50), помещаемый под знаком согласного. Надстрочными значками «анусвара» (47) и «анунастика» (48) передаются соответственно гомоганный носовой перед согласным и назализация гласного.

³⁶ В транскрипции графем 12—46 (табл. 4) гласный, сопутствующий согласному, опущен.

Таблица 7

Обозначения гласных, следующих за согласными *

	Грифемы	Деванагари	Гуджаратское письмо	Гурмукхи	Письмо ория	Бенгальское письмо
1 ^a	[k]a	क	ક	ਕ	କ	ক
2 ^a	[k]ɪ	का	કા	ਕਾ	କା	কা
3 ^a	[k]i	कि	કિ	ਕਿ	କି	কি
4 ^a	[k]ī	की	કી	ਕੀ	କି	কী
5 ^a	[k]u	कु	કુ	ਕੁ	କୁ	কু
6 ^a	[k]ū	कू	કૂ	ਕੂ	କୁ	কু
7 ^a	[k]ɪ	कृ	કૃ	ਕ੍ਰ	କୃ	কৃ
8 ^a	[k]e	के	કે	ਕੇ	କେ	কে
9 ^a	[k]ai	कै	કૈ	ਕਾ	କେ	কৈ
10 ^a	[k]o	को	કો	ਕੋ	କୋ	কো
11 ^a	[k]au	कौ	કૌ	ਕਾ	କୋ	কৌ

* В качестве образца приняты сочетания с согласным k.

(эти значки далеко не всегда последовательно дифференцируются). Значок «висарга» (49) обозначает глухой фарингальный спирант в санскритских заимствованиях. Сочетания согласных передаются лигатурами, состоящими из характерных (дифференциальных) элементов соответствующих знаков, причем некоторые согласные (прежде всего *ga*, а в письме ория и бенгальском также и *ya*) могут при этом коренным образом менять свою форму. Гурмукхи имеет надстрочный значок геминации (удвоения) согласного (51).

Современные индийские алфавиты представляют собой далеко разошедшиеся стилистические (или «почерковые») разновидности единой системы письма.

Фонематический характер, который индийское письмо, по-видимому, имело применительно к ДИА языкам, современными индийскими письменностями в той или иной мере утрачен. Это отчетливо видно на примере ассамского, изобилующего дублетными графемами. На это указывают и другие алфавиты, особенно в части передачи вокализма.

Алфавиты на арабской основе

Алфавиты на арабской (персидской) основе используются для хинди (в его в лигатурной форме урду), синдхи, а также для панджабского (в Пакистане).

Письмо урду, содержащее 35 основных графем, отличается от персидского тремя графемами, введенными для ретрофлексных согласных: ٹ /t/, ڈ /d/ и ڙ /r/ (в алфавите следуют соответственно за ت , د и ر), и двумя вариантными графемами: و (назализация гласного) и ے (гласные /e/ /æ/), противостоящими основным (و и ی) только в положении, где они не связаны со следующей (слева) графемой. Применительно к хинди (урду) это письмо имеет существенные недостатки. Придыхательные согласные и носовые гласные здесь приходится передавать диграфами ($C+h=C'$ и $V+n=\bar{V}$), которые не всегда дифференцируются от сочетаний CVh и VN . Постоянно или в отдельных графических сочетаниях не дифференцируются также: а) гласные /i/, /ə/, /u/ между собой и с «нулем звука»; б) гласные /i/, /e/, /æ/ и согласный /y/; в) гласные /u/, /o/, /ɔ/ и согласный /v/; г) гласные /a/, /e/ и согласный /h/ (в конечной позиции). Вместе с тем алфавит изобилует дублетными графемами, используемыми только в арабских и персидских заимствованных словах.

Более соответствует звуковой системе обслуживаемого языка алфавит синдхи, содержащий 52 основных знака: ' a /ə/, i /i/, u /u/, a /a/; ب b /b/; ب̄ b̄ /b̄/; پ bh /bʰ/; ت t /t/; ت th /tʰ/; ث t̄ /t̄/; ث th̄ /t̄ʰ/; س s /s/; پ p /p/; ق ph /pʰ/; ج j /j/; چ j̄ /j̄/; جه jh /jʰ/; ج̄ n̄ /n̄/; چ c /č/; چ ch /čʰ/; ح h /h/; خ x /x/; د d /d/; د dh /dʰ/; د̄ d̄ /d̄/; د̄ d̄ /d̄/; د̄ dh̄ /d̄ʰ/; ذ z /z/; ر r /r/; ر̄ r̄ /r̄/; ز z /z/; ز̄ z̄ /z̄/; س s /s/; ش s̄ /s̄/; ص s̄ /s̄/; ض z̄ /z̄/; ط t̄ /t̄/; ظ z̄ /z̄/; ع ' ə/ и др.; غ ġ /ɣ/; ف f /f/; ق q /q/; ك k /k/; ك kh /kʰ/; گ ġ /ɣ/; گ g /g/; گ̄ ġ̄ /ɣ̄/; گه gh /gʰ/; ل l /l/; م m /m/; ن n /n/; ن̄ n̄ /n̄/; و v /v/; u /u/, o /o/, au /ɔ/; ه h /h/, a /ə/; ی y /y/, i /i/, e /e/, ai /æ/.

В части, касающейся согласных, его можно считать фонематичным (если не учитывать дублетности ряда графем и охвата особыми знаками также и тех фонем, которые представлены только в языковых подсистемах). Недостатки этого письма, связанные с передачей гласных, в значительной мере компенсируются широким применением здесь диакритики.

МОРФОЛОГИЯ
ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Морфология НИА языков описана несравненно подробнее, чем фонология или синтаксис. Характеристика морфологического строя (наряду со словообразованием) неизменно занимает центральное место в многочисленных описательных и исторических грамматиках НИА языков, опубликованных во второй половине прошлого и в нынешнем веке. В последние десятилетия отдельные проблемы морфологии того или иного из этих языков все чаще становятся объектом специального исследования языковедов. Вместе с тем уровень изученности как конкретных языков в целом, так и частных явлений внутри них, остается весьма неравномерным, а методика описания отличается значительной пестротой. Долгое время здесь почти безраздельно господствовал подход к НИА языкам с позиций либо классической европейской (опирающейся на античную) и английской, либо санскритской, либо даже арабской (для урду) грамматической традиции. В результате задача описания нередко сводилась на практике к поискам в иссле-

дуемом языке эквивалентов элементам исходной модели, а специфика строя самого данного языка оставалась в тени. Лишь сравнительно недавно все большее внимание стало уделяться критическому пересмотру традиционных представлений и терминов и поискам методов адекватного описания грамматической структуры НИА языков. Ввиду этого при сопоставлении исследуемых языков наряду с выбором параметров, по которым должно проводиться сравнение, весьма важной задачей оказалось выявление объективных критериев адекватности и соизмеримости рассматриваемых явлений.

Представляется наиболее удобным морфологическое сопоставление языков вести через посредство формальных категорий³⁷, как единиц, содержащих в себе наиболее обобщенную характеристику грамматических свойств, присущих той или иной группе (классу) слов данного языка.

ОСНОВНЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ

Не останавливаясь здесь подробно на чертах несовершенства и противоречивости традиционной классификации частей речи, примем ее как в целом пригодную для удовлетворительного морфологического сопоставления НИА языков. Нужно, однако, отметить, что последовательное морфологических (чисто формальных) критериев выделения частей речи НИА языки с их преобладающим аналитическим типом структуры не дают. Слабая морфологическая выраженность грамматических связей и обилие функционально неравнозначных неизменяемых слов требуют привлечения дополнительного критерия, каковым может служить синтаксический (по первичной или преобладающей функции).

Среди классов полнозначных (неслужебных) слов в НИА языках наиболее четко выделяется глагол как класс, все члены которого обладают единой (модификации в НИА языках несущественны) парадигмой словоизменения, включающей систему предикативных (наиболее характерны) и систему непредикативных форм. Глаголу противостоит «сверхкласс» имени, охватывающий все остальные части речи, включая и наречия, смыкающиеся с существительными и прилагательными.

Разграничение именных классов, напротив, наталкивается на существенные затруднения.

Достаточно условным оказывается выделение замкнутого класса местоимений, противостоящего остальным именным классам прежде всего лексико-семантически — обобщенным, неназывным характером значений своих членов. Вместе с тем в НИА языках классу местоимений присущи и некоторые формально-морфологические отличия, проявляющиеся в наборе и объеме классифицирующих и словоизменяемых категорий, по-разному представленных в отдельных языках. В то же время функционально каждый член класса местоимений соотносится с тем или иным классом «назывных» имен.

Пожалуй, еще более условно в НИА языках выделение замкнутого же класса числительных, объединяемых лексически своим счетным значением. Морфологически они смыкаются с прилагательными, и, возможно, их следовало бы трактовать как подкласс последних.

Класс существительных может быть ограничен от прочих «назывных» имен морфологически — по парадигме склонения. Этого призна-

³⁷ О типах таких категорий см. выше, стр. 119, прим. 5.

ка, универсального для восточных НИА языков, в западных и центральных оказывается недостаточно — те или иные морфологические особенности существительных (например, свойственная только им форма обобщенного падежа множественного числа в хинди) оказываются присущими не всем членам данного класса. В результате выделенный по морфологическому признаку класс приходится пополнять членами, не имеющими этого признака, но обладающими функциональным тождеством с выделенным ядром. При этом границы между классом существительных, с одной стороны, и классом прилагательных (и наречий) — с другой, в значительной мере утрачивают четкость.

Членение остальной группы полнозначных слов, выступающих обычно в определительной функции (присубстантивно, приглагольно и приадективно), вызывает наибольшие затруднения. Здесь весьма остро встает вопрос о целесообразности различения особых классов прилагательных и наречий. В восточных языках слова, традиционно определяемые как прилагательные, неизменяемы. В западных НИА языках, где прилагательные в принципе изменяемы (однако изменяемые прилагательные составляют обычно меньшую часть членов этого класса), напротив, наблюдаются случаи изменения соотносимых с прилагательными наречий (ср. ниже, стр. 207). Таким образом, формальную границу здесь провести крайне трудно. Возможно, имеет смысл применительно к НИА языкам (если не ко всем, то к некоторым из них) говорить о едином классе определительных слов, одна часть которых употребляется присубстантивно, другая — приглагольно и приадективно, а третья (как правило, преобладающая) совмещает обе функции. Наконец, неизменяемость наречий (и значительной части определительных слов вообще) осложняет отграничение служебных слов (частиц речи)³⁸.

Наиболее существенным для морфологической характеристики НИА языков является, таким образом, анализ грамматических категорий, присущих, с одной стороны, классу глагола, а с другой — основным именным классам. Замкнутые классы местоимений и числительных представляют интерес не только со словоизменительной, но и с классификационной (и словообразовательной) точек зрения: закономерностями соотношения внутри них лексико-грамматических разрядов (подклассов), обнаруживающих в НИА языках весьма четкие структурные соответствия.

Существительное

Классифицирующие категории

Род

Наличие категории рода в том или ином НИА языке может быть подтверждено, с одной стороны, несовпадением парадигм склонения существительных, относимых к разному роду, а с другой — различным согласованием с ними согласуемых определений и изменяемых форм сказуемого, что для НИА представляется более общей, а потому весьма существенной объективной характеристикой.

Согласно этим критериям, в языках бенгальском, ассамском и ория и в диалектах бихари названная категория отсутствует. Традицион-

³⁸ Последние как средства выражения синтаксических связей рассматриваются в разделе, посвященном синтаксису.

ная лексико-семантическая классификация, по которой имена одушевленные в соответствии с полом обозначаемого ими существа относятся к мужскому или женскому роду (иногда выделяется также и общий род), а имена неодушевленные — к среднему роду [Бабакаев, 48; Карпушкин, 26; Быкова I, 38], не отражает грамматической категории. Статистически ограниченные случаи согласования в женском роде по санскритской или псевдосанскритской модели прилагательных *татсама* с именами одушевленными, обозначающими существа женского пола (обычно также *татсама*), наблюдаемые в литературном бенгальском и ассамском языках [Быкова I, 40—41; Бабакаев, 72—73], лежат вне грамматической системы названных языков. Внешним влиянием (со стороны литературного хинди) могут быть объяснены факультативные случаи восстановления реликтовых форм прилагательных женского рода, согласующихся с существительными, обозначающими лиц женского пола и самок животных, в диалектах бихари [Tiwari, 104—105].

Промежуточное положение между перечисленными языками и теми, где категория грамматического рода выражена вполне отчетливо и имеет всеобъемлющий характер, занимают непальский язык и восточные диалекты хинди. Здесь противопоставление мужского и женского рода прослеживается только в сфере имен одушевленных, тогда как все неодушевленные причисляются к мужскому роду [Королев, 43, 48, 131]. При этом согласование изменяемых определений и форм сказуемого с именами женского рода не всегда последовательно проводится³⁹. В разговорном непальском категория рода практически отсутствует, а в области распространения восточных диалектов хинди наблюдается ее постепенное исчезновение по мере продвижения с запада к востоку [Saksena, 5, 139—140].

В остальных НИА языках и диалектах, лежащих к западу от меридиана Аллахабада, категория грамматического рода проявляется вполне отчетливо, что выражается частью в особенностях парадигм склонения, но главное — в последовательном осуществлении синтаксических согласований.

Два грамматических рода — мужской и женский — различаются в хинди (литературная норма и западные диалекты), панджабском, синдхи, в диалектах пахари и раджастанхари (утверждение Г. Гриссона о существовании в хараути среднего рода опровергается В. Алленом [Allen IV, 8]). Третий род — средний — добавляется к ним в гуджаратском и маратхском языках. Первоначальное ИЕ противопоставление среднего рода мужскому и женскому (как неодушевленного — одушевленного) в современных НИА языках, по-видимому, сменяется противопоставлением женского рода мужскому и среднему. О типологическом сближении последних свидетельствует переход как лексики, так и грамматических функций среднего рода (как «нейтрального») в тех языках, где он ныне утрачен, к мужскому (ср., например, оформление сказуемого в нейтральной конструкции мужским родом в хинди, панджабском и синдхи, но средним в маратхском и гуджаратском).

Словарная форма (прямой падеж) имен существительных в НИА языках практически не имеет формальных признаков рода. Характерными окончаниями (см. табл. 6) в каждом языке обладает лишь сравнительно малая часть существительных, к тому же обилие исключений, порождаемых формальным совпадением генетически разнородных

³⁹ Сходные ограничения и непоследовательности функционирования категории рода наблюдаются также в парья, развивающемся ныне в таджикском языковом окружении, не знающем этой категории [Оранский I, 22—23, 31 и тексты].

именных окончаний, сводит на нет и без того ограниченную ценность этого критерия. Род одушевленных имен обычно определяется по полу обозначаемого существа, хотя исключения возможны и тут [Bailey X, 418—20]. Существуют выработанные местной грамматической традицией многочисленные правила определения грамматического рода имени в том или ином НИА языке по формальным и семантическим признакам, но они при всей их громоздкости охватывают незначительное количество имен. Иноязычные заимствования обычно приобретают грамматический род по формальным или семантическим аналогиям [Burton-Page II, 169 сл.].

Категория личности и вопрос о категории одушевленности

В грамматиках НИА языков нередко встречается противопоставление одушевленных и неодушевленных имен существительных. Такое противопоставление носит лексико-семантический характер и не может быть признано грамматическим: различий в морфологическом и синтаксическом оформлении одушевленных имен, обозначающих животных, и имен неодушевленных практически нет (вряд ли таковым можно считать некоторые ограничения сочетаемости имен со словами-аффиксами -- показателями множественного числа, разделяющими существительные на ряд достаточно расплывчатых и подвижных семантических групп, — ср. ниже). Больше оснований говорить о различии в НИА языках класса личных имен, обозначающих существа, наделенные разумом (т. е., как правило, наименования человека), и класса неличных имен, включающих наименования животных и неодушевленных предметов и понятий. Различие объективно проявляется в характере оформления прямого дополнения: личные имена обычно выступают как оформленное дополнение (принимают форму дательного падежа или косвенного падежа с соответствующим послелогом), неличные — как неоформленное (сохраняют форму прямого падежа). В восточных НИА языках это различие прослеживается также в образовании форм множественного числа (наиболее последовательно — в бенгальском).

Категория личности — неличности оказывается для НИА языков более универсальной, чем категория рода. Она в равной мере прослеживается во всех литературных языках и может быть обнаружена в диалектах. Вместе с тем она выражена значительно менее отчетливо, чем категория рода. В любом языке нередки случаи отклонений от изложенного выше правила оформления прямых дополнений (наблюдаются неоформленные дополнения, выраженные личным именем, и, напротив, оформленные, выраженные неличным). Это можно объяснить тем, что на классифицирующую именную категорию личности здесь накладывается и отчасти подавляет ее словоизменительная категория определенности — неопределенности [ср. Зограф IV, 249 сл.; Jha, 284, и др.].

Словоизменительные категории

Число

Всем НИА языкам присуща грамматическая категория числа. Различаются формы двух чисел — единственного и множественного. Форма множественного числа имени существительного отличается от фор-

мы единственного (немаркированной) с помощью тех или иных морфологических (аффиксы) или синтаксических (согласование) средств⁴⁰. В последнем случае имеет место омонимия форм, отличить которые возможно только в контексте.

Среди НИА языков резко выделяются языки восточной группы, образующие формы множественного числа с помощью агглютинативных суффиксов и слов-суффиксов, одни из которых имеют более или менее универсальный характер, соотносясь с основными морфологическими классами имен, другие сочетаются с семантически ограниченными группами лексики или приносят дополнительные значения почтительности, уничижительности и т. д. [Световидова III, 5—6; Goswami, 48—56; Kakati, 276—280; Карпушкин, 27—28 и др.]. Роль таких суффиксов и слов-суффиксов в названных языках весьма существенна, так как ввиду отсутствия здесь форм множественного числа у прилагательных и глаголов они оказываются основными носителями значения множественности (расчлененности). Тем не менее в случаях, когда данное значение явствует из контекста благодаря наличию числительных, указательных слов и т. п., суффиксы множественности могут опускаться.

Значительно более свободный характер носит употребление агглютинативного суффикса множественности *-harū* в непальском, где значение множественности может передаваться глагольными формами. В этом языке у имен мужского рода с исходом на *-o*, *-u* наблюдаются рудименты флективной формы множественного числа, например: *choro* 'сын' — *chorā* [*harū*] 'сыновья'.

Для остальных НИА языков флективный тип формы множественного числа является основным (особенности образования форм см. ниже, стр. 198 и табл. 6). В диалектных и жаргонных подсистемах хинди отмечаются случаи использования агглютинативных слов-суффиксов, особенно в сочетании с существительными, регулярная форма множественного числа которых омонимична форме единственного, например: *banaar-log* 'обезьяны' < *banaar* 'обезьяна'; ср. также *kuttā-log* 'собаки' < *kuttā* 'собака', при регулярном *kutte* 'собаки'.

Падеж

Вопрос о квалификации падежей и составе падежной системы вызывает серьезные разногласия среди исследователей НИА языков. Нередки случаи, когда разные авторы выделяют в одном и том же языке от двух до восьми падежей. Здесь сталкиваются различные точки зрения, крайние проявления которых представляют формально-морфологическая, опирающаяся на анализ современного именного словоизменения НИА языков, и функционально-семантическая, ставящая своей целью поиски в НИА языках эквивалентов восмипадежной санскритской или какой-либо другой априорно взятой системы склонения. Формально-морфологический анализ, наиболее отвечающий целям адекватного описания, осложняется тем, что в НИА языках находят отражение (и некоторых из них сосуществуя) элементы двух принципиально различающихся типов склонения: старого — флективного, частично представленного рудиментарными формами, и нового —

⁴⁰ Как и в других языках, многим НИА существительным, обозначающим отвлеченные понятия, вещества и т. д., значение множественности (расчлененности) несвойственно, а потому формы множественного числа от них обычно не образуются (хотя в принципе появление такой формы в определенном контексте не исключено).

агглютинативного, развивающегося из послеложного оформления имени.

Трудность заключается в том, что, с одной стороны, во флективном склонении наряду с универсальными формами, присущими всем существительным данного структурного типа (или их большинству) и играющими решающую роль в системе словоизменения, наблюдаются формы, охватывающие крайне узкий круг имен (границы которого определяются не структурными, а семантическими критериями) и проявляющие тенденцию к лексикализации. С другой стороны, не всегда удается провести четкую границу между послелогом как служебным словом и развившимся на его основе агглютинативным аффиксом. Поэтому представляется целесообразным исходить в определении падежной системы того или иного НИА языка из господствующего в данном языке типа склонения, определяя его как флективный там, где присоединению послелога предшествует изменение формы имени (в этом случае мы признаем наличие [обще]косвенного, или послеложного, падежа и трактуем послелог как служебное слово), и как агглютинативный там, где аффикс (послеложного или иного происхождения) присоединяется к неизменной именной основе (во множественном числе — к основе, осложненной аффиксом множественности).

С этой точки зрения агглютинативный тип присущ восточным НИА языкам, полностью утратившим флективные формы. Его отличительной особенностью является универсальность падежных аффиксов (ср. ниже, табл. 6) и сравнительно богатый набор падежей (4—6). Прямому (неоформленному) падежу (1), выступающему как падеж подлежащего, а также неличного и неконкретного объекта, здесь противостоят: 2) дательный (направительный), являющийся одновременно падежом личного и конкретного объекта, 3) родительный (притяжательный), 4) творительно-(инструментально)-местный [или раздельно — 4) творительный и 5) местный — в ассамском] и 5) отложительный (только в ория); в ассамском к этому добавляется 6) падеж агенса (подлежащего при сказуемом, выраженном переходным глаголом).

Флективный тип, наблюдаемый в хинди, панджабском, синдхи, маратхском и гуджаратском языках, отличается разнотипностью склонения имен (в зависимости от характера основы), различием падежных окончаний в единственном и множественном числе, распространенностью омонимичных форм и малым числом падежей. По существу, в названных языках выделяются два основных падежа: 1) прямой, служащий падежом подлежащего (за исключением случаев, когда сказуемое выражено причастием совершенного вида переходного глагола), а также неличного и неконкретного объекта, и 2) [обще]косвенный, или послеложный, функционирующий, как правило, в сочетании с послелогам. Отмечен также 3) звательный падеж, теоретически универсальный, но практически обладающий ограниченной сферой применения. Кроме того, в перечисленных языках, и особенно в диалектах, сохранились флективные формы ряда других падежей, преимущественно творительного (инструментального) и местного (панджабский, синдхи, маратхский, диалекты авадхи, бходжпури и др.), реже — отложительного (панджабский, синдхи, маратхский).

Падежные аффиксы этой группы обладают ограниченной сочетаемостью, а образованные с их помощью формы имеют низкую частотность, употребляясь по преимуществу в устойчивых и идиоматических словосочетаниях, например: х. *bhūkkhō marnā* 'умирать с голоду'. Наряду с этим такие формы проявляют отчетливую тенденцию к адвербиализации, процесс которой, однако, еще не завершился. Все они

находят параллели в регулярных аналитических (последложных) конструкциях, но взаимозаменяемость здесь осуществима только в одном направлении: любая флективная форма такого рода может быть заменена аналитической конструкцией (правда, при грамматической равнозначности подобные пары, как правило, неравнозначны в стилистическом отношении), тогда как лишь немногие аналитические конструкции допускают замену флективной формой. Это дает основание полагать, что флективные формы творительного, местного и отложительного падежей лежат вне современной системы склонения тех языков, в которых они отмечены [Kelkar, 131 сл.; Khubchandani, 280].

Некоторые черты перехода к агглютинативному типу склонения прослеживаются в синдхи, где аффикс инструментального падежа *-ā* в единственном числе сочетается по типу флексии — с чистой основной (замещающая характерные окончания мужского рода: *-o*, *-u*), а во множественном числе — по последложному типу, т. е. с формой общекосвенного падежа. В гуджаратском утрачен наиболее выразительный для западных и центральных НИА языков (имеющий наиболее широкую сочетаемость) аффикс общекосвенного падежа множественного числа. в результате чего формальное различие прямого и общекосвенного падежей сводится к сфере имен мужского и среднего рода с характерными окончаниями *-o*, *-ā*. Наряду с этим идет процесс слияния послелогов с именными основами, что свидетельствует о тенденции перехода к новой шестипадежной агглютинативной системе склонения [Савельева, 24—25]. В непальском различие прямого и общекосвенного падежей, наблюдаемое также только у имен мужского рода на *-o*, *-u* в единственном числе, проводится непоследовательно, ср. *chora-lāi*/*choro-lāi* 'сыну' от *choro* 'сын' [Королев, 46]. Здесь можно выделить пятипадежную агглютинативную систему склонения, идущую на смену флективной [Clark, 67 сл.; ср., однако, возражения Милтнера в рецензии на эту книгу — АОг, 32, 479]. Об окончательном распаде старой флективной системы свидетельствуют диалекты бихари.

Категория определенности

Категория определенности — неопределенности в НИА языках проявляется в различном оформлении прямого дополнения (объекта): конкретный (индивидуальный) объект принимает форму дательного падежа (в бенгальском, ассамском, ория) или соответствующую ей форму косвенного падежа с направлятельным послелогом (в остальных НИА языках)⁴¹; неконкретный объект имеет форму прямого падежа. Последовательность проявления данной категории нарушается, когда с ней совмещается классифицирующая категория личности, имеющая аналогичные особенности оформления прямого дополнения (ср. выше, стр. 194).

Формой проявления категории определенности можно считать определительно-указательные частицы (аффиксы) в бенгальском (*tā*, *tī*; *khānā*, *khānī* и др.), в ория (*tā*, *tī*) и ассамском (*to* и др.). Степень грамматикализации подобных частиц требует специального изучения. Морфологически они сближаются с агглютинативными аффиксами соответствующих языков, присоединяясь непосредственно к корню и предшествуя падежному аффиксу. Семантически они не достигли обычно присущего аффиксам универсализма, соединяя значение опре-

⁴¹ Характерно, что только эта форма возможна у личных местоимений.

деленности со значениями эмоциональной и качественной оценки. Некоторые из них характеризуют предмет с точки зрения его свойств или внешнего облика. Естественно, что и сочетаются они в таких случаях с ограниченным кругом имен, определяемым соответствующим семантическим признаком [Ferguson, 886—890; ср. Чевкина I, 220 сл.; Быкова I, 36; Бабакаев, 55—59; Kakati, 265—269]. В ория, напротив, частица *ti* обладает повышенной сочетаемостью; она присоединяется не только к существительным, но и к прилагательным и личным формам глагола (в последнем случае следует за личным окончанием) [Tripathi, 109—111].

В ассамском языке те же частицы в сочетании с предшествующей им частицей *e* служат для выражения неопределенности. В этом случае частицы не постфиксируются, а префиксируются именной основе [Бабакаев, 59].

Кроме того, во всех НИА языках определенность и неопределенность могут выражаться лексически (не грамматически): первая — с помощью указательных местоимений, вторая — с помощью числительного «один».

Особенности словоизменения существительных

Словоизменительные аффиксы присоединяются к именной основе в определенной последовательности. Для НИА языков восточной группы, имеющих агглютинативную систему склонения, порядок следования морфем выражается формулой:

$$V + d/n + c [+p],$$

где *V* — основа (корневая морфема, которая может быть осложнена словообразовательными морфемами), *d* — показатель определенности (определятельная частица), *n* — показатель числа (для единственного=0), *c* — показатель падежа (для прямого=0), *p* — послелог, например: ас. *mānuhbilākak* 'людям' (*V* — *mānuh*, *n* — *bilāk*, *c* — *ak*), ор. *rāpīṭiku* '[эту] царицу' (*V* — *rāpī*, *d* — *ti*, *c* — *ku*), б. *tamālgāchtir mata* 'подобно [такому] дереву тамал' (*V* — *tamālgāch*, *d* — *ti*, *c* — *r*, *p* — *mata*).

Порядок следования морфем в тех НИА языках, в которых сохранилась флективная форма [общее] косвенного падежа, выражается формулой:

$$V + f + p,$$

где *i* — окончание косвенного падежа единственного или множественного числа, например: х. *ghore par* 'на коне' (*V* — *ghor*, *f* — *e*, *p* — *par*), х. *ghar mē* 'в доме' (*V* — *ghar*, *f* — 0, *p* — *mē*), п. *kuṛiā nāl* 'с девушками' (*V* — *kuṛi*, *f* — *ā*, *p* — *nāl*).

В обоих случаях перед послелогом возможна эмфатическая частица.

О существовании в языке нескольких типов именного словоизменения можно говорить в том случае, когда одни и те же категориальные отношения у разных имен передаются посредством несходных, но функционально синонимичных аффиксов. Таким образом, типы словоизменения (типы склонения) существительных различаются набором словоизменительных аффиксов, сочетающихся с той или иной группой существительных. Типы склонения существительных внутри каждого НИА языка определяются двумя группами факторов: 1) отмеченными в данном языке классифицирующими категориями, определяющими

принадлежность существительного к некоторому морфологическому подклассу; 2) морфологическим строением (типом) основы. Соотношением названных факторов определяются и расхождения в числе парадигматических типов для разных НИА языков.

Классифицирующими категориями НИА существительных являются категории рода и личности (см. выше). Категория личности, будучи общей для НИА языков, в большинстве из них не находит отражения в парадигмах склонения ввиду отсутствия самостоятельной формы объектного падежа (ср. стр. 196). Формально она проявляется там, где не совпадают аффиксы множественного числа личных и неличных имен, например в бенгальском. Категория рода, отсутствующая в языках восточной группы, в остальных НИА языках проявляется в парадигмах склонения неодинаково: в хинди, панджабском, синдхи и маратхском существительные каждого рода имеют свои парадигмы склонения; в непальском и гуджаратском роль признака рода в выборе парадигмы весьма ограничена, поскольку здесь выделяется в особые типы склонения лишь часть имен мужского (а в гуджаратском — и среднего) рода, обладающих характерными родовыми окончаниями.

Тип основы практически несуществен в языках восточной группы, если не считать некоторых фонетических модификаций падежных аффиксов под влиянием гласного или согласного исхода основы (см. табл. 6). В остальных языках различаются «сильные» типы склонения — с максимальным разнообразием форм — и «слабые», в парадигме которых преобладают омонимичные формы. К «сильному» типу здесь повсюду относятся в первую очередь имена мужского рода с характерным гласным окончанием *-ā/-o* (в синдхи также тип на *-u*); в хинди и маратхском выделяемо склонение имен женского рода с окончанием *-ī* (в маратхи, кроме того, тип на *-ā*); в гуджаратском и маратхском — склонение имен среднего рода с характерным окончанием (г. *-ū*, м. *-ē*).

Таким образом, склонение существительных в восточной группе НИА языков носит наиболее универсальный характер. Только в бенгальском отчетливо различаются парадигмы личных и неличных имен.

В других северных НИА языках основные типы склонения распределяются следующим образом:

непальский: I — имена мужского рода на *-o/-u*; II — все остальные имена мужского и женского рода (имеется тенденция сведения типа I к общему типу II);

гуджаратский: I — имена мужского рода на *-o*; II — имена среднего рода на *-ū*; III — все остальные имена мужского, женского и среднего рода;

панджабский: I — имена мужского рода на *-ā*; II — остальные имена мужского рода; III — все имена женского рода;

синдхи: I — имена мужского рода на *-o*; II — имена мужского рода на *-u*; III — остальные имена мужского рода; IV — все имена женского рода;

хинди: I — имена мужского рода на *-ā*; II — остальные имена мужского рода; III — имена женского рода на *-ī*; IV — остальные имена женского рода.

Наиболее сложной системой склонения, включающей не менее семи основных типов, обладает маратхский язык: I — имена мужского рода на *-ā*; II — остальные имена мужского рода; III — имена среднего рода на *-ē*; IV — остальные имена среднего рода; V — имена жен

Аффиксы словоизменения существительных

Число	Падеж	Бенгальский		Ассамский	Ория	Непальский		Хинди			
		личные имена	педичные имена			тематический тип	атематический тип	тематический тип		атематический тип	
								м. р.	ж. р.		м. р.
Единственное	прямой общекосвенный ² звательный родительный творительный местный отложительный	0 ¹ -ke -[e]r } ³ -[t]e ⁵ /-y	0 -ke -[e]r -[t]e/-y	0 -e, -i ⁶ -[a]k ⁴ -[a]r -[e]re -[a]t	0 -[ā]ka/-[ā]ki -ra } -[r]e -[r]u	-o, -a ⁷ -ā	0 0	-ā ⁸	-ī	0	0
								-e	-ī	0	0
								-e	-ī	0	0
Множественное	прямой общекосвенный звательный родительный творительный местный отложительный	-[e]rā -d[ig]a)ke/ -deke -d[ig]er } -d[ig]e	-gula/-guli -gulake/ gulike -gular/-gulir -gulate/-gulite	-bilāk, -bor, -lok, -sakal и др. -bilāk-ak -bilāk-ar -bilāk-ere	-māne, -gurika и др. -mānaku -mānankara } mānankare -mānankaru	-ā[-harū] -o-harū »	-harū -harū	-e	-iyā	0	-ē
								-ō	-iyō	-ō	-ō
								-iyō	-iyō	-o	-o

¹ 0 — форма имеет «нулевое» окончание (не изменяется при присоединении аффиксов косвенных падежей).

² Прошел указывает на отсутствие граммы данного падежа.

³ Фигурная скобка показывает, что в данном языке двум обозначенным в падеже (слева) падежам соответствует одна граммема.

⁴ Аффиксы, начинающиеся с гласного, присоединяются к основам с согласных исходом.

⁵ Аффиксы, начинающиеся с согласного, присоединяются к основам с гласным исходом (при дифтонгальном — фидультивно).

Число	Падеж	Панджабский				Свахи				Гуджаратский				Маратхский			
		тематический тип		атематический тип		тематический тип (м. р.)		атематический тип		тематический тип		атематический тип		тематический тип		атематический тип	
		м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.	1-я	2-я	м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.	м. р.	ж. р.
Единственное	прямой	-ā	0	0	0	-o	-u	0	0	-o	-ā	-ā	-ī	0	0	-ā	0
	обшечосвенный	-e	0	0	0	-e	-a	-a/0 ¹⁰	-a/0	-ā	-ā	-ā/ā	-ī	-ā	-ī	-e	-ī
	звательный	-īū	-ā	-e	-e	-ā	-a	0	0	-ā	-ā	-ā	-e	-ā	-ā	-e	-ī
	дательный																
	родительный																
Множественное	прямой	-e	0	0	0	-ā	(-ī) ⁹	(-ā)	(-ā)	-ā	-ā	-ā	-ī	0	0	-ā	0
	обшечосвенный	-īā	-ā	-ā	-ā	-ā	(-ā)	(-ā)	(-ā)	-ā	-ā	-ā	-ī	-ā	-ā	-ā	-ī
	звательный	-īo	-o	-o	-o	-ā/āu	-o	-o	-ā	-ā	-ā	-ā	-ī	-ā	-ā	-ā	-ī
	дательный																
	родительный																
Множественное	прямой	-e	0	0	0	-ā	(-ī) ⁹	(-ā)	(-ā)	-ā	-ā	-ā	-ī	0	0	-ā	0
	обшечосвенный	-īā	-ā	-ā	-ā	-ā	(-ā)	(-ā)	(-ā)	-ā	-ā	-ā	-ī	-ā	-ā	-ā	-ī
	звательный	-īo	-o	-o	-o	-ā/āu	-o	-o	-ā	-ā	-ā	-ā	-ī	-ā	-ā	-ā	-ī
	дательный																
	родительный																
Множественное	прямой	-e	0	0	0	-ā	(-ī) ⁹	(-ā)	(-ā)	-ā	-ā	-ā	-ī	0	0	-ā	0
	обшечосвенный	-īā	-ā	-ā	-ā	-ā	(-ā)	(-ā)	(-ā)	-ā	-ā	-ā	-ī	-ā	-ā	-ā	-ī
	звательный	-īo	-o	-o	-o	-ā/āu	-o	-o	-ā	-ā	-ā	-ā	-ī	-ā	-ā	-ā	-ī
	дательный																
	родительный																

⁹ Аффиксы -e, -ī в ассамском присоединяются к существительным, выступающим в предложении в роли субъекта при связуемом, выраженном переходным глаголом.

¹⁰ Имеет тенденцию к слиянию с общими (неизменяемым) типом.

¹¹ Если исходный гласный формы прямого падежа назализован, назализуются и смыкающиеся с ним гласные аффиксов косвенных падежей.

¹² В круглых скобках даются окончания архаичных падежных форм, лежащих вне современной общей системы склонения.

¹³ Окончание -ā присоединяют имени женского рода на -ī и имени мужского рода на -ī, -ū.

ского рода на *-ī*; VI — имена женского рода на *-ā* и некоторые имена на согласные; VII — имена женского рода на согласные (типы II и IV имеют фонетические модификации в зависимости от согласного или гласного исхода основы). Менее употребительные типы см. в очерке Т. Е. Катениной [Катенина, 42].

Аффиксы, сочетающиеся с различными типами основ, приводятся в табл. 6.

Прилагательное

Согласуемые и несогласуемые прилагательные

В большинстве НИА языков выделяются два формальных подкласса прилагательных: согласуемые и несогласуемые. Прилагательные, входящие в подкласс согласуемых (типа *kāla* 'черный'), имеют парадигму словоизменения; несогласуемые прилагательные (типа *lāl* 'красный') не изменяются и такой парадигмы не имеют (т. е. вся их парадигма представлена омонимичными формами).

Названные подклассы не различаются в бенгальском, ассамском и ория, где прилагательные в целом представляют собой класс неизменяемых слов (случаи согласования в роде с определяемым словом прилагательных этимологической группы *tatṣama* выходят за рамки современной морфологической системы перечисленных языков и должны расцениваться как морфологические заимствования из санскрита).

Переходное положение занимают непальский язык, диалекты бихари и отчасти восточные диалекты хинди. Хотя здесь и можно выделить подкласс согласуемых прилагательных, среди членов последнего часты случаи альтернации форм (по согласованному и несогласованному типам), что свидетельствует о тенденции унификации всего класса прилагательных по образцу восточных НИА языков.

К подклассу согласуемых относятся прилагательные *taḍbhaṇa*, имеющие характерные окончания (наращение, восходящее к ДИА плеонастическим суффиксам м. и ср. р. *-aka*, ж. р. *-ikā*): *-ā* (литературный хинди, авадхи, панджабский, маратхский), *-o* (брадж, бундели и другие диалекты хинди, гуджаратский, диалекты раджастан), *-o* и *-i* (синдхи). Кроме того, в синдхи наблюдается частичное согласование с определяемым существительным и некоторых других типов прилагательных, отличающихся от названных выше неполной парадигмой (см. табл. 7).

Таблица 7

Основные типы словоизменения согласуемых прилагательных

Род	Число	Падеж	Непальский	Хинди	Панджабский	Синдхи				Гуджаратский	Мараттхский
						полностью согласуемые		частично согласуемые			
Мужской	единст- венное	прямой косвенный	-o -a/-o	-ā -e	-ā -e	-o -e	-u -a	0* -a	0** 0	-o -ā	-ā -ya
	множест- венное	прямой косвенный	-ā -ā	-e -e	-e -lā	-ā -an	-a -an	0 -[a]n	0 -[u]n	-ā -ā	-e -ya

Род	Число	Падеж	Непальский	Хинди	Панджабский	Синдхи		Гуджаратский	Маратхский		
						полностью согласуемые	частично согласуемые				
Женский	единственное	прямой косвенный	-ī -ī	-ī -ī	-ī -ī	-ī -la	-l -l	0 -a	0 0	-ī -ī	-ī -yā
	множественное	прямой косвенный	-ā -ā	-ī -ī	-iā -īā	-yū -yūn	-[i]ā -un	-ā -un	-ā -un	-ī -ī	-yā -yā
Средний	единственное	прямой косвенный								-ā -ā	-ē -yā
	множественное	прямой косвенный								-ā -ā	-ī -yā

* Обычно прилагательные с исходом на -ī, -ā.

** Обычно прилагательные с исходом на -ā, -ī.

Словоизменительные категории и особенности словоизменения прилагательных

Словоизменительными категориями прилагательных являются: 1) род (мужской и женский — в хинди, панджабском, синдхи, диалектах раджастанхани, парья; мужской, женский и средний — в гуджаратском и маратхском); 2) число (единственное и множественное); 3) падеж (прямой и косвенный)⁴².

Полная парадигма словоизменения прилагательных может содержать от восьми (в языках, где различаются два рода) до двенадцати (в языках, имеющих три рода) форм. Однако в большинстве языков она изобилует омонимичными формами. Так, в хинди (включая диалекты) и гуджаратском омонимия распространяется на все формы женского рода (прямой и косвенный падежи обоих чисел); там же в мужском роде форме прямого падежа единственного числа противостоят омонимичные формы косвенного падежа единственного числа и прямого и косвенного падежей множественного числа (в гуджаратском то же и в среднем роде). В панджабском омонимичны: а) формы косвенного падежа единственного числа и прямого падежа множественного числа мужского рода, б) формы прямого и косвенного падежей единственного числа женского рода и в) формы прямого и косвенного падежей множественного числа женского рода. В маратхском омонимия распространяется на формы косвенного падежа всех трех родов в обоих числах. И только в синдхи, в парадигме прилагательных с

⁴² В синдхи в единственном числе мужского и женского рода отмечены также формы звательного падежа, которые мы не включаем в парадигму (табл. 7) ввиду их крайне низкой частотности. В диалектах панджабского отдельные прилагательные (как правило, местоименные) согласуются с именем и в местном падеже множественного числа, принимая аффикс -l/-i [Cummings & Bailey, 40—41].

исходом на -o, омонимия форм отсутствует, появляясь, однако, в парадигмах других типов.

Наиболее общие противопоставления формальных показателей прилагательных в НИА языках сводятся к следующим:

- а) по роду (в прямом падеже единственного числа) — мужской -ā/-o ~ женский -ī ~ средний -ā̄ (г.), -ē̄ (м.);
- б) по падежу (для единственного числа мужского рода) — прямой -ā/-o ~ косвенный -e (х., п., с.), -ā (г., н.), -uā (м.);
- в) по числу (для мужского рода) — единственное -ā/-o ~ множественное -e (х., п., м.), -ā (с., г., н.).

Основные типы словоизменения согласуемых прилагательных представлены в табл. 7.

Числительное

Числительные могут рассматриваться как замкнутый подкласс внутри класса прилагательных. Границы подкласса определяются семантически — он включает в себя слова, обладающие числовым значением. Подкласс числительных в каждом из НИА языков подразделяется на подклассы низшего ранга, различающиеся формально и семантически.

Количественные числительные

Подкласс количественных числительных включает наименования бесконечного ряда натуральных чисел, составленные из строго ограниченного числа лексических элементов. Структура этого подкласса в его стандартной форме, опирающейся на десятичную систему счисления, во всех литературных НИА языках аналогична и повторяет соответствующую ДИА модель (см. стр. 122). Расхождения между отдельными НИА языками наблюдаются в основном на фонологическом уровне. Морфологические различия (например, в строении числительных 89: п. *inānṣe*, г. *nevāsī*, м. *ekunnavvad* и *navuḍṣī* — и 99: х. *ninānṣe*, н. *inānsay* — или 19: м. *ekunṣ*, х. *innṣ* и т. п.) не выходят за рамки альтернатив, допустимых в ДИА модели [ср. Burrow, 260].

В целом система количественных числительных в НИА языках складывается из группы простых (обозначения чисел от единицы до десяти, 100, 10⁵, 10⁷, 10⁹, а также 1000, последнее представлено в НИА языках заимствованием либо из персидского, либо из санскрита), группы производных (наименования круглых десятков от 20 до 90, этимология которых в НИА языках настолько стерлась, что они воспринимаются как простые) и группы сложных, охватывающей все остальные целые числа внутри первой сотни.

Сложные числительные образуются сочетанием компонента, обозначающего единицы, с компонентом, обозначающим соответствующий десяток (для числительных 19, 29 и т. д. первым компонентом служит элемент *in[a]-*, *ekun-*, *ogaṇ-* 'без [одного]', а вторым — наименование следующего десятка); в различных сочетаниях компоненты заметно преобразуются, так что при описании системы числительные первой сотни приходится давать списком (см. табл. 8). Остальные

Количественные числительные первой сотни в гуджаратском языке *

Единицы Десятки	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I	ek	be	traṇ	cār	pāc	cha	sāt	āṭh	nav	das
II (n+10)	aḡlar	bār	ter	caud	paṇdar	soḷ	sattar	arāḡh	ogaṇīs	vīs
III (n+20)	ekoīs	bāoīs	trevīs	covīs	pacīs	chavīs	sattāvīs	aṭhṭhāvīs	ogaṇītīs	trīs
IV (n+30)	ektrīs	batrīs	tetrīs	cofrīs	pāntrīs	chatrīs	sāḡtrīs	āḡtrīs	ogaṇcāḡīs	cāḡīs
V (n+40)	ekṭāḡīs	betāḡīs	tētāḡīs	cūvaḡīs	plstāḡīs	chetāḡīs	suḡtāḡīs	adīāḡīs	ogaṇṇpacās	pacās
VI (n+50)	ekāvān	bāvan	trepan	copan	paṇcāvān	chappan	sattāvān	aṭhṭhāvān	ogaṇsāṭh	sāṭh
VII (n+60)	eksaṭh	bāsaṭh	tresāṭh	cosāṭh	pānsaṭh	chāsaṭh	sāḡsaṭh	aḡsaṭh	ogaṇṇoter	stīter
VIII (n+70)	ekoṭer	boter	toṭer	cumoter	pancoter	choter	sattoter	aṭhṭhoter	ogaṇāḡeśī	ēśī
IX (n+80)	ekāsī	byāsī	tyāsī	corāsī	pancāsī	chyāsī	sattasī	aṭhṭhāsī	nevāsī	nevū
X (n+90)	ekāṇū	bāṇū	trāṇū	corāṇū	pancāṇū	channū	sattāṇū	aṭhṭhāṇū	navāṇū	so

* Таблица заимствована из очерка Л. В. Савельевой [Савельева, 31].

числительные — составные; они образуются соположением простых и сложных числительных в порядке убывания разрядов, как и в русском языке ⁴³.

Количественные числительные в приименном употреблении во всех НИА языках выступают как прилагательные, соответствуя последним своей синтаксической позицией, а в панджабском и синдхи также и характером словоизменения, обладая неполной парадигмой склонения (только множественное число). В панджабском и синдхи различаются формы прямого и косвенного падежей, одинаковые для обоих родов ⁴⁴, например: п. *das ādmī* 'десять мужчин', *dasā admīḍ dā* 'десяти мужчин', *das kuriā* 'десять девушек', *dasā kuriā dā* 'десяти девушек' [Gill & Gleason, 111; ср. Cummings & Bailey, 46; Bailey III, 18; O'Brien, 18; Wilson, 18], с. *saia ghara* 'семь домов' — *satān gharan mē* 'в семи домах' [Егорова, 52 — 53; Trumpp, 169 — 173].

В разговорном панджаби отмечены также формы местного падежа, употребительные при обозначении цены: *panjhī rūpaī mīlēā* 'обошлось в 25 рупий' [Cummings & Bailey, 46]. Кроме того, в современном маратхском сохранились (как факультативные) формы косвенного падежа числительных 2, 3 и 4, например: *cohō māṇsāññī* наряду с *cār māṇsāññī* 'четырьмя человеками' [Катенина IV, 48] ⁴⁵.

В остальных НИА языках количественные числительные не изменяются, например: х. *pāc beḷe* 'пять сыновей' — *pāc beḷō ko* 'пяти сыновьям', *pāc beḷiḍ* 'пять дочерей' — *pāc beḷiḍ ko* 'пяти дочерям'.

К количественным числительным, обозначающим целые числа, примыкают немногочисленные дробные числительные, представляющие собой как изменяемые (например: х. *ādhā* ¹/₂ — *ādhe rāste mē* 'на полпути'; *paunā* ³/₄ — *paunī rāl* 'три четверти ночи'), так и неизменяемые прилагательные (например: х. *cauthāi* ¹/₄, *tihāi* ¹/₃, *ḍerh* ¹/₂, *aṛhāi* ²/₃, *savā* 'с четвертью').

Порядковые числительные

Подкласс порядковых числительных представлен различно в западных и восточных НИА языках. В западных и центральных языках порядковые числительные являются регулярными производными от количественных (аномальным типом образования отличаются числительные «первый» — «четвертый» и «шестой»). Словообразующий аффикс порядковых числительных (х. и п. *-vā*; с. *-ō*; г. *-to*; м. *-[a]vā*) автоматически вводит их в подкласс согласуемых прилагательных с полной

⁴³ В диалектных подсистемах всего района распространения НИА языков функционирует двадцатеричная система счисления. При этой системе в обычных для повседневных бытовых нужд сельского населения пределах счета (до 200) обходится набором числительных первого десятка в сочетании с числительным 20 (регулярное *bīs* и его эквиваленты из общих систем в этом случае часто заменяются словом *korī* 'два десятка') по формуле $n \times 20 \pm m$ или $\pm m + n \times 20$ (где n и p — числа первого десятка), например, в бходжури: *tīnī bīs ā fāc* — 65 (букв. 'три [раз по] двадцать и пять') [Tiwari, 1181; в авадхи: *dui bīs au carī* — 44 (букв. 'два [раз по] двадцать и четыре'); *ek kam bīs* — 19 (букв. 'без одного двадцать') [Saksena, 152]; в разговорном панджаби: *cheḍ utte che vīhā* — 126 (букв. 'шесть сверх шести [раз по] двадцать'); *cheḍ ghaṛī che vīhā* — 114 (букв. 'без шести шесть [раз по] двадцать') [Cummings & Bailey, 47].

⁴⁴ Ср. склонение «частично согласуемых» прилагательных синдхи и альтернативные случаи образования формы косвенного падежа множественного числа неизменяемых прилагательных в панджабском [Newton, 28 — 29].

⁴⁵ Аналогичному изменению те же числительные могут подвергаться в конкани, при условии что они принимают изменяемые наращения *-ga* или *-ḷō* (последнее присоединяется к единице).

присущей им в каждом данном языке парадигмой словоизменения (см. стр. 202). Иначе обстоит дело в непальском, где порядковые числительные, образованные аффиксом *āi* (-*vā*), неизменяемы (исключение составляют первые четыре — с исходом на -*o*). В восточных НИА языках данный подкласс числительных представлен заимствованиями из санскрита, которые могут изменяться в роде по санскритской модели подобно прилагательным того же происхождения. Кроме того, в разговорном бенгальском в функции порядковых числительных выступают также соответствующие количественные в форме родительного падежа.

Прочие типы числительных

Подклассы собирательных и множительных числительных, представленные преимущественно в центральных и западных НИА языках, имеют практически весьма ограниченный объем, сводясь в первую очередь к производным от простых количественных числительных. Собирательные (или «интенсивные») числительные, образуемые аффиксами х. -*ō*, п., г. -*e*, м. *hē*, с. -[*h*]i, -[*h*]i, являются, как и количественные, неизменяемыми или частично изменяемыми (в синдхи, панджаби) прилагательными. Множительные числительные, образованные аффиксами х. -*gūnā*, п. *gūṇa*, г. -*gaṇo*, -*vaḍo*, представляют собой в соответствии с их окончаниями согласуемые прилагательные. Возможны и другие типы производных числительных, но они редки.

Числительные любого подкласса могут выступать в субстантивном употреблении. В этом случае они склоняются по парадигме имени существительного, соответствующей типу основы (см. табл. 6).

Наречие

Простые, или непроизводные (не соотносимые с другими частями речи), наречия в НИА языках крайне немногочисленны (обычно в пределах одного-двух десятков).

Подавляющее большинство слов, выполняющих адвербиальные функции, соотносимо с прилагательными и существительными. Они соответствуют несогласуемым прилагательным в их обычной форме (в восточных НИА языках — также осложненным аффиксом инструментально-местного падежа -*e*, -*te*, превращающимся в этом случае в словообразующий) и согласуемым прилагательным в форме прямого или косвенного падежа единственного числа мужского, а в гуджаратском и маратхском — также среднего рода.

Наречия соотносятся также с существительными, преимущественно в формах косвенных падежей, часто в сочетании с послелогами (старые флективные формы инструментального и местного падежей в западных и центральных языках проявляют отчетливую тенденцию к адвербиализации). Кроме того, адвербиальную функцию выполняют повторы существительных и прилагательных и другие типы словосочетаний. Случаи соотносительности наречий с глаголом (глагольные образования в форме деепричастий) редки. Относительно местоименных наречий и наречий, соотносимых с числительными, см. ниже.

Тесная связь, существующая в НИА языках между наречиями и прилагательными, подтверждается возможностью приглагольного употребления в гуджаратском, маратхском и панджабском изменяемых прилагательных, согласующихся с подлежащим, например: м. *tī caṅglī*

gāte 'она хорошо поет' и *to cāṅglā vācto* (наряду с *to cāṅglē vācto*) 'он хорошо читает' [Катенина IV, 38, 78; ср. Савельева, 55]. В разговорном панджабском такое согласование осуществляется, если сказуемое выражено переходным глаголом (например: *oh caṅgī khēddī e* 'она хорошо играет'), и не осуществляется, если сказуемое выражено переходным глаголом (например: *oh barā caṅgā likhdi e* 'она очень хорошо пишет'). При наличии в предложении прямого или внутреннего дополнения приглагольное определение согласуется с ним, например: *oh kāpī caṅgī likhdā e* 'он хорошо снимает [букв. «пишет»] копию'; *oh kirkat caṅga khēddī e* 'она хорошо играет в крикет' [Cummins & Bailey, 127]. Характерно, что в маратхском подобному изменению подвержены и некоторые наречия, употребляемые исключительно приглагольно, например: *to nuktās ālā* 'он только что пришел' и *tī nuktīc ālī* 'она только что пришла' [Катенина IV, 38].

Местоимение

Местоимения образуют внутри «сверхкласса» имени замкнутый класс, выделяемый по лексико-семантическому признаку — способности называть участников диалога по их роли в нем (говорящего и адресата), а также в наиболее общей форме указывать на упоминаемые в речи лица, предметы, явления, признаки, замечая в определенном контекстуальном окружении имена существительные, прилагательные (включая числительные) и наречия. Вместе с тем местоимения-существительные в отдельных НИА языках отличаются от других именных классов и морфологически — особенностями словоизменения (см. табл. 9 и 10).

Класс местоимений во всех НИА языках включает в себя два подкласса: личных и неличных местоимений.

Личные местоимения

Подклассу личных местоимений свойственны классифицирующие категории лица и числа. Здесь выделяются местоимения-существительные 1-го и 2-го лица, а также соответствующие им притяжательные местоимения-прилагательные. Личные местоимения 3-го лица, во всех НИА языках восходящие к указательным, по своей структуре тесно примыкают к системе неличных, в составе которой они и будут рассмотрены. К личным местоимениям можно отнести возвратно-личное местоимение (в большинстве языков представлено производными от основы *ār*) и соответствующее ему притяжательное.

Наиболее существенные различия системного характера наблюдаются между подклассами личных местоимений в языках восточной группы, с одной стороны, и остальных НИА — с другой. Эти различия опираются на присущий местоимениям тип словоизменения. Если в большинстве НИА языков местоимения сохраняют в склонении ряд архаичных черт, таких, как многоосновность парадигмы, включая супплетивность основ, наличие синтетической притяжательной формы взамен обычной для существительных (и неличных местоимений) послеложной и др., то в языках восточной группы они обнаруживают отчетливую тенденцию следовать парадигме имен существительных, обозначающих лица. Так, в бенгальском языке все производные формы местоимений 1-го и 2-го лица образуются присоединением агглютинативных аффиксов падежа и числа, общих для местоимений и существительных (ср. табл. 6), к единой основе косвенных падежей, пред-

ставляющей слегка измененную исходную форму местоимения (см табл. 9). Аналогичным образом склоняются местоимения 2-го лица в ассамском и ория.

В результате переосмысления старых супплетивных основ множественного числа и образования полной парадигмы от каждой основы в восточных НИА языках сложилась новая категория «субординации», представленная формами трех ступеней: низшей — уничижительно-фамильярной (формы которой генетически соотносятся с основами единственного числа соответствующих личных местоимений), средней — нейтральной (ее формы соотносимы с основами множественного числа) и высшей — почтительной (формы возвратно-личного местоимения и др.). Полный набор таких форм представлен местоимениями 2-го лица во всех трех литературных языках восточной группы; формы второй и третьей ступеней различаются у местоимений 3-го лица (неличных); менее регулярно могут истолковываться в некоторых случаях как уничижительные или, напротив, высокопарные, и формы 1-го лица (см. табл. 9, 12). От аналогичного употребления форм 2-го лица множественного числа для выражения элементарной вежливости в других НИА языках положение, наблюдаемое в языках восточной группы, и особенно в бенгальском, отличается своим системным характером, свидетельствующим о переходе данного явления со стилистического на чисто грамматический уровень. Аналогичные тенденции наблюдаются в непальском, диалектах бихари и жаргонных подсистемах хинди — там, где на смену старому флективному типу именного словоизменения приходит новый — агглютинативный (ср. выше, стр. 197).

Словоизменение личных местоимений в центральных и западных языках существенно отличается от словоизменения других именных классов. Помимо супплетивности основ единственного и множественного числа, здесь имеет место частое изменение основ в сочетании с теми или иными послелогоми и появление синтетических форм, отсутствующих в общей именной парадигме. Таковы, например, беспослеложные формы агенса в маратхском, гуджаратском, панджабском (аналогичная форма в синдхи соответствует именному типу словоизменения; в хинди послеложная форма агенса 1-го и 2-го лица единственного числа образуется от особой основы, совпадающей с прямым падежом) и беспослеложная форма объектного падежа в хинди (большинство соответствующих послеложных форм в маратхском и гуджаратском образуется от особых, только им присущих основ). Сочетаниями существительных с адъективирующим послелогом здесь соответствуют притяжательные местоимения-прилагательные; лишь в ряде случаев (например, в синдхи) они представляют собой сочетание местоименной основы специфического типа с обычным для данного языка адъективирующим послелогом (см. табл. 9).

В систему личных местоимений хинди, панджабского, маратхского и гуджаратского языков может быть включено возвратно-личное местоимение *āraṇ* (м. *āraṇ*), выступающее в функции вежливой (почтительной) формы 2-го и 3-го лица (в обоих случаях соотносится с глагольными формами 3-го лица множественного числа), а в маратхском и гуджаратском — местоимение *āraṇ*, функционирующее как инклюзивная форма множественного числа 1-го лица (см. табл. 9).

Переходные типы систем личных местоимений представлены непальским языком и диалектами бихари, а также некоторыми частными подсистемами других языков, лежащих к западу от названных выше, например жаргонными разновидностями хинди. В частности, в непальском местоимения *hāmī* 'я', 'мы' и *tīmī* 'ты', 'вы' (этимологически —

Основные типы словозменения личных местоимений *

Лицо	Число	Падеж (форма основы)	Бенгальский			Ассамский			Ория		
			I	II	III	I	II	III	I	II	III
1-е	Единственное	прямой агент	(tui)	āmi			mai		mū	āmbhe	
		косвенный (основа косвенных падежей)	(to-)	ām[ā]-			mo-		mo-	āmbha-	
		родительный (притяжательная форма)	как существительные (см. табл. 6)			как существительные (см. табл. 6)			moṭe mo[ra]	āmbha[n]ku āmbha[ra]	
1-е	Множественное	прямой агент	moṛā	āmṛā			āmi		āme	āmbhemāne	
		косвенный (основа косвенных падежей)	moḍ-	āmāḍ-	(см. табл. 6)		āmā-		āmā-	āmbhamānaṅku āmbhamānaṅka[ra]	
		родительный (притяжательная форма)		«		(см. табл. 6)	»		āma[ra]		
2-е	Единственное	прямой агент	tui	tuml	āpni	tai	tumi	āpunl	tu	tume	tumbhe, āraṇa
		косвенный (основа косвенных падежей)	to-	tom[ā]-	āpnā-	to-	tomā-	āpronā-	to-	tuma-	tumbha-, āraṇa-
		родительный (притяжательная форма)		(см. табл. 6)	»	(см. табл. 6)	»		toṭe to[ra]	tumaṅku tuma[ra]	tumbhaṅku, āraṇaṅku tumbha[ra], āraṇaṅka[ra]
2-е	Множественное	прямой агент	toṛā	tomṛā	āpnārā	ta-hāt	tomā-lok	āpronā-sakaṭ	по типу āmbhemāne (ср. табл. 6)		
		косвенный (основа косвенных падежей)	toḍ-	tomāḍ-	āpnāḍ-		(см. табл. 6)				
		родительный (притяжательная форма)		»	»	(см. табл. 6)					

* Римскими цифрами обозначены: I — уничижительно-фамильярная форма, II — нейтральная форма, III — почтительная форма.

Личо	Число	Падеж (форма основы)	Непальский			Хинди	Панджаб-ский	Синдхи	Гуджаратский	Маратский
			I	II	III					
ЕДИНСТВЕННОЕ	1-е	прямой агентс косвенный (основа кос- венных падежей) дательный (притяжа- родительный (притяжа- тельная форма)		ma, hāmī (mai le) ma mero		māl (māl ne) mujh mujhe mera	māl māl mal mera	māl māl māl mūhī jo	hū mē māgā ma ne māgo	mī mī mājhyā, maj- ma lā mājha
		прямой агентс косвенный (основа кос- венных падежей) дательный (притяжа- родительный (притяжа- тельная форма)		hāmī [harū] » hāmro		ham (ham ne) ham hamē hamārā	asī asī sā sādā	asī asī asī asī jo	ame amē amārā am ne amāro	āmhi āmhi āmhi āmā āplā
ЕДИНСТВЕННОЕ	2-е	прямой агентс косвенный (основа кос- венных падежей) дательный (притяжа- родительный (притяжа- тельная форма)	tā (tāl le) tā tero	timī timī timro	tapāl » tapāl ko	tū (tū ne) tujh tujhe tera	tū tū, tāl tai tera	tū to to tūhī jo	tū tē tārā ta ne tāro	tū tū tujhyā, tuj- tu lā tujha
		прямой агентс косвенный (основа кос- венных падежей) дательный (притяжа- родительный (притяжа- тельная форма)	tlmī » timro	timī-harū » timī-harū ko	tapāl-harū » tapāl-harū ko	tum (tum ne) tum tumhē tumhārā	tust tusā tuhā tuhādā	[t]avhī [t]avhā [t]avhā [t]avhā jo	tame tamē tamārā tam ne tamāro	tumhī tumhī tumhā tumcā

формы множественного числа) имеют полную парадигму склонения, обладая агглютинативными формами множественности (аффикс *-harū*). В то же время без этого аффикса они способны функционировать в качестве форм множественного числа, соответствующих единственному местоимений *ta* 'я' и *tā* 'ты', от которых агглютинативные формы множественности не образуются (ср. местоимения 1-го лица в ассамском и ория — табл. 9). В ряде диалектов бходжпури в 1-м лице сохранилась только одна местоименная основа *ham*, выступающая как форма единственного числа. Множественное число личных местоимений здесь образуется тройко — в соответствии с трехступенчатой «субординацией» форм: уничижительной (присоединяет аффикс *-anī*, *-anikā*), нейтральной (присоединяет слово-аффикс *-log*, *-loganī*) и почетительной (присоединяет слово-аффикс *-sabh*). Жаргонный, так называемый базарный, хинди имеет только один тип местоимений 1-го (*ham*) и 2-го (*tum*) лица; формы множественного числа обоих образуются агглютинативно посредством слов-аффиксов *-log*, *-sab* [Chatterji VII, 33; ср. Зограф III, 148].

Неличные местоимения

Неличные местоимения в любом НИА языке образуют четкую систему, организованную по двум параметрам. С одной стороны, здесь выделяются семантические разряды указательных (ближнего и дальнего плана и отчасти смыкающихся с последними соотносительных), относительных, вопросительных и неопределенных местоимений. С другой стороны, внутри каждого из этих разрядов (кроме последнего, являющегося неполным) по морфологической структуре и синтаксическим функциям различаются местоимения-существительные (обозначают лицо или предмет), местоимения-прилагательные (со значением признака, количества и степени, размера и др.) и местоимения-наречия (места, направления, времени, образа действия и др.). Типичный пример такого членения дает система неличных местоимений хинди (см. табл. 11).

Все местоимения одного и того же разряда являются, как правило, производными от одной основы, выступающей в различных фонетических модификациях. Для указательных местоимений ближнего плана характерным элементом основы служит *i-* (реализуется в виде *i-*, *e-*, *ai-*, *u-*, причем последний изредка, например в брадже и бундэли, переходит в *j-*, а также в виде *hī* и др.), реже — *ā-*, *hā*, в ряде случаев «нулевая морфема» [Miltner III, 6—8]; для указательных местоимений дальнего плана — *u-* (*u-*, *o-*, *au-*, *o-*, *b-*, *hū* и др.); для соотносительных (часто замещают указательные местоимения дальнего плана, особенно в ассамском, ория, испальском, маратхском, гуджаратском, диалекте багхати и др.) — *s-* (только в прямом падеже исходной формы местоимения-существительного) и *t-* (во всех производных, а в маратхском и гуджаратском и в исходной форме); для относительных — *j-*. Вопросительные и неопределенные местоимения имеют общий характерный элемент *k-*, ввиду чего в отдельных НИА языках, например в синдхи, наблюдается омонимия некоторых производных форм местоимений этих двух разрядов (ср. также замещение в хинди большинства неопределенных местоимений эмфатическими формами вопросительных — табл. 11).

Различия систем неличных местоимений определяются как их инвентарем (т. е. числом входящих в систему типов местоимений), так и особенностями словоизменения этих местоимений. Наибольший инте-

Основные типы словоизменения неличных местоимений-существительных *

Число	Падеж	Бенгальский		Ассамский		Ория	
		I		I		I	
		лицо	нелицо	лицо	ж. р.		II
Единствен- ное	прямой агнс косвенный (основа кос- венных падежей) дательный	<i>se</i>	<i>tini</i>	<i>si</i>	<i>tāi</i>	<i>teō</i>	<i>se</i>
		<i>tā-</i>	<i>tā-</i>	<i>tā-</i>	<i>tāi-</i>	<i>teō-</i>	<i>tā[hā]-</i>
		(см. табл. 6)		(см. табл. 6)		<i>tā[hā]ku</i> <i>tā[hā]kku</i>	
Множест- венное	прямой агнс косвенный (основа кос- венных падежей) дательный	<i>tā[hā]rā</i>	<i>tā[hā]seguti</i>	<i>sibilāk</i>	<i>tāibilāk</i>	<i>teōsakal</i>	<i>semāne</i>
		<i>tā[hā]-</i>	»	»	»	»	по типу <i>āmbhēmāne</i> (см. табл. 9)
		(см. табл. 6)		(см. табл. 6)			

Продолжение табл. 10

Число	Падеж	Непальский		Хинди	Панджаб- ский	Синдхи		Гуджаратский	Маратхский		
		I	II			м. р.	ж. р.		м. р.	ср. р.	ж. р.
Единствен- ное	прямой агенса косвенный (основа косвенных падежей) дательный	<i>tyo</i>	<i>tinī</i>	<i>vah</i> (<i>us ne</i>) <i>us</i>	<i>uh</i> <i>uh/us</i>	<i>hū</i> <i>hūa</i> <i>huna</i>	<i>te</i> <i>ten-e</i> <i>te-</i> (<i>te ne</i>)'	<i>to</i> <i>tyā-nē</i> <i>tyā[cyā]-</i>	<i>tē</i> <i>ti-nē</i> <i>tī[cyā]-</i>	<i>tī</i>	
		<i>tyas</i>	<i>tin</i>	<i>use</i>				<i>tyā-lā</i>	<i>ti-lā</i>		
		<i>tī</i>	<i>tinī-harū</i>	<i>vah, ve</i> <i>unhō ne</i> <i>un</i>	<i>uh</i> <i>uhnū</i>	<i>hū</i> <i>hunon</i>	<i>teo</i> <i>temne</i> <i>tem[nā]-</i> (<i>tem ne</i>)	<i>te</i> <i>tyāh-nī</i> <i>tyāh[cyā]-</i>	<i>tyā</i>		
Множест- венное	прямой агенса косвенный (основа косвенных падежей) дательный	<i>tī</i>	<i>tinī-harū</i>								
		<i>tī</i>	<i>tinī-harū</i>								

* Римскими цифрами обозначены: I — нейтральная форма; II — почтительная форма.

Неличные местоимения хинди *

Морфологический класс	Лексическое значение	Указательные		Соотносительные	Относительные	Вопросительные		Неопределенные	
		ближнего плана	дальнего плана			лицо	предмет	лицо	предмет
Существительное и прилагательное	лицо, предмет, признак (эмфатическая форма)	<i>yah</i> (<i>yahi</i>)	<i>vah</i> (<i>vahi</i>)	<i>vah**</i> <i>so, taun</i>	<i>jo</i>	<i>kaun</i>	<i>kyā</i>	<i>koī</i>	<i>kuch</i>
Прилагательное	признак количество	<i>aisā</i> <i>itnā</i>	<i>vaisā</i> <i>utnā</i>	<i>talsā</i>	<i>jaisā</i> <i>jitnā</i>	<i>kaunśā, kuisā</i> <i>kitnā</i>		<i>kaī</i>	<i>kuch</i>
Наречие	место (эмфатическая форма) направление время (эмфатическая форма) образ действия	<i>yahā</i> (<i>yahi</i>) <i>tdhar</i> <i>ab</i> (<i>abhi</i>) <i>yō</i> <i>aise</i>	<i>vahā</i> (<i>vahi</i>) <i>udhar</i> <i>tab**</i> (<i>tabhi</i>) <i>vō</i> <i>vaise</i>	<i>tahā</i> <i>udhar**</i> (<i>tidhar</i>) <i>tab</i> <i>tyō</i>	<i>juhā</i> <i>jidhar</i> <i>jub</i> <i>jyō</i> <i>false</i>	<i>kahā</i> <i>kidhar</i> <i>kab</i> <i>kyō[kar]</i> <i>kaise</i>		<i>kahī</i> <i>kabhī</i>	

* Ср. очерк Т. Е. Катениной [Катенина, 1312—1315].

** Эти формы в современном языке совмещают функции двух разрядов.

рес с обеих точек зрения представляют местоимения-существительные (табл. 12).

Если обратиться к выделяемым в языках местоименным разрядам, то обнаружится, что расхождения здесь сводятся в основном к позиции в системе двух разрядов: указательных дальнего плана и соотносительных. Эти разряды тесно смыкаются друг с другом, и соотносительные местоимения часто выступают в качестве указательных с максимально обобщенным значением (содержат указание на лицо или предмет, находящийся вне поля зрения говорящего), вследствие чего они нередко функционируют как местоимения 3-го лица. Оба разряда с симметричным набором производных форм сосуществуют в бенгальском и непальском (в последнем соотносительные местоимения заняли место указательных дальнего плана, которые, в свою очередь, обособились как местоимения 3-го лица). В других НИА языках разряд соотносительных местоимений либо исчезает (как в панджабском и синдхи), либо заменяет отсутствующий в данном языке разряд указательных дальнего плана, сохранившись в этом случае в полном составе форм (таково положение в ассамском, ория, маратхском, гуджаратском). Промежуточное положение занимает хинди (включая и диалекты), где разряд соотносительных местоимений выступает как дефектный, и сохранившиеся его члены обнаруживают тенденцию свободного чередования с указательными местоимениями дальнего плана (ср. табл. 11, 12).

В отношении системных различий внутри разрядов наибольший интерес представляют местоимения-существительные. Поскольку местоимения-прилагательные в своих изменениях полностью следуют соответствующему типу прилагательных каждого данного языка, а местоимения-наречия не изменяются, различия в составе этих групп носят чисто количественный характер. Напротив, в склонении местоимений-существительных проявляется ряд специфических местоименных черт, а сам набор этих местоимений в том или ином языке свидетельствует о неоднородности присущих им классифицирующих морфологических категорий в отдельных НИА языках. По обоим признакам неличные местоимения-существительные заметно сближаются с личными, но полного параллелизма здесь нет.

Из классифицирующих категорий наиболее общей для НИА является категория одушевленности или личности (в том смысле, в каком о ней говорилось применительно к имени существительному, — ср. стр. 194). Противопоставление местоимений, обозначающих «лицо» или «предмет», в разрядах вопросительных и неопределенных местоимений релевантно, по-видимому, для всех НИА языков (см. табл. 12)⁴⁶. В восточных НИА языках оно распространяется и на другие разряды (указательных, реже — относительных местоимений), накладываясь здесь на противопоставление по признаку «субординации», наиболее широко и последовательно представленное в бенгальском, где каждая группа разряда указательных, а также разряды относительных и вопросительных местоимений содержат по три члена (например, указательные ближнего плана: *e*, *ini*, *ihā* — ср. табл. 12), находящихся между собой в следующем соотношении: первый член,

⁴⁶ Имеющиеся описания большинства НИА языков оставляют не вполне ясным вопрос, каким из двух типов местоимений в них обозначаются животные, что затрудняет дефиницию самой категории. Лишь в отдельных случаях, например для ассамского [Бабакаев, 67], мы находим прямое указание о включении животных в одну группу с неодушевленными предметами (которую можно назвать группой «нелиц»).

Основные типы неличных местоимений-существительных

Язык		Указательные			Относительные	Вопросительные		Неопределенные	
		ближнего плана	дальнего плана	вне поля зре- ния		лицо	предмет	лицо	предмет
Бенгальский	одуш. неодуш. почт.	<i>e</i> <i>ihā</i> <i>inī</i>	<i>o</i> <i>uhā</i> <i>unī</i>	<i>se</i> <i>tāhā</i> <i>tinī</i>	<i>ye</i> <i>yāhā</i> <i>yinī</i>	<i>ke</i>	<i>ki</i>	<i>keu</i> <i>keha</i>	<i>kichu</i>
Ассамский	м. р. ж. р. почт.	<i>i</i> <i>ei</i> <i>eō</i>		<i>si</i> <i>tāi</i> <i>teō</i>	<i>yi</i> (одуш.) <i>yih</i> (неодуш.)	<i>kon</i>	<i>ki</i>	<i>kono</i>	<i>kichu</i>
Ория		<i>e[hi]</i> <i>ei</i>		<i>se[hi]</i> <i>sei</i>	<i>ye</i>	<i>kie[se]</i>	<i>ki[sa]</i> <i>kana</i>	<i>kehi</i>	<i>kichi</i>
Непальский	нейтр. почт.	<i>yo</i> <i>yinī</i>	<i>tyo</i> <i>tinī</i>	<i>u</i> <i>unī</i>	<i>jo</i> (одуш.) <i>jē</i> (неодуш.)	<i>k</i>	<i>k?</i>	<i>kohi</i>	<i>kahi</i>
Хинди		<i>yah</i>	<i>vah</i>	<i>so</i>	<i>jo</i>	<i>kāun</i>	<i>kyā</i>	<i>koī</i>	<i>kuch</i>
Панджабский		<i>ih</i>	<i>uh</i>		<i>jo</i>	<i>kāun</i>	<i>kī</i>	<i>koī</i>	<i>kujh</i>
Синдхи	м. р. ж. р.	<i>hī[u]</i> , <i>ihō</i> <i>hīa</i> , <i>ihā</i>	<i>hū</i> , <i>uhō</i> <i>hūa</i> , <i>uhā</i>		<i>jō</i> <i>jā</i>	<i>keru</i> <i>kera</i>	<i>chā</i>	<i>ko</i> <i>kā</i>	<i>kujh</i>
Гуджаратский	м. р. ж. р. ср. р.	<i>ā</i> , <i>e</i>		<i>te</i>	<i>je</i>	<i>koṇ</i>	<i>śū</i>	<i>koī</i>	<i>kāī</i>
Маратхский	м. р. ж. р. ср. р.	<i>hā</i> <i>hī</i> <i>hē</i>		<i>to</i> <i>tī</i> <i>tē</i>	<i>jo</i> <i>jī</i> <i>jē</i>	<i>koṇ</i>	<i>kāy</i>	<i>koṇī</i>	<i>kāht</i>

обладающий наиболее общим значением, *e* (употребителен не только субстантивно, как два остальных, но и адъективно) противопоставляется третьему *ihā* как нейтральный по признаку одушевленности (личности?) неодушевленному (неличному?), а второму *inī* — как нейтральный в субординативном плане почтительному; второй же противопоставляется третьему как личный неличному.

В ассамском, где противопоставление по признаку одушевленности (личности) не распространяется на указательные местоимения, категория «субординации» накладывается на категорию рода: нейтральные местоимения мужского рода *i* и женского *ei* противопоставляются почтительному *eō*, для которого признак рода иррелевантен. Следы субординативного противопоставления форм указательно-личных местоимений наблюдаются также в ория, непальском и диалектах би-хари. Категория грамматического рода наиболее последовательно проявляется в маратхском и синдхи, где она распространяется на разряды указательных и относительных (в синдхи и вопросительных, обозначающих лицо) местоимений. Формы мужского и женского рода различаются у указательных местоимений во многих диалектных подсистемах хинди: авадхи, брадже, бундели (повсюду здесь только в прямом падеже единственного числа; ср., напротив, различие форм мужского и женского рода в косвенном падеже и агенсе при общей форме прямого падежа у указательных местоимений в диалектах багхати, киунтхали и др. [Bailey I, 2, 12, и др.]). В конкани изменение по родам (по слабому типу согласуемых прилагательных) свойственно одушевленным вопросительным местоимениям.

Перечисленные выше признаки определяют основные типы словоизменения неличных местоимений (см. табл. 10). Набор свойственных им словоизменятельных форм в каждом НИА языке соответствует тому, который мы находим у личных местоимений (ср. табл. 9). Наиболее характерным общим отличием является отсутствие притяжательных неличных местоимений — им соответствует сочетание формы косвенного падежа с адъективирующим послелогом. Представленные в табл. 10 типы словоизменения указательных местоимений, как правило, целиком применимы и к другим разрядам неличных местоимений, кроме неопределенных, обладающих дефективной парадигмой — неполной или же содержащей, как, например, в синдхи и панджабском, формы, омонимичные вопросительным местоимениям. Однако такое соответствие парадигм не является обязательным, ср., например, различие в склонении указательных и других разрядов местоимений в синдхи [Егорова II, 43 сл.].

Вне описанной системы остаются немногочисленные слова с обобщенным значением (преимущественно заимствованные из других языков), обычно также включаемые в класс местоимений и относимые к разрядам неопределенных и определенных, например, в хинди: араб. *bāz*, перс. *санд* 'некоторые'; скр. *атик*, араб. *falā* 'каждый'; перс. *хар* 'каждый', х. *саб* 'все' и др. Являясь функционально существительными и прилагательными, они изменяются в каждом НИА языке как аналогичные по форме слова соответствующего класса.

Местоименные энклитики

К лексической системе местоимений в синдхи и западных диалектах панджабского (лахнда) примыкает группа в значительной мере грамматикализовавшихся частиц — местоименных энклитик, которые присоединяются к именам существительным и глаголам, замещая в

предложении личные местоимения (см. табл. 13). В сочетании с существительными они заменяют соответствующие притяжательные формы, реже — формы с направительным послелогом. В синдхи они могут сочетаться и с послелогом, прежде всего с *sando*, заменяющим в этом случае обычный адъективирующий послелог *jo* (*sando-mi* = *māhū-jo* 'мой'), и некоторыми другими.

Сочетаясь с глагольными формами (в сложных глагольных формах они присоединяются к вспомогательному глаголу), местоименные энклитики обозначают: 1) прямой или косвенный объект (чаще всего адресат действия); 2) субъект при эргативной конструкции. В последнем случае в синдхи в 3-м лице используются особые энклитики: *ī* — в единственном числе и *ā* — во множественном [Воробьев-Десятовский, 135 сл.]. Из других НИА языков местоименные энклитики (менее распространенные) отмечены в парья и ассамском. Они имеют широкое распространение также в дардских и иранских языках.

Таблица 13

Местоименные энклитики синдхи и западных диалектов панджабского*

Лицо	Синдхи		Западные диалекты панджабского	
	единственное число	множественное число	единственное число	множественное число
1-е	-mi	-ā, -hā, -sī, -sā	-m	-se, -ahse
2-е	-i	-va	-ī, -ā, -o, -ō	-ne, -nihe, -innhe
3-е	-si	-ni, -na	-s	-ne

* См. работу Воробьева-Десятовского [Воробьев-Десятовский, 137].

Глагол

Глагол в НИА языках значительно более четко ограничен от именных частей речи, чем последние друг от друга (ср. выше). Это определяется не только присущим всем членам класса «глагол» семантическим признаком «процессуальности», но и чисто морфологической их чертой — специфическим словоизменением, наиболее характерной частью которого служит система предикативных, или личных, форм, образующая парадигму спряжения. Наряду со спрягаемыми (личными) в полную парадигму глагола в НИА языках целесообразно включить и так называемые непредикативные (неличные) формы, рассматривая их не как словообразовательные, а как словоизменительные типы. Приемлемость такого решения диктуется, с одной стороны, практически полной универсальностью этих форм, т. е. способностью каждого члена класса «глагол» образовать набор таких форм по единой, общей для данного языка модели (возможные исключения единичны), тогда как словообразовательным типам в НИА языках не свойственна высокая степень универсализма. С другой стороны, граница между личными и неличными формами глагола в НИА является в немалой мере условной, поскольку некоторые из последних (преимущественно причастные) играют весьма существенную роль в системе спряжения, участвуя в образовании большинства личных форм, причем не только аналитических (включающих личные формы того или иного вспомогательного глагола), но и синтетических (образованных присоединением вторичных личных окончаний).

Классифицирующие категории

Классифицирующие категории глагола, как и классифицирующие категории имени (см. выше), могут быть выявлены двояко: а) путем сопоставления типов словоизменения, присущих тем или иным глаголам, и б) путем грамматического анализа окружения, в котором выступает глагол, с целью выявления характерных для него типов синтаксических связей (согласования и управления) или, иными словами, определения дистрибуции глаголов на синтаксическом уровне и последующей их группировки в соответствующие подклассы, как предлагает А. А. Холодович (ВЯ, 1960, № 1). Ввиду преобладающей однотипности глагольных парадигм в НИА языках (особенно восточной группы) возможности использования первого пути весьма ограничены. В центральных и западных языках он может служить для разграничения подклассов переходных и непереходных глаголов, различающихся парадигмой форм, образованных от причастия совершенного вида. Использование более перспективного второго пути, применимого наряду с первым и для разграничения переходных и непереходных глаголов, на нынешнем этапе тормозится слабой разработанностью вопросов теории подклассов слов и полным отсутствием опыта приложения этой теории к НИА языкам, а также далеко не достаточной исследованностью НИА синтаксиса. В результате мы можем позволить себе лишь предварительное выделение наиболее очевидных, глагольных подклассов (и соответствующих классифицирующих категорий), оставляя на будущее задачу установления их более полного круга.

Переходность

Среди классифицирующих категорий глагола в НИА языках отчетливее всего проявляется категория переходности, в соответствии с которой весь класс глагола подразделяется на два подкласса — переходных и непереходных глаголов. По способу проявления этой категории НИА языки могут быть разделены на две группы: в первой, охватывающей языки восточной группы, переходность глагола определяется обычным для ИЕ языков признаком — его способностью управлять именем, служащим прямым дополнением.

Во второй группе, включающей остальные северные НИА языки, к названному добавляется еще один признак — тип согласования сказуемого, выраженного личной формой, в состав которой входит причастие совершенного вида. Подлежащее при таком сказуемом, представленном переходным глаголом, оформлено специальным аффиксом (послелогом) агенса или инструментальным аффиксом; сказуемое согласуется в роде и числе с прямым (обычно — неформальным) дополнением, а при отсутствии такового принимает «нейтральную» форму 3-го лица единственного числа мужского (в маратхском и гуджаратском — среднего) рода. Сказуемое, выраженное непереходным глаголом, сохраняет во всех формах субъектное согласование. Ср., например: м. *milgi gelī* 'девочка ушла', но *mulgīnē mhaṭlē* 'девочка сказала' и *mulgīnē kutrā pāhilā / kutryāla pāhilē* 'девочка увидела собаку'. В результате парадигма совершенных видо-временных форм переходного глагола в отличие от парадигмы непереходного полностью (или частично — в маратхском) утратила особые формы для 1-го и 2-го лица ⁴⁷.

⁴⁷ Особое положение сложилось в непальском языке, где подлежащее при сказуемом, включающем причастие совершенного вида переходного глагола, оформляется инструментальным аффиксом, но сказуемое тем не менее согласуется с подлежащим, а не с дополнением.

Оба признака (наличие дополнения и тип согласования сказуемого) в центральных и западных НИА языках, на первый взгляд, дополняют друг друга. Казалось бы, при сказуемом, выраженном глаголом в одной из несовершенных видо-временных форм, показателем переходности глагола должно служить прямое дополнение; напротив, при отсутствии дополнения о переходности глагола будет свидетельствовать нейтральная (несогласованная) форма сказуемого (см. ниже, стр. 256). Подобную взаимосвязанность названных признаков можно было бы признать, если бы они не вступали в противоречие между собой при определении переходности ряда глаголов (в частности, интенсивных, образованных сочетанием переходного значимого глагола с непереходным образующим), когда выраженное таким глаголом в формах совершенного вида сказуемое имеет прямое дополнение, но оформляется по типу непереходных глаголов, согласуясь с подлежащим, стоящим в этом случае в прямом падеже, ср., например: х. *lar-ke ne ciṭṭhī parhī*, но *larka ciṭṭhī parh gayā* 'мальчик прочитал письмо'.

Возможность такого рода случаев требует выбора одного из признаков в качестве определяющего. Предпочтения здесь явно заслуживает тип согласования сказуемого, как признак, совмещающий в себе синтаксический критерий с морфологическим. Использование этого признака для выделения переходных глаголов в западных и центральных НИА языках показывает, что в них категория переходности имеет свое особое содержание, отличное от наблюдаемого в восточных языках, и одновременно ставит вопрос об эквивалентности здесь и там грамматической категории, традиционно определяемой как «переходность».

Проблема категории каузативности

В традиционных описаниях НИА языков принято выделять подкласс каузативных глаголов, представляющих собой более или менее универсальный словообразовательный тип (так называемые каузативные основы образуются присоединением к простой основе суффиксов *-a/-vā*, *-āṭ/-vāṭ*, *-vī* и др.), сообщающий глаголу значение понудительности: «самостоятельно (каузатив I степени) или через посредника (каузатив II степени) заставить или помочь сделать то, что выражено исходным глаголом» [Баранников IV, 103]. Однако практически семантика понудительности свойственна не всем образованиям подобного рода, а преимущественно тем из них, исходной основе которых присущ признак переходности. Аналогичные образования от непереходных глаголов семантически соотносятся не с каузативными, а с простыми переходными глаголами.

Подобная асимметрия в системе так называемых каузативных глаголов, отмеченная Т. Я. Елизаренковой в хинди [Елизаренкова IV, 76 сл.], проявляется и в других НИА языках. Сам по себе этот словообразовательный тип не дает оснований для выделения целостного лексико-грамматического подкласса глагола. Морфологический критерий здесь тоже неприменим, поскольку по типу словоизменения каузативные глаголы не отличаются от простых переходных. Перспективным представляется использование синтаксического критерия, в частности исследование конструкций (конфигураций), ядром которых служит так называемый каузативный глагол. Но, как показывают предварительные наблюдения, и в этом отношении сходные по словообразовательному типу и обладающие каузативной семантикой глаго-

лы не обнаруживают единства, различаясь как числом обязательных членов конструкции, так и способом их оформления. На данном этапе изучения НИА языков мы не располагаем объективными данными для квалификации каузативности как четко выраженной грамматической категории глагола. Есть основания полагать, что исследование дистрибуции переходных и каузативных глаголов приведет к членению их на более значительное число групп, не находящихся прямого соответствия в словообразовательных типах.

Залог и его место среди глагольных категорий

Решение проблемы страдательного залога в НИА языках, если подходить к ней не с точки зрения поисков средств передачи пассивных значений, а с точки зрения выявления системы глагольных форм, противостоящих формам действительного залога, сопряжено со значительными трудностями. Это вызвано в первую очередь неоднородностью способов передачи пассивных значений внутри большинства НИА языков, сопровождающейся грамматической неоднозначностью используемых в этой функции форм (конструкций).

Наибольшим универсализмом обладает страдательный залог в хинди. Здесь пассивные формы образуются аналитически: сочетанием причастия совершенного вида спрягаемого глагола с вспомогательным глаголом *jāna* 'идти', сохраняющим полную парадигму словоизменения. Тот же тип форм — причастие совершенного вида (исторически — пассивное) или типологически соответствующая ему форма в сочетании с формами глагола «идти» — в той или иной мере употребителен в большинстве НИА языков, сосуществуя в них с другими способами передачи пассивных значений.

В бенгальском и ассамском кроме указанной конструкции для выражения пассивности используются сочетания того же причастия (глагольного имени) с вспомогательным глаголом «быть» и различные конструкции, содержащие в себе санскритские пассивные причастия прошедшего и будущего времени, а в маратхском — сочетания местного падежа герундия с вспомогательным глаголом *ucē* 'приходить'. В гуджаратском к сравнительно редким конструкциям первого типа (возможно, заимствованным из хинди) и сочетаниям местного падежа инфинитива с формами глагола *āvū* 'приходить' добавляется еще и третий, синтетический, тип пассива, образуемый присоединением суффикса *-ā-* к основе глагола. В панджабском и его диалектах общий с хинди тип страдательного залога употребляется наряду с сочетаниями основы значимого глагола и вспомогательного глагола *ghatṭnā* 'бросать' (например: *ciṭṭhī likh ghattī hai = ciṭṭhī likhī gai hai* 'письмо написано') и с синтетическими формами (только причастия несовершенного вида), образованными суффиксом *-ī-* (например: *ghallīdā* 'належащий быть посланным'). В синдхи ему также сопутствуют синтетические формы (суффикс *-[i]j-*), например: *gaijaṇi* 'быть спетым' при *gāṇu* 'петь'.

Функции перечисленных типов форм (как синтетических, так и аналитических) ни в одном из НИА языков не обладают однозначностью. Наиболее общей функцией всех подобных образований наряду с передачей пассивных значений является выражение (в безличных предложениях) потенциальной возможности (на практике чаще — невозможности) совершения действия. Поскольку такое значение в первую оче-

редь присуще «пассивным» формам непереходных глаголов, некоторые авторы выделяют их в особый безличный залог, противопоставляемый страдательному, к которому они относят аналогичные формы переходных глаголов [Singh, 383 сл.]. Это противопоставление вряд ли можно признать правомерным, поскольку пассивные формы переходных глаголов тоже способны выступать в безличных предложениях с тем же значением [не]возможности совершения действия, ср., например: х. *ham se calā na gayā* 'мы не смогли пойти' и *us se khāyā nahī jāta* 'он не может есть'.

Данная функция пассивных форм глагола находит достаточно широкое распространение и в других НИА языках, где так называемые пассивные формы непереходных глаголов (особенно синтетические) представляют вполне закономерное явление. В частности, характер употребления синтетических «пассивных» форм в маратхском (образованных суффиксом *-v-*) заставляет авторов грамматик квалифицировать их не как формы страдательного залога, а как лексико-грамматический подкласс потенциальных глаголов, например: *karṇē* 'делать' — *karavṇē* 'иметь возможность быть сделанным' [Катенина III, 181]. Подобным же образом в гуджаратском могут интерпретироваться образования с суффиксом *-a-* от непереходных глаголов и аналогичные образования от переходных глаголов, например: *besvī* 'сидеть' — *besāvī* 'быть в состоянии сесть'; *suṇāvī* 'усыпнуть' — *sūṇāvī* 'быть усыпленным', 'быть в состоянии усыпить' [Савельева, 51], хотя последним значение возможности/невозможности совершения действия свойственно далеко не всегда и нередко они выступают в качестве форм страдательного залога, свободно чередуясь с соответствующими аналитическими конструкциями.

Для непальского языка безличная функция «пассивных» глаголов с суффиксом *-ī-* признается одной из основных и наиболее распространенной в разговорной речи, тогда как употребление их для передачи страдательного залога (что имеет место преимущественно в языке прессы) объясняется калькированием английских пассивных конструкций [Clark, 107].

Названные, а также некоторые другие факты неоднозначности и неоднородности так называемых пассивных глаголов и пассивных конструкций ставят под сомнение реальное существование грамматической категории залога в большинстве НИА языков. В частности, к выводу об ее отсутствии пришли исследователи восточных НИА языков, и прежде всего бенгальского и ория [Световидова I, 98 сл.; Световидова IV, 131 сл.; Карпушкин, 46]. Высказывается сомнение в правомерности квалификации в качестве «пассивных» и глаголов на *-ī-* в непальском [Clark, 76]. В последней грамматике панджабского языка описание системы глагола не включает категории залога [Gill & Gleason]. Очевидно, так называемые пассивные формы и в других НИА языках заслуживают критического анализа с точки зрения синтаксической структуры включающих их конструкций и выполняемых ими в этих конструкциях функций.

Интересен также вопрос о динамике изменений в соотношении различных способов передачи пассивных значений. Данные маратхского, гуджаратского и синдхи позволяют предположить, что флективные формы в этой функции вытесняются аналитическими, так, например, в современных литературных и газетных текстах синдхи заметно преобладают аналитические формы [Егорова I, 54].

Очевидно, что синтетические формы «пассивных» глаголов должны трактоваться, по аналогии с каузативными глаголами, как словообра-

зовательные типы. Все они входят в подкласс непереходных глаголов, для дальнейшего членения которого необходимо изучение синтаксической дистрибуции его членов. Аналитические «пассивные» формы, по-видимому, наиболее целесообразно рассматривать вместе с многочисленными другими перифрастическими формами, образусмыми сочетаниями тех или иных непредикативных форм с различными вспомогательными глаголами.

В целом, на наш взгляд, вопрос о классифицирующих категориях, на которых могло бы основываться последующее членение подклассов переходных и непереходных глаголов, требует дальнейшего изучения.

Словоизменительные категории

Предикативность

Основанием для установления категории предикативности служит противоположение предикативных (личных) и непредикативных (неличных) форм глагола, обладающих достаточно четкими морфологическими (формальными) и синтаксическими (функциональными) различиями. Морфологическим признаком, отличающим в НИА языках предикативные формы, служат присущие им категории лица и времени и соответствующие формальные показатели. Непредикативные формы, соотносимые с основными именными классами (существительными, прилагательными, наречиями), категорий лица и времени не имеют, но, со своей стороны, обладают способностью к словоизменению по именным типам. В НИА языках восточной группы для различения предикативных и непредикативных форм достаточно одного морфологического критерия. В центральных и западных языках в ряде случаев для этого необходимо привлекать и синтаксический (функциональный) критерий, поскольку здесь распространены личные формы, в которых спрягаемый глагол формально совпадает с причастием несовершенного (несовершенное «общее» время изъявительного наклонения, общая форма условного наклонения) и совершенного (совершенное «общее» время изъявительного наклонения) вида (см. табл. 17).

Эти формы как предикативные противостоят непредикативным — «собственно причастным», где причастие выступает в субстантивной, адъективной и приглагольной функциях (адвербиально или в составе перифрастических сложновербальных конструкций). Таким образом, данная категория релевантна для всех НИА языков, которые различаются между собой только объемом и способом ее выражения (ср. ниже, стр. 235—237).

Наклонение

Категория наклонения, представляющая собой один из способов передачи модальности, т. е. обобщенной характеристики действия в отношении реальности/нереальности его осуществления, присуща преимущественно предикативным формам глагола. Формально категория наклонения выражается синтетическими и аналитическими показателями; в качестве первых выступают окончания (см. табл. 14), в качестве вторых — вспомогательные глаголы (табл. 15, 17). Поскольку показатели того же типа (окончания и вспомогательные глаголы) выполняют и функцию различения временных форм глагола (ср. ниже), противопоставление категорий наклонения и времени в ряде НИА языков оказывается в значительной мере стертым, что приводит к

Личные окончания простых (синтетических) форм

	Лицо	Форма субор- динации	Бенгальский	Ассамский	Ория	Число	Непальский
Настоящее время изъявительного наклонения (или общая форма со- ставлятельного на- клонения)	1-е	I II	-t	-ḍ	-e -ā	ед. мн.	-ā -āu
	2-е	I II III	-[i]s -a/-aḥa -[e]n	-a -ā	-u -a -anti	ед. мн.	-es -e
	3-е	II III	-e -[e]n	-e	-e -anti	ед. мн.	-os -un
Прошедшее время изъявительного наклонения	1-е	I II	-[i]l-ām	-llō	-[i]l -l-ā	ед. мн.	-ē -yāu
	2-е	I II III	-[i]l-i -[i]l-e -[i]l-en	-līi -līā	-l-u -l-a -l-e	ед. мн.	-is -yau
	3-е	II III	-[i]l-a -[i]l-en	-[i]l[e]	-l-ā -l-e	ед. мн.	-yo (-ī) -e (-in)
Будущее время изъявительного наклонения	1-е	I II	-[i]b-a	-lm	-ibl -ibā/-lā	ед. мн.	-ālā -āulā
	2-е	I II III	-[i]b-i -[i]b-e -[i]b-en	-ibl -lba -lbe	-ibu -lba -lbe	ед. мн.	-lās (-lis) -aulā / -ulā / -lāu (-aulī / -ulī / -leu)
	3-е	II III	-[i]b-e -[i]b-en	-lba	-lba -lbe	ед. мн.	-lā (-lī) -lān /-nin (-ltn /-nin)
Повелительное наклонение	1-е	I II	-i			ед. мн.	
	2-е	I II III	0 -a/-aḥa -un	0 -ā	0 -a -anti	ед. мн.	0 -a, -o / -ā
	3-е	II III	-uk -un	-ak	-u -anti	ед. мн.	

Лицо	Число	Хинди	Панджабский	Синдхи	Гуджаратский	Маратхский
Настоящее время изъявительного наклонения (или общая форма составного залога)	1-е ед. мн.	-ā -ē	-ā -īē	-ā ¹ -ā	-iā ² -iā	-ā -īē
	2-е ед. мн.	-ē -o	-ē -o	-ē -o	-ē/-y -o	-ē/-y -o
	3-е ед. мн.	-ē -ē	-ē -an	-ē -ani	-ē/-y -ē/-y	-ē ¹ -ā
Прошедшее время изъявительного наклонения	1-е ед. мн.			-iu-si (-ia-si) -iā-st/sā (-iā-st/sā)		-i ² -ā
	2-е ед. мн.			-ē (-ā/-ē) -ia-ū (-iā)		-as/-es -ā
	3-е ед. мн.			-yo (-ī) -yā (-iā)		-ē -at
Будущее время изъявительного наклонения	1-е ед. мн.	-āgā (-āgi) -ēge (-ēgi)	-āgā (-āgi) -āge (-āgi)	-andasi (-andasi) ¹ -andasi (-andasi)	-īś -īśū	-en ¹ -ā
	2-е ед. мн.	-egā (-egi) -oge (-ogi)	-egā (-egi) -oge (-ogi)	-andē (-andiē/-andiā) -andaū/-ando (-andiā)	-śē -śo	-śīl -ūl
	3-е ед. мн.	-egā (-egi) -ēge (-ēgi)	-egā (-egi) -ange (-angi)	-ando (-andi) -andā (-andi)	-śē -śē	-ēl -tīl
Повелительное наклонение	1-е ед. мн.					-ā -ā
	2-е ед. мн.	0 -o	0 -o	-n ¹ -o	-i ² -io	0 -ā
	3-е ед. мн.	-īye[gā]	-ī/-io	-{ī}jī/-ijo	-je/-jo	-o -ot

Примечания. 1. Римскими цифрами обозначены: I — фамильярно-уничижительная форма; II — нейтральная форма; III — почти-теплая форма. 2. В круглых скобках даны формы женского рода. 3. Арабскими надстрочными цифрами обозначены: ¹ — первое спряжение; ² — второе спряжение.

выделению отдельными авторами разного числа наклонений в одном и том же языке, ср., например, вопрос о предположительном наклонении в хинди [Липеровский II, 36 сл.] или о сослагательном и условном наклонениях в бенгальском [Caṭṭopadhyāy, 202 и др.].

Место повелительного наклонения

Противопоставление изъявительного и повелительного наклонений является общим для всех без исключения НИА языков. Характерно, что формально повелительное наклонение в равной мере противостоит как изъявительному, так и остальным выделяемым в том или ином языке наклонениям, отличаясь сокращенным набором словоизменительных форм. Парадигме повелительного наклонения в большинстве НИА языков свойственна одна категория числа (или субординации), к которой в ряде языков добавляется категория лица при использовании форм 1-го и 3-го лица сослагательного наклонения для выражения косвенного побуждения (о переходе таких форм в систему повелительного наклонения и появлении в нем категории лица мы можем говорить в тех случаях, когда аналогичные формы сослагательного наклонения утратили свою первоначальную функцию в результате отмирания самой этой категории, как в бенгальском, или замены представлявших ее старых флективных форм новыми синтетическими «причастными» формами, как в маратхском и ория, или перифрастическими, как в ассамском).

У форм повелительного наклонения отсутствует категория вида, в результате чего повелительное наклонение выпадает из общей симметричной системы, в которую сводятся видо-временные формы изъявительного и видовые формы других наклонений в НИА языках (см. табл. 17). Вполне возможно, что противопоставление императива — неимператива и противопоставление наклонений внутри «неимператива» было бы правомерно рассматривать как разные категории, как это предлагается Л. С. Бархударовым для английского языка (ВЯ, 1966, № 4).

Прочие наклонения

НИА языки значительно разнятся между собой в отношении дальнейшего членения наклонений (внутри «неимператива»). Бенгальский и ассамский, видимо, обладают одним изъявительным наклонением (противостоящим повелительному): приводимые отдельными авторами формы сослагательного и условного наклонений, по существу, представляют собой частные случаи модального использования форм, лежащих в системе изъявительного наклонения [ср. Световидова II]. Так называемые условное, сослагательное и предположительное наклонения в ассамском являются перифрастическими сочетаниями либо личных форм изъявительного наклонения, либо причастия с той или иной изменяемой частью [Бабакаев, 89—91], и целесообразность их включения в глагольную парадигму сомнительна.

В ория в неимперативе изъявительному противостоит общее «неизъявительное» (сослагательно-условное) наклонение, синтетические формы которого (основа на *-ant-*) выражают весьма широкий круг модальных значений [Карпушкин, 63—64]. Такой же характер противопоставления имеет место и в синдхи, где различаются три формы сослагательного наклонения — синтетическая и две аналитические при-

частные; значение условного наклонения в этом языке передается перифрастически — сочетанием простых (синтетических) форм сослагательного наклонения с неизменяемой частицей *ha* [Егорова, 72]. В хинди, панджабском и гуджаратском изъявительному наклонению в императиве могут быть противопоставлены формы сослагательного и условного наклонений. Сослагательное наклонение находит формальное выражение в так называемых первичных (исторически восходящих к прежнему настояще-будущему, или общему, времени изъявительного наклонения) личных окончаниях; условное — в формах, совпадающих с причастием несовершенного вида (в аналитических формах каждого из наклонений носителем признака является соответствующая форма вспомогательного глагола — ср. табл. 17).

Более сложная система противопоставлений наблюдается в маратхском. Формальным признаком сослагательного («желательно-предположительного») наклонения в отличие от названных выше языков здесь служит суффикс *-āv-* (эта форма восходит к причастию необходимости), присоединяемый к основе спрягаемого глагола (в синтетических формах) или вспомогательного (в аналитических формах). Условное наклонение образуется, как в хинди, с той разницей, что причастная основа в 1-м и 2-м лице присоединяет личные окончания. Наряду с сослагательным и условным выделяется условно-предположительное наклонение, формы которого образуются аналогично формам условного наклонения, но основа их совпадает с причастием несовершенного, а совершенного вида (соответственно его простые формы омонимичны претериту изъявительного наклонения).

Целесообразность выделения в западных и центральных языках предположительного наклонения, к которому в этом случае относятся аналитические формы с вспомогательным глаголом-связкой будущего времени, вызывает сомнение с точки зрения как их функциональных признаков (их неоднозначности, выражающейся в возможности соотношения этих форм, с одной стороны, с планом прошедшего и настоящего времени, когда наиболее отчетливо выступает значение гипотетичности, а с другой — с планом будущего, где это значение часто исчезает), так и системных соображений — во избежание расчленения группы формально связанных образований, сводимых в систему будущего времени. Удобнее трактовать гипотетичность как один из функциональных аспектов, присущих формам будущего времени, независимо от их структуры, — способность этих форм выступать во «вневременном» употреблении [Катенина IV, 75 и табл. 4; Липеровский II].

В маратхском, однако, дело осложняется противопоставлением двух рядов форм вспомогательного глагола: *hoil*, образующего форму будущего времени изъявительного наклонения (со всеми обычно присущими им значениями, включая гипотетическое), и *asel*, выражающего «чистое» предположение. Не вполне ясна система наклонений в непальском. Сослагательному наклонению других НИА языков здесь соответствует инъюнктив, представленный, однако, только одной синтетической формой. Выделение предположительного наклонения, формально соответствующего системе будущего времени остальных НИА языков, по-видимому, более обоснованно ввиду появления новых форм будущего времени, образованных от неопределенного («инфинитивного») причастия, хотя разграничение функциональных сфер между обеими группами форм представляется не вполне четким. Вряд ли имеет смысл квалифицировать как самостоятельные наклонения изолированные и не находящие четкого места в системе перифрастические образования с модальными оттенками ирреальности.

Системе изъявительного наклонения НИА языков присуща категория времени. Противопоставление прошедшего, настоящего и будущего времени, наблюдаемое в каждом из НИА языков, морфологически выражено в синтетических формах личными окончаниями или специфическими аффиксами, присоединяемыми к корню глагола (см. табл. 14), а в аналитических — соответствующей формой вспомогательного глагола-связки (см. табл. 15). Простые (синтетические) формы настоящего времени носят универсальный характер только в языках восточной группы и в гуджаратском, в остальных литературных НИА языках их представляет лишь вспомогательный глагол-связка. Подобным же образом универсальные синтетические формы прошедшего времени присущи в первую очередь языкам восточной группы (отличительным признаком этих форм здесь служит аффикс $-[i]l-$), тогда как в других языках они либо вообще не представлены (их замещают «причастные» формы, которых мы коснемся ниже), либо представлены только вспомогательным глаголом связкой (как в панджабском). В маратхском существует не имеющее соответствий в других НИА языках «обычное» прошедшее время, формы которого образуются присоединением личных окончаний непосредственно к корню глагола.

Универсальные синтетические формы будущего времени, напротив, имеются в каждом из НИА языков, хотя по типу их образования эти языки сильно различаются между собой. В восточных языках, включая диалекты бихари (формы 1-го и 2-го лица) и восточные диалекты хинди (формы 1-го лица), признаком будущего времени служит аффикс $-[i]h-$; в диалектах хинди и отчасти в бихари — аффикс $-[i]h-$; в западных диалектах панджабского — $-s-$; в гуджаратском — $-ś-$. В хинди и панджабском формы будущего времени являются производными от простых форм сослагательного наклонения, отличаясь от них изменяемым (по родам и числам) парашением $-gā$. В маратхском таким наращением к окончаниям форм прошедшего времени «общего вида» служит $-l-$ (кроме 1-го лица), а в непальском тот же элемент ($-l-$) сочетается с обычными окончаниями настоящего времени, следуя за ними или предшествуя им (как уже было отмечено, данные формы здесь имеют тенденцию быть вытесненными из системы изъявительного наклонения аналитическими формами будущего времени нового типа). Наконец, в синдхи формы простого будущего времени образуются присоединением личных окончаний к основе причастия несовершенного вида (см. табл. 14).

Помимо названных трех в ряде НИА языков формально может быть выделено и четвертое, «общее» время, выражаемое формами причастий несовершенного и совершенного вида, выступающими в предикативном употреблении без вспомогательного глагола. Функционально формы, равные причастию совершенного вида, соотносятся с системой прошедшего времени, выступая преимущественно как прошедшее общее — претерит — во всех западных и центральных языках (в непальском они вошли в эту систему и формально, так как там по этому типу образуется форма прошедшего времени даже от вспомогательного глагола-связки, чего нет в других языках). Вместе с тем преобладание в этой форме видового значения над временным и возможность соотношения ее с различными планами времени, отмечаемая исследователями разных НИА языков [Kellogg, 233—4; Newton, 46 и др.], подтверждается ее свободным чередованием с формами будущего в условных предложениях (типа х. *agar fursat milā to ālgā* 'если будет время,

Спряжение вспомогательного глагола (связки)

	Число	Лицо	Непальский	Хинди	Панджабский	Синдхи	Гуджаратский	Маратхский
Мзъявительное наклонение	Единствен-ное	1-е	chu	hū	hā	āhiyā	chū	āhē
		2-е	chas	hai	hāi	āhē	che	āhes
		3-е	cha	hai	hai	āhe	che	āhe
	Множест-венное	1-е	chāu	hāl	hā	āhiyā	chie	āhō
		2-е	chau	ho	ho	āhiyo	cho	āhā[t]
		3-е	chan	hāl	han	āhini	che	āhet
II прошедшее время	Единствен-ное	1-е	thiē	} thā (ж. п. thī)	sā	hose (ж. п. huyast)	} hato (ж. п. hatī, cp. p. hatū)	hotō (ж. п. hotē, cp. p. hotē)
		2-е	thils		sāl	huē (ж. п. huiāf huiē)		hotās (ж. п. hotīs, cp. p. hotēs)
		3-е	thiyo		sī	ho (ж. п. huī/hī)		hotā (ж. п. hotī, cp. p. hotē)
	Множест-венное	1-е	thiyāu	} the (ж. п. tht)	sā	huāsī (ж. п. huyā- sī)	} hatā (ж. п. hatī, cp. p. hatā)	hotō (ж. п. hotō, cp. p. hotō)
		2-е	thiyau		san/sāo	huo/ho (ж. п. huyā)		hotā (ж. п. hotā, cp. p. hotā)
		3-е	thie		sun	huā/hā (ж. п. huyā)		hote (ж. п. hotyā, cp. p. hotī)
Сослагательное наклонение	Единст-венное	1-е	hāl/hoū	hoū	hovā	huā	hoū	
		2-е	bhaes	ho	hovē	huē	hoy	
		3-е	hos/hove	ho	hove	hue	hoy	
Множест-венное		1-е	hoū	hō	hovē	hā	hoē	
		2-е	bhae	ho/ho	hovō	ho/ho	ho	
		3-е	hun/houn	hō	hovon	huan/hūni	hoy	

приду' [ср.: Лозовой, 183 сл.]; ср. также формальное совпадение общей формы условно-предположительного наклонения с претеритом изъявительного в маратхском [Катенина III, 249]).

Реже выступающая в системе изъявительного наклонения форма (чаще она относится к условному наклонению), сходная с причастием несовершенного вида, также отличается значительной обобщенностью присущего ей временного значения. Это достаточно четко видно в маратхском и гуджаратском языках, где данная форма и форма условного наклонения морфологически дифференцированы. В маратхском она соотносится с системой настоящего времени и квалифицируется как форма настоящего общего (передает действия, имеющие место не только в данный период, но и вообще, безотносительно ко времени); в гуджаратском, а также в бенгальском — с системой прошедшего времени (как прошедшее обычное). Случаи обозначения этой формой обычного действия, относимого к прошлому или настоящему, нередки и в хинди. Любопытно, что в синдхи она перешла в систему будущего времени.

Вид

Внутри всех наклонений «неимператива» (в изъявительном наклонении — внутри выделенных в нем времен) предикативные формы НИА языков обычно обладают категорией вида, под которой мы понимаем способность или неспособность определенной формы передавать значения завершенности, результативности и взаимной соотносительности действий в плане того или иного времени или наклонения. Если категория времени выражает «абсолютную» отнесенность действия во времени (за точку отсчета принимается момент речи), то категория вида может быть понята как средство выражения «относительной» отнесенности (действие соотносится с любой точкой во времени, отмечаемой как другим действием, так и любыми иными средствами, причем момент речи выступает здесь в роли частного случая). Существенными при этом оказываются либо значение предшествования и сопряженные с ним значения завершенности и результативности действия, либо значение одновременности и сопутствующие ему значения продолженности и незавершенности действия⁴⁸. В качестве третьего возможного случая выступает невыраженность (или несущественность) ни того, ни другого значения. Соответственно мы можем говорить, пользуясь традиционными терминами, о различии совершенного, несовершенного и общего вида.

Все три вида находят в НИА языках последовательное формальное выражение: формы совершенного вида, как аналитические, так и синтетические, включают в себя причастие совершенного вида (или этимологически равноценную ему форму); формы несовершенного вида содержат причастие несовершенного вида; формы общего вида являются синтетическими «непричастного» происхождения (тенденцию к слиянию с последними обнаруживают и некоторые синтетические формы «общего» времени, «причастная» этимология которых ныне, по-видимому, перестает ощущаться)⁴⁹. Противопоставление трех названных

⁴⁸ Практически в современных НИА языках на первый план может выступать любое из этих значений, и названные формы в разных языках могут не совпадать по своим основным функциям.

⁴⁹ Если обратиться к подклассу переходных глаголов (в тех НИА языках, где он выделен по типу согласования сказуемого и притекающим отсюда особенностям парадигмы спряжения), названные морфологические и синтаксические призна-

видовых форм релевантно для всех НИА языков, кроме ассамского, где не различаются формы несовершенного и совершенного вида и, таким образом, общему, или «неопределенному», виду противопоставит «определенный» вид, обладающий значением «относительной» соотнесенности действия.

Способ действия

От категории вида следует отличать категорию способа [протекания] действия, выражающую такие значения, как длительность, непрерывность, повторность и т. п. Морфологически эта категория могла бы быть соотнесена с формами, включающими причастие несовершенного вида. Однако широкое распространение в современных НИА языках целого ряда типов аналитических конструкций, отличных от элементарной конструкции «причастие несовершенного вида + основной тип связи» и способных в значительно большем разнообразии, чем она, выразить значения способа протекания действия, заставляет предпочесть трактовку элементарной конструкции с причастием несовершенного вида в первую очередь как видовой (ср. выше), а категорию способа действия соотносить с более сложными конструкциями. Необходимо учитывать, что строгой границы здесь нет: некоторые из сложных аналитических конструкций, например дуративные в хинди, явно принимают на себя видовую функцию элементарных форм с причастием несовершенного вида, функционально замещая их в системе [Elizarenkova; ср. Lienhard, 39—40, и др.]. Вместе с тем само многообразие типов упомянутых сложных конструкций, обусловленное участием в их составе различных непредикативных форм спрягаемого глагола и разных вспомогательных глаголов, наряду с неравномерной исследованностью подобных образований в НИА языках затрудняют на данном этапе точное определение их места в грамматической системе языка, оставляя открытым вопрос об их отнесении к морфологическому или же к синтаксическому уровню.

Лицо

Категория лица, проявляющаяся в противопоставлении форм 1-го, 2-го (соотносимы с соответствующими личными местоимениями) и 3-го лица (соотносимы с любым именем, выступающим в субстантивной функции, и, кроме того, могут употребляться вне такого соотношения — в безличных конструкциях), присуща предикативным формам всех без исключения НИА языков. Отдельные языки различаются лишь степенью ее выраженности. Формальное выражение категория лица находит в личных окончаниях синтетических форм; в аналитических формах ее выражает обычно вспомогательный глагол-связка. Полностью (если не считать возможных случаев омонимии отдельных личных форм) категория лица выражена в НИА языках восточной группы, включая диалекты бихари, а также в непальском и восточных диалек-

ки его членов покажут первичность противопоставления перфективных форм (т. е. форм совершенного вида) неперфективным, дальнейшее членение которых на несовершенные и общие с чисто грамматической точки зрения выглядит менее четким и опирается в первую очередь на признак их структуры. Не следует забывать, однако, что тот же структурный признак оказывается основным формальным критерием выделения перфективных форм непереходных глаголов, а в тех НИА языках, где парадигмы переходных и непереходных глаголов не различаются, всех глаголов вообще [см. также Burton-Page I, 469—470].

тах хинди. В маратхском и синдхи, где личные окончания (вторичные) присоединяют в 1-м и 2-м лице также формы причастного происхождения, категория лица полностью выражена повсюду, кроме форм совершенного вида переходных глаголов (ср. выше, стр. 219), а в маратхском и форм сослагательного наклонения. Правда, в маратхском она находит частичное отражение и в формах совершенного вида переходных глаголов, благодаря возможности двойного согласования сказуемого в объектной конструкции: в роде и числе — с объектом, а в лице — с агенсом, но только в том случае, когда он представлен местоимением 2-го лица, например: *tū hē kām kelēs* 'ты сделал эту работу' при *mī/tyānē/tinē hē kām kelē* 'я/он/она сделал[а] эту работу'. В панджабском категория лица не находит выражения помимо назывных форм также и в предикативных формах, равных причастию, в частности, в претерите изъявительного наклонения и в условном наклонении. В гуджаратском и хинди категория лица не выражается также во всех формах прошедшего времени, поскольку у соответствующих форм вспомогательного глагола отсутствуют личные окончания.

Число

Категория числа, указывающая на соотнесенность действия с единичным (нерасчлененным) или множественным (расчлененным) субъектом (или объектом — при объектной конструкции), не находит формального выражения в системе предикативных форм глагола НИА языков восточной группы (бенгальского, ассамского, ория). В остальных НИА языках категория числа четко выражена как в синтетических формах (противопоставлением личных окончаний), так и в аналитических, причем в последних информация о числе нередко дублируется, передаваясь как формой причастий (в своих изменениях обычно следуют типу согласуемых прилагательных соответствующего языка — см. выше, табл. 7), так и окончанием вспомогательного глагола. Характерно, что в тех случаях, когда регулярные атрибутивные формы причастия не отражают противопоставления единственного и множественного числа, в предикативных формах, равных причастию, это противопоставление может найти выражение, ср., например: х. *larķī āī* 'девочка пришла' и *larķiyā āī* 'девочки пришли' при *larķī āī hai* 'девочка уже пришла' и *larķiyā āī hāī* 'девочки уже пришли', а также *āī huī larķī* 'пришедшая девочка' и *āī huī larķiyā* 'пришедшие девочки'.

Последовательное выражение категории числа в предикативных формах глагола имеет тем большее значение для центральных и западных НИА языков, что обширные группы имен существительных в них лишены, по крайней мере в прямом падеже, формальных средств выражения этой категории. Единственное или множественное число существительного в таком случае определяется лишь по форме глагола или изменяемого прилагательного, ср., например: х. *bail caltā hai* 'бык идет' — *bail calte hāī* 'быки идут'. Категория числа, естественно, остается невыраженной при нейтральной конструкции предложения. Другие случаи нейтрализации данного противопоставления достаточно редки; в качестве примеров можно назвать формы 1-го лица глагола-связки в панджабском или общую форму условного наклонения в гуджаратском.

Категория числа свойственна и непредикативным формам глагола, которые в своих изменениях следуют соответствующим именным классам каждого данного языка.

Субординация

Под категорией «субординации» мы понимаем способность грамматической формы выражать иерархические отношения, в которых говорящий (1-е лицо) состоит с адресатом (2-м лицом) или субъектом высказывания (3-м лицом). В системе предикативных форм глагола (о местоимениях см. выше, стр. 209) названная категория находит наиболее четкое выражение в НИА языках восточной группы, проявляясь в противопоставлении фамильярных, нейтральных и почтительных форм, различающихся личными окончаниями (см. табл. 14). В бенгальском, ассамском и ория ее развитие привело к практическому исчезновению категории числа (рудименты противопоставления в рамках последней можно наблюдать только в формах 1-го лица ассамского и ория; о возможности возрождения категории числа, накладывающейся на развитую субординативную систему и выражающейся с помощью новообразованных аффиксов, свидетельствует бходжпури [Tiwari, 167]). В полном объеме субординативные противопоставления могут выступать в сфере 2-го и (реже) 3-го лица, где фамильярные, нейтральные и почтительные формы свидетельствуют соответственно о высшем, равном и низшем социальном статусе говорящего по сравнению с адресатом или субъектом высказывания. В 1-м лице, где различается не более двух субординативных форм, структурно соответствующих фамильярным и нейтральным 2-го лица, первая, напротив, указывает на низший (или равный) социальный статус говорящего, а вторая — на высший.

Особо сложной субординационной системой обладает майтхили, где выбор фамильярной или почтительной формы переходных глаголов может определяться статусом не только субъекта, но и объекта, что приводит к появлению во 2-м и 3-м лице некоторых времен и наклонений морфологически выраженной многоступенчатой градации субординативных отношений.

Элементы подобной субординации заложены в системе предикативных форм и других НИА языков, где широко используются формы 2-го лица множественного числа в функции вежливой (нейтральной) формы единственного числа, а формы 3-го лица множественного числа — в функции почтительных форм 2-го и 3-го лица единственного числа. Однако в отличие от восточных НИА языков здесь эти формы структурно остаются принадлежностью системы множественного числа, выражая в первую очередь именно категорию числа, тогда как субординативное значение в них играет вторичную роль, являясь результатом функционального переосмысления первого.

Род

Категория грамматического рода в глагольной системе присуща, с одной стороны, непредикативным формам в адъективной функции, а с другой — предикативным формам несовершенного и совершенного вида (в состав которых входят соответствующие причастия), формам сослагательного наклонения в маратхском (при субъектной и объектной конструкции) и некоторым формам вспомогательного глагола типа *thā* в хинди и *tho* в синдхи.

Противопоставление форм по грамматическому роду проявляется здесь в целом так же, как в системе изменяемых прилагательных (см. табл. 7). Особыми формальными признаками рода обладают предикативные формы причастной этимологии в синдхи и маратхском, присое-

дияющие в 1-м и 2-м лице специфические окончания. Как и в именной системе, категория рода в языках восточной группы отсутствует; в непальском, диалектах бихари и восточных диалектах хинди могут различаться некоторые формы мужского и женского рода (преимущественно в 3-м лице), но противопоставление их проводится непоследовательно. В хинди, панджабском и синдхи, в пределах описанных выше форм последовательно различаются два рода; в гуджаратском и маратхском — три. Противопоставление по роду в названных языках нейтрализуется при нейтральной конструкции предложения.

Прочие категории

В заключение следует поставить вопрос о целесообразности выделения в отдельных НИА языках словоизменительной категории «отрицания». Это диктуется тем, что наряду с обычным для ИЕ языков синтаксическим (аналитическим) способом выражения отрицания посредством негативных частиц в ряде НИА языков распространены синтетические отрицательные формы глагола, образованные с помощью негативных аффиксов, префиксируемых или суффиксируемых к глагольной основе или же сочетающихся с личным окончанием. Наиболее широко все эти способы представлены в непальском языке [Королев, 117 и др.]. В ассамском универсальным способом глагольного отрицания является префиксация *na-*, сопровождающаяся морфологическими преобразованиями гласных на стыке префикса и основы. В маратхском парадигмой синтетических отрицательных форм обладают только вспомогательные глаголы: *āhe* — *nāhī*, *hoi* — *navhe*, *asṇē* — *nasṇē*.

В ряде других НИА языков сохранилась застывшая форма отрицательной связки, перешедшая ныне в разряд частиц. Связь ее с глагольной системой наиболее заметна в гуджаратском, где она заменяет вспомогательный глагол в отрицательных аналитических формах настоящего времени, например: *te kare che* 'он делает' — *te karto nathi* 'он не делает'; ср. *te avuo che* 'он пришел' — *te avuo nathi/nahi* 'он не пришел'. Черты глагольного происхождения, проявляющиеся в преимущественной сочетаемости с определенными предикативными формами, обнаруживают отрицательная частица *nāi* в бенгальском, *nahī* в хинди [Зограф V, 76—77; ср. Harley, 15] и др., но можно определенно сказать, что современные способы выражения отрицания лежат здесь вне морфологической системы глагола⁵⁰.

Особенности словоизменения

В целом словоизменение глагола может быть представлено в виде иерархии категорий, в соответствии с которой общая парадигма глагольного словоизменения распадается на ряд частных парадигм, находящихся в отношении многоступенчатого подчинения. В конечном счете при строгой бинарной классификации граммем вся система должна предстать в виде дерева. Мы не ставим здесь подобной задачи, поскольку убедительное ее решение предполагает большую предварительную работу в этом направлении над материалом каждого

⁵⁰ Ср., однако, противопоставление настоящего времени несовершенного вида (х. *vah nahī calā* 'он не идет') и «прошедшего обычного», т. е. «общего» времени несовершенного вида, формально совпадающего с общей формой условного наклонения (х. *vah na calā* 'он не ходил'), выраженное типом используемого отрицания [см. Pořizka, 176—177, 230]. То же можно наблюдать в хинди и в соотношении «перфекта» (наст. вр. соверш. вида) с «претеритом» («общим» вр. соверш. вида).

конкретного языка. Вместе с тем представляется небесполезным высказать некоторые общие соображения по поводу соотношения основных категорий в системе НИА глагола в целом и некоторых структурных особенностей отдельных ее частей. Иерархию грамматических (словоизменительных) категорий глагола в общих чертах отражает структура соответствующего раздела («Словоизменительные категории», стр. 223—234), хотя следует отметить, что категория вида как более общая, возможно, должна превалировать над категориями наклонения (в «неимперативе») и времени. Из перечисленных выше категорий время, лицо и «субординация» присущи только предикативным формам, остальные — предикативным и непредикативным.

Непредикативные формы

Непредикативные формы наряду с глагольными чертами, наиболее отчетливо проявляющимися на синтаксическом уровне, обладают и именными признаками, в соответствии с которыми они могут быть соотнесены с основными именными классами: существительных, прилагательных и наречий. Опираясь на формальные (морфологические) признаки, степень выраженности которых, однако, зависит от конкретного языка и от того, с каким именным классом соотносится данная непредикативная форма (например, у форм, соотносимых с наречием, они могут быть выражены только негативно — отсутствием последующего словоизменения и соответствующих категорий), а также на признаки функциональные (синтаксические), все непредикативные формы могут быть определены либо как субстантивные, либо как адъективные, либо как адвербиальные [ср. Кузнецов].

Отсутствие в НИА языках четких морфологических границ между основными именными классами, с одной стороны, и функциональная широта ряда непредикативных форм — с другой, затрудняют, а в некоторых случаях просто исключают возможность однозначной квалификации той или иной формы, требуя выделения промежуточных групп, включающих субстантивно-адъективные (адвербиальные) и адъективно-адвербиальные формы. На наш взгляд, такая классификация точнее отразит формальное и функциональное своеобразие непредикативных форм в различных НИА языках, чем обычно используемые термины классической грамматики (от которых исследователи НИА языков, и в первую очередь языков восточной группы, начинают понемногу отказываться), и откроет путь к системному сопоставлению этих форм в разных языках, наталкивающемуся пока на существенные трудности.

Общее представление о структуре непредикативных форм глагола в основных НИА языках может дать таблица их окончаний (см. табл. 16). Эти окончания (для изменяемых типов приводится форма единственного числа мужского рода) присоединяются непосредственно к основе глагола (простой, каузативной или пассивной) и в каждом языке носят обычно универсальный характер. Исключение составляет синдхи, где различие двух типов спряжения (см. ниже) находит отражение и в непредикативных формах. Кроме того, в западных и центральных языках наблюдаются случаи нерегулярного образования форм причастия совершенного вида — с изменением основы глагола (особенно часты в панджабском). Непредикативные формы субстантивного и адъективного типа изменяются в числе, падеже и роде как соответствующие им по форме существительные и прилагательные (ср. табл.

Основные типы непредикативных форм глагола

Тип формы	Бенгальский	Ассамский	Ория	Непальский	Хинди	Панджабский	Синдхи	Гуджаратский	Маратхский	Традиционные наименования форм
Субстантивный	-[t]bā			-ni			-aṇi/-lṇi		-ṇē	герундий глагольное имя инфинитив
Субстантивно- адъективный	-ṇa, -ṇo -ā	-aṇ -ā	-[t]lā -ā -lā		-nā -ne-vālā	-ṇā/-nā -ṇ-vālā	-aṇo -aṇa-vāṇo	-vo -ṇāṇo/-nāṇ		глагольное имя / инфинитив глагольное имя глагольное имя / инфинитив имя деятеля / причастие пассивное
Адъективный				-do/-to -e, -eko -ne	-tā -ā	-[n]dā -[l]ā	-ando (-andaru) -yo (-[y]aiu) -ibo	-to, -t -yo -elo, -el	-āyā, -āyūyācā -ā, -t -lā, -lelā	супин (притяжательный) причастие несовершенного вида причастие совершенного вида » причастие неопределенное (ин- финитивное) причастие пассивное
Адвербиальный	-[t]te	-ōte			-te			-tā	-[t]tā, -[l]tānā	депричастие (абсолютное при- частие) несовершенного вида депричастие несовершенного вида депричастие совершенного вида » » » депричастие условное инфинитив
	-yā	-t	-u/-ā -t	-e, -erā -t (-ī)	-e ^h 0 [+ke/ kar]	0 [+ke/ kar]	-t/-e -ijī/-ije	-ī, -īne	-ūn -ā	
	-[t]le	-lle	-lle							

Примечание. Полу жирным курсивом выделены формы, выступающие и в предикативной функции.

6 и 7)⁵¹. Формы адвербиального типа дальнейшим изменениям не подвергаются.

К субстантивному и субстантивно-адъективному типам относятся так называемые глагольные имена языков восточной группы, а в прочих НИА языках «инфинитивы» (которым в ряде языков присуще также значение «герундива»), «имена деятеля» (нередко эта же форма служит и «перспективным причастием»), а в маратхском также «герундий» и «супин». Ядро форм адъективного (и адъективно-адвербиального) типа представлено «причастиями несовершенного вида» (форма на *-lā*, *-to* и им соответствующие в западных и центральных языках) и «причастиями совершенного вида» (формы на *-ā*, *-uo*, *-la* и им соответствующие в тех же языках), к которым примыкают «неопределенное» («инфинитивное») причастие в непальском (на *-ne*), «перспективное причастие» в гуджаратском (на *-vāṇo*), «пассивное причастие несовершенного вида» (на *-ib*) и «герундив» (на *-iṇ*) в синдхи.

В отдельных языках (синдхи, маратхском) наметилась тенденция выделения чисто атрибутивных форм причастий (например, ср. на *-an-daru* и *-[u]alu*, м. на *-lela*), противостоящих общим формам (соответственно: ср. *-ando*, *-uo*; м. *-lā*), совмещающим атрибутивные функции с адвербиальными и предикативными или сохранившим только последние (ср. также разграничение полных и кратких форм причастий в гуджаратском, маратхском и др.). В языках восточной группы непредикативные формы адъективного типа отсутствуют (ср. неизменяемость в них прилагательных — стр. 202). Формы, соответствующие причастиям остальных НИА языков, здесь обычно не имеют атрибутивного употребления и трактуются как деепричастия несовершенного и совершенного вида. Обращает на себя внимание фигурирующая только в ория специфическая форма деепричастия несовершенного вида на *-u/-ū*. Кроме названных двух в восточных НИА языках выделяется еще тип «условного» деепричастия (форма на *-[i]le*).

В остальных НИА языках адвербиальный тип представлен прежде всего «деепричастием», или «абсолютивом», т. е. формами на *-i/-ī/-c/O* = «нулевой аффикс» (в последнем случае форма абсолютива, равная основе, присоединяет вторичный аффикс *-ke*, *-kar* и др., что обычно для литературных хинди и панджабского) и формой на *-ūn* в маратхском. Сюда же могут быть отнесены так называемые абсолютные (т. е. несогласуемые) формы причастий, выступающие только в адвербиальной функции (например, в хинди формы на *-te* и на *-e* — ср. образование наречий от согласуемых прилагательных), «деепричастия несовершенного вида» в гуджаратском и маратхском (формы на *-tā*) и маратхский «инфинитив» (форма на *-ā*).

Принципы строения системы видо-временных форм

Грамматические значения времени и наклонения в НИА языках выражаются личными окончаниями (включая и сочетание собственно окончания с формообразующим аффиксом или наращением — см., например, формы будущего времени), присоединяемыми к основе спрягаемого глагола, рассматриваемой как носитель лексического значения,

⁵¹ В качестве примера немногочисленных исключений можно назвать инфинитив в панджабском, образующий форму косвенного падежа заменой окончания *-ṇā*, *-ṇā* на *-an*, *an*, например: *parṇā* 'читать' — *parhan*; ср. в брадже *calno* 'идти' — *calan*.

а в аналитических формах (и восходящих к ним синтетических новообразованных) — к основе вспомогательного глагола (связки). Грамматическое значение вида передается входящими в данную форму причастиями (в восточных НИА языках — деепричастиями) совершенного и несовершенного вида или их отсутствием. Образованная таким образом совокупность форм может быть изображена двухмерной схемой (см. табл. 17), где в каждой строке помещены формы, различающиеся типом входящего в них причастия (считая форму, образованную непосредственно от основы, за «нулевой» тип причастия), а в каждом столбце — формы, различающиеся типом окончаний или соответственно вспомогательным глаголом. Таким образом, каждая горизонтальная строчка (обозначены римскими цифрами) будет соответствовать формальному времени и наклонению, а каждый вертикальный столбец (обозначены арабскими цифрами) — формальному виду⁵².

Ядро этой таблицы составят формы изъявительного наклонения несовершенного и совершенного вида настоящего и прошедшего времени и общего вида будущего времени (II, 2; II, 3; III, 2; III, 3; IV, 1), отмеченные во всех северных НИА языках (исключения: ассамский, где форма II, 2 совпадает с II, 3, а III, 2 — с III, 3, и ория, где III, 2 и III, 3 выражены перифрастически — с помощью вспомогательного глагола *thibā*). К этому ядру примыкают в восточных НИА языках и непальском формы настоящего и прошедшего времени общего вида (II, 1 и III, 1), представленные в остальных НИА языках, как правило, лишь уникальной в своем роде парадигмой вспомогательного глагола-связки⁵³, а в центральных и западных языках — формы претерита (I, 3), несовершенные и совершенные формы будущего времени (IV, 2 и IV, 3) и формы сослагательного и условного наклонений (V, 1—3; VI, 1—3), которые перифрастически могут быть выражены и в восточных НИА языках.

Обращает на себя внимание функциональная равнозначность форм типа I, 3, представленных в центральных и западных языках, и III, 1 — в восточных языках и непальском. Их противопоставление как «прошедшего совершенного общего» и «прошедшего обычного» времени изъявительного наклонения наблюдается только в маратхском [Катенина III, 235 и 261]. Характерна также нечеткость границы между формами настоящего времени общего вида изъявительного наклонения (II, 1) и соответствующими формами сослагательного наклонения (V, 1). В изъявительное наклонение такие формы включаются в восточных языках; в сослагательное — в языках хинди, панджабском, синдхи, непальском; оба значения совмещаются в них в гуджаратском.

Противопоставление форм II, 1 и V, 1 внутри одного языка наблюдается только в парадигме вспомогательного глагола-связки (см. табл. 15). Наконец, в большинстве НИА языков внешне не различаются совпадающие с причастием несовершенного вида (или восходящие к нему) формы, которые мы, с одной стороны, можем определить как «общее время несовершенного вида изъявительного наклонения» (I, 2),

⁵² О возможных расхождениях между формальной структурой и функциональным содержанием аналогичных по типу форм в разных НИА языках см. выше, стр. 223 сл.

⁵³ Исключение составляют гуджаратский, где формы типа II, 1 функционально относятся не только к сослагательному (V, 1), но и к изъявительному наклонению, и маратхский, имеющий синтетические формы прошедшего времени (III, 1), генетически и типологически близкие формам сослагательного наклонения других центральных и западных НИА языков.

**Основные типы предикативных форм
глаголов «делать» (*√kar/gar*) и «идти» (*√vā/hal*)**

Изъявительное наклонение

	Язык	1. «Общий» вид	2. Несовершенный вид	3. Совершенный вид
I. «Общее» время	бенгальский ассамский ория непальский хинди панджабский синдхи гуджаратский маратхский		<i>karlām>/kortam/</i> <i>(kartā)</i> <i>(kandusi, 3-е л. kandō)</i> <i>(karlo)</i> <i>(kartō, 3-е л. karto)</i>	<i>āyā</i> <i>ālā</i> <i>hallusi, 3-е л. halyo</i> <i>āvoyo/avelo</i> <i>ālō, 3-е л. ālā</i>
	бенгальский ассамский ория непальский хинди панджабский синдхи гуджаратский маратхский	<i>kari>/kori/</i> <i>karō</i> <i>kare</i> <i>[chu, hū]</i> <i>[hā]</i> <i>[hā]</i> <i>[āhiyā]</i> <i>karū</i> <i>[āhē, hoy]/</i> <i>kartō</i>	<i>karite>cht>/korc'i/</i> <i>kari>chō</i> <i>karuachi</i> <i>gardo chu/hū></i> <i>gardachu</i> <i>kartā hā</i> <i>kardā hā</i> <i>kando āhlyā</i> <i>karū chū/karto nathī</i> <i>karīt āhē/kartō āhē</i>	<i>kariyā>chi /korec'i/</i> <i>kariachi</i> <i>gareko chu/hū></i> <i>garechu</i> <i>āyā hū</i> <i>ālā hā</i> <i>halyo āhlyā</i> <i>āvoyo/avelo/avel chū</i> <i>ālō āhē</i>
	бенгальский ассамский ория непальский хинди панджабский синдхи гуджаратский маратхский	<i>karilām>/korlam/</i> <i>karilō</i> <i>kali</i> <i>garē, 3-е л. garyo</i> <i>[thā]</i> <i>[sā]</i> <i>[hosi]</i> <i>karto</i> <i>[hotō]/karī</i>	<i>karite>chilām>/korec'ilam/</i> <i>kari>chilō</i> <i>(karu thlli)</i> <i>gardo thiē>garthē</i> <i>kartā thā</i> <i>kardā sā</i> <i>kando hosi</i> <i>karto hato</i> <i>karīt hotō</i>	<i>kariyā>chilām>/korec'ilam/</i> <i>(kari thlli)</i> <i>gareko thiē>garethē</i> <i>āyā thā</i> <i>ālā sā</i> <i>halyo hosi</i> <i>āvuyo hato</i> <i>ālō hotō</i>
	бенгальский ассамский ория непальский хинди панджабский синдхи гуджаратский маратхский	<i>karibā>/korbo/</i> <i>karīm</i> , 3-е л. <i>kariba</i> <i>karibi</i> <i>(garulā)</i> <i>karāgā</i> <i>karāgā</i> <i>kandusi</i> <i>kariś</i> , 3-е л. <i>karše</i> <i>karīn</i> , 3-е л. <i>karīl</i>	<i>(karite thākiba)</i> <i>(karu thibi)</i> <i>(gardo hūlā)</i> <i>gardo hune chu</i> <i>kartā hūgā</i> <i>kardā hovāgā</i> <i>kando hūndusi</i> <i>karlo hoīś</i> <i>karīt hoīn</i>	<i>(kariyā thākiba)</i> <i>(kari thibi)</i> <i>(gareko hūlā)</i> <i>gareko hune chu</i> <i>āyā hūgā</i> <i>ālā hovāgā</i> <i>halyo hūndusi</i> <i>āvuyo hoīś</i> <i>ālō hoīn</i>

Язык		1. «Общий» вид	2. Несовершенный вид	3. Совершенный вид
V. Сослагательное наклонение	бенгальский			
	ассамский			
	ория			
	непальский	<i>garū</i>		<i>āyū hoḷ</i>
	хинди	<i>karū</i>	<i>karta hoḷ</i>	<i>āīā hovā</i>
	панджабский	<i>karā</i>	<i>kardā hovā</i>	<i>halyo huḷ</i>
	синдхи	<i>karḷ</i>	<i>kando huḷ</i>	<i>āvyo hoḷ</i>
	гуджаратский	<i>karū</i>	<i>karto hoḷ</i>	<i>ālo asāvā</i>
	маратхский	<i>karāvā</i>	<i>karīt asāvā</i>	
VI. Условное наклонение	бенгальский	(<i>karitam</i>)		(<i>karīyā thāki</i>)
	ассамский			
	ория			
	непальский			
	хинди	<i>karta</i>	<i>karlā hotā</i>	<i>āya holā</i>
	панджабский	<i>kardā</i>	<i>kardā hundā</i>	<i>āīa hundā</i>
	синдхи			
	гуджаратский	<i>karat</i>	<i>karto hot</i>	<i>āvyo hot</i>
	маратхский	<i>karṭō</i> , 3-е л. <i>karīā</i>	<i>karīt astō</i>	<i>ālō astō</i>

Примечание. Приводимые формы, если не обозначены иначе, представляют первое лицо [единственного числа]. В круглые скобки заключены формы, принадлежность которых к регулярной парадигме не общепризнана. В квадратных скобках дается глагол-связка (при отсутствии соответствующих форм у других глаголов).

а с другой — как «общий вид условного наклонения» (VI, 1). Поэтому в конкретных языках их предпочитают относить к какой-либо одной сфере: изъявительному наклонению (например, в бенгальском) или условному (в хинди и др.), рассматривая второе значение как контекстуальное переосмысление главного. Однако и случаи формального противопоставления названных категорий не так уж редки: об этом свидетельствуют гуджаратский, где «прошедшее обычное время» изъявительного наклонения выражается полным причастием несовершенного вида (*karto*), а условное наклонение — кратким (*karat*)⁵⁴, или маратхский, имеющий для «настоящего общего времени» изъявительного наклонения и для условного наклонения разные личные окончания.

Предложенная таблица может быть развернута как по горизонтали, так и по вертикали за счет перифрастических форм, различающихся, с одной стороны, причастным элементом (сюда можно отнести формы, восходящие к причастию необходимости на *-āv-* в маратхском; формы с инфинитивными причастиями на *-ne* в непальском; различные глагольные сочетания причастного характера типа дуративного причастия с *rahā* в хинди [Бескровный II, 93 сл.] и, очевидно, сочетания с деепричастиями основного глагола), а с другой — вспомогательным элементом, представленным в этих случаях либо аналитической формой глагола-связки (например, формы с *thiyo holā* в непальском), либо каким-нибудь дополнительным вспомогательным глаголом (например,

⁵⁴ В брадже, напротив, в аналитических формах изъявительного наклонения обычно выступает краткое причастие: *jāt hae* (но во мн. ч. ж. р. — *jatī haē*), а в условном наклонении — полное: *jāto*.

различные формы с *asñē* в маратхском, формы с *rañe cha* в непальском). Некоторые из таких форм достаточно хорошо укладываются в схему выражения значений вида и способа действия (по горизонтали) и времени и наклонения (по вертикали), но есть и такие, функциональная интерпретация которых трудно согласуется с формальной структурой.

Структура предикативных форм

Личные формы глагола по своей структуре могут быть во всех НИА языках разделены на простые и сложные. К простым относятся формы, образованные присоединением суффиксов и личных окончаний (иногда осложненных «наращениями») непосредственно к основе спрягаемого глагола. Частный случай представляют собой формы, соотносимые с непредикативными (т. е. причастиями или деспричастиями), которые можно условно назвать «простыми причастными». К сложным (или «сложным причастным») формам принадлежат те, которые образованы сочетанием спрягаемого глагола в форме, соотносимой с непредикативной, и вспомогательного глагола (связки). Случаи образования сложных неспричастных форм (личная форма с первичными окончаниями + связка) сравнительно редки.

Простые (непричастные) формы во всех НИА языках представлены прежде всего: а) императивом; б) парадигмой флективного типа, образуемой сочетанием первичных личных окончаний с чистой основой и интерпретируемой в современных НИА языках либо как настоящее общее время изъявительного наклонения (восточная группа), либо как общая форма сослагательного наклонения (западные и центральные языки, кроме гуджаратского, где она совмещает обе функции, и маратхского, где она интерпретируется как прошедшее обычное); в) парадигмой простого будущего времени, в образовании форм которого НИА языки наиболее различаются (ср. выше, стр. 228). Кроме того, сюда могут быть отнесены формы, причастная этимология которых в данных языках в значительной мере стерта, — парадигма претерита в языках восточной группы (суффикс *-[i]l-*) и непальском, сослагательного наклонения в ория (суффикс *-ant-*) и маратхском (суффикс *-āv-*).

Простые причастные формы, четко соотносящиеся со сложными причастными формами, имеются во всех НИА языках, кроме восточных (ср., однако, прошедшее обычное с суффиксом *-it-* в бенгальском). В маратхском и синдхи названные формы в 1-м и 2-м лице обоих чисел присоединяют вторичные личные окончания.

Сложные причастные формы в западных и центральных языках строятся аналитически по одному типу. Особенностью маратхского языка является наличие вторичных окончаний 1-го и 2-го лица у причастной основы в формах совершенного вида. В восточных языках произошло стяжение причастной основы с вспомогательным глаголом (связкой), превращающимся, таким образом, в личное окончание флективного типа, что особенно заметно в разговорных языковых подсистемах.

Появление синтетических форм особого типа (основа глагола + связка), выражающих общее настоящее время, и тенденция к стяжению причастных аналитических форм наблюдаются в непальском.

Своеобразный тип аналитической формы, складывающийся из сочетания простой личной формы со связкой, представляет настоящее несовершенное время в гуджаратском.

Парадигмы глагольных форм в большинстве НИА языков обладают высокой степенью универсализма. Помимо незначительных отклонений, объяснимых морфонологически, различия в спряжении сводятся к уже отмеченной выше (см. стр. 219) дефектности парадигмы совершенных времен переходных глаголов в центральных и западных языках и к ограниченному числу аномальных форм причастия (деепричастия) совершенного вида в ряде рассматриваемых языков.

О различии в типах спряжения можно говорить только применительно к маратхскому и синдхи. В обоих языках это различие касается гласного, соединяющего основу глагола с некоторыми аффиксами неличных форм и окончаниями личных форм, и в значительной мере (но не полностью) совпадает с противопоставлением непереходных глаголов (обычно — I спряжение) переходным (II спряжение). Для I спряжения в маратхском характерны гласные *-ā-* и *-e-*, в синдхи *-a-*; для II — *-i-*, *-ī-* в маратхском, *-i-* в синдхи (см., например, табл. 14).

СООТНОШЕНИЕ ОСНОВНЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В СЕВЕРНОИНДИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Соотношение морфологических категорий в том или ином северном НИА языке может дать достаточно объективное, хотя и поверхностное, представление об особенностях его грамматической структуры. Наиболее показательными в этом плане (применительно к современному уровню изученности НИА) являются следующие категории (табл. 18):

1) категория рода (как классифицирующая для имени существительного и изредка для местоимений и как словоизменительная для глагола, прилагательного и редко для наречия);

2) категория числа (как классифицирующая для местоимений и словоизменительная для имени и глагола);

3) категория падежа (как словоизменительная для имени, местоимений и некоторых непредикативных форм глагола);

4—5) категории субординации и лица (как классифицирующие для местоимений и словоизменительные для предикативных форм глагола);

6) категория вида (как словоизменительная для глагола);

7—8) категории наклонения и времени (как словоизменительные для предикативных форм глагола).

Именные категории личности и определенности, по-видимому, в равной мере присущи НИА языкам, к тому же они недостаточно последовательно выражены морфологически.

Категории залога и способа действия при сравнении не используются ввиду их недостаточной изученности во многих языках.

Количественное соотношение граммем, представляющих перечисленные выше категории (см. табл. 18), показывает весьма резкое различие в грамматическом строе, существующее между языками восточной группы и остальными НИА языками. Это различие определяется как самим набором присущих им категорий (восточные языки отличает отсутствие категории рода и наличие категории субординации), так и объемом общих для всех НИА категорий (большее число падежей, меньшее число наклонений) и степенью их выраженности (например, невыраженность категории числа в глаголе). Стертый харак-

Основные словоизменительные категории североиндийских языков

Язык	Род	Число	Пол	Субординация	Наклонение****	Время*****	Вид	Лицо
Бенгальский	—	2**	4	3	1+1	4	3	3
Ассамский	—	2**	6	3	1+1	3	2	3
Ория	—	2**	5	3	1+2	3	3	3
Непальский	(2)*	2	(2)	—	1+3	3	3	3
Хинди	2	2	3***	—	1+3	4	3	3
Панджабский	2	2	3***	—	1+3	4	3	3
Синдхи	2	2	3***	—	1+2	4	3	3
Гуджаратский	3	2	3***	—	1+3	4	3	3
Маратхский	3	2	3***	—	1+4	4	3	3

* Цифрами в скобках обозначены граммемы, противопоставление которых проводится в языке неполно или непоследовательно.

** Противопоставление нейтрализуется в системе глагола.

*** В системе местоимений противопоставление расширяется (ср. табл. 9 и 10).

**** Первая цифра — императив; вторая — наклонения «псимператива».

***** В качестве четвертой временной формы принимается «общее» время.

тер имеет ряд категорий в непальском языке, занимающем промежуточное положение между обеими группами.

Напротив, центральным и западным языкам присущ один и тот же набор категорий. Мало различаются указанные языки и объемом этих категорий: в гуджаратском в отличие от остальных имеется третья граммема рода, а в маратхском к этому добавляется и усложненная система видо-временных форм глагола. Основные и наиболее существенные грамматические различия между рассматриваемыми языками кроются не столько в системе морфологических категорий, сколько в способе и степени их выражения

По характеру выражения морфологических категорий центральные НИА языки — хинди и его диалекты — выделяются наиболее высоким уровнем аналитизма в образовании именных и глагольных форм. По мере удаления от центра к периферии повышается доля синтетически образованных форм. Так, в непальском и диалектах бихари она выше, чем в хинди, но еще выше в восточных языках. Аналогичную картину мы можем наблюдать и на западе: панджабский (литературная норма и восточные диалекты) по уровню синтеза превосходит хинди, но уступает синдхи; гуджаратский стоит между хинди и маратхским. Характерно при этом, что уровень синтеза на западе растет прежде всего за счет именных и глагольных форм флективного типа (как первичных, так и вторичных), а на востоке — целиком за счет новообразований агглютинативного (в системе имени) и лишь отчасти флективного типа (последние появились в системе глагола в результате стяжения аналитических форм).

ЭЛЕМЕНТЫ СИНТАКСИСА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Синтаксис представляет собой наименее изученную область грамматики НИА языков. Специальные исследования в этом направлении предпринимаются преимущественно в последние два десятилетия. В частности, синтаксический строй НИА языков привлекает ныне пристальное внимание советских индологов. Достаточно подробное описание в терминах традиционной модели членов предложения уже получили простое предложение хинди [Чернышев II] и бенгальского [Быкова II]. Изучение различных аспектов НИА синтаксиса у нас продолжается на материале панджабского [Смирнов I, II], гуджаратского, маратхского и других НИА языков. Примеры формализованного описания основных синтаксических структур можно найти в ряде опубликованных за последние годы грамматик и учебников [Gill & Gleason; Cardona; Kavadi & Southworth].

В то же время весьма недостаточно изучен до сих пор синтаксис языков синдхи, ория, ассамского, непальского. Крайне скудны имеющиеся в распоряжении исследователей сведения о синтаксическом строе диалектов. В целом данные о синтаксических структурах НИА языков, которыми мы располагаем на современном этапе их изучения, настолько фрагментарны и методически неравноценны, что достаточно глубокое их сопоставление с целью выявления подлинного синтаксического строя каждого из НИА языков пока вряд ли возможно. Создание адекватных и соизмеримых описаний синтаксиса основных современных НИА языков представляется поэтому одной из насущнейших задач индоарийского языкознания. Возможный путь к этому открывает, с одной стороны, методика строго формализованного описания дистрибуции членов предложения на основании анализа соотношения их синтаксических функций и форм их реализации в виде определенных разрядов слов и типов словосочетаний (функторов). Эта методика, предложенная чешским индологом В. Милтнером [Милтнер, 37—43], разрабатывается им на материале ранних письменных памятников хинди и других НИА языков [Miltner I и другие его работы]. Перспективной в этом плане представляется и методика описания синтаксиса посредством элементарных синтаксических конструкций, впервые примененная у нас к одному из ИА языков, а именно к пали, Т. Я. Елизаренковой и В. Н. Топоровым [Елизаренкова и Топоров, 111—134].

В данной работе мы попытаемся на доступном уже материале охарактеризовать некоторые общие черты синтаксической структуры, присущие НИА языкам, и показать на этом фоне наиболее явные специфические особенности, свойственные отдельным языкам.

Типы синтаксической связи и способы их выражения

Выбор методики сопоставления НИА синтаксиса пока представляет определенную трудность. Традиционная европейская модель членов предложения в целом ряде случаев оказывается малоприспособленной для НИА языков. В частности, не соответствуют традиционному определению подлежащего и дополнения главные именные члены в предложениях с эргативной или эргативообразной конструкцией, а также «в других, весьма многочисленных, разновидностях предложений», где «выражение главных синтаксических связей способом координации име-

ни в прямом падеже (подлежащего или прямого дополнения) и глагола (сказуемого) отступает на второй план, а на первое место выдвигается отношение субъекта состояния и предиката состояния (долженствования, восприятия, внутреннего переживания, результата внешнего воздействия» [Катенина II, 21]. Нечеткой оказывается граница между такими понятиями, как прямое дополнение и дополнение косвенное, косвенное дополнение и обстоятельство, обстоятельство и приглагольное определение и др. [Катенина IV, 88—89; ср. Милтнер, 37].

Сравнительная ограниченность чисто морфологических средств выражения ряда грамматических категорий, как в именных, так и в глагольных формах, подвергает сомнению целесообразность использования понятий согласования, управления (беспосредственного) и примыкания в качестве отправных при характеристике типов связи, поскольку во многих случаях ни первое, ни второе не находят формального выражения и могут быть противопоставлены третьему только на основании тех или иных процедур внутриязыкового (или межъязыкового) сопоставления с равнозначными конструкциями. Это заставляет нас предпочесть на данном этапе несколько иной путь анализа формальных способов выражения в различных НИА языках общих для всех их главных типов синтаксической связи, в качестве которых мы здесь принимаем связь подчинительную, сочинительную и предикативную.

Каждый тип связи представлен определенным набором простейших синтаксических конструкций, в основе своей двучленных (в большинстве случаев), но способных распространяться путем последовательного замещения их простых членов (представленных каждый одним полнозначным словом или сочетанием полнозначного слова со служебным) сложными членами (представленными несколькими полнозначными словами, объединенными любым из вышеназванных типов связи). Главными формальными средствами организации синтаксических конструкций служат: 1) морфологические формы слов, или словоизменения, 2) служебные слова и 3) линейное расположение связуемых элементов во времени (в устной речи) или в пространстве (на письме), т. е. порядок слов⁵⁵.

Морфологические средства

В силу сравнительно скромного объема в НИА языках формально-морфологических противопоставлений, относящихся к именным категориям (существительного, прилагательного и функционально эквивалентных им непредикативных глагольных форм), роль словоизменительных средств как показателей синтаксических связей здесь оказывается ограниченной. В западных и центральных НИА языках морфологическую манифестацию находит в первую очередь подчинительная связь в субстантивных конструкциях (А S)⁵⁶ с подчиненным

⁵⁵ Немаловажную организующую роль играет и интонация, от рассмотрения которой нам здесь, однако, приходится отказаться как вследствие недостаточной ее изученности, так и из-за весьма слабого ее отражения в письменных НИА языках, располагающих ограниченными пунктуационными средствами.

⁵⁶ Здесь и ниже используется следующая система символов: S — слово, относящееся к классу имен существительных или функционально равнозначным ему подклассам (сюда входят субстантивированные прилагательные; местоимения-существительные, включая личные, если последние не оговорены особо; непредикативные формы глагола в субстантивном употреблении); p — послелог (p' — первичный; p'' — вторичный); S_{dir} — существительное в прямом падеже; S_{id} — существительное в [общекосвенном падеже; (другие добавочные обозначения при S и p:

членом, представленным согласуемым прилагательным, и предикативная связь в конструкции с предикативными формами глагола ($S-V_f$) или с приглагольным (присвяточным) членом адъективного типа ($S-A+v$), например: п. *caṅgā muṇḍā* 'хороший парень' — *caṅgiḍ kurā* 'хорошие девушки'; х. *bāp ke ghar mē* 'в отцовском доме'; м. *tī jhōplī* 'она заснула'; с. *ghoṛo mūhī jo āhē* 'конь — мой'.

Выражение подчинительной связи в глагольных конструкциях с подчиненным именным членом ($S_{id}V$) в названных языках осуществляется не столько морфологически (ввиду того, что категория падежа здесь сводится в основном к противопоставлению: прямой ~ общекошвенный), сколько посредством служебных слов (последлогов). В восточных НИА языках, напротив, как раз в подчинительных глагольных конструкциях синтаксическая связь находит сравнительно полное морфологическое выражение, благодаря более развитой падежной системе, тогда как в субстантивных и предикативных конструкциях роль морфологии крайне ограничена, поскольку прилагательные здесь представляют собой класс неизменяемых слов, а предикативные глагольные формы способны выражать только такие общие для них и некоторые имен (в первую очередь местоимений) категории, как лицо и субординация⁵⁷.

Служебные слова

В НИА языках выделяются три основных класса служебных (неполнозначных) слов: а) послелоги, служащие средством выражения подчинительной связи, а в некоторых центральных и западных языках также и предикативной связи, что проявляется в ряде конструкций, которые в совокупности могут быть определены как «несубъектные» (о них см. ниже, стр. 256 сл.); б) союзы, манифестирующие сочинительную связь между словами, словосочетаниями и предложениями; к этому же классу относят неоднородную группу служебных слов, вводящих придаточные предложения; в) весьма тесно смыкающиеся с классом глагола связочные глаголы (глаголы-связки), посредством которых выражается предикативная связь в именных предложениях.

dat — дательный, instr — творитель-по-отложительный, gen — родительный, ag — агентный — падежи имени и функционально соответствующие им первичные послелоги — см. табл. 6 и 19); Λ — слово, относящееся к классу имен прилагательных или функционально равнозначным ему подклассам (сюда входят числительные, включая количественные, если последние не оговорены особо; местоимения-прилагательные; непредикативные формы глагола в адъективном употреблении); A_0 — согласуемое прилагательное в адвербиальной (неизменяемой) форме; N — количественное числительное; P — местоимение; P_2 — местоимение 2-го лица; D — слово, относящееся к классу наречий и функционально равнозначным ему подклассам (сюда входят прилагательные в приглагольном и приадъективном употреблении; непредикативные формы глагола в адвербиальном употреблении, а также сочетания полнозначного слова класса S со служебным, выступающие как квалификаторы глагола или показатели места — D_1 — и времени — D_2); V — глагол; V^{it} — непереходный глагол; V^{tr} — переходный глагол (дополнительные обозначения глагольных форм: i — предикативная, ii — непредикативная; pf — перфектная; ipf — неперфектная; $pass$ — пассивная конструкция или «пассивно-потенциальный» глагол); v — связка (или глагол в связочной функции); n — частица отрицания; s — союз; S — полнозначное слово любого класса; цифры ¹, ² при символах означают линейный порядок членов конструкции. Стрелки показывают согласование.

⁵⁷ Более полное представление об объеме морфологических средств, способных служить выражению синтаксических связей в том или ином НИА языке, может дать предшествующий раздел («Морфология»).

Послелог

Послелогии НИА языков функционально соответствуют предлогам других индоевропейских языков, но отличаются своей позицией по отношению к полнозначным словам — членам оформляемой ими подчинительной конструкции, и в первую очередь к тому из них, который выступает как подчиненный. Они следуют за такими словами, а не предшествуют им, вследствие чего и называются послелогам.

В центральных и западных языках послелогии могут быть разделены на два подкласса: небольшой замкнутый подкласс первичных послелогов, не соотносимых с какими-либо полнозначными словами, и открытый подкласс вторичных послелогов, по преимуществу — производных. Первичные послелогии (табл. 19) отличаются от вторичных большой широтой и достаточно абстрактным характером присущих им грамматических значений, вследствие чего в описаниях языков они нередко трактуются как падежные аффиксы (ср. выше, стр. 195; их функциональные соответствия падежным аффиксам восточных языков отмечены в последней графе табл. 19). Особое место в системе занимает атрибутивный, или адъективирующий, послелог, который обладает парадигмой согласуемого прилагательного (см. табл. 7) и благодаря этому противостоит остальным послелогам, в принципе неизменяемым (табл. 19).

Таблица 19

Основные первичные послелогии центральных и западных НИА языков

Передаваемое значение	Хинди	Панджабский	Синдхи	Гуджаратский	Марагхский	Непальский	Соответствие падежам восточных НИА языков
Направительно-объектное	<i>ko</i>	<i>nā</i>	<i>khe</i>	<i>ne</i>	<i>lā/na</i>	<i>lai</i>	дательный
Инструментально-социативное	<i>se</i>	<i>nāl</i>	<i>sā</i>	<i>e</i>	<i>nē/ni</i>	<i>le</i>	творительный
Аблативное		<i>tō</i>	<i>khā</i>	<i>thī</i>	<i>śī</i> <i>hūn</i>		отложительный
Локативное:							
а) нахождение внутри	<i>mē</i>	<i>vic</i>	<i>mē</i>	<i>mā</i>	<i>[madhyē]</i>	<i>mā</i>	местный
б) нахождение на поверхности	<i>par</i>	<i>te</i>	<i>te</i>	<i>par</i>	<i>[var]</i>		
Агентное	<i>ne</i>	<i>ne/0</i>	<i>0</i>	<i>e</i>	<i>nē</i>	<i>le</i>	родительный
Атрибутивное	<i>kā</i>	<i>dā</i>	<i>jo</i>	<i>no</i>	<i>cā</i>	<i>ko</i>	

Вторичные послелогии в своей преобладающей массе достаточно четко соотносятся с наречиями, а через них и с другими именными классами, реже — с глаголами (обычно через формы адвербиального типа). В ряде случаев между первичными и вторичными послелогамии могут быть прослежены определенные структурные различия. Наиболее последовательно они выступают в хинди, где первичные послелогии, сочетающиеся непосредственно с именем в общекосвенном падеже, квалифицируются как простые, а вторичные, которые сочетаются с именем посредством первичного послелога (как правило, адъективирующего, в единичных случаях — инструментально-аблативного), — как сложные. Менее четко это различие проявляется в западных НИА

языках. Адъективирующий послелог здесь утрачивает свою функцию главного и необходимого связующего элемента. Наряду с ним эту функцию выполняют направительный и некоторые другие послелоги (например, в гуджаратском). Вместе с тем многие вторичные послелоги здесь сочетаются с именем вообще без участия первичных, что является либо вариантным употреблением (в панджабском), либо нормой (в маратхском, синдхи). Соответственно в восточных языках послелоги могут сочетаться как с косвенными падежами — родительным (отыменным) и дательным (отглагольным), так и, реже, с прямым.

В хинди наблюдаются немногочисленные составные послелоги, представляющие собой сочетания двух простых, например: *par* 'на' — *par se* 'с'; *mē* 'в' — *mē se* 'из'. В панджабском и синдхи подобным сочетаниям соответствуют образования, которые могут быть соотнесены с рудиментарными именными формами отложительного падежа, например: п. *te* 'на' — *tō* 'с', 'от'; п. *vic* 'в' — *vicō* 'из'; с. *te* 'на' — *tā* 'с', *mē* 'в' — *mā* 'из' и т. п. (ср. табл. 6)⁵⁸. Такого рода явления применительно к послелогам удобнее трактовать не как словоизменительные, а как словообразовательные типы.

Союзы

По типу осуществляемой связи класс союзов принято делить на подклассы: а) сочинительных и б) подчинительных союзов. Большинство собственно союзов в НИА языках принадлежит к первому подклассу, тогда как основную массу членов второго составляют производные. Среди собственно союзов встречаются заимствования из санскрита (например: *tatha* 'и', *kintu* 'но', *parantu* 'но', *kimvā/kimbā* 'или', *athavā* 'или' и др.), а также из персидского (*magar* 'но', *lekin* 'но', *agar* 'если' и др.). Среди производных союзов имеются соотносимые с существительным (например, *kāraṇ* 'потому что') и глаголом, но наиболее характерную группу здесь составляют союзные слова местоименного происхождения, в первую очередь относительные местоимения любого морфологического класса (см. табл. 11 и 12), а также образованные от них производные.

Некоторые из важнейших союзов приведены в таблице 20.

Связки

Помимо собственно связок, отличающихся обобщенным значением бытия и дефектной парадигмой (формы 3-го лица единственного числа основных связок настоящего, прошедшего и будущего времени приведены в табл. 21; спряжение см. в табл. 15; ср. табл. 14), в функции связки употребителен целый ряд глаголов со значениями становления, пребывания, функционирования в качестве объекта восприятия и т. п., обладающих регулярной парадигмой спряжения.

В языке ория в настоящем времени, а в маратхском — в настоящем и прошедшем наряду с утвердительными существуют изменяемые отрицательные формы связки; в гуджаратском такая отрицательная связка сохранилась в настоящем времени только как неизменяемая. В большинстве других НИА языков рудименты ее могут быть прослежены в одной из форм отрицательной частицы (например: х. *nahī*, б. *nāī*); характерно, что наиболее часто такие частицы употребляются в

⁵⁸ Сходное явление прослеживается и в маратхском, например: *āphisāt* 'в конторе' — *āphisātūn* 'из конторы'.

Важнейшие союзы НИА языков

Функции	Бенгальский	Ассамский	Ория	Непальский	Хинди	Панджабский	Синдхи	Гуджаратский	Маратхский
Соединительная	<i>ār</i> <i>o</i>	<i>āru</i>	<i>āu</i> <i>o</i> <i>tathā</i>	<i>ra</i> <i>ani</i>	<i>aur</i> <i>o</i> <i>tathā</i>	<i>hor</i> <i>te</i>	<i>aē</i>	<i>ane</i> <i>ne</i> <i>tathā</i>	<i>āṇi</i> <i>va</i> <i>tathā</i>
Противительная	<i>kinṭu</i>	<i>kinṭu</i>	<i>kinṭu</i> <i>parantu</i>	<i>tar</i> <i>kinṭu</i> <i>parantu</i>	<i>par</i> <i>kinṭu</i> <i>parantu</i> <i>lekin</i> <i>magar</i>	<i>par</i> <i>parantu</i> <i>lekin</i>	<i>para</i> <i>lekin</i> <i>magar</i>	<i>paṇ</i> <i>parantu</i>	<i>paṇ</i> <i>kinṭu</i> <i>parantu</i>
Разделительная	<i>bā</i> <i>kinbā</i> <i>kl</i>	<i>bā</i> <i>kinbā</i> <i>athabā</i> <i>kl</i>	<i>vā</i> <i>athavā</i> <i>kl</i>	<i>vā</i> <i>athavā</i> <i>kl</i>	<i>yā, vā</i> <i>kinvā</i> <i>athavā</i> <i>kl</i>	<i>jā</i> <i>kl</i>	<i>yā</i>	<i>vā</i> <i>kāto</i> <i>athavā</i> <i>ke</i>	<i>kinvā</i> <i>athavā</i> <i>kl, kā</i>
Изяснительная	<i>ye</i>	<i>ye</i>	<i>ye</i> <i>kl</i>	<i>kl</i>	<i>jo</i> <i>ki</i>	<i>kl</i>	<i>jo</i> <i>ta</i>	<i>ke</i>	<i>kl</i>

Таблица 21

Основные формы связок в НИА языках

Время	Бенгальский	Ассамский	Ория	Непальский	Хинди	Панджабский	Синдхи	Гуджаратский	Маратхский
Настоящее	<i>āche,</i> <i>hay</i>	<i>āche,</i> <i>hay</i>	<i>achl,</i> <i>hue</i>	<i>ho,</i> <i>cha</i>	<i>hai</i>	<i>hai</i>	<i>āhe</i>	<i>cheṇathi</i>	<i>āheṇathl</i>
Прошедшее	<i>chilla,</i> <i>halla</i>	<i>hay</i> <i>hal</i>	<i>thilā,</i> <i>helā</i>	<i>thā</i>	<i>sī</i>	<i>ho</i>	<i>ho</i>	<i>hato</i>	<i>hoṇṇavhe</i>
Будущее	<i>thākte</i>	<i>thākiḥṭ</i>	<i>thiba</i>	<i>hogā</i>	<i>hou</i>	<i>hūnlo</i>	<i>hūnlo</i>	<i>hāṣe</i>	<i>hoṭāṇavhtā</i>

предложениях, относимых к плану настоящего времени, причем связка настоящего времени при этом, как правило, отсутствует [Basu, 9 сл.; Harley, 15; ср. Зограф V, 74—78].

Порядок слов

Порядок слов имеет в языке тем большее значение, чем менее отчетливо синтаксические связи выражены морфологическими средствами. С этой точки зрения роль его для НИА языков весьма существенна.

Грамматический, т. е. не обусловленный контекстуально и присущий в первую очередь нейтральному стилю речи, порядок слов во всех НИА языках опирается на один и тот же основной принцип: ведущий член конструкции следует за ведомым. Так, в конструкциях, организованных предикативной связью (и, следовательно, в предложениях), глагольный член следует за именным (по схеме S—V, например: м. *to gelā* 'он ушел', б. *kī ghaṭigāchila* 'что случилось?'). При распространении каждый из них, в свою очередь, замыкает образующую подчинительную конструкцию, причем подчиненные члены располагаются непосредственно перед подчиняющими: A S¹—S²V, например: г. *amāro śikṣak kaḡaḷ lakhe che* 'Наш учитель письмо пишет'. Таким образом, обычное место предикативной глагольной формы (или связки) — конец предложения.

Если в подчинительной конструкции имеется несколько подчиненных членов одного класса, то в их расположении тоже соблюдается определенная последовательность. Наиболее общим правилом является то, что член, имеющий выраженное морфологическое или послеположное управление, предшествует неоформленному, оказывающемуся, таким образом, рядом с управляющим членом: S¹_{gen}A S², например, ор. *rājāra baḡa pua* 'старший сын раджи'; или S¹_{p_{gen}}A S², например, х. *bāp ki nauī top* 'новая шапка отца'; подобным же образом: S¹_{id}[p]S²_{dir}V, например, м. [*tyanē*] *bhāvā-lā pustakē dilt* '[Он] дал брату книги'. Адвербиальный член, квалифицирующий действие, стоит ближе к глаголу, чем подчиненный именной член: S¹—S²D V, например, г. *hū temne roj maḷto* 'Я встречал его ежедневно'.

В соответствии с указанным правилом может, в свою очередь, производиться последовательное развертывание и подчиненных членов. Таким образом, при членении по непосредственно составляющим мы можем получить здесь идеальную модель непосредственного предшествования на каждом уровне подчиненного члена подчиняющему. Несколько отклоняется от схемы позиция адвербиальных членов, ориентирующих предмет высказывания во времени и пространстве: они могут помещаться перед глаголом, отделяясь от него другими подчиненными членами, когда таковые имеются, но часто выносятся и в самое начало предложения, предшествуя именному члену. Эти конструкции семантически неравнозначны: в первой адвербиальные члены соотносятся непосредственно с глаголом, во второй — служат экспозицией к предложению в целом. В обоих случаях показатель места следует за показателем времени: S—D_iD_i...V (м. *malā mohan kāl thieṭar-madhyē bheṭlā* 'Я встретил Мохана вчера в театре') или D_iD_i...S—...V (м. *kāl thieṭar-madhyē mala mohan bheṭlā* 'Вчера в театре я встретил Мохана').

Нарушение грамматического порядка слов — явление достаточно обычное, особенно в эмоциональной речи, где оно служит наиболее распространенным средством экспрессии.

Конструкции, организованные подчинительной связью

Подчинительные конструкции по их ведущему (подчиняющему) члену могут быть определены как именные (в свою очередь, они подразделяются на субстантивные, адъективные и адвербиальные) и глагольные.

Именные конструкции

Среди именных конструкций преобладают субстантивные следующих типов:

AS, где подчинение прилагательного существительному манифестируется его позицией (основной критерий для восточных НИА языков), а у согласуемых прилагательных центральных и западных языков также и морфологически, например: ас. *dañar lok* 'великий народ', но г. *moñ kuñumb* 'большая семья';

$S^1_{gen}S^2$ в восточных языках и соответственно $S^1_{id}P_{gen}S^2$ в центральных и западных. В первых в этом случае имеет место чистое управление, во вторых — управление, сочетающееся с согласованием, которое находит выражение в формах послелога, например: б. *parikṣar phal* 'результат экзамена', но с. *chokarīa juy akhuy* 'глаза девушки';

$N S^1_{dir}S^2$, где S^1_{dir} служит единицей измерения для S^2 , например: п. *atth mañ dānā* 'восемь манов зерна'.

При наличии нескольких подчиненных членов, относящихся к различным именным классам (подклассам), они располагаются следующим образом: первым, т. е. дальше всего от подчиняющего члена, ставится подчиненный член, выраженный местоимением, далее следуют существительное, количественное числительное и, наконец, собственно прилагательные, причем последние, если их несколько, располагаются по возрастающей степени конкретности признака: $P S^1_{gen}N A^1 A^2...S^2$, например: х. *ye beñyū kī tēn nay rangin sārī* 'эти три новых цветных сари дочерей'.

Особый случай субстантивной конструкции представляют сочетания двух и более существительных в прямом падеже, где предшествующие подчинены последующему ($S^1 S^2$), например: х. *krṣi upakaran* 'сельскохозяйственный инвентарь', х. *ḍilivari vibhāg* 'отдел доставки' и т. п. Подобные сочетания, число которых в НИА языках неуклонно растет, в большинстве своем носят выраженный терминологический характер и занимают промежуточное положение между синтаксическими конструкциями и сложными словами.

Адъективные конструкции во всех НИА языках представлены прежде всего сочетанием прилагательного как подчиняющего члена с наречием или несогласуемым прилагательным в качестве подчиненного: DA или A_0A , например: п. *bahut caṅga* 'очень хороший', ор. *bara sundarī* 'очень красивая'. Как частный случай данной конструкции может трактоваться наблюдаемая в центральных и западных языках конструкция, где подчиненный член представлен согласуемым прилагательным (A^1A^2), например: г. *ghaṇo tofo* 'очень большой'; х. *barī acchī* 'очень хорошая' и т. п.

Другим характерным типом адъективной конструкции, представленным также во всех НИА языках, является так называемая конструкция сравнения, где в качестве подчиненного члена при прилагательном выступает имя существительное (наименование предмета, с которым производится сравнение) с послелогом, чаще всего аблатив-

ным или каким-либо из вторичных: $S + p A$, например, м. *gharā-hūn u n̄c* 'выше дома'. Основными послелогами, используемыми в этой конструкции, служат: б. *ceye* (с именем в род. пад.); ас. *kai* (с именем в местн. пад.); ор. *!hāru, apekšā* (с именем в прям. пад.); н. *bhandā*; х. *se*; п. *tō, nalō*; с. *khā* (сочетание с послелогом здесь может заменяться синтетической формой отложительного падежа имени); г. *thi, kartā*; м. *hūn, pekšā*.

Разновидность описанной представляет конструкция «превосходной степени», отличающаяся тем, что в качестве подчиненного члена в ней выступает определенное местоимение со значением «все» (х. *sab* и соответствующие ему в других НИА языках), сопровождаемое тем же послелогом, например: п. *sab tō caṅgā* 'самый хороший' и *sāriā nalō sohaṇi* 'самая красивая'.

По аналогии с субстантивной (типа $N S'_{dir} S^2$) образуется адъективная конструкция для выражения меры: $N S_{dir} A$, например: ор. *daśa hāla lamba* 'длиной в десять локтей'.

Говорить о собственно адвербиальных конструкциях в НИА языках вряд ли есть основания. В качестве таковых могут быть использованы некоторые частные случаи реализации описанных выше адъективных конструкций (DA , AA , $S + p A$, NSA), когда подчиняющий член в них представлен прилагательным в адвербиальной функции (прилагательного определения).

Глагольные конструкции

В глагольной конструкции типа $S_{dir} V \sim S_{dat} (S_{id} + p_{dat}) V$ подчиненный член, принадлежащий к классу имени (существительного) и обычно квалифицируемый как «объект», обнаруживает в зависимости от присущего ему значения личности/неличности и определенности/неопределенности закономерное чередование формы прямого и дательного (для центральных и западных НИА — общекосвенного с направляюще-объектным послелогом) падежей. Ввиду особенностей проявляющегося здесь характера управления и согласования данную конструкцию удобнее рассматривать в связи с предикативными конструкциями и принципами организации предложения в НИА языках (см. ниже, стр. 255).

Среди конструкций с подчиненным членом — именем существительным следует выделить конструкцию $S_{dat} (S_{id} + p_{dat}) V$, где именной член, квалифицируемый как «адресат», обязательно оформляется аффиксом дательного падежа или направлятельным послелогом. Такие конструкции образуют так называемые переходные глаголы двойного управления.

Прочие конструкции с субстантивным подчиненным членом, выступающим в других косвенных падежах (в восточных языках) или оформленным самыми различными первичными и вторичными послелогами (тип $S_{id}[p]V$), функционально смыкаются с конструкциями, имеющими адвербиальный (или адъективный — ср. выше, стр. 250) подчиненный член (тип $D V$ или $A V$)⁵⁹. Подчиненные члены и тут и там выполняют сходные функции: они квалифицируют действие по характеру и способу его протекания и устанавливают его конкретную отнесенность во времени и пространстве.

⁵⁹ Не случайно лингвистами неоднократно высказывалась мысль о целесообразности введения для НИА языков понятия дополнительного члена, или компонента, совмещающего в себе традиционные косвенное дополнение и обстоятельство [Милтнер, 37].

Еще одна характерная для НИА языков разновидность глагольной конструкции $V_{if} V$ имеет в качестве подчиненного члена непредикативную форму глагола, относящуюся к субстантивному или к адвербиальному типу (ср. табл. 16). Морфологическое оформление изменяемых форм субстантивного типа может быть различным — оно диктуется подчиняющими глаголами, число которых ограничено (по признаку сочетаемости с определенными непредикативными формами в НИА языках можно выделить ряд замкнутых подклассов глаголов, причем некоторые из них приобретают в значительной мере служебный характер [ср. Gill & Gleason, 197—204]).

Конструкции, организованные сочинительной связью

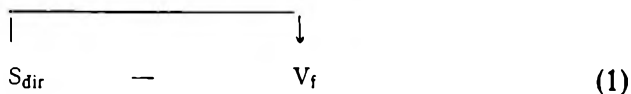
Члены конструкции, организованной сочинительной связью, принадлежат формально или функционально к одному классу. Основной тип конструкции следует схеме C^1 с C^2 . В зависимости от типа союза, служащего средством выражения связи (см. табл. 20), конструкция может быть квалифицирована как соединительная, противительная и разделительная. Число членов противительной конструкции ограничивается двумя, тогда как в соединительной и разделительной оно практически не ограничено. Соединительная конструкция в отличие от двух других нередко реализуется без союза по схеме $C^1 C^2 \dots$. В этом случае связь ее членов манифестируется их линейным расположением и, главное, тождеством тех подчинительных или предикативных отношений, в которых они стоят к членам, не входящим в данную конструкцию.

Предикативный тип связи и организация предложения

Основные типы исходных конструкций, образующих глагольное предложение

Предикативный тип связи служит средством организации предложения. При сопоставлении НИА языков этот тип связи вызывает особый интерес, поскольку в его формальном выражении проявляются некоторые из существеннейших синтаксических расхождений между ними.

Простейшая конструкция, организованная предикативной связью, имеет вид:

Связь членов здесь формально манифестируется: а) морфологически, что выражается в согласовании (координации) предикативной формы глагола с именем по категориям лица и субординации или лица, числа и рода и б) линейным порядком «имя — глагол», например: г. *chokri uŋh* 'девочка встала', ор. *jli jaluchi* 'горит огонь'. Если содержание и интенсивность морфологической манифестации варьируется от языка к языку в соответствии с присущими им наборами грамматических категорий, а внутри отдельных языков может зависеть от видо-временной формы глагола (см. выше, стр. 232), то

отмеченный линейный порядок для НИА языков универсален. Отступления от него редки и, будучи обусловлены контекстуально, могут квалифицироваться как инверсия, играющая роль эмфатического средства. С точки зрения внеконтекстного (грамматического) порядка слов предикативная форма глагола (или связка — ср. ниже) служит в НИА языках пограничным сигналом, свидетельствующим о конце предложения [Баранников IV, 159].

Приведенная выше конструкция является элементарной моделью простого глагольного предложения полного состава для любого из НИА языков. Неполные (односоставные) предложения в подавляющем большинстве случаев могут рассматриваться как эллиптические — отсутствующий член обычно легко восстановим путем контекстуального или парадигматического сопоставления. Конструкции типа S_{dir} , где отсутствует глагольный член ($V_f = 0$), функционирующие в НИА языках в качестве назывных предложений, прямо соотносятся с полными предложениями, в которых V_f представлен глаголами со значением бытия, наличия, присутствия и т. п. Конструкции типа V_f , где отсутствует именной член ($S_{dir} = 0$), представляют собой преимущественно так называемые определенно-личные и обобщенно-личные предложения. Использование именно такой конструкции преобладает в тех случаях, когда V_f представлен формами императива. Безличные предложения типа русского «*светает*» не характерны для НИА языков. Зато распространены конструкции, выражающие должествование, невозможность, пассивное состояние, в которых субъект выражен не прямым, а каким-либо косвенным падежом (о них см. ниже, стр. 258).

Разновидностью описанной выше является конструкция с глаголом в испредикативной форме (обычно — деепричастия или абсолютного причастия):

$$S - V_{if} \quad (1a)$$

Эта конструкция выступает в функции так называемого абсолютного оборота — подчиненного члена при предикативной форме глагола. В этой конструкции S оборота может совпадать или не совпадать с первым именным членом предложения, например: х. *kām karte karte vah thak gaya* 'работая, он устал'; но х. *mujhe yahā pah̄te do varṣ ho gaye* 'уже два года [прошло], как я здесь учусь'. Связь между именным и глагольным членами такой конструкции ввиду неизменяемости последнего манифестируется только порядком слов. Именной член данной конструкции, будучи одновременно подчиненным членом при предикативной форме другого глагола, может выступать в форме косвенного падежа или оформляться послелогом, например: м. *mī tyāla yetāṇna pāhilē* 'я увидел его идущим' или 'я увидел, как он шел'.

Модель (1) универсальна для НИА языков постольку, поскольку V_f представлен глаголом, входящим в подкласс непереходных (V_f^{it}). В том случае, когда глагол относится к подклассу переходных (V_f^{tr})⁶⁰, конструкция, как правило, разветвляется из двучленной в трехчленную (в этом случае двучленную реализацию модели, по-видимому, следует рассматривать как эллиптическую):

$$S^1 - S^2 - V_f^{tr} \quad (2)$$

⁶⁰ О некоторой противоречивости признаков, определяющих переходность глагола в ряде НИА языков, см. выше, стр. 219—220.

Формальная манифестация синтаксической связи членов этой конструкции неодинакова в разных НИА языках, причем конкретное ее проявление в центральных и западных языках зависит от видовой формы V_f^{tr} — перфективной $V_{f\ pf}^{tr}$ или неперфективной $V_{f\ ipf}^{tr}$.

Существенно, что второй именной член — S^2 («объект») находит в этой конструкции двоякое формальное выражение: он может быть представлен либо формой прямого падежа имени (S_{dir}), либо формой дательного падежа в восточных языках (S_{dat}), которой в остальных НИА языках соответствует сочетание формы общекосвенного падежа (S_{id}) с направительным послелогом (p_{dat}). Выбор формы S^2 определяется не одним, а двумя критериями — классифицирующей категорией личности/неличности имени и словоизменительной категорией определенности/неопределенности, взаимодействие которых создает почву для широкой вариантности форм.

В языках бенгальском и ория конструкция с переходным глаголом отличается от конструкции с непереходным только наличием второго именного члена S^2 , формальная манифестация которого, с точки зрения структуры самой конструкции, здесь несущественна. Перфективность или неперфективность глагольной формы также не влияет на структуру конструкции. Согласование глагольного члена с первым именным членом S^1 («субъектом») во всех случаях сохраняется:

$$\begin{array}{c} | \qquad \qquad \qquad \downarrow \\ S_{dir}^1 - S_{dir/dat}^2 - V_f^{tr} \end{array} \quad (2a)$$

Примеры: б. *balade jal lāne* 'быки поднимают воду'; ор. *mū tāku parhaibi* 'я буду его обучать'.

В ассамском первый именной член в аналогичной конструкции может выступать в падеже агенса (S_{ag}), однако согласование глагольного члена с ним не нарушается:

$$\begin{array}{c} | \qquad \qquad \qquad \downarrow \\ S_{ag}^1 - S_{dir/dat}^2 - V_f^{tr} \end{array} \quad (2a')$$

например: ас. *mānuhe bhāt khāle* 'человек съел рис'.

В непальском первый именной член выступает в общекосвенном падеже (S_{id}) с инструментальным послелогом (p_{instr}), тем не менее согласование с ним глагольного члена, как и в ассамском, сохраняется⁶¹. Хотя здесь такая структура присуща в первую очередь конструкциям с перфективными формами глагола, наблюдается тенденция к ее распространению и на конструкции с неперфективными формами:

$$\begin{array}{c} | \qquad \qquad \qquad \downarrow \\ S_{id}^1 + p_{instr} - S_{dir}^2 / S_{id}^2 + p_{dat} - V_{f\ pf\ [ipf]}^{tr} \end{array} \quad (2a'')$$

например: н. *tapāt-le mero ciṭhi pānu-bhayo* 'Вы получили мое письмо?'; н. *tāi-le tyas-lāt miṭhāi dies* 'ты дай-ка ему сласти'.

В центральных и западных языках положение существенно отли-

⁶¹ Аналогичная картина наблюдается в восточном хинди (авадхи), с тем лишь отличием, что первый именной член имеет здесь форму общекосвенного падежа без послелога.

чается. При глагольном члене, выраженном неперфективной формой, повсюду сохраняется конструкция (2а), принимающая вид:

$$\overbrace{S_{\text{dir}}^1 - S_{\text{dir}}^2} \quad \downarrow \quad S_{\text{id}}^2 + p_{\text{dat}} - V_{\text{f}}^{\text{tr}} \text{ pf},$$

например: х. *larkā kitab parhtā hai* 'мальчик читает книгу', х. *māl bhāi ko khilātī thi* 'я кормила брата'.

Конструкцию (2а) во всех ее разновидностях по типу согласования принято определять как субъективную.

Перфективная форма глагольного члена обуславливает иную структуру конструкции, представленную двумя основными типами, различие между которыми основано на характере выражения второго именного члена S^2 (объекта). Общим для них является отсутствие согласования между глагольным членом и первым именным членом S^1 (субъектом), выступающим в форме общекосвенного падежа с послелогом или без него.

В том случае, когда второй именной член S^2 выражен именем в прямом падеже, глагольный член согласуется с ним в числе и роде, и конструкция принимает следующий вид:

$$S_{\text{id}}^1 - \overbrace{S_{\text{dir}}^2} \quad \downarrow \quad V_{\text{f}}^{\text{tr}} \text{ pf} \quad (2b)$$

В разных НИА языках наблюдаются частные разновидности данной конструкции, различающиеся типом оформления первого именного члена (S^1). Здесь возможны следующие три типа его выражения:

а) общекосвенным падежом без послелога (чистый случай 2b), как это имеет место в синдхи, например: с. *cora ghorō dītho* 'вор увидел коня';

б) общекосвенным падежом со специальным послелогом агенса в хинди и панджаби (в последнем, однако, возможно и беспослеложное оформление по типу синдхи, последовательно закономерное при S^1 , представленном личным местоимением, и факультативное в остальных случаях):

$$S_{\text{id}}^1 + p_{\text{ag}} - \overbrace{S_{\text{dir}}^2} \quad \downarrow \quad V_{\text{f}}^{\text{tr}} \text{ pf} \quad (2b')$$

например: х. *mā ne dāktar bulāyā* 'мать позвала доктора';

в) общекосвенным падежом с инструментальным послелогом в маратхском и гуджаратском:

$$S_{\text{id}}^1 + p_{\text{instr}} - \overbrace{S_{\text{dir}}^2} \quad \downarrow \quad V_{\text{f}}^{\text{tr}} \text{ pf} \quad (2b'')$$

например: м. *mūlā-nē pustak vāclē* 'мальчик прочел книгу'.

Конструкция (2b) в указанных разновидностях в грамматиках НИА языков обычно определяется как объектная. По своей структуре она соответствует понятию эргативной (2b, 2b') или эргативообразной (2b'') конструкции [Елизаренкова V; ср. Miltner II, 143—146].

В случае, когда второй именной член S^2 выражен именем в общекосвенном падеже или не выражен вовсе, глагольный член выступает как несогласованный — неизменно в форме 3-го лица единствен-

ного числа мужского (для маратхского — среднего) рода, и конструкция принимает вид:

$$S_{id}^1 [+p_{ag}] - S_{id}^2 + p_{dat} - V_{f\ pf}^{tr} \quad (2c)$$

например: х. *mā ne dākṭar ko bulāyā* 'мать позвала доктора'; м. *tya-nē ti-lā pāhilē* 'он увидел ее'.

Конструкция без второго именного члена (безобъектная) может рассматриваться как эллиптическая: $S_{id}^1 - V_{f\ pf}^{tr}$, например: х. *us ne kahā* 'он сказал'. В том и другом случае она квалифицируется как нейтральная. По типу оформления первого именного члена S^1 здесь выделяются те же разновидности, как и в объектной конструкции.

Характерно, что в гуджаратском нейтральная конструкция имеет место только при отсутствии S^2 , так как глагольный член здесь согласуется и с оформленным вторым именным членом, т. е. при $S_{id}^2 + p_{dat}$ реализуется объектная конструкция по типу (2b"), например: г. *āje mē keṭlāk mitro-ne bolavūā che* 'сегодня я пригласил нескольких друзей'.

Особый, субъектно-объектный, тип конструкции, отличающийся двойным согласованием глагольного члена, выступает в маратхском в том случае, когда первый именным член представлен местоимением 2-го лица, а второй именным член — именем в прямом падеже. Глагол согласуется со вторым членом в числе и роде и с первым в лице:

$$\begin{array}{c} \text{P}_{2\ instr} - S_{dir} - V_{f\ pf}^{tr} \end{array} \quad (2d)$$

например: м. *mī pustakē vāclī* 'я прочел [прочла] книги', но *tū pustakē vāclīs* 'ты прочел [прочла] книги'.

Перечисленным конструкциям, квалифицируемым как активные, противопоставляется пассивная, образуемая по схеме:

$$[S^1 + p_{instr}] - S^2 - V_{pass}^{tr} \quad (3)$$

Название исполнителя действия (S^1) здесь оформляется первичными и вторичными послелогоми инструментального значения (реже — аблативного, например: г. *thī*). Оно может занимать как первую именную, так и приглагольную позицию по схеме $S - S + p_{instr} - V$. Однако, как правило, исполнитель действия в подобных конструкциях остается вообще невыраженным, поскольку доминирующим именным членом здесь оказывается наименование объекта действия (субъекта состояния).

Оформление объекта действия в НИА языках может быть двойным — он выступает либо в прямом падеже, образуя согласованную конструкцию:

$$\begin{array}{c} S_{dir} - V_{pass}^{tr} \end{array} \quad (3a)$$

(например: х. *kaī pustakē likhī gai thī* 'было написано несколько книг'), либо в дательном (или общекосвенном с направительным по-

слелогом), образуя несогласованную конструкцию, где глагол сохраняет форму 3-го лица единственного числа мужского (среднего) рода (ср. выше, стр. 255):

$$S_{\text{dat}} / S + P_{\text{dat}} - V_{\text{pass}}^{\text{tr}} \quad (3b)$$

например: х. *us ko mārā-piṭā gayā* 'он был избит' ('его избили').

Распространено мнение, что согласованная пассивная конструкция в НИА языках интенсивно вытесняется несогласованной. Вместе с тем анализ конкретных примеров их употребления выявляет здесь тенденцию к дополнительному распределению по признаку личности/неличности имени. Личные имена выступают предпочтительнее в несогласованной конструкции, неличные — в согласованной. Возможно, некоторую роль здесь играет и против опоставление имен в плане конкретности/неконкретности. Необходимо отметить, что в гуджаратском при аналитической пассивной конструкции согласование глагола сохраняется и в том случае, когда имя оформлено направитель-

ным послелогом ($S + P_{\text{dat}} - V_{\text{pass}}^{\text{tr}}$, ср. объектную конструкцию там же, стр. 257).

С пассивными по своей структуре смыкаются распространенные в центральных и западных языках «потенциальные» конструкции, определяемые иногда как «лжепассивные». Обычная схема такой конструкции:

$$S + P_{\text{Instr}} - [n +] V_{\text{pass}}^{\text{lt/tr}} \quad (3c)$$

В принципе ее можно рассматривать как модификацию исходной пассивной конструкции (3), в которой второй именной член факультативен. В отличие от пассивной она допускает употребление не только переходного, но и непереходного глагола. Соответственно именной член ее обозначает не производителя действия, а субъект состояния. Обычно конструкция дополняется еще одним, служебным, членом — приглагольным отрицанием, поскольку в большинстве НИА языков ею выражается в первую очередь невозможность совершения действия или достижения определенного состояния, например: х. *mi jh se is palaṅg par soya nahī jātā* 'мне не спится на этой кровати'. Аналогичная конструкция без отрицания регулярно встречается в гуджаратском⁶² и маратхском языках, где в этом случае употребляется синтетический пассивный (потенциальный) глагол. Особенностью данной конструкции в маратхском является возможность свободного чередования при имени инструментального и направительного послелогов, чем достигается изменение оттенков модальности [Катенина IV, 90].

Особый тип представляет собой так называемая конструкция долженствования. Глагольный член в ней состоит из двух элементов: носителем лексического значения служит непредикативная форма глагола (V_{if} — в разных НИА языках различна, но чаще всего — инфинитив), а грамматическая информация передается глаголом долженствования (в узкий список таких глаголов часто входит и связка), неизменяемым словом глагольной этимологии со значением «падежит», «следует», или сочетанием прилагательного со связкой. Наименование производителя действия оформляется в центральных и

⁶² Этими сведениями автор обязан Л. В. Савельевой.

западных языках направительным послелогом, который в маратхском и непальском может чередоваться с инструментальным. Конструкция с непереходным значимым глаголом, таким образом, строится по схеме:

$$S + p_{\text{dat}} / [p_{\text{instr}}] - V_{\text{if}}^{\text{it}} - V/A[v] \quad (4a)$$

например: м. *tyā-la/tyā-nē tethē jāycē* 'ему нужно пойти туда', х. *miḥhe ghar jānā parega* 'мне придется идти домой'.

Данная конструкция является несогласованной: неспредикативный глагол имеет форму единственного числа мужского (среднего) рода, предикативный — 3-го лица того же числа и рода.

При переходном значимом глаголе конструкция включает еще один именной член, выступающий в качестве объекта, обычно в прямом падеже, с которым в этом случае проводится согласование в роде и числе как неспредикативного, так и предикативного глагола:

$$S^1 + p_{\text{dat}} / [p_{\text{instr}}] - S^2 - V_{\text{if}}^{\text{tr}} - V/A[v] \quad (4b)$$

например: м. *mala hī pustakē vācāycī rahilī* 'мне осталось прочесть эти книги', х. *ham ko do ciṭṭhiyā likhni kālī* 'нам нужно написать два письма'.

В восточных НИА языках первый именной член конструкции долженствования принимает форму либо дательного, либо родительного падежа: ($S_{\text{dat/gen}} - V_{\text{if}} - V$), например: ор. *saccaritra lokamanāṅku e samasta vīrambana bhoga karibāku hue nāhī* 'честным людям не приходится испытывать все эти трудности' [Карпушкин, 30].

Аналогичным образом строятся и конструкции, выражающие чувственное восприятие, которое обычно передается в НИА языках сочетанием имени (существительного или прилагательного) с узким кругом глаголов, означающих главным образом приближение, присоединение, бытие (в их число входит и связка). Воспринимающий субъект в центральных и западных НИА языках выражается именем с направительным послелогом, а в восточных (как и в предыдущем случае) — формой дательного или родительного падежа. Глагол согласуется с именем, обозначающим чувство или являющимся наименованием воспринимаемого объекта. Конструкция при этом имеет вид:

$$S^1 + p_{\text{dat}} - S^2 - V_{\text{f}} / v \quad (5a)$$

например: г. *chokri ne bahu anand thayo* 'девочка очень обрадовалась', н. *ma-lai dar lāgcha* 'я испугался'

или:

$$S^1 + p_{\text{dat}} - S^2 - A + V/v \quad (5b)$$

например: с. *mā khe iho nālo pasand āhe* 'мне нравится это имя'.

В восточных НИА языках соответственно: $S_{\text{dat/gen}}^1 - S^2 - V$, например: б. *mirār icchā karila* 'Мире захотелось'.

Конструкция именного предложения

Основной тип именного предложения представлен двучленной конструкцией: субстантивный член в прямом падеже и второй субстантивный член тоже в прямом падеже со связкой или полнозначным глаголом в связочной функции:

$$S^1 - S^2 [+v] \quad (6)$$

например: х. *vah vidyārthi hai* и ор. *se chatra* 'он студент'.

В качестве варианта выступает конструкция, где на втором месте

стоит не субстантивный, а адъективный член ($S - A + v$). В центральных и западных НИА языках ему свойственно то отличие, что второй член может здесь согласоваться с первым (правила согласования те же, что в подчинительной конструкции типа $A \ S$), например: г. *e hāthi mo'o che* 'этот слон — большой'.

Наличие связки во всех временах, включая настоящее, для большинства НИА языков является нормой. Связка настоящего времени может опускаться, что особенно часто наблюдается в отрицательных предложениях. В остальных случаях в западных и центральных языках предпочтительнее связочная конструкция. В восточных языках в настоящем времени преобладают бессвязочные конструкции.

К именной предикативной конструкции примыкает конструкция принадлежности, или обладания. Первый ее член, обозначающий обладателя, в центральных и западных языках выражен именем со специфическим вторичным послелогом, а в восточных — именем в родительном падеже. Второй именной член, обозначающий объект обладания, выражен именем в прямом падеже, и с ним согласуется связка. Конструкция может быть выражена схемой:

$$S' + p'' - S^2 - v \quad (7)$$

например: п. *mu'le kol ikk cakkū hai* 'у мальчика есть ножик' (в восточных НИА $S_{\text{gen}} - S^2 - v$, например: б. *āmar tākā āche* 'у меня есть деньги').

Средства распространения предложений

Элементарные предложения могут, с одной стороны, сокращаться в результате опущения какого-либо из их основных членов (такие предложения мы рассматриваем как эллиптические), а с другой — распространяться путем замены их простых членов сложными. Такие сложные члены организуются внутренней связью любого из рассмотренных типов: подчинительной, сочинительной и предикативной. В последнем случае мы обычно имеем дело либо с придаточными предложениями, либо с так называемыми абсолютными оборотами, опирающимися на предикативные формы глагола⁶³.

⁶³ Не исключена возможность включения сюда, исходя из трансформационного анализа, и некоторых конструкций, обычно воспринимаемых как подчинительные.

При распространении подчинительной связью один подчиняющий член может иметь при себе несколько подчиненных, автономных по отношению друг к другу, т. е. стоящих на разных уровнях членения по непосредственно составляющим, а само подчинение при этом может проявляться в разных формах — согласовании, управлении и примыкании. В свою очередь, подчиненные члены могут также распространяться. Этот процесс последовательного распространения теоретически не имеет границ. Практически же для НИА языков наиболее характерны две ступени последовательного подчинения; случаи же более чем четырехступенчатого подчинения исключительно редки.

При распространении сочинительной связью специального внимания заслуживает вопрос о том, как манифестируются синтаксические связи самой образующейся сочинительной конструкции с членами предложения, в нее не входящими. Здесь возможны несколько случаев. Если распространению подвергается подчиненный член подчинительной конструкции, то действуют общие правила подчинения (согласования, управления, примыкания), диктуемые подчиняющим членом. Иначе обстоит дело при распространении подчиняющего члена, если набор граммем у членов сочинительной конструкции неодинаков, например, не совпадает род существительных, переходность глаголов и т. п. В этом случае форма подчиненного члена при согласовании и управлении определяется ближайшим к нему членом подчиняющей сочинительной конструкции, каковым по обычному для НИА языков порядку слов оказывается первый из них.

В предикативных конструкциях при распространении именного члена (подлежащего) форма глагола (сказуемого) зависит от ближайшего к нему, т. е. последнего, члена именной сочинительной конструкции. Исключение составляют случаи, когда именной член распространяется за счет местоимений 1-го или 2-го лица: независимо от их порядка глагольный член принимает форму 1-го лица, а при отсутствии местоимения 1-го лица — форму 2-го лица. При распространении глагольного члена (сказуемого) в центральных и западных НИА языках, где существуют эргативные или эргативообразные конструкции, а также в непальском и ассамском языках (ср. стр. 255 и 256) форма имени (подлежащего) определяется ближайшим к нему, т. е. первым членом сочинительной глагольной конструкции.

В тех случаях, когда подчинение или предикация должны формально выражаться согласованием, возможны отступления от изложенных правил, которые основываются на нейтрализации противопоставления женского рода мужскому и единственного числа множественному, проявляющейся в форме подчиненного члена.

Распространение с помощью предикативного типа связи приводит к образованию либо так называемых абсолютных оборотов, либо придаточных предложений. Различие между ними заключается прежде всего в форме глагольного члена — непредикативной в первом случае и предикативной во втором [Быкова III, 110—114]. Выступая в функции глагольного члена (предикатива) оборота, непредикативные формы, включая изменяемые в принципе, не согласуются с именным членом (субъектом) оборота. Форма именного члена, в свою очередь, часто определяется его синтаксической связью с членами предложения, лежащими за пределами оборота. В силу этого предикативная связь внутри оборота остается формально не выраженной и наиболее четко выявляется с помощью трансформации. Другое различие между оборотом и придаточным предложением касает-

ся их позиции относительно главного предложения. Если оборот обычно занимает позицию внутри предложения, которая соответствует его месту члена той или иной конструкции, то придаточное предложение чаще выносится за пределы главного, предшествуя ему или следуя за ним.

Типы абсолютных оборотов в разных НИА языках различаются в зависимости от непредикативной формы, на которую они опираются. Если в центральных и западных языках преобладают обороты с адвербиальными непредикативными формами, то в восточных большую роль играют обороты с формами субстантивного и субстантивно-адъективного типа (ср. табл. 16). Различаются НИА языки также функциональной широтой и частотностью употребляемых в них оборотов. В обоих отношениях выделяется маратхский.

Сложные предложения помимо непосредственного распространения членов тех или иных конструкций в составе простого предложения образуются путем замещения таких членов конструкциями, организованными предикативной связью, а также путем сочетания двух и более простых предложений.

Сложносочиненные предложения строятся в соответствии с общими правилами сочинения (союзного и бессоюзного).

Сложноподчиненные предложения по характеру их формальной структуры могут быть разделены на три основные группы [Катенина IV, 99]:

1. Предложения, где придаточные вводятся относительными союзными словами местоименной этимологии, которым в главном соответствует соотносительное или указательное местоимение, выступающее в позиции любого именного (субстантивного, адъективного и адвербиального) члена предложения или входящих в него конструкций. Это наиболее характерный для НИА языков тип сложноподчиненного предложения. Придаточное предложение обычно предшествует главному, реже следует за ним или примыкает к подчиняющему члену (соотносительное местоимение в этом случае отсутствует).

2. Предложения, где придаточные вводятся изъяснительными союзами и распространяют либо один из именных, либо глагольный член главного предложения. Придаточные в этом случае следуют за главным предложением, изредка — непосредственно за подчиняющим членом, инкорпорируясь в главное. По типу таких предложений вводится прямая и косвенная речь (последняя для большинства НИА языков малохарактерна).

3. Предложения непосредственного следования, в которых придаточные всегда следуют за главными, передают временные, причинно-следственные и условно-следственные отношения. Связь выражается как с помощью союзных слов различной этимологии, так и порядком следования. Предложения этого типа смыкаются со сложносочиненными, и граница между теми и другими во многих случаях весьма условна.

ЛЕКСИКА И ПРИНЦИПЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Генетические пласты в словарном составе НИА языков

Формирование словарного состава в разных НИА языках шло и идет в общем весьма сходными путями. В каждом из них может быть выделен ряд лексических пластов, восходящих к одним и тем же

(в редких случаях неполного совпадения сопоставимым по своей роли) источникам. Словарные различия между отдельными языками в значительной мере сводятся, с одной стороны, к неравному весу в них тех или иных пластов, а с другой — к расхождениям в фонетическом облике генетически тождественных слов. Естественно, конечно, что нельзя не учитывать и девиации в развитии значений последних.

Исконная лексика

К исконной мы относим ту лексику, которая унаследована НИА языками от СИА языков и вследствие этого отразила в себе исторические закономерности фонетического развития каждого данного языка. Эта группа лексики составляет ядро словарного состава современных НИА языков. Сюда входит большинство наиболее употребительных слов, тесно связанных с повседневным бытом людей. Особенно велик вес этой лексической группы в диалектах и просторечных языковых подсистемах.

Генетически исконная лексика подразделяется на индоарийскую и субстратную. К индоарийской могут быть бесспорно отнесены те индоевропейские слова и морфемы (их здесь подавляющее большинство), которые соотносимы с зафиксированными в письменных памятниках ДИА словами и морфемами (см. табл. 22). По традиционной индийской классификации они именуются *тадбхава* (*tadbhava* 'бывшее таким, как то', т. е. как санскритское слово). К субстратной обычно относят сравнительно немногочисленные слова, не находящие явных соответствий в санскрите и по традиции именуемые *деши*, или *дешья* (*deśi*, *deśya* 'местное'). Действительно, некоторые из них явно восходят к дравидийским языкам и языкам мунда, однако этимология других остается неясной.

Заемствованная лексика

Заемствованная лексика в НИА языках по своей этимологии также может быть разделена на индоарийскую и неиндоарийскую, последняя, в свою очередь, подразделяется на индийскую и неиндийскую.

Заемствованная индоарийская лексика представлена, во-первых, санскритизмами, а во-вторых, взаимозаемствованиями НИА языков друг у друга. Процессы взаимного заимствования лексики в НИА изучены слабо, а генетическая близость этих языков и сходство общих процессов их исторического развития затрудняют выявление ранних заимствований. Представляется, что объем лексики этого типа в большинстве литературных НИА языков невелик; одним из немногих исключений является непальский, где доля лексических заимствований из хинди достаточно ощутима [Тиггер II]. Можно ожидать, что неуклонно растущая роль хинди как государственного языка Индии поведет к усилению заимствования лексики из него и через него другими языками страны. В Пакистане таким источником заимствований становится урду.

Заемствования из санскрита, напротив, занимают чрезвычайно большое место в словарном составе большинства современных литературных НИА языков. Здесь могут быть выделены старые, фонетически ассимилированные (что нашло отражение и в их современной орфографии) заимствования, традиционно именуемые *ардха*-

Образцы лексики НИА языков

Бенгаль- ский	Ассамский	Ория	Непальский	Хинди	Понджаб- ский	Синдхи	Гуджарат- ский	Маратх- ский	Источник	Значение
Исконная лексика										
<i>khet</i>	<i>khet</i>	<i>khet</i>	<i>khet</i>	<i>khet</i>	<i>khetar</i> , <i>khet</i>	<i>khetru</i> , <i>khetu</i>	<i>khetar</i> , <i>khet</i>	<i>set</i>	ср. скр.: <i>kṣetra</i>	'поле'
<i>juh</i> , <i>jahi</i>	<i>juh</i>	<i>juṅgh</i>	<i>jāgh</i> , <i>jūh</i>	<i>jāgh</i> , <i>jāg</i>	<i>jāngh</i>	<i>jāngha</i>	<i>jāg(h)</i>	<i>jāg(h)</i>	<i>jaṅgha</i>	'бедро'
<i>/jaʊ/</i>	<i>/zaɲ/</i>	<i>/ʃoŋg'ɔ/</i>	<i>/ʃag'/. /laʊ/</i>	<i>/ʃag/</i>	<i>/ʃoŋg/</i>	<i>/ʃoŋg'ɔ/</i>	<i>/ʃag/</i>	<i>/ʃag/</i> , <i>/ʃag/</i>		
<i>callis</i>	<i>callis</i>	<i>cālis</i>	<i>cālis</i>	<i>cālis</i>	<i>cāi</i>	<i>cālīha</i>	<i>cālīs</i>	<i>cālīs</i>	<i>catvārimśat</i>	'сорок'
<i>/ʃollɪx/</i>	<i>/ʃollɪx/</i>	<i>/ʃallɪsɔ/</i>	<i>/ʃallɪs/</i>	<i>/ʃallɪs/</i>	<i>/ʃaɪ/</i>	<i>/ʃallhə/</i>	<i>/ʃallɪs/</i>	<i>/ʃallɪs/</i>		
<i>tukrī</i>	<i>tukurā</i>	<i>tukurū</i>	<i>tukro</i>	<i>tukrū</i> , <i>tukar</i>	<i>tukrā</i> , <i>tukkar</i>	<i>tukaru</i> , <i>tukro</i>	<i>tukro</i>	<i>tukdā</i>	<i>tukka</i>	'кусок', 'ломоть'
<i>dekhā</i>	<i>dekhība</i>	<i>dekhībā</i>	<i>dekhnu</i>	<i>dekhnā</i>	<i>dekhṇā</i>	<i>ḍekhaṇu</i>	<i>dekhvū</i>	<i>dekhṇē</i>	<i>ḍḍkṣati</i>	'видеть'
<i>calā</i>	<i>calībā</i>	<i>calībā</i>	<i>calnu</i>	<i>calṇā</i>	<i>calṇā</i>		<i>caṭvū</i>	<i>caṭṇā</i>	<i>catati</i>	'двигаться'
Заместовая лексика										
<i>śikṣak</i>	<i>śikṣak</i>	<i>śikṣak</i>	<i>śikṣak</i>	<i>śikṣak</i>	<i>śikṣak</i>		<i>śikṣak</i>	<i>śikṣak</i>	скр. <i>śikṣaka</i>	'учитель'
<i>/ʃɪk'ɔkʃ/</i>	<i>/ʃɪk'ɔkʃ/</i>	<i>/ʃɪk'ɔkʃ/</i>	<i>/ʃɪk'ɔkʃ/</i>	<i>/ʃɪk'ɔkʃ/</i>	<i>/ʃɪk'ɔkʃ/</i>		<i>/ʃɪk'ɔkʃ/</i>	<i>/ʃɪk'ɔkʃ/</i>		
<i>vismay</i>	<i>vismay</i>	<i>vismay</i>	<i>vismay</i>	<i>vismay</i>	ср. <i>vismā</i>		<i>vismay</i>	<i>vismay</i>	скр. <i>vismaya</i>	'удивление'
<i>/bɪʃɔy/</i>	<i>/bɪʃɔy/</i>	<i>/bɪʃɔyɔ/</i>	<i>bismay</i>	<i>bismay</i>	'удивитель- ный'					
<i>śāsan</i>	<i>śāsan</i>	<i>śāsan</i>	<i>śāsan</i>	<i>śāsan</i>	<i>śāsan</i>		<i>śāsan</i>	<i>śāsan</i>	скр. <i>śāśana</i>	'правление'
<i>sarkār</i>	<i>sarkār</i>	<i>sarkār</i>	<i>sarkār</i>	<i>sarkār</i>	<i>sarkār</i>	<i>sarkāru</i>	<i>sarkār</i>	<i>sarkār</i>	перс. <i>sarkār</i>	'правительство'
<i>kitāb</i>	<i>kitāp</i>	<i>kitāb</i>	<i>kitāp</i>	<i>kitāb</i>	<i>kitāb</i>	<i>kitābu</i>	<i>kitāb</i>	<i>kitāb</i>	ар. <i>kitāb</i>	'книга'
<i>/kɪtəbɔ/</i>	<i>/kɪtəbɔ/</i>	<i>/kɪtəbɔ/</i>	<i>kitāb</i>	<i>kitāb</i>						
<i>ṭikṭ</i>	<i>ṭikṭ</i>	<i>ṭikṭ</i>	<i>ṭikṭ</i>	<i>ṭikṭ</i>	<i>ṭikṭ</i>		<i>ṭikṭ</i>	<i>ṭikṭ</i>	англ. ticket	'билет', 'марка'

татсама (*ardhatatsama* 'наполовину такое же, как то', т. е. как санскритское слово), и новые, относящиеся к XIX и XX вв., фонетическая ассимиляция которых зашла не так далеко, как у первых, и во всяком случае не отразилась на их орфографии, вследствие чего они носят традиционное наименование татсама (*tatsama* 'такое же, как то', т. е. как санскритское слово). Последние представляют подавляющее большинство санскритизмов в НИА языках, и число их продолжает неуклонно расти, причем не только за счет прямого заимствования целых слов, но и за счет создания новых на базе санскритских корневых и деривационных морфем по санскритским и псевдосанскритским моделям, что является одним из основных путей современного терминотворчества в НИА языках, и в частности в хинди [Бархударов I, II].

Наиболее широко используют санскритскую лексику литературный хинди, бенгальский и маратхский языки, где ее доля в современном словарном составе близка к 50%, а возможно и выше. Беднее всего она представлена в урду и синдхи, развивавшихся под влиянием мусульманских историко-культурных традиций, а также в панджабском, где долгое время преобладало словотворчество на базе исконной НИА лексики.

Источники неиндоарийских заимствований могут быть разделены на три группы — это: 1) неиндоарийские языки Южной Азии, 2) языки, которые были принесены в Индию на протяжении X—XVI вв. мусульманскими завоевателями, и 3) европейские языки.

Заимствования из языков первой группы относительно немногочисленны, но достаточно глубоко ассимилированы. Наиболее заметны они в языках, распространенных на периферии общей ИА области. Например, в непальском и ассамском нередки слова, заимствованные из соседних тибето-бирманских языков; слова дравидийского корня отмечены в маратхском и ория.

Весьма ощутимое влияние на НИА языки оказали языки второй группы: арабский — язык религии завоевателей — и персидский, служивший с XI—XII вв. официальным и литературным языком мусульманских дворов, а в Могольской империи ставший языком административного делопроизводства. В феодальную эпоху НИА языки заимствовали из них, особенно из последнего, лексику, связанную с религией ислама, государственным устройством, придворной жизнью, армией, культурой и бытом мусульман и т. п. Многие слова персидского и арабского происхождения вошли в ядро словаря НИА языков, встав там рядом с исконной лексикой таджавов. Наиболее широко такие заимствования представлены в языках Северо-Запада — в синдхи, панджабском, хинди, распространены они также и в других языках, например в маратхском и бенгальском. Следует отметить, что они давно уже не ощущаются здесь чужеродными. Усилия пуристов вытеснить всю подобную лексику из хинди, заменив ее санскритизмами, вряд ли могут иметь успех.

Особую роль арабская и персидская лексика играет в урду, где ей принадлежит то же место, какое в хинди, бенгальском и других литературных НИА языках занимают санскритизмы. Здесь весьма велика доля заимствований чисто литературного и терминологического характера; они составляют не менее половины всего словаря языка.

Лексика из языков третьей группы — европейская — начинает проникать в НИА языки после открытия морского пути в Индию. Ранние, в общем весьма немногочисленные европеизмы, относящиеся к

XVI—XVIII вв., представлены заимствованиями из португальского, голландского, французского и английского языков. Бурное проникновение в НИА языки европейской лексики, теперь уже целиком через английский, относится к середине XIX в. — периоду усиления британского владычества в Индии. Заимствование европеизмов было обусловлено нововведениями в политическом устройстве и хозяйственной жизни страны и стимулировалось распространением среди привилегированной прослойки индийского общества английской системы образования. Английский язык послужил каналом, через который в НИА языки поступала международная общественно-политическая и научно-техническая терминология.

С расширением международных политических и культурных связей государств Южной Азии в НИА языки начинают проникать слова и из других языков мира, в частности некоторые русизмы.

Стилистическая роль генетически разнородных пластов

Сосуществование в НИА лексике по меньшей мере четырех весьма обширных пластов: исконного НИА, санскритского, арабско-персидского и английского — значительно расширяет рамки их словаря. Так, например, в хинди теоретически может использоваться не только все богатство зафиксированного словарного состава санскрита, но и не поддающаяся исчислению масса новообразований на его базе (это — помимо исконной лексики и заимствований из других источников); сходную роль, хотя и в несколько меньшем масштабе, арабский и персидский языки играют для урду. В результате в НИА языках очень широкое распространение получает, с одной стороны, омонимия, ср., например, в хинди: *kām* I 'дело', II (<скр.) 'любовь', III (<перс.) 'желание'; *kan* I 'ухо', II (<скр.) 'скромность', III (<перс.) 'шахта'; *lāt* I 'столб', II (<скр.) 'запруда' III (<англ.) 'лорд' и т. п., а с другой — синонимия, например, в бенгальском «книга»: I *bai*, II *pustak* (<скр.), III *kitāb* (<ар.); в хинди «дерево»: I *per*, II *vrkṣ* (<скр.), III *darakhī* (<перс.) и т. п.

Генетически разнородные синонимы обычно неравноценны стилистически. Исконная лексика (та дбх а ва) во всех НИА языках носит стилистически нейтральный или же просторечный характер. Как нейтральные к ней примыкают укоренившиеся в НИА языках заимствования из персидского и общеупотребительные англицизмы. Все это — принадлежность в первую очередь устно-разговорного стиля. Широкое использование санскритизмов придает языку подчеркнуто книжный характер, а устной речи сообщает высокопарность. В урду то же самое относится к арабизмам. Злоупотребление англицизмами нетерминологического характера ведет к жаргонизации речи.

Принципы словообразования

Основными продуктивными способами словообразования, кроме конверсии, в НИА языках служат деривация (аффиксация) и словосложение, к которому здесь примыкают различные парные сочетания и повторы. Нужно отметить, что, обращаясь к словообразованию, исследователь НИА языков сталкивается с целым рядом неразрешенных проблем. Это обусловлено как общей слабостью разработки вопроса, так и нечеткостью основных исходных понятий, в первую очередь такого, как слово, границы которого до сих пор не нашли

однозначного определения. Принятие даже чисто внешнего рабочего критерия, опирающегося на графику, здесь затрудняется неустойчивостью орфографических норм, в частности непоследовательностью выбора слитного или раздельного написания некоторых сочетаний.

Аффиксация

Под аффиксацией здесь понимается тип словообразования, выражающийся в сочетании корневой морфемы с деривационной, не имеющей в данном языке на современном этапе самостоятельного лексического употребления. С точки зрения их исторической этимологии характерные деривационные морфемы (аффиксы) в современных НИА языках могут быть разделены на первичные, не соотносимые с какими-либо корневыми морфемами, и вторичные, развившиеся на основе начальных или конечных компонентов словосложений, преимущественно заимствованных из других языков (санскрита, персидского). Эти компоненты, являющиеся для исконных языков корневыми морфемами, в заимствующих языках перешли в класс деривационных, ср., например, суффиксы имен места: *-ālay* (<скр. *alaya* 'жилище') и *-khāna* (<перс. *xāna* 'дом'); суффикс деятеля, обладателя и относительного прилагательного *-dār* (<перс. *dār* — основа настоящего времени глагола *dāstan* 'иметь') и др. Аффиксы подобного типа в ряде работ, посвященных НИА языкам, получили наименование словосуффиксов [Бархударов I, 17; ср. Быкова I, 43, и др.].

Префиксация в системе НИА именного словообразования малопродуктивна. В словообразовании северноиндийского глагола префиксация вообще не используется. Именному словообразованию каждого из НИА языков присущи небольшие группы первичных префиксов, как собственно НИА, так и заимствованных, которые несут значение отрицания. В отдельных языках могут быть выделены единичные малопродуктивные префиксы с иными значениями — почти все они относятся к группе вторичных.

Суффиксация, напротив, является весьма активным средством современного именного словообразования. Набор суффиксов, как первичных, так и вторичных, во всех НИА языках достаточно велик. Среди первичных суффиксов, относящихся к различным этимологическим группам (собственно НИА, санскритской, персидско-арабской), наибольшей продуктивностью обладают суффиксы абстрактных понятий и относительных прилагательных, а также имен деятеля, обладателя, места и некоторые другие.

Круг продуктивных первичных суффиксов может быть заметно расширен за счет тех заимствованных деривационных морфем, которые используются при новом терминотворчестве в развитых литературных НИА языках путем сочетания с заимствованными же корневыми морфемами, осуществляемого в полном соответствии с исходной иноязычной (здесь обычно санскритской) деривационной моделью. Однако в принципе такие случаи трудно признать входящими в НИА систему. Более естественно смыкаются с последней так называемые неправильные иноязычные образования, в частности псевдосанскритизмы, построенные на базе санскритских морфем, но с отступлениями от исходных моделей [Бархударов II, 53—58; Бархударов I, 33—37].

Как первичные, так и вторичные деривационные морфемы сочетаются в первую очередь с генетически однородными им корневыми морфемами (т. е. собственно НИА — с собственно НИА, санскритские — с санскритскими, персидско-арабские — с персидско-арабскими). Наряду с этим получают распространение и смешанные («гибридные») образования, которые могут рассматриваться как свидетельства полной ассимиляции той или иной группы деривационных или корневых морфем [Бескровный I].

К собственно суффиксальным именным словообразовательным типам в центральных и западных НИА языках примыкают сочетания с атрибутивным послелогом (см. табл. 19), которые замещают здесь относительные прилагательные (в восточных НИА в этой функции выступает форма родительного падежа существительных). Хотя по структурному типу такие образования совпадают с послеложными сочетаниями, характером словоизменения они коренным образом отличаются от последних, смыкаясь с согласуемыми прилагательными⁶⁴. Вопрос о месте атрибутивного послелога в системе того или иного НИА языка в свете его соотношения с реляционными и деривационными морфемами заслуживает тщательного изучения. В хинди структура сочетаний с послелогом *kā*, с одной стороны, и производных прилагательных с деривационными морфемами относительности (или обладания) *-vālā* и *-dār* — с другой, идентична: в последнем случае, как и в первом, корневая морфема принимает, когда это допускается словоизменительной нормой, реляционный аффикс косвенного падежа единственного или, реже, множественного числа [Бескровный I, 140]. Сходное положение в центральных и западных НИА языках занимают и так называемые частицы сравнения (х. *sa* и ей соответствующие), причисляемые некоторыми авторами к деривационным морфемам [Баранников IV, 147—148].

В системе глагольного словообразования в отличие от именного суффиксация не играет значительной роли. Как суффиксальные словообразовательные типы могут трактоваться, с одной стороны, каузативные (во всех НИА языках), а с другой — пассивные (в синдхи, панджабском, непальском, диалектах раджастан и др.) и пассивно-потенциальные (в гуджаратском, маратхском) глаголы. Однако сколько-нибудь существенная продуктивность этих типов в современных НИА языках сомнительна, поскольку пополнение самого класса глаголов ныне идет в них преимущественно за счет словосложения.

Словосложение

Словосложение в НИА языках представляет собой весьма продуктивный способ словообразования.

Именное словосложение в НИА языках следует тем же основным типам, которые существовали в ДИА языках — копулятивному, детерминативному и атрибутивному (см. выше, стр. 131). Следует иметь в виду, что часть сложных слов этих типов заимствована НИА языками в готовом виде из санскрита и персидского и построена по словообразовательным моделям этих языков. Включать их в систему НИА словообразования было бы неправомерным. Собственно НИА образования этого рода распадаются на две группы: сравнительно ог-

⁶⁴ На это обстоятельство в свое время обращали внимание Х. Лассен и С. Келлог [Kellogg, 101] а позднее Ж. Блок [Bloch II, 181—183]. А. И. Баранников определил соответствующий послелог в хинди как «адъективирующий», т. е. «обращающий существительное в прилагательное» [Баранников IV, 38].

раниченную группу старых двучленных образований преимущественно на базе исконных НИА морфем, где спаянность обоих компонентов в одном слове подтверждается не только устойчиво слитным их написанием, но также и отражением в орфографии тех фонетических изменений (в первую очередь сокращения долгих гласных), которые претерпевает в сложениях первый их компонент (ср. выше, стр. 176).

Значительно менее отчетливо выражена формальная лексическая целостность новых двучленных и многочленных образований, опирающихся не только на исконные НИА морфемы, но в очень большой мере и на заимствованные из санскрита. Соположение имен существительных (равных корневой морфеме или производных от нее) в соответствии с моделью сложного слова детерминативного типа служит одним из наиболее продуктивных путей современного терминотворчества в НИА языках. От соответствующей синтаксической конструкции оно отличается отсутствием формального выражения подчинения — падежных аффиксов или послелогов, например: х. *ghaṭ-nā-śṛṅkhālā* и *ghaṭnāḍ kī śṛṅkhālā* 'цепь событий'.

Потенциальная многочисленность таких образований, относительная широта сочетаемости компонентов, возможность во многих случаях параллельного употребления «оформленных» синтаксических конструкций заставляют усматривать здесь наряду с чисто словообразовательной (лексической) моделью еще и зачатки синтаксической модели «неоформленного» подчинения (по типу S¹ S², ср. стр. 251), подобной той, которая получила широкое развитие в классическом санскрите. Ввиду отсутствия формальной методики анализа рассматриваемых образований, полностью учитывающей парадигматические и синтагматические признаки в их совокупности, граница между обеими моделями, т. е. между сложным словом и словосочетанием, остается крайне нечеткой, и решение вопроса об интерпретации тех или иных образований (что весьма существенно, например, при составлении словарей) практически зависит от частных обстоятельств, ср., например: б. *utpādanśakti* 'производительность' и б. *utpādaner śakti* 'производительные силы', но х. *utpādan-śakti* 'производительные силы' и 'производительность'.

Аналогичным образом круг копулятивных сложных слов сильно расширяется за счет так называемых парных сочетаний и различных повторов (синонимических, тавтологических, аллитерационных), особенно распространенных в народно-разговорных подсистемах НИА языков и придающих речи эмоциональную окраску [Баранников II, 71—90; Баранников I, 249—266; ср. Катенина IV, 36—38]. Границы использования повтора как словообразовательного и синтаксического (например, дистрибутивного: х. *sab apne apne ghar gaye* 'все разошлись по своим домам') средства пока не нашли четкого определения.

Характерной чертой всех НИА языков является широкое распространение словосложения в системе глагола, где оно служит ныне основным способом нового словопроизводства. Здесь различаются глагольно-именные (отыменные глаголы) и чисто глагольные (сложно-вербальные) образования.

Образование отыменных глаголов способом аффиксации малопродуктивно в литературных НИА языках. Это особенно четко видно на заимствованной лексике. В урду, например, отмечено всего 55 простых глаголов (включая и производные от них — каузативные), образовавшихся от заимствованных персидских и арабских именных и глагольных основ за всю многовековую историю контактов с этими

языками, тогда как лексика, принадлежащая к именным классам, заимствовалась оттуда практически неограниченно [Клягина-Кондратьева, 471—482]. Единицами исчисляются простые глаголы, образованные от санскритских основ в хинди и других НИА языках. В какой-то степени исключением служат диалектные подсистемы, где отмечены относительно заметные группы глаголов, образованных от именных основ (преимущественно исконных НИА) способом аффиксации [Чернышев III, 48 сл.]. Как правило же, отыменные глаголы образуются сочетанием имени существительного или прилагательного с глаголами, имеющими значения «быть», «дсделать» и, реже, некоторыми другими. Это основной путь пополнения класса глагола производными от заимствованных основ. Как и в случаях со сложными именными новообразованиями, здесь встает проблема разграничения сложных слов и словосочетаний. Поиски методики противопоставления отыменного глагола синтаксической глагольной конструкции с подчинительной связью ведутся путем анализа типов управления, диктуемых такими сочетаниями, и их трансформаций [Давидова, 213 сл.; Чернышев I, 166 сл.].

Среди сложновербальных глаголов выделяется такой весьма характерный для НИА языков словообразовательный тип, как так называемые интенсивные глаголы. Структурно они представляют собой сочетание неизменяемой формы (чаще всего равной деепричастию или основе) смыслового глагола, несущего основное лексическое значение, с любой предикативной или непредикативной формой служебного глагола (даются закрытым списком), являющегося носителем грамматической информации и одновременно вносящего те или иные ограничения или уточнения в значение смыслового. Функция последних весьма сходна с функцией русских приставок [Бараников III, 63 сл.].

Другие типы сложных глагольных сочетаний, обычно определяемые как комплетивные, потенциальные, дуративные, прогрессивные и т. п., образуясь каждый, как правило, с помощью какого-либо одного вспомогательного глагола и отличаясь высоким универсализмом, носят более выраженный формальный характер. Определение их места в системе каждого НИА языка заслуживает специальных исследований. Так, например, выводы В. М. Бескровного, рассмотревшего дуративные глаголы хинди, дают основания считать данное образование скорее реляционным, чем деривационным [Бескровный II, 81 сл.].

СИНГАЛЬСКИЙ ЯЗЫК

Сингальский язык занимает особое место в семье индоевропейских языков. В течение ряда столетий он развивался изолированно от родственных ему индоарийских языков и в непосредственном соприкосновении с дравидийскими языками (прежде всего тамильским), что нашло отражение в лексике, морфологии и синтаксисе современного сингальского языка.

В результате такой изоляции сингальский язык постепенно утратил многие черты сходства с другими новыми индоарийскими языками, так что современным исследователям уже трудно соотнести его генетически с какой-то определенной группой новоиндийских языков: западной, центральной, восточной или южной (ср. выше, стр. 145—146).

На сингальском языке говорит примерно 70% населения Шри Ланка — около 8 млн. человек. Распространен он более или менее равномерно на территории всей страны, за исключением Северной и Восточной провинций, являющихся преимущественно тамильскими районами.

Этнографически сингалы подразделяются на равнинных, живущих в основном в прибрежных районах острова, и нагорных. Дialeктные различия в языке равнинных и нагорных сингалов незначительны и касаются главным образом лексики. В целом же сингал из прибрежного района без труда понимает своего соотечественника из глубинных частей Шри Ланка, и о диалектах в сингальском языке можно говорить чисто условно.

Несколько обособлен родийский язык Шри Ланка, называемый отдельными исследователями диалектом сингальского языка. По сути дела, это социальный диалект или жаргон представителей самых низших слоев общества, кастовых изгоев, которые намеренно стремились сделать свой язык непонятным для окружающих.

Разговорная сингальская речь значительно отличается от твердо нормированного литературного или письменного языка. Отличия эти касаются не только и не столько лексики, сколько морфологии и синтаксиса. Как правило, живая разговорная речь не признает громоздких грамматических конструкций, характерных для литературного языка, и стремится к упрощению.

До завоевания Шри Ланка независимости сингальский язык занимал в стране подчиненное положение по отношению к английскому языку, более 150 лет являвшемуся государственным языком. В июне 1956 г. сингальский язык получил статус государственного языка.

Сингальский язык имеет очень древнюю историю, насчитывающую примерно два с половиной тысячелетия. Первые из дошедших до нас письменных памятников представляют собой наскальные надписи, древнейшие из которых датируются III в. до н. э. и относятся ко времени проникновения буддизма на Шри Ланка. В дальнейшем развитие письменности на острове также было неразрывно связано с буддизмом. Примерно до XIX в. литературная деятельность была сосредоточена в руках буддийских монахов.

С начала XX в. быстрыми темпами развивается современная сингальская литература, родоначальниками которой были такие крупные писатели, как П. Сирисена, В. А. Сильва и М. Викрамасинге.

Самой древней сингальской грамматикой является «Сидат-сан-

гарава» («Сборник правил»), написанный в XIII в. В нем была предпринята первая попытка систематизации сведений о языке. В последующее время ряд интересных работ по фонетике, лексике и грамматике сингальского языка был написан в средневековых буддистских монастырях. Однако детальное, подлинно научное изучение сингальского языка началось только во второй половине XIX в. и было связано с деятельностью Д. де Алвиса, Ч. Картера, В. Гайгера. В 1891 г. А. М. Гунасекара опубликовал подробную грамматику сингальского языка. В конце XIX — начале XX в. Ч. Картер провел большую лексикографическую работу по созданию сингальско-английского и англо-сингальского словарей, которые не утратили своего значения по настоящее время.

ФОНЕТИКА

Система звуков сингальского языка в основном сходна с фонетическими системами других новоиндийских языков (табл. 1 и 2).

Ударение в сингальском языке является тоническим и изучено слабо.

Таблица 1

Гласные

Гряд Подъем	Неогубленные		Огубленные
	передний	средний	задний
Высокий	i, ī		u, ū
Средний	e, ē, ai		o, ō, au
Низкий	ā, ȁ	a, ȁ	

Таблица 2

Согласные

По способу образования			По месту образования					
			губные	переднеязычные		среднеязычные	зднеязычные	фарингальные
				дорсальные и апикальные	ретрофлексные			
Шумные	смычные	глухие	p, ph	t, th	ʈ, ʈh		k, kh	
		звонкие	b, bh	d, dh	ɖ, ɖh		g, gh	
	аффрикаты	глухие				c, ch		
		звонкие				j, jh		
	щелевые			s	ʂ	ʃ		h
Сонанты	смычные носовые		m, m̃	n, ñ	ɳ	ɳ̃	ɳ̃	
	щелевые и дрожащие		v	ɾ, l	ɽ	y		

ГРАФИКА

Современный сингальский алфавит происходит от южноиндийского письма грантха (восходящего к брахми) и был введен в употребление в начале II тысячелетия н. э., на средневековой стадии развития языка. Как большинство индийских систем письма, сингальский алфавит является слоговым. Буквы идут слева направо.

Сингальский алфавит состоит из 51 буквы: 15 гласных и 36 согласных (табл. 3 и 4).

Таблица 3

Гласные

අ a	ආ ā	ඇ ă	ඈ ǣ	ඌ i	ඹ ī	උ u	ඌ ū
සා ɾ	එ e	ඒ ē	ඹ ai	ඔ o	ඔ ɔ	ඹා au	

Таблица 4

Согласные

ක ka	ඬ kha	ග ga	ඝ gha	ඬ na
ච ca	ඡ cha	ජ ja	ඣ jha	ඤ ña
ට ɟa	ඨ ɟha	ඩ ɖa	ඪ ɖha	ණ ña
ත ta	ථ tha	ද da	ධ dha	න na
ප pa	ඵ pha	බ ba	භ bha	ම ma
ය ya	ර ra	ල la	ව va	
ශ śa	ෂ ṣa	ස sa	හ ha	ඌ ḷa
				ඹ ḥ

Гласные после согласных выступают в иной, упрощенной форме (табл. 5).

Таблица 5

ක ka	කා kā	කැ kǎ	කෑ kǣ	කි ki	කී kī	කු ku	කූ kū
කෘ kṛ	කෙ ke	කේ kē	කෙ කෘ kṛ	කො ko	කෝ kō	කො කෘ kṛ	
ම ma	මා mā	මැ mǎ	මෑ mǣ	මි mi	මී mī	මු mu	මූ mū
මෘ mṛ	මෙ me	මේ mē	මෙ මෘ mṛ	මො mo	මෝ mō	මො මෘ mṛ	

МОРФОЛОГИЯ

В сингальском языке различаются следующие части речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, послелог, частицы и междометия.

Существительное

Существительное в сингальском языке имеет категории рода, числа и падежа.

Род. В сингальском языке различаются три рода: мужской, женский (одушевленные существительные) и средний (неодушевленные существительные).

Отличительными морфемами существительных мужского рода являются *-uā*, *-vā*, *-ā*, женского — *-a*, *-i* и среднего — *-ua*, *-va*, *-a*, например: *goviyā* 'крестьянин' (м. р.), *vaḍuvā* 'плотник' (м. р.), *ballā* 'пес' (м. р.), *eḷadēna* 'корова' (ж. р.), *bāḷalī* 'кошка' (ж. р.), *mēsaṃ* 'стол' (ср. р.), *puṭuva* 'стул' (ср. р.), *gama* 'деревня' (ср. р.).

Число. В сингальском языке различаются единственное и множественное число. Форма множественного числа зависит от типа основы существительного и образуется путем присоединения соответствующего показателя к основе (табл. 6).

Таблица 6

Существительное	Русские значения	Тип основы	Единственное число	Множественное число
<i>miyā</i>	'мышь'	<i>miy-</i>	<i>-ā</i>	<i>-ō</i>
<i>strī(y)a</i>	'женщина'	<i>strī-</i>	<i>-(y)a</i>	<i>-(y)ō</i>
<i>minisā</i>	'человек'	<i>minis-</i>	<i>-a</i>	<i>-(s)u</i>
<i>miturā</i>	'друг'	<i>mitur-</i>	<i>-a</i>	<i>-u</i>
<i>ammā</i>	'мать'	<i>ammā-</i>	<i>-ō</i>	<i>-varu</i>
<i>puṭuva</i>	'стул'	<i>puṭu-</i>	<i>-va</i>	<i>-ō</i>
<i>poṭa</i>	'книга'	<i>poṭ-</i>	<i>-a</i>	<i>-ō</i>
<i>raṭa</i>	'страна'	<i>raṭ-</i>	<i>-a</i>	<i>-val</i>
<i>kaṇḍa</i>	'гора'	<i>kaṇḍ-</i>	<i>-a</i>	<i>-u</i>

Падеж. У одушевленных существительных различаются один общий падеж в единственном числе и два падежа — именительный и винительный — во множественном числе с послелогам и без них (в значении винительного падежа). Винительный падеж множественного числа строится путем присоединения к основе морфем *-an*, *-uan*, *-in*, *-varin*. Послелог употребляется с формой общего падежа в единственном числе и с формой винительного падежа во множественном: *ballā* 'пес', *ballā* 'пса' (вин. пад.), *ballāṭa* 'псу' (дат. пад.), *ballō* 'псы', *ballan* 'псов', *ballanṭa* 'псам'; *ammā* 'мать', *ammā* 'мать' (вин. пад.), *ammāṭa* 'матери' (дат. пад.), *ammāvaru* 'матери' (им. пад. мн. ч.), *ammāvarin* 'матерей', *ammāvarinṭa* 'матерям'.

У неодушевленных существительных имеются четыре падежа: именительный, винительный, местно-родительный и отложительный. Формы винительного падежа в единственном числе совпадают с формами именительного падежа, во множественном они равны основе плюс морфема *-val*. Форма местно-родительного падежа образуется от основы присоединением суффикса *-ē* для единственного числа и суффикса *-vala* для множественного числа. Формы отло-

жительного падежа образуются от основы присоединением суффикса *-en* для единственного числа и суффикса *-valin* для множественного числа: *puṭuva* 'стул', *puṭuva* 'стул' (вин. пад.), *puṭuvē* 'стула', *puṭuven* 'стулом', *puṭu* 'стулья', *puṭival* 'стулья' (вин. пад.), *puṭivala* 'стульев', *puṭivalin* 'стульями'; *gata* 'деревня', *gata* 'деревню', *gamē* 'деревни', *gamen* 'деревней', *gam* 'деревни' (им. пад. мн. ч.), *gamval* 'деревни' (вин. пад. мн. ч.), *gamvala* 'деревень', *gamvalin* 'деревнями'.

Неопределенная форма. Одушевленные существительные образуют неопределенную форму присоединением к основе морфемы *-ek* (вин. пад. *-eku*), неодушевленные — морфемы *-[a]k* (местн.-род. пад. *-ka*, отложит. пад. *-kin*). Неопределенная форма употребляется только в единственном числе.

Прилагательное

Отличительной чертой сингальских прилагательных является то, что они не изменяются по родам, числам и падежам, например: *loku minisā* 'большой человек', *loku kikilī* 'большая курица', *loku gata* 'большая деревня', *loku minissu* 'большие люди', *loku pot* 'большие книги', *loku kaṇḍunvalin* 'большими горами'.

Формы сравнительной и превосходной степеней выражаются описательно.

Числительное

В сингальском языке различаются два разряда числительных — количественные и порядковые.

Количественные числительные строятся следующим образом:

1 — <i>eka</i>	18 — <i>dahaaṭa</i>
2 — <i>deka</i>	19 — <i>dahanamaya</i>
3 — <i>tuna</i>	20 — <i>vissa</i>
4 — <i>hātara</i>	21 — <i>visieka</i>
5 — <i>paha</i>	30 — <i>tiha</i>
6 — <i>haya</i>	40 — <i>hataṭiha</i>
7 — <i>hata</i>	50 — <i>paṇaha</i>
8 — <i>aṭa</i>	60 — <i>hāṭa</i>
9 — <i>namaya</i>	70 — <i>hāṭṭāva</i>
10 — <i>dahaya</i>	80 — <i>asuva</i>
11 — <i>ekoḷoha</i>	90 — <i>anūva</i>
12 — <i>doḷoha</i>	100 — <i>siyaya</i>
13 — <i>dahātuna</i>	143 — <i>ekasiyahataḷistuna</i>
14 — <i>dahahātara</i>	200 — <i>desiyaya</i>
15 — <i>pahaḷoha</i>	1000 — <i>dahasa</i>
16 — <i>dahasaya</i>	100 000 — <i>lakṣaya</i>
17 — <i>dahahata</i>	10 000 000 — <i>kōṭiya</i>

Порядковые числительные образуются от основ количественных числительных присоединением морфемы *-veni*, например: *deveni* 'второй', *tuṇveni* 'третий', *visiveni* 'двадцатый'; исключение *paḷamiveni* 'первый'.

Местоимение

В сингальском языке различается семь разрядов местоимений: личные, притяжательные, указательные, вопросительные, возвратные, определительные и неопределенные.

Личные местоимения различают лицо (1-е, 2-е, 3-е), число (единственное, множественное), падеж (именительный и винительный) и во 2-м и 3-м лице — род (мужской, женский и средний в единственном числе и эпиценовый и средний — во множественном) (табл. 7).

Таблица 7

Лицо, число и род Падеж	1-е лицо		2-е лицо				3-е лицо				
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.		мн. ч.	ед. ч.			мн. ч.		
			м. р.	ж. р.		м. р.	ж. р.	ср. р.	эп. р.	ср. р.	
Именительный	<i>tama</i>	<i>api</i>	<i>tō</i>	<i>tī</i>	<i>topi umbalā</i>	<i>hē ohu</i>	<i>ā</i>	<i>ū</i>	<i>ovhu</i>	<i>ūlā</i>	
			<i>umba</i>		<i>oba</i>	<i>hetema</i>					
Винительный	<i>ma</i>	<i>apa</i>	<i>ta tā</i>	<i>ti</i>	<i>topa umbalā</i>	<i>ohu</i>	<i>ā</i>	<i>ū</i>	<i>ovun</i>	<i>ūlā</i>	
	<i>mā</i>		<i>umba</i>		<i>oba</i>						

Притяжательные местоимения. В сингальском языке в роли притяжательных местоимений выступают формы винительного падежа личных местоимений в сочетании с послелогом *ge* (см. стр. 280):

mage 'мой'
togē, umbagē 'твой'
ohugē 'его' (м. р.)
āgē 'ее' (ж. р.)
ūgē 'его' (ср. р.)

apē (apagē) 'наш'
topagē, umbalāgē 'ваш'
obagē 'Ваш'
ovūngē 'их' (эп. р.)
ūlāgē 'их' (ср. р.)

Указательные местоимения: *mē* 'этот', *ē*, *ara* 'тот', *anik*, *vena* 'другой', *evāni* 'такой'.

Вопросительные местоимения: *kava* 'кто', 'какой', 'который'; *koyi*, *tona* 'какой', 'который'.

Возвратные местоимения: *tama*, *svayam* 'сам', *siya* 'свой'.

Определительные местоимения: *mulu* 'целый', 'весь', *siyalu*, *hāta* 'каждый', 'всякий'.

Неопределенные местоимения: *ātām*, *samahara* 'некоторый', *yam kisi* 'кто-нибудь', 'что-нибудь', *kīpa* 'несколько'.

Глагол

Глагол в сингальском языке имеет категории наклонения (изъявительное, повелительное, желательное), времени (настоящее, прошедшее, будущее), числа (единственное, множественное), лица (1-е, 2-е, 3-е) и рода (женский и общий). По отношению к объекту действия глаголы делятся на переходные и непереходные.

Неличные формы

Неличные формы сингальского глагола включают инфинитив, причастия, деепричастия, условное деепричастие и глагольное имя.

Инфинитив

В сингальском языке инфинитив является исходной (словарной) формой, служащей для образования всех других глагольных форм. Инфинитив характеризуется морфемой *-nava*, прибавляемой к основе глагола, например: *uavanā* 'идти', 'уходить'.

Причастие

Различаются причастия настоящего и прошедшего времени.

Причастие настоящего времени образуется от глагольной основы прибавлением морфемы *-na*, например: *liyana* 'пишущий', *kiyana* 'говорящий'.

Причастие прошедшего времени образуется от глагольной основы в соответствии с типом спряжения глагола, которых различается три.

К первому типу спряжения относятся переходные и непереходные глаголы с основой на *-a*. При образовании форм причастия прошедшего времени первый гласный основы изменяется по типу *a > ā*, *u > ī*, *o > e*, а конечный гласный изменяется в *u*, например:

Инфинитив	Основа	Причастие прошедшего времени
<i>balanavā</i> 'смотреть'	<i>bala-</i>	<i>bālu</i>
<i>duvanavā</i> 'бежать'	<i>duva-</i>	<i>divu</i>

Ко второму типу спряжения относятся глаголы с *-i* в качестве конечного гласного основы. При образовании форм причастия прошедшего времени первый гласный основы изменяется так же, как у глаголов первого типа, а конечный переходит в *-a*, например:

Инфинитив	Основа	Причастие прошедшего времени
<i>basinava</i> 'садиться'	<i>basi-</i>	<i>bāsa</i>

К третьему типу спряжения относятся непереходные глаголы с *-e* в качестве конечного гласного основы. Причастия прошедшего времени у глаголов этого типа образуются от основы путем опущения конечного гласного и присоединения показателя *-uni* к основе, например:

Инфинитив	Основа	Причастие прошедшего времени
<i>mārenavā</i> 'умирать'	<i>māre-</i>	<i>māruni</i>

Деепричастие

В сингальском языке различаются деепричастия настоящего и прошедшего времени. Деепричастие настоящего времени образуется от глагольной основы прибавлением морфемы *-min*:

Инфинитив	Основа	Деепричастие настоящего времени
<i>duvanavā</i> 'бежать'	<i>duva-</i>	<i>duvamin</i>
<i>panīnavā</i> 'прыгать'	<i>panī-</i>	<i>panimin</i>

Сочетанием деепричастия настоящего времени с инфинитивом глагола *siṭṭinavā* 'быть' образуются сложные глаголы со значением многократности, повторяемости и т. д., например: *liyamin siṭṭinavā* 'постоянно писать'.

Деепричастие прошедшего времени образуется от глагольной основы при помощи нулевого показателя или путем опущения конечного гласного основы и присоединения показателя *-ilā*, например:

Инфинитив	Деепричастие прошедшего времени]
<i>duvanavā</i> 'бегать'	<i>duva</i>
<i>mārenavā</i> 'умирать'	<i>mārīlā</i>

Сочетанием деепричастия прошедшего времени и некоторых вспомогательных глаголов типа *gacṇavā* 'брать', *deṇavā* 'давать' и других образуются сложные глаголы со значением завершенности или направленности действия, например: *kara gacṇavā* 'сделать (для себя)', *kara deṇavā* 'сделать (для другого)'.

Условное деепричастие

Условное деепричастие образуется от основы при помощи морфем *-ta*, *-tot* или от причастия прошедшего времени при помощи морфем *-ot*, *-hot* например:

Инфинитив	Основа	Условное деепричастие
<i>balanavā</i> 'смотреть'	<i>bala-</i>	<i>balatot</i> , <i>bālīhot</i> 'если (бы) посмотрел'
<i>karanavā</i> 'делать'	<i>kara-</i>	<i>karatot</i> , <i>kalot</i> 'если (бы) сделал'

Причастное имя

Причастное имя образуется от основы при помощи морфем *-iṇā* для причастных имен мужского рода и *-ṇī* — женского рода, например: *karaṇṇī* 'деятель', *liyaṇṇī* 'писательница'.

Глагольное имя

Глагольное имя в сингальском языке образуется при помощи морфем *-īta*, *-ita*, присоединяемых к основе глагола, утерявшего свой конечный гласный; при этом первый гласный основы подвергается чередованию по типу *a > ā*, *u > ī*, *o > e*, например:

Инфинитив	Основа	Глагольное имя
<i>balanavā</i> 'смотреть'	<i>bala-</i>	<i>bālīta</i>
<i>reṇenavā</i> 'видеться, казаться'	<i>reṇe-</i>	<i>reṇīta</i>

Особая группа неправильных глаголов образует свои неличные формы не по правилам. Ниже даются формы четырех неправильных глаголов (всего их насчитывается более десяти) (табл. 8).

Таблица 8

Инфинитив	Причастие настоящего времени	Причастие прошедшего времени	Деепричастие настоящего времени	Деепричастие прошедшего времени	Глагольное имя
<i>karanaṇā</i> 'делать'	<i>karana</i>	<i>kaḷa</i>	<i>karamin</i>	<i>karalā</i> <i>koḷa</i>	<i>kirīma</i>
<i>veṇaṇā</i> 'быть', 'становиться'	<i>veṇa</i> <i>vaṇa</i>	<i>vū</i>	<i>vemin</i>	<i>vī</i> <i>velā</i>	<i>vīma</i>
<i>yaṇaṇā</i> 'идти', 'уходить'	<i>yaṇa</i>	<i>gīya</i>	<i>yamin</i>	<i>gos</i> <i>gihin</i>	<i>yāma</i>
<i>eṇaṇā</i> 'приходить'	<i>eṇa</i>	<i>ā</i>	<i>emin</i>	<i>āvin</i> <i>āvillā</i>	<i>ēma</i>

Личные формы

Сингальский глагол имеет три наклонения: изъявительное, повелительное и желательное.

Изъявительное наклонение

В изъявительном наклонении сингальский глагол имеет три времени: настоящее, прошедшее и будущее.

Формы настоящего времени образуются от основы прибавлением следующих личных окончаний:

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>-mi</i>	<i>-mi</i>
2-е л.	<i>-hi</i>	<i>-hu</i>
3-е л.	<i>-yi</i>	<i>-ti</i>

например: *tama karami* 'я делаю', *ovhu karati* 'они делают'

При построении форм прошедшего времени различаются разговорные формы, не изменяющиеся по лицам и числам, и формы, различающие лицо и число. Формы разговорного прошедшего времени образуются от причастий прошедшего времени путем опущения конечного гласного и присоединения морфем *-vā*, *-ya*, *-ṇa*, *-nā*, *-ā*, например: *ohu bālvā* 'он посмотрел', *ā siṭiyā* 'она жила', *maṭa pepiṇā* 'мне показалось', *pota tibunā* 'книга имелась', *tama kaḷa* 'я сделал' (разг.), *tama kaḷemi* 'я сделал' (личн.), *api kaḷā* 'мы сделали' (разг.), *api kaḷeti* 'мы сделали' (личн.).

Формы будущего времени образуются присоединением личных окончаний к формам причастных имен, например: *tama karaṇṇeti* 'я буду делать', *api karaṇṇeti* 'мы будем делать'.

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение образуется путем присоединения морфемы *-нна* к глагольной основе, например: *balanna* 'смотри(те)', *ka-ganna* 'делай(те)'.

Отрицательные формы повелительного наклонения строятся с помощью слова *erā* 'не нужно', 'нельзя', например: *uanna erā* 'не ходите'.

Желательное наклонение

Желательное наклонение образуется путем присоединения морфемы *-vā* к усеченным формам настоящего времени, например: *tama karamvā* 'пусть я сделаю', *ovhi karatvā* 'пусть они сделают'.

Наречие

Наречия в сингальском языке образуются от именных основ при помощи показателей *-lesa*, *-se*, *-kola*, *-va*, *-viṭa*, например: *nisilese* 'соответственно'.

В функции наречий могут также выступать имена в именительном падеже (например: *ṭikak* 'немного') и деепричастия некоторых глаголов (например: *duvaduva* 'бегом').

Послелог

По происхождению в сингальском языке различаются именные и глагольные послелог.

К именным послелогам относятся:

visin 'посредством', 'с помощью', 'через' — выражает значение орудийности, например: *aṇḍuva visin* 'с помощью правительства';

gē — выражает значение принадлежности, например: *tāttāgē pota* 'книга отца';

ṭa — выражает значение направления или косвенного объекта действия, например: *maṭa denna* 'дай мне';

gen — выражает значение отложительности, например: *ohugen ganna* 'возьми у него';

pasu 'после', 'спустя', например: *masakin pasu* 'спустя месяц';

saṇḍaha 'для', 'ради', 'в целях', например: *sāmaya saṇḍaha sa-ṭan karanavā* 'бороться за мир'.

К глагольным послелогам относятся:

ḍakvā 'вплоть', 'до', например: *heṭa ḍakvā* 'до завтрашнего дня';

siṭa 'начиная с', например: *viplavayē siṭa* 'начиная с революции';

gāna 'о', 'об', например: *pota gāna* 'о книге'.

Частицы

В сингальском языке употребляются утвердительная частица *ov*, отрицательная частица *nā* и эмфатическая частица *ma*, например: *ov*, *tama karami* 'да, я делаю'; *nā ohṭi karanne nā* 'нет, он не делает'; *maṭu rusiyāvēma* 'во всей России'.

Кроме того, в сингальском языке имеется частица *da*, в одних случаях выполняющая функцию вопросительной частицы, а в других — соединительного слова, например: *gama uṇavāda?* 'вы поедете домой?'; *tāttāda tamada giya* 'отец и я ушли'.

Междометия

В сингальском языке различаются следующие междометия:

- anna* 'эй!' — употребляется при обращении;
auyū 'увы!', 'oi' — выражает горе, сожаление, раскаяние;
ahō 'o!' — выражает печаль, тревогу;
anē 'oi', 'эй!' — используется при обращении, а также выражает горе, скорбь, печаль.

СИНТАКСИС

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Подлежащее

Подлежащее в сингальском языке может быть выражено:

- 1) именем существительным: *govīyā gamēhi jīvat veuī* 'крестьянин живет в деревне';
- 2) субстантивированным прилагательным: *suddō apaṭa prahāra dunnōya* 'белые напали на нас';
- 3) местоимением: *api iskōlaye igena ganīmi* 'мы учимся в школе';
- 4) числительным: *dedenna āvōya* 'двое пришли';
- 5) глагольным именем: *dum bīma taṇanam* 'курить воспрещается';
- 6) причастным именем: *kātā karannā nāvātuneya* 'говорящий остановился'.

Сказуемое

Сказуемое в сингальском языке может быть выражено глаголом в личной форме (*api idiriyāta yami* 'мы идем вперед') и именем, включая местоимение и числительное (*laṅkāva lassana rāṭaki* 'Шри Ланка красивая страна').

Второстепенные члены предложения

Прямое дополнение в сингальском языке обычно выражается формой имени в винительном падеже без послелога и предшествует глаголу-сказуемому, например: *tata minisun dakimi* 'я вижу людей'.

Косвенное дополнение выражается именными и склоняемыми глагольными формами в винительном падеже с послелогами или без них, например: *ohugen sallī ganna* 'возьми у него денег'.

Определение в сингальском языке стоит перед определяемым словом и может быть выражено:

- 1) основой имени: *kaṁkaru paṇṭiya* 'рабочий класс';
 - 2) существительным в местно-родительном падеже: *mēsāyē kakula* 'ножка стола';
 - 3) прилагательным: *hoṇḍa laṁayā* 'хороший мальчик';
 - 4) притяжательным местоимением: *apē kāmāraya* 'наша комната';
 - 5) причастием: *labana avurudda* 'будущий год', *giya minissu* 'ушедшие люди';
 - 6) глагольным именем: *ātul vīm patraya* 'входной билет'.
- Обстоятельство места выражается:
- 1) наречием: *meḥāṭa enna* 'иди сюда';
 - 2) именем в винительном падеже с послелогом или без него: *tata gamaṭa giya* 'я уехал в деревню'.

Обстоятельство времени выражается:

- 1) наречием: *tama heṭa yānavā* 'я уеду завтра';
- 2) именем с послелогом: *viplavayē siṭa tama etana jivat vuna* 'я там жил со дня революции';
- 3) причастием с послелогом: *mārtu vana viṭa* 'к марту'.

Обстоятельство причины выражается именем с послелогом: *tāttā nisā tama giyā* 'из-за отца я ушел'.

Обстоятельство цели выражается именем с послелогом или инфинитивом с послелогом *ṭa*, например: *sāmaya saṇḍahā api vāḍa karami* 'мы работаем для дела мира'; *ohu kaṇṭa giya* 'он пошел есть'.

Обстоятельство образа действия выражается:

- именем с послелогом: *hoṇḍaṭa igena ganna* 'учись хорошо',
деепричастием: *duvamin* 'бегая',
наречием: *cheta katā karanna* 'говорит так'.

Порядок слов в предложении

В сингальском языке, как и в других новоиндийских языках, имеется строго определенный порядок слов в предложении, при котором сказуемое ставится в конец предложения, а подлежащее предшествует сказуемому. Прямое и косвенное дополнения помещаются между подлежащим и сказуемым, причем прямое дополнение обычно более тяготеет к сказуемому и ставится непосредственно перед ним. Обстоятельства времени и места стоят, как правило, в начале предложения, впереди или после подлежащего. Все прочие обстоятельства ставятся перед словами, к которым они относятся.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Синтаксис сложного предложения сингальского языка характеризуется отсутствием союзов. Вследствие этого сложносочиненные предложения выступают обычно в форме бессоюзных предложений, например: *ira bāsseyā, vanāntarayē kiṣi śabdayak nāta, rā venṭa laṅgayi* 'Солнце село, в лесу ни звука, близится ночь'.

Сложноподчиненное предложение в сингальском языке представляет собой предложение с распространенным причастным оборотом, где субъект выступает в форме винительного падежа, например: *vāḍa ivara kaṭa viṭa tama nidā gaṇṭa giyā* 'Когда я кончил работу, я пошел спать'.

ДИАЛЕКТЫ ЦЫГАНСКОГО ЯЗЫКА

Современная индология еще не может с научной достоверностью установить:

- 1) первоначальный ареал кочевья или поселения тех этнических групп, которые явились основой цыганской народности;
- 2) этническую принадлежность цыган к тем или иным индийским этническим группам;
- 3) лингвистическую отнесенность к определенным среднеиндийским диалектам;
- 4) кастовую принадлежность или ремесленно-клановый род занятий их предков;
- 5) точные датировки выхода цыган из Индии;
- 6) причины выхода.

Бесспорно, однако, что цыганская народность, близкородственная индийцам, сложилась уже после того как предки цыган покинули Индию в конце I тысячелетия, первоначально оседая на территории Ирана и надолго задержавшись на восточной окраине Византийской империи, а в начале II тысячелетия на Балканском полуострове. потом в XIII—XV вв. распространились по Центральной, а в дальнейшем и по Западной и Восточной Европе.

Но существуют различные точки зрения и на то, считать ли цыган единой народностью, говорящей на различных диалектах единого языка, или рассматривать их как этнические группы, не образующие единой народности и говорящие на близкородственных языках.

В данном исследовании мы будем исходить из того, что те этнические группы, которые некогда осели на территории Средней Азии (значительно ассимилировавшиеся с иранским и тюркским населением: люли, афгон, мазанги), Ирана и Азербайджана (ассимилировавшиеся с иранцами: карачи), Кавказа (ассимилировавшиеся с армянами: боша), и др., представляют собой родственные этнически некогда индийские народности, ассимилировавшиеся с местным населением и воспринявшие их язык, обычаи и уклад. Поскольку они утратили свой язык (сохраняются лишь лексические элементы, чаще всего используемые в «тайном языке») и по образу жизни почти слились с местным населением, они уже не могут быть объединены под общим наименованием — цыгане. На этом основании цыганами можно назвать только тех, кто пользуется единым языком, хотя бы и распадающимся на резко различные диалектные группы, языком, который они сохранили, несмотря на то что находились более тысячелетия в окружении иноязычного населения. Помимо общности языка эта народность характеризуется, в той или иной степени, общностью национального самосознания, уклада, обычаев, ремесла и т. д., несмотря на различные вероисповедания, которые, как правило, зависят от вероисповедания окружающего местного населения.

Большинство исследователей цыганологов склонны считать первоначальным ареалом расселения этнических групп, из которых сложилась цыганская народность, Северо-Западную и Центральную Индию, не исключая частично и Северо-Восточную Индию.

Лингвистическая общность среднеиндийских языков и диалектов, на которых говорили этнические группы, представлявшие собой ядро цыганской народности, была значительно большей, чем это наблюдается в современных новоиндийских языках; различия между ними типологически были менее ощутимы. Однако исходные этнические

группы цыганской народности не были в диалектном отношении однородными.

Цыганский язык, сложившийся в условиях изоляции от близкородственной индоарийской языковой среды, относится к повоиндийским языкам индоевропейской семьи языков. Он сохраняет основной лексический фонд, восходящий к древнеиндоарийским языкам, и типологическую близость со среднеиндийскими и новоиндийскими языками. Однако некоторые процессы, намечавшиеся еще на стадии среднеиндийских языков, происходили и в цыганском языке:

1) упрощение фонетической системы: а) ослабление конечных согласных, приведшее к их исчезновению; б) оглушение звонких аспират $gh > kh$, $dh > th$, $bh > ph$; в) дезаспирация (или ослабление аспирации) $ch > c$, $th > t$, $bh > b$; г) децеребрализация $t > r$, $d > r$, $dh > r$, $s > s$, $st > st$; д) оглушение аффрикаты $j > c$; е) переход интервокального $m > v$; ж) переход аспират $kh > y$, $h > y$; з) частичный переход $ṣ$, $ṣ > s$; и) наличие протетических согласных v , y ;

2) разрушение старых морфологических форм; совпадение некоторых падежных форм; нарушение системы именного и местоименного склонения и появление отдельных вспомогательных слов для уточнения падежных отношений; тенденция к сведению ее к одному общему типу; утрата двойственного числа; возникновение противопоставления основы прямого падежа основе косвенных падежей; отсутствие у неодушевленных имен существительных форм винительного падежа, характерного только для одушевленных; отмирание сослагательного наклонения, сокращение системы форм прошедшего времени, появление сложных форм будущего времени, использование деепричастия в качестве наречия.

Поскольку цыгане представлены почти во всех странах Европы и Азии (в Азии — преимущественно в СССР), в Центральной, Северной и Южной Америке, на севере Африки и в Австралии, цыганский язык с его диалектами почти повсеместно вкраплен в языковую карту мира.

Различные этнические группы цыган, пройдя разный миграционный и исторический путь, говорят на различных диалектах, в большей или меньшей степени подвергавшихся влиянию окружающих языков, главным образом в области лексики, фонетики и синтаксиса.

Длительное пребывание цыганских этнических групп на территории Балканского полуострова способствовало проникновению в цыганский язык некоторых явлений, общих для всех языков, распространенных на Балканах: артикль, способ выражения формы инфинитива и др.

Классификация диалектов цыган Европы

В основе классификации диалектов цыган Европы лежат два принципа: 1) признак лексических, фонетических и морфологических явлений, которые были присущи диалектам, легшим в основу цыганского языка еще на стадии среднеиндийских языков; 2) признак лексических, фонетических, синтаксических и частично морфологических явлений, которые были заимствованы по пути миграции и в ареале кочевья или поселения из языков того окружающего местного населения, с которым исторически у цыган были наиболее длительные контакты.

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВОВАВШИЕ ОБРАЗОВАНИЮ РАЗЛИЧНЫХ ДИАЛЕКТОВ ЦЫГАНСКОГО ЯЗЫКА

1. Языкознание в настоящее время не располагает сведениями о среднеиндийских языках и диалектах, на которых говорили предки современных цыган при их выходе из Индии. По этому поводу существует довольно большое количество предположений и гипотез.

Одной из самых важных проблем, связанных с изучением современных цыганских диалектов, является проблема однородности или неоднородности языка и диалектов предков цыган.

Следует отметить, что из-за отсутствия исторических данных полное разрешение этой проблемы в настоящее время не представляется возможным. Однако, основываясь на некоторых явлениях в современных цыганских диалектах, можно сделать выводы, говорящие в пользу теории неоднородности языка предков цыган.

2. Прежде всего легко обнаруживается наличие различных исконных лексических элементов в диалектах цыган Передней Азии, с одной стороны, и в диалектах цыган Европы — с другой:

- «сын» — СЦ ¹ *pótră*; АЦ *putarāv* (<др.-инд. *putra*);
ЕЦ *chavó* (ср. х. *chokra* или перс. *javān* جوان)
- «железо» — СЦ *lühă*; АЦ *loi, loh* (<др.-инд. *loha*);
ЕЦ *saster* или с метатезой *trast* (<др.-инд. *śastra*-) —
и т. д.

3. Даже в пределах совокупности диалектов цыган Европы (что мы обычно именуем в нашей работе «цыганским языком») прослеживаются различные изменения в лексике, фонетике, морфологии, которые нельзя отнести к инновациям, возникшим вне ареала индоарийских языков.

К наиболее важным явлениям такого рода в области фонетики стоит отнести соответствие звука [h] в одних диалектах звуку [s] в других, причем такое соответствие прослеживается исключительно в морфемных образованиях существительных и глаголов и в небольшой группе местоимений и наречий:

I, V. Лв	<i>kerésa</i> 'ты сделаешь'	I	<i>romésa</i> '(с) цыганом'
V. Вл, Кл	<i>kər̥sa</i>	IV. Е, К, У	<i>romésa</i>
VI. Уп	<i>t'érésa</i>	IV. Л	<i>rumisa</i>
VIII	<i>kerésa</i>	V. Вл	<i>rom'ésa</i>
II, III	<i>keréha</i>	V. Кл	<i>rom'ésa</i>
V. Ю	<i>c'éréha</i>	V. Лв	<i>romésa</i>

¹ Здесь и далее приняты следующие условные обозначения цыганских диалектов:

- ЕЦ — диалекты цыган Европы
I. Р — диалект русских цыган
П — диалект польских цыган
Л — диалект латвийских цыган
II. Н — диалект немецких цыган
III. С — диалект словацких цыган
В — диалект венгерских цыган
IV. Е — диалект цыган ерлийс
К — диалект крымских цыган
У — диалект цыган урсари
Д — диалект цыган дрындари

- V. Вл — диалект владшских цыган Румынии и Молдавии
Кл — диалект цыган калдерари
Лн — диалект цыган ловари
Ю — диалект владшских цыган Югославии (Боснии и Герцеговины)
VI. Ул — диалект цыган ленобережной Украины
Уп — диалект цыган пранобережной Украины
VII. Ф — диалект финских цыган
VIII. Ув — диалект цыган Уэльса
СЦ — диалект цыган Сирии (навар)
АЦ — диалект цыган Армении (зоша)

VI. Ул *čeréha*
VII *ceréha*

VI. Уп *romésa*
VIII *romésa*
II *roméhə*
III *roméha*
V. Ю *roméha*
VI. Ул *roméha*
VII *roméha*

Наиболее последовательны в употреблении *h*-форм диалекты II группы: *ha* 'все', *har* 'как', *hávo* 'какой', *hou* 'что' соответствуют *sa*, *sar*, *savó*, *so* во всех остальных диалектах (фонетический «куррез»: *háko* < *sáko* < сербохорв. *svaki* 'каждый' и *haχo* < *sáso* < венг. *szűsz* 'немец', 'саксонец').

В данном случае можно говорить о сохранении в ряде диалектов (с *s*-формами) фонетических черт, характерных для среднеиндийских языков и диалектов в их ранней стадии, и о закреплении среднеиндийской инновации (в поздних праkritах интервокальный [s] часто переходит в [h]) в целом ряде других диалектов. Думается, что процесс закрепления *s*-форм и *h*-форм соответственно по диалектам начался еще на территории распространения индоарийских языков и диалектов.

4. Образованию и закреплению цыганских диалектов на территории Европы способствовал тот факт, что цыганские миграционные волны, сначала (по свидетельству летописцев и хроник) относительно монолитные, с проникновением в новые области начинали быстро дробиться, и контакты между ними ослабевали. Область проживания той или иной группы суживалась до ареала одного или двух-трех нецыганских языков, которыми цыгане в силу необходимости должны были пользоваться при общении с окружающим населением и которые в большей или меньшей степени влияли и влияют на язык этой группы. Такое положение способствовало, например, тому, что исконная лексика сохранилась у различных цыганских групп в неодинаковой степени, например: I. Р *záyčo* (< русск. *заяц*) = V *šośóí* (< др.-инд. *śaśa*); V. Вл, Кл. *traiv*; V. Лв *traiy* (< рум. *trăiesc*) 'живу' = I. Р *j'ivava* (ср. х. *j'nā*; в V *ž'ivindó*, *ž'uvindó* 'живой') и т. д.

Из нескольких синонимов или слов, обозначавших близкие понятия, различные цыганские диалекты сохраняют только один: I. Р *c'aŋg* 'колени' = IV. К *khoc* (предположительно *caŋg* 'бедро', *khoc* 'голень'); I. II *herúí* 'нога' = I. Л *přtu*; IV. У *trašáŋ* 'боюсь' — V. Вл *daráŋ* и т. д.

Очень часто по этим же причинам смещаются первоначальные значения слов: IV. Д *kor* 'воротник' = V. Вл, Лв *kog*, Кл *koŋ* 'шея'; V *nai* 'палец' = I *nai* 'ноготь'.

5. Образованию различных цыганских диалектов способствовал и совершенно различный характер источников влияния на их фонетику, которое было особенно сильным. Факт сохранения древнеиндийских [ch] и [j] в V. Ю диалекте и перехода их соответственно в [š'] и [ž'] в остальных диалектах V группы можно объяснить только тем, что носители V. Ю диалектов жили в западной части Баната, а впоследствии на территории распространения сербохорватского языка, т. е. в областях, где население в своей речи имеет аналогичные или похожие звуки. Носители V. Вл, Кл, Лв диалектов проживали на территории распространения восточнороманских диалектов, где исторические [č] и [dž], обозначаемые на письме через *c* и *g*, перешли в [š'] и [ž'] (*š* и *j*).

6. Заимствования из фонетики цыганского населения под влиянием фонетики позднейшей языковой среды также претерпевают изменения. Так, например, звуки [j'], [c'], [š'], возникшие в I. П диалекте под влиянием польского языка на месте старых [d'], [t'], [s'], в I. Л диалекте под влиянием латышского языка перешли в [j], [c], [š], а в I. Р диалекте под влиянием русского языка произошло восстановление [d'], [t'], [s']: I. П *kerf'á*=I. Л *kerjá*=I. Р *kerd'á* 'он сделал'; I. П *rac'á*=I. Л *racá*=I. Р *rat'á* 'ночи' (мн. ч.); I. П *taš'á*=I. Л *tašá*=I. Р *tas'á* 'вчера', 'завтра'.

7. Многочисленные лексические заимствования в цыганском языке можно разделить на три слоя: 1) заимствованная лексика, общая для всех цыганских диалектов Европы, — заимствования из иранских (*baxt* 'счастье'), армянского (*kotór* 'кусок') и особенно греческого (*kókaló* 'кость', числительные *eftá* 'семь', *oytó* 'восемь', *en'a* 'девять' и др.); 2) лексика, общая только для диалектов определенной группы, заимствованная до дробления крупного диалекта на более мелкие. В диалектах I группы, например, к этому слою относятся слова из немецкого (*fétla* 'поле', *bérge* 'гора' и т. д.) и польского (*tázn'a* 'баня', *bróda* 'борода' и др.), заимствованные тогда, когда предки носителей современных П, Р, Л диалектов говорили на одном диалекте; 3) заимствования из языка населения, с которым контактируют только носители данного диалекта, например: I. Р *zabó-ro* 'забор' (<русс. забор); I. П *gžǐbo* 'гриб' (<польск. *grzyb*); I. Л *viltciénus* 'поезд' (<латыш. *vilciens*).

8. Дивергенции цыганского языка способствовало и проникновение в речь локальных групп цыган грамматических форм из языков окружающего населения. В большинстве случаев это проникновение имело характер калькирования иноязычных оборотов.

В диалектах IV группы, например, формы будущего времени глаголов образуются при помощи частиц, представляющих собой энклитическую форму глагола *kam-* 'хотеть', 'желать': IV. Е *ka-keráv*, IV. К *kaġ-keráv*, IV. У *kaġ-kerau*; IV. Л *mъ* (<*kъmъ*)-*kъráa* 'сделаю', 'буду делать'. Ср. болг. *ще правя*; н.-греч. *θά ξάνω*; рум. *(v)oi face* с тем же значением, причем частицы *ще*, *θά* и *(v)oi* представляют собой энклитики от глаголов со значением «хотеть», «желать».

Все диалекты цыган Европы мы делим на восемь групп:

- I — диалект цыган северной части РСФСР (ру́ска ромá, хэлады́тка ромá);
 - диалект цыган западной части Латвии и Эстонии (лотфýтка ромá);
 - диалект цыган Центральной Польши (пóльска фэлды́тка ромá).
- II — диалекты цыган сýн т и, проживающих или проживавших долгое время в ареале диалектов немецкого языка. В настоящее время распространены в ФРГ и ГДР, Франции, Польше, ЧССР, СФРЮ, Северной Италии и Австрии (в СССР проживают пять-шесть семей синти, выходцев из Польши).
- III — диалект цыган северной и восточной Словакии (сéрвика ромá);
 - диалект цыган южной Словакии и северной Венгрии (ýнгри-ке ромá).
- IV — диалекты цыган ерлídес западной Болгарии, Македонии и южной Сербии;
 - диалект цыган урсáри Румынии и Молдавской ССР;
 - диалект крымских цыган (кырымýтика ромá);

- диалект цыган гг. Котел, Сливен и Плевен (Центральная Болгария) (д р ы н д а́ р и).
- V — диалект владшских цыган Румынии и Молдавской ССР (лин-гур а́ри, злэ́та́ри, кэ́кавья́ри — общее название чаче́ром 'настоящие цыгане');
- диалект цыган кэлдэ́ра́ри, проживавших до середины (конца) XIX в. на румынско-венгерской языковой границе в Австро-Венгрии. В настоящее время живут в СССР, Польше, ЧССР, Венгрии, СФРЮ, Болгарии, ФРГ, Франции, Англии, Швеции, Италии, Испании, США, Канаде, Мексике и Аргентине.
- диалект цыган лов а́ри. Живут в СССР, Польше, ЧССР, Венгрии, ФРГ, Франции, Бельгии, Англии и США.
- диалект владшских цыган Югославии, преимущественно Боснии и Герцеговины (гурбэ́ти).
- VI — диалекты цыган левобережной Украины и соседних областей РСФСР (сэ́рви);
- диалекты цыган правобережной Украины (плашчúн уя, во-лòх уя).
- VII — диалект финских цыган (фíнтике рóмма).
- VIII — диалект цыган Уэльса (волшэ́нэ́нге калé).

Границы между группами проходят по изоглоссам: фонетическим (например, *t'*, *d'* на месте старых *k'*, *g'* в диалектах VI группы); грамматическим (например, аналитическое образование форм будущего времени в диалектах IV группы); лексическим (лексика исконная, заимствованная).

Отдельно взятый диалект может быть отнесен к той или иной группе только в том случае, если он обладает полным набором черт, ее характеризующих.

Перечислим наиболее характерные черты каждой из групп:

I группа. Сужение в ряде случаев [a] > [ɪ]: Р *j'ínóm*, П, Л *j'ínáv* 'знаю' = III *jánav*, IV. Е. К *janáv* V. Кл *ž'anáv*; Р, П *sír*, Л *sir* 'как' = П *har*, все остальные диалекты *sar*; в связи с этим употребление флексии отложительного падежа *-tír* (-*tir*), *-dír* (-*dir*) вместо *-tar* (-*dar*) — в большинстве других диалектов (только в П — *-tər*, *-dər*); форма 3-го лица единственного и множественного числа прошедшего несовершенного времени глагола «быть»: Р, П (*i*)*sís*, Л (*i*)*sís* вместо IV. У, К, V. Вл, Кл, VI. Уп *sas*; протетическое [v] в ряде исконных слов (*vaggár* 'уголь', *vavír* 'другой'); употребление суффикса *-kir* в каузативных глаголах; большое число заимствованных префиксов; преобладание среди заимствований польских и немецких лексических элементов;

II группа. Широкое употребление *h*-форм (о них см. выше); редукция большинства безударных гласных и их переход в [ə]; постпозитивное употребление отрицания при глагольных формах изъявительного и условно-сослагательного наклонений; огромное количество немецких лексических заимствований;

III группа. Перенос в большинстве случаев ударения на предпоследний слог (*báro* 'большой', *róma* 'цыгане'); окончание *-l* в формах 2-го лица единственного числа прошедшего времени (*kerd'ál* 'ты сделал', во всех других диалектах окончание *-n*, в диалектах II группы возможно употребление *-l* и *-n*); большое количество заимствований из венгерского (III. С *meg*, III. В *mæg* 'еще'; III. С *imar*, III. В *mā* 'уже', III. С, В *gondolin* 'думать', словообразовательный суффикс III. С *-išágos*, III. В *-išágos* и т. д.).

IV группа. Аналитическое образование форм будущего времени при помощи препозитивных частиц (см. выше); широкое употребление форм местного падежа без предлогов (IV. Е *bešav phuyále* 'сиджу на земле', ср. I. П *běsáv pre pхiv*; IV. К *jav marésk'e* 'иду за хлебом', ср. VI. Ул *jau paš o marnó*; IV. У *gindiyau dayátar* 'думаю о матери', ср. V. Лв *gindiy pa déi*); употребление греческого суффикса *-des* для образования форм множественного числа заимствованных имен существительных мужского рода, оканчивающихся на гласный + *s* (IV. К *χorantás* 'семья', *χorantádes* 'сэмы').

V группа. Наличие на месте старых церебральных новообразований в виде [ɾ] (V. Вл, Лв) и [ɽ] (V. Кл, Ю); появление дифтонга [ei] на месте [ai] других диалектов; появление носовых гласных в положении перед [ɾ], [ɽ]; окончание *-ém* в форме 1-го лица единственного числа прошедшего совершенного времени; образование формы именительного падежа множественного числа заимствованных имен существительных мужского рода при помощи суффикса V. Вл, Кл *-ur'a*, V. Лв *-ura*, V. Ю *-uira* (рум. *-uri*); образование личных форм заимствованных глаголов с помощью суффикса *-isar-*; большое количество лексических заимствований из румынского языка.

VI группа. Переход старых [k'], [g'] соответственно в [t'], [d']; употребление возвратной частицы *-pe* во всех лицах глаголов; широкое употребление с глагольными формами украинских префиксов; большое число заимствований из украинского языка.

VII группа. Переход исконных [ch], [š] в некоторых случаях в [χ] (*berχ < berš* 'год', *pyháa < pycháva* 'спрашиваю'); окончания отложительного падежа *-ta*, *-da*; большое количество заимствований из шведского и финского языков.

VIII группа. Наличие звука [ɔ] с долгим вариантом [ɔ̃]; большое число заимствований из английского и кимрского языков.

ФОНЕТИКА

СОГЛАСНЫЕ

Фонологическая система согласных цыганского языка во всей совокупности его диалектов представлена в табл. 1 и 2.

1. По месту образования согласные фонемы различаются следующими рядами:

губные: губные — *p, p', p'', b, b', w, m, m'*;

губно-зубные — *f, f', v, v'*;

язычные: переднеязычные (дорсальные) — *t, t', t'', d, d', č, č', j, j', s, s', z, z', n, n', l, l'*;

какуминальные — *ɕ, ɕ'*;

среднеязычные (передненёбные) — *c, c', c'', j, j', š, š', ž, ž', ɲ, r, r'*;

среднеязычные (средненёбные) — *ɳ, y*;

заднеязычные (задненёбные) — *k, k', k'', g, g', v, ɽ*;

гutturальные: увулярные — *x, x', h, h'*;

фарингальные — *ɣ*.

2. По типу преград согласные фонемы различаются следующим образом:

смычные; взрывные — *p, p', b, b', t, t', d, d', k, k', g, g'*;

аспиранты — *p', p'', t', t'', c', c'', k', k''*;

аффрикаты — *č, č', j, j', c, c', j, j'*;

фрикативные: $\varpi, f, f', v, v', s, s', z, z', \mathfrak{z}, \mathfrak{z}', x, x', h, h'$;
сонанты: носовые — $m, m', n, n', \tilde{m}, \tilde{n}, \tilde{v}$;
боковые — $\mathfrak{l}, l, l', r, r', y$;
дрожящие — $r, r', \mathfrak{r}, \mathfrak{r}'$;

В цыганском языке широко представлены:

а) корреляции переднеязычные — заднеязычные (см. рис. 1).

б) корреляции губные — заднеязычные (см. рис. 2).

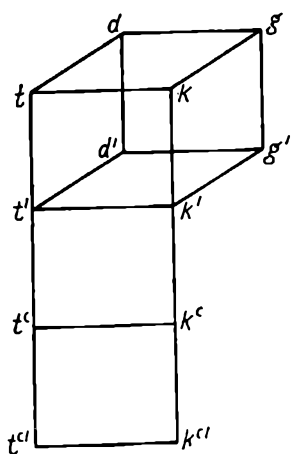

Рис. 1

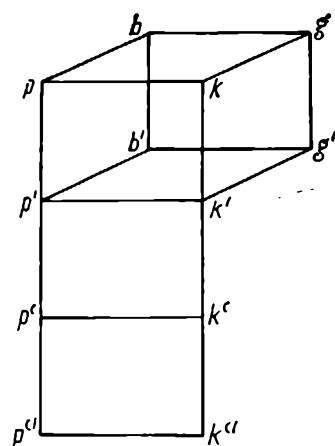

Рис. 2

По типу преград в цыганском языке представлены корреляции смычные — фрикативные:

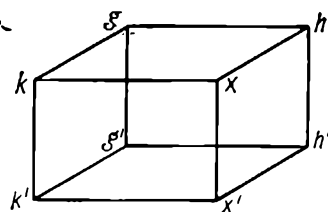
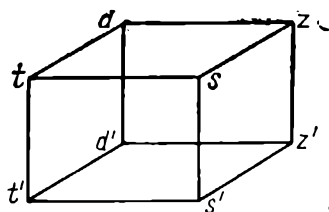
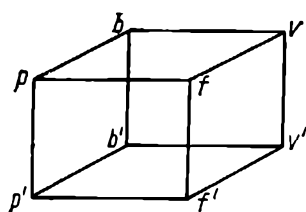
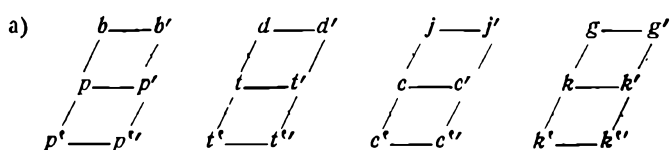

Рис. 3

3. По вторичным признакам согласные различаются по корреляции:

- звонкости — глухости;
- твёрдости — мягкости;
- непридыхательности — придыхательности.

звонкость — твердость	звонкость — мягкость
глухость — твердость	глухость — мягкость
придыхательность — твердость	придыхательность — мягкость

б) $f-f'$ $v-v'$ $z-z'$ $\check{z}-\check{z}'$ $h-h'$
 $\epsilon-\epsilon'$ $f-f'$ $s-s'$ $\check{s}-\check{s}'$ $x-x'$

звонкость — твердость	звонкость — мягкость
глухость — твердость	глухость — мягкость

в) $m-m'$ $n-n'$ $l-l'$ $r-r'$

звонкость — твердость	звонкость — мягкость
-----------------------	----------------------

Система согласных фонем цыганского языка

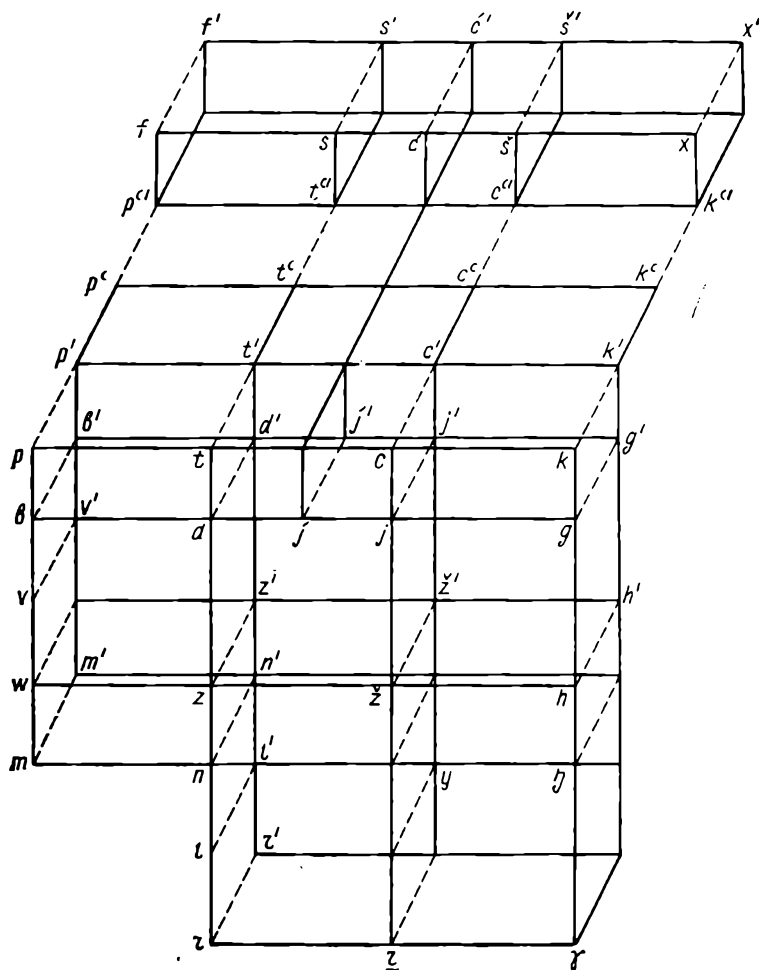

Рис. 4

Таблица 1

Таблица 1

Таблица 2

Согласные

Дialeкты группы	Дialeкты изганского языка	Ш у м я с е																											
		н е н о с о в ы е																											
		п р е р в а н н ы е (с м ы с л ы н е)																											
		в з р ы в н ы е								н е в з р ы в н ы е а ф ф р и к а т ы																			
		г л у х и е				з в о н к и е				г л у х и е				з в о н к и е															
н е п р и р ы в н ы е				п р и р ы в н ы е				н е п р и р ы в н ы е				п р и р ы в н ы е																	
1		2		5		1		2		5		1		2		5		1		2		5		1		2		5	
т.	м.	т.	ж.	т.	м.	т.	ж.	т.	м.	т.	ж.	т.	м.	т.	ж.	т.	м.	т.	м.	т.	ж.	т.	м.	т.	м.	т.	ж.	т.	м.
I	Русский	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
	Польский	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
	Латвийский	р		т		к		п		т'		к'		б		д		г		г		г		г		г		г	
II	Немецкий	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
	Словацкий	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
III	Венгерский	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
	Ермидес (г. София)	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
IV	Крымский	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
	Урсари	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
	Дрындари	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
V	Румынский (влашский)	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
	Кэлдэрари	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
	Ловари	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
VI	Боснийский (гурбети)	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
	Украинский (левобер.)	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
	Украинский (правобер.)	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
VII	Финский	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'
	Уэльский	р	р'	т	т'	к	к'	п	п'	т'	т''	к'		б	б'	д	д'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'	г	г'

Диалектные группы	Ш у м ы е										С о н о р н ы е									
	неносовые										нососовые									
	неносовые										нососовые									
	неносовые										нососовые									
Диалекты цыганского языка	фрикативные										смычные-нососовые									
	глухие					звонкие					звонкие					звонкие				
	непридыхательные					непридыхательные					непридыхательные					непридыхательные				
	непридыхательные					непридыхательные					непридыхательные					непридыхательные				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	1	2	3	4	5	1	2	3	4	5
	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.	Т. М. Т.
I Русский	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
I Польский	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
II Латвийский	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
III Немецкий	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
III Словацкий	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
III Венгерский	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
IV Египетский (г. Софин)	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
IV Крымский	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
IV Урсарн	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
IV Дрындарн	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
V Румынский (власский)	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
V Кэлдэзари	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
V Ловари	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
V Боснийский (губети)	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
VI Украинский (левобер.)	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
VI Украинский (правобер.)	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
VII Финский	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'
VIII Уэльский	f	f'	s	s'	š	š'	ʃ	ʃ'	ʒ	ʒ'	ʋ	ʋ'	z	z'	ʒ	h	h'	m'	n	n'

Примечание. Арабские цифры обозначены локальные ряды согласных: 1 — губные; 2 — дорсальные; 3 — церебральные; 4 — среднеязычные; 5 — заднеязычные; 6 — увулярные; 7 — фарингальные.

Какуминальные (церебральные) в цыганском отсутствуют, за исключением IV. Д, где существует звук [ɽ], развившийся из древнеиндийских церебральных: IV. Д *maɽú* 'хлеб' > *maɽɽa* 'рисовая лепешка', *piɽú* 'нога' > *piɽɽa* 'нога', *ɽom* 'цыган' > *ɽoma* 'член касты дом'.

В диалектах V группы звуку [ɽ] соответствуют заднеязычный [ɽ] (диалекты Вл, Лв) или фарингальный [ɣ] (диалекты Кл, Ю): V. Вл *māɽó*, Лв *māɽó*; Кл *māɽó*, Ю *māɽó*; Вл *pīɽó*, Лв *pīɽó*; Кл *pīɽó*, Ю *pīɽó*; Вл, Лв *ɽom*, Кл, Ю *ɽom*.

В диалектах V группы в положении [ɽ] и [ɣ] наблюдается назализация: V. Вл *māró*, Лв *māró*, Кл, Ю *māró*.

В V. Ю диалектах, а иногда и в V. Лв звуки [ɽ] и [ɣ] в сочетании с предшествующей назализацией дают метатезу, в результате чего в V. Лв *maɽnó*, а в V. Ю *maɽnó*.

В III. С и в VI вместо назализации в указанном положении имеется консонантная группа *nd*: *mandró* (в VI. Ул также *maɽnó*).

ГЛАСНЫЕ

Фонологическая система гласных фонем цыганского языка во всей совокупности его диалектов представлена в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
Верхний	<i>i</i>		<i>u</i>
Верхне-средний		<i>ɪ</i>	
Средне-верхний	[ɛ]		
Средний	<i>e</i>	[æ]	<i>o</i>
Средне-нижний		[ɔ] [ɤ]	
Нижне-средний		[ə]	
Нижний		<i>a</i>	

Таблица 4

Диалекты цыганского языка		Неносовые						Носовые	
		периферийные (напряженные)			центральные (ненапряженные)			периферийные	
		передние	средние	задние	передние	средние		средние	передне-задние
		1 4	4 5 7	4 1	3	6 5 2		7	1
I	Русский	<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>		<i>i</i>			
	Польский	<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>		<i>i</i>			
	Латвийский	<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>					
II	Немецкий	<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>		<i>ə</i>			

Диалекты цыганского языка		Неиосовые						Носовые	
		периферийные (напряженные)			центральные (ис- напряженные)			периферийные	
								средние	передне- задние
		передние	средние	задние	передние	средние	средние	передне- задние	
		1 4	4 5 7	4 1	3	6 5 2	7	1	
III	Словацкий Венгерский	<i>i e</i> <i>l e</i>	<i>æ a</i> <i>æ a</i>	<i>o u</i> <i>o u</i>					
IV	Ерлидес Крымский Урсари Дрынлари	<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>		<i>ɜ</i>			
		<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>					
		<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>					
		<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>		<i>ɜ</i>			
V	Румынский (влаш- ский) Кэлдэрари Ловари Боснийский (гурбе- ти)	<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>	[ɛ]	<i>ɜ l</i>	<i>ɑ</i>	<i>ĩ</i>	
		<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>		<i>ɜ l</i>	<i>ɑ</i>	<i>ĩ</i>	
		<i>l e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>		<i>l</i>	<i>ɑ</i>	<i>ĩ</i>	
		<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>		<i>l</i>	[ɑ]	[ĩ]	
VI	Украинский (левобре- жный) Украинский (право- бережный)	<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>		<i>l</i>			
		<i>l e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>		<i>l</i>			
VII	Финский	<i>i e</i>	<i>a</i>	<i>o u</i>					
VIII	Уэльский	<i>i e</i>	<i>ɔ a</i>	<i>o u</i>					

Примечание. Арабскими цифрами обозначены гласные следующего подъема: 1 — верхний подъем; 2 — верхне-средний подъем; 3 — средне-верхний подъем; 4 — средний подъем; 5 — средне-нижний подъем; 6 — нижне-средний подъем; 7 — нижний подъем.

Долгие гласные

В некоторых диалектах цыган Европы существует противопоставление гласных по долготе и краткости. Остается невыясненным вопрос, являются ли долгие гласные в данном случае сохранившимися древне- или среднеиндийскими или позднейшими инновациями под влиянием языков окружающего населения. Долгие гласные отмечены лишь в тех диалектах, носители которых живут (или длительно время проживали) в ареале нецыганских языков с долгими гласными: носители I. Л — в ареале латышского языка, носители II — немецких диалектов, носители III. С — словацкого и чешского; носители III. В и V. Лв — венгерского и т. д.

Характерно, что говоры III. С диалекта, распространенные в ареале ляхских говоров, где нет долгих гласных, сами их тоже не имеют.

Дифтонги

[aĩ]: *dāĩ* 'мать'; III *chāĩ* 'дочь', 'девушка'; *gāĩ* 'господин'. В диалектах V. Вл, Кл дифтонг [aĩ] зачастую является развитием группы [an'ĩ]: V. Вл, Кл *pāĩ* 'вода' (ср. IV. Е, У, К *pán'ĩ*); V. Вл *ṛāĩ*, V. Кл *ṛāĩ* 'прут' (ср. V. Лв *ṛan'ĩk*).

[ēĩ]: в диалектах V и VI групп соответствует дифтонгу [āĩ] других диалектов: V. Вл *d'ēĩ*, Кл *d'ēĩ*, Лв, Ю *dēĩ* 'мать' (ср. I *dāĩ*); VI. Ул *sxēĩ*, Уп *s'ēĩ* 'дочь', 'девушка' (ср. III *chāĩ*). В некоторых диалектах может быть развитием долгого [ē]: III. С *gēĩl'óm* < *gēl'óm* 'я ушел'; II *kheĩri* < *khēri* 'дома', 'домой'; V. Лв *teĩté* < *teťé* 'вниз'. В диалектах V. Вл, Кл и VI. Ул может быть развитием группы [en'ĩ]: V. Вл *ph'ēĩ*; Кл *ph'ēĩ*; VI. Ул *pxēĩ* 'сестра' (ср. III. В *phen'*; IV. Е, К, У *phen*).

[oi]: *gōĩ* 'колбаса'; *ṛōĩ* 'ложка'; I, II, III. С *yōĩ*; III. В, IV. Е, К, У *ōĩ*; V, VI *voĩ* 'она'.

[ui]: I. П *herui* 'нога'; *ḍui* 'два'; *mui* 'лицо'.

В диалекте VI. Ул в одном случае этот дифтонг иногда трансформируется в *ü* : *ḍü* 'два'.

Кроме перечисленных выше в различных диалектах существуют дифтонги [au], [eu], [iu], [ou], [cu], возникшие под влиянием языков окружающего населения.

УДАРЕНИЕ

В различных диалектах цыган Европы ударение имеет различный характер и зависит прежде всего от характера ударения того нецыганского языка, на территории распространения которого тот или иной диалект бытует.

В большинстве цыганских диалектов в словах исконного происхождения ударение падает на последний слог. Исключение составляют падежные формы имен существительных, где ударение падает на аффикс косвенного падежа. Однако в некоторых диалектах под влиянием языков нецыганской среды ударение смещается на предпоследний (III. С, В) и даже на первый слог (некоторые говоры III. В и диалекты II группы), например: *rómn'ĩ* 'цыганка', 'жена', ср. I. Р, П *romní*, IV. Е, К, У *romní*; *vásta* 'руки', ср. VI *vastá*. В I. Л диалекте под влиянием латышского языка ударение иногда переносится на слог с долгим гласным, например: *māru* 'хлеб' (I. Р, П *maró*), *bāru* 'большой' (I. Р, П *baró*) и т. д.

Во всех диалектах цыган Европы под влиянием различных факторов (в том числе и из-за смещения исконного ударения) наблюдается редукция гласных. Особенно ярко представлено это явление в диалектах II группы, где практически все гласные в безударном положении могут редуцироваться в [ə]: *róməno* 'цыганский' (I *romanó*), *mər cāvo* 'мой сын' (I. Р *miró c'avó*), *práldəno* 'верхний' (I. П *upratunó*, *upratunó*) и т. д.

РАЗВИТИЕ В ЦЫГАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕИНДИЙСКИХ СОГЛАСНЫХ

1. Др.-инд. [kʂ] развился через скр. [kkh] в аспирату [kh]:
ЕЦ *dikhél* 'смотрит'; АЦ *lekh-* 'смотреть';
СЦ *diknúar* 'показывает' < **dikʂ-*, *dekʂ-*;
ЕЦ *yakh(h)*; АЦ *akh*; СЦ *iki* 'глаз' < *akʂi*.

В некоторых случаях др.-инд. [kṣ]<[kh], уже в пракритах перешедший в [ch], сохраняется в цыганских диалектах:

ЕЦ *rich* 'медведь' < *ṛkṣa*;

ЕЦ *churi*; СЦ *cīri* 'нож' < *kṣura*.

2. [ʃm], [sm]:

ЕЦ *tumé*; СЦ *ātme* 'вы' < *tuṣme*, скр. *yuṣmān*;

ЕЦ *amé*; СЦ *āme* 'мы' < *asmān*.

3. Др.-инд. начальный [y] развился в [j]:

ЕЦ *jal*; СЦ *jār* 'идет' < *yāti*;

ЕЦ *juvél*, *juvél*; СЦ *jāār* 'женщина' < *yuvatī*.

4. Др.-инд. интервокальный [m] перешел в [v]:

ЕЦ *gav* 'деревня' < *grāma*;

ЕЦ *thuv*; СЦ *dif* 'дым' < *dhūma*.

5. Дентальные в интервокальном положении развились в ЕЦ и АЦ в [l]; в СЦ — в [r]:

ЕЦ *phral*; АЦ *phal*, СЦ *bar* 'брат' < *bhrātā*;

ЕЦ *loló*; СЦ *lúhrā* 'красный' < *lóhitam*;

ЕЦ *gelo*; СЦ *gāra* 'он ушел' < *gata*.

6. ś: в ЕЦ — š в АЦ, СЦ — s:

ЕЦ *šeró*; СЦ *sīri* 'голова' < *śīra*;

ЕЦ *bešel*; СЦ *wěsār* 'сидит'; АЦ *ves(-el)* 'сидеть' < *upaviśati*;

ṣ: в ЕЦ — š; СЦ — s:

ЕЦ *vušt*; СЦ *ōšt* 'губа' < *oṣṭha*;

ЕЦ *kašt*; СЦ *kūṣṭ* 'дерево' < *kāṣṭha*

s: ЕЦ, СЦ, АЦ — s:

ЕЦ *sap*; СЦ *sāp* 'змея' < *sarpa*;

ЕЦ, АЦ *khas*; СЦ *gās* 'сено' < *ghāsa*.

7. Цыганские диалекты сохраняют [r] в группах «лабиодентальный+r»:

tr: ЕЦ *trin*; СЦ *tārān* 'три' < *trīṇi*;

dr: ЕЦ *lindra*; СЦ *néndir* 'сон' < *nidrā*;

bhr сохраняется только в Европе:

ЕЦ *phral*; АЦ *phal*; СЦ *bar* < *bhrātā*.

8. В интервокальном конечном положении сохраняются:

-ṣ(h): ЕЦ *beštó* 'он сел'; СЦ *wěštār* 'сидит' < *upaviṣṭaḥ*;

-st(h): ЕЦ *vast*; СЦ *ḥast* 'рука' < *hasta*.

Начальный [st(h)] переходит в [th]:

ЕЦ *than*; АЦ *thenāv* 'место' < *sthāna*.

9. Армянские и сирийские цыгане сохраняют начальный v-; европейские трансформировали его в b-:

ЕЦ *bal*; АЦ *valín*; СЦ *wal* 'волос' < *vāla*;

ЕЦ *baró*; АЦ *voróv* 'большой' < **vaḍḍa*.

РАЗВИТИЕ В ЦЫГАНСКИХ ДИАЛЕКТАХ НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕИНДИЙСКИХ ГЛАСНЫХ

Гласный [a] в ЕЦ диалектах является продолжением древнеиндийских [a], [ā] и соответствует [a] в АЦ, [a] или [ā] в СЦ:

agni > ЕЦ *yag*, СЦ *ag* 'огонь';

karṇa > ЕЦ, СЦ *kan* 'ухо';

gharma > ЕЦ *kham*, СЦ *gām* 'солнце';

tapta > ЕЦ *tató*, АЦ *tatáv*, СЦ *tátă* 'теплый'.

Гласный [e] в диалектах цыган Европы является развитием древнеиндийского открытого [a] или древнеиндийского дифтонга [ā]:

пали *gharam* > ЕЦ *kher*, АЦ *khar*, СЦ *gār* 'дом';

скр. *taruṇa* > ЕЦ *ternó*, СЦ *tárnă* 'молодой';

daśa > ЕЦ *deš*, АЦ *las*, СЦ *das* 'десять';

bhānati > ЕЦ *phenél*, АЦ *phan-(e)* 'говорит';

daivata > ЕЦ *devél*, АЦ *levál* 'бог', 'божество'.

Гласный [o] в цыганских диалектах Европы имеет различное происхождение. В окончаниях именительного падежа мужского рода единственного числа он является развитием среднеиндийских окончаний *-ao*, *-ako* (др.-инд. *a*, *-aḥ*, *-ka*, *-akaḥ*). В некоторых редких случаях (чаще всего перед [v]) он продолжает древнеиндийский открытый [a]:

svāpati > ЕЦ *sovél* 'спит';

ghaṭa > ЕЦ *khoró*, СЦ *gāri* 'горшок', 'кувшин';

śaśa > ЕЦ *šoši* 'заяц'.

Кроме того, цыганский [o] является результатом развития древнеиндийского дифтонга [au] и группы [ava]:

caura > ЕЦ *cor* 'вор';

lavaṇa > ЕЦ *lon* 'соль'.

Гласный [u] в словах исконного происхождения часто может быть развитием древнеиндийского *r*:

prcchati > ЕЦ *phucél* 'спрашивает';

vṛtti > ЕЦ *buti* 'работа';

śṛṇoti > ЕЦ *šunél* 'слушает'.

Древнеиндийская группа [rt] в ЕЦ диалектах развилась в [ul], [il]; в СЦ — в [ur], [r], [ir]:

mṛta > ЕЦ *muló* = СЦ *mra* 'мертвый';

ghṛtam > ЕЦ *khil* = СЦ *gir* 'масло'.

В основном же [u] в этих диалектах является продолжением древнеиндийского [u]:

uvati > ЕЦ *juvli* 'женщина';

bhūmī > ЕЦ *phuv* 'земля'.

Гласный [i] в ЕЦ имеет также различное происхождение. Он может быть развитием древнеиндийского [i]:

gītā > ЕЦ *gili* 'песня';

hīma > ЕЦ *iv*, *yiv* 'снег'.

В форме именительного падежа женского рода единственного числа окончание *-i* является результатом развития среднеиндийского *-iya* (др.-инд. *ika*).

Кроме того, [i] в исконных словах ЕЦ так же, как и в некоторых случаях [u], может быть развитием древнеиндийского [ṛ]:

śṛṅgam > ЕЦ *šing* 'рог';

hṛdayam > ЕЦ *yiló* 'сердце';

kṛśa > ЕЦ *kišló* 'тонкий', 'тощий'.

МОРФОЛОГИЯ

Категории, характеризующие морфологические аспекты анализа того или иного слова цыганского языка, делятся на:

1. классифицирующие — лексико-грамматические;
2. словоизменятельные — собственно грамматические.

По словоизменительному признаку все слова цыганского языка делятся на:

1) класс имени — слова склоняемые: существительные, прилагательные (присубстантивные), числительные — количественные и порядковые (присубстантивные), местоимения-существительные и местоимения-прилагательные (присубстантивные) и причастия (изменяемые как присубстантивные прилагательные);

2) класс глагола — слова спрягаемые: глагол;

3) класс слов грамматически неизменяемых: слова, обладающие самостоятельным лексическим значением, — наречия, местоимения-наречия, служебные — предлоги, союзы, частицы; неграмматические — междометия и вводные слова.

Лексические единицы, объединенные в класс имени, обладают тремя тесно связанными грамматическими категориями: рода, числа и падежа.

Категория рода, охватывая лишь некоторые группы слов класса, не всегда грамматически выражена соответствующей флексией. Имена существительные всегда относятся к тому или иному роду. Имена прилагательные могут изменяться по родам, в зависимости от определяемого слова, если у них в прямом падеже род выражен соответствующей флексией. В косвенных падежах они могут принимать или не принимать аффикс основы косвенного падежа, одновременно являющийся показателем рода и числа.

Категория числа выражена флексией наиболее последовательно, хотя некоторые группы класса имени (например, количественные числительные) не имеют противопоставления по числам.

Категория падежа представлена в шести грамматически четко разграниченных формах. Генетически в цыганском языке существуют лишь два падежа: прямой и косвенный. Современные формы не прямых падежей образовались в результате слияния формы косвенного падежа с послелогом, потерявшими аналитическую функцию и ставшими флексией. Если мы обозначим основу — А, аффикс косвенного падежа — b, а флексию падежа (исторически — послелог) — с, то конструкция непрямого падежа будет представлена в следующем виде: $A + b + c$.

Полный набор падежных форм обязателен только для имени существительного. Имя прилагательное чаще всего употребляется лишь в двух падежных формах: прямого и косвенного падежа.

У личных местоимений род различается только в 3-м лице единственного числа. Категория числа формально-грамматически выражена в соответствующих флексиях не прямых падежей.

Класс глагола обладает категориями лица, числа (в некоторых диалектах в очень редких случаях — рода), времени, наклонения.

Категория лица выражена тремя грамматическими формами: 1-го, 2-го и 3-го лица. Эта категория характерна лишь для личных форм глагола.

Категория времени грамматически ярко выражена настоящим и прошедшим совершенным временем. Во многих диалектах форма настоящего времени употребляется для выражения действия, предстоящего в будущем, т. е. для выражения будущего времени. Формы прошедшего несовершенного времени грамматически являются производными от форм настоящего времени.

Категория наклонения грамматически выражена в формах изъявительного и повелительного наклонений. Сослагательное (условно-желательное) наклонение выражается чаще всего аналитическими формами, иногда грамматически не выражается вовсе. В последнем

случае употребление глагольной формы должно предполагать существование у действия или состояния таких признаков, как условность—неусловность, осуществимость—неосуществимость, желательность—нежелательность.

Неясным представляется вопрос о категории залога в цыганском языке, так как у личных форм глагола она всегда перекрещивается с категориями возвратности—невозвратности, переходности—непереходности, каузативности—некаузативности.

Служебные слова не обладают перечисленными грамматическими категориями и указывают лишь на различный вид отношений между словами, предложениями или несут соответствующие смысловые оттенки.

КЛАСС ИМЕНИ

Имя существительное

Классифицирующие категории

Категория одушевленности и неодушевленности. Имена существительные делятся на два лексико-грамматических разряда, в зависимости от того, какое понятие они обозначают. Существительные, обозначающие людей и животных, относятся к разряду одушевленных, предметы и абстрактные понятия—к разряду неодушевленных. Грамматически эти имена различаются только в винительном падеже: существительные, обозначающие одушевленные предметы, имеют форму винительного падежа; у существительных второй группы винительный падеж совпадает с именительным.

Род. Имена существительные имеют два рода—мужской и женский, причем формальные признаки различия имеются преимущественно только в аффиксах основ косвенного падежа.

Род имен существительных исконного происхождения обычно совпадает во всех диалектах. Очень редки случаи расхождения: V *c'iriki* 'птица'—ж. р.;

все остальные диалекты *cirikló*—м. р.

Есть имена существительные, имеющие формальные признаки грамматического рода и в прямом падеже: м. р. -*o* (с фонетическим вариантом -*u*); ж. р. -*i* (с фонетическими вариантами -*ĭ*, -*in*, -*ik*).

Словоизменятельные категории

Число. В цыганских диалектах имена существительные имеют два числа: единственное и множественное, формально грамматически различающиеся аффиксами основы косвенных падежей. Существительные, обозначающие абстрактные понятия, как правило, употребляют-ся только в единственном числе: *tatipén* (м. р.) 'тепло', *phuripén* (м. р.) 'старость'. Собираательные имена существительные употребляются только во множественном числе: *lové* 'деньги'. Некоторые имена существительные в единственном и множественном числе имеют разное лексическое значение: IV. Д *del*, *devét* (ед. ч.) 'бог', *devetá* (мн. ч.) 'облака', 'небо'.

Исконные существительные мужского рода, имеющие в именительном падеже единственного числа нулевое окончание, во множественном числе имеют флексию -*a*, а существительные, имеющие в именительном падеже единственного числа окончание -*o*, принимают окончание -*e*:

Единственное число	Множественное число
<i>rom</i> 'цыган', 'муж'	<i>rom-á</i> 'цыгане'
<i>chav-ó</i> 'парень', 'сын'	<i>chav-é</i> 'парни'

В диалектах V группы (а также под их влиянием в IV группе) имеется ряд односложных и двусложных исконных имен существительных мужского рода, у которых форма именительного падежа единственного числа совпадает с формой именительного падежа множественного числа:

Единственное число	Множественное число
Вл, Лв <i>rom</i> , Кл <i>rom</i> 'цыган'	Вл <i>rom</i> , Кл <i>rom</i>
Вл, Лв, Кл, Ю <i>phrat</i> 'брат'	Вл, Лв, Кл, Ю <i>phrat</i>

Падеж. Имена существительные в цыганском языке во всех его диалектах имеют две основы: основу именительного (прямого) падежа и основу косвенных падежей. К основе косвенных падежей присоединяются падежные окончания, развившиеся из послелогов.

Аффиксом основы косвенных падежей для исконных существительных мужского рода единственного числа является *-es-* (в диалекте V. Ю *-éh-*):

Им. пад. <i>rom</i> 'цыган', 'муж'	<i>chav-ó</i> 'парень', 'сын'
Косв. пад. <i>rom-és-</i>	<i>chav-és-</i>
(V. Ю <i>rom</i>	<i>chav-ó</i>
<i>rom-éh-</i>	<i>chav-éh-</i>)

Аффикс основы косвенных падежей исконных существительных женского рода единственного числа *-a-* (с палатализацией предыдущего согласного):

Им. пад. <i>romn-î</i> 'цыганка', 'жена'	<i>phen</i> 'сестра'
Косв. пад. <i>romn'-á-</i>	<i>phen'-á-</i>

Аффикс основы косвенных падежей для существительных мужского рода множественного числа *-en-*:

Им. пад. <i>rom-á</i> , <i>chav-é</i>
Косв. пад. <i>rom-én-</i> , <i>chav-én-</i>

Аффикс косвенных падежей для существительных женского рода множественного числа *-en* (иногда с палатализацией предшествующего согласного). В V. Вл, Кл, Лв диалектах в данном случае употребляется аффикс *-an-*:

Им. пад. <i>romn'-á</i> <i>phen</i>
Косв. пад. <i>romn'-én-</i> <i>phen'-én-</i>

(V. Вл, Лв *romn'-á*; Кл *romn'-á* V. Вл, Кл *phéi*; Лв *phen*
romn'-án-; *romn'-án-* *phéi-án-*; *phen'-án-*)

Падежей в цыганском языке шесть: 1) прямой или именительный (nominativus); 2) винительный (accusativus); 3) дательный (dativus); 4) местный (locativus); 5) отложительный (ablativus); 6) совместно-орудийный или творительный (instrumentalis).

Окончания косвенных падежей

Единственное число

Дательный *-ke* (II *-ki*; V. Вл, Кл *-kə*; V. Ю *-c'e*; VI *-t'i*)

Местный *-te* (IV. Д *-ti*; V. Вл *-t'ε*; Кл *-t'e*)

Отложительный *-tar* (I. Р, П *-tír*; I. Л *-tir*; II *-tər*; VII *-ta*)

Совместно-орудийный *-sa* (II, III, V. Ю, VI. Ул, VIII *-ha*) (см. табл. 5 и 6).

Таблица 5

Дифференциальные признаки падежных форм

Падежи	Признаки падежных форм		
	направлен-ность	объемность	периферий-ность
Именительный	—	—	—
Винительный и дательный	+	—	—
Местный	+	+	+
Отложительный	+	+	—
Совместно-орудийный	—	—	+

Множественное число

Дательный *-ge* (II *-gi*; V. Вл, Кл *-gə*; V. Ю *-j'e*; VI *-d'i*)

Местный *-de* (IV. Д *-di*; V. Вл *-d'ε*; Кл *-d'e*)

Отложительный *-dar* (I. Р, П *-dír*; I. Л *-dir*; II *-dər*; VII *-da*)

Совместно-орудийный *-ča* (II *-čə*, VII, VIII *-sa*)

Значение падежных форм

Разграничение в употреблении падежных форм осуществляется следующим дифференциальным признакам: направленности—ненаправленности, объемности—необъемности, периферийности—непериферийности (табл. 5). Кроме того, большое значение имеют в данном случае варианты падежных значений, зависящих от контекста:

Именительный падеж (ненаправленный, необъемный, непериферийный) обладает значениями субъекта (V. Лв *brišind deŋ* 'дождь идет') и именной части предиката (III. В *ov hllo læg-båreder mǎškar rótmende* 'он самый выдающийся среди цыган'). В V. Вл, Кл диалектах именительный падеж иногда обозначает прямой объект, т. е. употребляется в значении винительного падежа (V. Вл *d'ikháŋ l'e rom* 'вижу цыган', но чаще *d'ikháŋ l'e rom'én*).

Винительный падеж (направленный, необъемный, непериферийный) выражает прямой объект действия (I. Р *dikxáva manušés* 'вижу человека', IV. Е *chináv maró* 'режу хлеб'); лицо, обладающее или не обладающее чем-либо, выраженным существительным в именительном падеже (III. С *le rómes híne dúi chǎve* 'цыган имеет двух сыновей' букв. 'у цыгана есть два сына'; IV. К *akatá romn'á naná i aχsádes* 'цыганка не имеет денег' букв. 'у цыганки нет денег'). Во многих диалектах форма винительного падежа употребляется для выражения объекта действия (значение дательного падежа): V. Кл *d'e l'es pai* 'дай ему воды'; IV. Д *phen amin torú nevipí* 'расскажи нам свою новость'.

Дательный падеж (направленный, необъемный, периферийный) обозначает: косвенный объект (I. Р *de mánge vast* 'дай мне руку'); лицо, обладающее или не обладающее чем-либо (I. П *roméske sî nevó kxer* 'у цыгана новый дом'; I. Л *mánge nâni tâikus* 'у меня нет времени'). Кроме того, в некоторых диалектах существительное в дательном падеже выражает конечное состояние, для достижения которого совершается или совершилось действие (IV. У *chináu maró kotorénge* 'режу хлеб на куски'; I. Л *tiyúm ta romn'ake* 'я взял ее в жены'); лицо, о котором идет речь (IV. Е *akaná ka-vakeráv amaré roménge* 'теперь расскажу о наших цыганах'); лицо, в интересах которого совершается действие (IV. Д *pišlzava it i chavurîngi* 'пишу книгу для детей').

Местный падеж (направленный, объемный, периферийный) имеет значения: места (IV. К *bešáv phuyáte* 'сиджу на земле'; IV. Е *živí-nava Sofiyáte* 'живу в Софии'); направления (V. Лв *tel'ardém gavéste* 'я отправился в деревню'; VI. Ул *av mándel* 'иди ко мне!'); посессивности (I. Р *roméste sî tac'ó grai* 'у цыгана хорошая лошадь'); причины (III. С *mâl'as bokháte* 'он умер с голоду'); цели (V. Кл *gyl'ém mol'át'e* 'я пошел за вином'). В диалектах IV и V групп местный падеж, кроме того, имеет значение косвенного объекта, с действием, состоянием или качеством которого сравнивается действие, состояние или качество субъекта, выраженного подлежащим (IV. Е *mi dai, sar te dayáte, naná k'erét but'i* 'моя мать, как и твоя мать, не работает'; V. Лв *bāró, kabór túte* 'большой, как ты').

Отложительный падеж (направленный, объемный, периферийный) имеет варианты значений: исходной точки в пространстве (III. В *jav gavéstar* 'иду из деревни'); исходной точки во времени (I. Р *odoté diveséstir* 'с того дня'); разъединенности (IV. К *tav tátar* 'беру у нее'); причины (V. Лв *rováv dukhátar* 'плачу от боли'); эталона сравнения (VI. Ул *rikonó mai-zarató mícátar* 'собака сильнее кошки'); косвенного объекта, у которого что-либо спрашивают или просят (II *mang léstár pânin* 'попроси у него воды'; III. В *puccóm dádestar* 'я спросил у отца'); косвенного объекта, которого боятся (I. П *na dar roméstir, sir katé j'uktestir* 'не бойся цыгана, как черного пса'); косвенного объекта, через который направлено действие (IV. У *nakhl'óm diz'átar* 'я прошел через город'; V. Кл *vo žkl'isl'ás avri vudarəndar* 'он вышел наружу через двери'); косвенного объекта, о котором идет речь (II *šraibərváva phraléstár* 'пишу о брате'; IV. У *zboríyet pe chavéstar* 'рассказывает о своем сыне').

Совместно-орудийный, или творительный падеж (ненаправленный, необъемный, периферийный) обладает значениями: орудия или средства действия (I. Р *c'ináva c'uryása* 'режу ножом'); социативности (II *keráva bútin mər dādehə* 'работаю с моим отцом'); пространства, на котором совершается действие (I. Р *j'áva vešésa* 'иду лесом').

Следует также отметить, что во многих диалектах существует тенденция к замене некоторых парадигматических флексивных форм непрямых падежей аналитическими формами, состоящими из предлога, сочетающегося с существительным в именительном падеже:

- IV. К *bešáv phuyáte* = I. Р *bešáva pre pxiv* 'сиджу на земле';
 IV. Ул *av mándel* = I. П *yav ki mel* 'иди ко мне!';
 V. Лв *rováv dukhátar* = *rováv andái dukh* 'плачу от боли';
 IV. У *nakhl'óm diz'átar* = *nakhl'óm andái e diz* 'я прошел через город'.

Звательная форма

Во всех цыганских диалектах Европы существует звательная форма (vocativus), формальными признаками которой являются особые флексии, присоединяемые к основе прямого или косвенного падежа имени существительного. Наиболее распространенными флексиями являются:

- 1) мужской род, единственное число — *-a*, *-eua* (I. Р, П, Л *pšátal*; III. С, В *phraléyal* 'брат!');
- 2) женский род, единственное число — *-e*, *-iye*, *-iyo* (I. Р, П *pxénel*; III. С, В; IV. К, У, Е *pheníyel*; V. Лв *pheníyo!* 'сестра!');
- 3) множественное число обоих родов — *-le*, *-len* (I. Р, П *pšatátel* *pxen'á-tel*; IV. Е, К *phratáten!*, *phen'áten!*).

Притяжательная форма

От любого существительного в цыганском языке можно образовать притяжательную (посессивную) форму, имеющую грамматические категории рода, числа и падежа и изменяющуюся, как прилагательные. Эта форма образуется от основы имени существительного путем прибавления к ней аффикса косвенного падежа, суффикса *-ker-* (с вариантами *-kir-*, *-kər-*, *-kor-*, *-kr-*, *-t'ir-*), или *-k-* для форм при одном обладателе, или *-ger-* (с вариантами *-gir-*, *-gər-*, *-gor-*, *-gr-*, *-d'ir-*), или *-g-* для форм при многих обладателях. К построенной таким образом основе притяжательной формы присоединяется соответствующее окончание, выражающее число или род, в зависимости от дифференцирующего признака существительного, с которым сочетается притяжательная форма, например:

III. С	<i>roméskero chávo</i>	'сын цыгана'
	<i>roméskeri chai</i>	'дочь цыгана'
	<i>roméskere cháve</i>	'дети цыгана'
	<i>romn'ákero chávo</i>	'сын цыганки'
	<i>romn'ákəri chai</i>	'дочь цыганки'
	<i>romn'ákere cháve</i>	'дети цыганки'
	<i>roméngero chávo</i>	'сын цыган'
	<i>roméngeri chai</i>	'дочь цыган'
	<i>roméngere cháve</i>	'дети цыган'

Считать эту форму особым родительным падежом (genitivus), как это делают некоторые авторы, нежелательно, потому что она является непарадигматическим образованием и обладает формальными словоизменительными признаками имени прилагательного (табл. 6).

Имя прилагательное

Словоизменительные категории

Категория рода имен прилагательных чаще всего выражена формально. При этом формальным дифференцирующим признаком является лишь окончание формы именительного падежа. Эта группа имен находится в зависимости от имени существительного, с которым прилагательное согласуется в роде, числе и падеже.

Формальным признаком формы мужского рода является флексия *-o* (фонетический вариант *-u*).

Формальным признаком женского рода является флексия *-i* (фонетический вариант *-î*).

Таблица 6

Склонение существительных

I Диалекты цыганского языка		Единственное число					Множественное число							
		род	форма именительного (прямого) падежа	форма косвенного падежа	падежные аффиксы			форма именительного (прямого) падежа	форма косвенного падежа	падежные аффиксы				
					дат.	местн.	отлогит.			твор.	дат.	местн.	отлогит.	твор.
I	Русский	м. ж.	rom rom-ni	rom-és- rom-n'-á-	-kə	-te	-tir	-sa	rom-á rom-n'-á	rom-én- rom-n'-én-	-ge	-de	-dir	-ta
	Польский	м. ж.	rom rom-nl	rom-és- rom-n'-á-	-kə		-tir	-sa	rom-á rom-n'-á	rom-én- rom-n'-én-	-ge		-dir	-ta
	Латвийский	м. ж.	rom rom-nl	rom-és- rom-n'-á-	-ke	-te	-tir	-sa	rom-á rom-n'-á	rom-én- rom-n'-én-	-ge	-de	-dir	-ta
II	Немецкий	м. ж.	rom rom-nl	rom-és- rom-y-á-	-kl	-tl	-tar	-ha	rom-á rom-n'-á	rom-én- rom-n'-én-	-gi	-dl	-dar	-ta
	Словацкий	м. ж.	rom rom-n'i	rom-és- rom-n'-á-	-ke	-te	-tar	-ha	rom-a rom-n'-a	rom-én- rom-n'-én-	-ge	-de	-dar	-ta
III	Венгерский	м. ж.	rom rom-n'i	rom-és- rom-n'-á-	-ke	-te	-tar	-ha	rom-a rom-n'-a	rom-én- rom-n'-én-	-ge	-de	-dar	-ta
	Ерлиндес (София)	м. ж.	rom rom-nl	rom-és- rom-n'-á-	-k'e	-te	-tar	-sa	rom-á rom-n'-á	rom-én- rom-n'-én-	-g'e	-de	-dar	-ta
IV	Крымский	м. ж.	rom rom-nl	rom-és- rom-n'-á-	-k'e	-te	-tar	-sa	rom-á rom-n'-á	rom-én- rom-n'-én-	-g'e	-de	-dar	-ta
	Урсари	м. ж.	rom rom-nl	rom-és- rom-n'-á-	-ke	-te	-tar	-sa	rom rom-n'-á	rom-én- rom-n'-én-	-ge	-de	-dar	-ta
	Дрындари	м. ж.	rom fum-i	rom-ts- fum'-é-	-ki	-ti	-tar	-sa	rom-á fum'-á	rom-in- fum-y-in-	-gi	-di	-dar	-ta

V	Румынский (влашский)	м. ж.	rom rom-n'i	rom'-és- rom-n'-á-	-kɛ	-t'e	-tar	-sa	rom rom-n'-d	rom'-én- rom-n'-án-	-gɤ	-d'e	-dar	-ča
	Кэлэзари	м. ж.	rom rom-n'i	rom'-és- rom-n'-á-	-kɛ	-t'e	-tar	-sa	rom rom-n'-d	rom'-én- rom-n'-án-	-gɤ	-d'e	-dar	-ča
	Ловари	м. ж.	rom rom-n'i	rom'-és- rom-n'-á-	-ke	-te	-tar	-sa	rom rom-n'-d	rom'-én- rom-n'-án-	-ge	-de	-dar	-ča
	Боснийский (гурбети)	м. ж.	rom rom-n'-i	rom'-éh- rom-n'-á-	-c'e	-te	-tar	-ha	rom-d rom-n'-á	rom'-én- rom-n'-én-	-j'e	-de	-dar	-ča
VI	Украинский (левобереж- ный)	м. ж.	rom rom-n'i	rom'-és- rom-n'-á-	-t'i	-te	-tar	-ha	rom-d rom-n'-á	rom'-én- rom-n'-én-	-d'i	-de	-dar	-ča
	Украинский (правобе- режный)	м. ж.	rom rom-n'i	rom'-és- rom-n'-á-	-t'i	-te	-tar	-sa	rom-d rom-n'-á	rom'-én- rom-n'-én-	-d'i	-de	-dar	-ča
VII	Финский	м. ж.	rom rom-n'i	rom'-és- rom-n'-á-	-ke	-te	-ta	-ha	rom-d rom-n'-á	rom'-én- rom-n'-én-	-ge	-de	-dar	-sa
VIII	Уэльский	м. ж.	rom rom-n'i	rom'-és- rom-i-d-	-kl	-ti	-tar	-sa	rom-d rom-y-á	rom'-én- rom-y-én-	-gi	-di	-dar	-sa

Категория числа имен прилагательных в цыганском языке четко выражена. При этом следует отметить, что формальные признаки категорий рода и числа проявляются лишь у имен прилагательных в форме именительного падежа единственного числа. В соответствующей форме множественного числа формальные признаки рода отсутствуют: IV. Е *baró rom* 'большой цыган', *bari rom'i* 'большая цыганка', но *baré romá* 'большие цыгане' и *baré rom'á* 'большие цыганки'.

Во всех цыганских диалектах существует небольшая группа имен прилагательных, не обладающих формальными признаками рода и числа: *šukár* 'красивый, -ая, -ые'; *kis* 'дорогой, -ая, -ие' и др.

Падеж. В большинстве цыганских диалектов имена прилагательные практически имеют две падежные формы: форму прямого падежа и форму косвенного падежа; они могут изменяться и по парадигме всех шести падежей имен существительных. Такое употребление является чрезвычайно редким и наиболее распространено лишь в диалекте VI. Ул: *baréstar roméstar*, *bar'át'i rom'át'i*, *barénde roménde* (ср. I. Р *baré roméstir*, *baré rom'áke*, *baré roménde*).

В форме косвенного падежа формально не обозначены ни категория рода, ни категория числа (IV. Е *baré roméske*, *baré rom'a-ke*, *baré roménge*). Исключение составляют лишь диалекты III группы и диалекты V. Вл, Кл и Лв, где грамматически выражены род и число формы косвенного падежа имен прилагательных, относящихся к существительным женского рода единственного числа (III. С, В *bára rom'áke*; V. Вл *bar'á rom'ákə*, Кл *bar'á rom'ákə*; Лв *bará rom'áke*).

Степени сравнения. В большинстве цыганских диалектов существует только сравнительная степень имен прилагательных, образуемая путем прибавления к корневой основе соответствующих суффиксов: I. Р *-idír*; I. П *-edír*; I. Л *-edír*; II *-ádər*; III. С, В, VI Ул, Уп *-edér*. В диалектах IV и V групп такая форма образуется аналитически посредством предпозиционного прибавления к прямой форме заимствованных префиксов *po-* (IV. Е, Д), *mai-* (IV. К, У; V).

Превосходная степень образуется при помощи дополнительных слов, обычно заимствованных:

I Р *sámo baridír* 'самый большой';

II *kólo bārədər*;

III. В *læg bāreder*;

VI. Ул *mai baredér*.

Отметим, что форма сравнительной степени имен прилагательных совпадает с формой сравнительной степени наречий.

Сравнительная степень имени прилагательного *luchš* 'хороший' образуется нерегулярно:

I. Р *lac'ó = fedidír*

II *láco = fédədər*

III. С, В *lácho = fededér*

Имя числительное

В цыганском языке различаются числительные количественные и порядковые. Формальными словоизменительными признаками обладают лишь порядковые числительные. Категория рода выражается только в косвенном падеже порядковых числительных и в косвенном падеже количественного числительного *ye(h)*, *ek(h)* 'один', 'одна'.

Количественные числительные имеют грамматически выраженную форму косвенного падежа, единую для мужского и женского рода, а также для единственного и множественного числа.

По составу имена числительные подразделяются на простые, сложные и составные:

1. К простым относятся однокорневые числительные — от одного до десяти включительно (*yekh* 'один', *dui* 'два', *trin* 'три', *štār* 'четыре', *pañj* 'пять', *šov* 'шесть', *eftá* 'семь' < н.-греч. ἑφτά, *oxtó* 'восемь' < н.-греч. ὀχτώ; *en'á* 'девять' < н.-греч. ἐννιά; *deš* 'десять'; *biš* 'двадцать'; *šel* 'сто').

2. К сложным относятся все числительные второго десятка (*dešuyék* 'одиннадцать', *dešudúi* 'двенадцать' и т. д. до числительного, обозначающего двенадцать включительно), и числительные, обозначающие десятки (*pāñjvardēš* 'пятьдесят', *šovardēš* < *šovvardēš* 'шестьдесят' и т. д.). Для обозначения тридцати во всех диалектах употребляются фонетические варианты новогреческого числительного *tránda*. В некоторых диалектах для обозначения сорока и пятидесяти употребляются фонетические варианты новогреческих *saránda* и (соответственно) *pevṗnda*.

3. К составным относятся имена числительные, состоящие из двух или нескольких простых или сложных числительных (*eftávardēš thai štar* 'семьдесят четыре', *dui šelá en'avardēš thai yekh* 'двести девяносто один' и т. д.) (табл. 7).

Таблица 7

Образование сложных и составных числительных
в V. Лв диалекте

Единицы	2-й десяток	Десятки	Сотни	Образцы составных числительных
1 <i>ek</i>	<i>deš-u-(y)ék</i>	<i>deš</i>	<i>šet</i>	25— <i>biš lai pañž'</i> 47— <i>štārvardēš lai eftá</i> и т. д.
2 <i>dul</i>	<i>deš-u-dúi</i>	<i>biš</i>	<i>dul šetá</i>	
3 <i>trin</i>	<i>deš-u-trin</i>	<i>tránda</i>	<i>trin šetá</i>	
4 <i>štār</i>	<i>deš-u-štār</i>	<i>štār-var-dēš</i>	<i>štār šetá</i>	
5 <i>pañž'</i>	<i>deš-u-pañž'</i>	<i>pañž'-var-dēš</i>	<i>pañž' šetá</i>	
6 <i>šov</i>	<i>deš-u-šov</i>	<i>šov(v)-var-dēš</i>	<i>šov šetá</i>	
7 <i>eftá</i>	<i>deš-u-(y)eftá</i>	<i>eftá-var-dēš</i>	<i>eftá šetá</i>	
8 <i>oxtó</i>	<i>deš-u-oxtó</i>	<i>oxtó-var-dēš</i>	<i>oxtó šetá</i>	
9 <i>en'á</i>	<i>deš-u-en'á</i>	<i>en'á-var-dēš</i>	<i>en'á šetá</i>	

Числительные, обозначающие тысячу, в большинстве случаев являются заимствованными: I. Р, П *tis'ónčo* < польск. *tysiąc*; II *tóuzentu* < нем. *Tausend*; III. С *ézeros*, III. В; V. Лв *ezéro* < венг. *ezer*; V. Вл, Кл *miya* < рум. *mie*; IV. К *bln'i* < крым. тат. *бин* и т. д.

Порядковые числительные образуются посредством прибавления к форме количественного числительного суффикса *-to* (заимствование из новогреческого?). Формальное выражение рода у порядковых числительных в именительном падеже отсутствует: *dúito* 'первый' и 'первая', *štárto* 'четвертый' и 'четвертая'. Категории падежа и числа у порядковых числительных выражаются так же, как у имен прилагательных.

Во многих диалектах числительное, обозначающее «первый, -ая», является заимствованием: I. Р *pérvo* < русск., I. П *p'éršo*; I. Л *pér-*

šu <польск. *pierwszy*; II *érštu* <нем. *erst*; III. В *élšeno* <венг. *első* и т. д.

Дробные и собирательные числительные в цыганском отсутствуют.

Местоимение

Местоимения диалектов цыганского языка можно разделить на два больших класса: 1) личные, 2) неличные.

К личным местоимениям мы относим: собственно личные, возвратные, притяжательные.

В соответствии с различными словоизменительными признаками, а также по характеру грамматических связей с другими словами местоимения делятся на местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, местоимения-числительные и местоимения-наречия.

Личные местоимения

Этот класс по своему морфологическому уровню состоит из местоимений-существительных и местоимений-прилагательных, которые имеют полный набор грамматических категорий класса имен: категорию рода, числа и падежа.

Личные местоимения-существительные в зависимости от их функции в предложении могут выступать в прямом и косвенном падежах без предлога или с предлогами (табл. 8):

Таблица 8

Склонение личных местоимений в IV. К диалекте

Падеж	Единственное число				Множественное число		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо		1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
	—	—	м. р.	ж. р.	—	—	—
Именительный	<i>me</i>	<i>tu</i>	<i>ov</i>	<i>oi</i>	<i>amé</i>	<i>tumé</i>	<i>on</i>
Винительный	<i>man</i>	<i>tu-t</i>	<i>des</i>	<i>ta</i>	<i>amé-n</i>	<i>tumé-n</i>	<i>ten</i>
Дательный	<i>máŋ-g'e</i>	<i>tú-k'e</i>	<i>tés-k'e</i>	<i>tá-k'e</i>	<i>amé-ŋ-g'e</i>	<i>tumé-ŋ-g'e</i>	<i>tég-g'e</i>
Местный	<i>mán-de</i>	<i>tú-te</i>	<i>tés-te</i>	<i>tá-te</i>	<i>amé-n-de</i>	<i>tumé-n-de</i>	<i>tén-de</i>
Отложительный	<i>mán-dar</i>	<i>tú-tar</i>	<i>tés-tar</i>	<i>tá-tar</i>	<i>amé-n-dar</i>	<i>tumé-n-dar</i>	<i>tén-dar</i>
Совместно-притяжательный	<i>mán-ča</i>	<i>tú-sa</i>	<i>tés-(s)a</i>	<i>tá-sa</i>	<i>amé-n-ča</i>	<i>tumé-n-ča</i>	<i>tén-ča</i>

Возвратное местоимение *pe* 'себя' не имеет категории рода, но во многих диалектах обладает выраженной категорией числа, причем в единственном числе оно изменяется по парадигме склонения личного местоимения *ov* (*uov*, *voov*) 'он', а во множественном числе в части диалектов — по парадигме склонения местоимения *on* (*uoné*, *voné*, *von*) 'они', в другой части — по парадигме склонения местоимения *tumé* 'вы' (табл. 9).

Возвратное местоимение не имеет ярко выраженной категории лица. Во всяком случае, носители многих диалектов (I. Р, П; VI. Ул, Уп, некоторых говоров III. С) употребляют его для всех лиц. В других диалектах оно употребляется только для 3-го лица.

Таблица 9

Склонение возвратного местоимения в IV. К диалекте

Падеж	Число	
	единственное	множественное
Именительный	—	—
Винительный	<i>pes</i>	<i>pen</i> (III В <i>púme-n</i>)
Дательный	<i>pés-k'e</i>	<i>pég-g'e</i> (III В <i>púme-η-ge</i>)
Местный	<i>pés-te</i>	<i>pén-de</i> (III В <i>púme-n-de</i>)
Отложительный	<i>pés-tar</i>	<i>pén-dar</i> (III В <i>púme-n-dar</i>)
Совместно-орудийный	<i>pé(s)-sa</i>	<i>pén-ča</i> (III В <i>púme-n-ča</i>)

Притяжательные местоимения-прилагательные имеют категории рода, числа, падежа, которые находятся в зависимости от синтаксической согласованности с определяемым словом. Кроме того, как и все местоимения этого подкласса, они обладают категорией лица. Притяжательные местоимения 3-го лица имеют формальные словоизменительные признаки (аффикс, суффикс, окончание) притяжательной формы имен существительных (табл. 10).

Таблица 10

Притяжательные местоимения в IV. К диалекте

Число	Лицо	Грамматические показатели определяемого слова		
		ед. число		мн. число
		мужской род	женский род	мужской и женский род
Единственное	1-е	<i>miró, mo</i>	<i>mlri, mi</i>	<i>miré, me</i>
	2-е	<i>tiró, to</i>	<i>tlrl, ti</i>	<i>tiré, te</i>
	3-е	<i>téskoro</i> <i>tákoro</i>	<i>tésk'eri</i> <i>ták'eri</i>	<i>tésk'ere</i> <i>ták'ere</i>
Множественное	1-е	<i>amaró</i>	<i>amari</i>	<i>amaré</i>
	2-е	<i>tumaró</i>	<i>tumari</i>	<i>tumaré</i>
	3-е	<i>téngoro</i>	<i>téng'eri</i>	<i>téng'ere</i>
Возвратно-притяжательное местоимение		<i>po, piró</i>	<i>pl, plri</i>	<i>pe, plré</i>

Неличные местоимения

Вопросительные местоимения *ko(n)* 'кто' и *so* 'что' (II *ho*) имеют категорию падежа при отсутствии категорий рода и числа. Изменяются, как имена существительные единственного числа.

Местоимение-прилагательное *savó* 'какой' имеет категории рода, числа и падежа и согласуется с определяемым существительным (I. P *savé roméndîr san?* 'из каких ты цыган?').

Довольно небольшую группу составляют неизменяемые вопросительные местоимения: I. Р, П *kičî*; I. Л *kičî*; III. С *kéci*; III. В *klt'v'i*

VI. Ул *škačl*; V. Вл *kik'i*; IV. Е, У, К *kabór, kazóm*; V. Вл, Кл *sód'e*, Лв *sóde* — 'сколько' и т. д.

Указательные местоимения объединяются в две большие группы: 1) указывающие на близлежащий предмет, 2) указывающие на удаленный предмет. Дифференцирующим формальным признаком в данном случае является наличие в корневой основе местоимений первой группы гласного *-a-*, в корневой основе второй группы — гласного *-o-* (табл. 11).

Таблица 11

Указательные местоимения мужского рода
единственного числа

Диалекты	Близлежащий предмет		Удаленный предмет	
I. Р, П, Л	<i>adavá, adá</i>	'этот'	<i>odová, odó</i>	'тот'
II	<i>dóuva, kóuva</i>		<i>dóuva, kóuva</i>	
III. В	<i>áda</i>		<i>óda</i>	
IV. К	<i>adavká, akavá</i>		<i>odovká, oková</i>	
V. Лв	<i>kadó, kakó</i>		<i>kodó, kukó</i>	
VI. Ул	<i>kadavá, kadá, kavá</i>		<i>kodová, kodá, ková</i>	

Указательные местоимения по словоизменительным признакам относятся к местоимениям-прилагательным и поэтому имеют категорию рода, числа и падежа (прямого и косвенного). К этим местоимениям стоит близко местоимение-прилагательное со значением «такой», конструктивно происходящее от указательных местоимений 1-ой группы:

Диалекты	Форма указательного местоимения «такой»	Диалекты	Форма указательного местоимения «такой»
I. Р, П	<i>adásavo</i>	IV. Д	<i>kisatú</i>
I. Л	<i>yúsavu</i>	V. Вл	<i>gasabó</i>
II	<i>asávu</i>	V. Кл	<i>kasavó</i>
III. С	<i>áiso</i>	V. Лв	<i>kečavó</i>
III. В	<i>ásavo</i>	V. Ю	<i>gasavó</i>
IV. Е, У, К	<i>asavkó</i>	VI. Ув. Уп	<i>kačavó</i>

Неизменяемое указательное местоимение: I. Р, П *adúkičl*; III. С *áičl*, В *at't'i*; IV. Е, У, К *aborká, azomká*; V. Вл, Кл *kad'it'i*, Лв *kát'i* — 'столько'.

Определительные местоимения в большинстве случаев изменяются, как прилагательные, имеющие категорию падежа, рода и числа: I. Р, П *saró*, Л *sáru*; III *sávoro*; IV. Е *sávoro*; У *saroró*, Д *sóu-ru*; V Вл *sáoro*; Кл *sávoŕo*, Лв *sávouŕo*; VI *usávoro* — 'весь'; I, Р, П *ko-koró*, Л *kóru*; II *kókəro* — 'сам'.

Местоимение I. Р, П *vavér* — 'другой, -ая, -ое' (Л *vār*, II *váver*, III *áver*, IV *avér* и т. д.) не имеет категории рода (а в большинстве диалектов — и числа) и изменяется, как прилагательное.

Неизменяемые местоимения: *sa* (V. Вл *se*, Кл *s'a*) и II *haláutər* — 'весь', 'вся', 'всё', 'все'.

Отрицательные местоимения генетически связаны с соответствующими относительными местоимениями и грамматически образуются посредством прибавления к соответствующим относительным местоимениям препозитивной частицы *ni-* (из славянских) со значением

отрицания. В ряде диалектов имеются другие, чаще всего неизменяемые, формы: IV. Д *nikhác* 'ничто', *nikhánžur* 'никто'; V *khánc'it* 'ничто', *khón'ik* 'никто'.

Неопределенные местоимения образуются путем прибавления к соответствующим относительно-вопросительным местоимениям препозитивных частиц, обычно заимствованных.

Класс глагола

Классифицирующие категории

Переходность—непереходность. Глаголы подразделяются на переходные и непереходные. Чаще всего переходность или непереходность в цыганском глаголе формально не выражена: *bistráv* 'забываю', *maráv* 'бью'. Эта категория выражается только в синтаксических связях.

Возвратность—невозвратность. Почти от каждого переходного глагола можно образовать возвратные глаголы. Формально эта категория может быть выражена двумя способами: 1) присоединением к корневой основе глагола особого суффикса со значением возвратности (*kér-d'-o-l* < *ker-d'-uv-el*); 2) присоединением к личным формам глагола соответствующим личным местоимениям в форме винительного падежа (1-е и 2-е л. ед. и мн. ч.) и возвратного местоимения *pe(s)* (3-е л. ед. ч.), *pe(n)* (3-е л. мн. ч.) к личному окончанию.

Единственное число

Множественное число

1-е л. *láv-man* 'берусь'

lás-amén 'беремся'

2-е л. *lés-tul* 'берешься'

lén-tumén 'беретесь'

3-е л. *lél-pes* 'берется'

lén-pen 'берутся'

Примечание. В I. Р и П диалектах и в диалектах VI группы возвратной частицей для всех лиц является местоимение *pe(s)*, например, I. Р: 1-е л. ед. ч. *tava-pe*, 2-е л. ед. ч. *tésa-pe*, 3-е л. ед. ч. *tétu-pe*, 1-е л. мн. ч. *tása-pe*, 2-е л. мн. ч. *téna-pe*, 3-е л. мн. ч. *téna-pe*.

Каузативность—некаузативность. Категория каузативности в определенной плоскости перекрещивается с категорией переходности-непереходности. Дифференцирующим формальным признаком каузативных глаголов являются различные суффиксы древнеиндийского происхождения (*bešáv* 'сажу' — *beš-av-áv* 'сажаю'; *sikl'uváv* 'учусь' — *sikl'-ar-áv* 'учу'). В диалектах I группы каузативность выражается с помощью суффикса *-kir-*: I. Р *bešáva* — *beša-kir-áva*; I. П *sikl'uváv* — *sikl'a-kir-áv*.

Категория залога является наиболее слабо выраженной, поскольку она перскрещивается с категорией переходности—непереходности, возвратности—невозвратности, каузативности—некаузативности. Можно предположить, например, что возвратные глаголы являются страдательными, а каузативные и переходные — действительными.

Категория вида в цыганском глаголе может быть выражена только в синтаксических связях. В некоторых диалектных группах она выражается и грамматически с помощью заимствованных префиксов:

I. Р *maráva* 'бью' — *za-maráva* 'забиваю';

I. П *j'av* 'иду' — *pše-j'av* 'перехожу';

II. Н *jiyúm* 'я шел' — *fər-jiyúm* 'я перешел' (другой способ выражения *jiyúm durx*).

Словоизменительные категории

Предикативными словоизменительными категориями цыганского глагола являются: наклонение, время, лицо, число, род.

Предикативные формы

Глаголы в цыганском языке делятся на простые и производные. К простым относится большинство глаголов с односложными корнями: *ker-* 'делать', *mar-* 'бить', *ja-* 'идти' и т. д. Производные глаголы, образованные от простых глаголов, имен существительных и имен прилагательных при помощи различных аффиксов, имеют значения:

1) состояния, связанного с понятием того или иного признака: *barvál'ov-* 'богатеть' (<*barvaló* 'богатый'), *likn'ov-* 'уменьшаться' (<*tiknó* 'маленький');

2) действия замкнутого, сосредоточенного на самом его производителе. В данном случае производные глаголы образуются от основы причастия: *biyánd'ov-* 'рождаться' (*biyan-* 'родить'), *sikád'ov-* 'показываться' (*sikav-* 'показывать');

3) действия, вызванного какой-либо причиной (каузативность): *achav-* 'оставить' (*ach-* 'остаться'), *perav-* 'свалить' (*per-* 'падать').

Глагол, выступая в предложении в значении предиката, имеет личные формы наклонения. Неличные формы вместе с фонетическими вариантами вспомогательного глагола «быть» образуют составное сказуемое или выступают в значении других членов предложения.

В цыганском языке три наклонения: изъявительное, условно-сослагательное (желательное) и повелительное. Изъявительное наклонение утверждает или отрицает действие или состояние в настоящем, будущем и прошедшем времени. Условно-сослагательное (желательное) наклонение выражает: а) действие или состояние, предполагаемое, желаемое или которое могло бы совершиться при известных условиях; б) действие, зависимое от другого действия, — в данном случае эта форма выступает в функции неопределенного наклонения, которое в цыганском отсутствует. Такое употребление условно-сослагательного (желательного) наклонения, нам кажется, обусловлено влиянием языков так называемого балканского языкового союза, в ареале которых цыгане находились в течение относительно длительного времени. В некоторых диалектах под влиянием языков окружающего населения некоторые личные формы условного наклонения приняли на себя функцию инфинитива: I. *P te kerés* 'делать' (2-е л. ед. ч.); I. П, Л *te kerét* (3-е л. ед. ч.); II *ti kéren*; III *te kéren* (3-е л. мн. ч.).

Повелительное наклонение обозначает действие или состояние, совершения которого требуют или просят. Обычно оно имеет формы 2-го лица единственного и множественного числа. В диалектах IV и V групп под влиянием языков Балканского полуострова в значении повелительного наклонения часто употребляются личные формы условно-сослагательного наклонения (подробнее об образовании форм условно-сослагательного наклонения см. в очерке «Цыганский язык» [Вентцель, 80—92]):

IV. *У te avés mánde ráno* (вместо *ау mánde ráno*) 'приди завтра ко мне';

V. *Кл t'e na kər'bs kadó!* (вместо *на кər kadó*) 'не делай этого!'.

Изъявительное наклонение имеет четыре формы времени: 1) настоящее (в ряде диалектов — настоящее-будущее); 2) будущее; 3) прошедшее совершенное, 4) прошедшее несовершенное.

Форма настоящего времени обозначает: а) действие или состояние, совершающееся одновременно с речью говорящего; б) действие или состояние, предстоящее в будущем как законченное. Образуется путем прибавления к основе глагола личных окончаний настоящего времени.

Форма будущего времени обозначает действие или состояние, завершение которого предполагается в будущем. Образуется путем прибавления к форме настоящего времени аффикса *-a* (I. П; III; V. Вл, Кл, Лв; VI), или препозитивных частиц (IV. Е *ka-*, IV. У, К *kan-*, IV. Д *ta-*), или же присоединением к личным формам настоящего времени глагола *le-* 'брать' спрягаемого глагола в условно-сослагательном наклонении (I. Р, Л).

Форма прошедшего совершенного времени обозначает прошедшее и законченное действие или состояние. Можно предположить, что формы прошедшего совершенного развились из сочетания форм причастия с глаголом «быть» в настоящем времени. В большинстве диалектов форма 3-го лица множественного числа совпадает с формой причастия во множественном числе.

Форма прошедшего несовершенного времени передает длительное действие или состояние в прошлом, совершавшееся несколько раз. Образуется путем прибавления окончания *-as* (в I. П *-is*; в II *-es*) к формам настоящего времени.

Многие из цыганских диалектов различают два вида: совершенный и несовершенный. Совершенный вид выражается прибавлением к формам того или иного времени соответствующих окончаний (см. выше — образование форм прошедшего несовершенного времени), или прибавлением к формам глагола заимствованных префиксов (особенно в I, III. С, VI и отчасти в IV. Е, Д).

Примечание. В диалекте III. С путем прибавления к основе глагола суффикса *-ker-* образуется вид, выражающий многократность (последовательность) действия:

bešen 'сидят' — *beškeren* 'сидятся один за другим';
košavas (*košas*) 'ругал' — *koškeravas* (*koškeras*) 'ругивал'.

Типы спряжений

Исконные глаголы в цыганском языке имеют три спряжения, отличающиеся аффиксами основ настоящего и прошедшего времени. Личные окончания для каждого лица единственного и множественного числа в одних и тех же временах для всех трех спряжений одинаковы (за исключением форм глагола «быть») (табл. 12):

Аффиксы основ настоящего и прошедшего времени

Настоящее время

I спряжение II спряжение III спряжение

Единственное и множественное число

1-е л.	<i>-a-</i>	<i>-a-</i>	<i>-ova-</i> (<i>-uva-</i>)
2-е л.	<i>-e-</i>	<i>-a-</i>	<i>-o-</i>
3-е л.	<i>-e-</i>	<i>-a-</i>	<i>-o-</i>

Прошедшее время

Единственное и множественное число

1-е л.	-d-, -l-	-il-, -in-, -andin-	-il-
2-е л.	-d-, -l-	-il-, -in-, -andin-	-il-
3-е л.	-d-, -l-	-il-, -in-, -andin-	-il-

Примечание. В приведенной парадигме спряжения даны аффиксы в форме, исходной для всех цыганских диалектов Европы. В некоторых из них в результате палатализации согласных и редукции гласных они представлены в других фонетических вариантах.

Личные окончания глагола

Настоящее время

Единственное число

1-е л. -v	(I. P, Л, II, IV. Д, VII, VIII — -va)
2-е л. -s	(V. Ю, VI. Ул — -h; I. P, Л, IV. Д, VII — -sa; II, VIII — -ha)
3-е л. -l	(I. P, Л, IV. Д — -ta; VII, VIII — -la; II — -le)

Множественное число

1-е л. -s	(V. Ю, VI. Ул — -h; I. P, Л, IV. Д, VII — -sa; II, VIII — -ha)
2-е л. -n	(I. P, Л, IV. Д, VII, VIII — -na; II — -nə)
3-е л. -n	

Прошедшее время

Единственное число

1-е л. -om	(I. Л — -um; IV. Д — -im; V, VI. Ул — -em)
2-е л. -an	(II, III, VIII — -al)
3-е л. -as	(I, III. В; VI — -a)

Множественное число

1-е л. -am	(В диалекте VI. Ул совпадает с окончаниями 3-го л. мн. ч.)
2-е л. -an	(В диалектах II, V. Ю — -en, в диалектах I, IV. Д, VI совпадает с окончаниями 3-го л. мн. ч.)
3-е л. -e, -ne, -le	(В диалекте II совпадает с окончанием 2-го л. мн. ч.)

Повелительное наклонение

2-е л. сд. ч. корень, корень+глагольный аффикс	↓
2-е л. мн. ч. -n.	

В пределах I спряжения различается несколько групп глаголов, которые в зависимости от конечного корневого согласного имеют в формах прошедшего совершенного времени разные аффиксы (табл. 13):

1-я глагольная группа — аффикс -d у глаголов с конечными корневыми согласными -r-, -l-, -n-, -v-:

mar- 'бить' — mar-d-,
 khel- 'играть', 'плясать' — khel-d-,
 šun- 'слушать' — šun-d-,
 chiv- 'лить' — chi(v)-d-.

2-я глагольная группа — аффикс *-l* у глаголов с конечными корневыми согласными *-s-*, *-š-*, *-c-*, *-k-*, *-kh-*, *-g-*:

khos- 'тереть' — *khos-l-*;

beš- 'сидеть' — *beš-l-*;

phuc- 'спрашивать' — *phuc-l-*;

dikh- 'смотреть' — *dikh-l-*;

magg- 'просить' — *magg-l-*.

3-я глагольная группа — аффикс *-in* у глаголов с конечными корневыми согласными *-d-*:

cumid- 'целовать' — *cumid-in-*.

По диалектам количество таких групп может варьировать. В диалектах I группы (Р, П, Л), например, можно выделить в особый разряд глаголы с конечными корневыми согласными *-s-*, *-š-*, *-c-*, *-k-*, которые могут иметь в формах прошедшего совершенного времени аффикс *-t* (I. Р *l'*=I. П *c'*=I. Л *c*, *y*, *š*):

I. Р <i>kxost'óm</i>	I. П <i>kxosć'óm</i>	I. Л <i>khošćúm</i>
<i>best'óm</i>	<i>bešč'óm</i>	<i>bešyum</i>
<i>pxic't'óm</i>	<i>pxiść'óm</i>	<i>phicúm</i>
<i>dixt'óm</i>	<i>dikxć'óm</i>	<i>dikšúm</i>

В диалектах III группы (С, В) такой аффикс иногда принимают глаголы с конечным корневым согласным *-s-*, *-š-*, *-č-*: III. С *khost'óm*, *bešt'óm*, *phuct'óm*, *dikhť'óm*.

В диалектах I группы (Р, П, Л) в форме 3-го лица множественного числа прошедшего совершенного эти глаголы могут иметь или аффикс *-t-*, или аффикс *-n-* (в некоторых говорах и I Р аффикс *-t-*):

kxosté, *kxosné* (*kxosté*);

bešté, *bešné* (*bešté*);

pxuc'té, *pxuc'né* (*pxuc'té*);

dikxté, *dikxné* (*dikxté*) (см. табл. 12, 13).

Неправильные глаголы

В цыганском языке имеется некоторое количество глаголов, каждый из которых имеет особенности формообразования, отличающие его от всех других глаголов (разноспрягаемые глаголы): *av-* 'приходить', 'прийти' (в некоторых диалектах еще и 'быть'), *bist(e)r-* 'забывать', *bik(i)n-* 'продавать', *rov-* 'плакать', *sov-* 'спать', *ov-* 'быть', *pi-(piyáv)* 'пить', *le-(lav)* 'брать', *de-(dav)* 'давать', 'дать', *per-* 'падать', *mer-* 'умирать', *ja-(jav)* 'идти', *xa-* 'есть' и др.

Глаголы *av-*, *bistr-*, *bikn-*, *rov-*, *sov-*, *pi-*, *le-*, *mer-*, *per-* относятся к I спряжению.

Глагол *av-* вместо ожидаемого аффикса *-d-* в формах прошедшего совершенного времени имеет аффикс *-l-* (с фонетическими вариантами):

I. Р, П *yav-y-óm* < *yav-l-óm*;

III. С *avl'óm*;

IV. Е, У, К *al'óm*;

V. Вл, Кл *avil'étm*, Лв, Ю *avitétm*;

VI. Ул *avil'óm*.

Глагол *bistr-* имеет в прошедшем совершенном времени основу *bister-*, глагол *bikh-* — *bikin-*.

Глагол *rov-* меняет основу на *gu-* (иногда с сохранением основы или вставным *-n-*).

Глагол *sov-* меняет основу на *sl-* и аффикс *-t-*.

Глаголы *pi-*, *le-* сохраняют в форме прошедшего совершенного

Изъявительное наклонение

Диалекты цыганского языка		Настоящее время					
		единственное число			множественное число		
		1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-с лицо	2-е лицо	3-е лицо
I	Русский	<i>ker-á-va</i>	<i>ker-é-sa</i>	<i>ker-é-ta</i> (<i>ker-ta</i>)	<i>ker-á-sa</i>	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)
	Польский	<i>ker-á-v</i>	<i>ker-é-s</i>	<i>ker-é-t</i>	<i>ker-á-s</i>	<i>ker-é-n</i>	<i>ker-é-n</i>
	Латвийский	<i>ker-á-va</i> (<i>ker-d</i>)	<i>ker-é-sa</i>	<i>ker-é-ta</i> (<i>kér-ta</i>)	<i>ker-á-sa</i>	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)
II	Немецкий	<i>ker-á-va</i> (<i>ker-ou</i>)	<i>ker-é-ha</i>	<i>ker-é-le</i>	<i>ker-á-ha</i>	<i>ker-é-na</i>	<i>ker-é-na</i>
III	Словацкий	<i>kér-a-v</i>	<i>kér-e-s</i>	<i>kér-e-l</i>	<i>kér-a-s</i>	<i>kér-e-n</i>	<i>kér-e-n</i>
	Венгерский	<i>kér-a-v</i>	<i>kér-e-s</i>	<i>kér-e-l</i>	<i>kér-a-s</i>	<i>kér-e-n</i>	<i>kér-e-n</i>
IV	Ерлидес (г. София)	<i>k'er-á-va</i>	<i>k'er-é-sa</i> (<i>k'ér-sa</i>)	<i>k'er-é-ta</i> (<i>k'ér-ta</i>)	<i>k'er-á-sa</i>	<i>k'er-é-na</i> (<i>k'ér-na</i>)	<i>k'er-é-na</i> (<i>k'ér-na</i>)
	Крымский	<i>k'er-á-v</i>	<i>k'er-é-s</i>	<i>k'er-é-t</i>	<i>k'er-á-s</i>	<i>k'er-é-n</i>	<i>k'er-é-n</i>
	Урсари	<i>ker-á-υ</i>	<i>ker-é-s</i>	<i>ker-é-t</i>	<i>ker-á-s</i>	<i>ker-é-n</i>	<i>ker-é-n</i>
	Дрынлари	<i>kər-á-va</i>	<i>kər-é-sa</i> (<i>kör-sa</i>)	<i>kər-é-ta</i> (<i>kör-ta</i>)	<i>kər-á-sa</i>	<i>kər-é-na</i> (<i>kör-na</i>)	<i>kər-é-na</i> (<i>kör-na</i>)
V	Румынский (влаш- ский)	<i>kər-á-υ</i>	<i>kər-é-s</i>	<i>kər-é-t</i>	<i>kər-á-s</i>	<i>kər-é-n</i>	<i>kər-é-n</i>
	Кэлдэрари	<i>kər-á-v</i>	<i>kər-é-s</i> (<i>kər-é-h</i>)	<i>kər-é-t</i>	<i>kər-á-s</i> (<i>kər-á-h</i>)	<i>kər-é-n</i>	<i>kər-é-n</i>
	Ловари	<i>ker-á-v</i>	<i>ker-é-s</i>	<i>ker-é-t</i>	<i>ker-á-s</i>	<i>ker-é-n</i>	<i>ker-é-n</i>
	Боснийский (гурбети)	<i>c'er-á-v</i>	<i>c'er-é-h</i>	<i>c'er-é-t</i>	<i>c'er-á-h</i>	<i>c'er-é-n</i>	<i>c'er-é-n</i>
VI	Украинский (лево- бережный)	<i>čer-á-υ'</i>	<i>čer-é-h</i>	<i>čer-é-t</i>	<i>čer-á-h</i>	<i>čer-é-n</i>	<i>čer-é-n</i>
	Украинский (право- бережный)	<i>t'er-á-υ</i>	<i>t'er-é-s</i>	<i>t'er-é-t</i>	<i>t'er-á-s</i>	<i>t'er-é-n</i>	<i>t'er-é-n</i>
VII	Финский	<i>cer-á-va</i> (<i>cer-á-a</i>)	<i>cer-é-ha</i>	<i>cer-é-la</i> (<i>cér-la</i>)	<i>cer-á-ha</i>	<i>cer-é-na</i> (<i>cér-na</i>)	<i>cer-é-na</i> (<i>cér-na</i>)
VIII	Уэльский	<i>ker-á-va</i>	<i>ker-é-sa</i> (<i>ké-sa</i>)	<i>ker-é-la</i> (<i>ké-la</i>)	<i>ker-á-sa</i>	<i>ker-é-na</i> (<i>ké-na</i>)	<i>ker-é-na</i> (<i>ké-na</i>)

Диалекты цыганского языка		Прошедшее совершенное время					
		единственное число			множественное число		
		1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-с лицо	2-с лицо	3-е лицо
I	Русский	<i>ker-d'òm</i>	<i>ker-d'-àn</i>	<i>ker-d'-á</i>	<i>ker-d'-ám</i>	<i>ker-d-é</i>	<i>ker-d-é</i>
	Польский	<i>ker-f'-òm</i>	<i>ker-f'-àn</i>	<i>ker-f'-á</i>	<i>ker-f'-ám</i>	<i>ker-d-é</i>	<i>ker-d-é</i>
	Латвийский	<i>ker-j'-òm</i>	<i>ker-j'-àn</i>	<i>ker-j'-á</i>	<i>ker-j'-ám</i>	<i>ker-d-é</i>	<i>ker-d-é</i>
II	Немецкий	<i>kér-d'-òm</i>	<i>ker-d'-ál</i>	<i>ker-d'-ás</i>	<i>ker-d'-ám</i>	<i>ker-d'-én</i>	<i>ker-d'-én</i>
III	Словацкий	<i>kér-d'-òm</i>	<i>kér-d'-ál</i>	<i>kér-d'-ás</i>	<i>kér-d'-ám</i>	<i>kér-d'-án</i>	<i>kér-d-é</i>
	Венгерский	<i>kér-d'-òm</i>	<i>kér-d'-ál</i>	<i>kér-d'-á</i>	<i>kér-d'-ám</i>	<i>kér-d'-án</i>	<i>kér-d-é</i>
IV	Ерлидес (г. Со- фия)	<i>k'er-d'-òm</i>	<i>k'er-d'-àn</i>	<i>k'er-d'-ás</i>	<i>k'er-d'-ám</i>	<i>k'er-d'-én</i>	<i>k'er-d-é</i>
	Крымский	<i>k'er-d'-òm</i>	<i>k'er-d'-àn</i>	<i>k'er-d'-ás</i>	<i>k'er-d'-ám</i>	<i>k'er-d'-én</i>	<i>k'er-d-é</i>
	Урсари	<i>ker-d'-òm</i>	<i>ker-d'-àn</i>	<i>ker-d'-á</i>	<i>ker-d'-ám</i>	<i>ker-d'-én</i>	<i>ker-d-é</i>
	Дрындари	<i>kər'-im</i>	<i>kər'-àn</i>	<i>kər'-ás</i>	<i>kər'-ám</i>	<i>kər-d-i</i>	<i>kər-d-i</i>
V	Румынский (влашский)	<i>kər-d'-ém</i>	<i>kər-d'-àn</i>	<i>kər-d'-ás</i>	<i>kər-d'-ám</i>	<i>kər-d'-án</i>	<i>kər-d'-é</i> (<i>kər-din'-é</i>)
	Кэлдэрари	<i>kər-d'-ém</i>	<i>kər-d'-àn</i>	<i>kər-d'-ás</i>	<i>kər-d'-ám</i>	<i>kər-d'-án</i>	<i>kər-d'-é</i> (<i>kər-din'-é</i>)
	Ловари	<i>ker-d-ém</i>	<i>ker-d-àn</i>	<i>ker-d-ás</i>	<i>ker-d-ám</i>	<i>ker-d-ám</i>	<i>ker-d-é</i> (<i>ker-din-é</i>)
	Боснийский (гурбети)	<i>c'er-d-ém</i>	<i>c'er-d-àn</i>	<i>c'er-d-áh</i>	<i>c'er-d-ám</i>	<i>c'er-d-én</i>	<i>c'er-d-é</i>
VI	Украинский (лепобереж- ный)	<i>čer-d-òm</i>	<i>čer-d-àn</i>	<i>čer-d-á</i>	<i>čer-d-é</i>	<i>čer-d-é</i>	<i>čer-d-é</i>
	Украинский (правобереж- ный)	<i>t'er-d-ém</i>	<i>t'er-d-àn</i>	<i>t'er-d-á</i>	<i>t'er-d-ám</i>	<i>t'er-d-é</i>	<i>t'er-d-é</i>
VII	Финский	<i>cer-d-òm</i>	<i>cer-d-ál</i>	<i>cer-d-ás</i>	<i>cer-d-ám</i>	<i>cer-d-án</i>	<i>cer-d-é</i>
VIII	Уэльский	<i>ker-d-òm</i>	<i>ker-d-àn</i>	<i>ker-d-ás</i>	<i>ker-d-ám</i>	<i>ker-d-án</i>	<i>ker-d-é</i>

Диалекты цыганского языка		Будущее время					
		единственное число			множественное число		
		1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
I	Русский	см. формы настоящего времени					
	Польский	<i>ker-á-va</i>	<i>ker-é-sa</i>	<i>ker-é-ła</i> (<i>kér-ła</i>)	<i>ker-á-sa</i>	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)
	Латвийский	<i>ker-á</i>	см. формы настоящего времени				
II	Немецкий	<i>ker-á-va</i>	<i>ker-á-ha</i>	<i>ker-é-le</i> (<i>kér-la</i>)	<i>ker-á-ha</i>	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)
III	Словацкий	<i>ker-á-va</i>	<i>ker-é-ha</i>	<i>ker-é-la</i> (<i>kér-la</i>)	<i>ker-á-ha</i>	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)
	Венгерский	<i>ker-á</i>	<i>ker-é-ha</i>	<i>ker-é-la</i> (<i>kér-la</i>)	<i>ker-á-ha</i>	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)
IV	Ерлидес (г. София)	<i>ka-k'er-á-v</i>	<i>ka-k'er-á-s</i>	<i>ka-k'er-é-t</i>	<i>ka-k'er-á-s</i>	<i>ka-k'er-é-n</i>	<i>ka-k'er-é-n</i>
	Крымский	<i>kan-k'er-á-v</i>	<i>kan-k'er-é-s</i>	<i>kan-k'er-é-t</i>	<i>kan-k'er-á-s</i>	<i>kan-k'er-é-n</i>	<i>kan-k'er-é-n</i>
	Урсари	<i>kam-ker-á-v</i>	<i>kam-ker-é-s</i>	<i>kam-ker-é-t</i>	<i>kam-ker-á-s</i>	<i>kam-ker-é-n</i>	<i>kam-ker-é-n</i>
	Дрынлари	<i>mə-kər-a-v</i>	<i>mə-kər-ə-s</i>	<i>mə-kər-ə-t</i>	<i>mə-kər-á-s</i>	<i>mə-kər-ə-n</i>	<i>mə-kər-ə-n</i>
V	Румынский (влашский)	<i>kam-kər-á-μ</i>	<i>kam-kər-ə-s</i>	<i>kam-kər-ə-t</i>	<i>kam-kər-á-s</i>	<i>kam-kər-ə-n</i>	<i>kam-kər-ə-n</i>
	Кэлдэрани	<i>kər-á-va</i>	<i>kər-ə-sa</i>	<i>kər-ə-ła</i> (<i>kér-la</i>)	<i>kər-á-sa</i>	<i>kər-ə-na</i> (<i>kér-na</i>)	<i>kər-ə-na</i> (<i>kér-na</i>)
	Ловари	<i>ker-ó</i>	<i>ker-é-sa</i>	<i>ker-é-ła</i> (<i>kér-ła</i>)	<i>ker-á-sa</i>	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)	<i>ker-é-na</i> (<i>kér-na</i>)
	Боснийский (гурбетти)	<i>kam-c'er-á-v</i>	<i>kam-c'er-é-h</i>	<i>kam-c'er-é-t</i>	<i>kam-c'er-á-h</i>	<i>kam-c'er-é-n</i>	<i>kam-c'er-é-n</i>
VI	Украинский (левобережный)	<i>čer-á-va</i>	<i>čer-á-ha</i>	<i>čer-é-ła</i> (<i>čér-ła</i>)	<i>čer-á-ha</i>	<i>čer-é-na</i> (<i>čér-na</i>)	<i>čer-é-na</i> (<i>čér-na</i>)
	Украинский (правобережный)	<i>t'er-á-va</i>	<i>t'er-é-sa</i>	<i>t'er-é-ła</i> (<i>t'ér-ła</i>)	<i>t'er-á-sa</i>	<i>t'er-é-na</i> (<i>t'ér-na</i>)	<i>t'er-é-na</i> (<i>t'ér-na</i>)
VII	Финский	см. формы настоящего времени					
VIII	Уэльский	см. формы настоящего времени					

Образование форм прошедшего совершенного времени

Диалекты цыганского языка	1-я группа глаголов				2-я группа глаголов				3-я группа глаголов	
	mar- 'быть'	khel- 'играть', 'плясать'	phen- 'сказать'	thos- 'касть'	khos- 'тереть'	bes- 'сидеть', 'слышаться'	mukh- 'пускать'	phuc- 'спрыскивать'	cumi- 'целовать'	gazde- 'поднимать'
I Русский	mar-d'-om	khet-d'-om	phen-d'-om	tho-d'-om	khos-l'-om	bes-l'-om	mek-l'-om	phuc-l'-om	cumi-d'-om	gazd-diy'-om
Польский	mar-f'-om	khet-f'-om	phen-f'-om	tho-f'-om	khos-f'-om	bes-f'-om	mek-f'-om	phuc-f'-om	cumi-f'-om	gazd-diy'-om
Латвийский	mār-j-um	khet-j-um	phen-j-um	tho-j-um	khos-c-um	bes-c-um	mukh-š-um	phuc-um	cumi-j-um	gazd-diy'-um
II Немецкий	mār-d'-um	khet-d'-um	phen-d'-um	tho-d'-um	khos-l'-um	bes-l'-um	mukh-l'-um	phuc-l'-um	cumi-d'-um	gazd-diy'-um
III Словацкий	mār-d'-om	khet-d'-om	phen-d'-om	tho-d'-om	khos-l'-om	bes-l'-om	mukh-l'-om	phuc-l'-om	cumi-din'-om	gazd-din'-om
Венгерский	mār-d'-om	khet-d'-om	phen-d'-om	tho-d'-om	khos-y-om	bes-š-om	mukh-y-om	phuc-c-om	cumi-diy'-om	gazd-din'-om
IV Еридес (г. София)	mar-g'-om	khel-g'-om	phen-g'-om	tho-g'-om	khos-l'-om	bes-l'-om	mukh-l'-om	phuc-l'-om	cumi-din'-om	gazd-din'-om
Крымский	mar-d'-om	khel-d'-om	phen-d'-om	tho-d'-om	khos-l'-om	bes-l'-om	mukh-l'-om	phuc-l'-om	cumi-din'-om	gazd-din'-om
Урсари	mar-d'-om	khel-d'-om	phen-d'-om	tho-d'-om	khos-l'-om	bes-l'-om	mukh-l'-om	phuc-l'-om	cumi-din'-om	gazd-din'-om
Дрындари	mar-lm	khel-z'-lm	phen-z'-lm	tho-z'-lm	khos-lm	bes-lm	mukh-lm	phuc-lm	cumi-z'-lm	gazd-z'-lm
	<mar-z'-lm				(khos-c'-lm)	(bes-c'-lm)			<vad'-lm	<vad'-lm
	<mar-d'-lm								<vad-din'-lm	<vad-din'-lm
V Румынский (влаш-ский)	mar-d'-em	khet-d'-em	phen-d'-em	tho-d'-em	khos-l'-em	bes-l'-em	muk-l'-em	phuc-l'-em	cumi-d'-em	gazd-d'-em
Кэлдэари	mar-d'-em	khet-d'-em	phen-d'-em	tho-d'-em	khos-l'-em	bes-l'-em	m'ek-l'-em	phuc-l'-em	cumi-d'-em	gazd-d'-em
Ловари	mar-d'-em	khet-d'-em	phen-d'-em	tho-d'-em	khos-l'-em	bes-l'-em	mek-l'-em	phuc-l'-em	cumi-d'-em	gazd-d'-em
Боснийский (губе-ти)	mar-d'-em	c'het-d'-em	phen-d'-em	tho-d'-em	khos-l'-em	bes-l'-em	mukh-l'-em	phuc-l'-em	cumi-diy'-em	gazd-diy'-em
VI Украинский (жовбе-режний)	mar-d'-om	khet-d'-om	phen-d'-om	tho-d'-om	khos-l'-om	bes-l'-om	muk-l'-om	phuc-l'-om	cumi-d'-om	gazd-din'-om
Украинский (право-бережный)	mar-d'-em	t'het-d'-em	phen-d'-em	tho-d'-em	khos-l'-em	bes-l'-em	muk-l'-em	phuc-l'-em	cumi-d'-em	gazd-d'-em

Дialectы цыганского языка	Неправильные глаголы									
	асх- 'остаться', 'стать'	ав- 'приходить'	де- 'дать'	ле- 'взять'	тег- 'умирать'	рег- 'подавать'	ја- 'идти'	пи- 'пить'	ха- 'есть'	уш- 'вставать'
I Русский Польский Латвийский	уас'-у-ом уас'х-ом уасх-ым	уав-у-ом уав-у-ом уав-у-ым	ди-у-ом ди-у-ом ди-у-ым	ти-у-ом л'и-у-ом ти-у-ым	те-у-ом те-у-ом те-у-ым	ре-у-ом ре-у-ом ре-у-ым	ги-у-ом г'и-у-ом ги-у-ым	пи-у-ом пи-у-ом пи-у-ым	ха-у-ом ха-у-ом ха-у-ым	уш'-ом уш'-ом уш'-ым
II Немецкий	сх-у-ым	хл-у-ым	ди-у-ым	л'и-у-ым	те-у-ым	ре-у-ым	жл-у-ым	пи-у-ым	хл-у-ым	штл-у-ым
III Словацкий Венгерский	асх-л'-ом асх-х-ом асх-у-ом	ав-л'-ом ав-у-ом <ав-у-ом	ди-н'-ом ди-у-ом ди-у-ом	л'и-л'-ом л'и-у-ом л'и-у-ом	мй-л'-ом мй-у-ом	рй-л'-ом рй-у-ом	гй-л'-ом гй-у-ом	пи-л'-ом пи-у-ом	ха-л'-ом ха-у-ом	ушти-н'-ом ушти-у-ом
IV Ерндес (г. София) Крымский Урсари Дрындари	асхи-л'-ом асхи-л'-ом асхи-л'-ом асхи-им	а-л'-ом а-л'-ом а-л'-ом а-им	ди-н'-ом ди-н'-ом ди-н'-ом д'-им	л'и-л'-ом л'и-л'-ом л'и-л'-ом л'-им	му-л'-ом му-л'-ом му-л'-ом му-им	ре-л'-ом ре-л'-ом ре-л'-ом ре-им	г'е-л'-ом г'е-л'-ом г'е-л'-ом г'е-им	пи-л'-ом пи-л'-ом пи-л'-ом пи-им	ха-л'-ом ха-л'-ом ха-л'-ом ха-им	ушти-н'-ом ушти-н'-ом ушти-н'-ом уш'-им
V Румынский (влаш- ский) Кэлдэрани Ловари Боснийский (гурбети)	ас'и-л'-ом ас'и-л'-ом ас'и-л'-ом асхи-л'-ом	ат-л'-ом авл-л'-ом авл-л'-ом авл-л'-ом	д'-ом д'-ом д'-ом ди-у-ом	л'-ом л'-ом л'-ом л'и-у-ом	му-л'-ом му-л'-ом му-л'-ом му-л'-ом	п'е-л'-ом п'е-л'-ом п'е-л'-ом п'е-л'-ом	гс-л'-ом гс-л'-ом гс-л'-ом г'е-л'-ом	пи-л'-ом пи-л'-ом пи-л'-ом пи-л'-ом	ха-л'-ом ха-л'-ом ха-л'-ом ха-л'-ом	уш'и-л'-ом уш'и-л'-ом уш'и-л'-ом уш'и-у-ом
VI Украинский (левобе- режный) Украинский (правобе- режный)	асхи-л'-ом ас'и-л'-ом	ави-л'-ом ави-л'-ом	д'и-н'-ом д'-ом	л'и-л'-ом л'-ом	му-л'-ом му-л'-ом	ре-л'-ом ре-л'-ом	ж'и-л'-ом ж'и-л'-ом	пи-л'-ом пи-л'-ом	ха-л'-ом ха-л'-ом	уш'и-л'-ом уш'и-л'-ом

времени исходный согласный, к которому прибавляется аффикс *-il-* (*pil'óm, lil'óm*). Глагол *de-* сохраняет исходный согласный, к которому прибавляется аффикс *-in-* (*din'óm*).

Глагол *per-* изменяет основу на *pe-*, к которой прибавляется аффикс *-l-*.

Глагол *ter-* изменяет основу на *ti-*, к которой прибавляется аффикс *-l-* (*mul'óm*; в диалектах I. Р, П; II *теу'óm*, I. Л *теу'ím*, однако I. Р, П *ту'ó*, I. Л *тү'ү*, II *тү'ó* 'мертвый').

Глаголы *ja-*, *ха-* относятся ко II спряжению. Формы прошедшего времени глагола *ха-* образуются прибавлением к глагольной основе настоящего времени аффикса *-l-* и личных окончаний.

Глагол *ja-* меняет глагольную основу на *ge-*, к которой прибавляется аффикс *-l-*.

Совершенно по-особому спрягается в настоящем, прошедшем совершенном и прошедшем несовершенном времени глагол *ov-* 'быть'.

Настоящее время

Единственное число

1-е л. <i>som</i>	(II <i>hom</i> ; III. В <i>sl'om, st'om</i> ; IV. Е, III. В <i>sin'óm</i> ; V. Вл, Кл, VI <i>sím</i> ; IV. Д <i>sim</i> ; V. Ю <i>sem</i>)
2-е л. <i>san</i>	(II <i>hal</i> ; III. С <i>sal</i> ; III. В <i>sl'al, st'al, sin'al</i> ; IV. Е <i>sin'án</i>)
3-е л. (<i>i</i>) <i>si</i>	(II, III, V. Ю, VIII <i>hi</i>).

Множественное число

1-е л. <i>sam</i>	(II <i>ham</i> ; III. В <i>sl'am, st'am</i> ; IV. Е, III. В <i>sin'ám</i>)
2-е л. <i>san</i>	(II <i>han</i> ; III. В <i>sl'an, st'an</i> ; IV. Е, III. В <i>sin'án</i> ; V. Ю <i>sen</i>)
3-е л. (<i>i</i>) <i>si</i>	(II, III, V. Ю, VIII <i>hi</i>)

Прошедшее несовершенное время

Единственное число

1-е л. <i>sómas</i>	(VI. Ул <i>sl'om</i>)
2-е л. <i>sánas</i>	(VI. Ул <i>sl'an</i>)
3-е л. (<i>i</i>) <i>sas</i>	(I. Р, II (<i>i</i>) <i>sís</i> ; I. Л (<i>i</i>) <i>sis</i> ; II <i>his</i> ; III. С (<i>e</i>) <i>has</i> ; III. В, VI. Ул <i>sl'a</i> ; III. В <i>st'a, sin'a</i> ; IV. Е (<i>i</i>) <i>siné</i>).

Множественное число

1-е л. <i>sámas</i>	(VI. Ул <i>sl'e</i>)
2-е л. <i>sánas</i>	(VI. Ул <i>sl'e</i>)
3-е л. (<i>i</i>) <i>sas</i>	(VI. Ул <i>sl'e</i> ; III. В <i>sl'e, ste, siné</i> ; остальные диалекты см. форму 3-го л. ед. ч.).

Прошедшее совершенное время (только в III. В, IV. Е, К, У)

Единственное число

1-е л. <i>ul'óm</i>
2-е л. <i>ul'án</i>
3-е л. <i>ul'ás, uló</i>

Множественное число

1-е л. <i>ul'ám</i>
2-е л. <i>ul'án</i>
3-е л. <i>ulé</i>

Кроме форм 3-го лица единственного числа прошедшего совершенного времени, характерных для всех цыганских диалектов, в диалектах IV и V групп (а также III В) в 3-м лице единственного числа прошедшего совершенного времени употребляются также причастные формы, образованные от некоторых глаголов 2-й глагольной

группы I спряжения и от глаголов III спряжения. Эти формы в единственном числе имеют родовые окончания:

III. В *mró rom géló ándo fóro* (наряду с *mró rom géyas ándo fóro*) 'мой муж ушел в город';

IV. У *tikni chayorí pell phuyáte* (*tikni chayorí pel'ás phuyáte*) 'маленькая девочка упала на землю';

V. Лв *vov nāštó dāráte* (*vov nāštás dāráte*) 'он убежал в страхе'.

Непредикативные формы

Причастия

Причастия во всех цыганских диалектах образуются преимущественно от глаголов I спряжения (единственным исключением является, пожалуй, *xalo* 'съеденный' — от глагола II спряжения). Цыганские причастия имеют категории рода, числа и падежа и изменяются, как прилагательные.

Сложнее представляется вопрос о категории залога, которая в данном случае перекрещивается с категориями переходности — непереходности того или иного глагола, от которого образовано причастие. Немаловажную роль в данном случае играет и семантический уровень слова. Ср. I. Р *j'inóm* 'знаю' — *j'indtó* 'знакомый' и V. Кл *ž'anáv* 'знаю' — *ž'angtó* 'узнанный', 'известный'.

Причастия образуются от основ глаголов 3-го лица множественного числа прошедшего совершенного времени. Следует отметить, что формы глаголов 3-го лица множественного числа прошедшего совершенного времени полностью совпадают с формами причастий множественного числа обоих родов; ср. I. Р *yone dīné andré grés* 'они запрягли лошадь' и *lové, dīné túke* 'деньги, отданные тебе'; IV. Е *on lité pe chavés kh'eré* 'они взяли своего сына домой' и *o gil'á, lité roméndar* 'песни, взятые (собранные) у цыган' (см. табл. 14).

Деепричастия

Во всех диалектах цыганского языка деепричастия малоупотребительны. Они отсутствуют как живая грамматическая категория, и новые деепричастные словообразования почти не образуются. Одним из наиболее распространенных суффиксов деепричастий является *-indós* (с фонетическими вариантами): IV. У *kerindós* 'делая', III. В *dikhindú* 'смотря', I. Р, П *bešindú* 'сидя'. Кроме того, в I группе диалектов имеется словообразовательный суффикс *-i* (*-í*): *díxí* 'смотря', *beší* 'сидя' и т. д. О том, насколько малоупотребительна эта форма в цыганском, свидетельствует тот факт, что в некоторых диалектах немногочисленные деепричастия образуются с помощью словообразовательных средств, заимствованных из языка окружающего населения:

II *jais, díkhəndik trul pésti* 'шел, оглядываясь вокруг себя';

IV. Ул *amé na xayíuši bešásas* 'мы сидели не евши'.

Наречия

Наречия в цыганском языке делятся на производные и непроизводные.

Производные наречия образуются от: 1) существительных при помощи суффиксов *-e(i)*, *-al*, являющихся рудиментами старых

Дialectы диганского языка	От неправоликих глаголов									
	уас'-н-б, уас'-л-б уас'-л-б	уав-н-б*, уав-л-б*, уав-л-б*	дл-н-б дл-н-б дл-н-б	л-н-б л'-н-б л-н-б	м-н-б, (ме-н-б*) (ме-н-б*) (ме-н-б*)	ре-н-б (ре-н-б*) (ре-н-б*) (ре-н-б*)	г-н-б г-н-б г-н-б	р-н-б р-н-б р-н-б	ха-н-б ха-н-б ха-н-б	уш-н-б уш-н-б уш-н-б
I Русский Польский Латвийский	уас'-н-б, уас'-л-б уас'-л-б	уав-н-б*, уав-л-б*, уав-л-б*	дл-н-б дл-н-б дл-н-б	л-н-б л'-н-б л-н-б	м-н-б, (ме-н-б*) (ме-н-б*) (ме-н-б*)	ре-н-б (ре-н-б*) (ре-н-б*) (ре-н-б*)	г-н-б г-н-б г-н-б	р-н-б р-н-б р-н-б	ха-н-б ха-н-б ха-н-б	уш-н-б уш-н-б уш-н-б
II Немецкий	с-л-б	у-л-б	д-л-б	л'-н-б	м-л-б (ме-н-б*)	ре-л-б (ре-н-б*)	г-л-б (г-н-б*)	р-л-б р-л-б	х-л-б, х-л-б	ш-л-б
III Словацкий Венгерский	д-л-б, д-л-б д-л-б	д-л-б*, д-л-б*, д-л-б*	д-л-б д-л-б д-л-б	л-н-б л'-н-б л-н-б	м-л-б м-л-б	ре-л-б ре-л-б	г-л-б*, г-л-б*, г-л-б*	р-л-б р-л-б	х-л-б х-л-б	ш-л-б, ш-л-б, ш-л-б
IV Ерндес (г. София) Крамский Урсар Дрыдари	а-л-б*, а-л-б*, а-л-б*, а-л-б*	а-л-б*, а-л-б*, а-л-б*, а-л-б*	д-л-б д-л-б д-л-б д-л-б	л'-н-б л'-н-б л'-н-б л'-н-б	м-л-б м-л-б м-л-б м-л-б	ре-л-б ре-л-б ре-л-б ре-л-б	г-л-б*, г-л-б*, г-л-б*, г-л-б*	р-л-б р-л-б р-л-б р-л-б	ха-л-б ха-л-б ха-л-б ха-л-б	уш-л-б уш-л-б уш-л-б уш-л-б
V Румынский (влас- ский) Калдерар Ловари Боснийский (губетн)	а-л-б*, а-л-б*, а-л-б*, а-л-б*	а-л-б*, а-л-б*, а-л-б*, а-л-б*	д-л-б д-л-б д-л-б д-л-б	л'-н-б л'-н-б л'-н-б л'-н-б	м-л-б м-л-б м-л-б м-л-б	ре-л-б ре-л-б ре-л-б ре-л-б	г-л-б*, г-л-б*, г-л-б*, г-л-б*	р-л-б р-л-б р-л-б р-л-б	ха-л-б ха-л-б ха-л-б ха-л-б	уш-л-б уш-л-б уш-л-б уш-л-б
VI Украинский (левобе- режный) Украинский (правобе- режный)	а-л-б*, а-л-б*, а-л-б*	а-л-б*, а-л-б*, а-л-б*	д-л-б д-л-б д-л-б	л'-н-б л'-н-б л'-н-б	м-л-б м-л-б	ре-л-б ре-л-б	г-л-б*, г-л-б*, г-л-б*	р-л-б р-л-б	ха-л-б ха-л-б	уш-л-б уш-л-б

формантов соответственно местного и отложительного падежей: I. Р, П *kxeré* 'дома', 'домой', III. С *khéral* 'из дома', IV. К *ratl* 'ночью', V. Лв *milayé* 'летом', *ivendé* 'зимой'; 2) прилагательных при помощи суффикса *-es* (с фонетическими вариантами): I. Р, П *zoraté* 'сильно', II *úces* 'высоко', IV. У *barvatés* 'богато'. Сравнительная степень этой группы наречий образуется так же, как и сравнительная степень имен прилагательных.

По значению наречия можно подразделить на две большие группы.

1. Обстоятельственные:

наречия времени: I. Р *adadivés* 'сегодня', III. С *divése* 'днем', IV. Е *akaná* 'теперь', 'сейчас';

наречия места: I. Р *adái* 'здесь', *odói* 'там', IV. Е *karlk* 'куда', IV. К *kátar* 'откуда', V. Кл *kai* 'где', VI. Ул *dur* 'далеко';

наречия совместности: I. Р *kxetané*, IV. Д *yekhisti*, V. Вл, Кл *and'ekthán* 'вместе'.

2. Определительные:

наречия образа и способа действия: I. Л *yákes* 'так', IV. Е *ašti* 'можно', V. Лв *nāšti(k)* 'нельзя', 'невозможно';

наречия меры и степени: *but* 'много', I. Р *dreván* 'очень', *kuc* 'дорого'.

По морфологическим качествам в особую группу выделяются местоименные наречия, которые произошли от указательных и относительно-вопросительных местоимений. Так же, как и местоимения, они могут быть разделены на:

указательные: I. Р, П, Л, III. С, В *adái*; II *káti*; IV. Е, К, У *athé*; IV. Д *katká*; V. Вл, Кл *kath'é*; V. Лв, Ю *kathé*; VI *katé* — 'здесь'; I. Р, П, Л, III. С, В *odói*; II *kóti*; IV. Е, К, У *othé*; IV. Д *otká*; V. Вл, Кл *koth'é*; V. Лв, Ю *kothé*; VI *koté* — 'там'; I. Р *adarlk* 'сюда'; IV *athár* 'отсюда'; V. Лв *kutkár*, *kothár* 'оттуда';

вопросительные: I, II, III, V *kai*? IV. Е, К, У *káte*? IV. Д *káti*?, VI *t'éu*? — 'где?'; I, III, IV. Е, К, У *sóske*?, II *hóski*? IV. Д *sóski*?, V. Вл, Кл, Лв *sóstar*?, V. Ю *sóhc'e*?, VI *sóst'i*? — 'почему?'.

По лексическому значению эта группа наречий подразделяется на: наречия места, времени, образа действия, причины.

Существует группа непрямых наречий, которые формальными признаками ничем не отличаются от имен прилагательных: *šukár* 'красиво' и 'красивый, -ая, -ые'; *kuc* 'дорого' и 'дорогой, -ая, -ие' и т. д.

В диалектах V группы есть местоименные наречия времени, которые исторически возникли из слияния энклитической формы указательного местоимения и соответствующего существительного с последующей десубстантивацией последнего, например; V. Кл *ad'és* 'сегодня' (>*a* — энклитическая форма указательного местоимения 'этот' + *d'es* 'день'); *ab'brš* 'в этом году' (>*a* + *b'brš* 'год'); *aš'ón* 'в этом месяце' (>*a* + *š'ón* 'месяц'); *arat'l* 'вчера' букв. 'этой ночью' (>*a* + *rat'i* 'ночь').

В синтаксическом отношении наречия примыкают к глаголам и прилагательным.

Предлоги

Предлогов в цыганском языке мало. Флексии падежных форм осуществляют большинство синтаксических связей (ср., например, кон-

струкции с отложительным, местным или совместно-орудийным падежами).

Существительные, имеющие категорию неодушевленности, в большинстве диалектов, как правило, не имеют падежных флексий: I. Р *pe skamind* 'на столе', 'на стол' (но *pe romn'áte* 'на цыганке'). Однако во многих диалектах употребление существительных, относящихся к разряду неодушевленных, в предложных конструкциях с падежными флексиями или без таковых зависит от наличия признака направленности, ср., например: III. С *ándro veš* 'в лес' (но *ándre vešéste* 'в лесу'); V. Лв *po drom* 'на дорогу' (но *pe droméste* 'на дороге').

Как правило, предлоги употребляются с местным падежом. Существует лишь один предлог: I, III, V. Вл; VI *vaš*; IV. Е *asát* IV. Л *asčát* 'для', 'за', 'о', управляющий дательным падежом.

В цыганском языке каждый предлог сливается с определенным артиклем, предшествующим имени существительному. Поэтому получаются как бы две «формы» предлога, употребление которых дифференцировано в зависимости от рода существительного, например: I. Р *dr-o gav* (м. р.) 'в деревне', *dr-e Móskva* 'в Москве'; III. С *ándro pán'i* 'в воде', *ándre yakh* 'в глазу' и т. д.

Союзы

Союзы выражают отношения между однородными членами предложения или между простыми предложениями в составе сложного. Почти все подчинительные союзы в цыганском заимствованы из языков окружающего населения. Соединительных союзов исконного происхождения осталось крайне мало:

I. Р, П, Л *te*; II, IV. Д *ti*; III. С, V. Ю *the, u*; III. В, V Лв, VI *tai*; IV. Е, У, К, V. Вл, КЛ *thai*; IV. У, V. Вл, Кл *hai*; VII, VIII *ta* 'и',

I. П, III. С, IV. Е, У, К, V. Ю, VI *kai*; I. Л, II *ki* 'что' (в сочетании с частицей *te* имеет значение «чтобы»).

В некоторых диалектах из исконного лексического материала методом калькирования с конструкцией языков окружающего населения создаются новые предлоги: I. Р *vaš davá, so...*; I. П *vaš davá, kai...* 'потому что...' из польск. *dlatego, że...*

Частицы утверждения

I. Р, IV. У *ai*; II *ái*; III. С *ha*; III. В, V. Лв *óva*; IV. Е, К *va*; V. Кл *éi* 'да'.

В остальных диалектах употребительны заимствования из языков окружающего населения или наречие со значением «так».

Частицы отрицания

В большинстве диалектов распространено препозиционное употребление частиц древнеиндийского происхождения *na*, *ta*. Однако отрицания при глагольных формах показывают некоторые расхождения по диалектам:

III	<i>na</i>	с формами изъявительного и условно-сослагательного наклонений (<i>na keráv</i> 'не делаю'),
	<i>ta</i>	с формами повелительного наклонения (<i>tá ker!</i> 'не делай!');

IV. Е, К, У	<i>na, naná</i>	с формами изъявительного и условно-сослагательного наклонений (<i>na keráv, naná keráv</i>);
	<i>ma</i>	с формами повелительного наклонения (<i>má ker!</i>)
V. Вл, Ю	<i>n'i;</i>	с формами изъявительного и условно-сослагательного наклонений (Вл <i>n'i kəráɰ, Ю n'i c'eráv,</i>
V Кл, Лв	<i>c'i</i>	Кл <i>c'i kəráɰ, Лв c'í keráv</i>);
	<i>na</i>	с формами повелительного наклонения (<i>ná kər, ná ker! ná c'er!</i>);
11	<i>ci, gar</i>	с формами изъявительного и условно-сослагательного наклонений под влиянием немецкого языка употребляется постпозиционно (<i>keráva ci, keráva gar</i>);
	<i>na, ma</i>	употребляется препозиционно с формами повелительного наклонения (<i>ná ker! má ker!</i>).

Артикль

Определенный артикль: *o* — для существительных мужского рода и *e (i)* — для существительных женского рода цыгане заимствовали непосредственно из греческого языка (*ó* и *i*)². А. Паспати приводит и определенный артикль *tó*, который употребляется исключительно у греческих цыган и в большинстве случаев со словами греческого происхождения [Paspatis]. Исключение из этого правила *to pani* 'вода', очевидно, по аналогии с новогреческим *to vëró*. В косвенных падежах во всех диалектах цыган Европы, однако, употребляются свои формы определенного артикля, не связанные своим происхождением с греческими *τ*-формами косвенных падежей:

I. Л	им. <i>o róm</i> 'цыган'
	дат. <i>e roméske</i>
	им. <i>e romní</i> 'цыганка'
	дат. <i>e romn'áke</i>
	им. <i>o romá</i> 'цыгане'
	дат. <i>e roménge</i>
	им. <i>o romn'á</i> 'цыганки'
	дат. <i>e romn'énge</i>
III. С	им. <i>ó rom, e rómni, o róma, o rómna</i>
	дат. <i>le roméske, la romn'áke</i>
	<i>le roménge, le romn'enge</i>
В	им. <i>ó rom, e rómni, o róma, o rómna</i>
	дат. <i>óle roméske, óla romn'áke</i>
	<i>óle roménge, óle romn'enge</i>
IV. Е, К	им. <i>o róm, i romní, o romá, o romn'á</i>
	дат. <i>e roméske, e romn'ák'e</i>
	<i>e roménge, e romn'éng'e</i>
Д	им. <i>u róm, i rum'í, u rumá, u rumyá</i>
	дат. <i>i rumíski, i rumyéki, i rumíngi, i rumyíngi</i> .

² В диалектах I группы определенный артикль почти исчез. В диалекте I. Р его употребление очень ограничено [Баранников, Сергневский].

V. Вл, Кл им.	им.	о <i>róm</i> (ʁom), е <i>romn'í</i> , <i>l'e</i> (əʔ, ot) <i>rom</i> , <i>l'e</i> (əʔ, ot) <i>romn'á</i>
	дат.	<i>l'e</i> (əʔ, ot) <i>rom'éskə</i> , <i>la</i> <i>romn'ákə</i> <i>l'e</i> (əʔ, ot) <i>rom'éngə</i> , <i>l'e</i> (əʔ, ot) <i>romn'angə</i>
	Лв им.	о <i>róm</i> , е <i>romn'í</i> <i>le</i> (e) <i>róm</i> , <i>le</i> (e) <i>romn'á</i>
Ю	дат.	<i>le</i> (e) <i>roméske</i> , <i>la</i> (a) <i>romn'áke</i> <i>le</i> (e) <i>roméngge</i> , <i>le</i> (e) <i>romn'ange</i>
	им.	о <i>róm</i> , е <i>romn'í</i> е <i>romá</i> , е <i>romn'á</i>
	дат.	е <i>roméhč'e</i> , е <i>romn'ác'e</i> е <i>roménj'e</i> , е <i>romn'énj'e</i>
VI. Уп.	им.	о <i>róm</i> , <i>i</i> <i>romn'í</i> о <i>romá</i> , о <i>romn'á</i>
	дат.	<i>l'e</i> <i>romést'i</i> , <i>l'e</i> <i>romn'ál'i</i> <i>l'e</i> <i>roménd'i</i> , <i>l'e</i> <i>romn'énd'i</i>

Неопределенный артикль в цыганском языке отсутствует.

СИНТАКСИС

В цыганском языке во всей совокупности его диалектов наблюдается утрата синтетических способов выражения синтаксических связей и замена их аналитическими.

У существительных идет процесс утраты падежных форм и замены их предложными конструкциями при существительном в общей форме косвенного падежа или при существительном без аффикса косвенного падежа и падежной флексии: V. Лв *das mui pe romés* (вместо *roméste*) 'он закричал на цыгана'; I. Р *dro veš* (вместо *dre vešéste*) *baryóna kaštá* 'в лесу растут деревья'.

Прилагательные теряют формы согласования. Употребляясь в форме косвенного падежа при существительном, они имеют, как правило, форму косвенного падежа на -e, общую для обоих родов и обоих чисел. Заимствованные имена прилагательные в большинстве диалектов не имеют согласования в роде в прямом падеже: I. Р *zéleno urdó* (м. р.) 'зеленая повозка', *zéleno c'ar* (ж. р.) 'зеленая трава'. Категория рода заимствованных имен прилагательных формально выражена лишь во II группе (*fénelu vúrdun*, *féneli cār*) и в III. В (*zéleno vérdan*, *zéleni cār*).

В системе глагола в некоторых диалектах наблюдается разная степень сохранения ранее бытовавших форм и разная степень заимствований из языков окружающего населения. В некоторых диалектах в зависимости от этого имеется различие глаголов совершенного и несовершенного вида. Чаще всего вид выражается посредством префиксов, заимствованных из славянских и других языков: I. Р *giyóm dromésa* 'я шел дорогой', но *zagíyóm ke yov* 'я зашел к нему'; II *ýárgədər märe sinti büt piyén* 'раньше наши цыгане много пили', но *yov fərpíyén gané péskər lóuve* 'они пропили все свои деньги'.

В некоторых диалектах настоящее и будущее время слились в одно со значением настоящего-будущего: I. Р *me hará keráva butí* 'я давно работаю', *pírdát dui dívesá me keráva tuméhge adāvá* 'через два дня я сделаю вам это'.

В цыганском языке, являющемся по существу языком флективным, внешняя флексия имеет агглютинативный характер (внутренняя флексия отсутствует). Морфемы косвенных падежей окончаний име-

ют только по одному форманту — общему для обоих родов, отличающемуся лишь противопоставлением первого согласного элемента морфемы по глухости/звонкости для единственного/множественного числа в дательном, местном и отложительном падежах.

Временные морфемы также однотипны, различаясь флексиями только по лицам для 1-го, 2-го и 3-го лица единственного числа и 1-го лица множественного числа; флексии 2-го и 3-го лица множественного числа совпадают.

Структура цыганского предложения отличается простотой. Сложные предложения в виде развитых периодов практически редко используются, а речь расчленяется на короткие предложения, соединяемые путем сочинения. Однако под влиянием окружающих языков в синтаксисе можно отметить появление различных новых структурных типов словосочетаний, свойственных тем языкам, с которыми контактирует данная группа диалектов.

Цыганское простое предложение строится по схеме: подлежащее + сказуемое + дополнение. Определение в различных диалектах ставится по-разному — до или после определяемого. Чаще всего определение находится в препозиции по отношению к определяемому. Но в диалектах IV. У и V. Вл такой порядок под влиянием различных восточнороманских диалектов нарушается: IV. У *míró chavó mai-baró* 'мой старший сын'; V. Вл *o gañ o romanó* 'цыганское село'. Обстоятельства предшествуют слову, к которому относятся, но более общие обстоятельства, относящиеся ко всему предложению, ставятся в начале предложения.

Придаточное предложение присоединяется к главному в основном при помощи заимствованных союзов или союзов, образованных методом калькирования форм языков окружающего населения: II *kamáva ti fārven dūr, óbər* (<нем. *aber*) *nāni lóuve* 'Хочу уехать далеко, но нет денег'; I. Л *tes bichādté āni slmniča vaš davá, ki dukhátas tés-ku šerú* 'Его послали в больницу, потому что у него болела голова' (*ваш davá, ki...* калькировано с польского *dlatego, że...*).

Отрицательные предложения характеризуются наличием отрицательной частицы, предшествующей слову, к которому она относится: I. Р *Me na kamám te j'av tūsa* 'Я не хочу идти с тобой'; III. С *Má phir odóil* 'Не ходи туда!'; V. Вл *D'e iz'ára n'i žal'ém khānc'i* 'Я не ел ничего со вчерашнего дня' (но во II группе под влиянием немецкого языка отрицательная частица с глаголами изъявительно-го и условно-сослагательного наклонений употребляется постпозиционно: *jináva douléstor gár ci* 'Я не знаю ничего об этом').

Вопросительные предложения образуются при помощи вопросительных слов (обычно местоимений) и соответствующей интонации: I. Р *so kerésa?* 'Что делаешь?'; IV. К *sar bešés?* 'Как живешь?'; V. Ю *kai jah?* 'Куда идешь?' и т. д. В диалектах I. П и III. С вопросительные предложения начинаются с особых вопросительных частиц (в I. П *cī* <польск. *czy*; в III. С *ci* <словацк. *či*); I. П *cī xal'ós romanés* 'Ты понимаешь по-цыгански?'; III. С *ci sálas ándr'óda fóros* 'Была ли ты в этом городе?'. В диалектах II группы вопросительное предложение отличается от утвердительного особым порядком слов «сказуемое + подлежащее + дополнение»: *tu hayuvéha sintidikes* 'Ты понимаешь по-цыгански?', но *hayuvéha tu sintidikes?* 'Понимаешь по-цыгански?'.

Ирреальное условие в некоторых диалектах выражается в предложении при помощи заимствованных частиц (обычно из славянских *bī, bi*): I. П *kinávīs bī da gres, te vétīs yov kutī tan'idír* 'Я купил

бы эту лошадь, будь она немного подешевле'; III. *C mānge bi na dénas, ál'e avl'ás mtro phral* 'Мне бы не дали, но пришел мой брат'.

Реальное условие выражается в главном и придаточном предложениях посредством форм изъявительного наклонения.

БИБЛИОГРАФИЯ*

- Аксенов — А. Т. Аксенов, Краткий очерк грамматики языка панджаби, — «Панджабско-русский словарь», М., 1961.
- Бабакаев — В. Д. Бабакаев, Ассамский язык, М., 1961.
- Баранников I — А. П. Баранников, Синонимические повторы в новоиндийских языках, — «Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», т. III, вып. 2, Л., 1928.
- Баранников II — А. П. Баранников, Слопарное повторение в хиндустан, — «Восточные записки», т. I, Л., 1927.
- Баранников III — А. П. Баранников, Сложновербальные глаголы хиндустан и их смысловые эквиваленты в русском языке, — «Язык и литература», т. II, вып. I, Л., 1927.
- Баранников IV — А. П. Баранников, Хиндустан (урду и хинди), Л., 1934.
- Баранников и Сергиевский, «Цыганско-русский словарь, Сост. М. В. Сергиевский и А. П. Баранников», М., 1938.
- Баранников — О. Баранников, Українські та південно-російські циганські діалекти, Л., 1933.
- Бархударов I — А. С. Бархударов, Санскритские элементы в современном литературном хинди, — сб. «Хинди и урду», М., 1960.
- Бархударов II — А. С. Бархударов, Словообразование в хинди, М., 1963.
- Белькович — А. А. Белькович, Краткий очерк грамматики сингальского языка, — «Сингальско-русский словарь», М., 1970.
- Бескровный I — В. М. Бескровный, Морфологическое гибридное словообразование в хинди, — сб. «Хинди и урду», М., 1960.
- Бескровный II — В. М. Бескровный, О сочетаниях глагольных основ хинди с *rahna*, — «Ученые записки ЛГУ», № 279, Серия востоковедческих наук, вып. 9, Л., 1960.
- Бескровный III — В. М. Бескровный, О влиянии иноязычной среды на индоарийские языки (на материале цыганских числительных), — НАА, № 4, 1971.
- Бескровный IV — В. М. Бескровный, О вторичной префиксации глаголов в индоарийском языке (на материале цыганского языка), — сб. «Восточная филология. Характерологические исследования», М., 1971.
- Быкова I — Е. М. Быкова, Бенгальский язык, М., 1966.
- Быкова II — Е. М. Быкова, Подлежащее и сказуемое в современном бенгальском языке, М., 1960.
- Быкова III — Е. М. Быкова, Предложения с инфинитивно-глагольными оборотами в бенгальском языке, — ВЯ, 1961, № 3.
- Вентцель — Т. В. Вентцель, Цыганский язык, М., 1961.
- Вертоградова — В. В. Вертоградова, Структурная типология среднеиндийских фонологических систем, М., 1967.
- Воробьев-Десятовский — В. С. Воробьев-Десятовский, Развитие личных местоимений в индоарийских языках, М.—Л., 1956.
- Выхухолев — В. В. Выхухолев, Сингальский язык, М., 1964.
- Герман — А. В. Герман, Библиография о цыганах. Указатель книг и статей с 1780 по 1930 г., М., 1930.
- Давидова — А. А. Давидова, Некоторые вопросы глагольного словообразования в языке хиндустан, — УЗИВ, т. XIII, 1958.
- Дымшиц — З. М. Дымшиц, Язык урду, М., 1962.
- Дьяков — А. М. Дьяков, Языковая проблема в Индии, — сб. «Современные литературные языки стран Азии», М., 1965.
- Егорова I — Р. П. Егорова, Форма пассива в синдхи, — КСИНА, вып. 62, 1964.

* Предлагаемая ниже библиография относится ко всему разделу «Индоарийские языки». Она не претендует на сколько-нибудь исчерпывающую полноту. Сюда включены лишь основные из специальных работ, использованных при подготовке данного раздела.

- Егорова П — Р. П. Егорова, Язык синдхи, М., 1966.
- Елизаренкова I — Т. Я. Елизаренкова, Аорист в «Ригведе», М., 1960.
- Елизаренкова II — Т. Я. Елизаренкова, Дифференциальные элементы согласных фонем хинди, — ВЯ, 1961, № 5.
- Елизаренкова III — Т. Я. Елизаренкова, К типологии фонологических систем некоторых новоиндийских языков, — XXVI Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1963.
- Елизаренкова IV — Т. Я. Елизаренкова, Об асимметрии в системе каузативных глаголов в языке хинди, — сб. «Вопросы грамматики хинди», М., 1962.
- Елизаренкова V — Т. Я. Елизаренкова, Эргативная конструкция в новоиндийских языках, — сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных тивов», Л., 1967.
- Елизаренкова VI — Т. Я. Елизаренкова, Исследования по диахронической фонологии индоарийских языков, М., 1974.
- Елизаренкова и Топоров — Т. Я. Елизаренкова, В. Н. Топоров, Язык пали, М., 1965.
- Захарьин — Б. А. Захарьин, Гласные фонемы хинди, — НАА, 1964, № 4.
- Зиграф I — Г. А. Зиграф, Вопросы формирования урду, — УЗИБ, т. XIII, 1958.
- Зиграф II — Г. А. Зиграф, Иранские и арабские элементы в урду, — сб. «Хинди и урду», М., 1960.
- Зиграф III — Г. А. Зиграф, Калькуттский хиндустани конца XVIII в. в освещении Г. С. Лебедева, — КСИНА, вып. 61, 1963.
- Зиграф IV — Г. А. Зиграф, О грамматической категории одушевленности в новых индоарийских языках, — сб. «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона», М., 1968.
- Зиграф V — Г. А. Зиграф, Отрицания при глаголе в хиндустани, — КСИБ, вып. 18, 1956.
- Зиграф VI — Г. А. Зиграф, Хинди, урду и хиндустани (Об употреблении терминов), — КСИБ, вып. 18, 1956.
- Иванов и Топоров — В. В. Иванов и В. Н. Топоров, Санскрит, М., 1960.
- Индийские языки — Ученые записки МГИМО. Вопросы языка и литературы, вып. 7 (индийские языки), М., 1971.
- Истомин — П. Истомин (Патканов), Цыганский язык. Грамматика и руководство, М., 1900.
- Карпушкин — Б. М. Карпушкин, Язык ория, М., 1961.
- Катенина I — Т. Е. Катенина, Краткий очерк грамматики языка хинди, — «Русско-хинди словарь», М., 1957.
- Катенина II — Т. Е. Катенина, О главных членах предложения в новоиндийских языках, — «Филология и история стран зарубежной Азии, Тезисы научной конференции Восточного факультета 1964/65 уч. г.», Изд. ЛГУ, Л., 1965.
- Катенина III — Т. Е. Катенина, Очерк грамматики языка маратхи, М., 1963.
- Катенина IV — Т. Е. Катенина, Язык маратхи, М., 1963.
- Катенина V — Т. Е. Катенина, Язык хинди, М., 1960.
- Клягина-Кондратьева — М. И. Клягина-Кондратьева, О глаголах с заимствованными основами в языке урду, — ИАН СССР, Отделение общественных наук, Л., 1931, № 4.
- Кнауэр — Ф. И. Кнауэр, Учебник санскритского языка, Лейпциг, 1908.
- Королев — Н. И. Королев, Язык непали, М., 1965.
- Кузнецов — Б. И. Кузнецов, Формальные (морфологические) классы глагольных форм маратхи, — сб. «История, культура, языки народов Востока», М., 1970.
- Лекса Мануш — Лекса Мануш-Белугин, О влиянии балтийских языков на диалект латышских цыган, — «Известия Академии наук Латвийской ССР», № 4 (309), Рига, 1973.
- Липеровский I — В. П. Липеровский, Категория наклонения в современном литературном хинди, М., 1964.
- Липеровский II — В. П. Липеровский, К вопросу о выделении предположительного наклонения в хинди, — КСИНА, вып. 62, 1964.
- Липеровский III — В. П. Липеровский, Сложноподчиненное предложение в современном литературном языке хинди. (Основные типы связи частей сложноподчиненного предложения), — сб. «Вопросы грамматики языка хинди», М., 1962.
- Липеровский IV — В. П. Липеровский, Сложные предложения в хинди, М., 1972.
- Лозовой — Л. Г. Лозовой, Условные предложения в современном литературном хинди, — УЗИБ, т. XIII, 1958.
- Милтнер — В. Милтнер, О дистрибуции членов предложения в хинди, — ВЯ, 1963, № 3.
- Минаев — И. П. Минаев, Очерк фонетики и морфологии языка пали, СПб., 1872.

- Оранский I — И. М. Оранский, Индийский диалект группы парья (Гиссарская долина). Материалы и исследования, вып. I: Тексты (фольклор), М., 1963.
- Оранский II — И. М. Оранский, Об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте, — XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1960.
- Патканов — К. П. Патканов, Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган. Боша и Карачи, СПб., 1887.
- Предварительное сообщение — «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», ВИНТИ АН СССР, ИЭ АН СССР, М., 1965.
- Рудин I — С. Г. Рудин, Очерк фонетики языка хинди, — «Русско-хинди словарь», М., 1957.
- Рудин II — С. Г. Рудин, Некоторые вопросы фонетики языка хиндустани, — УЗИБ, т. XIII, 1958.
- Савельева — Л. В. Савельева, Язык гуджарати, М., 1965.
- Световидова I — И. А. Световидова, Конструкции с пассивными значениями в современном бенгальском языке, — сб. «Бенгальский язык. Вопросы грамматики», М., 1962.
- Световидова II — И. А. Световидова, Наклонения в бенгальском языке, — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы I научной сессии ЛО ИНА», Л., 1965.
- Световидова III — И. А. Световидова, Некоторые особенности склонения имен существительных в бенгальском языке, — КСИНА, вып. 68, 1964.
- Световидова IV — А. И. Световидова, Об изменении способов передачи пассивных значений в бенгальском языке, — сб. «Вопросы грамматики бенгальского языка», М., 1964.
- Сергиевский — М. В. Сергиевский, Цыганский язык, М., 1931.
- Смирнов I — Ю. А. Смирнов, Некоторые подтипы сложноподчиненного предложения с придаточными определительными в панджаби, — КСИНА, вып. 68, 1964.
- Смирнов II — Ю. А. Смирнов, Сложноподчиненное предложение с придаточными подлежащими в современном панджаби, — сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964.
- Смирнов III — Ю. А. Смирнов, Язык лэнди, М., 1970.
- Сообщения об исследовании — Сообщения об исследовании протоиндийских текстов, — «Proto Indica 1970», М., 1970.
- Толстая — Н. И. Толстая, Язык панджаби, М., 1960.
- Ульциферов — О. Г. Ульциферов, Словосочетания в хинди, М., 1971.
- Чевкина I — Л. М. Чевкина, Система постпозиционных определителей в современном бенгальском языке, — сб. «Индийская и иранская филология», М., 1964.
- Чевкина II — Л. М. Чевкина, Суффиксальный и префиксальный способы образования существительных и прилагательных в современном бенгальском языке, — сб. «Бенгальский язык. Вопросы грамматики», М., 1962.
- Черенков — Л. М. Чаранкоў, Цыганскі дыялект у беларускім моўным асяроддзі, — «Беларуская лінгвістыка», вып. 6, Мінск, 1974.
- Чернышев I — В. А. Чернышев, Фразеологические сочетания «имя+глагол» (*ḡarṇā, honā, denā*) и сложнотыменные глаголы в современном литературном хинди, — сб. «Языки Индии», М., 1961.
- Чернышев II — В. А. Чернышев, Синтаксис простого предложения в хинди, М., 1965.
- Чернышев III — В. А. Чернышев, Простые отыменные глаголы современного хинди, — сб. «Вопросы грамматики языка хинди», М., 1962.
- Чернышев IV — В. А. Чернышев, Диалекты и литературный хинди, М., 1969.
- Чижикова — Библиография работ по бенгальскому языкознанию. Сост. К. Л. Чижикова, М., 1974.
- Шейтанов — Н. Шейтанов, Принос към говора на софийските цигани, София, 1933.
- Шривастав — Р. Н. Шривастав, Природа и дистрибуция начальных групп согласных языка хинди (автореф. канд. дисс.), Л., 1965.
- Эдельман — Д. И. Эдельман, Основные вопросы лингвистической географии, М., 1968.
- Языки Индии — «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона. Материалы научной конференции 18–20 января 1965 г.», М., 1968.

Agraval — R. P. Agraval, *Bundeli kā bhāṣāśāstriya adhyayan*, Lakhnau, 1963.

Allen I — W. S. Allen, *Aspiration in the Harauti nominal*, — «Studies in linguistic analysis», Special volume of the Philological Society, Oxford, 1957.

- Allen II—W. S. Allen, *Phonetics in ancient India (a guide to the appreciation of the earliest phoneticians)*, London, 1953.
- Allen III—W. S. Allen, *Sandhi: The theoretical, phonetic, and historical bases of word-junction in Sanskrit*, 'S-Gravenhage, 1962.
- Allen IV—W. S. Allen, *Some phonological characteristics of Rājasthani*, —BSOAS, vol. 20, 1957.
- Anderson—J. D. Anderson, *A manual of the Bengali language*, Cambridge, 1920.
- Ariste I—P. Ariste, *Über die Sprache der finnischen Zigeuner*, Tartu, 1940.
- Ariste II—P. Ariste, *Ein lettischen Ableitungssuffix im Zigeunerischen*, —«*Baltistica*», V, № 2, Vilnius, 1969.
- Bahl—K. Ch. Bahl, *Tones in Punjabi*, —IL, vol. 17, 1957.
- Bahl—H. Bahl, *Hindi phonology (With special reference to Awāṅkāri)*, Allahabad, [1962].
- Bailey I—T. G. Bailey, *The languages of the Northern Himalayas*, London, 1908.
- Bailey II—T. G. Bailey, *Lingulstic studies from the Himalayas*, London, 1920.
- Bailey III—T. G. Bailey, *Panjabi grammar. A brief grammar of Panjābi as spoken in the Wazirābād district, Lahore*, 1904.
- Bailey IV—T. G. Bailey, *A Panjabi phonetic reader*, London, 1914.
- Bailey V—T. G. Bailey, *Phonetic notes on Urdu records Nos. 6825 AK and 6826 AK*, —BSOS, vol. 6, 1930—1932.
- Bailey VI—T. G. Bailey, *The pronunciation of Urdu and Hindi*, —BSOS, vol. 2, 1921—1923.
- Bailey VII—T. G. Bailey, *Repetition of words in Urdu, Hindi and Panjabi*, —BSOS, vol. 5, 1928—1930.
- Bailey VIII—T. G. Bailey, *The Sindhi implosives*, —BSOS, vol. 2, 1921—1923.
- Bailey IX—T. G. Bailey, *Teach yourself Urdu*, London, 1956.
- Bailey X—T. G. Bailey, *Urdu grammatical notes*, —JRAS, 1931.
- Barannikov—A. P. Barannikov, *The Ukrainian and South Russian Gypsy dialects*, Leningrad, 1933.
- Basu—D. Basu, *On the negative auxiliary in Bengali*, —IL, vol. 15, 1955.
- Beames—J. Beames, *A comparative grammar of the Modern Aryan languages of India*, vol. I—III, London, 1872—1879.
- Bhagwat—Sh. V. Bhagwat, *Phonemic frequencies in Marathi and their relation to devising a speed-script*, Poona, 1961.
- Black—G. F. Black, *A Gypsy bibliography*, London—Edinburgh, 1914.
- Bloch I—J. Bloch, *La formation de la langue marathe*, Paris, 1920.
- Bloch II—J. Bloch, *L'indo-aryen du Veda aux temps modernes*, Paris, 1934.
- Bloch III—J. Bloch, *Application de la cartographie à l'histoire de l'indo-aryen*, Paris, 1963.
- Bloch IV—J. Bloch, *Indo-Aryan from the Vedas to modern times*. English edition, largely revised by the author and translated by A. Master, Paris, 1965.
- Breton—J.-L. Breton, *Les langues de l'Inde depuis l'indépendance. Etude de géographie culturelle du monde indien: Inde-Pakistan-Ceylon-Nepal*, Aix-en-Provence, 1964.
- Burrow—T. Burrow, *The Sanskrit language*, London, 1965.
- Burton-Page I—J. Burton-Page, *Compound and conjunct verbs in Hindi*, —BSOAS, vol. 19, 1957.
- Burton-Page II—J. Burton-Page, *The gender of loan words in Hindi*, —TJV, II.
- Cardona—G. Cardona, *A Gujarati reference grammar*, Philadelphia, 1965.
- Caṭṭopādhyāy—S. Caṭṭopādhyāy, *Saral bhāṣā-prakāśaṅgālā vyākaraṇa*, Kālikātā, 1960.
- Chatterji I—S. K. Chatterji, *Bengali phonetics*, —BSOS, vol. 2, 1921—1923.
- Chatterji II—S. K. Chatterji, *Bengali self-taught*, London, 1927.
- Chatterji III—S. K. Chatterji, *Calcutta Hindustani: A study of a jargon dialect*, —IL, vol. I, pt II—IV, Lahore, 1931.
- Chatterji IV—S. K. Chatterji, *Glottal spirants and the glottal stop in the aspirates in New Indo-Aryan*, —«In honour of Daniel Jones», London, 1964.
- Chatterji V—S. K. Chatterji, *Indo-Aryan and Hindi*, Calcutta, 1960.
- Chatterji VI—S. K. Chatterji, *The origin and development of the Bengali language*, vol. I—II, Calcutta, 1926.
- Chatterji VII—S. K. Chatterji, *Recursive in New Indo-Aryan*, —IL, vol. I, pt I, Lahore, 1931.
- Clark—T. W. Clark, *Introduction to Nepali*, Cambridge, 1963.
- Cummings & Bailey—T. F. Cummings and T. G. Bailey, *Panjabi manual and grammar. A guide to the Colloquial Panjabi of the Northern Panjab*, Calcutta, 1925.
- Current Trends—«Current trends in linguistics. Ed. by Th. A. Sebeok», vol. 5, *Linguistics in South Asia*, The Hague, 1969.

- Davane — G. V. Davane, Nominal composition in Middle Indo-Aryan, Poona, 1956.
- Dimock — E. C. Dimock, Notes on stem-vowel alternation in the Bengali verb, — IL, vol. 17, 1957.
- Dostal — W. Dostal, Die Zigeuner in Österreich, Wien, 1955.
- Edgerton I — F. Edgerton, Buddhist Hybrid Sanskrit, vol. I—II, New Haven, 1953.
- Edgerton II — F. Edgerton, Sanskrit historical phonology, New Haven, 1946.
- Elizarenkova — T. Elizarenkova, About the verbal system of Hindi, — «Sumbolae Linguisticae in honorem Georgii Kurylovicz», Wrocław—Kraków, 1965.
- Emeneau I — M. B. Emeneau, The dialects of Old Indo-Aryan, — «Ancient Indo-European dialects», Berkeley and Los Angeles, 1966.
- Emeneau II — M. B. Emeneau, Dravidian and Indian linguistics, vol. I—II, Berkeley, 1962.
- Emeneau III — M. B. Emeneau, India as a linguistic area, — Lg, vol. 32, 1956.
- Ferguson — Ch. A. Ferguson, The basic grammatical categories of Bengali, — «Proceedings of the Ninth International Congress of Linguists», The Hague, 1964.
- Ferguson & Chawdhry — Ch. A. Ferguson and M. Chawdhry, The phonemes of Bengali, — Lg, vol. 36, 1960.
- Finck I — F. N. Finck, Lehrbuch des Dialekts der deutschen Zigeuner, Marburg, 1903.
- Finck II — F. N. Finck, Die Sprache der armenischen Zigeuner, SPb., 1907.
- Firth I — J. R. Firth, Phonetic observations on Gujarati, — BSOAS, vol. 20, 1957.
- Firth II — J. R. Firth, Phonological features of some Indian languages, — J. R. Firth, Papers in linguistics, London, 1957.
- Geiger I — W. Geiger, A grammar of the Sinhalese language, Colombo, 1938.
- Geiger II — W. Geiger, Literatur und Sprache der Singalesen, Strassburg, 1900.
- Ghatage I — A. M. Ghatage, Historical linguistics and Indo-Aryan languages, Bombay, 1962.
- Ghatage II — A. M. Ghatage, Phonemic and morphemic frequencies in Hindi, Poona, 1964.
- Gill & Gleason — H. S. Gill and H. A. Gleason, A reference grammar of Panjabi, Hartford, 1962.
- Goswami — S. N. Goswami, The plural suffixes in Assamese, — BPSC, vol. 4, pt 1, 1963.
- Grierson I — G. A. Grierson, Indo-Aryan vernaculars, — BSOS, vol. 1, 1917—1920.
- Grierson II — G. A. Grierson, On the Modern Indo-Aryan vernaculars (Reprinted from the «Indian Antiquary», 1931—1933), [6. m.], [6. r.].
- Grierson III — G. A. Grierson, Seven grammars of the dialects and subdialects of the Bihari language, Calcutta, 1883—1885.
- Grierson IV — G. A. Grierson, Spontaneous nasalization in the Indo-Aryan languages, — JRAS, 1922.
- Gumperz — J. J. Gumperz, Phonological difference in three Hindi dialects, — Lg, vol. 34, 1958.
- Gumperz & Naim — J. J. Gumperz, C. M. Naim, Formal and informal standards in the Hindi regional language area, — IJAL, vol. 26, № 3, pt 3, paper 13, 1960.
- Gunasekara — A. M. Gunasekara, A comprehensive grammar of the Sinhalese language, Colombo, 1891.
- Guru — Kāmtāprasād Guru, Hindī vyākaraṇ, Saṁśodhīt saṁskaraṇ, Kāśī, [sam. 2009].
- Hai — M. Abdul Hai, Aspiration in standard Bengali, — TJV, I.
- Haq — 'Abdul Haq, Qavā'id-i urdu, Bar-i caharrum, Dihlī, 1940.
- Harley — A. H. Harley, Colloquial Hindustani, With an introduction by J. R. Firth, London, 1916.
- Hoeningswald — H. M. Hoeningwald, Declension and nasalization in Hindustani, — JAOS, vol. 68, № 3, 1948.
- Hoernle — A. F. R. Hoernle, A comparative grammar of the Gaudian languages, London, 1880.
- Hrkal — E. H. Hrkal, Einführung in der mitteleuropäische Zigeunersprache mit Wörterverzeichnis, Leipzig, 1940.
- Husain — Masud Husain, A phonetic and phonological study of the word in Urdu, [Aligarh], [6. r.].
- Jain — B. D. Jain, A phonology of Panjabi as spoken about Ludhiana and a Ludhiana phonetic reader, Lahore, 1934.
- Jaiswal — M. P. Jaiswal, A linguistic study of Bundeli (A dialect of Madhya-deśa), Leiden, 1962.
- Jha — S. Jha, The formation of the Maithili language, London, 1958.

- Jones — D. Jones, A romanic orthography for Oriya, — «Siddha-Bhārati (Siddheshwar Varma Presentation Volume)», Hoshiarpur, 1950.
- Kakati — B. Kakati, Assamese, its formation and development, Gauhati, 1941.
- Kalelkar — N. G. Kalelkar, Marathi affricates: a note, — IL, vol. 25, 1964.
- Kalina — A. Kalina, La langue des tsiganes slovaques, Posen, 1882.
- Katre — S. M. Katre, Prakrit languages and their contribution to Indian culture, Poona, 1964.
- Katz — H. Katz, Versuch einer Beschreibung der deutschen Zigeuner, — «Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik», Jg. 41, H. 2, Wiesbaden, 1974.
- Kavadi & Southworth — N. B. Kavadi and F. C. Southworth, Spoken Marathi, Book I, First-year intensive course, Philadelphia, 1965.
- Kelkar — A. R. Kelkar, The category of case in Marathi. A study in method, — TJV, II.
- Kellogg — S. H. Kellogg, A grammar of the Hindi language, 3rd ed., London, 1938.
- Khubchandani — L. M. Khubchandani, Noun declensions in Sindhi and Hindi, — IL, vol. 25, 1964.
- Kochanowski — J. Kochanowski, Gypsy studies, vol. I—II, New Delhi, 1963.
- Kostov — K. Kostov, Aus der Syntax der Zigeunersprache Bulgariens, — «Балканское языкознание», IV, София, 1962.
- Kostov — K. Kostov, Zur Bedeutung des Zigeunertischen für die Erforschung grammatischer Interferenzerscheinungen, — «Балканское языкознание», XVI, София, 1973.
- Kuiper — F. B. Kuiper, Proto-Munda words in Sanskrit, Amsterdam, 1955.
- Lambert — H. M. Lambert, Marathi language course, London, 1943.
- Leland — Ch. G. Leland, The English Gypsies and their language, London — New York, 1873.
- Lienhard — S. Lienhard, Tempusgebrauch und Aktionsartenbildung in der modernen Hindi, Stockholm, 1961.
- Macdonell — A. Macdonell, Vedic grammar, Strassburg, 1910.
- Mac Ritchie — D. Mac Ritchie, Accounts of the Gypsies of India, London, 1886.
- Mehendale — M. A. Mehendale, Historical grammar of Inscriptional Prakrits, Poona, 1948.
- Mészáros — Mészáros Gy., Cigánydialektusok Magyarországon (Nyelvföldrajz), — «Janus Pannonius Múzeum évkönyve», XIV—XV, Pécs, 1974.
- Miklosich I — F. Miklosich, Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas, — DKAW, Philosophisch-historische Klasse, 1872—1880, I—XII.
- Miklosich II — F. Miklosich, Beiträge zur Kenntniss der Zigeunermundarten, — SKAW, Philosophisch-historische Klasse, 1874—1878, I—IV.
- Miltner I — V. Miltner, Early Hindi morphology and syntax, Prague, 1966.
- Miltner II — V. Miltner, From OIA passive to NIA active, — «Asian and African studies», I, Bratislava, 1965.
- Miltner III — V. Miltner, A zero morpheme in Hindi, — «Bharatiya vitya», vol. 25, pt 1—2.
- Navalkar — G. R. Navalkar, The students Marathi grammar, Poona, 1925.
- Newton — E. P. Newton, Panjabi grammar, Ludhiana, 1898 (Reprinted: Patiala, 1961).
- O'Brien — E. O'Brien, Glossary of the Multani language, or South-Western Panjabi, Lahore, 1903.
- Page — W. S. Page, An introduction to colloquial Bengali, Cambridge, 1934.
- Pandit I — P. B. Pandit, Duration, syllable and juncture in Gujarati, — TJV, I.
- Pandit II — P. B. Pandit, Nasalisation, aspiration and murmur in Gujarati, — IL, vol. 17, 1957.
- Pandit III — P. B. Pandit, Phonemic and morphemic frequencies of the Gujarati language, Poona, 1965.
- Pandit IV — P. B. Pandit, Sanskritic clusters and caste dialects, — IL, vol. 24, 1963.
- Paspati — A. Paspati, Etudes sur les Tchlinghianés ou Bohémiens de l'Empire Ottoman, Constantinople, 1870.
- Pattanayak I — D. P. Pattanayak, A controlled historical reconstruction of Oriya, Assamese, Bengali and Hindi, The Hague — Paris, 1966.
- Pattanayak II — D. P. Pattanayak, Nasal phonemes of Oriya, — TJV, II.
- Pinnow — H.-J. Pinnow, Über die Vokale im Hindi, — ZP, Jg. 7, № 1—2, 1953.
- Pischel — R. Pischel, Grammatik der Prakrit Sprachen, Strassburg, 1900.
- Platts — J. T. Platts, A Grammar of the Hindustani or Urdu language, London, 1920.
- Pobożniak — T. Pobożniak, Grammar of the Lovari dialect, Krakow, 1964.
- Pořizka — V. Pořizka, Hindština. Hindi language course, Praha, 1963.
- Pott I — A. F. Pott, Über die Zigeuner, — ZDMG, Bd 3, 1849.

- Pott II — A. F. Pott, *Die Zigeuner in Europa und Asien*, Halle, 1844—45.
 B. Prasad — B. N. Prasad, The position of the nasals in the Bhojpuri phonological system. — IL, vol. 17, 1957.
 S. Prasad — S. Prasad, Juncture and aitch in Magahi. — TJV, II.
 Proto-Indica: 1968 — Proto-Indica: 1968. Brief Report on the Investigation of the Proto-Indian Texts, Moscow, 1968.
 Rishi — W. R. Rishi, *Multilingual Romani dictionary*, Chandigarh, 1974.
 Rozwadowski — J. M. Rozwadowski, *Wörterbuch des Zigeunerndialekts von Zakopane*, Krakow, 1896.
 Saksena — B. Saksena, *Evolution of Awadhi*, Allahabad, 1937.
 Sampson — J. Sampson, *The dialect of the Gypsies of Wales*, Oxford, 1926.
 Sen — S. Sen, *A comparative grammar of Middle Indo-Aryan*, Poona, 1960.
 Sharma — M. M. Sharma, *Assamese for all or Assamese self-taught*, Jorhat, 1963.
 Sowa I — R. Sowa, *Die Mundart der slowakischen Zigeuner*, Göttingen, 1887.
 Sowa II — R. Sowa, *Wörterbuch des Dialekts der deutschen Zigeuner*, Leipzig, 1898.
 Studien für Zigeunersprache in der Tschechoslowakei. — «Wissenschaftlicher Dienst. Südosteuropa», Bd 3, II. 6, München, 1954.
 Tagare — G. V. Tagare, *Historical grammar of Apabhraṃśa*, Poona, 1948.
 Tripathi — K. B. Tripathi, The enclitic definitive '-ī' in Oriya. — TJV, II.
 Tiwari — U. N. Tiwari, *The origin and development of Bhojpuri*, Calcutta, 1960.
 Trumpp — E. Trumpp, *Grammar of the Sindhi language*, London — Leipzig, 1872.
 Turner I — R. L. Turner, *A comparative dictionary of the Indo-Aryan languages*, London, 1966.
 Turner II — R. L. Turner, *A comparative and etymological dictionary of the Nepali language*, London, 1931.
 Turner III — R. L. Turner, *Gujarati phonology*. — JRAS, 1921.
 Turner IV — R. L. Turner, *The Indo-Germanic accent in Marathi*. — JRAS, 1916.
 Turner V — R. L. Turner, *The position of Romani in Indo-Aryan*, London, 1927.
 Turner VI — R. L. Turner, *The Sindhi recursives or voiced stops preceded by glottal closure*. — BSOS, vol. 3, 1923—1925.
 Uhlik I — R. Uhlik, *Srpskohrvatsko-ciganski rečnik (Romane alava)*, Sarajevo, 1947.
 Uhlik II — R. Uhlik, *O kauzativnim glagolima u novoindijskim jezicima zaban-c urdu i romendji čhib*, Sarajevo, 1956.
 Uhlik III — R. Uhlik, *Romane čhibace*, Sarajevo, 1955.
 Uhlik IV — R. Uhlik, *Govori jugoslovenskih Cigana u okviru balkanskog jezičkog procesa*. — Materijali Centra za balkanološka ispitivanja Akademije nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, knj. 8, Sarajevo, 1973.
 Vajpeyi — K. Vajpeyi, *Hindi śāblānuśāsan*, Kāśī, 1958.
 Vale — R. N. Vale, *Verbal composition in Indo-Aryan*, Poona, 1948.
 Dh. Varma — Dh. Varma, *La langue braj (Dialecte de Mathura)*, Paris, 1935.
 S. Varma I — S. Varma, *The concept of «case» in Modern Indian languages*. — BDCRI, vol. 20, 1960.
 S. Varma II — S. Varma, *Gender in the languages of India*. — TJV, I.
 S. Varma III — S. Varma, *Nasalisation in Hindi literary works*. — JDLCU, vol. 18, 1929.
 Wackernagel — J. Wackernagel und A. Debrunner, *Altindische Grammatik*, Bd I—III, Göttingen, 1896—1954.
 Weinreich — U. Weinreich, *Functional aspects of Indian bilingualism*. — «Word», vol. 13, № 2, 1957.
 Whitney — W. D. Whitney, *A Sanskrit grammar, including both the Classical language, and the older dialects, of Veda and Brahmana*, Leipzig, 1879.
 Wilson — J. Wilson, *Grammar and dictionary of Western Panjabi as spoken in the Shahpur district*, Lahore, 1899.
 Wilslocki — H. von Wilslocki, *Die Sprache der transilwanischen Zigeuner. Grammatik. Wörterbuch*, Leipzig, 1884.
 Wolf — S. A. Wolf, *Grosses Wörterbuch der Zigeunersprache (Romani šiw)*, Mannheim, 1960.
 Woolner — A. Woolner, *Introduction to Prakrit*, Calcutta, 1917.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
 КСИБ — «Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.
 КСИНА — «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», М.
 НАА — «Народы Азии и Африки. История, экономика, культура», М.
 УЗИБ(АН) — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», М.—Л., М.

- AOр — «Archiv Orientalni», Praha.
 BDCRI — «Bulletin of the Deccan College Research Institute», Poona.
 BPSC — «Bulletin of the Philological Society of Calcutta», Calcutta.
 BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies», London.
 DKAW — «Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», Wien.
 ET — «Etudes Tsiganes. Bulletin de l'Association des etudes tsiganes», Paris.
 IJ — «Indo-Iranian Journal», The Hague.
 IJAL — «International Journal of American Linguistics», Baltimore.
 IL — «Indian Linguistics, Bulletin of the Linguistic Society of India», Lahore — Calcutta — Poona.
 JAOS — «Journal of the American Oriental Society», New York — New Haven.
 JASB — «Journal and Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», Calcutta.
 JDLCU — «Journal of the Department of Letters», Calcutta University, Calcutta.
 JGLS — «Journal of the Gypsy Lore Society», Edinburgh.
 JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
 Lg — «Language», Baltimore.
 LSI — «Linguistic Survey of India», Compiled and edited by G. A. Grierson, vol. I—XI, Calcutta, 1899—1928.
 SKAW — «Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», Wien.
 TJV — «Sir Ralph Turner Jubilee Volume», I—II («Indian Linguistics»), Madras, 1959.
 ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig.
 ZP — «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Berlin.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ав.	— авадхи	местн.-род. пад.	— местно-родительный падеж
а-м.	— ардхамагадхи	мн. ч.	— множественное число
англ.	— английский	н.	— непальский
араб.	— арабский	п.-греч.	— новогреческий
ас.	— ассамский	нем.	— немецкий
б.	— бенгальский	НИА	— новый индоарийский (повоиндийский)
болг.	— болгарский	ор.	— ория
бр.	— брадж	отложит. пад.	— отложительный падеж
венг.	— венгерский	п.	— панджабский
вин. пад.	— винительный падеж	перс.	— персидский
г.	— гуджаратский	польск.	— польский
дат. пад.	— дательный падеж	прям. пад.	— прямой падеж
ДИА	— древний индоарийский (древнеиндийский)	разг.	— разговорный
др.-инд.	— древнеиндийский	род. пад.	— родительный падеж
ед. ч.	— единственное число	рум.	— румынский
ж. р.	— женский род	с.	— синдхи
ИА	— индоарийский	сербохорв.	— сербохорватский
ИЕ	— индоевропейский	СИА	— средний индоарийский (среднеиндийский)
им. пад.	— именительный падеж	скр.	— санскрит
инкл.	— инклюзивный	словацк.	— словацкий
косв. пад.	— косвенный падеж	ср. р.	— средний род
крым. тат.	— язык крымских татар	твор. пад.	— творительный падеж
лат.	— латвийские цыгане	шаур.	— шаурасени
латыш.	— латышский	х.	— хинди
м.	— маратхский	эп.	— эпиченовый род
м. р.	— мужской род		
мах.	— махараштри		
местн. пад.	— местный падеж		

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ *

Авестийский 26, 85
 Аккадский 16, 26, 74
 Анатолийские 43, 57, 59, 86
 Английский 142, 152, 163, 178, 222, 226, 264, 266, 271, 289
 Апабхраниша 112, 132, 134, 137, 139
 Арабский 95, 190, 217, 264—269
 Ардхамагадхи 133, 138—140
 Ардхамагадхи джайнский 132
 Арийский 33, 110
 Армянский 26, 83, 94—102, 104, 108, 109, 287
 Ассамский (охомиа) 144—147, 149—153, 156, 158—160, 163, 164, 167, 170, 174, 175, 179, 182—189, 192, 193, 196—198, 200, 202, 209, 210, 212, 213, 215—218, 221, 224, 226, 231—234, 236, 238—240, 243, 244, 247, 251, 252, 255, 264, 265
 камрупи ** 179
 манг 114
 Ассирийский 95
 Бенгальский 113, 141, 143, 145—147, 150, 155, 158, 159, 163—165, 167, 168, 170, 175, 176, 179, 182—189, 192, 193, 196—200, 202, 207—210, 213, 215, 216, 221, 222, 224, 226, 230, 232—234, 236, 239—241, 243, 244, 249—252, 255, 259, 260, 264—266, 269
 диалект района Навадвипа 144
 диалект района Дакки 144
 Бихари (группа диалектов) 142, 143, 145—147, 167, 170, 173, 175, 178, 192, 193, 197, 202, 209, 217, 228, 231, 231, 243
 Бходжпури 142, 143, 163, 164, 176, 196, 206, 212, 233
 Бхили 144—146
 Ведийский (ведический) 112, 114, 115, 118, 127, 136
 Венгерский 286, 288, 296, 309, 310
 Венетский 20
 Восточноармянский 94
 Восточнороманские 286, 331

Германские 83
 Голландский 266
 Готский 20
 Греческий 42, 45, 49, 50, 51, 57—61, 70, 71, 74, 85, 94, 95, 287, 289, 329
 Гуджаратский 113, 144—147, 149—151, 154, 155, 158—160, 167, 170, 171, 173—176, 179, 181—188, 193, 196, 197, 199, 201—207, 209, 211—213, 215, 216, 219, 221, 222, 225, 227—230, 232, 234, 236—241, 243, 244, 247—253, 256—260, 264, 268
 Дардские 110, 147, 218
 Дравидийские 110, 130, 147, 263, 265, 270
 Древнеармянский (грабар) 94, 95, 98
 Древнебенгальский 141
 Древнегерманский 94
 Древнеиндийские см. Индоарийские древние
 Древнеславянский 94
 Древнехеттский 19, 34, 38
 Египетский 31
 Западноармянский 94
 Индоарийские 110—339
 Индоарийские древние 63, 72, 73, 111, 112, 114—131, 134—136, 138—141, 159, 163, 171, 189, 202, 204, 263, 268, 284—286, 296—299, 313
 Индоарийские новые 111—113, 115, 139, 141—272, 282, 284
 Индоарийские средние 111, 112, 115, 132—141, 159, 163, 171, 263, 284—286, 289
 Индоевропейские 16, 18, 20, 23, 24, 26, 32, 33, 59, 60, 64, 65, 67, 70—74, 79, 83—87, 89, 94, 95, 110, 111, 136, 219, 234, 247, 263, 270, 271, 284
 Индо-иранские 110, 111, 136, 147
 Иранские 110, 218, 283, 287

* Указатель составлен К. Н. Ереминой.

** Втяжкой выделены диалекты языка.

Ирландский 23
Исаврийский 84

Кавказские 95
Карийский 13, 14, 17, 18, 24, 45, 46,
48—74, 79, 84—89
Киликийский 46
Кимрский 289
Конкани 144, 206, 217
Критский 61
Кхандеши 144—146

Латинский 21, 39, 84, 94, 95
Латышский 287, 296, 297
Лахнда (ленди) (группа диалектов)
144—146, 173, 217

аванкари 144
бахавалпури 144
гхеби 144
джафири 144
лханни 144
кхетрани 144
лахнда шахпурский 144
пахари 144
потхвари 144
савайн 144
сирайки хипдки 144
тхали 144
хиндко 144
чибхали 144

Лидийский 13, 14, 17, 24, 35, 37, 41,
45, 46, 48—75, 79, 83—89

Ликаонский 28, 46

Ликийский 13, 17, 18, 20, 21, 23—25,
28, 32—39, 41, 42, 44, 46—90
ликийский А 13, 17—19, 25, 28,
32, 39, 41—47, 59, 62, 65, 68, 71—
79, 81, 83—89
ликийский Б 13, 17—21, 25, 28,
39, 45—47, 59, 62—66, 68—79, 81—
89

Литовский 33, 81

Лувийский 17—27, 36, 38, 41—46, 58,
61, 62, 66, 70, 71, 73, 74, 84—86, 89

Лувийский иероглифический 13, 14,
19—21, 26—46, 62, 65—68, 73—75,
78, 84—88

Лувийский клипописный 13—26, 28,
32—44

Магадхи 132—135, 138

Магахи 142, 143

Майтхили 142, 143, 177, 178, 233

Малоазийские 49—51, 55, 58

Маратхский 113, 141, 144—152, 154,
156, 158—160, 162, 163, 167, 170,
175—177, 179, 181, 182—188, 193, 196,
199, 201—204, 206—209, 211—213,
215—217, 219, 221, 222, 225—230,
232—234, 236—244, 247—250, 252, 254,
256—259, 262, 261, 265, 268

вархади 144
деши 144, 170
кокви 170
нагпури 144
халби 144

Махараштри 132, 133, 135, 137—139

Махараштри джайнский 132, 138

Махараштри классический 138
Милийский 45—47, 73, 77, 78, 80, 88—90
Мунда 110, 130, 263

Немецкий 26, 74, 89, 90, 287, 288, 309,
310, 331

Непальский (найпали, кхас-кура, горк-
хали, парбатия) 113, 145, 147, 148,
150, 158, 163, 167, 169, 170, 173, 175,
180—187, 193, 195, 197, 199, 200,
202—204, 207, 209, 211—213, 215—217,
219, 222, 224, 227—229, 231, 234,
236—241, 243, 244, 247, 249, 252, 255,
259, 264, 265, 268

Новоиндийские см. Индоарийские по-
вые

Новохеттский 19, 36—38

Ностратический 20, 60

Ория (урия, одри или уткали) 144—148,
150, 151, 158—160, 163, 164, 167,
169—171, 173, 175, 182—189, 192,
196—198, 200, 202, 209, 210, 212, 213,
215—217, 222, 221, 226, 232, 233, 236,
238—241, 243, 244, 248—253, 255, 259,
260, 264, 265
бхатри 144

Пайшачи 133, 131

Палайский 13—23, 37, 46, 67

Пали 112, 132—135, 138, 140, 244, 271

Памфилийский 51

Панджабский 144—147, 150, 151, 153—
156, 158, 160, 164, 167, 169—189,
193, 196, 198, 199, 201—204, 206—209,
211, 213, 215—217, 221, 222, 225,
227—229, 232, 234—240, 243, 244,
246—249, 251, 252, 256, 260, 264, 265,
268

бхатеали 144
бхаттиани 144
доаби 144
догри 144
кангри 144
кандиали 144
маджхи 144
малваи 144
пуади 144
ратхи 144

Паракарийский 48, 49, 51, 54, 55

Паралидийский 48, 50, 54

Парь 142, 147, 193, 203, 218

Пахари (группа диалектов) 143—145,
146, 181, 193

багхати 143, 212, 217
бхадравахи 143
гархвали 143
джаупсари 143
киуптхали 143, 217
кулуи 143
кумаоли 143
мандеали 143
сирмаури 143
чамаали 143
шодочи 143

Персидский 59, 95, 142, 177, 189, 190,
204, 217, 248, 264—269, 285

Писидийский 13, 28, 46, 49, 72

Поздневедийский 114, 115
 Позднекарийский 51, 61
 Позднелувийские 46
 Поздихеттские 17
 Польский 287, 288, 309, 310, 328, 331
 Португальский 266
 Пракрит из Ния 132—134
 Пракриты 111—113, 115, 132—140
 Раджастхани (группа диалектов) 141—
 143, 145, 146, 150, 151, 153—155, 175,
 181, 188, 193, 202, 203, 268
 аджмери 143
 ахирвати (хирвати) 143
 багри 143
 биканери 143
 джайпури 143
 малви 143
 марвари 143, 152—154, 157
 мевари 143, 153, 154
 мевати 143
 нимади 143
 рангри (раджвари) 143
 хараути 143, 152, 154, 168, 193
 Родийский 271
 Румынский 286, 287, 289, 309
 Русский 14, 21, 26, 28, 29, 50, 63, 70,
 72, 74, 77, 79, 81, 90, 95, 99, 178,
 260, 266, 270, 285, 287, 309
 Санскрит 21, 60, 63—65, 69, 72, 73, 86,
 94, 111—131, 133—136, 140, 142, 149,
 151, 154, 158, 165, 169, 189, 190, 193,
 195, 202, 204, 207, 217, 221, 248,
 263—269, 271, 297
 Санскрит буддийский гибридный 113,
 115, 132, 133
 Санскрит ведический 114
 Санскрит классический 115—131, 140,
 169
 Санскрит эпический 115
 Североиндийские 147—270
 Северосемитский 49—52, 56
 Семитские 49, 50, 55, 56, 72, 74
 Сербохорватский 286
 Сидетский 13, 19, 20, 28, 46, 49, 54,
 58, 62, 65, 66, 68—70
 Сингальский 142, 145, 147, 270—282
 Синдхи 113, 117, 144—148, 150, 151,
 153—158, 162—164, 167, 170—175, 178,
 182—185, 188—190, 193, 196, 197, 199,
 201—204, 206, 207, 209, 211—213,
 215—218, 221, 222, 225, 226, 228—230,
 232—244, 246—249, 251, 252, 256, 259,
 264, 265, 268
 виноли 145
 каччи 145
 лари 145
 ласи 145
 сирайки 145
 тхарели 145
 Сирийский 95
 Славянские 95, 330
 Словацкий 296, 331
 ляшские говоры 296
 Среднеиндийские см. Индоарийские
 средние

Старославянский 21, 68

Таджикский 193
 Тамильский 270
 Тибето-бирманские 147, 265
 Тюркские 95

Украинский 17, 289

Умбровский 23

Урду 142, 143, 150, 151, 153, 167,
 172, 175, 177, 189, 190, 263, 265, 266,
 269

Финикийский 51, 55, 56

Финский 289

Французский 179, 266

Фригийский 95

Хаттский 14

Хетто-лувийские 13, 17, 18, 22, 24—
 26, 28, 32—35, 38, 42—48, 50, 57,
 58, 60—62, 64—68, 70—74, 79—84,
 89, 90

Хеттский 13, 16—25, 31—47, 57—60,
 62—73, 75, 76, 79—89, 95

Хинди 113, 141—143, 145—147, 149—151,
 153, 158, 159, 164, 167, 169, 170—190,
 192, 193, 195, 196, 198—200, 202—
 204, 206, 207, 209, 211—216, 220—222,
 225—230, 232—234, 236—240, 243,
 244, 246—252, 254, 256—260, 263—
 266, 268—270

хинди восточный (группа диалек-
 тов) 143, 145, 146, 167, 175, 193,
 202

авадхи 142, 143, 167, 169,
 175, 178, 196, 202, 206, 217, 255

багхели (багхелкханди) 143

байсвари 143

косали 143

кхалтахи 143

лари 143

ривани 143

чхаттисгархи 143, 144

хинди западный (группа диалек-
 тов) 143, 145, 146, 167, 175, 176,
 193

антарбеди 143

бапгару 143

брадж (брадж бхакха) 142, 143,
 153, 169, 178, 202, 212, 217,
 237, 240

бундели (бунделкханди) 143, 202,
 212, 217

джату 143

капауджи 143

кхари боли или территориальный
 хиндустани 143

хариани 143

Хурритский 16, 26

Цыганский (группа диалектов) 113,

142, 145—147, 283—332

цыган Армении 285, 297—299

цыган Европы 284, 285, 296—299,
 305, 329

венгерских цыган 285—288, 293,

294, 296, 297, 303—306, 308—314, 316—329
 влашских цыган Румынии и Молдавии 285, 286, 288, 289, 293—297, 301—304, 307—309, 312—323, 325—331
 влашских цыган Югославии 285, 286, 288, 289, 293—296, 301, 302, 307, 312, 313, 316—323, 325—331
 лрындари 285—288, 293—296, 301, 303, 304, 306, 312, 313, 315, 316, 318—323, 325—329
 ерлидс 285, 287, 289, 293, 294, 296, 297, 303—306, 308, 312, 314—429
 кэллэрари 285, 286, 288, 289, 293—297, 301—304, 307—309, 312—330
 крымских цыган 285—289, 293, 294, 295, 297, 304—305, 308—312, 315, 316, 318—323, 325—329, 331
 латвийских цыган 285, 287, 288, 293—295, 297, 303—306, 308, 309, 311, 312, 316—323, 325—329, 331
 ловари 285, 286, 289, 293—297, 301—305, 307—309, 312—330
 немецких цыган 285—288, 293—295, 297, 303, 304, 305, 308—310, 312—314, 316, 318—331
 польских цыган 285, 287, 288, 293—295, 297, 303—305, 308, 309, 311—314, 316, 328, 331
 русских цыган 285—288, 293—

295, 297, 303—306, 308, 309, 311—314, 316—328, 330
 словацких цыган 285—288, 293—297, 303—306, 308, 309, 311, 312, 314—323, 325—329, 331, 332
 урсари 285, 287, 293, 294, 296, 297, 304, 306, 308, 312, 314—316, 318—329
 финских цыган 285, 286, 288, 289, 293, 294, 296, 303, 307, 316, 318—320, 323, 328
 цыган лесобережной Украины 285, 286, 288, 289, 293—297, 303, 304, 307, 308, 312, 316, 318—328
 цыган правобережной Украины 285, 286, 288, 293—297, 303, 307, 316, 318—323, 325, 326, 328, 330
 цыган Уэльса 285, 288, 289, 293, 294, 295, 303, 307, 316, 318—320, 328
 цыган Передней Азии 285
 цыган Сирии 285, 297—299

Чешский 296

Шаурасени 132, 133, 135, 137—139

Шаурасени джайнский 132

Шведский 289

Шумерский 16, 30, 31

Южпосемитский 49—52, 55

Язык крымских татар 309

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. И. Конрад. От редакции</i>	5
<i>Г. П. Сердюченко. Об издании «Языки Азии и Африки»</i>	9
Индоевропейские языки	
Хетто-лувийские языки (<i>А. А. Королев</i>)	13
Армянский язык (<i>А. С. Гарибян</i>)	94
Индоарийские языки (<i>Г. А. Зограф</i>)	110
Древние индоарийские языки (<i>Г. А. Зограф</i>)	114
Средние индоарийские языки (<i>Г. А. Зограф</i>)	132
Новые индоарийские языки (<i>Г. А. Зограф</i>)	141
Северноиндийские языки (<i>Г. А. Зограф</i>)	148
Сингальский язык (<i>В. В. Выхухолов</i>)	271
Диалекты цыганского языка (<i>Т. В. Вентцель, Л. П. Черников</i>)	283
Указатель языков	340

ЯЗЫКИ АЗИИ И АФРИКИ

Индоевропейские языки

Утверждено к печати Институтом востоковедения Академии наук СССР

Редакторы *Л. М. Белоусов, Е. К. Борисова*. Младшие редакторы *Н. П. Губина, Д. Ш. Хесина*
 Художник *Л. С. Эрмин*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *С. В. Цаст-кова*. Корректор *Г. В. Стругова*

Сдано в набор 21/III 1974 г. Подписано к печати 16/III 1976 г. А 03637. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бум. № 1
 Печ. л. 21,5. Усл. п. л. 30,1. Уч. изд. л. 28,99. Тираж 1500 экз. Изд. № 2790. Зак. № 266. Цена 3 р.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
 Москва, Центр, Армянский пер., 2
 3-я типография издательства «Наука», Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
164	19-я св.	бенгальском / /	бенгальском /æ/
180	28-я сн.	низкий	низкий
250	15-я св.	ghaṭigāchila	ghaṭiyāchila
298	24 св.	ЦЦ kṛṣṭ	ЦЦ kṛṣṭ
302	8-я сн.	phen	phen'-d
319	3-й стлб.	k'er-d'-óm	k'er-g'-óm
	по горизон- тали 12-я строка св.		
"	4-й стлб.	k'er-d'-án	k'er-g'-án
	по горизон- тали 12-я строка св.		
"	5-й стлб.	k'er-d'-ás	k'er-g'-ás
	по горизон- тали 12-я строка св.		
"	6-й стлб.	k'er-d'-ám	k'er-g'-ám
	по горизон- тали 12-я строка св.		
320	4-й стлб.	ker-ā-ha	ker-é-ha
	по горизон- тали 10-я строка св.		
"	4-й стлб.	-ā-s	-é-s
	по горизон- тали 17-я строка св.		
"	4-й стлб.	cer-ā-ha	cer-é-ha
	по горизон- тали 7-я строка сн.		
338	30-я сн.	jugoslovenskin	jugoslovenskih
339	24-я св.	Zeitschrift	Zeitschrift